

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
МЕЖСЛАВЯНСКИХ
КУЛЬТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXVI

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

*К семидесятилетию
академика
Михаила Николаевича
ТИХОМИРОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный редактор),
И. К. Бунина, И. Ф. Балза, Л. Б. Валес, Л. Э. Калнынь,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Л. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский,
Б. Ф. Стахеев

В. Д. Королюк

**АКАДЕМИК М. Н. ТИХОМИРОВ
КАК ИСТОРИК-СЛАВИСТ**

М. Н. Тихомиров принадлежит к тому поколению советских историков-славистов, многообразная и плодотворная научная, организационная и преподавательская деятельность которых неразрывно связана с возрождением и подъемом исследований в области славяноведения на основе марксистско-ленинской методологии, происшедшим в конце 30 — начале 40-х годов. Совершенно очевидно, конечно, что этот резко обозначившийся перелом был обусловлен целым рядом объективных явлений в общественно-политической и научной жизни Советского Союза. Обращение к прошлому славянских народов в советской исторической науке диктовалось, во-первых, политической обстановкой 30-х годов, когда германский империализм безнаказанно справлял в Европе чудовищные кровавые оргии, и весьма актуальной стала борьба с расистской идеологией немецкого фашизма, обрекавшего в своих планах великое славянское племя на физическое уничтожение или на превращение в безликую массу рабов, говорящих орудий, обслуживающих нацию господ и воинов, и во-вторых — успехами советской исторической науки, особенно в области изучения истории СССР. Советские историки-марксисты создали к рассматриваемому периоду основы научной периодизации истории СССР и разработали основные элементы, характеризующие восточнославянский исторический процесс. В связи с этим стал возможным марксистский анализ главных направлений исторического развития южно- и западнославянских народов, исторически теснейшим образом связанных с судьбами России, Украины и Белоруссии.

Именно этим, очевидно, и следует объяснять то обстоятельство, что главную роль в подъеме историко-славистических исследований в СССР сыграли прежде всего историки СССР, такие видные представители нашей науки, как академики Б. Д. Греков и В. И. Пичета, сумевшие совместить в своей творческой деятельности глубокую разработку проблем восточно-европейского исторического процесса и изучение исторического прошлого зарубежных славянских народов. К числу этих историков принадлежит и М. Н. Тихомиров, который уже тогда, в 30—40-х годах, был одним из ведущих специалистов в области истории СССР феодального периода, блестящим знатоком древнерусской письменности, палеографии, источниковедом и издателем исторических памятников. В 1939 г. он являлся профессором Московского университета, а в 1946 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Бесспорная заслуга академика М. Н. Тихомирова перед советской наукой в том, что он был в числе первых наших ученых, сумевших

понять политическую и научную важность развития в СССР историко-славистических (как и византинистических) исследований. Вместе с научной и преподавательской деятельностью Б. Д. Грекова, Н. П. Грацианского, Н. С. Державина, З. Р. Неедлы и В. И. Пичеты, труды М. Н. Тихомирова как исследователя и преподавателя определили перелом в развитии советского славяноведения конца 30 — начала 40-х годов, его расцвет в 40—50-х годах и создание большой школы советских историков-славистов, играющей сейчас видную роль в мировой славяноведческой науке. С советской школой историков-славистов М. Н. Тихомиров связан неразрывно как исследователь, разрабатывающий важнейшие вопросы межславянских исторических связей и борьбы славянских народов с иноземной агрессией, как преподаватель, передающий молодому поколению исследователей свой опыт работы и свои знания, и как один из видных организаторов советской исторической науки, своим авторитетом, знаниями, советом и опытом постоянно помогающий советским славистам искать и находить, отстаивать и усовершенствовать важнейшие организационные формы их работы.

Охватывая мысленным взором сорокапятилетний творческий путь академика М. Н. Тихомирова (его первое исследование было опубликовано в 1919 г.)¹, дивясь не только многообразию и широте научных интересов ученого, но прежде всего его верности основным, так сказать, магистральным проблемам исторического процесса. Не мелкие, хотя подчас и очень интересные и даже характерные, а крупные, общественно и научно значимые, первостепенные с точки зрения исследования путей общественного прогресса проблемы являлись и являются темами всех крупных работ М. Н. Тихомирова. Он рассматривает происхождение феодальной государственности, возникновение и развитие городов и городского строя, классовую борьбу крестьянства и горожан, исторические связи между народами, их борьбу против иноземного гнета.

Эти широкие, разрабатываемые в крупном плане исследования, как правило, сопровождаются большой источниковедческой работой и подготовкой новых публикаций важных исторических источников, введением в научный обиход новых материалов, критическим пересмотром старых взглядов на тот или иной источник и выработкой новых, всегда оригинальных, хотя может быть иногда и спорных, воззрений на него. Анализ исторического явления или процесса оказывается, таким образом, надежно подкрепленным заново изученной или расширенной документальной и источниковедческой базой.

Все это — и умение выбрать наиболее актуальную с научной точки зрения тематику, и самое пристальное внимание к документально-источниковедческой базе исследования, и редкий талант охватить сразу, выявить и объяснить наиболее важное, определяющее в изучаемом явлении — бесспорно, определяют новаторский характер основных работ М. Н. Тихомирова и их непреходящую ценность для исторической науки.

М. Н. Тихомиров является историком СССР, историографом русского народа — самого большого в многомиллионном славянском племени. Ему он посвятил все свои основные исследования, за его судьбой он с любовью следит, безотносительно к тому, являются ли предметом его исторических раздумий далекие времена раннего средневековья, когда только что еще формировалось само понятие «Русь», «Русская земля»², или внимание

¹ М. Н. Тихомиров. Псковский мятеж XVII века. Из истории борьбы общественных классов в России. — «Культурно-бытовые очерки по мировой истории», серия А, М., 1919, вып. 5.

² М. Н. Тихомиров. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». — «Советская этнография», сб. VI—VII, 1947.

его поглощают сложные и слабо изученные связи России с Туркменией в XIX в.³ В качестве историка СССР, авторитетнейшего специалиста по истории России феодального периода М. Н. Тихомиров является историком-славистом в широком смысле слова, а его труды занимают видное место в современном мировом славяноведении.

Но наряду с понятием славяноведения в широком смысле этого слова, существует еще и принятое в славянских странах понятие славяноведения, когда под этим термином подразумевается изучение истории, культуры и языка зарубежных славянских народов. В таком узком смысле, как правило, употребляется термин «славяноведение» и у нас, в СССР, о чем лучше всего свидетельствует научный профиль центрального советского славистического научного учреждения — Института славяноведения АН СССР.

Поэтому, говоря о крупном вкладе академика М. Н. Тихомирова в мировое славяноведение, важно подчеркнуть большое значение его работ для развития марксистских историко-славистических исследований в СССР и в принятом у нас более узком смысле понятия славяноведения. При этом речь должна идти не только о тех трудах ученого, которые прямо и по преимуществу посвящены историческим судьбам зарубежных славянских народов. Целый комплекс источниковедческих работ М. Н. Тихомирова и осуществленных им или при его участии публикаций серьезно расширяют и углубляют документальную базу для изучения важных процессов, происходивших в раннефеодальных западнославянских обществах. Поскольку письменные источники западнославянского происхождения чрезвычайно бедны для этого времени, особенно важное значение для исследований социальных процессов, происходивших в этих странах в раннефеодальный период их истории, приобретают источники русского происхождения, русский сравнительно-исторический материал, без которого сейчас просто невозможно обойтись при реконструкции сложных процессов феодализации западнославянского общества. Русская правда и русские летописи (в последних содержится и материал, прямо относящийся к истории зарубежного славянства) оказываются, таким образом, источниками первостепенного значения для историков Польши или Чехии раннефеодального периода. Данные этих источников, взятые с учетом стадийной близости и родства западнославянского и восточнославянского исторических процессов X—XI вв., помогают понять и объяснить некоторые чрезвычайно сложные, иногда непонятные или неясные без подобного сравнения данные западнославянских или западноевропейских источников. Между тем именно этим источникам — Русской правде и русским летописям — посвятил М. Н. Тихомиров большое число своих исследований и публикаций, которыми широко пользуются и будут пользоваться историки, изучающие раннее средневековье у западных и южных славян⁴.

Не меньшим вкладом в изучение зарубежного славянства эпохи раннего средневековья являются широкие обобщающие труды, которые посвятил М. Н. Тихомиров таким важным проблемам истории Киевской

³ М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

⁴ См. «Правда Русская, т. I. Тексты. Подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин под ред. Б. Д. Грекова», М.—Л., 1940; «Русская правда. Вступительная статья и комментарий к тексту М. Н. Тихомирова», М., 1941; М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953; его же. Крестининский список Русской правды. — «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940; А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Текст подготовил А. Н. Насонов под ред. М. Н. Тихомирова», М.—Л., 1950; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941; его же. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М.,

Руси, как происхождение и развитие городов и городского строя на Руси⁵ или классовая борьба древнерусского крестьянства и горожан⁶. Для специалиста по истории зарубежного славянства важны в них не только страницы, характеризующие политические, экономические и культурные связи Руси с другими славянскими странами. В первую очередь его внимание неизбежно привлекает данный автором анализ исторического значения народных движений для общественного развития Древней Руси, широко написанная им картина зарождения и развития города как центра ремесла и торговли.

Разработав на примере Киевской Руси историю происхождения славянского города, показав, что на Русь действовали те же закономерности, которые привели к образованию городов в странах Западной Европы, изучив активную роль городского населения и его классовой борьбы в деле оформления типичных для феодальной эпохи черт городского строя, М. Н. Тихомиров создал тем самым твердую базу для историков западнославянского города, положение которых крайне осложняется необычайной скудостью источников по истории городской жизни вплоть до самого момента оформления в западнославянских странах городского строя, складывавшегося в сложных условиях рецепции и переработки так называемого немецкого права.

Закономерности, твердо установленные на основании источников для Западной и Восточной Европы, дают возможность с большой степенью точности восстанавливать утраченные звенья истории западнославянских городов X—XI вв. Именно поэтому основополагающие работы М. Н. Тихомирова по истории древнерусских городов и городской жизни, ярко показывающие активную политическую роль, сыгранную городом в общественном прогрессе древней Руси, нашли такой широкий отклик среди зарубежных славянских историков⁷.

Характеристика трудов М. Н. Тихомирова по истории России, имеющей первостепенное значение для изучения исторических судеб зарубежных славянских народов, будет далеко не полной, если не коснуться его исследований, посвященных периоду феодальной раздробленности, эпохе возвышения Москвы, возникновения великорусской народности и образования и развития централизованного Российского государства, русской культуре этого времени, хотя соответствующие эпохи истории зарубежных славянских народов в достаточной мере, иногда даже лучше, чем история России, обеспечены материалом источников.

1940; его же. О частных актах в Древней Руси.— «Исторические записки», т. 7, 1945; его же. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы» («Труды ОДРЛ»), вып. IX, 1953; его же. Забытые и неизвестные произведения русской письменности.— «Археологический ежегодник за 1960 г.», М., 1962; его же. Русские летописи, вопросы их издания и изучения.— «Вестник АН СССР», 1960, № 8; его же. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X—XVII вв.).— «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955; его же. Начало русской историографии.— «Вопросы истории», 1960, № 5; «The origins of christianity in Russia».— «History», vol. XLIV (1959). Подробную характеристику этих работ см. в статье А. А. Зимина «Древняя Русь в трудах академика М. Н. Тихомирова», публикуемой в настоящем томе.

⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города.— «Ученые записки МГУ», вып. 99, 1946 (второе, значительно расширенное издание этой книги появилось в 1956 г.); его же. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI—XV вв.).— «Вопросы истории», 1945, № 1; его же. Ремесленники и ремесленные объединения в Киевской Руси.— «Ученые записки МГУ», вып. 87, 1946.

⁶ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

⁷ См. «Kwartalnik Historyczny», г. LXIV (1957), № 1; «Przegląd Historyczny», т. XLVIII (1958), № 3; «Archeologia», Warszawa, 1953, t. IV; «Československý časopis historický» г. VI, 1958, № 2; «Исторический преглед», 1948, № 4—5.

Однако роль, сыгранная русским народом в истории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, настолько велика и примечательна, его самобытное культурное развитие настолько показательно, а исследования М. Н. Тихомирова по истории Москвы, Новгорода Великого, борьбы русского народа против германской агрессии на востоке в средние века, борьбы за право на свободное национальное развитие против татарского ига настолько богаты фактическим материалом и исследовательскими наблюдениями⁸, что без них немислимо обобщение и осмысление не только русской истории XIII—XVI вв., но и восточно-европейского исторического процесса в целом в этот период.

М. Н. Тихомиров принадлежит к блестящей плеяде историков СССР, в 30—50-х годах сотрудничавших с академиком Б. Д. Грековым, вместе с ним и под его руководством трудившихся над созданием марксистской периодизации истории СССР феодального периода и разработавших основные вопросы марксистской концепции феодализма на Русси. Поэтому, может быть, так отчетливо выступает и та несомненная близость значения трудов М. Н. Тихомирова по истории России для исследования вопросов феодального развития зарубежных славянских народов к капитальным трудам Б. Д. Грекова, посвященным истории Руси и истории русского крестьянства до середины XVII в.

⁸ Речь идет о работах М. Н. Тихомирова по истории Руси XIII—XVI вв. См.: «Древняя Москва (XII—XV вв.)», М., 1947; основанное на этой книге исследование «Средневековая Москва в XIV—XV веках» (Изд-во МГУ, 1957) представляет, в сущности, самостоятельный новый труд; «Начало возвышения Москвы». — «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1944, № 1; «Московские третники, тысячные и наместники. Из истории феодальной раздробленности XIV—XV вв.» — Там же, 1946, № 4; «Основание Москвы и Юрий Долгорукий». — Там же, 1948, № 2; «История Москвы», т. I, М., 1952, гл. I (§ 2—4) и гл. II; «Великий Новгород в истории мировой культуры». — «Вопросы истории», 1960, № 1; «Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв.» — Там же, 1946, № 9; «Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига». — «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3; «Начало московского книгопечатания». — «Ученые записки МГУ», вып. 41, 1940; «Монастырь-вотчинник XVI в.» — «Исторические записки», т. 3, 1938; «Сражение на Неве». — «Военно-исторический журнал», 1940, № 7; «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв.», изд. 2-е, М., 1942; «Борьба русского народа за выход к морю в XIII—XVII вв.» — Сб. «Русское военно-морское искусство», М., 1951; «О месте Ледового побоища». — «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1950, № 1; «Из истории борьбы русского народа за выход к морю». — «Военная мысль», 1950, № 2; «Куликовская битва 1380 г.» — «Вопросы истории», 1955, № 8 и др. К этой же группе работ примыкает только что вышедшее капитальное исследование о России XVI в., а также «Псковский мятеж XVII в.» (М., 1949); «Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века», М.—Л., 1935; «Новгородское восстание 1650 г.» — «Исторические записки», т. 7, 1940; «Значение древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов». — «Вопросы истории», 1954, № 6 и целая серия источниковедческих исследований и публикаций: «Документы Земского собора 1650 г.» — «Исторический архив», 1958, № 4—6; «Заметки земского дьячка второй половины XVII века». — Сб. «Исторический архив», т. II, М., 1939; «О Вологодско-Пермской летописи». — «Проблемы источниковедения», М.—Л., 1940; «Летописные памятники бывшего Синодального (Патриаршего) собрания». — «Исторические записки», т. 13, 1942; «Сказания о падении Москвы». — Там же, т. 3, 1950; «Где и когда было написано „Слово о погибели Русской земли“». — «Труды ОДРЛ», вып. XIII, 1951; «Рукописи Новгородского музея». — «Новгородский исторический сборник», 1939, вып. 5; «Новгородский хронограф XVII века». — Там же, 1940, вып. 7; «Малоизвестные летописные памятники XVI века». — «Исторические записки», т. 10, 1941; «Из Владимирского летописца». — Там же, т. 15, 1945; «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», М.—Л., 1948 [совместно с А. А. Зиминим]; «Новый источник по истории восстания Болотникова — „Казанское сказание“». — «Исторический архив», т. VI, 1951; «Малоизвестные летописные памятники». — Там же, т. VII, 1951. При участии М. Н. Тихомирова было издано два тома «Полного собрания русских летописей» — т. XXV («Московский летописный свод конца XV века», М.—Л., 1949) и т. XXVI («Вологодско-Пермская летопись», М.—Л., 1959).

Блестящий знаток истории СССР, ученый-патриот, М. Н. Тихомиров, оставаясь прежде всего историком русского народа, уже с 30-х годов начал систематически разрабатывать и проблематику, связанную с изучением исторического прошлого зарубежного славянства.

Выбор тем для славяноведческих исследований М. Н. Тихомирова в большой мере определялся его научными интересами как историка СССР, его несравненными знаниями в области старой русской письменности, накопленным годами труда опытом палеографа и источниковеда. Но именно эти его знания и опыт и определили тот факт, что в советское славяноведение М. Н. Тихомиров с самого начала вошел как один из ведущих ученых-славистов, как оригинальный исследователь с вполне сложившимся кругом научных занятий. Как палеографа его, естественно, интересовали вопросы происхождения славянской письменности, которым посвящена одна из недавно опубликованных работ⁹; как знатока старой русской литературы и источниковеда, внимание М. Н. Тихомирова привлекали источники, сохранившиеся в русских рукописных сборниках, но по происхождению своему связанные с историей зарубежных, точнее, южных славян¹⁰. Наконец, как историк России и русской культуры, М. Н. Тихомиров создал целый комплекс широких, построенных на большом архивном материале исследований, характеризующих многообразные экономические, культурные и политические связи Руси с другими славянскими странами в феодальную эпоху.

В этих исследованиях были затронуты вопросы связей русского народа и Русского государства с западными славянами¹¹. Но главное внимание ученого было отдано изучению проблем русско-южнославянских связей, оставивших столь яркие следы в памятниках нашей старой письменности. Начиная с 1941 г.¹² и вплоть до самого последнего времени, М. Н. Тихомиров регулярно публикует свои всегда чрезвычайно содержательные и оригинальные по выводам исследования по широкому кругу вопросов, возникающих при изучении многовекового, сложного и богатого своими проявлениями общения восточных и южных славян.

Так, им, в частности, впервые подробно был изучен и проанализирован факт обратного воздействия древнерусской литературы на южнославянскую в XI—XII вв.¹³ Большая серия работ М. Н. Тихомирова, посвященных истории русско-южнославянских связей, которые убедительно характеризуются как яркий пример «братской поддержки народов, широкого обмена культурными достижениями, основанного не на завоевании или насилии, а на общности исторических судеб и взаимных интересов»¹⁴, могла бы составить большой и чрезвычайно интересный сборник, отсутствие которого так явно ощущается в нашей славистической литературе¹⁵.

⁹ М. Н. Тихомиров. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — «Вопросы истории», 1959, № 4.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Именик болгарских князей. — «Вестник древней истории», 1946, № 3.

¹¹ «Список русских городов дальних и ближних». — «Исторические записки», т. 40, 1952; «Начало книгопечатания в России». — В кн.: «У истоков русского книгопечатания», М., 1959.

¹² «Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время». — «Исторический журнал», 1941, № 10—11; «Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV—XVI вв.». — Там же, 1941, № 12.

¹³ «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.». — «Славянский сборник», М., 1947, стр. 165 и сл.

¹⁴ Там же, стр. 201.

¹⁵ Помимо работ, отмеченных ранее, назовем еще ряд работ М. Н. Тихомирова, входящих в этот круг его исследований: «Византия и Московская Русь». — «Исторический журнал», 1941, № 10—11.

Заканчивая эту краткую характеристику М. Н. Тихомирова как историка-слависта, необходимо отметить еще весьма характерное для него, как и для каждого крупного медиевиста (ближайшим примером здесь могут служить труды Б. Д. Грекова по истории славянского права), обращение к тематике сравнительно-исторической. Осуществленное недавно М. Н. Тихомировым (совместно с Л. В. Миловым) первое критическое издание «Закона судного людям»¹⁶ поставило изучение этого интереснейшего памятника древнего славянского права на твердую научно проверенную базу, а помещенное в той же публикации исследование М. Н. Тихомирова намечает новые пути решения многократно обсуждавшихся в литературе проблем происхождения памятника. Широкая программа сравнительно-исторических исследований в области изучения терминологии славянских памятников была намечена М. Н. Тихомировым в его собравшем многочисленную аудиторию докладе¹⁷ на первом Всесоюзном координационном совещании по вопросам славяноведения, состоявшемся в Москве в январе 1961 г.

Наконец, нельзя не отметить, что под руководством и по инициативе академика М. Н. Тихомирова в СССР впервые была организована систематическая публикация средневековых памятников по истории народов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Речь идет об издании рассчитанной на длительный промежуток времени серии источников под общим названием «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»¹⁸.

Большие заслуги М. Н. Тихомирова перед советской исторической наукой, перед советским и мировым славяноведением давно признаны не только в СССР, но и за границей. М. Н. Тихомиров является действительным членом Академии наук СССР и Академии наук Польской Народной республики. Его труды переводятся на иностранные языки, широко рецензируются и обсуждаются.

Высокий научный авторитет и всеобщее признание, которым пользуется М. Н. Тихомиров среди советских славистов, является не только данью уважения к нему как старейшему историку-слависту, патриарху советского славяноведения, сотруднику и продолжателю дела Б. Д. Грекова и В. И. Пичеты. Советские слависты ценят не только его блестящее искусство исторического анализа, дающееся годами упорного труда и всепоглощающей любви к науке, не только вдохновенный дар исторического синтеза, но и бескорыстную, не знающую границ творческую щедрость, редкую отзывчивость к чужому научному поиску, те теплые искры, которые загораются в глазах старого ученого, когда он видит во взгляде молодого собрата огонь научной пытливости.

ческий журнал», 1945, № 1—2; «Иван Грозный и Сербия». — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 1, 1945; «Боян и Троянова земля». — В сб. «Слово о полку Игореве», М., 1950; обзор: «О некоторых болгарских исторических трудах» — «Вопросы истории», 1948, № 6; Рецензия на книгу Н. С. Державина «Племенные и культурные связи болгарского и русского народов». — «Исторический журнал», 1945, № 2 и др.

¹⁶ «Закон Судный людям Краткой редакции. Под ред. академика М. Н. Тихомирова». М., 1961; «Закон Судный людям Пространной редакции. Под ред. академика М. Н. Тихомирова», М., 1961.

¹⁷ «Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами из других славянских и неславянских источников». — «Краткие сообщения. Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 33—34, 1961.

¹⁸ К середине 1962 г. в этой серии были изданы следующие памятники: Феодор Лакт. Симокатта. История. М., 1957; «Две византийские хроники X в.», М., 1959; Иордан. О происхождении и деяниях гот. Getica. М., 1960; Галл. Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961; Лаврентий из Бржезвой. Гуситская хроника. М., 1962; В Институте истории и Институте славяноведения АН СССР продолжается работа по подготовке к печати новых томов серии.

А. А. Зилин

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В ТРУДАХ академика М. Н. ТИХОМИРОВА

В многообразной и яркой творческой деятельности академика М. Н. Тихомирова трудно выделить какую-либо тему по истории России и славянских стран, которой бы он отдавал предпочтение. Но несомненно, что его труды по истории Киевской Руси — новый этап в советской историографии древнерусской истории.

К начальным страницам истории русского народа ученые обратились уже на заре советской историографии. И это совершенно естественно: ведь само утверждение феодальных отношений в России, которые отрицались буржуазными и дворянскими историками, произошло уже в период становления древнерусского государства. Еще в 20-х годах бытовали представления о Киевской Руси, как о торговом государстве, навеянные В. О. Ключевским. Не были изжиты взгляды норманистов, объяснявших возникновение государства на Руси деятельностью варягов, а не сдвигами, происшедшими в социально-экономическом строе восточных славян. Да и в трудах М. Н. Покровского, много сделавшего для критики дореволюционной историографии и утверждения марксистского понимания русского исторического процесса, Киевская Русь рисовалась обществом, которое не знало еще общественных классов и возглавлялось князьями — воинами и работорговцами¹.

Утверждение марксистского понимания Киевской Руси как общества феодального, связано с работами Б. Д. Грекова² и С. В. Юшкова³ и дискуссиями 30-х годов, когда решительно была отвергнута точка зрения И. И. Смирнова, А. В. Шестакова и некоторых других историков, утверждавших существование рабовладельческой формации на Руси IX—XI вв.

Многочисленные исследования и публикации М. Н. Тихомирова по истории Древней Руси явились продолжением работ Б. Д. Грекова и других советских ученых, заслуги которых М. Н. Тихомиров всегда подчеркивает.

¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932, стр. 23—24.

² Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в Древней Руси. — «Известия ГАИМК», вып. 86, 1934; его же. Киевская Русь (выдержала много изданий) и др.

³ С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», 1925, кн. 3, вып. 4; его же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

В статье, написанной к пятилетию со дня смерти Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомиров отмечает, что Б. Д. Греков «впервые переместил центр тяжести с политической истории на историю социально-экономическую, впервые поставил вопрос о том, к какой формации принадлежала Киевская Русь, и доказал, что это была феодальная формация»⁴. Труды Б. Д. Грекова, писал М. Н. Тихомиров, «живут и будут служить источником знания и вдохновения на многие годы»⁵. Особенно высоко оценивает М. Н. Тихомиров обобщающий труд Б. Д. Грекова по истории Киевской Руси⁶.

М. Н. Тихомиров подчеркивает значение проблемы раннего становления древнерусской государственности, поставленной в работах Б. Д. Грекова⁷. Он отмечает также глубину и основательность выводов по истории Киевской Руси, к которым пришел в результате многолетних изысканий С. В. Юшков, и особенно его наблюдения о путях складывания феодальной монархии, о возникновении и развитии феодального иммунитета и многие другие⁸. Наконец, высоко оценивает М. Н. Тихомиров и двухтомный труд по истории культуры Древней Руси⁹.

Несмотря на большие заслуги Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и других ученых в изучении древнерусской истории, ими не был рассмотрен ряд существенных проблем. Сосредоточив свое внимание на процессах, происходивших в феодальной деревне, они по существу оставили без внимания русский город IX—XII вв. Само становление и развитие феодальных отношений изучались ими без достаточной связи с развитием классовой борьбы крестьян и горожан, вписавшей существенные коррективы в крепостнические устремления класса феодалов.

Наконец, дальнейшее изучение Киевской Руси было невозможно без издания фундаментальной и критически осмысленной источниковедческой базы. Однако, если древнейшие русские летописи были уже к 20-м годам нашего века превосходно изданы крупнейшими филологами, то этого нельзя было сказать о Русской правде — важнейшем источнике по истории социально-экономических отношений Древней Руси. Когда Академия наук СССР возобновила в 1935 г. подготовку трехтомного издания Русской правды, которое должно было содержать полный свод текстов этого замечательного памятника, то одним из наиболее деятельных участников этой работы стал М. Н. Тихомиров. К этому времени он был уже хорошо известен как видный историк России периода феодализма, знаток рукописных собраний Москвы, прошедший не только прекрасную историческую, но и филологическую школу. Основные тексты Русской правды были подготовлены и изданы или одним М. Н. Тихомировым (Оболенско-Карамзинский вид) или совместно с другими учеными (Троицкий,

⁴ М. Н. Тихомиров. К пятилетию со дня смерти академика Б. Д. Грекова. — «История СССР», 1958, № 5, стр. 54.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ См. его рецензии на третье («Историк-марксист», 1940, кн. 2, стр. 147—150) и на четвертое («Большевик», 1945, № 10, стр. 76—80) издания книги Б. Д. Грекова «Киевская Русь».

⁷ См. М. Н. Тихомиров. Борьба Руси за создание своего государства. — «Славяне», 1944, № 9, стр. 32.

⁸ Рецензия М. Н. Тихомирова на кн.: С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси («Историк-марксист», 1940, кн. 7, стр. 135—137). В 1936 г. М. Н. Тихомиров поместил рецензию на издание Русской правды, осуществленное С. В. Юшковым (М. Н. Тихомиров. Новое издание Русской правды. — «Книга и пролетарская революция», 1936, № 4, стр. 49).

⁹ М. Н. Тихомиров. Древнейшая культура русского народа. — «Новый мир», 1952, № 8, стр. 278—281.

Розенкамповский, Ферапонтовский, Музейный и Сокращенный виды)¹⁰. Тщательное палеографическое и источниковедческое обследование списков, точность передачи текстов, строго обоснованный подбор вариантов — таковы только некоторые из черт этого издания, которое является одним из самых значительных, выполненных советскими историками.

В 1941 г. М. Н. Тихомиров выпускает в свет издание основных редакций Русской правды (Краткой редакции по Академическому списку, Пространной — по Троицкому списку и Сокращенной по списку Оболенского)¹¹. В этом издании, кроме тщательно подготовленного текста, помещена вводная статья, основанная на многолетней исследовательской работе автора, интересные комментарии и обстоятельный терминологический словарь. Через двенадцать лет М. Н. Тихомиров выпустил новое учебное пособие по Русской правде, в котором старое издание было значительно дополнено¹². В первой части пособия студентам давалось представление об историографии Русской правды, ее списках и происхождении. Во второй части была помещена Краткая правда по Академическому списку и Пространная правда по Троицкому списку с фотомеханическим воспроизведением текста и комментарием. В конце книги даны некоторые памятники, близкие по содержанию к Русской правде, материалы к словарию Русской правды и предметно-терминологический указатель. Пособие М. Н. Тихомирова было сочувственно встречено как в советской, так и в зарубежной литературе.

В ходе работы над подготовкой издания текстов Русской правды М. Н. Тихомирову удалось сделать целый ряд важных источниковедческих открытий. Так, им было установлено, что Крестининский список Русской правды, считавшийся утерянным, находится в составе так называемой Рогожниковской кормчей¹³.

Одновременно с занятиями по подготовке академического издания Русской правды М. Н. Тихомиров вел работу по исследованию происхождения и истории текста этого замечательного памятника древнерусского права. Свои выводы, впервые изложенные в кратком виде еще в 1938 г.¹⁴, он обосновал в капитальном труде, являющемся до настоящего времени образцом источниковедческого анализа Русской правды¹⁵.

Для монографии М. Н. Тихомирова, которую он с блеском защитил в 1939 г. в качестве докторской диссертации, характерны широкое привлечение рукописной традиции, изучение текстов Русской правды как составных частей юридических и летописных сборников, выяснение обстоятельств составления первоначальных редакций памятника в тесной связи с социально-экономической историей и классовой борьбой. Примечательной особенностью книги является творческое применение источниковедческой методики А. А. Шахматова, выработанный им на летописном материале, к юридическим памятникам Древней Руси.

В ходе исследования Русской правды М. Н. Тихомиров пришел к целому ряду выводов, которые раскрывают историческое значение и судьбы этого важнейшего законодательного свода русской древности. Так,

¹⁰ «Правда Русская», т. I, М.—Л., 1940.

¹¹ «Русская правда. Вступительную статью и комментарий к текстам составил М. Н. Тихомиров», М., 1941.

¹² М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953.

¹³ М. Н. Тихомиров. Крестининский список Русской правды. — «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940, стр. 398—400.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Русская правда (к 200-летию открытия памятника). — «Историк-марксист», 1938, кн. 3, стр. 138—155; см. также написанные М. Н. Тихомировым статьи «Русская правда» для БСЭ (изд. 1-е, т. 49, 1941, стр. 698—702; изд. 2-е, т. 37, 1955, стр. 407—411).

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941.

он обосновал положение, что Древнейшая правда (17—18 статей Краткой правды) возникла в Новгородской земле во время княжения Ярослава (в 1036 г.)¹⁶.

Одним из основных приемов источниковедческой интерпретации Древнейшей правды М. Н. Тихомировым является терминологический анализ, который позднее стал широко применяться исследователем в его других работах по истории Киевской Руси. Для объяснения таких терминов, как «десятина», «дача», «милость» он широко прибегает к сопоставлению русских источников с данными средневековых польских, хорватских и сербских памятников письменности¹⁷.

Очень интересно было наблюдение М. Н. Тихомирова о том, что Правда Ярославичей возникла в связи с княжеским съездом в Вышгороде в 1072 г. после киевского восстания 1068 г. Самой поздней частью Краткой правды следует считать Покон Вирный, вышедший, возможно, из-под пера редактора Правды¹⁸. В целом же Краткая правда, по мнению М. Н. Тихомирова, возникла в Новгороде накануне восстания 1136 г. в среде духовенства и была внесена в Новгородский летописный свод 1167 г.¹⁹

Особенно значительны по своим выводам главы книги М. Н. Тихомирова, посвященные Пространной правде и ее изводам. Так, в ходе тщательного изучения Синодальной кормчей, сохранившей древнейший список Русской правды, М. Н. Тихомиров устанавливает новую датировку этого законодательного сборника (1280 г.)²⁰; выясняет его источники, причины своеобразного расположения статей в Синодальном списке Русской правды.

Новыми и убедительными являются наблюдения М. Н. Тихомирова о возникновении Мерила Праведного в редакции Троицкого списка конца XIV в. Сопоставление этого списка с «Правилами» Владимирского собора позволило предположить, что дошедшее до нас Мерило Праведное сложилось еще в конце XIII в., возможно, даже на основе более ранней редакции начала XII в.²¹ Уникальный памятник — Троицкий список Мерила Праведного — в 1961 г. был издан фотомеханически с предисловием М. Н. Тихомирова²².

Примерно до 80 % всех списков Русской правды сохранилось в кормчих и Мерилах Праведных. Из этого числа наибольшее количество списков помещено в так называемых кормчих особого состава (типа Чудовской кормчей). Изучив всю эту группу кормчих, М. Н. Тихомиров предположил, что ее прототип, вероятно, составлен в конце XIV в. в окружении архиепископа суздальского Дионисия²³. Несколько позднее в переработке Русской правды принимал участие и митрополит Киприан, с именем которого связан ряд законодательных памятников²⁴.

В отличие от В. П. Любимова, составившего классификацию списков Русской правды для академического издания, М. Н. Тихомиров выделяет

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде, стр. 49, 51.

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами из других славянских и неславянских источников. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 33—34, 1961, стр. 103—104.

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 40, 78.

²⁰ Там же, стр. 89.

²¹ Там же, стр. 97.

²² «Мерило Праведное по рукописи XIV в. Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М. Н. Тихомирова», М., 1961.

²³ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде, стр. 121—122.

²⁴ Там же, стр. 137—138.

не две редакции этого памятника (Краткую и Пространную), а три (кроме названных, еще Сокращенную). Поскольку Сокращенная правда по своему содержанию резко отличается от Краткой и Пространной, классификация М. Н. Тихомирова является более совершенной, чем построение В. П. Любимова. Правда, датировка М. Н. Тихомировым Сокращенной редакции Правды XII в., на наш взгляд, остается еще спорной.

После разбора различных изводов Пространной правды М. Н. Тихомиров переходит к установлению ее источников и времени создания. Сравнивая Пространную правду со Смоленским договором 1229 г. и его проектом, автор высказывает гипотезу, что этот юридический сборник составлен в самом начале XIII в. в Новгороде после восстания 1209 г. не без участия церковных кругов²⁵. Источниками его были Краткая и Сокращенная правда и Устав князя Владимира Мономаха.

В приложении к своей богатой содержанием монографии М. Н. Тихомиров помещает опыт восстановления протографа Пространной правды.

Таково вкратце содержание первой большой книги М. Н. Тихомирова по проблемам истории Киевской Руси. Не все в ней бесспорно. Некоторые выводы сам автор впоследствии пересмотрел, а некоторые — развил. Однако основные положения М. Н. Тихомирова широко вошли в науку и оказали большое влияние на дальнейшую историографию Русской правды. Но значение рассматриваемой книги шире и определяется в первую очередь тем, что она заложила прочные основы советского источниковедения памятников феодальной эпохи, явившись образцом для дальнейших работ историков в этой области.

Вторая тема, которой М. Н. Тихомиров отдал многие годы своей творческой деятельности, — это история русского города с древнейших времен до XVII в. включительно. Горожанин — неутомимый труженик, создатель замечательных культурных ценностей, далекий предшественник русского рабочего, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию, становится героем многих работ М. Н. Тихомирова по истории Древней Руси.

Первая монография М. Н. Тихомирова о древнерусских городах вышла в свет в 1946 г.²⁶ и явилась результатом более чем десятилетнего труда автора. Второе издание книги (в 1956 г.)²⁷ значительно отличалось от первого. В него введены были новые главы о хозяйстве городов и городской культуре. Значительно расширены остальные разделы за счет привлечения нового материала (в первую очередь археологического). Книга М. Н. Тихомирова о русском городе IX—XIII вв. — первая монография на эту тему. Она вызвала множество откликов как в советской, так и в зарубежной литературе²⁸.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде, стр. 227—228.

²⁶ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. — «Ученые записки МГУ», вып. 99, 1946; См. автореферат этой кн.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города X—XIII вв. до монгольского нашествия. — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 3, 1945, стр. 33—37.

²⁷ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956. В 1959 г. книга переведена на английский язык (M. Tikhomirov. The towns of ancient Rus. Moscow, 1959).

²⁸ D. P. Bogdan. «Analele Romîno Sovietice», seria istorie, 1959, № 2 (26); «Исторический преглед», 1948, vol. 4—5; St. Herbst. «Archeologia», Warszawa, 1953, t. IV; P. Johansen. «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 72, 1954; L. Poljakov. D. Alexandre. «Annales», Paris, 1957, № 1; T. Waskowski. «Kwartalnik Historyczny», r. LXIV (1957), № 1; «Przegląd Historyczny», t. XLVIII (1958); № 3; C. Vernadsky. «The American Slavic and East European Review», vol. 7 (1948), № 2; J. Bardach. «Przegląd Historyczny», t. XL (1950); J. Kudlaček. «Československý časopis historycký», r. VI (1958), № 2; N. Andreyev. «The Slavonic and East European Review», vol. 36 (1959), № 86.

До работы М. Н. Тихомирова исследователи исходили из представления о слабости развития городской жизни в Киевской Руси или подчеркивали какие-то особые внефеодальные пути развития русского народа. М. Н. Тихомирову удалось обосновать положение о том, что «в Древней Руси XI—XIII вв. складывались все предпосылки для создания того, что западноевропейская литература называет „городским строем“. Древнерусские города развивались в таком же направлении, в каком развивались средневековые города Запада и Востока. Без признания этого факта остается необъяснимой богатая культура Киевской Руси, ибо она развивалась главным образом в городах»²⁹.

Новая марксистская постановка вопроса о социально-экономической сущности древнерусского города помогла объяснить важнейшие моменты его истории. На основе тщательного обследования сохранившихся источников М. Н. Тихомиров установил, что уже на заре феодального периода русской истории, в IX—X вв. на Руси существовало свыше двух десятков городов³⁰. Число их резко возросло к началу XIII в. и достигло уже трехсот. В буржуазной литературе было широко распространено утверждение о том, что причиной возникновения русского города было развитие торговли (в трудах В. О. Ключевского и других историков). Теперь, после работы М. Н. Тихомирова можно считать доказанным, что «настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений»³¹. Уже к концу X в. около городов-крепостей появляются посады с их торгово-ремесленным населением. М. Н. Тихомиров показывает существование и развитие различных видов ремесленного производства в древнерусском городе (металлургия, кожевенного дела и т. п.), внося дополнения в капитальное исследование о ремесле Древней Руси, принадлежащее Б. А. Рыбакову³².

Долгое время в исторической науке бытовало мнение о том, что на Руси до XVIII в. вообще отсутствовали даже элементы цеховой организации ремесленников. М. Н. Тихомиров привел обширный материал, показывающий, что уже в Древней Руси (в частности в Новгороде) существовали разнообразные объединения ремесленников и купцов³³. Позднее Б. А. Рыбаков, развивая наблюдения М. Н. Тихомирова, нарисовал яркую картину цехового строя русских ремесленников в XIV—XV вв.³⁴

Русский город XI—XIII вв. представлял собою, как показывает М. Н. Тихомиров, сложное социально-экономическое явление. В составе городских жителей находились наряду со свободными ремесленниками холопы, феодаты (в том числе и монастыри). В период феодальной раздробленности, когда усилилась политическая роль городов, шла напряженная борьба городского населения за свои права. Горожане уже в XII—XIII вв. сделались такой силой, что с ними приходилось считаться князьям и боярам. Точка зрения С. В. Юшкова о том, что вече в городах было только игрушкой в руках феодальной знати, как показал М. Н. Тихомиров, является несостоятельной. Города в Древней Руси были крупной экономической и политической силой и в дальнейшем, конечно, должны были сыграть такую же крупную роль в историческом развитии

²⁹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1956, стр. 5.

³⁰ Там же, стр. 12—14, 43.

³¹ Там же, стр. 64.

³² Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, М., 1948.

³³ См. М. Н. Тихомиров. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI—XV вв.). — «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 22—33; его же. Ремесленники и ремесленные объединения в Киевской Руси. — «Ученые записки МГУ», вып. 87, 1946, стр. 22—37.

³⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 729—776.

России, как города Западной Европы. Этому, пишет М. Н. Тихомиров, «помешали печальные обстоятельства — в первую очередь татарские погромы, опустошившие Русскую землю»³⁵. Много места уделено в книге внешнему облику городов, городскому управлению, городской культуре (главы V—VII). И в этих главах стержневой идеей является обоснование того важнейшего положения, что русский город в своем историческом развитии подчинялся тем же общим закономерностям, которые известны из истории средневекового города Западной Европы и стран Азии.

Первой попыткой собрать воедино сохранившиеся сведения о всех крупнейших городах отдельных русских земель X—XIII вв. является вторая часть книги М. Н. Тихомирова. Она представляет собою удачное сочетание историко-географического обзора с выявлением особенностей исторического развития городов в различных феодальных княжествах.

Уже первая печатная работа М. Н. Тихомирова была посвящена классовой борьбе горожан в XVII в.³⁶ С тех пор тема крестьянских и городских восстаний в России красной нитью проходит сквозь все его творчество.

Классовой борьбе горожан и крестьян Древней Руси М. Н. Тихомиров посвятил специальную монографию³⁷. Нет нужды подчеркивать особое значение этой темы для построения марксистской истории феодального периода нашей страны. Советские историки (в том числе Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин и другие) неоднократно писали об отдельных восстаниях горожан и смердов³⁸. Однако монографического исследования данной темы не было. В книге М. Н. Тихомирова впервые показано огромное разнообразие форм борьбы трудящихся масс как в период генезиса феодальных отношений, так и в период их поступательного развития. Только теперь мы можем отчетливо представить себе, какое большое влияние оказывала классовая борьба народных масс на весь социально-экономический и политический строй древнерусского общества.

Уже в начале XI в. в Новгороде и в Суздальской земле вспыхивали восстания, явившиеся как бы первыми звеньями в цепи открытых антифеодальных выступлений. М. Н. Тихомиров показал, как эти выступления вызвали ответную реакцию в законодательстве господствующего класса. Так, он связывает с новгородскими событиями 1015—1019 гг. возникновение первых статей так называемой Древнейшей правды³⁹. Крестьянское движение 1024 г. в Суздале, как и сходное восстание в Польше того времени, знаменовали собой окончательное утверждение феодальных порядков на Руси и в соседних славянских странах⁴⁰.

М. Н. Тихомиров развивает далее высказанные им ранее мысли о том, что киевское восстание 1068 г. и восстание на Белоозере наложили свой отпечаток на возникновение Правды Ярославичей, и что с восстанием

³⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 185.

³⁶ М. Н. Тихомиров. Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России. М., 1919.

³⁷ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

³⁸ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. — «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», 1929, кн. 4; В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949; его же. Народные восстания в Древней Руси. М., 1961; Л. В. Черепнин. Русская правда (в Краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. — Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 89—99.

³⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 67.

⁴⁰ Там же, стр. 80.

1209 г. в Новгороде связано создание Пространной редакции Русской правды⁴¹.

И в разбираемом исследовании, как и в «Древнерусских городах», автор подчеркивает общность исторических путей развития Древней Руси с другими средневековыми странами. Так, обратив внимание на синхронность крестьянских восстаний в XI в. во Франции и на Руси, он подчеркивает, что это «является ценным показателем того, что обе страны в XI в. стояли на одной и той же ступени общественного развития»⁴².

Если в литературе обычно основное внимание уделялось городским движениям, то М. Н. Тихомиров изучает их в связи с волнениями крестьян. В его книге анализируются как общие причины, вызвавшие обострение недовольства народных масс, так и примечательные черты волнений в отдельных землях Древней Руси (в Кпее, Чернигове и Новгороде). Особенностью восстаний новгородских горожан XI в. было то, что они привели к установлению порядков феодальной республики.

Новый угол рассмотрения исторических памятников позволил М. Н. Тихомирову дать оригинальную интерпретацию ряда произведений церковной литературы (например жития Авраамия Смоленского) и древнерусских повестей (повести о Святых). Автор убедительно доказал, что даже церковные по форме памятники вводят нас «в гущу городской жизни и городских волнений на Руси XII — XIII вв.»⁴³

В книге о народных восстаниях в Древней Руси, как и во многих других работах, М. Н. Тихомиров умело сочетает высокий научный уровень исследования с доступностью и яркостью изложения. Забота о читателе сказывается в стремлении приблизить к нему текст древних памятников, отрывки из которых даны автором в переводе на русский язык, в образности и динамичности рассказа и в богатстве иллюстративного материала. Все это помогает большему числу читателей войти в круг тех важных проблем, которые исследуются М. Н. Тихомировым.

Позднее, в первом томе во многих отношениях примечательной хрестоматии по истории СССР М. Н. Тихомиров перевел на современный русский язык наиболее значительные отрывки из Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской летописей, Слово о погибели русской земли, Русскую правду Краткой редакции⁴⁴. Глубокие по пропихновению в строй памятника, выразительные по языку, эти переводы принадлежат к числу наиболее удачных опытов подобного рода работы над текстом древнерусских памятников⁴⁵.

В круге исследовательских интересов М. Н. Тихомирова не меньшее место, чем история древнерусского города и классовой борьбы, занимает история письменности и культуры Руси X — XIII вв. И в этой области М. Н. Тихомиров достигает успеха благодаря привлечению новых или малоисследованных источников, тонкой интерпретации хорошо известных памятников и смелой постановке больших теоретических проблем.

Еще в 1940 г. в первый советский учебник по источниковедению истории СССР М. Н. Тихомиров включил, наряду с иностранными источниками, содержательный обзор русских источников по истории Киевской

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 68, 244.

⁴² Там же, стр. 84.

⁴³ Там же, стр. 225.

⁴⁴ «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.», М., 1960.

⁴⁵ Интересные соображения о принципах перевода древнерусских летописей на современный язык М. Н. Тихомиров высказал еще в 1936 г. («М. Н. Тихомиров. Древнерусские летописи», рецензия. — «Книга и пролетарская революция», 1936, № 9, стр. 61—64).

Руси⁴⁶. В нем, наряду с летописями, литературными сочинениями и Русской правдой М. Н. Тихомиров разбирает и древнейшие русские акты. В дальнейшем древнерусские акты сделались объектом специальных исследований М. Н. Тихомирова.

В 1937 г. С. Н. Валк выступил со статьей по начальной истории древнерусского частного акта, в которой первым дошедшим до нас новгородским частным актом признал духовную Климента (XIII в.), считая, что в Северо-Восточной Руси подобные документы появились не ранее второй половины XIV в. Ряд грамот XII — XIII вв., в их числе вкладную Варлаама Хутынского, купчую и данную Антония Римлянина и данную Марины, он признал позднейшими подделками⁴⁷. Выпущенная в свет в 1945 г. работа М. Н. Тихомирова о частных актах в Древней Руси была ответом на статью С. Н. Валка⁴⁸. В ней на основе скрупулезного палеографического и источниковедческого разбора М. Н. Тихомиров доказывает подлинность и предлагает свою датировку перечисленных выше актов. Так, по его мнению, вкладная Варлаама была составлена примерно в 1211 г., а не в 1192 г., как это считалось ранее.

Эта работа М. Н. Тихомирова имела значение не только для установления подлинности ряда древнерусских актов. В ней автор выдвигает важнейший тезис о том, что «...Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а вероятно, и ранее — в XI в.»⁴⁹.

Дальнейшие открытия подтвердили этот принципиально важный вывод. Уже во время раскопок в Гнездовских курганах в 1950 г. Д. А. Авдусин обнаружил глиняный сосуд с древнейшей русской надписью X в. М. Н. Тихомирову принадлежит ее первое истолкование⁵⁰. Надпись свидетельствует о более раннем распространении письменности на Руси, чем это предполагалось ранее. В следующем году в Новгороде экспедицией под руководством А. В. Арциховского были найдены берестяные грамоты, позднее получившие всемирную известность. М. Н. Тихомиров, совместно с А. В. Арциховским, подготовил к изданию первый выпуск берестяных грамот⁵¹.

Комментарии М. Н. Тихомирова отличаются точностью палеографических наблюдений и широтой исторических сопоставлений. Особенно интересны были сделанные автором истолкования целого ряда неясных терминов, которые стали понятными только в одном ряду с привлеченными М. Н. Тихомировым текстами из Русской правды и актами XII—XV вв.

Среди берестяных грамот, объясненных М. Н. Тихомировым, особую ценность представляет запись XV в. о поземе и даре (№ 1), т. е. о доходах, поступавших феодалу с его сел, письмо от Гостяты к Василию XI в. (№ 9), автором которого, по предположению М. Н. Тихомирова, была женщина, и целый ряд других. В приложении к изданию помещены разнообразные надписи на предметах, преимущественно деревянных, давшие ценный материал для вывода М. Н. Тихомирова о широком распрост-

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 41—92. Недавно вышло новое (переработанное и дополненное) издание: М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962.

⁴⁷ С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. — Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., 1937, стр. 285—318.

⁴⁸ М. Н. Тихомиров. О частных актах в Древней Руси. — «Исторические записки», т. 17, 1945, стр. 225—244.

⁴⁹ Там же, стр. 244.

⁵⁰ Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. — «Вестник АН СССР», 1950, № 4, стр. 71—79.

⁵¹ А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

ранении письменности среди горожан. Комментарии М. Н. Тихомирова после предварительных сообщений А. В. Арциховского являются первым опытом палеографического и исторического истолкования берестяных грамот.

Продолжал М. Н. Тихомиров заниматься углубленным исследованием и сохранившихся письменных актов Древней Руси. Так, им совместно с М. В. Щепкиной были опубликованы комментированные тексты двух уникальных памятников — духовной Климента XIII в. и Устава князя Святослава Ольговича 1136 г.⁵² В этом издании впервые воспроизводились фотомеханически тексты обеих грамот. Большой интерес представляют и комментарии к памятникам, раскрывающие содержание духовной Климента, как документа, характеризующего хозяйство новгородского феодала. Убедительны и новая датировка духовной (1258—1268 гг.), и попытка связать Устав князя Святослава с восстанием в Новгороде 1136 г.

М. Н. Тихомиров рассматривает историю русской письменности в тесной связи с созданием славянского алфавита Кириллом и Мефодием, являвшимся одним из крупнейших событий истории мировой культуры. «Появление письменности на Руси, — пишет М. Н. Тихомиров, — было великим прогрессом, который в свое время отметил русский писатель XI в., составивший похвалу книжному учению»⁵³.

Развитие древней русской письменности и культуры получило новый импульс после принятия христианства. Отмечая этот важнейший факт в истории Древней Руси, М. Н. Тихомиров вслед за С. В. Бахрушиным⁵⁴ вскрывает классовую сущность христианизации древнерусского общества как события, сыгравшего крупную роль в становлении феодальных отношений⁵⁵. Крещение Руси около 989 г. не завершило длительной истории распространения христианства, начавшегося еще в IX в. В докладе о распространении христианства на Руси, прочитанном на конференции английских и советских историков в 1960 г., М. Н. Тихомиров показал, что язычество еще в XI—XII вв. являлось знаменем борьбы угнетенных масс против усиления феодального гнета⁵⁶.

В обобщающей работе по истории письменности на Руси XI—XIII вв. М. Н. Тихомиров выдвигает новый тезис о том, что древнерусская письменность «не являлась достоянием только духовенства и феодалов, а имела значительно более широкое распространение»⁵⁷. Ссылаясь на граффити и на новые археологические находки, М. Н. Тихомиров показал, что письменность была хорошо известна многочисленным русским ремесленникам, не говоря уже о купцах. Древнерусские повести и летописные памятники отнюдь не всегда составлялись лицами духовного звания, как это считалось ранее, но и представителями городских кругов. М. Н. Тихомиров обнаружил в библиотеке Кирилло-Белозерского музея новый список произведений Даниила Заточника, который им был

⁵² М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника повгородской письменности. — «Труды ГИМ», вып. VIII, 1952.

⁵³ М. Н. Тихомиров. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — «Вопросы истории», 1959, № 4, стр. 98—105.

⁵⁴ С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. — «Историк-марксист», 1937, № 2, стр. 40—77.

⁵⁵ M. N. Tikhomirov. The origins of christianity in Russia. — «History», vol. XLIV (1959), p. 211—219.

⁵⁶ См. В. Г. Поляков. Советско-английская конференция историков. — «Вопросы истории», 1960, № 12, стр. 161.

⁵⁷ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв. — «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы» («Труды ОДРЛ»), вып. IX, 1953, стр. 51; см. также: M. N. Tikhomirov. L'écriture urbaine dans l'ancienne Russie des XI—XIII siècles. — «Cahiers d'histoire mondiale», 1960, vol. V, № 3, p. 661—678.

назван «Написанием». По мнению М. Н. Тихомирова, это «Написание» явилось оригиналом известного «Слова» Даниила Заточника XII в., который, очевидно, происходил из среды ремесленников-серебряников⁵⁸. Видному месту Великого Новгорода в истории мировой культуры М. Н. Тихомиров посвятил специальный доклад⁵⁹.

Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь значительного памятника древнерусской литературы, который в той или иной степени не привлекал к себе внимания М. Н. Тихомирова. Так, М. Н. Тихомирову принадлежит небольшая, но весьма содержательный этюд о «Слове о полку Игореве». Как известно, автор этого замечательного памятника русской литературы неоднократно упоминает своего предшественника певца Бояна. М. Н. Тихомиров обратил внимание на благожелательный тон воспоминаний о черниговских князьях XI в. в «Слове» и в этой связи предположил, что припоминания эти, возможно, относятся к песням Бояна, который, очевидно, жил при дворе черниговского князя Святослава Ярославича. С предполагаемым походом князя Святослава на Болгарию сопоставляет М. Н. Тихомиров и упоминание о «тропе Трояна» в «Слове о полку Игореве»⁶⁰.

Новую датировку (около 1225 г.) предложил М. Н. Тихомиров для «Слова о гибели Русской земли». По его мнению, «Слово» возникло в Новгороде при князе Ярославе как отклик на первую татарскую победу — битву при Калке⁶¹.

В последние годы М. Н. Тихомиров особое внимание уделяет вопросам истории древнерусского летописания. В этой области он является, бесспорно, крупнейшим специалистом. Им обнаружен и издан ряд памятников русского летописания (в том числе Московский летописный свод конца XV в.)⁶². Недавно вышел в свет его обзор рукописных сборников, содержащих летописные тексты. Этот незаменимый справочник вводит исследователя в поистине огромное богатство летописного материала, которое хранят наши архивы. В приложении к обзору издается новый интересный летописный рассказ о крещении Руси⁶³. М. Н. Тихомиров переиздал по древнейшему списку Летописец патриарха Никифора (IX в.), который уже был известен в славянском переводе летописцу Нестору⁶⁴. Под редакцией М. Н. Тихомирова А. Н. Насоновым выпущена Новгородская первая летопись, сохранившая частично Начальный летописный свод конца XI в.⁶⁵

В настоящее время М. Н. Тихомиров возглавляет в Институте истории АН СССР специальную группу, которая продолжает издание Полного

⁵⁸ М. Н. Тихомиров. «Написание» Даниила Заточника. — «Труды ОДРЛ», вып. X, 1954, стр. 269—279.

⁵⁹ М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. — «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 42—52.

⁶⁰ М. Н. Тихомиров. Боян и Троянова земля. — Сб. «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 175—187; ср. также отзыв М. Н. Тихомирова на книгу Б. Г. Федорова «Кто был автором „Слова о полку Игореве“» (М. Н. Тихомиров. Новое о «Слове о полку Игореве». — «Новый мир», 1957, № 8, стр. 297—300).

⁶¹ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли». — «Труды ОДРЛ», вып. VIII, 1951, стр. 235—244.

⁶² «Полное собрание русских летописей», т. XXV, М.—Л., 1949. Недавно под наблюдением и при участии М. Н. Тихомирова издана Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1961), в свое время досконально изученная им (М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — «Проблемы источниковедения», т. III, стр. 225—244).

⁶³ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

⁶⁴ М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. — «Археографический ежегодник за 1960 г.», М., 1962, стр. 234—243.

⁶⁵ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950.

собрания русских летописей. Одной из задач, поставленных М. Н. Тихомировым, является применение новых способов воспроизведения рукописей⁶⁶. Так, фотомеханическим путем изданы Лаврентьевская и Ипатьевская летописи.

Наряду с изданием летописных текстов, М. Н. Тихомиров ведет большую работу по их исследованию.

А. А. Шахматов утвердил в исторической литературе мнение, что древнейший русский летописный свод возник в 1039 г. Однако наличие в первоначальном летописании сведений, явно принадлежавших перу очевидца, жившего в конце X — начале XI в., привело М. Н. Тихомирова к пересмотру построений А. А. Шахматова. Еще в 1947 г. он высказал предположение о существовании в составе Повести временных лет особой Повести о начале Русской земли, которая была составлена в самом начале XI в. в Киеве во время княжения Святополка⁶⁷.

В 1960 г. на всемирном конгрессе историков в Стокгольме М. Н. Тихомиров прочитал доклад о начале русской историографии⁶⁸. Продолжая изучение русских летописей как памятника исторической мысли, М. Н. Тихомиров выдвинул тезис о том, что «летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания»⁶⁹. Новым было и предположение о том, что в основе начальной части Устюжской летописи лежал не дошедший до нас летописный свод 60—70-х гг. XI в. В результате сопоставления Устюжской и Новгородской летописей с Повестью временных лет М. Н. Тихомиров предполагает, что летописные известия о Руси IX—X вв. восходят к Сказанию о первых русских князьях, сложившемуся еще в конце X в., сразу же после принятия христианства, а также к сказаниям о начале Русской земли и о призвании варягов (не позднее первой половины XI в.). Большой интерес представляет проделанный М. Н. Тихомировым анализ сведений о Руси, сохранившихся в хронике Длугоша. Как полагает М. Н. Тихомиров, у Длугоша сохранился ряд летописных известий, очень ранних по своему происхождению. В настоящее время М. Н. Тихомиров продолжает разыскания по истории древнейшего русского летописания. Итоги их он предполагает обобщить в специальной монографии на эту тему.

Не ограничиваясь древнейшим русским летописанием, М. Н. Тихомиров занимается исследованием проблемы истории летописания более позднего времени.

М. Н. Тихомиров дал развернутую характеристику русским летописям XI—XIII вв. как историографическому явлению. Он обнаруживает приемы критического подхода к источникам в древнерусском летописании, выясняет историографические особенности летописей, сложившихся в различных феодальных княжествах. Очень интересно наблюдение М. Н. Тихомирова о том, что древнейшая русская летопись связывала начало Русской земли не с появлением на Руси варяжских князей, а с первым походом Руси на Царьград в 860 г.⁷⁰

⁶⁶ М. Н. Тихомиров. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 69—73.

⁶⁷ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». — «Советская этнография», сб. VI—VII, 1947, стр. 66. К выводу М. Н. Тихомирова о существовании летописания до свода 1039 г. присоединяется и Л. В. Черепнин («Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды». — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 333).

⁶⁸ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41.

⁶⁹ М. Н. Тихомиров. Начало Русской земли. — «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 20—42.

⁷⁰ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 48—68.

Недавно М. Н. Тихомиров поставил вопрос о русских источниках «Истории российской» В. Н. Татищева, которые позднее безвозвратно погибли. В первую очередь, речь идет о так называемом Раскольниковском летописце. Это была пергаменная рукопись, обрывавшаяся на 1197 г.⁷¹ Не меньший интерес представляют и находившиеся в распоряжении Татищева так называемый Голицынский манускрипт и Ростовская летопись. Тщательное изучение выдержек из этих летописных сводов, сохранившихся только в извлечениях, сделанных Татищевым, позволит расширить круг известных нам летописных памятников XII—XIII вв.

Трудно перечислить все темы по истории Древней Руси, волнующие М. Н. Тихомирова, который умеет подчас в миниатюрном исследовании поставить очень важные вопросы. Так, например, на основе анализа термина «милостник», встречающегося в источниках XII в., он показал существование особого разряда поместных слуг, соответствующих средневековым минстерялам Западной Европы. Милостники XII в. — это предшественники дворян, обеспечивавшиеся земельными пожалованиями. Следовательно, заключает М. Н. Тихомиров, «историю поместной системы и служилого землевладения надо искать гораздо раньше, чем в XIV—XV вв. ... она начала складываться на Руси уже в XII—XIII вв., когда появляются милостники»⁷².

К числу сложных вопросов по истории Древней Руси, запутанных давней историографической традицией, относится происхождение термина «Русь». Долгое время считалось чуть ли не аксиомой, что это слово произошло от финского «*ruotsi*» и первоначально обозначало норманнов. Не было единомыслия по этому вопросу и у советских историков. Так, Б. Д. Греков разделял теорию В. А. Брима о том, что слово «Русь» произошло как бы в результате слияния северного «*ruotsi*» с южнорусским «Рос»⁷³. С. В. Юшков доказывал, что термином «Русь» в IX—X вв. назывался не весь русский народ, а только представители господствующего класса.

На основании тщательного анализа древнерусского летописания и топонимических данных М. Н. Тихомиров выдвинул и обосновал предположение, что «Русью» называлось первоначально славянское население, жившее в бассейне реки Роси⁷⁴. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова. А. Н. Насонов, в частности, предположил, что «Русская земля», охватывающая район Киева, Чернигова и Переяславля, сложилась уже в IX в.⁷⁵ Б. А. Рыбаков, опираясь на исследования М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова, на основании летописного и археологического материала выдвинул гипотезу, что «Русская земля» выделилась в качестве определенного исторического целого еще в VI—VII вв.⁷⁶

М. Н. Тихомиров — один из первых советских историков-медиевистов, выступивших с резкой критикой норманистских и иных извраще-

⁷¹ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории российской». — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 39—53.

⁷² М. Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. — Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., стр. 100—104.

⁷³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 255—257.

⁷⁴ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 60—80; его же. О происхождении названия «Россия». — «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 93—94.

⁷⁵ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 44.

⁷⁶ Б. А. Рыбаков. Проблема образования древнерусской народности. — «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 55—57; его же. Древние русы. — «Советская археология», т. XVI, 1953; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв.», М., 1958, стр. 740—787.

ний истории Древней Руси в ряде трудов, вышедших из-под пера современных буржуазных ученых. В обстоятельном разборе книги г. Вернадского «Древняя Русь» он показал не только несостоятельность общей концепции автора, но и произвольное истолкование им византийских и русских источников ⁷⁷. С едким сарказмом бичует он словесную эквилибристику в «терминологических» разысканиях по древнерусской истории Н. К. Чадвик, которая произвольными догадками и сопоставлениями пытались подкрепить обветшавшую норманскую теорию ⁷⁸.

К опровержению норманистских взглядов М. Н. Тихомиров не раз обращался и в других своих трудах. Так, в докладе, прочитанном в связи с празднованием 1100-летия Новгорода, он показал, что «Новгород с самого начала был русским городом», а легенда о призвании варягов опирается на «крайне слабую историко-ведческую базу» ⁷⁹.

Древняя Русь для М. Н. Тихомирова — колыбель трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Он решительно отмечает домислы украинских буржуазных националистов, пытавшихся доказать, что Киевская Русь была создана одним украинским народом, отрицавших единство исторических судеб восточнославянских народов. Общность территории, языка и культуры древнерусской народности существовала уже в X — XIII вв., а представления о единстве Русской земли сложились уже в X — XI вв. Сознание единства происхождения, близости языка и культуры и общности исторических судеб с русским народом сыграло громадную роль в вековой освободительной борьбе украинцев и белорусов против магнатско-шляхетской Речи Посполитой ⁸⁰. В докладе, прочитанном еще в 1950 г. во Львове на научной сессии Института истории Академии наук УССР, М. Н. Тихомиров показал, что Киевская Русь занимает почетное место не только в истории наших народов, но и во всемирно-историческом процессе ⁸¹.

Культурные, экономические и политические связи Древней Руси со славянскими народами составляют особую страницу в творчестве М. Н. Тихомирова ⁸².

М. Н. Тихомиров встречает свое семидесятилетие полный творческих сил и новых научных планов. Среди его многочисленных замыслов немало важное место занимают темы по истории Древней Руси. М. Н. Тихомиров заканчивает большую работу по истории древнерусской философии, готовит новую книгу, посвященную начальным страницам русского летописания. Нет нужды говорить, насколько важны эти темы для дальнейшего развития советской науки. Остается только пожелать Михаилу Николаевичу Тихомирову скорейшего завершения этих его начинаний, новых поисков и новых открытий.

⁷⁷ М. Н. Тихомиров. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. — «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 124—129.

⁷⁸ М. Н. Тихомиров. Откровения Чадвик о начале русской истории. — «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 112—115.

⁷⁹ М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. — «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 43—44.

⁸⁰ М. Н. Тихомиров. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов. — «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 19—26.

⁸¹ М. Н. Тихомиров. Київська Русь. — «Наукові записки Ін-ту історії України», Київ, 1950, стр. 18—35. Краткая характеристика Древней Руси содержится и в учебниках для вузов и педагогических училищ, написанных М. Н. Тихомировым (М. Н. Тихомиров, С. Дмитриев. История СССР, т. I. М.—Л., 1948, стр. 39—62; М. Н. Тихомиров. История СССР. М.—Л., 1947, стр. 26—45).

⁸² Подробнее об этом см. в статье В. Д. Королюка «Академик М. Н. Тихомиров как историк-славист», публикуемой в настоящем томе «Ученых записок».

В. Д. Корольок
**РУСЬ И ПОЛЬША
В ПЕРВЫЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ XI века**

Центральным событием, наложившим отчетливый отпечаток на развитие польско-русских отношений в первой половине XI в., был, безусловно, поход на Киев в 1018 г. Болеслава Храброго. Походу этому посвящена значительная русская, украинская, польская и немецкая литература. Несравненно меньше повезло в литературе событиям польско-русских отношений первых пятнадцати лет XI в. В сущности говоря, они ни разу не были предметом специального исследования.

Между тем и первое пятнадцатилетие XI в., как это мы постараемся показать ниже, представляет интересную и важную страницу в истории соседства Руси и Польши. События, ознаменовавшие правление Владимира, в определенной мере подготовили события, произошедшие при Ярославе, так что без их анализа фактически нельзя нарисовать полной картины польско-русских отношений переломного и для Руси, и для Польши XI в., который нес с собой постепенно проявляющееся торжество тенденций феодальной раздробленности.

Само собой разумеется, что исследование польско-русских отношений начала XI в. должно вестись с учетом как явлений внутриполитического развития Древнерусского и Древнепольского государств, так и позиций обеих этих стран на тогдашней международной арене. И в Польше и, особенно, на Руси внешнеполитическая активность государя в серьезной мере ограничивалась тогда противоречиями в рамках господствующего класса феодалов, центробежными тенденциями местной знати, зарождавшимися тенденциями к феодальной раздробленности, носителями которых на местах были не только крупные феодалы, но в какой-то мере и связанные с ними верхи собственно городского населения. В то же время с точки зрения внешнеполитических позиций Руси и Польши проблема их взаимных отношений не являлась главной, решающей ни для одной из сторон. Для польского князя главной проблемой являлись его отношения с империей, с которой он в течение пятнадцати лет, с 1003 по 1018 гг., вел с небольшими перерывами тяжелую и жестокую борьбу. В политике киевского князя отношения с Востоком, Севером и Югом по своей значимости явно превалировали над отношениями с Западом, а главной военной угрозой для его столицы была прежде всего кочевая печенежская степь. Обстоятельства эти отражали объективные условия политического развития Руси и Польши, а не планы и цели их государей, хотя и в Польше, и на Руси правили тогда князья, замечательные не только своей яркой индивидуальностью, но и широким политическим кругозором, опыт-

ные дипломаты и выдающиеся государственные деятели. Речь идет о киевском князе Владимире Святославиче и польском князе Болеславе I, принявшем перед смертью королевский титул. Оба они были обязаны своим возвышением прежде всего собственному таланту, уму и энергии. Владимир, образ которого, судя по былинам, исключительно прочно сохранился в народной памяти, не был первородным сыном. Более того, даже после утверждения на киевском столе ему не раз приходилось переносить насмешки по поводу своего происхождения: он был внебрачным сыном Святослава и Ольговой ключницы Малуши. Болеслав, получивший от потомства прозвище Храброго и Великого, был, правда, первородным сыном Мешко I, тем не менее и ему лишь в тяжелой борьбе с мачехой и поддерживавшей ее группировкой польских феодалов достался княжеский стол.

Еще не пришло время усобиц, когда феодальная знать могла по своему усмотрению приглашать и изгонять князей. Центральная княжеская власть была еще достаточно сильной, и в борьбе за нее выигрывал только тот, кто лучше понимал расстановку политических сил в стране, лучше сообразовывал свои планы с существовавшими политическими противоречиями, кто был энергичнее и умнее, сочетал трезвый расчет с умением рисковать.

Исследование польско-русских отношений рассматриваемого периода естественнее всего начать с самых первых лет XI столетия, оставляя в стороне явления X в. Гнезненский съезд 1000 г., оформивший самостоятельность польской церкви, оказался событием столь крупного значения, что во многом определил развитие польско-германских отношений на ближайшие два десятилетия. Само собой разумеется, что это сыграло свою роль и в развитии отношений между Русью и Польшей.

Выдвинутая юным Оттоном III, мечтателем и мистиком, воспитанным матерью в традициях так называемого византийского цезарепапизма, идея универсальной христианской монархии с перенесением столицы империи в Рим и превращением Славии, под которой понималась прежде всего Польша и ее князь Болеслав Храбрый¹, в равноправного члена империи придала польско-немецкому конфликту особый характер. Болеслав Храбрый, которому планы Оттона III открывали широкие перспективы в отношении славянских стран, по вполне понятным причинам оказался одним из самых ревностных сторонников юности-императора. Этому могли способствовать и распространившиеся, возможно, в империи слухи о намерении Оттона III сделать Болеслава своим преемником, на что, по мнению некоторых исследователей, намекает в своем «Житии пяти братьев-мучеников» близкий к Оттону Бруно Кверфуртский². Все это привело к тому, что начавшаяся в 1003 г. польско-немецкая война переросла рамки обычного столкновения между двумя государствами. В ходе ее решались вопросы о государственной самостоятельности Польши и о путях дальнейшего развития империи. Группировка германских феодалов, дружно выступившая после смерти Оттона III против его универсалистских планов создания Римской империи, боролась не только за продолжение прежними методами политики натиска на Восток, но и вела борьбу за то, чтобы империя осталась инструментом политики заинтересованных в прямом захвате и подчинении славянских земель германских феодалов. Отчасти поэтому

¹ Подробнее о Гнезненском съезде и планах Оттона III основать универсальную монархию см.: Z. Wojciechowski. *Studia Historyczne*. Warszawa, 1954, str. 84—85; В. Д. Король. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 134—136, 151—152.

² W. Meysztowicz. *Szkice o świętym Brunie-Bonifacym*.—«Sacrum Poloniae Millennium», t. V, Rzym, 1958, str. 477—478; «Житие пяти братьев-мучеников».—«Monumenta Poloniae Historica». (далее — MPH), t. VI, Kraków, 1893.

смерть Оттона III и воцарение Генриха II — последнего императора из Саксонского дома и правнука Генриха I Птицелова, — вызвали ожесточенную борьбу в самой империи и сопровождались целым рядом политических убийств, жертвой которых едва не стал в 1002 г. Болеслав Храбрый³. В лице Болеслава Храброго, категорически отказавшегося принять захваченную им Чехию в качестве имперского лена, Генрих II видел, возможно, не только опасного военного противника, тесно связанного с оппозицией императору в империи⁴, не только политического деятеля, открыто выступающего против самой идеи императорской власти как верховной по отношению к другим европейским государям, на что претендовали германские короли из Саксонского дома, считавшие себя прямыми наследниками традиций Восточнофранкской империи⁵, но в какой-то мере личного врага и соперника.

При таких условиях у польского князя не было, естественно, никаких возможностей вести активную, не говоря уже о враждебной киевскому князю, политику на Востоке, ибо на Западе решалась судьба возглавляемого им государства. Со стороны киевского князя также нельзя было ожидать какой-либо серьезной, направленной против Польши активности на Западе, особенно учитывая тот факт, что буквально в двух днях пути от его столицы, по словам посетившего ее в начале 1008 г. Бруно Кверфуртского, простирались уже владения печенегов⁶, от которых приходилось защищаться целой системой оборонительных сооружений. Вот и все, что, пожалуй, следовало бы сказать о польско-русских отношениях самых первых лет XI в. при настоящем состоянии источников.

Более подробные сведения появляются у нас только с 1008 г., со времени миссии Бруно в Киев и к печенегам. Мы твердо знаем, что тогда между польским и киевским двором существовали мирные, не омрачаемые никакими признаками соперничества отношения.

Миссии Бруно придается обычно исключительно важное значение в развитии польско-русских отношений после 1008 г. Источники, однако, не дают оснований прямо связывать саму по себе миссию Бруно Кверфуртского с предшествовавшим этому году или последовавшим после него развитием польско-русских отношений. На это уже, впрочем, указывалось вскользь в литературе вопроса⁷. Бруно предпринял свое путешествие на Восток из Венгрии. Правда, с осени 1005 до зимы 1006—1007 гг. он находился в Польше, где организовывал отправку в Швецию специальной миссии для проповеди христианства, но главной его политической задачей было, видимо, посредство между Болеславом Храбрым и Генрихом II⁸. Такой взгляд на миссию Бруно к печенегам не противоречит тому, что она, по-видимому, предпринималась с согласия польского князя, к которому Бруно направился после своих попыток обращения в христианство степных кочевников. Не противоречит этот взгляд и тому, что прибывший в Польшу поздней осенью 1008 г.⁹ Бруно мог сообщить Болеславу Храброму ряд важ-

³ «Historja polityczna Polski», cz. I. — «Encyklopedia Polska», t. V, cz. I, Kraków, 1920, str. 49; W. M e y s z t o w i c z. Указ. соч., стр. 465.

⁴ Z. W o j c i e c h o w s k i. Polska — Niemcy. Dziesięć wieków zmagania. Poznań, 1945, str. 26; «Historja polityczna Polski», cz. I, str. 49.

⁵ W. W e g e n e r. Böhmen — Mähren und das Reich im Hochmittelalter. Köln — Graz, 1959, S. 33—34.

⁶ См. письмо Бруно Кверфуртского к Генриху II. — МРН, т. I. Lwów, 1864, p. 225.

⁷ G. R h o d e. Die Ostgrenze Polens, B. I. Köln — Graz, 1955, S. 59. Автор, впрочем, считает участие Бруно в подготовке брака Святополка весьма вероятным.

⁸ W. M e y s z t o w i c z. Указ. соч., стр. 485.

⁹ Там же, стр. 493.

ных для польского князя сведений относительно положения на Руси и характера русско-печенежских отношений. Значение этих сведений, однако, нет оснований преувеличивать. Оживленный торговый путь, связывавший Киев, Краков и Прагу¹⁰, позволял Болеславу Храброму постоянно пользоваться информацией о русских делах, получаемой от многочисленных купцов, следовавших из Руси в страны Центральной Европы. Оказавшись в Польше в 1008 г., Бруно прежде всего вновь попытался выступить посредником между Польшей и империей, а затем отправился, очевидно, с полного согласия польского князя, с миссией к ятвягам, где и погиб 9 марта 1009 г.¹¹

Короче говоря, у нас нет оснований говорить о какой-либо активной, определяющей роли Бруно в развитии польско-русских отношений описываемого времени, как это предполагал С. Закшевский, писавший об установлении Бруно контактов с сыном Владимира Святополком, об участии его в подготовке брака Святополка и дочери Болеслава, чему должно было предшествовать отправившееся вместе с Бруно в Польшу русское посольство¹². Самое большее, что можно было бы предполагать при нынешнем состоянии источников, это известное расширение при киевском дворе круга сведений о польском соседе, его планах и целях, хотя и в этом отношении при наличии оживленных торговых связей между двумя странами сведения, сообщенные Владимиру Бруно, не могли представлять какой-либо исключительной ценности. Переговоры с Бруно могли разве лишь еще раз убедить Владимира в глубокой заинтересованности польского князя прусским (точнее — ятвяжским) вопросом и в возможности сотрудничества с Болеславом Храбрым в отношении ятвягов, набеги которых представляли серьезную опасность для Руси и Польши, как это показали хорошо известные события, происшедшие спустя тридцать лет.

Если в конце 30—40-х годов XI в. союз Мазовии с ятвягами стал одной из важнейших причин, обусловивших заключение русско-польского союза¹³, то, пожалуй, не будет слишком рискованным предположить, что наступившее вскоре после 1008 г. польско-русское сближение могло иметь причиной общую заинтересованность Руси и Польши в ятвяжском вопросе. Это предположение кажется тем более убедительным, что у нас фактически нет оснований думать о возможности польско-русского сотрудничества в то время по какому-либо другому поводу. Зная о тяжелом положении Болеслава на Западе, Владимир едва ли мог рассчитывать получить серьезную помощь от него против печенегов. Влияние польского князя на последних нет никаких оснований преувеличивать. В свою очередь, и Болеслав Храбрый едва ли мог серьезно думать о

¹⁰ О значении этого торгового пути для экономической жизни тогдашней Европы см.: В. В а с и л ь е в с к и й. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. — «Журнал Министерства народного просвещения», июль 1888; М. Э. Ш а й т а н. Германия и Киев в XI в. — «Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии за 1926 г.», Л., 1927, вып. I (34); А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1934; е го ж е. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století). Praha, 1954; е го ж е. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. — Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961; В. W i d e r a. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und dem Kiever Rus in der ersten Hälfte des XI Jahrhunderts. — «Beiträge zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und den Völkern der Sowjetunion», Berlin, 1954.

¹¹ S. Z a k r z e w s k i. Boleslaw Chrobry Wielki. Lwów — Warszawa — Kraków, str. 225.

¹² Там же, стр. 224.

¹³ Н. Ł o w m i a ń s k i. Stosunki polsko-ruskie za pierwszych Piastów. — «Przegląd Historyczny», 1960, str. 160; В. Д. К о р о л ю к. Древнепольское государство, стр. 181; е го ж е. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. — «Славянский архив», М., 1958, стр. 17; cp. S. M. K u c z y ń s k i. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039. — «Slavia antiqua», t. V, Poznań, 1956, str. 259—260.

возможности добиться от Владимира значительной военной помощи против империи¹⁴. Таким образом, помимо закрепления мирных отношений на польско-русской границе, обеих государей могла сблизить лишь перспектива совместных действий в отношении ягвягов. Что касается инициативы сближения, то она исходила, возможно, от Владимира Святославича, а не от Болеслава Храброго. На это как будто косвенно указывает письмо Бруно Кверфуртского Генриху II, в котором отмечается охлаждение польского князя зимой 1008/09 г. к планам христианизации пруссов, что было следствием возобновления польско-немецкой войны¹⁵.

К сожалению, состояние наших источников таково, что мы не можем с точностью сказать, когда произошло оформление наметившегося русско-польского сотрудничества, скрепленного браком старшего сына Владимира Святополка и польской княжны, дочери Болеслава Храброго. Если исходить из показаний Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского, то брак этот следует отнести к промежутку времени между 1008 и 1013 гг., ибо в 1013 г., по словам Титмара¹⁶, Болеслав Храбрый находился уже в состоянии войны с Владимиром Святославичем, а в 1008 г. при дворе киевского князя не было еще дочери польского владыки. Можно попытаться еще более уточнить дату оформления русско-польского союза. Бруно прибыл из Руси ко двору польского князя поздней осенью 1008 г., скорее всего в октябре¹⁷. Заключению союза и брака Святополка и польской княжны должны были предшествовать соответствующие дипломатические переговоры. Если правильно предположение, что инициатором союза была русская сторона, мы можем предположить далее, что переговоры эти были проведены специальным посольством, отправленным киевским князем ко двору Болеслава Храброго. Как бы то ни было, при тогдашних средствах сообщения и темпах жизни все это должно было занять несколько месяцев. Иными словами, брак Святополка и заключение русско-польского союза не могли произойти ранее 1009 г. Предлагаемая С. Закшевским датировка этих событий 1009—1010 гг.¹⁸ представляется поэтому вполне приемлемой. Зато менее удачными кажутся нам попытки отодвинуть заключение русско-польского союза к 1012 г.¹⁹ Ссылки на то, что младшая дочь Болеслава к этому времени едва лишь достигла брачного возраста, малоубедительны, потому что мы не знаем точной даты ее рождения. Она приходится на промежуток времени между 991 и 1001 гг.²⁰ С другой стороны, невероятно думать, что между заключением союза и его распадом не было сколько-нибудь значительного разрыва во времени.

К сожалению, обстоятельства разрыва русско-польского союза освещаются нашими источниками немногим полнее, чем его заключение. Русские источники полностью обходят молчанием весь этот интересный эпизод польско-русских отношений 1008—1013 гг. Сведения о нем содержит только хроника Титмара Мерзебургского, который как раз в 1012—1013 гг. начал писать свой исторический труд²¹. То обстоятельство, что

¹⁴ Гипотезы С. Закшевского (указ. соч., стр. 223—244) относительно расчетов Болеслава на вспомогательные русские войска, так же как его явно преувеличенное представление о степени влияния польского князя на печенегов, не могут быть подтверждены ни какими конкретными фактами.

¹⁵ МРН, t. I, p. 227.

¹⁶ «Kronika Thietmara», Poznań, 1953, p. 445.

¹⁷ W. Meysztowicz. Указ. соч., стр. 493.

¹⁸ S. Zakrzewski. Указ. соч., стр. 493.

¹⁹ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 82.

²⁰ O. Balzer. Genealogia Piastów. Kraków, 1895, str. 4; Wł. Dworzacki. Genealogia. Tablice. Warszawa, 1959, tabl. I.

²¹ W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, B. I. Berlin, 1893, S. 358.

он был современником описываемых им политических событий, происходивших в империи, сам активно участвовал в них, лично сталкивался в качестве мерзебургского епископа с Болеславом Храбрым, без всякого сомнения, определяет большую ценность его хроники как исторического источника²². Жизнь Руси, правда, не находилась в центре его внимания, он судил о ней лишь на основании устных показаний современников, которые могли быть и неполными, могли содержать и содержали иногда ошибки²³. Кроме того, нельзя не учитывать нескрываемую автором хроники неприязнь к польскому князю. Все это, разумеется, отразилось на тоне рассказа хрониста, на его оценках участвующих лиц и происходящих событий, на его интерпретации отдельных явлений, но не может служить доказательством того, что Титмар мог выдумывать или искажать до неузнаваемости основную, общеизвестную для людей его времени цепь фактов. К тому же у нас нет никаких оснований думать, что Титмар мог быть как-то особенно заинтересован в злостном искажении или измышлении в целом мало его интересовавшей политической жизни на Руси²⁴. Это в равной степени относится и к его сообщениям, характеризующим события 1008—1013 гг., и к его показаниям о событиях Киевского похода Болеслава Храброго в 1018 г.

Итак, что же рассказывает нам Титмар о событиях русско-польских отношений, приведших к конфликту 1013 г.? Вот собственные слова хрониста: «Имел он (Владимир.— *В. К.*) трех сыновей, и одному из них взял в жены дочь нашего преследователя, князя Болеслава. Вместе с ней был послан из Польши епископ колобжегский Рейнберн»²⁵. Далее следует выспренняя характеристика Рейнберна, после чего идет следующее сообщение: «Этого епископа вместе со своим сыном и его женой упомянутый король (Владимир.— *В. К.*), когда ему стало известно, что его сын по наущению Болеслава готовит против него (Владимира.— *В. К.*) восстание, приказал схватить и заключить в отдельной темнице»²⁶, где Рейнберн и умер вскоре.

Заканчивая описание рассматриваемого эпизода польско-русских отношений, Титмар пишет: «Узнав обо всем этом, Болеслав не переставал мстить, как только мог»²⁷. Хронист имел в виду предпринятый вскоре, в 1013 г., поход Болеслава на Киевскую Русь.

Итак, русско-польский союз, заключенный, вероятно, в 1009—1010 гг. (показания Титмара о заговоре против Владимира и аресте Святополка, Рейнберна и дочери Болеслава Храброго свидетельствуют явно в пользу этой даты, а не в пользу 1012 г. как даты брака Святополка) оказался крайне непрочным и недолговечным. Поводом для его разрыва послужил арест Владимиром Святополка, его жены-польки и епископа Рейнберна. Титмар объяснял этот арест заговорщической деятельностью Святополка и интригами Болеслава. Источники, однако, не говорят ни о размерах, ни

²² В русской дореволюционной и советской литературе неоднократно подчеркивалась ценность и в общем большая достоверность русских известий Титмара (см.: Ф. Я. Ф о р т и с к и й. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872, стр. 143; Н. Н. И л ь и н. Указ. соч., стр. 74 и др.).

²³ Такой ошибкой является рассказ Титмара о женитьбе Владимира на греческой княгине Елене, до того якобы предназначавшейся в жены императору Оттону III (см. «Kronika Thietmara», р. 570—571, прим. 478).

²⁴ Ср. Н. Н. И л ь и н. Указ. соч., стр. 74.

²⁵ «Hic tres habens filios uni eorum Bolizlavi ducis nostrique persecutoris filiam in matrimonium duxit, cum qua missus est a Polenis Reinbernus praesul Salsae Cholbergensis» («Kronika Thietmara», р. 571).

²⁶ «Quem predictus rex, audiens filium suimet ortatu Bolizlavi tacito reluctaturum sibi, cepit cum eodem et uxore et in singulari custodia claudit» (там же).

²⁷ «Bolizlavus autem haec omnia comperiens, in quantum potuit, vindicare non desistit». (Там же, стр. 573).

о целях заговора. Арест Святополка и Рейнберна указывает, правда, на то, что оба они (юная супруга Святополка едва ли могла играть самостоятельную роль) в равной мере были участниками враждебной киевскому князю интриги. Однако самого по себе этого факта еще явно недостаточно для того, чтобы судить о целях заговорщиков. Отсутствие сколько-нибудь определенных показаний источников на этот счет и послужило, по-видимому, отчасти причиной наблюдаемой в историографии разногласия в определении мотивов деятельности заговорщиков и причин возникновения заговора.

С. Закшевский видит причину конфликта Святополка с Владимиром в симпатиях первого к латинскому духовенству и его проповеди. При этом он ссылается на сведения второй половины XI в., когда понятия «польское» и «католическое» в глазах православного русского духовенства стало чуть ли не синонимами²⁸. Близок к этой точке зрения советский исследователь Б. Я. Рамм, который считает, что причиной конфликта была миссия Рейнберна, ставящая своей целью подчинение Киева Риму в церковном отношении, а Рейнберн являлся одновременно и агентом Рима, и агентом польского князя. Он же был инициатором заговора, ставящего своей целью свергнуть Владимира и поставить на его место симпатизирующего Римской курии Святополка²⁹.

Иной точки зрения придерживается М. Грушевский. Следуя за Титмаром, Грушевский считает, что главной причиной заговора была интрига Болеслава, который, по его мнению, был заинтересован в том, чтобы посеять вражду в семье киевского князя и захватить Червенские города³⁰. О далеко идущих в отношении Руси планах Болеслава Храброго как причине заговора и ареста Святополка и Рейнберна пишет и один из последних исследователей вопроса — Н. Н. Ильин, придающий особенно важное значение заговорщической деятельности Рейнберна³¹. В аналогичном плане решались в основном все эти вопросы и нами в книге «Древнепольское государство», где миссия Бруно к печенегам, брак Святополка и польской княжны и миссия Рейнберна рассматривались как звенья одной и той же цепи событий, долженствовавших поставить Киев в орбиту польского политического влияния, причем инициатива в развитии польско-русских отношений приписывалась исключительно Болеславу Храброму³².

Выше мы уже показали несостоятельность такой трактовки вопроса. Сближение с Оттоном III, торжественность Гнезненского съезда, расчеты на близкое коронование королевской короной могли, конечно, создать у Болеслава чрезвычайно преувеличенное представление о себе и своем значении в Европе. Вступив в тяжелую схватку с империей, Болеслав был, разумеется, заинтересован в благоприятном для себя развитии польско-русских отношений. Но отсюда еще далеко до вывода, что его политика была движущей силой, определяющей весь ход польско-русских отношений в первое десятилетие XI в. С приходом в империю к власти Генриха II главное внимание Болеслава занимала Чехия. Разразившаяся польско-немецкая война сковывала все силы и должна была занимать все мысли польского князя. Миссия Бруно к печенегам и в Киев, по-видимому, не была развитием и осуществлением восточной политики польского

²⁸ S. Z a k s z e w s k i. Указ. соч., стр. 250—251.

²⁹ Б. Я. Р а м м. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, стр. 47—48.

³⁰ М. Г р у ш е в с ь к и й. Історія України — Руси, т. I. Львів, 1904, стр. 438—439.

³¹ Н. Н. И л ь и н. Указ. соч., стр. 81—84.

³² В. Д. К о р о л ь у к. Древнепольское государство, стр. 158.

князя, а инициатором польско-русского союза в 1009—1010 гг. был, возможно, Владимир, а не Болеслав.

Союз этот должен был вполне устраивать польского князя, так как он гарантировал его тыл в борьбе с империей. Вместе с тем он, конечно, вовлекал Болеслава в дела русской великокняжеской фамилии, открывал для него более широкие, чем прежде, горизонты на Востоке. Спрашивается, однако, мог ли польский князь в промежуток времени между 1010—1013 гг. ставить перед собой какие-либо серьезные агрессивные цели на Востоке? Видя даже в Святополке проводника своего политического влияния на Руси, мог ли он быть заинтересован в том, чтобы подталкивать Святополка на прямое выступление против дряхлеющего отца, рискуя при этом не только разрывом союза, но и вооруженным конфликтом на восточных границах своего государства?

На все эти вопросы приходится дать отрицательный ответ. Довольно удачный для Болеслава 1007 г. не решил исхода второй польско-немецкой войны. Военные действия продолжались с переменным успехом, так что в 1010 г. империи удалось вновь отнять у Болеслава часть Лужиц, а в 1012 г. Польше угрожало даже вторжение немецкого войска. Одновременно происходили важные события в Чехии, где Олдржиху удалось свергнуть старшего брата Яромира, причем польский князь играл в этих событиях отнюдь не последнюю роль³³. Положение серьезно изменилось только в 1013 г., когда после довольно сложной дипломатической подготовки был заключен в мае 1013 г.³⁴ в Мерзебурге мир с империей, скрепленный браком сына Болеслава Мешко и племянницы Оттона III и Генриха II Рихезы. Вслед за тем, как определенно указывает Титмар, — следовательно, летом 1013 г., Болеслав выступил походом на Русь³⁵.

В том убеждении, что Болеслав не являлся в 1010 — мае 1013 гг. активной силой в польско-русских отношениях, укрепляет нас еще одно соображение. Разоблачение заговора Святополка — Рейнберна и арест их не могли произойти позднее 1012 г. Между разоблачением заговорщиков и получением Болеславом известий об этом должно было пройти известное время, время требовалось и для подготовки самого похода и для установления связи с печенегами (они участвовали летом 1013 г. в походе на Русь польского князя)³⁶. Поэтому, если в мае 1013 г. Болеслав считал себя подготовленным к войне с Владимиром, то сведения об аресте его зятя и дочери должны были уже иметься у него в конце 1012 г. В таком случае, разоблачение Святополка и Рейнберна произошло не позднее осени 1012 г.³⁷, следовательно, до начала польско-немецких переговоров о мире. Не могло оно произойти и намного ранее этого срока, на что косвенным образом указывает энергичная, развиваемая с самого начала 1013 г. дипломатическая деятельность Болеслава, целью которой было достижение приемлемого компромисса с империей.

Итак, у нас нет никаких объективных оснований думать, что Болеслав был организатором и вдохновителем заговора своего зятя в 1012 г., когда его мысли были как раз заняты важными переменами, происходившими в Чехии. Что же касается заявления Титмара о тайном паущении Болеслава, то его приходится трактовать как домысел, как попытку дать собственное объяснение событий русско-польских отношений, ставших известными автору. Это тем более вероятно, что у Титмара, разумеется,

³³ S. Z a k r z e w s k i. Указ. соч., стр. 252—269.

³⁴ «Kronika Thietmara», p. 441—445.

³⁵ «Post haec vero Ruciam... petit» (там же, стр. 445).

³⁶ Там же.

³⁷ 1012 г. как дату раскрытия заговора Святополка — Рейнберна принимает и польский исследователь С. Закшевский (указ. соч., стр. 251).

и не могло быть никаких достоверных источников информации, объясняющих тайные планы Болеслава в русской политике и его побуждения.

Давая такое объяснение причин русско-польского конфликта 1013 г., Титмар со своей точки зрения, в сущности, не совершал произвольного или, точнее, злонамеренного искажения фактов. Болеслав действительно был мастером дипломатической игры и интриги. В глазах Титмара он являлся олицетворением коварства и вероломства. Он был, по мнению мерзебургского епископа, человеком, от которого можно ожидать решительно всего. В представлении Титмара естественнее всего было связать русско-польский дипломатический союз, заговор и арест Святополка и Рейнберна и поход Болеслава на Русь в 1013 г. интригой польского князя. Сам Титмар, по всей вероятности, был вполне убежден в правильности своего домысла.

Не более правдоподобной представляется и вторая существующая в литературе точка зрения, сводящая причины польско-русского конфликта 1013 г. к интриге епископа Рейнберна. Само собой разумеется, мы не намерены здесь отрицать ни агрессивные замыслы Рима на востоке Европы, ни, тем более, активность в Киеве Рейнберна. Последний, очевидно, действительно вел активную пропаганду в пользу Римской курии на Руси, причем проповедническая деятельность его прямо задевала интересы и достоинство киевского князя. На это, если мы не ошибаемся, прямо указывает Титмар, который заканчивает свой рассказ о смерти епископа Рейнберна в темнице следующими словами: «Находясь в безопасности на небе, смеется епископ над угрозами того несправедливого мужа (Владимира. — В. К.) и охраняемый земной и небесной чистотой ожидает момента, когда пламя мести достигнет этого распутника»³⁸. Длинные тирады, посвящаемые Титмаром разоблачению похотливости и распутства Владимира, указывают даже, возможно, на те конкретные аргументы, которыми мог пользоваться Рейнберн в своей пропаганде против князя Владимира.

Можно ли, однако, делать из всего этого вывод, что пролатинская пропаганда Рейнберна или его обличительные речи против Владимира могли сами по себе явиться причиной разрыва недавно заключенного союза с Польшей? Очевидно, нет. Слабые римские папы, целиком поглощенные своими итальянскими делами³⁹, не были в начале XI в. политическим фактором, могущим представлять действительную угрозу для Руси. С другой стороны, Владимир Святославич не был типичным неопитом, и присутствие при его дворе горячего сторонника римской курии само по себе едва ли могло как-то особенно задевать его. Терпел же он при своем дворе епископа Бруно и даже пользовался его услугами в своих отношениях с печенегами⁴⁰. Выше мы уже видели, что его не смущала перспектива породниться с таким верным сыном римской церкви, как Болеслав Храбрый. Кстати сказать, и его сын, Ярослав Мудрый, тоже, по-видимому, не придавал вопросам веры слишком большого значения при заключении династических браков. Наконец, бесспорно, о широте взглядов Владимира на вопросы веры прямо свидетельствует сам факт прибытия к его двору Рейнберна в качестве духовника его новой невестки. Пример его сыновей — Святополка и Ярослава — показывает вместе с тем, что Владимир не был в этом отношении каким-либо исключением среди русских людей начала XI в.

³⁸ «In caelesti securitate sedens episcopus ille ridet viri minas iniusti et castitate gemina potitur ac fornicatoris illius ultrices flammam speculatur» («Kronika Thietmara», p. 573).

³⁹ Ф. Грегоровиус. История города Рима в средние века, т. IV. СПб., 1907, стр. 3—20.

⁴⁰ МРН, т. I, p. 225.

Но если так обстояло дело в то время в Киеве с латинскими миссионерами, то еще меньше оснований думать, как некоторые исследователи ⁴¹, что для русских людей XI в. Польша и поляки являлись олицетворением латинской ереси и ненавистного Рима. Против этого свидетельствуют и династические браки русских князей и представительниц Пястовского рода, и та несомненная симпатия, с которой относился русский летописец к Болеславу Польскому, называя его Великим и подчеркивая его храбрость и ум ⁴².

Таким образом, деятельность Рейнберна в качестве агента Римской курии не в состоянии объяснить нам разрыв русско-польского союза в 1012 г. Интриги и проповеди латинского епископа могли вызывать и, конечно, вызывали недовольство русского духовенства, они могли раздражать и оскорблять самого князя Владимира. Но если бы дело сводилось только к этому, даже при условии, что Рейнберну действительно удалось внушить Святополку симпатии к Риму, чего нельзя подтвердить прямыми показаниями источников, весь эпизод, связанный с Рейнберном, завершился бы скорее всего только арестом или высылкой его самого. В действительности же произошло нечто совершенно иное. Был арестован старший сын правящего князя, была арестована со своим духовником его супруга — дочь Болеслава Польского, тем самым был разорван польско-русский союз, нанесено прямое оскорбление сильному соседу, вместо союзника у Руси появился новый враг, пусть даже временно и поглощенный заботами на западной границе.

Все это говорит о том, что деятельность Рейнберна и Святополка представляла действительно большую угрозу государству, что Владимир, принимая решение о репрессиях против сына и невестки, был чрезвычайно обеспокоен вскрывшимся заговором. Поскольку ни деятельность Болеслава Храброго, ни проримская агитация Рейнберна не могли представлять в рассматриваемое время действительной угрозы Древнерусскому государству, остается предположить, что такой угрозой могли быть действия самого Святополка.

Старший из оставшихся в живых сыновей Владимира Святополк правил западными окраинами Киевской Руси, подобно тому как Ярослав правил в Новгороде, а Борис в Ростове. Если в 1014 г. Ярослав Мудрый отказался платить дань киевскому князю, своему отцу, тем самым как бы заявляя о своем намерении рассматривать себя как самостоятельного государя, то почему нельзя предположить, что в 1012 г. готовился к аналогичному выступлению его старший брат Святополк? И то, что управляемые Святополком земли находились на западе Киевской Руси, вблизи от владений его тестя Болеслава, и то, что он, как свидетельствует весь ход более поздних событий 1015—1018 гг., был дружен с печенегами, говорит как будто в пользу именно такой трактовки целей раскрытого в 1012 г. заговора в великокняжеской семье.

Тенденции к феодальной раздробленности уже давали себя чувствовать в древнерусском обществе, и не было бы ничего исключительного в том, если бы, используя их, Святополк, которому было к тому времени более тридцати лет, попытался освободиться от верховной власти великого князя. На этот шаг его мог толкнуть новый брак князя Владимира ⁴³, который, судя по немецким источникам, женился в 1012 г. на дочери графа Куно Онингена ⁴⁴. Титмар ничего не сообщает об этом факте. Очевидно,

⁴¹ St. Z a k r z e w s k i. Указ. соч., стр. 250.

⁴² «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. I, Л., 1926, стб. 143, 149.

⁴³ N. de B a u m g a r t e n. Saint Vladimir et la conversion de la Russie.— «Orientalia christiana», vol. XXVII, Roma, 1932, p. 124; ср. е г о ж е. Le dernier mariage de Saint Vladimir.— Там же, т. XVIII, 1930, стр. 8.

⁴⁴ «Monumenta Germaniae Historica SS», t. XIII, p. 734; t. XXI, p. 460.

новый брак Владимира Святославича не сыграл заметной роли в русско-германских отношениях.

Принимая предположение, что Святополк преследовал цель создания себе независимого удела (на большее, т. е. на захват великокняжеской власти он едва ли мог рассчитывать)⁴⁵, мы получим, кстати говоря, возможность еще точнее объяснить заявление Титмара о тайном наущении Святополка Болеславом. Готовясь к восстанию, Святополк, естественно, должен был стремиться заручиться поддержкой могущественного тестя. Сведения о сношениях Святополка с Болеславом в период организации заговора Титмар мог получить от немецких участников похода 1013 г., а считать их инициатором не неведомого ему Святополка, а хорошо известного «коварного» Болеслава казалось ему само собой разумеющимся.

Стоит только согласиться с высказанным выше предположением о характере подготовляемого Святополком восстания, как и все остальные твердо известные факты станут на свои места, получают логический смысл и объяснение. В самом деле, отказ от признания верховной власти киевского князя был настоящим государственным преступлением и представлял действительную угрозу целостности государства. Ясно поэтому, почему Владимир, предотвращая восстание сына, пошел на такие решительные и крутые меры, как арест Святополка и его жены и разрыв с Болеславом. Когда вздумал бунтовать Ярослав, Владимир без колебаний шел на то, чтобы оружием принудить его к повиновению. «И рече Володимер: требите путь и мостите мост. Хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего». В 1015 г. Владимиру помешала только болезнь и смерть.

Вполне понятным окажется и активное участие в заговоре Рейнберна. Слабого удельного князя на самом деле легче было бы заполучить в римские сети, чем великого князя киевского. Естественными и простыми мотивами объясняются связи заговорщиков с Болеславом. Не симпатиями к Риму руководился Святополк, обращаясь за помощью к тестю, он просто искал иностранной военной поддержки, как искал ее «за морем» у варягов Ярослав в 1015 г.⁴⁶ Объясняется, наконец, и мирная инициатива в начале 1013 г. на западе Болеслава Храброго, которого застало, очевидно, врасплох разоблачение заговора его зятя. Не будучи главой заговорщиков, он, конечно, не мог заранее подготовиться к событиям и нуждался в передышке на западе, чтобы иметь свободные руки на востоке.

Итак, попытка Святополка вырваться из-под власти киевского князя является самым простым и, думается, самым убедительным объяснением событий, приведших к разрыву русско-польского союза 1009—1010 гг. Тот факт, что гипотеза эта не привлекалась для объяснения событий 1012—1013 гг., можно объяснить, по-видимому, только тем влиянием, какое оказывал на исследователей летописный рассказ о Святополке. Между тем в настоящее время можно считать доказанным, что посвященная в летописи Святополку статья 6523 года имела своим источником возникшее около 1072 г. «Сказание о убиении Бориса и Глеба»⁴⁷. Именно под влиянием этого агиографического произведения возник летописный образ «окаянного» Святополка, который «Каинов смысл приим», захлебнулся в пролитой им братской крови. Образ этот мешал исследователям увидеть за ним действительный образ неудачливого бунтовщика против власти великого князя, а затем и неудачливого претендента на великокняжеский стол, потерпевшего, несмотря на большую иноземную помощь, полное поражение в братоубийственной борьбе за Киев. Летописный рассказ мешал исследовате-

⁴⁵ Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 84.

⁴⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 130.

⁴⁷ Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 209.

лям замечать в жестоких поступках Святополка те же мотивы, которыми руководствовались в своих действиях его отец и брат. Ведь и Владимир на своем пути к киевскому столу перешагнул через труп собственного брата, и Ярослав подымал руку на своего отца — великого князя, не стесняясь при этом искать помощь «за морем». Святополк был только, безусловно, гораздо более мелкой фигурой, чем его отец и брат, в то время как вчитывающимся в летописный текст историкам он казался каким-то особенно коварным интриганом, злодеем библейского типа.

Но вернемся к событиям 1012 г. Арест Святополка, его супруги и Рейнберна привел к разрыву просуществовавшего всего только немногим более двух лет русско-польского союза. Более того, в 1013 г. он вызвал вооруженный конфликт между Русью и Польшей. Оскорбленный Болеслав (а Болеслав, по свидетельству источников, не упускал случая отомстить за оскорбление⁴⁸) поспешил заключить мир с империей, чтобы обрушиться на Русь. Этот шаг Болеслава был только на руку его врагу Генриху II, так как он давал необходимую ему передышку для похода в Италию⁴⁹, а Болеславу связывал руки на востоке. Вместе с тем Генрих II мог рассчитывать и на то, что русско-польский конфликт косвенным образом облегчит ситуацию в южной Италии, где соперником его был византийский император Василий II. Генрих II мог считать, что в условиях польско-русской войны ему нечего опасаться возможной помощи Византии со стороны Владимира Святославича⁵⁰. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в походе 1013 г. на Русь в войске Болеслава находились немецкие рыцари. Союзниками польского князя были и печенеги. Именно столкновение между поляками и печенегами, закончившееся жестокой резней, и было причиной неудачи похода 1013 г. на Русь. Он не принес славы Болеславу, все успехи которого свелись к опустошению пограничных русских земель⁵¹. Зато поход этот сильно осложнил положение польского князя в 1015 г., когда возобновилась война с империей, а Киевская Русь оказалась в стане неприятелей Древнепольского государства. Разрыв польско-русского союза оказался, таким образом, невыгодным прежде всего польской стороне.

Мы не знаем, преследовал ли в 1013 г. Болеслав, обращая свое оружие против Руси, какие-либо далеко идущие цели или он, как думал Титмар, явился на Русь только в качестве мстителя за дочь и зятя⁵². На этот счет можно высказывать только те или иные гипотезы, основываясь главным образом на событиях 1018 г. Но даже если широкие агрессивные планы в отношении Руси и руководили в 1013 г. поступками Болеслава, кажется несомненным, что возникнуть они могли прежде всего под влиянием раскрытого в 1012 г. заговора Святополка. Конфликт в киевской великокняжеской семье втягивал Болеслава в русские дела, как впоследствии в период феодальной раздробленности противоречия и борьба между удельными князьями неизбежно сопровождались посторонним вмешательством.

Подведем основные итоги нашего исследования.

Хотя русско-польские отношения и не являлись главной осью, вокруг которой формировалась внешняя политика Киевской Руси или Древнепольского государства, обе стороны были заинтересованы в начале XI в. в том, чтобы оставаться добрыми соседями. Именно этим и объясняется

⁴⁸ «Galli Anonymi Cronica et gesta ducum sive principum Polonorum». — MPH, nova series, t. II. Kraków, 1952, p. 22; ПСРЛ, т. IV, Пг, 1915, стр. 108—109.

⁴⁹ S. Z a k r z e w s k i. Указ. соч., стр. 269.

⁵⁰ Там же, стр. 272. Ср.: А. Ф. Г р а б с к и й. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. — «Византийский временник», т. XIV, 1958.

⁵¹ О событиях похода 1013 г. см. «Kronika Thietmara», p. 445.

⁵² Там же, стр. 573.

заклучение в 1009—1010 гг., скорее всего по инициативе Владимира Киевского, русско-польского союза, скрепленного династическим браком. Союз этот оказался, однако, очень недолговечным. Раскрытый Владимиром заговор Святополка — Рейнберна привел к его разрыву уже в 1012 г. Наиболее вероятной целью заговора была подготовка Святополком восстания против верховной власти киевского князя. Арест стремившегося к удельной независимости Святополка и его жены привел к вооруженному вмешательству в русские дела его тестя, Болеслава Храброго. Что же касается проримской агитации Рейнберна, то значения ее для развития польско-русских отношений, кажется, нет нужды преувеличивать, как нет оснований вообще преувеличивать значение Римской курии как одного из факторов политического развития Восточной Европы для конца X — начала XI в. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников свидетельствует, на наш взгляд, что политика Рима и политика Древнепольского государства на Руси в описываемое время — отнюдь не одно и то же. Это достаточно хорошо понимали тогда сами русские люди. Нет никаких оснований смотреть на явления русско-польских отношений начала XI в. глазами киево-печерских монахов второй половины этого столетия, которым бее являлся во сне «в образе ляха»⁵³.

⁵³ ПСРЛ, т. I, стб. 190.

Е. П. Наумов
ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СЕРБСКИХ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ СВЯЗЕЙ
(второе житие Стефана Девчанского
в сочинениях Иосифа Волоцкого)

Проблемы средневековых русско-южнославянских связей привлекают с давних пор внимание исследователей¹, рассматривавших вопросы южнославянского литературного влияния на Русь, распространение русских культурных памятников в южнославянских странах, изучавших политические связи южнославянских народов с Россией и т. д.

Однако некоторые вопросы русско-южнославянских средневековых связей до настоящего времени еще не получили надлежащего освещения в исторической литературе. К числу неразработанных следует отнести и проблему использования одного из важных сербских агиографических памятников — второго жития сербского короля Стефана Уроша III Дечанского² в публицистических произведениях видного деятеля русской церкви Иосифа Санина (1439/1440—1515)³. Правда, в русской дореволюционной

¹ О связях южных славян с Россией в средние века (до XVII в.) см., например: И. Некрасов. Пахомий Серб, писатель XV в. Одесса, 1874; А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894; Д. Ковачевич. Срби митрополити и црквени писци у Русији као проповедници православне цркве. Београд, 1903; А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904; М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. (Русские памятники письменности на юге славянства). — Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, т. XXVI, Пр., 1923, стр. 143—206; В. Сл. Киселев. Митрополит Григорий Цамблак. София, 1943; М. Н. Тихомиров. Иван Грозный и Сербия. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 1, 1945, стр. 3—8; его же. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — «Славянский сборник», М., 1947, стр. 125—201; И. Снегоров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XV в. — Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 257—277; и другие сочинения.

² Житие издано Я. Шафариком («Гласник Друштва српске словесности», св. XI, Београд, 1859, стр. 35—94). Гораздо менее удовлетворителен текст рукописи жития, опубликованной И. Кукулевицем-Сакцинским («Arhiv za povjestnicu jugoslavensku», knj. IV, Zagreb, 1857, str. 1—29). Современный сербский перевод жития см.: «Старосрпске биографије XV и XVII века. Цамблак, Константи, Пајсије», превео Л. Мирковић, са предговором П. Поповића, Београд, 1936, стр. 1—40.

³ Это житие было использовано Иосифом Саниным (Волоцким) в его трактате о неприкосновенности монастырских имений (см. В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 130—132) и в послании к боярину И. И. Третьякову («Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье», М.—Л., 1959, стр. 199—201).

и в советской историографии в связи с изучением публицистической деятельности Иосифа Волоцкого и его участия в борьбе против попыток секуляризации церковных и монастырских земель на Руси в начале XVI в. не раз отмечалось, что Иосиф Санин в своих сочинениях, наряду с другими церковными памятниками, использовал житие св. Стефана Сербского⁴.

Однако упоминая о заимствовании Иосифом Волоцким аргументов против секуляризации церковных и монастырских земель из жития Стефана Сербского, исследователи обычно не ставили вопрос о том, что за памятник представляет собой это житие, а использование его Иосифом Волоцким не рассматривали как весьма любопытный пример русско-сербских литературных и культурных связей в период средневековья. Остается также невыясненным, в какой мере использовал Иосиф Санин этот памятник.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть все эти вопросы и, насколько это возможно, специально исследовать тему об использовании жития Стефана Сербского в произведениях Иосифа Волоцкого.

* * *

В первой (и большей) части, описывающей события до свержения Стефана Уроша III его сыном Душаном (1331 г.), второе житие Стефана Дечанского повторяет основные сведения, которые содержатся и в первом его житии: здесь также рассказывается об ослеплении Стефана его отцом, королем Милутином, высылке Стефана в Константинополь, о возвращении его в Сербию незадолго до кончины Милутина, прозрении и восшествии на престол, о войне его с болгарским царем (1330 г.), борьбе с сыном, «молодым королем» Душаном, и, наконец, о свержении и смерти Стефана Дечанского. Но и в этой части⁵ второе житие Дечанского представляет немалый интерес. Так, например, здесь имеется новый фактический материал о борьбе Стефана с претендентом на сербский престол — Константином и т. д. Вместе с тем для второго жития, что уже отмечалось в историографии⁶, характерна совершенно иная, чем для первого, трактовка биографии Стефана Дечанского — крайнее восхваление и идеализация его. Этого, естественно, не могло быть в первом житии, написанном при Душане. Так, вина за войну отца с сыном возлагается не на Стефана Дечанского (как это представлено в первом его житии), а на Душана, охваченного жадной властью⁷.

Разумеется, некоторые сюжеты и детали в первой части рассматриваемого памятника, быть может, вымышлены или же по меньшей мере сомнительны (в частности, рассказ о деятельном участии Стефана Дечанского в борьбе против еретиков во главе с Варлаамом⁸). Если указание жития, что Стефан Урош III был задушен после захвата власти Душаном, можно считать достоверным (об этом говорит и современник, Никифор Григора⁹),

⁴ См. И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868, стр. 227; А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1. Одесса, 1871, стр. 57—58; В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 82; «История русской литературы», т. 2, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 313; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 95—96.

⁵ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 43—79.

⁶ «Старе српске биографије...», стр. XXIII—XXXIII; В. С. Киселков. Проуки и очерки по старобългарска литература. 1956, стр. 246—247.

⁷ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 77—79.

⁸ В. С. Киселков. Проуки..., стр. 247.

⁹ Н. Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами (перевод Шалфеева), т. 1. СПб., 1862, стр. 452. В конце XV в. Константин Михалович, серб из Островицы, также писал об этом в своей «Турецкой хронике». — «Споменик Српске Академије наука», Београд, CVII (9), 1959, стр. 17.

то, разумеется, можно сомневаться в том, был ли Стефан Дечанский убит по приказу Душана (как говорится во втором житии) или же его задушили без ведома Душана (по словам Григоры).

Однако эта часть жития, как будет показано ниже, почти не нашла отражения в публицистике Иосифа Волоцкого. Его гораздо более заинтересовала последующая часть рассматриваемого памятника. Изложим вкратце ее содержание.

Если первое житие завершалось на переносе останков Стефана его «христолубивым» сыном Душаном в Дечанский монастырь, то во втором автор его достаточно обстоятельно живописует и последующие события. В частности, через *семь* лет после похорон Стефана Уроша (т. е. в конце 1338 — начале 1339 г.) монастырскому эклисиарху было видение — чудный светлый муж велел ему открыть мощи Дечанского. Через некоторое время, когда был извещен архиерей и собран архиерейский собор, мощи были открыты, и у гроба Уроша III стали находить исцеление слепые, хромые, немые и глухие. Это послужило автору жития предлогом для нового восхваления святого мученика — Стефана Уроша III Дечанского¹⁰.

Изложенный отрывок, более подробно использованный Иосифом Саниным, возник далеко не случайно. Дело в том, что именно в это время — в 1339—1341 гг. (или же в 1339—1343 гг.) — Стефан Дечанский был провозглашен святым¹¹, для чего, естественно, потребовались легенды о его чудесах и обычная церковная церемония, описанная в житии.

По-видимому, Душан согласился на канонизацию отца под давлением других членов династии Неманичей — возможно, своего сводного брата Симеона и его матери, вельмож и духовенства. По всей вероятности, при этом могла сыграть роль и тяжелая болезнь Стефана Душана (в 1340 г.)¹², которую, быть может, сербские церковники постарались изобразить божьей карой за его грехи, прежде всего за свержение и убийство отца.

После описания торжественного открытия мощей Стефана Дечанского, чудесных исцелений и красочной хвалы королю-мученику, в житии имеется весьма любопытная фраза. Поскольку мощи Стефана Уроша у нас, пишет автор жития, мы верим, что вместе с нами его душа, которая исполняет наши «*просьбы о спасении, охраняет от вторгающегося зла, дает отпор и карает явными казнями тех, кто нападает на его (Стефана Дечанского. — Е. Н.) монастырь и оскорбляет ангельский чин (т. е. монахов. — Е. Н.) в нем*». «Выслушайте, — продолжает автор, — любезные отцы, повесть, которая и вам не неведома!»¹³

Таким образом, как мы видим из этих тирад, речь идет о нападениях на Дечанский монастырь, нападениях неоднократных и продолжавшихся, видимо, вплоть до написания жития (примечательно, что все глаголы даны в настоящем времени). Итак, почему же дечанским монахам пришлось возносить молебны о спасении, от кого должен был избавлять их святой Стефан Дечанский?

¹⁰ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 80—82. Ср. А. В. Соловьев. Кад је Дечански проглашен за свеца? Краља Душанова повеља Лимском манастиру. — «Богословље», 1929, стр. 295, прим. 1.

¹¹ Там же, стр. 293—295 (ср. стр. 292); В. С. Киселков. Проуки..., стр. 246 (около 1340 г.); В. Велчев. Творчеството на Григорий Цамблак в светлината на южнославянския ренесанс. — «Език и литература», 1961, № 2, стр. 20 (по его мнению, канонизация Уроша III произошла около 1340 г.).

¹² А. В. Соловьев. Кад је Дечански проглашен за свеца?..., стр. 294, прим. 2; К. Јиречек. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 217.

¹³ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 87. Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Е. Н.

К счастью, на эти вопросы мы находим ответ в Повести об Ивое и Юн-це, которая следует далее в тексте данного памятника.

«Некий Ивое, челник, был назначен несправедливо и неблагочестиво царицей Еленой». Он сначала притворно выказывал набожность и смирение, как волк овечьей шкурой прикрывался, гласит житие, а затем проявил свою звериную ярость, обнаружил свои недостойные замыслы. Он, этот «идол бесчестия», *«открыто присвоил себе все, что есть в обители и установил в ней светскую власть»*¹⁴. Таким образом, как недвусмысленно свидетельствует житие, он захватил Дечанский монастырь и, вероятно, окрестные селения, принадлежавшие этой обители по дарственной грамоте Стефана Уроша III (1330 г.).

Более того, захватив Дечанский монастырь, челник Ивое, как расчетливый хозяин своих новых владений, старался возможно более стеснить прежних собственников — монахов во главе с игуменом и таким образом добиться их ухода из Дечан. Так, например, Ивое лишил настоятеля монастыря всякого надлежащего почета и не разрешил ему даже именоваться игуменом.

Он и «священное число иноков подвергал многообразным скорбям», запрещал, в частности, им свободно передвигаться «посреди монастыря»¹⁵.

Итак, Дечанский монастырь стал полной собственностью челника Ивоя. То, что в житии нет ни слова о попытках Ивоя присвоить монастырские ценности, показывает, что оценка этого рассказа К. Иречком неточна (по его словам, Ивое лишь «притеснял и грабил» монастырь)¹⁶. Согласно житию, Ивое опирался на большие воинские силы: «многие предшествовали и следовали» за ним в его неоднократных поездках за пределы Дечан. То, что Ивое не раз покидал со своим отрядом монастырь, который оставался тем не менее в его руках, показывает, что власть его в этих районах юго-западной Сербии (современная Метохия) была достаточно прочной. Житие, к сожалению, не содержит данных о продолжительности «нечестивой» власти Ивоя в Дечанах. Зато автор дает подробное описание чудесного избавления от тирана, «ярящегося на людей христовых»: после одной из своих поездок Ивое у ворот монастыря был смертельно ранен «христовым воином» и вскоре умер¹⁷, вероятно, пав жертвой умело организованного покушения.

Следует заметить, что Повесть об Ивое почти полностью вошла в сочинения Иосифа Волоцкого. Попробуем теперь обратиться к проблеме о достоверности рассказа об Ивое и — в том случае, если он окажется достоверным, — решить вопрос о датировке этих событий и личности самого челника Ивоя.

Для целей нашего анализа весьма важно упоминание в житии имени царицы Елены. Судя по хронологическому построению жития, деятельность Ивоя относится к периоду после 1338—1339 гг., когда Стефан Дечанский был уже объявлен святым. Как известно, в Сербии в этот период жила лишь одна царица Елена — супруга Душана и мать царя Уроша. Несомненно также, что при жизни Душана Елена не могла производить единолично таких назначений — направлять светского феодала Ивоя в богатый королевский монастырь. Напротив, такое назначение можно признать вполне возможным в последующий период, после смерти Душана (1355 г.), когда Елена, вместе с Урошем V, принимала активное участие в управле-

¹⁴ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 87; «... яже въ обѣтъли вьса явьствно оустрои и отъ мирскихъ та правима быти оустрои въ...».

¹⁵ Там же

¹⁶ К. Иречек. Историја Срба, т. I, стр. 301; т. II, 1952, стр. 312.

¹⁷ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 87—88.

нии государством (в особенности в 1356—1357 гг.)¹⁸. Поскольку уже в 1357—1358 гг. Елена, удалившись в свой удел (на юго-востоке Македонии со столицей в городе Серры), отходит от управления и примерно в 1359—1360 гг. становится монахиней (под именем Елизаветы), мы можем отнести повесть о захвате Дечанского монастыря челником Ивоем к 1356—1357 гг. и предположить, что в житии был использован рассказ, записанный каким-то дечанским монахом вскоре после гибели Ивоя, но не позднее 1365 г., когда царица Елена (Елизавета) снова вернулась в Сербию.

Изучение других сербских источников второй половины XIV в. показывает, что мы можем признать вполне достоверным рассказ о переходе Дечанской монастырской вотчины в руки светского феодала Ивоя. Более того, этот рассказ является лишь одним из довольно многочисленных свидетельств о посягательствах на церковные и монастырские имущества на территории распавшегося Сербского царства в 50—90-х годах XIV в. со стороны сербской светской знати, пobilитета городов Сербского Приморья (южной Далмации) и в некоторых случаях — со стороны государственной власти (в особенности в период правления Уроша V).

Так, например, 10 апреля 1357 г. царь Урош даровал в полную собственность двум которским нобилям — Трифону Буча и Василию Болица остров Млет — владение католического Млетского монастыря¹⁹. Примечательно, что оба которских патриция были придворными сербского царя (с титулом князя), точно так же, как и Ивое, принадлежавший, судя по званию «челник»²⁰, к высшей придворной сербской знати. Известно, что несколько позже (в 1361—1371 гг.) Урош V возвратил двум сербским феодалам — Црену и Држману Вукославичам — земли и села, которые их отец Вукослав даровал Хиландарскому монастырю²¹. Укажем, далее, что в перечне селений, пожалованных Урошем своему приближенному — челнику Мусе 15 июля 1363 г., имеется и село Ярине, принадлежавшее ранее (с 1327 г.), согласно грамоте Стефана Уроша III Дечанского, Студеницкому монастырю²². Число такого рода свидетельств не исчерпывается приведенными выше²³. Примечателен и сам рассказ об Ивое, вернее, его краткость и сжатость.

В самом деле, автор жития ограничивается лишь очень скудным упоминанием «неправедного» назначения Ивоя царицей Еленой, но не говорит нам, в чем состояло его назначение, в чем его неправедность. Дечанские монахи, таким образом, выразили свое возмущение этим назначением

¹⁸ С. Новаковић. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 175—176, 187, 308—311; «Зборник Константина Јиречека», т. I, Београд, 1959, стр. 349—352; К. Јиречек. Историја Срба, т. I, стр. 237; А. Соловьев. Кад је Дечански проглашен за свеца?..., стр. 293, прим. 3.

¹⁹ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 310—312 (ср. стр. 379—380, 386—388); D. Rolić. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV stoljeća. Zagreb, 1955, стр. 165—166, 167, 169. Ср. «Зборник Константина Јиречека», т. I, стр. 351—352; К. Јиречек. Историја Срба, т. II, стр. 80.

²⁰ К. Јиречек. Историја Срба, т. II, стр. 23, 361.

²¹ «Архив за правне и друштвене науке», књ. 35, 1929, стр. 190, 192.

²² А. В. Соловьев. Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926, стр. 167 (ср. С. Новаковић. Указ. соч., стр. 399).

²³ Немаловажным, хотя и косвенным свидетельством того, что во второй половине XIV в., в особенности при царе Уроше, стремления светских сербских феодалов и центрального правительства ограничить рост церковного и монастырского землеуладения и даже провести частичную секуляризацию были весьма сильны, служит число сел, пожалованных в этот период монастырям. Так, в 1331—1355 гг. Стефан Душан пожаловал, по данным сохранившихся грамот, монастырям и церкви 122 (или 131) села в славянских областях царства, а сербские светские феодалы — 63 села. Между тем, в 1356—1371 гг. царь Урош даровал монастырям только два села, а его васалы — лишь 26 селений (к тому же пять из этих сел были вскоре возвращены Урошем их светским владельцам).

достаточно осторожно: они говорят лишь о царице Елене, тогда как Елена даже в 1356—1357 гг., судя по данным сохранившихся источников, никаких единоличных решений выносить не могла. Несомненно, что она назначила Ивою в Дечанский монастырь лишь с ведома и согласия царя Уроша, сербского патриарха и влиятельных вельмож, т. е. точно так же, как и Урош, например, даровал которским патрициям остров Млет, обсудив это с Еленой и патриархом²⁴.

Тот факт, что житие вовсе не упоминает царя Уроша, по нашему мнению, также свидетельствует о том, что рассказ об Ивое был записан в Дечанах тогда, когда Елена покинула Сербию, и наступило самостоятельное правление Уроша, которого дечанские монахи не решились обвинять в попустительстве «томителю» Ивою. Возможно даже, что в своем рассказе монахи первоначально дали более резкую оценку действиям Елены, однако затем, после ее возвращения в Сербию, где она пользовалась большим влиянием и после смерти Уроша (1371 г.), такая оценка была смягчена.

К сожалению, житие дает нам мало сведений о том, кем был челник Ивое и какие права были ему предоставлены в силу «нечестивого» назначения. Ввиду этого можно было бы предположить, что с челником Ивоем тождествен великий челник Дмитрий, правитель нескольких районов на северо-западе Сербии в начале царствования Уроша V. Как гласит надгробная надпись в монастыре Банье (у Прибоя, в Подринье), 6 марта 1359 г. «в дни Стефана Уроша, царя всех земель сербских и поморских и греческих» умер «раб божий Дмитрий по имени великий челник...» (на месте его народного сербского имени в надписи лакуна). Далее в надписи указывается, что этот феодал «в те дни держал Дабар и Дрину и Гацко с Рудинами»²⁵.

Представляется вероятным, что придворный Уроша V, великий челник Дмитрий, народное имя которого нам неизвестно, получил в «державу» (в наместничество, кормление) не только Подринье и другие области современной Герцеговины, но и смежные районы юго-западной Сербии, где расположен Дечанский монастырь.

В пользу нашего предположения говорит тот факт, что в первые годы правления Уроша (1356—1359 гг.) титул челника или великого челника носили лишь Дмитрий (известно только его христианское имя) и Ивое, названный так в житии Дечанского. Правда, в Которской грамоте Уроша (в историографии она признана подложной или же интерполированной) упоминается и челник Вукашин, но он, несомненно, идентичен с королем Вукашином, погибшим в 1371 г.

По-видимому, Ивое (быть может, тождественный с Дмитрием) в силу своего назначения мог взимать часть доходов Дечанского монастыря, находившегося в границах его «державы», и тем самым нарушал иммунитетные привилегии этой обители. Позднее этот светский сербский феодал, приближенный Елены и Уроша, занял и сам монастырь, ставший его полной собственностью.

Напомним, что в то время Дечанская обитель была одной из самых богатых и крупных в Сербии. Стефан Дечанский в 1330—1331 гг. двумя грамотами (вторую из них в 1343—1345 гг. подтвердил Душан) даровал

²⁴ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 311.

²⁵ Љ. Стојаковић. Стари српски записи и писми, књ. I. Београд, 1902, стр. 41, надп. № 113: «...раб божий Дмитрие а зовомъ велики челникъ... о... а... въ те дни дръ [жа?] Д [ь]брь и Дриноу и Гьцко [Р]оудинами (?)». В других надписях постоянно указываются два имени (народное и христианское): «рабъ Никола, а зовомъ Вратко» «азъ рабъ христоу Николае, а зовомъ мирскимъ Драгославъ Тоутиць» (там же, стр. 27, 30 и др.).

обители свыше 60 селений, расположенных главным образом на юго-западе Сербии (в нынешней Метохии), вокруг самого Дечанского монастыря²⁶.

После смерти Ивою, как повествует далее житие, дечанским монахам пришлось испытать гнет другого светского сербского феодала — Юнца. Второй захват обители, пишет автор, был гораздо ужаснее первого, это «видели и наши очи (т. е. сам игумен Григорий. — *Е. Н.*) и многие другие очевидцы»²⁷.

Так начинается рассказ о Юнце, который по делам «и получил такое имя, так как он, подобно дикому и неукротенному быку (юнцу), прибыл в монастырь». Дечанский игумен поясняет при этом, что Юнец «был послан благочестивыми правителями, чтобы охранять это место, ибо тогда шли междоусобные войны, совершались часто неожиданные опустошения и немалые кровопролития»²⁸.

Однако, хотя Юнец, в противоположность Ивою, был послан охранять Дечанский монастырь, он пошел по стопам «нечестивого» челника. «Как безумный, по писанию, он сказал в сердце своем: „Нет бога!“ — и развратился и стал мерзким в начинаниях». Все управление хозяйством Дечанской обители и всеми ее имениями перешло в руки Юнца и его слуг, «ибо все в обители он имел в [своих] руках и распоряжался по своей воле»²⁹. Так, например, игумену Юнец приказал давать лишь «некую малую часть хлеба и прочих необходимых продуктов», притом только тогда, когда пожелает новый властелин Дечанского монастыря. Власть игумена была уничтожена; всем, кто был в монастыре, запрещалось его посещать. Если же кто-нибудь все-таки отваживался на это, он попадал в руки слуг Юнца, которые «как охотничьи псы» сторожили игумена, и они бесчестили и избивали таких ослушников, забивали их в колодки³⁰.

Впрочем, монахи не покорялись Юнцу и, как гласит житие, по-прежнему признавали и чтили игумена. Вскоре Юнец получил письменный приказ выступить в поход вместе со своим отрядом. Собрав воинов, он «со многим величанием» уехал из Дечан. Однако монастырь остался во власти его слуг и приспешников, которым он приказал «множайше» оскорблять пастыря и добиться, наконец, его ухода из обители. По словам автора жития, Юнец поклялся даже, что сам убьет игумена, если по возвращении в Дечаны найдет его в монастыре³¹.

Тем временем, пока Юнец находился в рядах войска, осаждавшего «некий град», игумен многие ночи проводил в молениях и обратился с просьбой о спасении к самому Стефану Дечанскому, обливая слезами его мощи. Взывая к нему, он говорил, что настало «последнее порабощение твоего достояния», т. е. Дечанского монастыря, что облако печали покрыло монахов, а обитель «скверный Юнец превратил в вертеп для разбойников»³². После этого моления, согласно житию, во сне гордому феодалу Юнцу явился страшный муж, св. Стефан Дечанский, поразивший его лампадой. Это повлекло за собой ужасную болезнь и смерть Юнца, сгнившего заживо³³. Такова была, по словам жития, казнь и возмездие ему за то,

²⁶ Точно определить число дечанских сел по этим грамотам не представляется возможным. По мнению С. Новаковича, Дечанскому монастырю принадлежало 49 или 56 селений («Глас Српске краљевске Академије», XXIV, 1891, стр. 52, 200—203), по подсчетам Р. Ивановича — 69 населенных пунктов («Историски часопис», кн. IV, 1954, стр. 173—226 с картосхемой дечанских владений).

²⁷ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 88.

²⁸ Там же, стр. 88—89.

²⁹ Там же, стр. 89: «вѣса бо яже въ обѣтѣли въ якоу имѣе. обраѣаше юко же ѿ воля ему бѣше».

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 89—90.

³² Там же, стр. 90.

³³ Там же, стр. 91—92.

что он был свирепым и жестоким к «моей (т. е. Стефана Дечанского. — Е. Н.) обители и людям».

Таким образом, благодаря «заступничеству» короля-мученика, покарвавшего Юнца, «*мятежи прекратились*, молва перестала, козлогласования замолкли, бесчинства, совершавшиеся в монастыре, были прекращены, и ему (т. е. Юнцу. — Е. Н.) подобный отряд был изгнан». Рассказ о бесчинствах и гибели Юнца завершает весьма примечательное обращение, предназначенное, разумеется, не для монахов: «*Слушайте, вы, которые выступают против бога, которые желают захватить церковное имущество, слушайте и убегайте, как от огня*», пусть вас образумят эти страшные повести! ³⁴. Все житие заканчивает новая хвала св. Стефану Дечанскому ³⁵, которая, впрочем, не представляет для нас интереса.

О реальности описанных в житии событий говорит III Дечанская грамота, изданная в 1395/1397 — 1402 гг. преемниками сербского князя Лазаря. В этой грамоте отмечается сколько было в Дечанской обители «сожжено и разрушено нечестивыми народами исмаилитскими (т. е. турками. — Е. Н.) и уничтожено и разорено державшими прежде нас, и метохи (монастырские имения. — Е. Н.) отняты...» ³⁶.

В грамоте далее приводится перечень селений Дечанского монастыря, которые были во второй половине XIV в. захвачены светскими феодалами или правителями образовавшихся тогда на этой территории государств, а затем в конце XIV в. возвращены обители преемниками князя Лазаря — его вдовой Евгенией (Милицей), Стефаном и Вуком Лазаревичами. Согласно этой грамоте, монастырю возвратили тогда 11 селений ³⁷.

Считая, таким образом, последний рассказ о захвате Дечанского монастыря достоверным или по крайней мере весьма правдоподобным, мы, к сожалению, не можем дать описанным в нем событиям достаточно точной датировки. Поскольку автор жития (по существующим предположениям, Григорий Цамблак) говорит, что он сам был свидетелем бесчинств Юнца, следовало бы относить эти события в Дечанах ко времени пребывания Цамблака в Сербии, которое, однако, как и время написания жития, в исторической литературе определяется по-разному ³⁸.

Нам, впрочем, представляется возможной и более ранняя датировка. Так как в житии вовсе не упоминаются нападения турок на Сербию, опустошения, произведенные ими в Дечанском монастыре (об этом прямо говорится в приведенном выше отрывке из III Дечанской грамоты, относящейся к 1395/1397 — 1402 гг.) и нет молений об избавлении от «безбожных агарян» (как это имеет место в кратком житии Стефана Уроша II Милутина, написанном в конце XIV в. или в первые годы XV в. в Бань-

³⁴ «Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 92: «слишите иже богови приражају се и пръковнаа въсхышати желаюшен...»

³⁵ Там же, стр. 93—94.

³⁶ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 655.

³⁷ Fr. Miklosich. Monumenta serbica. Viennae, 1858, p. 264. Ср. С. Новаковић, Указ. соч., стр. 656 (здесь С. Новакович не дал полного перечня селений, возвращенных Дечанскому монастырю).

³⁸ Так, например, П. И. Шафарик, а позднее В. С. Киселков относили житие к концу XIV в. (Р. J. Schaffarik. Übersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslaven. — «Jahrbücher der Literatur», Bd. 53. «Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst», LIII, Wien, 1831, S. 531); В. С. Киселков. Проуки..., стр. 246). По мнению Я. Шафарика, оно было написано около 1400 г. («Гласник Друштва српске словесности», св. XI, стр. 35). Как утверждал Яцимирский, Цамблак написал житие в 1407—1408 гг. (А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак, стр. 45, 141, 143). В настоящее время югославский ученый Д. С. Радонич датирует житие 1403—1404 гг. («Гласник Српске Академије наука», књ. I, св. 1—2, 1949, стр. 174—175).

ской обители)³⁹, следует, по нашему мнению, датировать Повесть об Юнце, как и все второе житие Стефана Дечанского, примерно периодом до 1381—1389 гг., и считать, что оно было написано около 1360—1380 гг. В этом случае автором жития вряд ли мог быть Григорий Цамблак⁴⁰.

Если мы примем датировку жития 1360—1380 гг., можно предположить, что упоминаемая в житии осада города подразумевает военные действия возле Котора или Призрена. Труднее установить, кем был феодал Юнец. Быть может, «благочестивые правители», его сюзерены, о которых говорит житие, — это Балшичи или же Вук и Гргур Бранковичи. Не совсем ясно, является ли имя «Юнец» реальным именем или же прозвищем, кличкой, которую дал этому феодалу автор жития. Вероятно, автор в риторических целях, для сравнения с диким быком изменил несколько имя Юнак, встречающееся в средневековых сербских памятниках, как и производное от него отчество — Юнаковичь. В одной записи упоминается некий «Юнак севастократор»⁴¹, который, судя по данным этой записи, жил в 50—80-х годах XIV в. и, следовательно, мог принять участие в событиях, происходивших, согласно житию, в Дечанском монастыре.

Итак, завершая рассмотрение второго жития Стефана Дечанского, мы можем сделать следующие выводы. Данное житие было написано, несомненно, для того, чтобы укрепить позиции монахов Дечанской обители и дать отпор сторонникам секуляризации монастырских имений, которых было немало среди сербской феодальной знати. Само содержание жития и то обстоятельство, что оно было написано не в 1339 или 1341 г., а гораздо позже, убеждает нас в том, что житие создавалось вовсе не для того чтобы лишь восславить святого короля-мученика⁴². Характерно, что в этот же период, примерно в 80—90-х годах XIV в. было создано житие другого короля из династии Неманичей — Милутина (отметим, что и Милутину, как и Дечанскому, было посвящено два жития). Анализ жития Дечанского показывает, что оно представляет собой весьма важный и интересный исторический источник⁴³. В особенности ценны его сведения о попытках секуляризации церковных и монастырских владений в Сербии во второй половине XIV в.

Именно это и привлекло внимание Иосифа Волоцкого, решившего использовать его в своих произведениях. Однако Иосиф Саннин не повторял буквально второе житие Дечанского, он перерабатывал, сокращал и исправлял его применительно к своим целям.

³⁹ «Глас Српске Краљевске Академије», СХХХVI (72), 1929, стр. 66.

⁴⁰ Мнение о том, что Цамблак написал второе житие Дечанского, утвердилось в историографии еще с 20-х годов XIX в., но до сих пор не получило подробного обоснования (см. «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви», изд. 2-е, т. I, СПб., 1827, стр. 103; А. И. Яцмирский. Указ. соч., стр. 44—45, 141—145, 149—150; Ђ. С. Радојичић. О Григорију Цамблаку. — «Гласник Српске Академије наука», кн. I, св. 1—2, 1949, стр. 172—175; В. С. Киселков. Проуки..., стр. 236, 246—248; и др.). По нашему мнению, отождествление автора данного жития — Григория, бывшего игуменом Дечанского монастыря, как сказано в заглавии жития, с Григорием Цамблаком нуждается в тщательной проверке и аргументации.

⁴¹ Љ. Стојановић. Указ. соч., кн. IV. Београд, 1923, стр. 21.

⁴² Ср. «Старе српске биографије...», стр. XXIV.

⁴³ Ср. Р. Ј. Schaffarik. Указ. соч., стр. 54 (он оценивал житие как «поверхностное», лишенное «всяких исторических данных»); V. Соговић. Camblak Grigoriје. — «Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka», t. I, Zagreb, [1925], str. 344. По мнению Чоровича, житие «как исторический источник не везде (т. е. не во всех своих частях. — Е. Н.) может быть использовано, так как во многом основано на непроверенной традиции». В. С. Киселков справедливо указывает, что это «ценный источник для изучения феодального строя в Сербии на протяжении XIV в., идеологии средневекового монашества, наконец, для изучения истории языка (В. С. Киселков. Проуки..., стр. 247). Ср. А. В. Соловьев. Указ. соч., стр. 295.

Так, например, всю первую, весьма обширную часть биографии Стефана (до 1331 г.) игумен Волоцкий резко сократил, сказав лишь о том, что «сей блаженный и приснопамятный царь» построил много монастырей и после мученической кончины был похоронен в «большем своем монастыре»⁴⁴. Напротив, раздел жития об открытии через семь лет мощей Стефана Дечанского, о чудесах и исцелениях Иосиф счел необходимым дать очень подробно⁴⁵.

Рассказы дечанского игумена о бесчинствах и гибели Ивоя и Юнца были, разумеется, для Иосифа Волоцкого желанным примером кары небесной за посягательство на монастырскую собственность. Поэтому они почти целиком внесены в его трактат о неприкосновенности монастырских имений и в послание И. И. Третьякову-Ховрину. Но оба эти рассказа, по мнению Санина, нуждались в некотором исправлении и переделке. При этом следует также упомянуть, что Санин выпустил всю похвалу Стефану Дечанскому, предшествовавшую Повести об Ивое и Юнце, и краткое введение к этой повести, где говорится о захватах церковных и монастырских имуществ.

В трактовке Санина рассказ об Ивое приобрел следующую форму. «Через несколько лет» после провозглашения Стефана Дечанского святым «некий князь прибыл, чтобы править тем городом, где был монастырь» (Дечанский. — Е. Н.). Придя в обитель, князь увидел ее богатые украшения; обнаружив скрывавшегося в нем «беса», князь этот рассвирепел и «хотел взять себе имущество обители», приказав своим слугам охранять его⁴⁶. Но вслед за тем князь был поражен св. царем Стефаном (эта сцена изложена Иосифом весьма подробно)⁴⁷.

Сопоставляя рассказ об Ивое в трактовке Санина с текстом второго жития Стефана Дечанского, мы можем сделать ряд любопытных наблюдений. В частности, весьма характерно, что Санин умалчивает о захвате Дечанского монастыря Ивоем; игумен Волоцкий, чтобы избежать «соблазна», пишет, будто Ивое «хотел» только присвоить монастырское имущество (судя по контексту, церковную утварь) и за одно это был наказан королем-мучеником. Неясно, почему Иосиф не назвал Ивоя по имени. Легче объяснить, отчего в сочинениях Волоцкого Ивое стал «князем», тогда как он был только вассалом царицы Елены. Эта переделка, без сомнения, вызвана спором Иосифа Санина с удельным волоцким князем Федором Борисовичем, пытавшимся в тот период посягнуть на владения Иосифова-Волоколамского монастыря⁴⁸.

Точно такой же переработке подверглась и Повесть об Юнце. «Потом пришел в тот же город, — пишет Санин, — некий князь, именуемый Юнец, и прибыл он в эту обитель и задумал захватить, что было в обители, а игумену и инокам давать лишь некую малую часть хлеба и других необходимых продуктов». Но игумен воззвал к св. Стефану, который наказал нечестивца (гибель Юнца опять-таки описана Иосифом весьма детально)⁴⁹.

⁴⁴ В. М а л и н и н. Указ. соч., стр. 131; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 199.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ В. М а л и н и н. Указ. соч., стр. 131; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 200: «таже от иже в нем живущаго бѣса лютѣ показавшесѣ, яже в обители стажа наа себѣ хоташе взати. своимъ служителемъ повелѣ тѣхъ смотрити и блюсти».

⁴⁷ В. М а л и н и н. Указ. соч., стр. 131; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 199—200.

⁴⁸ См., например: А. А. З и м и н. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы», вып. IX, 1953, стр. 173; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 84—85. Ранее это отмечал и А. Павлов (указ. соч., стр. 57).

⁴⁹ В. М а л и н и н. Указ. соч., стр. 131—132; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 200—201.

Напротив, другие весьма важные детали жития — о том, что Дечанский монастырь был в полной власти Юнца, что игумен находился под стражей и надзором его слуг, что, наконец, Ивое, равно как и Юнец, запретил настоятелю монастыря даже называться игуменом и старался добиться ухода монахов из Дечан, были опущены Иосифом Волоцким⁵⁰. Он предпочитал устрашить сторонников секуляризации на Руси ужасными рассказами о карах⁵¹, постигших Ивоя и Юнца даже за *помыслы* такого рода, но вовсе не желал укреплять их аргументацию и сообщать, что в действительности Дечанский монастырь (хоть, кажется, и недолго) находился в руках представителей сербской светской феодальной знати.

* * *

Итак, рассмотрение вопросов использования второго жития Стефана Дечанского в публицистических произведениях Иосифа Санина, игумена Волоцкого, позволяет убедиться, что в данном случае мы имеем дело с одним из любопытных примеров русско-сербских литературных и идеологических связей в период средневековья.

Как было показано выше, второе житие Стефана Дечанского является весьма важным и ценным историческим источником в силу того, что оно было орудием идеологической борьбы сербских церковников второй половины XIV в. против попыток светских феодалов захватить церковные и монастырские земельные владения. Сравнение Повести об Ивое и Юнце с другими памятниками этой эпохи свидетельствует о достоверности этих частей жития. Именно в силу своей яркой идеологической направленности второе житие Дечанского было использовано в начале XVI в. на Руси Иосифом Волоцким, рьяным поборником неприкосновенности монастырских имений.

⁵⁰ Нужно отметить также, что Иосиф в обоих рассказах ошибочно называет Дечаны городом, где якобы находился монастырь.

⁵¹ Эту цель преследовали и другие примеры из житий, приведенные Иосифом (например, из жития Леонтия Ростовского: «воин», имевший село был ослеплен богом за то, что захватил земли епископа, и т. д.).

Г. Д. Бурдей

МОЛОДИНСКАЯ БИТВА 1572 ГОДА

Крупным фактором в международных отношениях XVI в. была героическая борьба славянских и других народов против усилившейся турецко-татарской феодальной экспансии. Важная роль в отражении турецко-татарского нашествия на Европу принадлежала Русскому централизованному государству, рост силы и международного влияния которого совпал по времени с усилением Османской империи.

Агрессивная военно-феодальная Османская империя представляла большую угрозу для европейских государств. По характеристике Энгельса, турецкое завоевание являлось опасностью, которая «угрожала всему европейскому развитию»¹.

Вместе с тем завоевательная политика турецких феодалов отрицательно сказывалась на положении турецкого народа, была губительной для экономического и культурного развития страны.

Турецкая агрессия представляла серьезную угрозу и для России. После ликвидации ненавистного татаро-монгольского ига борьба русского народа против татарских захватчиков не прекратилась. Она вступила в новую стадию. Теперь России угрожали активизировавшиеся татарские ханства — остатки Золотой Орды, за спиной которых стояла Турция.

В русско-турецких дипломатических переговорах на первый взгляд главное место занимали вопросы торговли. Однако в действительности наиболее важными во взаимоотношениях между двумя государствами были военно-политические вопросы. Султанская Турция, проявлявшая вообще крайнюю агрессивность в XVI в., вела завоевательную политику и против России. Эта политика проводилась и осуществлялась как путем прямой военной политики, так и путем дипломатического давления.

Главным стратегическим плацдармом Турции для наступления на Россию, равно как и на Украину и Польшу, было вассальное от султанов Крымское ханство. Грабительские походы турецких и татарских захватчиков сопровождались страшными грабежами и разорением обширных районов России, губительно отражались на состоянии ее хозяйства. Османская империя с помощью своего крымского вассала стремилась распространить господство султана на север от Черного и Каспийского морей.

Турецко-крымское военно-дипломатическое наступление было чрезвычайно опасным особенно потому, что в ряде случаев оно имело целью захват жизненных центров России, ее столицы, покорение русского народа.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. VI, стр. 180.

Поэтому борьба с турецко-татарской опасностью составляла одну из главных задач внешней политики России XVI в.

Конец 60-х — начало 70-х годов XVI в. — кульминационный пункт турецко-крымского натиска на русскую землю. После похода турок и татар на Астрахань в 1569 г. Русское государство попыталось решительно урегулировать отношения с Турцией, одновременно усиливая оборону страны. Однако Османская империя отвергла русскую программу мира и союза с Турцией и усилила свою агрессию. В 1571 г. многочисленное татарско-турецкое войско совершило опустошительное нападение на Россию. Осуществляя новое вторжение в 1572 г., Турция и Крымское ханство рассчитывали на полное осуществление своих захватнических планов в отношении России. Борьба с крымской экспансией вступала в ту стадию, когда со всей остротой вставал вопрос о защите целостности и независимости Русского государства.

Крупнейшим событием этого периода была Молодинская битва 1572 г. В исторической литературе сражение при Молодях не было предметом специального исследования. А между тем это одна из ярких страниц героического прошлого нашей Родины, крупное событие в ходе Ливонской войны. Продолжавшееся несколько дней Молодинское сражение, в котором русские войска применили оригинальную тактику, закончилось крупной победой над численно превосходящими силами Девлет-Гирея.

По характеру действий русской армии, по достигнутым ею значительным результатам, имевшим важные последствия как во внутренней, так и во внешней политике, это сражение является одним из самых значительных для России XVI в., важным моментом в борьбе Русского государства против турецко-татарского нашествия, серьезным шагом вперед в развитии русского военного искусства. В настоящей статье последовательно прослеживаются предпосылки, ход и результаты Молодинской битвы².

После разорительного нападения Девлет-Гирея в 1571 г. и сожжения Москвы турецкое правительство предъявило Русскому государству новые, совершенно неприемлемые требования, выраженные в ультимативной форме. Принятие их означало бы фактически превращение России в турецкого вассала (возвращение Астрахани Турции, Казани — Крыму, переход Ивана IV «под начало да в береженье» к султану)³.

На русские мирные предложения Селим II дал ответ после нападения крымского хана на Москву в 1571 г., причем грамота была отправлена Ивану IV уже тогда, когда Девлет-Гирей с турками и татарами снова воевал на Руси. Так переплеталось военное и дипломатическое наступление Турции на Россию.

Сожжение Москвы в 1571 г. стремились использовать и крымские феодалы. Через гонца Девлет-Килдея⁴, а затем Яна Магмета⁵, хан требовал уступки Казани и Астрахани. В случае отклонения крымских притязаний он намеревался в союзе с польско-литовским королем беспрерывно «и зиму и лето» воевать Русь⁶. Девлет-Гирей угрожал новым походом

² См. также: Г. Д. Б у р д е й. Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI веке (50—70-е годы). Автореферат канд. диссертации, М., 1953, стр. 17—19.

³ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Турецкие дела, д. 2, лл. 224—227.

⁴ ЦГАДА, Крымские дела, д. 13, лл. 400—409 об.

⁵ Там же, д. 14, лл. 1—34.

⁶ Там же, лл. 153—161 об. и др. Под польско-литовским королем подразумевался в ханской грамоте от 23 августа 1572 г. не Стефан Баторий, как ошибочно полагает В. И. Буганов (см. далее). После смерти Сигизмунда II Августа (18 июля), о которой Иван IV узнал в Новгороде в конце июля — начале августа, наступил период беско-

весной следующего 1572 г. В связи с этим он сообщал Ивану IV через Девлет-Гирея, что «государства твоего дороги видел и опознал»⁷, а в другом случае передавал с Яном Магметом, что «пришед к Москве стану против Москву», захвачу Астрахань и Казань⁸. Даже после поражения в 1572 г. Девлет-Гирей через гонца Шигаю продолжал настаивать на своих требованиях посадить «царем» в Казани и Астрахани крымского царевича Адыл-Гирея.

Различные источники свидетельствуют о том, что целью похода Девлет-Гирея было не только завоевание Казани и Астрахани, но и реализация далеко идущих турецко-крымских планов захвата, расчленения и разграбления Русского государства.

Девлет-Гирей заявлял ногаям, что едет «в Москву на царство»⁹. О планах Девлет-Гирея в 1572 г. Курбский писал, что хан «хотяще уже до конца опустошит землю оную и самого того князя великого выпнати из царства его, и поиде яко лев кровояден, рыкая, розиня лютую нащечу на пожрание христьяны...»¹⁰. «Царь Крымской пришед с похвалою, хотя грады разоряти и христианство погубляти»¹¹. В 1572 г. турки и татары настолько были уверены в своем успехе, что уже считали себя властителями Москвы и «улицы на Москве росписали, коемуждо мурзе коя улица»¹².

С этими известиями, а также с русско-крымской и русско-турецкой дипломатической перепиской, перекликаются и их существенно дополняют и конкретизируют записки о России опричника Г. Штадена, очевидца и участника событий 1572 г. В своем обращении к императору Рудольфу II (1578/79 г.) Штаден предлагал воспользоваться тяжелым положением России после нападений крымцев и турок, опередить Турцию и Крым и завоевать Московию, с тем чтобы обратить ее в имперскую провинцию. В связи с этим дается обобщающая характеристика планов Девлет-Гирея: завоевание с помощью турецкого султана русской земли, пленение Ивана IV и его сыновей и увод их в Крым, захват «великой казны», из которой султану будет выдана «чудовищно большая сумма»¹³.

Во время похода 1572 г., писал Штаден, «города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; (было определено) какую кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном (Keiser) по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и со всеми мурзами займет Русскую землю».

Уверенность хана в успехе дошла до того, что он уже считал себя государем всей Руси и собирался в своей будущей державе, которая бы включала Казань и Астрахань, организовать новую торговую систему. «На другой год (1572. — Г. Б.) хан опять пришел из Крыма, чтобы захватить Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили

ролевья, закончившийся избранием на польский престол Геприха Валуа. Следовательно, в ханской грамоте, написанной во время начавшегося бескорольева, под «королем» имелось в виду вообще Польско-Литовское государство.

⁷ ЦГАДА, Крымские дела, д. 13, лл. 400—409.

⁸ Там же, д. 14, лл. 1—34.

⁹ См. стр. 77 настоящей статьи.

¹⁰ А. Курбский. Сочинения. — «Русская историческая библиотека» (РИБ), т. XXXI, стр. 286—287.

¹¹ М. Н. Тихомирнов. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 92.

¹² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., Изд. Эйперлинга, 1843, прим. 393 (ссылка на Хронограф Толстого).

¹³ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки пемца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. М., 1925, стр. 58, 60, 61.

они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там безпошлинно, ибо он царь и государь всея Руси»¹⁴. Весьма показательно то, что в составе войска Девлет-Гирея был «астраханский царевич»¹⁵.

Основным объектом нового крымско-турецкого удара вновь была Москва. Это вполне очевидно из русско-крымской дипломатической переписки. Нападение 1572 г. и в ряде русских источников оценивается как поход на Москву, хотя военные действия развернулись лишь на подступах к ней¹⁶.

Для нового нападения на Россию Турция и Крымское ханство мобилизовали значительные силы¹⁷.

Участие Турции в организации и проведении похода Девлет-Гирея выступает из изученных источников достаточно отчетливо. Курбский, говоря о М. Воротынском как о крупном русском полководце, писал, что он был известен далеко за пределами Руси, не только в христианских государствах, но и «у главных бусурманов, сиречь у Турков, понеже не мало от турецкого войска на той то предреченной битве тогда быша (битва у Молодей. — Г. Б.), наипаче же от Багмета баши (Магмет Соколи. — Г. Б.) великого двора мнози быша на помощь послани Перекопскому цареву»¹⁸. По поводу сообщения Новгородской II летописи о том, что Воротынскому «было дело» с ханом, с его воеводами, «с царьми с Кошпнскими... царя Крымского», первый издатель летописи заметил: «Слова эти непонятны, может быть, испорчены переписчиком. Под царьми Кошпнскими нельзя ли разуместь Каффинского папу Магомета, или по крайней мере турок, которые, по свидетельству Курбского, участвовали в битве татар с русскими при Лопасне»¹⁹. А. Лызлов сообщает, с ссылками на польских историков, о помощи в 7 тыс. янычар, которую получил хан от турецкого визиря Магомета, когда шел на Москву в 1572 г.²⁰

Все это придавало событиям 1572 г. особенно угрожающий характер. Современникам казалось, что наступают страшные времена Батыев²¹.

¹⁴ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 111—112, 115; Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944, стр. 96.

¹⁵ См. стр. 72 настоящей статьи.

¹⁶ «Приходил царь крымской к Москве...» («Устюжский летописный свод». — «Архангелогородский летописец». М., 1950, стр. 109). «А приехал царь Крымской к Москве» («Новгородская вторая летопись». — «Новгородские летописи», СПб., 1879, стр. 119).

¹⁷ О численности и составе войск Девлет-Гирея см. «Новгородские летописи», стр. 119: 120 тыс. «с ханом, его сыном, внуком, дядей, воеводой Дивей-мурзой»; ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 153; «хан с царевичами»; «Повесть о бою воевод московских с северным ханом» (в кн.: С. Шамбигаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914, стр. 79): «приходил Крымской царь со многими людьми, да нагайской мурза Теребердей, а с ним нагайских татар 20 тысяч» (см. также прим. 170 к настоящей статье); «Устюжский летописный свод» стр. 109; хан приходил «со многою, силою»; А. Курбский. Сочинения, стб. 286—287; «со всеми силами своими бусурманским»; М. Н. Тихонов. Малоизвестные летописные памятники XVI в., стр. 92: «со многим воинством». В 1572 г. хан и царевичи пришли «со многими людьми с прибылыми». См. «Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранними», т. I, СПб., 1851, стб. 509—510, 573; наказ Ждану Квашину, отправленному к императору в 1578 г. — Государственный исторический музей (ГИМ), Увар. 593, разрядная книга, л. 408 об.: крымский хан и царевичи «со многими людьми» и 20 тыс. пагайских татар с мурзой Теребердеем; ГИМ, Шук. 496, разрядная книга, л. 491; хан, «дети его, а с ними крымские и пагайские многие люди»; Соловецкий летописец: «Приходил Крымский царь на Русь великим собратем» (М. Н. Тихонов. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», сб. VII, 1951, стр. 225); Такого большого войска «после Мамай, Тохтамыша, Ахмета не собирали ханы» (Н. М. Крамзип. Указ. соч., т. IX, стб. 118).

¹⁸ А. Курбский. Сочинения, стб. 289.

¹⁹ «Новгородские летописи», стр. 119, примечание.

²⁰ А. Лызлов. Скифская история, т. II. СПб., 1787, стр. 62.

²¹ «И прииде царь с великими похвалами и со многими силами на Русскую землю и росписав всю Русскую землю комуждо что дати, как при Батые» («Пискарев-

По одному, однако, не подтверждающемуся другими источниками известно, поход Девлет-Гирея был связан с политической борьбой в Русском государстве. В 1573/74 г., в период нового обострения борьбы Ивана IV с княжеско-боярской оппозицией, в Москве возникла полуофициальная версия о походах хана на Русь. Утверждалось, что отдельные бояре вступили в тайную переписку с Девлет-Гиреем, призывали его в Москву и всячески ему помогали, появились даже слухи, что «по присылке» И. Мстиславского, М. Воротынского, братьев Ивана и Федора Шереметевых хан повторил нападение в 1572 г.²² Эти сведения не согласуются с той большой ролью, которая принадлежала этим крупным политическим деятелям и военачальникам в обороне Москвы от набегов Девлет-Гирея. В то же время необходимо отметить, что в ряде других случаев действительно известны попытки княжеско-боярской оппозиции найти себе опору во враждебном Русскому государству окружении.

О том, что новое татарско-турецкое нападение, которым грозился Девлет-Гирей, является вопросом времени, было ясно не только в России, но и за ее пределами. Прибывший в Русское государство английский посланник А. Дженкинсон 8 августа 1571 г. из Холмогор сообщал лорду Burghley о тяжелом положении страны после вторжения крымского хана в 1571 г. (причем издевательски оценивал это как «справедливое наказание для такой дурной нации») и, вероятно, обобщая широко распространенное мнение, предсказывал, что «без сомнения, Крым будет снова там на следующий год»²³. В другом современном иностранном известии так передается создававшаяся напряженная обстановка: «Татары... прорвались на Волынь, совершенно опустошив вдоль и поперек... Собирается очень много татар для того, чтобы, если им будет приказано, вторгнуться в Польшу или в Московию... Ожидают с напряженным вниманием нападения татар на Польшу, Молдавию и московские владения»²⁴.

Положение в России было очень сложным и тяжелым. Последствия опустошительного вторжения 1571 г., а также эпидемии чумы по-прежнему сильно ощущались. Лето 1572 г. стояло сухое и знойное, отмечался падеж лошадей и рогатого скота²⁵.

Сильно давал о себе знать голод; серьезные затруднения в снабжении испытывали полки «на берегу». «А в полках учал быти голод людем и лошадем великой. Аще бы не бог смилосердствовался, не пошел царь вскоре назад (после разгрома на Молодях. — Г. Б.), быть было великой беде»²⁶. Это известие Пискаревского летописца подтверждается Г. Штаденом: плененный в Молодинской битве Дивей мурза грозился выморить русских в Гуляй-городе в 5—6 дней. «Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага»²⁷.

Если в Новгороде в начале ноября 1571 г. государеву посланнику

ский летописец. Подготовка текста, вводная статья, примечания и указатель О. А. Яковлевой. — «Материалы по истории СССР, т. II. Документы по истории XV—XVII вв.», М., 1955, стр. 80.

²² «Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма». Сообщил С. К. Богоявленский. — «Чтения Московского общества истории и древностей российских («Чтения МОИДР»), 1912, кн. 2, отд. III; стр. 28—32; П. А. Садинков. Царь и опричник. — «Века», кн. 1, стр. 62 (датировка допроса).

²³ «Calendar of State Papers (Foreign)», 1569—1571, № 1911, p. 504.

²⁴ Донесение Кароля Рима (Carol Rym) императору Максимилиану II 17 июня 1572 г. (E. H u r m u z a k i. Documente privitoare la Istoria Românilor. București, vol. II, part 1, p. 632—633, № DCXI).

²⁵ «Новгородские летописи», стр. 117.

²⁶ «Пискаревский летописец», стр. 80.

²⁷ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 111.

Г. Н. Бормосову сообщили, что «мору нет нигде»²⁸, то в других частях государства «еще свирепствовала (regirte) чума»²⁹. Экономические затруднения переплетались со сложными внутриполитическими событиями, связанными с подготовкой и проведением существенных изменений в и опричной политике и сопровождавшимися, как и прежде, казнями опалами. Во время пребывания в Новгороде в 1572 г. Иван IV «многих своих детей боярских метал в Волхову реку с камнем, топил»³⁰.

Тревожное настроение самого царя раскрывает его духовное завещание, которое, как убедительно доказал С. Б. Веселовский, было составлено в Новгороде в период между началом июня и 6 августа 1572 г., под впечатлением томительной неизвестности исхода предстоящего сражения с татарами³¹. Обстановка осложнилась начавшимися в Поволжье восстаниями местной феодальной знати.

В такой сложной обстановке шла в Русском государстве подготовка к отражению нового вторжения Девлет-Гирея. После похода хана в 1571 г. русское правительство настойчиво стремилось выяснить через своих дипломатов и донских казаков содержание турецко-крымской переписки, взаимоотношения между султаном и ханом и их дальнейшие планы в отношении России³².

Продолжалась разработка и осуществление, особенно под впечатлением майского татарского наступления 1571 г., системы оборонительных мероприятий, начало чему было положено еще в январе-феврале 1571 г. В октябре по указу Ивана IV князь М. Воротынский, стоявший во главе пограничной службы (с 1 января 1571 г.), «с товарищами» «приговорили», из каких украинских городов, когда, куда, какими силами «на поле ездити и поле жечи». Пожог степи должен был охватить огромную территорию от верховьев реки Вороны до Днепра и Десны³³.

С 1 апреля 1572 г., как это было предусмотрено в 1571 г., стала действовать новая система пограничной (сторожевой и станичной) службы, при этом учитывался опыт борьбы с прошлогодним нападением Девлет-Гирея. Благодаря хорошо организованной разведке русское командование было своевременно поставлено в известность о движении Девлет-Гирея и его дальнейших действиях, что способствовало успешному проведению операций по разгрому вторгшихся вражеских полчищ.

²⁸ «Новгородские летописи», стр. 111.

²⁹ Г. Ш т а д е н. Указ, соч., стр. 145: «Того же году (по контексту 7079. — Г. Б.) и на другой год (7080. — Г. Б.) на Москве был мор и по всем градом руским»; «Пискаревский летописец», стр. 80; Переписка Ивана IV с воеводами князем М. Ф. Гвоздевым-Ростовским и Дмитрием и Даниилом Борисовичами Салтыковыми, направленными в Кострому «беречь поветрея». См. грамоту Ивана IV от 4 октября 1571 г., помещенную в тексте разрядной книги (Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Эрмитажное собрание). Грамота опубликована в кн.: Д. Н. А л ь ш и ц. Неизвестные послания Ивана Грозного. — «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы» («Труды ОДРЛ»), вып. XII, стр. 429; См. также ГИМ, Шук. 496, разрядная книга, лл. 477—477 об.: Грамота Ивана IV 22 октября 1571 г.: «па Костроме поветрие мало тишеет, да и в Костромском уезде поветрие есть же» (В. В. К о б р и н. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой. — «Труды ОДРЛ», вып. XIV, стр. 266—267). Отписки воевод до нас не дошли.

³⁰ «Новгородские летописи», стр. 119—120.

³¹ С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник («Известия АН СССР», серия истории и философии, 1947, т. IV, № 6, стр. 514).

³² ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 142—143, 410—449; Турецкие дела, д. 2, лл. 215, об. — 218.

³³ «Акты Московского государства», т. I, стр. 15—17; И. Д. Б е л я е в. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846, стр. 20—21; С. Л. М а р г о л и н. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI в. — «Военно-исторический сборник. Труды ГИМ», вып. XX. 1948, стр. 15—16.

Быстро шло строительство и совершенствование военно-оборонительных сооружений, в первую очередь расположенных на большом протяжении вдоль Оки, «на берегу». Г. Штаден писал, что в 1572 г. русские войска встретили хана на Оке. «Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами, или шанцами, и стрелять (из-за них) по татарам, когда те переплывали реку. На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю».

За Окой татары встретились еще с одним важным элементом русской обороны — Гуляй-городом, передвижным деревянным укреплением. «Если бы у русских не было Гуляй-города (Wagenborgk), то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а русская земля была бы его землей». «На другой год, когда войско великого князя собралось у Оки, каждый должен был помогать при постройке Гуляй-города соответственно размеру своих поместий, равно как и при постройке укреплений по берегу реки Оки — посаженно»³⁴.

Сведения об организации полевых оборонительных сооружений подтверждаются и грамотой Девлет-Гирея к Ивану IV от 23 августа 1572 г., в которой хан писал, что «наш приход проведая, на Оке на берегу хворостом зделали двор, да около того ров копали, и на перевозе наряды и пушки еси оставив, да и рать свою оставил». По данным Девлет-Гирея, эта подготовка проводилась в течение ряда месяцев (русские «маялись» месяцами три и четыре приходу нашему)³⁵.

Укреплялись города, например Болхов и незадолго до того основанный Орел³⁶. 22 декабря 1571 г. П. Волконский и Е. Ржевский были направлены в Перемышль «делати засеку»³⁷. После набега Девлет-Гирея в 1571 г. у князя И. Ф. Мстиславского была конфискована Веневская — Епифанская вотчина (центр — укрепленный город Городенск), ибо Иван IV убедился в невозможности оградить страну от татарских набегов силами частных вотчинников³⁸. Вероятно, к этому времени относится начало укрепления пологих берегов Оки под Серпуховым тройными рядами свай, заостренных кверху, остатки которых были заметны еще в начале XIX в.³⁹.

Особое внимание уделялось Москве. Она восстанавливалась, застраивалась, готовилась к осаде. По-видимому, в связи с набегом Девлет-Гирея в 1571 г. начался ремонт укреплений, шедших по линии теперешнего Бульварного кольца. Это была третья (внешняя) линия укреплений Москвы, помимо стен Китай-города и Кремля. По данным Г. Штадена, покинувшего Москву не ранее 1572—1573 гг., и А. Поссевина, побывавшего в России позже, был возведен вал шириной в три сажени с бревенчатыми воротами, обложенными землей и дерном. Перед валом снаружи рва не было. Г. Штаден сообщал о «выжженном Девичьем монастыре,

³⁴ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 110—111, 151.

³⁵ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 156—158 об.

³⁶ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, стб. 115.

³⁷ ГИМ, Шук. 496, разрядная книга, л. 481.

³⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 1. Возникновение городских поселений в XVI в. М., 1952, стр. 114; ср. там же, т. 2, стр. 260, 344, 345.

³⁹ П. Симоп. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею, ч. 1. М., 1880, стр. 100, примечание.

расположенном в полумиле от Москвы»⁴⁰. Однако «после московского пожара как крымский царь Москву пожег» указал Иван IV «Ново-Девичий монастырь строити. Церковь и ограду и кельи»⁴¹.

В ответ на возможный вопрос польских представителей (1576 г.), «что посад Московской ныне не по-старому и людей на посаде мало», приставы должны были говорить, что Иван IV после пожара 1571 г. «уложил вперед посадом всем быти в городе, а за городом посадом не быти; и хоромы ставити велел малые для огня. Потому посад ныне мал, а людей в нем и ныне много»⁴².

Своеобразно проводилось заселение Москвы. Известно о выводе из Новгорода в Москву (октябрь 1571 г.) торговых людей («гости веденны») из земщины сорок семейств и из опричной стороны» шестьдесят семейств⁴³. Перевод новгородских гостей следует рассматривать, очевидно, не только в плане внутренней политики. Он проводился также с целью усиления обороны Москвы. Неясным остается характер размещения новгородцев в Москве: поселялись ли они совместно или раздельно, соответственно в земщине и опричнине (которые, вероятно, пока еще сохранялись — см., например, восстановление, по-видимому, Опричного двора после пожара 1571 г., теперь уже на Петровке)⁴⁴.

Эти сведения о заселении Москвы торговыми людьми дополняются и разъясняются другими источниками. Г. Штаден сообщал: «В городе живут (после 1571 г. — Г. Б.) только торговые люди, набранные из других городов; самые богатые противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов»⁴⁵. Е. Горсей, прибывший в Россию в 1572 г., писал, что Иван IV после набега 1571 г. «приказал очистить, отстроить и вновь заселить Москву, что стоило огромных трудов и стараний». Затем он отправил из всех городов «лучших купцов, ремесленников и промышленников селиться в Москву, строиться там и привлечь туда торговлю; освободил их от всяких налогов и пошлин; послал семь тысяч каменщиков и работников обнести Москву крепкою и красивою каменною стеной, которая была окончена в четыре года и уставлена хорошими медными пушками»⁴⁶.

Оборона столицы после отъезда из нее Ивана IV⁴⁷ была поручена князю Ю. Токмакову и князю Т. Долгорукому⁴⁸. Из отдельных источни-

⁴⁰ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 67, 73; «История Москвы», т. 1. М., 1952, стр. 225; см. также «Новгородские летописи», стр. 148, где говорится о Новинском монастыре, что «за земляным городом, на восполье» (1574 г.); Г. Штаден сообщает, что Девлет-Гирей «поджег (в 1571 г. — Г. Б.) земляной город (Hackelwehr) — целиком все предместье» (указ. соч., стр. 106).

⁴¹ ГИМ, Щук. 496, разрядная книга, л. 475. О Девичьем монастыре за земляным городом см. также в расходной книге Казенного двора 1585 г. («Дополнения к Актам историческим», т. 1, № 131, стр. 208).

⁴² ЦГАДА, Польские дела, д. 10, лл. 204—206 об.

⁴³ «Новгородские летописи», стр. 110—111.

⁴⁴ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 44—45.

⁴⁵ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 67.

⁴⁶ «Рассказ или повествование о путешествиях, должностях, службах и переговорах Еремея Горсея, в которых он провел почти восемнадцать лет. Перевод с английского Ю. В. Толстого». — «Чтения МОИДР», 1877, кн. 1, стр. 10—11.

⁴⁷ Иван IV выехал с новобрачной царицей Анной Колтовской, царевичами и небольшим числом верных людей в начале мая 1572 г., а не в 20-х числах, как считал С. Б. Веселовский, ибо 13 мая он уже принимал в Старице Дженикинсона, а 1 июня прибыл в Новгород. Предварительно, в начале февраля, туда была отправлена царская казна на 450 санях общим весом около 10 тыс. пудов («Новгородские летописи», стр. 108—110; С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного..., стр. 507).

⁴⁸ ГИМ, Щук. 496, разрядная книга, л. 491.

ков видно, что в Москве продолжалась обычная деятельность многих государственных учреждений ⁴⁹.

По некоторым данным, это «московское правительство» оказывало определенное влияние на ход борьбы с татарами. В то время, когда Иван IV был в Новгороде, «на Москве оставил князя Юрья Токмакова с товарищи. А, как царь (Девлет-Гирей.—Г. Б.) стоял на Молодех, и князь Юрья, умысли (! — Г. Б.), послал гонца к воеводам з грамотами (! — Г. Б.) в обоз, чтобы сидели безстрашно: а идет рать наугордцкая многая, и царь того гонца взял и пытал и казнил, а сам пошел тотчас назад» ⁵⁰. Об этой грамоте, но в другой редакции сообщает Г. Штаден, что отправлена она была не Ю. Токмаковым из Москвы, а Иваном IV из Новгорода ⁵¹.

Возможно, это действительно была одна из грамот Ивана IV, который из Новгорода поддерживал переписку с Москвой, «береговым войском», городом Старицей и, возможно, с другими, пока нам не известными пунктами. Царь регулярно получал донесения разведки и отдавал соответствующие распоряжения ⁵². Но не исключены и самостоятельные действия «московского правительства» в этом же направлении, равно как и то, что оно переправляло (или переадресовывало) грамоты Ивана IV.

Во всяком случае, в этом нельзя не видеть один из моментов взаимоотношений Ивана IV с «московским правительством» и участие последнего в развернувшихся военных событиях — боях за столицу. Есть сведения о непосредственном участии одного из дьяков «московского правительства» — Ивана Михайлова в руководстве материальным снабжением войск на Юге ⁵³.

Военные приготовления проходили и по линии увеличения численности расположенных там войск. С 1569 г. размещение полков «на берегу» становится обязательным. Обычно выделялось пять полков (с 1572 г. — почти ежегодно) в 60 тыс. человек ⁵⁴.

В феврале 1572 г. по новгородским монастырям был разослан приказ «слуги монастырские ставити, с лошедми и с пансыри, и со всем запасом к Москве, на службу» ⁵⁵ с тем, чтобы, вероятно, усилить расположенное «на берегу» войско. Это затрудняло военные действия на западном фронте ⁵⁶.

Наряду с обычными приемами комплектования армии, в широких размерах к обороне привлекается казачество, используются военные наемники — иностранцы.

Сложным вопросом был выбор главнокомандующего, поскольку мало

⁴⁹ «На Москве были для осады» (!) князь Ю. И. Токмаков, князь Т. Долгорукий, «у холопыя суда» («из холопыя суда») — князь А. Ромадановский и В. А. Белов, «на Земском дворе» — И. Мятлев и С. Нагой, М. Горской, казначей князь В. Мосальский, печатник Б. Сукин, дьяки (перечисляется двадцать три человека, в том числе Иван Михайлов), конюшенный С. Третьяков (разрядные книги 1559—1602 гг. — «Сибирский сборник», М., 1845, стр. 34; «Древняя Российская вифлиофика», ч. XIII, М., 1790, стр. 430—431).

⁵⁰ «Пискаревский летописец», стр. 80.

⁵¹ См. стр. 59 настоящей статьи.

⁵² См. стр. 62—63 настоящей статьи.

⁵³ См. стр. 62 настоящей статьи.

⁵⁴ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 22—23, 29, 44.

⁵⁵ «Новгородские летописи», стр. 110; см. также обращение Ивана IV накануне нападения Девлет-Гирея в 1572 г. «ко всей рати московской и повгороцкой» (см. ниже, стр. 00). Ср. Г. Штаден: «монастыри должны теперь ставить в поход воинских людей для великого князя с своих имений» (указ. соч., стр. 100).

⁵⁶ См. ниже.

было людей, подходящих на эту ответственную должность⁵⁷ и напряженной была политическая обстановка в стране в связи с надвигавшимися крупными переменами в опричнине. В конце концов выбор пал на земского воеводу князя Михаила Ивановича Воротынского — выдающегося военачальника, «мужа крепкого и мужественного и в полкоустроениях зело искусного»⁵⁸.

С. Б. Веселовский высказал предположение о том, что Иван IV согласился с кандидатурой М. Воротынского не по своим симпатиям и доверию к нему (Воротынский ранее подвергался опале), а под давлением общественного мнения «военной среды»⁵⁹. Это предположение не лишено оснований, но нуждается в уточнении, поскольку «военная среда» не была политически однородной. В последнее время установлено, что для начала 1572 г. характерны факты назначения на совместную службу земского человека и опричника, что связывается с подготовкой к ликвидации Опричного двора. Этот процесс не проходил гладко. Из местнического дела между опричным думным дворянином и печатником Р. В. Алферьевым-Нащеткиным и казначеем князем В. В. Литвиновым-Мосальским (1—7 января 1572 г., Новгород) В. Б. Кобрин сделал важное предположение о том, что в период сосредоточения всех войск под общим командованием одного Воротынского были и иные мнения, в частности опричников, о сохранении раздельного командования и стремление в связи с этим как-нибудь очернить Воротынских⁶⁰.

Исключительно важным источником для изучения борьбы России с татарами и турками в 1572 г. являются документы Разрядного приказа — наказ главнокомандующему русскими войсками князю М. И. Воротынскому, роспись полков «берегового» войска и роспись «голов» в нем. Эти документы были обнаружены и опубликованы С. М. Середониным⁶¹. Однако его публикация является неудовлетворительной. В последнее время эти материалы были вновь изданы В. И. Бугановым⁶².

К сожалению, документы Разрядного приказа не были использованы исследователями при характеристике событий 1572 г. и вообще мало известны в исторической литературе. А между тем они содержат очень ценные сведения. Наказ весьма обстоятельно раскрывает организацию «береговой» службы, характер обороны на южных окраинах и образ действий русских войск. Роспись полков подробно перечисляет состав и численность войск на юге и является ценным источником для изучения русской армии XVI в.⁶³ Роспись «голов» в «береговом» войске расширяет имеющиеся сведения о среднем командном составе русской армии.

⁵⁷ С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного..., стр. 512; Г. Штаден. Указ. соч., стр. 74; «Настоящие воеводы великого князя все перебиты».

⁵⁸ А. Курбский. Сочинения, стб. 289.

⁵⁹ С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного..., стр. 512.

⁶⁰ В. Б. Кобрин. Из истории местничества XVI в.—«Исторический архив», 1960, № 1, стр. 214—219.

⁶¹ «Записки Русского археологического общества», т. VIII, вып. 1 и 2, новая серия, СПб., 1896.

⁶² В. И. Буганов. Документы о сражении при Молодях в 1572 г.—«Исторический архив», 1959, № 4, стр. 166—183.

⁶³ Роспись полков 1572 г. по обстоятельности не уступает росписи Полоцкого похода 1563 г. («Витебская старина», т. IV, 1885) и значительно превосходит росписи походов 1577 г. (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 2. СПб., 1864, стр. 38—48 и 1578 г.—«Древняя российская вифлофика», ч. XIV). Нельзя, однако, согласиться с В. И. Бугановым в том, что роспись берегового войска имеет большую ценность, чем наказ (В. И. Буганов. Документы..., стр. 167). В публикации В. И. Буганова не оправдан отказ от тех названий документов, которые даны в виде помет на обороте: «Наказ князю Михайлу Ивановичу Воротынскому 80 [-го] году. Тут же полковая роспись того же году», «роспись по полком», «роспись полковая береговая и наказ черной» (т. е. черновой подлинник).

Рассматриваемые документы были составлены за несколько месяцев до вторжения Девлет-Гирея. В наказе предписывалось выслать осадчиков в пограничные города с «Благовещеньева дня», т. е. с 25 марта. В росписи полков: «А срок им в пятое воскресенье Великого поста». В. И. Буганов уточнил наблюдение С. М. Середонина о времени составления этих документов и на основе выделения двух частей в наказе, написанных в разное время, установил, что основной текст был составлен в конце зимы — начале весны, а дополнения и исправления (многочисленные вставки какого-то приказного деятеля) внесены весной 1572 г., в ходе отправки войск к месту военных действий. Однако В. И. Буганов вслед за С. М. Середонным не заметил одной записи на обороте росписи полков, из которой видно точное время окончательного оформления этих документов — 22 марта ⁶⁴.

Взятые в целом эти документы подробнее и обстоятельнее, чем какой-либо другой известный нам источник, рисуют картину подготовки России к отражению крымско-турецкого нападения. Подробно и тщательно были спланированы действия войск, определена их дислокация. Собранные на юге войска были сведены в пять полков. Им предписывалось собраться в Коломне, затем сосредоточиться в районе между Коломной и Каширой, а после сбора расположиться «на берегу» следующим образом: большому полку (бояре и воеводы князь М. И. Воротынский и И. В. Шереметев) — в Серпухове, полку правой руки (боярин и воевода князь Н. Р. Одоевский, воевода Ф. В. Шереметев) — в Тарусе, передовому (воевода А. П. Хованский, окольничий и воевода князь Д. И. Хворостинин) — в Калуге, сторожевому (воевода князь И. П. Шуйский, окольничий В. П. Умного-Колычев) — в Кашире, левой руки (воеводы князя А. В. Репнин и П. И. Хворостинин) — на реке Лопасне по селам ⁶⁵. Кроме того, был образован при передовом полку особый (речной) отряд специального назначения ⁶⁶.

Из росписи «берегового войска» виден довольно сложный состав полков. В большом полку были дети боярские, дворяне городские (т. е. провинциальные) — «выборные», стрельцы, дети боярские «с митрополита и со владык», 1 тыс. казаков с пищалями от Строгановых, «наемные казаки», «сборные люди» (ополченцы) разных городов Костромского и Вятского краев, известный казачий атаман Мишка Черкашенин «с казаки». С большим полком должны были действовать воеводы из украинских городов Деდიлова и Донкова. В большом полку было 300 служилых немцев, из них 200 юрьевских и ругодивских, во главе остальных стоял Юрген Францбек. Францбек перешел на русскую службу еще в 1570 г. После нападения татар в 1571 г. он был отправлен в Ливонию с поручением набирать «немецких гофлейтов и приводить их в Москву для действия не только против татар, но и против других врагов», как гласил указ. По этому указу Юрген Фаренсбек (Францбек?) доставил москвиту целый отряд как ливонских, так и чужеземных гофлейтов. «Во веки веков прежде не слышно

⁶⁴ «Лета 7080 марта 22 такова роспись дана боярам князю Миханлу Ивановичу да Ивану Васильевичу» (ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Столбцы Московского стола, д. 463, столпик 3, л. 21 об. Текст выцвел, мало заметен, но читается довольно свободно. Для датировки важно указание разрядной книги о том, что смотр, который предписывался наказом, состоялся в Коломне в апреле (ГИМ, Шук. 496, разрядная книга).

⁶⁵ Палеографический анализ не совсем ясного текста показывает, что прав был С. М. Середонин, прочитав это место «по селам», а не В. И. Буганов («послапо») (В. И. Буганов. Документы..., стр. 169—170, 178; «Древняя российская вифлиофика», ч. XIII, стр. 433).

⁶⁶ В. И. Буганов. Документы..., стр. 170, 171, 176.

было, — сокрушался Рюссов, — чтобы ливонцы и чужеземцы так приста-вали к Московиту, как в эти годы»⁶⁷.

Всего в большом полку было 8 255 человек, кроме казаков Михаила Черкашенина. В полку правой руки было 3 590 человек — дети боярские, «выборные» дворяне, наемники-немцы, стрельцы, казаки, в том числе и «казаки конные с пищалями», отряды из «украинных мест» (Орла, Чернигова, Стародуба, Рославля, Новгородка Северского, Почепя, Венева, Шацка, Рязька, Донкова, Дедилова). Передовой полк насчитывал 4 457 человек, среди них дети боярские, дворяне «выборные», казаки, отряды «из украинских мест» (Новосиля, Смоленска, Рязани, Епифани); вятчане «в струзах» входили в особый отряд. В сторожевом полку было 2 063 человека — дети боярские, дворяне «выборные», казаки. В полку левой руки — 1 651 человек (дети боярские, дворяне «выборные», казаки)⁶⁸. Общая численность полков достигала 20 034 человека⁶⁹.

Из росписи полкам видно, что в них не было людей московских чинов (стольников, стряпчих, московских дворян, жильцов). Середонин предполагал, что они находились с Иваном IV в Новгороде. Отсутствовал царский полк (по разряду 1563 г. в нем было 4 763, в 1577 г. — 1 444 человека) и служилые татары (в 1563 г. их было более 5 тыс., в 1577 г. — почти 4 440 человек). Последнее понятно: служилые татары обычно использо-вались на западе. Неизвестно число казаков во главе с М. Черкашениным.

При определении численности войск на юге необходимо учитывать заявление Ивана IV о всемерном усилении южной группировки. В этом плане небезынтересно известие Штадена о «фальшивой» (?! — Г. Б.) гра-моте Ивана IV из Новгорода М. Воротынского: пусть воевода держится крепко, ему в помощь будет направлен Магнус с 40 тыс. конницы. Эту грамоту перехватил Девлет-Гирей, «оробел» и решил возвратиться в Крым⁷⁰. Переключение воевод в 1572 г. с запада на юг, а затем снова на запад прослеживается по разрядам. В Новгороде оставалось три полка⁷¹. В свете приведенных данных напрашивается вывод, что под командованием Воротынского должно было быть больше сил, чем это отмечено в полковой росписи, около 60—65 тыс. (возможно, и больше), но все же меньше, чем у Девлет-Гирея.

Из наказа Воротынского видно, что уже накануне были разосланы «роспись и списки», «которым князем и детем боярским и немцом и стрель-цом и казаком и всяким людем в котором полку быти». Воротынский дол-жен был их собрать и раздать воеводам. Затем надлежало распределить личный состав внутри полков — «розметить и розписать» стрельцов «на дети боярские», составить в полках «памяти», «сколькo с кем будет людей полковых в доспесех и в тегпях», и без тегпях и сколько кошевых»; выбрать «голов добрых», заранее расписать за ними детей боярских и их людей, и отдельно «люди с пищалями», которые выставлялись боярами,

⁶⁷ «Ливонская хроника Балтазара Рюссова. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. III, Рига, 1870, стр. 212. В «Древней российской виблиофике» (т. XIII, стр. 433—434) ошибочно указано, что в большом полку с Фа-ренсбеком было 7 тыс. немцев. О наемниках-немцах см. также «Сибирский сборник», стр. 35 и Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, прим. 383. Штаден (указ. соч., стр. 67, 73) о расположении и назначении наемных войск писал: «по другую сторону Яузы на Болванке (Болвановке) живут все немецкие воинские люди, которыми вели-кий князь пользуется против Крымского царя». Болвановье, или Болвановка (близ позднейших Серпуховских ворот), — слобода для иностранцев в Замоскворечье, за-тем была разгромлена Иваном IV («История Москвы», т. 1, стр. 194—195).

⁶⁸ В. И. Буганов. Документы ..., стр. 174—177.

⁶⁹ Там же, стр. 177.

⁷⁰ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 112.

⁷¹ «Древняя российская виблиофика», ч. XIII, стр. 423—425 (зима 1571/72 г.), стр. 428—429 (лето 1572 г.); «Сибирский сборник», стр. 33.

князьями и детьми боярскими по одному человеку с пятисот четей земли. Воротынскому предписывалось потребовать от воевод украинских городов (которым быть «по росписи на сходе») провести такую же работу и доложить ему, оставив у себя копии, причем сделать это «заранее», чтобы он знал «заранее» о составе этих войск.

После сбора воинских людей М. Воротынскому «с товарищи» надо было провести смотр (определив день и выбрав подходящее место) «людей на конех в доспесех» полков и отрядов украинских городов. После смотра полкам предписывалось занять отведенные для них районы обороны; «по вестям» отрядам «изо всех украин» сходиться с полками на берегу до прихода туда хана. Пограничные города (Коломна, Серпухов, Калуга, Рязань, Тула, Козельск и др.) следовало «заранее в осады собрать», послать осадчиков с 25 марта, чтобы везде осады были устроены и собраны заранее, до прихода хана ⁷².

Особое внимание уделялось организации разведки. Для того, чтобы заранее было известно о походе хана, станицы высылались на Оскол и Семь и в «дальние проезды» по старой росписи и «в иные места... где пригоже». Воеводам полков предписывалось проводить поочередно рекогносцировку, «ездить Окою» вниз (до Рязани) и вверх (до Жиздры) до засеки и по Жиздре, «до коих мест надобе». Они должны были одновременно организовать военно-оборонительные работы на Оке и на Угре в местах, где «перелазы гладки и мелки» и, смотря по обстановке, «сделать крепости, заплести плетень и чеснок побити». «Крепости для перелазов» следовало делать «тутошними людьми сохами, которые сохи с обе стороны реки пришли, а в иных местах и полковыми людьми делать всеми» ⁷³.

Наказ подробно определял действия русских войск на каждом из возможных четырех направлений нападения Девлет-Гирея, в соответствии с характером его наступления.

1. Если хан «пойдет на прямое дело» («а не для войны»), перейдет Оку в ее верховьях и пойдет на Болхов «старою дорогою», то особый передовой отряд (900 вятчан и 1 тыс. казаков), находившийся в Калуге «в струзах», должен немедленно плыть к Жиздре, к месту переправы татар и до подхода главных русских сил мешать татарам переправляться ⁷⁴. В это время воеводам со всеми людьми и нарядом следовало идти к Калуге, затем поспешить на Жиздру и там не допустить хана перейти реку. Если хан все же переправится через Жиздру и пойдет к Угре, войскам надлежало стать на Угре и пытаться остановить его при переправе через реку. Воеводам несколько раз категорически предписывалось (и на других направлениях тоже) ни в коем случае не сходиться с ханом «на походе... на полях без крепостей», а стать на Угре и пеших воинов с пищалями расставить «по крепким местом». Если придется встретиться с ханом не у реки, то также, выбрав место «крепкое», расставить полки и стрельцов и «поиззаконатися».

Воеводы обязаны были предусмотреть и определить заранее, произведя накануне рекогносцировку, в каких местах будут находиться полки, на каком расстоянии друг от друга, где поделать «крепости» и какне для стрельцов, казаков, «пеших людей», для «наряда», и затем занять эти «крепости» при нападении татар. Места для «крепостей» и сами «крепости»

⁷² В. И. Б у г а н о в. Документы..., стр. 169.

⁷³ Там же, стр. 170.

⁷⁴ На Жиздре «по тем воротом, по засекам, по лесом по обеим сторонам в крепких местах стать с пищалями и с луки, где как пригоже, и на перелазех и в крепких местах на лесех на крымских людей приходити и лести мешати» (В. И. Б у г а н о в. Документы..., стр. 170).

должны быть такими, «чтобы наряд и стрельцы полковых людей уберегали, а на наряд бы и на стрельц полки напускати было нельзя». Для охраны обоза надо было выделить стрельцов и казаков с пищальми, «чтоб полк кошевой был особно, только бы стояли в крепком месте» (сведение полковых обозов в один! — Г. Б.) ⁷⁵.

2. Если татары будут стремиться перейти Оку где-нибудь между Калугой и Алексиным, Алексиным и Серпуховым, Серпуховым и Каширой, Каширой и Коломной, то в таком случае воеводы должны стать с войсками на берегу Оки и мешать переправе. С этой же целью действует и особый передовой отряд на стругах. При этом воеводам надо заранее определить, какие воинские люди, пешие с пищальми и конные, будут действовать против тех татар, которые будут находиться за рекой и против тех, кто перешел бы ее ⁷⁶.

3. В случае, если хан пойдет на Рязань, перейдет Оку под Солочью (севернее или южнее), направляясь к Коломне, то воеводам надо идти «убережною дорогою», выбрать «крепкое место да тут стать от реки до лесу и на лесу крепости поделати», чтобы хана «из крепких мест на поле не выпусая, его встретить», и действовать против него «смотря по тамошнему делу, как будет пригоже» ⁷⁷.

4. Предусматривался вариант, что Девлет-Гирей пойдет на Владимир. В таком случае воеводы должны спешить к Владимиру и Клязьме и вступить в борьбу под Владимиром или «где пригоже». Но предварительно они должны были хорошо выяснить «дальними станицами», что напали на него, «по слову с крымскими» сманивая с берега ратных людей, что это не отвлекающее нападение ногаев на Мещерские места, после которого хан пойдет к «берегу». Только тогда, когда будут «вести полные», что хан перешел Дон со всеми людьми и идет к Шацку и Мещере, воеводы выступают к Владимиру, «а по вестям смотря» из него и дальше. Вятчан и казаков польских с ручницами и з головами» следовало направить Окой «в судах» с приказом на перевозах через Оку и «в крепких местех в лесех» нападать на татар. Если хан, перейдя «реку», пойдет прямо к Москве, «а войны не распустит», то воеводам высылать против него голов с детьми боярскими, чтобы они нападали на крымцев, добывали языков и разузнавали о планах Девлет-Гирея, «и Москве помогати и на крымские люди приходи-ти». Если же хан перейдет «реку» и «войну распустит» или станет воевать «заречные места» (Тульские, Рязанские, Алексинские и Козельские), то воеводам высылать голов с людьми, стрельцов, казаков-наемников, а «смотря по делу» и самим «промышляти, приходити на крымцев и помогать тем местам». Наконец, воеводам приказывалось устроить засады (силами казацких отрядов по 500 человек каждый) на обратном пути движения хана с полоном. Воеводы обязаны были сообщать в Москву, Ивану IV и «по всем городом» о положении на юге ⁷⁸.

Войска двигались в сопровождении артиллерии. «Наряд... походной полковой» следовало взять с Коломны и Серпухова и в дальнейшем держать при большом полку. Воеводам у наряда при большом полку были князья С. И. Коркодинов и З. Сугорской. Они же стояли во главе Гуляй-города, также находившегося при большом полке ⁷⁹. Указание о наряде при большом полке относится, несомненно, к так называемому большому наряду, так как обычно «большой наряд» действовал с большим полком, полковая артиллерия — со своими полками. Определялось

⁷⁵ В. И. Буганов. Документы..., стр. 170.

⁷⁶ Там же, стр. 171.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 171—174.

⁷⁹ Там же, стр. 178.

соответствующим образом комплектование личного состава «наряда» и его материальное обеспечение ⁸⁰.

Наказ содержит также распоряжения о материальном обеспечении и снабжении войска. Предлагалось создать запасы продовольствия в Коломне, Серпухове и Калуге для отряда вятчан на три месяца. Необходимо было дать «жалованье» детям боярским и боярам «по росписи», в том числе и детям боярским — новикам. Тем, которые «пригодятца и вперед на службу», следовало поместья дать из «порожных земель». У петчиков отбирались «кормленные деньги» и отдавались детям боярским «добрым», которые «давно служат». Их надо было «прибав, и поверстать» и им же «посмотря по иманной службе придать», а у других «за лень и за худобу вычесть». Это поручение возлагалось на дьяка Ивана Михайлова, который с этой целью должен был отправиться «на берег». Наемники с пищальми, в том числе дети боярские из дальних городов, получали боеприпасы («зелье», свинец) из казны. Для отряда вятчан струги следовало привести из Нижнего Новгорода в Коломну «большую водою»; «суды большие поотписать» по Оке «сколько будет надобно в земском и опришнине, сколько где мочно взять», оценить их и «вперед заплатити». Предписывалось и устройство «перевозов» на Оке. Особо определялось снабжение немцев-наемников (также на три месяца). Руководство этим делом тоже поручалось дьяку Ивану Михайлову ⁸¹.

Из наказа видно, как тщательно планировалась оборона на юге в 1572 г. Русское командование придерживалось гибкой тактики. Оно стремилось задержать хана на Оке, но намечало действия и против переправившегося противника. Перед южной группой русских войск была поставлена задача громить крымцев и защищать Москву и другие русские города. Наказ определял четкое построение обороны, подчеркивал необходимость подготовки и занятия ее до прихода Девлет-Гирея, ориентировал на широкое применение военно-инженерных сооружений, на использование особенностей местности. Он намечал взаимодействие разных частей русской армии, концентрацию сил на наиболее опасных направлениях, организацию тщательной разведки, материальное обеспечение войск и т. д.

В апреле 1572 г. в Коломне состоялся смотр боярам, дворянам и детям боярским, «дворовым и городовым конской и их даточным людям, хто что дал государю в полк людей» ⁸². Смотр показал необходимость некоторых изменений в первоначальных планах обороны. Так, М. Вортынский получил приказание увеличить число «голов» в наряде ⁸³.

В дальнейшем по-прежнему уделялось большое внимание организации борьбы с приближающимся нападением Девлет-Гирея и, в частности, разведке за движением татар и планами хана. От воевод с «берега» Ивану IV в Новгороде стало известно о продвижении Девлет-Гирея к русским украинам. В связи с этим в дополнение к прежним распоряжениям были отданы новые — об усилении разведки ⁸⁴.

⁸⁰ Надо было «выбрать к наряду из дворян добрых в головы» двух человек и дать им детей боярских человек 50 «и сколько пригоже. А пушкарей московских взять по прежнему наряду. А подводы собрать под наряд и под пушкарей с тех городов, которые к берегу подошли, а с тех городов другие носохи к Москве и куды никуды не имать» (там же, стр. 169).

⁸¹ В. И. Б у г а н о в. Документы..., стр. 172—173.

⁸² Там же, стр. 178—179 (ГИМ, Щук. 496, разрядная книга).

⁸³ Там же; «Древняя Российская вивлиофика», ч. XIII, стр. 434; «к наряду голов прибрати» (очевидно, описка, следует читать как и в разрядной книге: «прибавить»).

⁸⁴ 17 июля 1572 г. Иван IV из Новгорода писал в Старицу О. М. Пушкину и Д. А. Замыцкому: «Велели есми вам для своего дела быти в Старицы; и ныне писали к нам с берегу бояря наши и воеводы, что недруг наш Крымской царь на наши украинны идет;

Принимались различные меры для повышения стойкости армии. Из Новгорода «на берег» «ко всей рати московской и новгородской» накануне татарского нападения были направлены с «государевым жалованным словом и з денежным жалованьем» князь О. М. Щербатой-Оболенский, И. Черемисинов и думный дьяк А. Щелкалов. Обращаясь к боярам, воеводам и «всей рати» по поручению Ивана IV, О. Щербатой призывал «государю служить», за что обещал «государскую милость... и жалованье»⁸⁵

Наряду с военно-оборонительными мероприятиями проводилась и соответствующая дипломатическая работа. В переговорах с Крымом русское правительство заняло новую позицию в вопросе об Астрахани и Казани и пошло на некоторые уступки в дипломатическом этикете. Оно соглашалось отдать Астрахань и обсуждать вопрос о Казани, настаивая при этом на том, что такое «великое дело» требует серьезных переговоров, обмена большими послами и заключения договора. Следует отметить, что соглашаясь на уступку Астрахани, русская дипломатия в то же время изыскивала возможности для ее удержания. В случае отказа хана от этих его требований, русские соглашались на выплату ему больших «поминков». Согласно на уступку Астрахани русские дипломаты связывали и с обязательством Девлет-Гирея выступить на стороне России в борьбе за Украину⁸⁶.

Рассматривая русскую политику в сношениях с Крымом, Н. М. Карамзин писал, что Иван IV действовал, «изменяя нашей государственности и пользе». В этом плане он рассматривал и отправление к хану принявшего православие сына Яна Магмета (князя Федора)⁸⁷. Для объяснения этого факта следует иметь в виду, что Ян Магмет снабжал русских представителей в Крыму (С. Клавшова) ценными сведениями. Он отговаривал хана от притязаний на Казань. Иван IV удовлетворил просьбу хана и в феврале 1572 г. отпустил сына Яна Магмета и, по-видимому, сумел расположить к себе Яна Магмета и добиться от него некоторой доброжелательности.

Не было ли это одной из причин недовольства Девлет-Гирея результатами миссии Яна Магмета? Когда тот вернулся в Крым, хан был недоволен им и сказал, что он ходил на Русь не для ханского дела, а в своих торговых интересах, «а подлинного государева и вел. кн. хотенья не проведаль»⁸⁸.

Оценка Н. М. Карамзиным политики Ивана IV далека от объективной характеристики событий. В действительности позиция, занятая русским правительством, была вынужденной и определялась конкретными историческими условиями. В Москве, конечно, понимали, что удовлетворение ханских требований в отношении Казани и Астрахани не приведет

и вы б посылали от себя станицы, проводывали про царев приход на наши украинны по прежнему нашему указу (!— Г. Б.); а как ево чаяти к берегу, и где ему реку перелесть, и на которое место чаяти; а вы б велели разведывати подлинно, а о том бы есте нас без вести не держали, посылали б есте к нам с тою вестью по честу о двукопь, что б нам про то не безызвестным быть. Да и во Твери б есте поставили сына боярского или дву добрых; и какова весть у них по царя будет, и оне б нас про царев приход потому ж не держали без вести; а сами бы есте без вести не держали ж, а делом нашим промыслили по прежнему нашему указу». Эта грамота из местнического дела В. Н. Пушкина с А. О. Плещеевым и была представлена В. Н. Пушкиным 15 поября 1628 г. («Временник МОИДР», кн. 14, 1852, стр. 87—88).

⁸⁵ В. И. Б у г а н о в. Документы..., стр. 179 (ГИМ, Шук. 496, разрядная книга).

⁸⁶ Переговоры с крымскими гошцами Девлет-Килдеем, а затем Яном Магметом и послом Яном Болдуем, посольство в Крым Северюка Клавшова, Ивана Судакова сына Мясного, наказ русским послам в Крыму А. Нагому и Ф. Писемскому см.: ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 35, 55—65, 71—149, 410—449.

⁸⁷ Н. М. К а р а м з и н. Указ. соч., т. IX, стб. 109, прим. 363.

⁸⁸ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 30 об.—31 об., 86, 167—168 об.

к установлению нормальных отношений между Русским государством и Крымским ханством, так как турецко-крымские захватчики этими требованиями не ограничатся. С. Клавшову Ян Магмет сказал в Крыму: «а хотя ныне князь великий и отдаст Казань и Асторохань, а и тем царя не утешит же. А ведь государь бусурманской хотя и правду даст, а князь великий ему Казань и Асторохань даст, царю и тогда воевати ж»⁸⁹.

И если Русское государство все же пошло на обсуждение всех этих вопросов, то это объясняется тем, что оно рассчитывало посредством отдельных уступок и длительных переговоров предотвратить новое выступление Турции и Крыма или выиграть время с тем, чтобы накопить силы, подготовиться и с успехом противостоять натиску врага.

Как и на предыдущих этапах Ливонской войны, так и сейчас отчетливо выступала связь между русско-татарскими отношениями и ходом военных действий в Прибалтике. После заключения перемирия с Польшей (1570 г.) особое место занимали русско-шведские отношения. После майского столкновения 1571 г. с турками и крымцами Русское государство обращается к урегулированию отношений со Швецией, что в свою очередь должно было облегчить борьбу на юге. Прибывшему в октябре 1571 г. гонцу Яну Магмету Иван IV заявил, что сейчас идет в Новгород, поэтому ответ на ханские грамоты и отправку гонцов откладывает до своего возвращения из похода. Гонцов отправили на это время в Можайск⁹⁰.

10 ноября 1571 было решено о походе против шведов. 1 декабря князя В. Тютякин и Г. Мещерский были направлены в Казань собирать казанских князей, татар, черемису, мордву с тем, чтобы идти с ними за Иваном IV в Новгород «наспех»⁹¹. 24 декабря Иван IV приехал в Новгород, куда были переведены задержанные более чем на год в Муроме шведские послы. После переговоров, когда по челобитью шведов было решено дать перемирие до Троицына дня (1 сентября) 1572 г., Иван IV отложил свой поход и возвратил касимовского царевича Саип-Булата Бекбулатовича, который с тремя полками, ногайскими мурзами и «многими тотарами» ходил на «свиские немцы»⁹².

Предстояло отражать новое нападение Девлет-Гирея. Находясь перед перспективой борьбы на два фронта, Русское государство стремилось как-то урегулировать свои отношения со Швецией, чтобы обеспечить себя с этой стороны и сконцентрировать силы против Девлет-Гирея. Когда эта цель была достигнута в результате прекращения военных действий и перемирия со Швецией, русская дипломатия вновь возвращается к русско-крымским отношениям.

21 января Иван IV возвратился из Новгорода и приказал прислать в село Братовщину крымского посла Яна Болдуя, который был во Вла-

⁸⁹ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 30 об.

⁹⁰ Там же, л. 35.

⁹¹ Вероятно, это одно из обстоятельств, вызвавших восстания в Поволжье.

⁹² «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством», т. 1 (1566—1586). — «Сборник Русского исторического общества» («Сб. РПО»), т. 129, стр. 207—226; «Древняя российская вивлиофика», ч. XIII, стр. 421—425; В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., ч. 2, стр. 12—14 (выписка из Башмаковской разрядной книги); «Новгородские летописи», стр. 108; Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, стб. 111—112, прим. 369 (полки собирались в Орешке и Дерпте); ГИМ, Щук. 496, разрядная книга, л. 481. В «Сибирском сборнике» (стр. 31), кроме похода 25 декабря 1571 г. трех полков («Свитские земли воевать, села Лебежья и иных сел»), указан неизвестный по другим разрядным книгам поход Саип-Булата в феврале 1572 г. Из Новгорода Иван IV выехал 18 января («Новгородские летописи», стр. 109); у С. В. Веселовского («Духовное завещание Ивана Грозного...», стр. 507) ошибочно указано, что выезд состоялся «в середине марта».

димире, и гонца Яна Магмета. 5 февраля на приеме царь заявил им, что ходил на своего недруга шведского короля, а сейчас отпускает Яна Магмета и с ним русского гонца Ивана Мясного. В переговорах с крымскими представителями и в грамотах Ивана IV к хану, калге, крымским мурзам, посланных с гонцом, выехавшим из Путивля 27 марта, содержится уже известная нам точка зрения русской дипломатии по вопросу об Астрахани и Казани ⁹³.

Весьма отчетливо объясняется взаимосвязь событий на южном и западном фронтах в грамоте Ивана IV русским послам в Крыму А. Нагому и Ф. Писемскому: «По вашему есмь письму,— сообщал Иван IV,— крымских гонцов позадержали, а сами есмь в то время ходили в свою отчину в Великий Новгород для Свейского дела, что б нам поуправитца в то время Свейским и *рати к лету прибавити. И рать свою всю и прибыльные люди попростали к берегу* и мы крымских гонцов ко царю отпустили» (курсив мой.— Г. Б.) ⁹⁴. Эту связь двух направлений русской внешней политики отмечали и западные дипломаты.

Кароль Рим, доносивший 17 июля 1572 г. императору Максимилиану II о новой татарской опасности, сообщал также, что «сам Московит принимает меры против этого и, говорят, не только продлил мир с поляками, но и заключил мир со шведами, чтобы не быть связанным и напасть на татар и турок» ⁹⁵.

Заботой об укреплении внешнеполитических позиций России следует, по-видимому, объяснить и продолжение переговоров с Речью Посполитой и восстановление торговли Московской компании, хотя и со значительным ограничением ее прав. Последнее, правда, не решало вопроса о союзе с Англией (Иван IV в переговорах с А. Дженкинсоном отказался от своих прежних политических расчетов на Англию, оставив за собой право снова поднять вопрос о военном союзе), но не могло не способствовать в определенной мере некоторому улучшению внешнеполитического положения России ⁹⁶.

Особенно важное значение имело продолжение переговоров с Речью Посполитой. Иван IV ожидал польских послов в Псков, куда намеревался приехать сам к Петрову дню (29 июня), король хотел их прислать в октябре ⁹⁷. Спор о сроке присылки послов, очевидно, не случаен. Не тогда ли хотело прислать их польско-литовское правительство, когда определился бы результат татарского нападения на Москву?

В дальнейшем, накануне вторжения Девлет-Гирея, русское правительство продолжало внимательно следить за развитием событий на западе.

Официально цель нового похода Иван IV в Новгород (лето 1572 г.) объяснялась так: царь ходил «на свое дело и на земское»; русские войска из Новгорода «хотели итти на свейские немцы»; «а хотел государь итти... на непослушника своево на свейсково короля Ягана за его королево

⁹³ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 55—65, 71—149.

⁹⁴ Там же, л. 119 об.

⁹⁵ E. H u r m u z a k i. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 632—633, № DCXI: «ipse quoque Moscovita se contra papare, et pacem. non cum ipso tantum Polono prorogasse, sed cum Succo pepigisse dicitur, ut expeditor tartaros Turcasque aggreditur».

⁹⁶ Переговоры Ивана IV с А. Дженкинсоном 23 марта 1572 г. в Александровой слободе и 13 мая в Старице. См.: Ю. Т о л с т о й. Россия и Англия. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, стр. 116—147; И. Г а м е л ь. Англичане в России в XVI—XVII вв. СПб., 1865, стр. 104—107.

⁹⁷ Переговоры Ивана IV с посланником Сигизмунда II Августа Михаилом Гарабурдой (он настиг Ивана IV на пути в Новгород в Клину) и переписка с королем из Новгорода. (Н. Н. Б а п т и ш - К а м е н с к и й. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г., ч. 1, 1487—1584 гг. М., 1862, стр. 135—137).

Яганово, неисправление»⁹⁸. Карамзин писал, что Иван IV ехал в Новгород, «чтобы заключить мир или воевать со Швецией». Но до похода дело не дошло. Были усилены войска в Дерите, Феллине и Лапсе⁹⁹. Воеводам князю В. Голицыну и Д. Кропоткину приказано было продвигнуться из Юрьева в Сыренск (Сыренеск)¹⁰⁰. По вестям из Орешка, туда «для береженья» было направлено подкрепление во главе с И. Д. Плещеевым и В.В. Разладиным. При этом в Орешке была произведена смена наместника: туда был направлен князь Г. Путятин, а Замятия Сабуров выехал в Новгород и стал одним из воевод передового полка¹⁰¹.

В Новгороде царем принимались различные меры по укреплению обороны как на южном, так и на западном фронте. 31 июля там была получена из Москвы весть о наступлении крымцев. В тот же день «наряд государьской» свозили на берег, с тем чтобы по Волхову отправить в Псков; затем от этого отказались. У старост всех улиц брали телеги с лошадьми «на государя»¹⁰².

Из Новгорода оказывали помощь Москве, «береговому войску», осуществляли руководство разведкой за действиями крымцев и т. д.

Рассмотренные военные и дипломатические мероприятия свидетельствуют о всесторонней подготовке Русского государства к новому столкновению с Крымом и Турцией. Они позволяют говорить о наличии определенного плана действий по обороне от вторжения Девлет-Гирея.

В такой обстановке у русского правительства появилась уверенность в успешном окончании предстоящего столкновения с татарами. Не пустой фразой было заявление Ивана IV крымским дипломатам в начале февраля 1572 г. о том, что еще неизвестно, в чью пользу закончится новый поход крымцев¹⁰³.

Таким образом, в результате подготовки, проводившейся в сжатые сроки, позиции России накануне нового татарско-турецкого нападения серьезно усилились.

Между тем Девлет-Гирей отверг предложения, которые выдвигало русское правительство после нападения 1571 г., не ответил на миссию Ив. Судакова сына Мясного, задержал его¹⁰⁴. После провала похода 1572 г. причины его хан объяснял (в грамоте к Ивану IV от 23 августа) отказом Русского государства поступиться Астраханью и Казанью. Непосредственной целью нападения Девлет-Гирей объявлял стремление лично встретиться с Иваном IV с тем, чтобы «переговорити» и получить «прямой ответ»¹⁰⁵.

В конце июля — начале августа 1572 г. развернулись крупные сражения русских войск с полчищами Девлет-Гирея, напавшими на русские земли. Ход этих боев восстанавливается на основании разрядных книг, летописных заметок, известий современников, дипломатических и других материалов. Среди этих источников выделяется «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом». Это один из немногих сохранившихся

⁹⁸ ГИМ, Щук. 496, разрядная книга, лл. 486, 494. См. также «Древняя российская вивлиофика», ч. XIII; «Сибирский сборник», стр. 36.

⁹⁹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, отб. 117—118.

¹⁰⁰ «Древняя российская вивлиофика», ч. XIII, стр. 429; «Сибирский сборник», стр. 33.

¹⁰¹ «Древняя российская вивлиофика», ч. XIII, стр. 429.

¹⁰² «Новгородские летописи», стр. 118, 120.

¹⁰³ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 55—65, 71—149.

¹⁰⁴ Гонец был направлен в Крым в феврале 1572 г., из Путивля выехал 27 марта (там же).

¹⁰⁵ Царевич Адил-Гирей писал Ивану IV о недовольстве Девлет-Гирея в связи с обращением царя к калге и царевичу с призывом отсоветовать хану настаивать на своих требованиях. Хан пошел на Русь, чтобы в личных переговорах с Иваном IV решить эти вопросы (там же, лл. 164—165 об.).

литературных памятников второй половины XVI в., в котором в яркой, образной форме весьма подробно день за днем описаны сражения с татарами 26 июля — 3 августа 1572 г. Повесть эта была известна по изложению А. Лызлова¹⁰⁶ и более подробно пересказу Н. М. Карамзина¹⁰⁷. Полностью Повесть была опубликована С. Шамбинаго¹⁰⁸. Более десяти новых списков Повести выявил в разрядных записях В. И. Буганов и опубликовал один из них¹⁰⁹.

В. И. Буганов вначале полагал, что Повесть была составлена не позднее 90-х годов XVI в., а может быть и в 70-х годах, вскоре после сражения при Молодях¹¹⁰. Затем он пришел к более определенному выводу, что Повесть была написана вскоре после Молодинской битвы, во всяком случае до опалы и казни летом 1573 г. князя М. И. Воротынского, главного героя Повести¹¹¹.

Н. М. Карамзин, подробно изложив Повесть, не доверял ей, сомневаясь в правдивости некоторых ее сообщений на основании того, что: 1) в использованных им других источниках говорится только об одном сражении — 1 августа; 2) ни в числе убитых, ни в числе пленников не было сына и внука хана. Сомнения Карамзина, особенно первое, нельзя признать основательными, так как 1) Повесть выгодно отличается от других источников полнотой и детальностью изложения материала; 2) нет противоречия между указанными Карамзиным источниками и Повестью относительно продолжительности боев. Официальные источники, да и то не все, передавали события в обобщенном виде, прикрепляя их к определенной дате, Повесть же сообщает о многодневных боях. С этим согласуются и другие известия, указывающие ту или иную продолжительность боев¹¹²; 3) второе сомнение Карамзина, как будет показано ниже, также недостаточно основательно.

Повесть вошла не только в состав разрядных книг, как это уже отмечено в литературе, но и в некоторые летописи¹¹³. Отголоски событий 1572 г. выявляются и в русских исторических песнях.

В июне Девлет-Гирей вышел из Крыма с большим войском и вероломно вторгся в пределы Русского государства¹¹⁴. 23 июля татары

¹⁰⁶ А. Лызлов. Указ. соч., ч. 2, стр. 63.

¹⁰⁷ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, прим. 391.

¹⁰⁸ С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного, стр. 79—82. Публикации Карамзина и Шамбинаго были сделаны по Синодальному списку (рукопись конца XVI — начала XVII вв.) из Рукописного отдела Исторического музея в Москве (далее — СС).

¹⁰⁹ Этот список (рукопись второй половины XVII в.) содержится в разрядной книге из собрания Щукина (ГИМ, Щук. 496, далее — ЩС). См. В. И. Буганов. Документы..., стр. 179—180. Текст исправлен по аналогичному списку, имеющемуся в составе разрядной книги 1375—1605 гг., хранящейся в ГИП им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Эрмитажном собрании. Нами использован, кроме этого, также список Повести, находящийся в составе Уваровской разрядной книги (ГИМ, Увар. 593; далее — УС). Эти списки в основном одинаково освещают главные события, но в ряде случаев взаимно дополняют друг друга некоторыми вариантами или более исправным чтением текста.

¹¹⁰ В. И. Буганов. Документы..., стр. 118.

¹¹¹ В. И. Буганов. Разрядные книги как памятник русской культуры. — «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6, стр. 109.

¹¹² «Устюжский летописный свод» — 5 дней; Г. Штаден — 14 дней, А. Курбский — несколько дней.

¹¹³ Например, частично в Соловецкий летописец (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники).

¹¹⁴ М. М. Щербатов. Сочинения. История российская с древнейших времен, т. V. СПб., 1903, стб. 378. 17 июля Иван IV писал из Новгорода в Старину: воеводы «с берега» сообщили ему о том, что хан «на наши украинны идет». Следовательно, о продвижении татар к русским землям воеводы узнали самое позднее в конце июня — начале июля.

ворвались на русские укреины¹¹⁵, обрушились на Тулу, сожгли ее посады¹¹⁶ и 26—27 июля вышли по Серпуховской (Крымской) дороге — кратчайшему пути из Крыма в Москву — к Оке¹¹⁷. Здесь крымцы встретили заранее подготовленные и занятые русскими войсками сильные оборонительные сооружения. Противник вел наступление на одном из тех направлений, которые предвидело русское командование. Однако большая протяженность обороны «берегового войска» чрезвычайно затрудняла организацию взаимодействия полков¹¹⁸.

На разных участках развернулись бои за переправы через Оку. Крымцы утверждали, что расчеты русских на оборонительные сооружения «на берегу» не оправдались¹¹⁹. Однако в действительности борьба на Оке проходила очень напряженно. Татары не смогли с ходу преодолеть укрепления. Они прилагали немалые силы для их разрушения¹²⁰ и в конечном итоге вынуждены были их обойти. Вышедшего к Оке хана воеводы через реку «не перепустили», и татары пошли в обход¹²¹.

Все это свидетельствует о мощи русских укреплений. К тому же оборонительные сооружения не были самоцелью и не рассматривались как препятствия, которые полностью гарантировали от проникновения татар в глубь русской обороны.

В нескольких местах крымцы форсировали Оку¹²². Первые бои начались на участке сторожевого полка, у Сенкиного брода¹²³.

Передовой отряд Девлет-Гирей в главе с ногайским большим воеводой Теребердей-мурзой с 20 тыс. ногаев только в результате своего численного превосходства сумел потеснить отряд в 200 детей боярских и переправиться на Сенкином перевозе в ночь под воскресенье 27 июля¹²⁴.

¹¹⁵ В. И. Буганов. Документы..., стр. 179 (ГИМ, Щук. 496, разрядная книга).

¹¹⁶ «Пискаревский летописец», стр. 80.

¹¹⁷ СС, стр. 79; ЩС, стр. 179. УС, л. 408 об.; М. М. Щербатов. Сочинения, т. V, стб. 380. У А. А. Новосельского (указ. соч., стр. 438) ошибочно указано, что Девлет-Гирей повторил вторжение в августе.

¹¹⁸ М. М. Щербатов. Сочинения, т. V, стб. 380.

¹¹⁹ Девлет-Гирей: «и мы тот двор (укрепления. — Г. Б.) ни во что покинув да перелезли»; калга Магмет-Гирей: «что на Оке оставлено рати твоей и стрельцов ни во что поставив, Оку перелезли» (ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 155—161 об., 163). Об этом же писал и Г. Штаден (указ. соч., стр. 111).

¹²⁰ СС, стр. 80: «плетени изподкопали»; ЩС, стр. 179: «плетени ис подкопов выняли».

¹²¹ «Пискаревский летописец», стр. 80.

¹²² Хан реку Оку «в трех местах перелез со многим вопиством» (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в.). Крымский гонец Шигаи говорил Ивану IV от имени хана, что тот «реку перелез не в одном месте» (ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 154 об.).

В источниках указаны и места переправы: Сенкин брод, село Дракино (см. ниже), а также Тишилово (Тешилово) (ЦГАДА, ф. 181, д. 17, разрядная книга, скоропись XVII в., л. 15). На Сенкином перевозе (Сенкин брод) иногда располагались русские войска (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование..., ч. 1, стр. 417). В писцовой книге г. Каширы с уездом (1578 и 1579 гг.) записано: «Да на Оке же были перевозы в Сенкино, да в Липицах, да под Тешиловым, да под Любвиным, и те перевозы в заповеди, ныне на них не велено». Здесь же часто упоминается стан Тешилов, находившаяся в нем поместья и вотчины (П. Калачев. Писцовые книги XVI в., отд. II. СПб., 1877, стр. 1305 и др.). С XII в. известен город Спас-Тешилов.

¹²³ Сведения о первых боях сторожевого полка 26 июля («первое дело») содержатся в разрядных записях (В. И. Буганов. Документы..., стр. 179 — Щукинская разрядная книга; «Сибирский сборник», стр. 35) и отсутствуют в Повести. М. М. Щербатов (Сочинения, т. V, стб. 380—381) верно отмечал, что бои начались на участке сторожевого полка, но помещал его под Серпуховым, где должен был, однако, находиться большой полк. Неосновательно его утверждение и о слабости сторожевого полка, который вследствие этого якобы не оказывал сопротивления хану.

¹²⁴ СС, стр. 79—80; ЩС, стр. 179; УС, л. 408 об. Не совсем точно замечание В. И. Буганова («Документы...», стр. 168) об отсутствии в ЩС данных о составе ханского войска, находящихся в начале Повести. Хотя в ЩС и исключено начало Повести, что

На следующий день Теребердей-мурза двинулся к Москве и занял все дороги к ней ¹²⁵.

Другой большой отряд под командованием ногойского мурзы Дивей, встретив сопротивление под Серпуховым, форсировал реку против села Дракино и направился в обход города, выйдя в тыл полка правой руки и передового ¹²⁶. Был разбит крымцами небольшой русский разведывательный отряд в 300 человек во главе с Г. Штаденем, не получивший вовремя помощи от воеводы передового полка Д. Хворостинина ¹²⁷.

В воскресенье 27 июля Девлет-Гирей приказал стрелять «из полкового снаряду» по русским войскам, расположенным в трех верстах от Серпухова и оборонявшимся в Гуляй-городе ¹²⁸. После артиллерийского обстрела Девлет-Гирей решил здесь переправляться. Оставив двухтысячный отряд «травитис» ¹²⁹ с русскими, он «со всем войском» ночью переправился через Сенкин брод и затем продолжал наступление ¹³⁰. Завязались бои с полком правой руки, «на Оке реке верх Нары» ¹³¹. Обстановка чрезвычайно осложнилась. Необходимо было задержать ханское войско и не пропустить его дальше, ибо Девлет-Гирей, очевидно, стремился соединиться с Теребердеем-мурзой, уже находившимся под Москвой.

Начались многодневные бои на подступах к столице ¹³².

Когда в понедельник рано утром 28 июля воеводам стало известно о переправе основных татарских сил «на сю сторону на московскую», М. Воротынский «со всеми воеводами... пошел за царем» ¹³³. Встреча произошла у Молодей ¹³⁴. Передовой полк нанес удар крымскому аррьергарду и «мчал» его до «царева полка» ¹³⁵. Удар был настолько сильным, что

связано с помещением ее в состав разрядной книги и необходимостью вследствие этого некоторой структурной переделки, тем не менее и здесь, и в целом в Щукинской разрядной книге эти сведения сохранились, по существу, лишь без указания на численность ногаев; отсутствующий в начале списка Теребердей указан в дальнейшем тексте.

¹²⁵ СС, стр. 80; «пришел под Москву и отнял все дороги около Москвы, а не всевал и не жег»; ЩС, стр. 179: «пришел под Москву и круг Москвы отнял все дороги, а не всевал ничего»; УС, л. 408 об.: «а не воевал ничего».

¹²⁶ «Пискаревский летописец», стр. 80; Г. Штаден. Указ. соч., стр. 111: «...Дивей-мурза с большим отрядом... подошел к нам с тыла от Серпухова».

¹²⁷ По словам Штадена, в живых остался он один (указ. соч., стр. 151). В связи с этим С. Б. Веселовский заметил, что, вероятно, Штаден просто спасся бегством, за что затем был уволен со службы в опричнине (С. Б. Веселовский. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.— «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 99—100).

¹²⁸ По СС (стр. 80), завязалась перестрелка, «государеви воеводы, кн. М. И. Воротынский велел стреляти из за Гуляй города за Оку по татарским пелкам из пушек». В ЩС (стр. 179) воеводы «по татарским пелком из гуляй города стрелять не велели». Так же и в УС (л. 409 об.) А. Лызлов придерживался последнего мнения и объяснял его так: русские воеводы «не повелеша по татарам стреляти из пушек, да утася такая стрельба во граде Гуляе» (указ. соч., т. II, стр. 62). Это один из примеров рабсты Лызлова с источниками. Он, очевидно, имел под руками разные списки Повести и излагал события не только по СС, как считает В. И. Буганов («Разрядные книги...», стр. 109).

¹²⁹ СС, стр. 80; стр. 179; «а велел им противитца покаместа он Оку реку перелезет».

¹³⁰ СС, стр. 80; ЩС, стр. 179.

¹³¹ В. И. Буганов. Документы..., стр. 179 (Щукинская разрядная книга). Из другой разрядной книги («Синбирский сборник», стр. 35) видно, что начался замешательство среди воевод, некоторые из них дрогнули: «и было дело в неделю правой руки, кн. Н. Р. Одоевскому да Ф. Шереметеву; а Федор побегал и саадак с себя скинул; а дело было князю Никите Юпому, а дело было большое». В Повести все эти события отсутствуют.

¹³² Воеводы «на людей его (хана.— Г. Б.) приходили во многих мстех» (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в.).

¹³³ СС, стр. 80; ЩС, стр. 179—180; УС, л. 410.

¹³⁴ ЩС, стр. 180; УС, л. 410; в СС отсутствует.

¹³⁵ В ЩС и в УС наряду с Д. Хворостининым верно указан и другой воевода полка — А. Хованский, по отсутствию содержащегося в СС данные о составе полка («многие» дети боярские, дворяне, стрельцы, немцы).

возглавлявшие аррьергард два царевича заявили хану о том, что необходимо прекратить наступление, поскольку они понесли потери, а Москва укреплена¹³⁶. Девлет-Гирей послал «на помоч» аррьергарду 12 тыс. ногаев и крымцев. Получив подкрепление, царевичи потеснили («мчали») передовой полк к большому полку, до Гуляй-города. Однако отступая, воеводы передового полка Д. Хворостинин и А. Хованский заманивали противника в глубь русской обороны. В результате согласованных, смелых действий и умелого маневра передового полка и главных русских сил неприятельский отряд был наведен отступившими воеводами на тщательно замаскированные засады и артиллерию и понес большие потери от губительного огня пушек и пицалей стрельцов¹³⁷.

Царевичи снова заявили хану, что вот он идет к Москве, «а московские люди нас побили, погайских и крымских людей, из снаряду»¹³⁸. Девлет-Гирей, учитывая большие потери и опасаясь ударов русских войск в тыл, резко изменил свои планы, отказался от немедленного дальнейшего продвижения к Москве и перешел к обороне¹³⁹; татарское войско остановилось в семи верстах севернее реки Пахры. По сообщению Повести, хан «перешел реку, семь верст, да стал в болоте со всеми людьми»¹⁴⁰. Н. С. Арцыбашев «в болоте» читал как «в Молодях»¹⁴¹. Он пользовался тем списком Повести, в котором не употребляются более точные географические наименования места впоследствии развернувшихся событий¹⁴². В других источниках наряду с Молодями говорится и о «болоте»¹⁴³. По-видимому, под «болотом» имелась в виду болотистая местность, а также специфический способ ведения военных действий. Для понимания этого момента битвы (переход татар к обороне в «болоте») небезынтересно известие о действиях русских в подобных условиях, хотя и трудно представить себе полную аналогию, учитывая прежде всего то, что основой ханского войска была конница. «Между югом и Москвою, милях в трехстах от последней, пролегают многие болота и топи: страна эта называется Мценск..., и когда нападает сильный неприятель, здешний народ тотчас спасается в означенных болотах»¹⁴⁴.

Русские войска между тем продолжали преследование татар¹⁴⁵. 29 июля, во вторник, произошло столкновение передовых отрядов обеих

¹³⁶ СС, стр. 80: «Ты, государь, идешь к Москве, а нас московские люди ззади побили, а на Москве, государь, не без людей ж будет»; ЩС, стр. 180: «к Москве ити не пошто: московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей ж» (УС, л. 410).

¹³⁷ СС, стр. 80: «И князь Дмитрий поусторонился с полком города Гуляя направо. И в те поры князь Михайло Воротынской из-за Гуляя велел стрельцом стрелять из пицалей по татарским полком, а пушкарем из большого снаряду из пушек бити»; ЩС, стр. 180: когда татары «пробежали гуляй город вправо», М. Воротынский приказал стрелять по ним «изо всего наряду»; УС, л. 410—410 об.; А. Лызлов (указ. соч., т. II, стр. 65), следуя Повести, писал, что передовой полк стал отступать до «больших полков» и «умышленно побегоша мимо града Гуляя, приводяще татар на стрельбу огненную».

¹³⁸ СС, стр. 81: в ЩС и в УС это место отсутствует.

¹³⁹ СС, стр. 81: «И от тех речей (царевичей.— Г. Б.) царь убоялсе, к Москве не пошел»; ЩС, стр. 180: хан «от того убоялся к Москве не пошел, что государевы бояря и воеводы идут за ним»; УС, л. 410 об.

¹⁴⁰ СС, стр. 81; УС, л. 410 об.

¹⁴¹ Н. С. Арцыбашев. Повествование о России, т. II, М., 1838, стр. 326. прим. 1959.

¹⁴² СС.

¹⁴³ ЩС; УС; «Соловецкий летописец».

¹⁴⁴ «Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. Перевел с итальянского В. Любич-Романович». — «Сказания иностранцев о России в XVI—XVII веках», СПб., 1843, стр. 13—14, 46. Заслуживает внимания мнение А. Лызлова (указ. соч., т. II, стр. 65) о том, что хан остановился с войском «не дошед (? — Г. Б.) реки Пахры за семь верст, в болотех в крепких местах».

¹⁴⁵ ЩС, стр. 180: воеводы «пошли за царем». Так же и в УС, л. 410 об. В СС это место отсутствует.

сторон (полки с крымцами «травились, а съёмново бою не было») ¹⁴⁶. Затем Девлет-Гирей «воротился из-за Пахры назад» и в среду 30 июля возвратился к Молодям ¹⁴⁷. На юг из Москвы вели четыре дороги. Главной из них была Серпуховка (иногда она называлась Крымской дорогой, так как была кратчайшим путем в Крым). Недалеко от селения Подол-Пахра (ныне г. Подольск) Серпуховка пересекала р. Пахру и шла на погост Воскресенья на Молодах, а первый ям от Москвы был на Лопасне ¹⁴⁸.

Здесь, между Молодями и Лопасней, на позициях, заранее выбранных, укрепленных и занятых русскими войсками, развернулись решающие бои ¹⁴⁹. 30 июля «дело было велико, и сеча велика» ¹⁵⁰. Вначале произошла стычка авангардов («учали передовые люди травиться»). В это время воеводы поставили Гуляй-город, под прикрытием которого стал большой полк. Другие полки расположились за Гуляй-городом, «недалече от города» ¹⁵¹.

Вслед за этим началось сражение с участием основных сил. Русские войска, опираясь на Гуляй-город, сдержали натиск татар и перешли в контратаку, в результате которой крымцы и поган понесли большие потери. Среди убитых был погайский «большой воевода» («большой мурза») Теребердей ¹⁵², трое ширинских князей ¹⁵³. Суздалец, сын боярский Темир Алалыков (Алалыкин), пленил известного погайского Дивей-мурзу ¹⁵⁴.

¹⁴⁶ ЩС, стр. 180; СС, стр. 81; УС, л. 410 об.

¹⁴⁷ ЩС, стр. 180. В СС и в УС этот текст отсутствует. «На Молодех у Воскресенья, от Москвы за полпятадесять (45.— Г. Б.) верст» (ЩС); «на Рожай на речьки, под Воскресеньем в Молодех, на Лопасне, в Хотинском уезде... от Москвы за пятьдесят верст» («Новгородский летописец», стр. 119); «на Молодех у Воскресенья Христова» («Соловецкий летописец»). «О приходе цареве на Молоди» («Пискаревский летописец», стр. 80); «У Воскресенья на Молодех», «на Молодех» (Щукинская разрядная книга.— В. И. Буганов. Документы..., стр. 179—181); «У Воскресенья в Молодех» («Сибирский сборник», стр. 35); ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 153; «У Воскресенья в Молодех» («Устюжский летописный свод», стр. 109).

¹⁴⁸ С. Б. Веселовский. Подмосковье в древности.— «Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв.», М., 1955, стр. 31. Известный с XII в. город Лопасня находился не на месте села Лопасни у Молодей («Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. Семенова», т. 1, СПб., 1899), а на правом берегу Оки, против устья реки Лопасни (М. Погодин. Древняя Лопасня. М., 1874).

¹⁴⁹ «Пискаревский летописец» (стр. 80) сообщает, что после сражения с Дивеем на Оке, а потом и за Окой, воеводы «пошли к Москве разными дорогами и обозом и пришли за три часа (! — Г. Б.) до царева приходу и с обозом со всех дорог, смотрением божним, вдруг (! — Г. Б.) на Молоди и обоз поставили и ров выкопали и травиться стали».

¹⁵⁰ СС, стр. 81; ЩС, стр. 180; УС, л. 410 об.

¹⁵¹ ЩС, стр. 180; в СС и в УС это место отсутствует.

¹⁵² СС, стр. 81; ЩС, стр. 180; УС, л. 410 об.

¹⁵³ СС, стр. 81: «Да крымских же ширинских князей и трех братьев убили»; в ЩС и в УС: «да ширинских князей трех братьев».

¹⁵⁴ СС, стр. 81: «крымского болшего воеводу Дивей-мурзу»; ЩС, стр. 180: «крымсково большово мурзу Дивейя»; УС, л. 410 об.: «Дивей-мурза»; «Пискаревский летописец», стр. 86: «Дивей»; «Соловецкий летописец» («Новгородская вторая летопись»): «Дивей-мурза», «воевода Дивей-мурза»; А. Курбский. Сочинения, сб. 290: «Гетман его (хана.— Г. Б.) славный, кровопийца Дивей-мурза»; М. Н. Тихомирнов. Малоизвестные летописные памятники XVI в., стр. 92: «лучший» ханский воевода Дивей-мурза; «Памятники дипломатических отношений...», т. 1, сб. 510, 731: «лучший его (хана.— Г. Б.) князь Дивей Ногайский»; О пленении и допросе главного военачальника крымского царя Дивей-мурзы, его слуги, а также другого татарского военачальника Хаз-Булата подробно сообщает Г. Штаден (указ. соч., стр. 111). По Флетчеру (Дж. Флетчер. О государстве Русском. Изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 80, 105, 106), был пленен «какой-то Дивей-мурза, один из начальников, бывших в этом походе с 300 других татар». После отказа креститься, всех татар якобы утопили в Москве-реке. В другом месте Флетчер пишет, что у крымских татар первые после хана «суть некоторые князья, пазываемые или мурзами или дивей-мурзами», каждый из которых стоит во главе отряда в 10, 20 или 40 тыс. человек. Отсюда следует, что «Дивей-мурза» не имя собственное. В 1572 г. был захвачен в плен погайский Дивей-мурза (дивей-мурза) (?).

Были захвачены многие мурзы¹⁵⁵, «жива» взяли астраханского царевича¹⁵⁶. Русские потери составили около 70 чел.¹⁵⁷

31 июля (четверг) и 1 августа (пятница) воеводы с татарами «травились, а съёмново бою не было»¹⁵⁸.

2 августа (суббота) сражение развернулось с наибольшей силой. Девлет-Гирей бросил крупные силы татар и ногаев («многие полки») с целью сломить сопротивление русских войск в Гуляй-городе («город велел взять») ¹⁵⁹ и освободить («выбивати») Дивей-мурзу ¹⁶⁰. Татары действовали в конном строю, а также, против обыкновения, спешившись. Стрельцы стойко отбивали натиск врагов, которые уже «изымались у города за стену руками», побили многих татар «и рук татарских безчисленно обсекли». А в то время, когда защитники Гуляй-города приковывали к себе силы Девлет-Гирея и изматывали их, в тыл к неприятелю долиной вышел большой полк М. Воротынского. Наступил кульминационный момент сражения. По приказу М. Воротынского на противника обрушился огонь всех пушек Гуляй-города, одновременно стреляли «изо всево наряду» — из «большого наряда», «из пушек и из всех пищалей». Эта стрельба была и условным сигналом, по которому на войско Девлет-Гирея обрушились защитники Гуляй-города, стрельцы и немцы-наемники во главе с Д. Хворостининым и большой полк М. Воротынского с тыла ¹⁶¹. Русские войска начали с татарами и ногаями «дело делати съёмное, и сеча была велика» ¹⁶². Враг был разбит наголову, его потери убитыми и пленными были очень велики ¹⁶³.

¹⁵⁵ СС, стр. 81; ШС, стр. 180; УС, л. 410 об.

¹⁵⁶ ШС, стр. 180. В СС и в УС этот факт не упоминается. «Пискаревский летописец» (стр. 80): «многих людей у него (хана. — Г. Б.) побили и поймали и Дивея взяли и Ширинских князей и царевича астраханского и многих побили. А Дивея взяли в сторожевом полку у князя Ивана Шуйского». По Г. Штадену (указ. соч., стр. 111), Дивей-мурза был пленен передовым полком.

¹⁵⁷ СС, стр. 81; в ШС отсутствует.

¹⁵⁸ ШС, стр. 180; УС, л. 410 об.: «съёмного дела». В СС пропущены события 1 августа. В Карамзинском хронографе «В л. 7080, Авг. в 1 приходил Крымский Девлет-Гирей и бысть бой у Воскресения в Молодах» (Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, прим. 394). В разрядной книге («Синбирский сборник», стр. 34—35): «Августа в 1 д., приходил крымской царь Девлет-Гирей»; битва в Молодах помечена средой, датировка событий сбивчива. Н. С. Арцыбашев верно полагал, что сражение продолжалось 1 и 2 августа (указ. соч., т. II, стр. 327, прим. 1962).

¹⁵⁹ СС, стр. 81; в ШС и в УС этого места нет.

¹⁶⁰ СС, стр. 81; ШС, стр. 180.

¹⁶¹ СС, стр. 81; УС, л. 410 об.; ШС, стр. 180.

¹⁶² СС, стр. 81; УС, л. 410; об.; в ШС этого места нет.

¹⁶³ По Повести, был убит сын Девлет-Гирея и его внук (СС: «Колбин сын»; ШС и УС: «Колгин сын») — сын калги Магмет-Гирея, наследника Девлет-Гирея. «Соловецкий летописец»: «и под Гуляем городом сеча была великая. И... на том деле убили царевича крымского [в тексте в начале: «убили у него (хана. — Г. Б.) царевича да взяли Дивей-мурзу] да внука царева царевича колбина». В других аналогичных текстах дается правильное чтение — «калгина сына». См. примечание М. Н. Тихомирова («Малозвестные летописные памятники», стр. 225—226; А. Курбский. Сочинения, стб. 290: «и самого Царя сынове два, глаголят, убиенны». «Устюжский летописный свод», стр. 109: Воротынский «поймал Дивин-мурзу да 2 царевича убил, и многих людей крымского царя побил».

Какие-то неясные намеки на судьбу ханских сыновей (?? — Г. Б.) содержатся в грамоте Девлет-Гирея к Иваку IV от 23 августа 1572 г. Царевичи, находившиеся в арьергарде, подверглись нападению русских войск; «немногие наши годные люди бились и двух добрых взяли де, что дети мои без нашего ведома бились; на детей своих покручипившись, назад пришел твоих людей около есми облег» (В. И. Бугаиов. Документы..., стр. 182). Среди убитых был зять Девлет-Гирея Ила-мурза («Елал-мурза») (ЦГАДА, Датские дела, д. 2, л. 211; «Памятники дипломатических сношений...», т. 1, стб. 731). По А. Лызлову (указ. соч., т. II, стр. 64), был убит ханский сын «Дакаленин» и «многое множество» татарских («знаменитых мурз», среди пленных — сын хана и многие знаменитые мурзы).

Девлет-Гирей обратился в паническое бегство. Он выделил к вечеру 2 августа трехтысячный арьергард¹⁶⁴, а сам «побежал» и в ночь на воскресенье 3 августа ушел за Оку¹⁶⁵.

Утром 3 августа воеводы узнали об отходе Девлет-Гирея и развернули преследование «всеми полки», в ходе которого уже до Оки нанесли новое сильное поражение крымцам, смяли трехтысячный арьергард¹⁶⁶, а на Оке — другой, двухтысячный, из которого убили до 1 тыс. человек, «а иные в воду вметалис да тонули, а иные за Оку ушли»¹⁶⁷.

Девлет-Гирей «ушел с соромом», он «пошел в Крым скоро наспех»¹⁶⁸. Хан бежал «не вирно, не путми, не дорогами, в мале дружине»¹⁶⁹.

Так русские воеводы с меньшими силами разбили большое войско Девлет-Гирея¹⁷⁰. Велики были потери турок. Курбский даже утверждал, что «турки все изчезоша и не возвратился, глаголют, ни един в Константинополь»¹⁷¹. Было захвачено много пленных и большие трофеи, среди которых оказались шатры, знамена и личное оружие хана, обоз и артиллерия¹⁷².

В ходе наступления и особенно отступления разбитой татарской армии ее грабительские действия не получили широкого размаха. Калга Магмет-Гирей писал Ивану IV, правда, что «по всей твоей земле загонщиков посылав, полонили и хоромы сожгли. Да и хлебы и животину перевели...»¹⁷³. Однако сам хан в грамоте к Ивану IV (от 23 августа 1572 г.) писал, что прежде чем добиться главного — найти царя и вступить с ним в переговоры — он хотел «стати, где б сел и животины много»¹⁷⁴. М. М. Щербатов считал, что хан стремился добиться главной цели похода и хотя не мог татар «от грабительства удержать, то по крайней мере старался, поелику возможно, менее опустошений делать»¹⁷⁵. Из источников видно, что прорвавшийся к Москве Теребердей «не воевал и не жег». По А. Лызлову, отступавший «с великим срамом» Девлет-Гирей «ни

¹⁶⁴ ЩС, стр. 180: хан оставил «для отводу в болоте крымских татар три тысячи резвых людей, а велел им травитца». Так же в СС и в УС.

¹⁶⁵ ЩС, стр. 180; СС, стр. 81—82.

¹⁶⁶ СС, стр. 82: «да тех татар да Оки всех побили»; ЩС, стр. 180: «тех татар пробил до Оки реки»; УС, л. 411.

¹⁶⁷ СС, стр. 82; УС, лл. 411—411 об.; ЩС, стр. 180. М. М. Щербатов (Сочинения, т. V, стб. 383—384) считал, что воеводы сторожевого полка, уклонившиеся в начале нападения Девлет-Гирея от сражения и не участвовавшие в битве у Молодей, в дальнейшем напали со свежими силами на отступавших татар и нанесли им сильное поражение.

¹⁶⁸ ЩС, стр. 181.

¹⁶⁹ «Новгородские летописи», стр. 119.

¹⁷⁰ «Новгородские летописи», стр. 119; из 120 тыс. войска у хана осталось всего 20 тыс.; «Соловецкий летописец», стр. 225; на Молодех хана «побили, и войско его побито безчисленно, из земли побежал цемпогими людьми»; «Устюжский летописный свод», стр. 109: «многих людей крымского царя» побили, «а сам царь утек»; М. Н. Тихомиров («Малозвестные исторические памятники XVI в.», стр. 92): «многих людей его побили и самого царя прогнаша»; С. А. Белокуров. Летописные заметки за 7030—7137 (1552—1629). — «Чтения МОИДР», 1896, кн. 4, отд. IV, стр. 2); ЦГАДА, ф. 181, д. 17, разрядная книга (скоронис XVII в.); Девлет-Гирей, пытаясь скрыть свое тяжелое положение, писал, что «со всеми мусульманскими ратьми и с лошадьми со всеми здорово потине поворотилися» (ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 157 об.). Доныне стоят, писал Карамзин (указ. соч., т. IX, стб. 120), высокие курганы между Лопасней и Рожаем как памятники русской победы. Сохранившиеся до нашего времени памятники эти пока еще не стали объектами научного изучения.

¹⁷¹ А. Курбский. Сочинения, стб. 286—289.

¹⁷² А. Курбский. Сочинения, стб. 286—289: ханские знамена и шатры воеводы отправили Ивану IV в Новгород. А. Лызлов (указ. соч., т. II, стр. 64): Девлет-Гирей покинул «шатры и знамена великия и вся воинская тяжкая оружия».

¹⁷³ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 163.

¹⁷⁴ Там же, л. 157.

¹⁷⁵ М. М. Щербатов. Сочинения, т. V, стб. 378—379.

к единому граду приближающиеся»¹⁷⁶. Это объясняется отчасти тактикой татар, стремившихся сосредоточенными силами, не расплываясь, как можно быстрее и скрытно прорваться к Москве и решить исход кампании в свою пользу. Необходимо также учитывать, что татары шли по разоренной территории, на которой к тому же продолжался голод. Однако решающее значение имела активная оборона, а затем наступление и стремительное преследование, предпринятое русским войском, которое свело на нет численное превосходство крымцев и сковало их действия.

После разгрома вражеских полчищ русские войска возвратились на свои участки обороны: «И пошли опять по старым станом, на Коломну и в Серпухов, и по берегу и по перевозом»¹⁷⁷. 6 августа Иван IV получил долгожданную весть о победе над Девлет-Гиреем и бегстве татар¹⁷⁸. 9 августа в Новгород привезли Дивей-мурзу¹⁷⁹. Победа торжественно отмечалась в Новгороде¹⁸⁰.

Борьба с нашествием татар и турок в 1571 и 1572 гг. оказала серьезное влияние на внутриполитическую жизнь Русского государства. Молодинская битва повысила престиж русской армии и еще более укрепила власть Ивана IV¹⁸¹. Независимо от опричной политики после 1572 г. (продолжение существования опричнины или, что всего вероятнее, слияние опричнины и земщины в единый государев двор¹⁸²), события этого года, в том числе и борьба с крымско-турецкой агрессией, Молодинская битва, в которых роль земщины была очень велика, составляют чрезвычайно важную грань в истории опричнины. В значительной мере с борьбой против турецко-татарской экспансии связаны крупные преобразования в обороне государства и модификация опричнины 1570-х гг. С. В. Бахрушин небезосновательно полагал, что «перед лицом татарско-турецкой опасности на юге и трудностей, связанных с войной за Ливонию, необходимо было объединить все силы феодалов»¹⁸³. Не менее определенно роль русско-татарских отношений в истории опричнины отметил П. А. Садиков. «Опричнина хотя и хорошо была продумана Грозным ранее, учреждалась в обстановке и под впечатлением неудач московских войск против литовцев и крымцев при набеге последних на рязанскую Украину в 1564 г. и кончила первую фазу своего существования в обстановке, создавшейся в результате нашествия тех же татар»¹⁸⁴.

После Молодинской битвы господствующий класс, и прежде всего мелкие и средние феодалы, при активной поддержке самодержавной власти спешили использовать внешнеполитическую победу для дальней-

¹⁷⁶ А. Лызов. Указ. соч., т. II, стр. 64: «...а земле государя нашего убытки не учинил (хан.— Г. Б.) никакого»; «Памятники дипломатических сношений...», т. 1, стб. 510.

¹⁷⁷ СС, стр. 82; В. И. Буганов. Документы..., стр. 180. (Шукинская разрядная книга); УС, лл. 411—411 об.

¹⁷⁸ «Новгородские летописи», стр. 118—119. С этим известием и с ханскими трофеями (два лука, две сабли, саадаки со стрелами) приехали участники боев А. Г. Давыдов и князь Д. А. Ногтев-Суздальский, который был головой «письменным» при большом полку (В. И. Буганов. Документы..., стр. 179—181).

¹⁷⁹ Дивей-мурзу поместили «на бреженье» к князю Б. Тулунову на улицу Рога-тицу («Новгородские летописи», стр. 120). У С. Б. Веселовского ошибочно указано 8 августа (указ. соч., стр. 507); «А Дивей послали в Новгород к государю и тамо скончаша» («Пискаревский летописец», стр. 80—81).

¹⁸⁰ «Новгородские летописи», стр. 120.

¹⁸¹ S. Grahame. Ivan the Terrible. New Haven, 1933, p. 253.

¹⁸² С. Б. Веселовский. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.— «Вопросы истории», 1946, № 1.

¹⁸³ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 304.

¹⁸⁴ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 136. О связи между переменами в опричных порядках и набегам Девлет-Гирея см.: Е. Горсей. Указ. соч., стр. 10

шего укрепления своего положения в стране, для увеличения своих земельных владений и всемерного обогащения. В плане перемен в опричной политике следует рассматривать указ о возврате отобранных вотчин, а также указ царя с боярским приговором 7081 г. (1572/73 г.) о продаже подмосковных пустошей в вотчины служилым людям и «мочным» гостям.

Главной целью указа 7081 г. было восстановление хозяйства в Подмоскowie, разоренного нападениями Девлет-Гирея 1571 и 1572 гг. Продажу земель проводил особый приказ в составе бывшего опричника князя Д. А. Друцкого, князя И. Гагарина и дьяка Кирея Горина¹⁸⁵. Как было обещано на смотре в Коломне (апрель), щедро раздавались награды. Иван IV «воевод жаловал добре». «3 золотыми» в «береговое» войско был направлен А. А. Нагой¹⁸⁶. Г. Штаден сообщает о различных формах вознаграждения служилых людей (по количеству это происходило после Молодинской битвы, с учетом степени участия каждого). Он отметил двойкий способ пожалования активных участников битвы: «если были прострелены, посечены или ранены спереди» — путем прирезки земли или путем ее качественной переоценки. У других служилых людей, «раненых сзади», сокращали поместья, и они попадали в опалу. Те, кто становились калеками, назначались чиновниками в города и уезды.... «...Все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь долее не мог без них обходиться»¹⁸⁷.

Победа в Молодинской битве оказала сильное влияние и на внешнеполитическое положение Русского государства, особенно на русско-крымские и русско-турецкие отношения. Вызывающая грамота Селима II, в которой султан требовал Астрахань, Казань и вассального подчинения Ивана IV, была оставлена без ответа. Девлет-Гирей после поражения пригласил с дороги гонца Шигаю¹⁸⁸.

Хан в своей грамоте (от 23 августа) стремился утаить действительные цели похода, всячески преуменьшить размеры своего поражения, скрыть потери и представить действия татар как успешные. Бои русских войск против крымцев при преследовании Девлет-Гирей выдавал за небольшие столкновения, в которые вступали без его ведома некоторые «богатыри, сердца своего не уняв, на сердце свое надеясь. Не многие наши годные люди были». Но назойливые старания скрыть поражение, вопреки желанию Девлет-Гирея, лишь подтверждали его. Невольно признав свою неудачу, хан не мог скрыть и ее причины, прежде всего — умелое использование русскими войсками сильных оборонительных сооружений и недовольство ногаев их тяжелым положением под властью хана и в его войске.

Девлет-Гирей снова требовал уступки Казани и Астрахани и угрожал за них «до смерти своей тягаться». При этом он писал, что «в книгах у нас так написано», что «для веры однолично голову свою положим». Согласно русского правительства на отказ от Астрахани и Казани и воцарение там крымского царевича Адыл-Гирея должно быть соответствующим образом оформлено: «Казань и Асторохань дашь и с ротною своею грамотою и ключи астороханьские и казаньские одному своему олпату на руки

¹⁸⁵ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М. — Л., 1947, стр. 97—98.

¹⁸⁶ «Новгородские летописи», стр. 119; В. И. Буганов. Документы..., стр. 181.

¹⁸⁷ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 110, 112 (примечание И. И. Полосина), 152.

¹⁸⁸ Шигаю был поставлен «до указу» в Боровске, а 4 сентября припят Иваном IV в селе Лучинском «на крестьянском дворе». Иван IV не спросил его, как это обычно делалось, о здоровье хана, а грамоты велел передать дьяку А. Щелкалову. Были получены грамоты от Девлет-Гирея, Магмет-Гирея и Алды-Гирея (ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 153—161 об. и др.).

дашь и с любовною своею грамотой, своих детей и князей и веремьянников ротные грамоты взяв...». Взамен этого хан обещал, что от Адыл-Гирея «никогого убытка и насильства не дойдет по нашему приказу (! — Г. Б.); быв которые наши холопы по нашему приказу тебе и пособники будут, другу твоему друг буду, тебе много добра было б».

Что касается сукоп и казны как основы мирных отношений между Россией и Крымом, то они хану не нужны. Если бы он хотел «дружить на казне», то ему выгоднее иметь дело с польским королем, который после девятилетнего перерыва снова обещает давать казну и прислал послов. Но хап им прямого ответа не дал, так как, якобы, хочет быть в мире с Иваном IV. Однако «добрую дружбу» хан обещал только в том случае, если будут приняты крымские условия¹⁸⁹.

Впрочем, крымские феодалы понимали, что в результате Молодинской битвы обстановка резко изменилась. Вот почему Девлет-Гирей вскоре попытался предложить русскому правительству в качестве основы возможной договоренности иные условия: только Астрахань и поминки.

Переговоры на этой основе были поручены старому опытному политику Шигаю. На приеме у Ивана IV Шигаи передал слова хана: он послал гонцом «старого человека, который помнит, что при отцах и дедех меж нас деялось». Целью похода на Русь объявлялось желание хана вступить в непосредственные переговоры с Иваном IV и «большими людьми меж нами делать». Шигаи заявил, что в Крыму были удовлетворены согласием Ивана IV отдать Казань и Астрахань и весной хотели идти на польского короля. Но возвратился Ян Магмет и с ним Иван IV о Казани и Астрахани «ничего не учинил».

В Посольском приказе заинтересовались, нет ли другого «приказа» у Шигая. В беседе, которую вел с гонцом 8 сентября Юрий Темиров, выяснилось, что у него есть и другие «речи». Шигаи заявил, что он прислан для «доброго дела». Девлет-Гирей передавал, что «то де и мне ведомо, что у царя и вел. кн. земля велика и людей много. В длину земле его ход девять месяцев, а поперец шесть месяцев, а мне не даст Казани и Асторохани. И хотя мне те города и даст и у него оприч того городов много... А прежде де Магмет Кирей царь Оку перелезчи, почевал три ночи, а на четвертой день назад поворотил. И туто слава его велика. А яз де деда своего и прадеда ныне делал лутчи. И царь бы и вел. кн. дал мне Казани и Асторохани. А не даст Казани и Асторохани, и он бы дал одну Асторохань для того, что ему соромно от брата своего от Турского, что он со царем и вел. кн. воюетца, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет, и ничего с ним не учинит» (курсив мой. — Г. Б.). Если хан получит Астрахань, он перестанет нападать на Русь, голоден не будет — слева у него Литва, в другую сторону — черкесы, и он будет их воевать и удовлетворится любыми поминками с Руси¹⁹⁰. Таким образом, Крымское хапство вынуждено было отказаться от некоторых своих прежних домогательств. Но укрепившееся положение Русского государства создавало прочную основу для решительной позиции русской дипломатии в сношениях с Турцией и Крымом. Крымские требования, даже уменьшившиеся, были категорически отвергнуты. Русская дипломатия не могла пойти на уступку Астрахани еще и потому, что она не снимала вопроса о дальнейшей турецко-крымской агрессии, как об этом свидетельствовала султанская грамота, полученная в декабре 1572 г. с русским послом А. Кузьминским¹⁹¹. Грамоты Селима II и Девлет-Гирея были оставлены

¹⁸⁹ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 153—161 об.

¹⁹⁰ Там же, лл. 154—155, 166 об.— 170...

¹⁹¹ Там же, д. 2, лл. 224—227.

без ответа. Шигаи и другие крымские гонцы были отправлены в Дорогобуж, где содержался крымский посол Ян Болдуй, до специального «указа»¹⁹².

В дальнейшем крымские феодалы продолжали настаивать на своих требованиях, но по-прежнему встречали решительный отказ. Таким образом, Молодинская битва сняла вопрос об уступке Астрахани и тем более Казани.

Наряду с этим следует отметить, что на другом направлении — на Северном Кавказе — Русское государство вынуждено было пойти на уступку Селиму II и покинуть в 1571 или 1572 г. город, который был построен в 1567 г. по просьбе «большева» кабардинского князя Темрюка Идаровича¹⁹³. Новая обстановка в русско-крымских отношениях отразилась также в некоторых изменениях дипломатического этикета (при приеме гонца Шигаи) и в послышке «легких», а не «добрых поминков». При этом Иван IV ссылался на самого хана, который накануне заявлял, что добивается Казани и Астрахани и не нуждается в деньгах¹⁹⁴.

Поражение Девлет-Гирея под Москвой отразилось также на крымско-ногайских отношениях. Большие Ногаи принимали участие в нападении крымцев на Русь в 1571 г., но их союз с Крымским ханством был непрочным. В 1572 г. он дал сильную трещину, так как энергичными ударами русских войск были сорваны широко разрекламированные Девлет-Гиреем захватнические планы в отношении России. Позже, разорвав с Крымским ханством, Большие Ногаи ставили в вину Девлет-Гирею, что он их «стравил с московским государем»: «Тем нас подбаел на Московское царство, что ты сказывал: Москву взял, а едешь в Москву на царство. И мы ден за то с тобою и ходили». Но хан, по их мнению, не оценил этого и не оказал им помощи, когда они оказались под ударами русских войск.

Было еще одно обстоятельство, которое вызывало разногласия между крымцами и ногаями. Штаден писал, что «ногаи, которые были в войске (крымского) царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь (Москву) в прошлом году»¹⁹⁵.

Недовольство ногаев не могло не вызвать и то, что они использовались крымцами в качестве передовых отрядов, которым поручались самые тяжелые задания то в авангарде, то в арьергарде ханского войска.

Кроме того, в Молодинской битве русскими войсками был пленен знатный ногайский Дивей-мурза из рода Мансуровых. О большой роли Дивея среди ногаев и в Крыму видно из того, что Девлет-Гирей прилагал много сил для освобождения его из плена, пытаясь этим отчасти восстановить распадавшиеся союзные связи Крыма с Большими Ногаями. Освобождение Дивея составляло основную цель посольства гонца Девлет-Килдея (1576 г.). На просьбы хана и царевича Адыл-Гирея отпустить Дивея Иван IV ответил, что он умер «тому другой год»; если бы он был жив, то его бы возвратили в Крым¹⁹⁶.

В Москве придавали большое значение Дивею-мурзе. Иван IV писал Василию Грязному (1574 г.), попавшему в плен к татарам, почему нельзя отпустить из плена Дивея и обменять его на Грязного: Дивей — опасный враг, он влиятелен в Ногайской Орде, не случайно хан с ним породнился. Если отпустить Дивея, он снова будет воевать и пленит многих русских людей¹⁹⁷.

¹⁹² Там же, д. 14, лл. 169—169 об. Шигаи был отпущен в Крым в конце 1576 г.

¹⁹³ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, стб. 120; Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — «Исторические записки», т. 34, 1950, стр. 272—286.

¹⁹⁴ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, л. 180 и др.

¹⁹⁵ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 112.

¹⁹⁶ ЦГАДА, Крымские дела, д. 14, лл. 296 об. — 299 об., 306—307, 316, 341.

¹⁹⁷ Там же, д. 13, лл. 214 об. — 217.

По иностранным источникам (Гейденштейн, Градовский, Одерборн) в дальнейшем известен русский полководец Даниил-мурза. И. И. Полосин считал, что речь идет о Дивее¹⁹⁸. Из письма В. Загоровского, находившегося на службе у польского короля, Курбскому из-под Пскова в 1577 г. мы узнаем, что Загоровский попал в плен в руки «людей царевича его милости Крымского, а меновище князя Девня мырзы»¹⁹⁹. В чине постельника (или столыника?) Дивей-мурза был с Иваном IV в Старице в 1581 г., во время осады Пскова. Затем, в набег на царскую ставку Хр. Радзивилла, он перебежал в его отряд и, очевидно, был принят на службу Баторием²⁰⁰.

Распад крымско-ногайского союза объясняется не только военным поражением. Большие Ногаи были сильно заинтересованы в экономических связях с Русским государством.

Успешное окончание борьбы с Девлет-Гиреем на юге способствовало некоторой активизации действий русских войск на западном фронте. Русские стали сосредоточиваться для похода против шведов в Прибалтике. Взаимообусловленность этих событий и намеков на возможную для шведского короля судьбу хана выразил Иван IV в своей грамоте Юхану III, написанной 11 августа из Новгорода. «А что Крымскому (хану) без нас от наших воевод учинилось,— писал Иван IV,— о том спрося, уведомь»²⁰¹. По разрядам прослеживается переключение воевод из «берегового» войска в Поволжье и Прибалтику. Крупным успехом русских было взятие Пайды (Вейссенштейна)²⁰². Однако оборона южных окраин по-прежнему приковывала к себе крупные силы, и военные действия на западном фронте в 1572—1576 гг. не получили большого размаха.

Молодинская битва завершила трехлетнюю напряженную борьбу России с турецко-крымским нашествием. Несмотря на тяжелое положение, в котором находилось Русское государство, военная и дипломатическая экспансия Турции и Крымского ханства были отбиты. Девлет-Гирею было нанесено решительное поражение, его расчет на внезапность был сорван, грабительские орды разбиты. Враг не был допущен к Москве, его остановили и разгромили на подступах к ней. Внушительная победа русских войск спасла Москву, а также закрепила за Россией Поволжье. Долгое время после 1572 г. Русь не знала крупных нападений с юга (до набега в 1591 г. на Москву крымского хана Казы-Гирея), хотя обстановка оставалась тревожной. История русского военного искусства XVI в. и особенно Молодинская битва опровергают распространенное в досоветской военно-исторической литературе утверждение Д. Флетчера о том, что русские воины якобы лучше защищались в крепостях и городах, нежели сражались в открытом поле.

Меры по усилению обороны страны проводились на основе расширения и укрепления поместной системы феодального землевладения, которая становилась господствующей на южной окраине. Проведение новых оборонительных мероприятий вело к дальнейшему увеличению податей, которые тяжелым бременем ложились на народные массы. Во всем этом выражался классовый характер политики Ивана Грозного, который расширял и укреплял социальную базу самодержавия и действовал прежде всего в интересах все более усиливавшегося дворянства.

¹⁹⁸ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 157 (примечание И. И. Полосина).

¹⁹⁹ «Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни», т. II. Киев. стр. 286.

²⁰⁰ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 157 (примечание И. И. Полосина).

²⁰¹ РИБ, т. XXII, стр. 34.

²⁰² «Древняя российская вивлиофика, ч. XIII, стр. 435—439; «Сибирский сборник», стр. 36; «Пискаревский летописец», стр. 81; «Сб. РИО», т. 129, стр. 229—230.

Поражение Девлет-Гирея и победа русских войск у Молодей, наряду с другими крупными военными событиями XVI в. (взятие Казани, поход Ермака), нашли яркое отражение в литературе и устном народном творчестве ²⁰³.

О Молодинской битве стало известно далеко за пределами Русского государства, например в Риме, в Империи, в Речи Посполитой ²⁰⁴.

²⁰³ «Исторические песни XIII—XVI веков», М.—Л., 1960, стр. 464—468, 665—667; См. работы В. Ф. Миллера, С. Шамбинаго и новейшее исследование: В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII вв.— «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. XI, 1960.

²⁰⁴ «Акты исторические, относящиеся к России, собр. А. И. Тургеневым», т. 1, СПб., 1841, стр. 228, № CLXII (письмо папского легата в Польше кардинала Коммендоне о большой победе московских войск над татарами).

В. И. Фрейдзон

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ
НА ХОРВАТСКО-СЛАВОНСКОЙ ВОЕННОЙ ГРАНИЦЕ
в 50-х — начале 70-х годов XIX века
(кризис и ликвидация военной системы)**

Победа контрреволюции в 1849 г. не принесла австрийским правящим кругам полного спокойствия. Реакции удалось временно подавить освободительную борьбу народов империи, но волны национальных движений, бурлившие вокруг монархии Габсбургов, во второй половине 50-х годов стали подкатываться со всех сторон к ее границам, грозя захлестнуть их и вновь взволновать замиренные народности Австрии. В 50—60-х годах все более острой становилась вооруженная национально-освободительная борьба южных славян в Боснии и Герцеговине, упорно отстаивала независимость Черногория, стремясь в подходящий момент освободить соседние с ней районы. При поддержке России более активную внешнюю политику повела в 60-х годах Сербия. Австрийское правительство опасалось каждого шага югославян Турции к национальной свободе, видя в ней прямую угрозу своему господству над их единоплеменниками в империи.

В 50—60-х годах Австрия в разное время воевала с Францией, Пьемонтом, а позднее — с Данией, Пруссией, Италией, находилась в натянутых отношениях с Россией, все время держала наготове армию для вторжения в югославянские земли Турции, для нажима на румынские княжества, для подавления «своих» народов и расправы с выступлениями крестьянства.

В балансе вооруженных сил, которыми располагало австрийское правительство для борьбы с многочисленными врагами, Военная Граница, населенная югославянами (сербами и хорватами), занимала важное место.

Франц-Иосиф в ответ на петиции хорватов о демилитаризации Границы отвечал, что сохранение ее военного устройства необходимо в интересах «великодержавного положения» империи и что нужно помнить о задачах хорватов в предстоящем решении восточного вопроса (намек на возможность присоединения Боснии к Хорватии). Австрийские правящие круги рассматривали Границу не только как источник людских резервов для войн и агрессии, но и как жандарма, которого можно использовать для подавления недовольных внутри империи. В конституции 1849 г. прямо говорилось, что институт этот «существует для защиты целостности империи» и является «составной частью имперской армии»¹. Поэтому

¹ Цит. по: О. Utiešenović. Die Militärgrenze und die Verfassung. Wien, 1861, S. 53.

вплоть до перестройки империи в 1867 г. Вена, несмотря на требования Венгрии, Хорватии и самих граничар, упорно отказывалась демилитаризовать Границу.

В 1848—1849 гг. граничары составили ядро армии Радецкого в Италии, бан Елачич повел их на подавление революции в Венгрии и Австрии. Во время этих походов погибли за интересы Габсбургов десятки тысяч граничар.

После 1848 г. наступил последний период истории Военной Границы². В условиях, когда был ликвидирован феодальный строй в империи, сохранение Границы — типично средневекового института — все более очевидным образом оказывалось в противоречии с экономическими интересами буржуазии, как австрийской и венгерской, так и хорватской и сербской, и становилось невыносимым для массы граничарского населения.

Что касается Хорватии, то для нее присоединение Границы имело бы большое политическое значение, так как существенно увеличивало территорию и население страны и укрепляло ее позиции в национальной борьбе³. В результате ряда политических событий и развития новых социально-экономических процессов институт Военной Границы уже в первой половине XIX в. оказался в состоянии все более углублявшегося кризиса. Однако ввиду поражения революции 1848—1849 гг. буржуазные реформы в Австрийской империи осуществлялись дворянством и умеренным крылом буржуазии при сохранении на десятилетия разнообразных пережитков феодализма. В этой обстановке Военная Граница просуществовала после 1848 г. еще четверть века.

Новый «Основной закон» 1850 г.⁴ содержал следующие главные положения о Границе. В параграфе 2 указывалось, что Военная Граница и соответствующий провинциал (т. е. для Хорватско-Славонской Границы — гражданская Хорватия) составляют единую территорию, но имеют отдельное управление и представительство. (После формального установления абсолютистского режима в Австрии в 1851 г. ни о каком «представительстве» не могло быть и речи). Параграф 3 был отредактирован несколько иначе, чем соответствующее место конституции 1849 г.; в нем говорилось, что институт Военной Границы остается в подчинении Военного министерства в области, касающейся военной и военно-административной службы. Но в сущности задачам военной службы были подчинены все стороны жизни страны и быта населения. Параграф 4 предоставлял граничарам все права подданных других земель империи в соответствии с конституцией 1849 г., «но в той мере, в какой эти права совместимы с целями и нуждами института Военной Границы», т. е. в действительности оставлял граничар бесправными. В австрийском официальном справочнике прямо указывалось, что «все жители Границы подлежат военной юрисдикции», а уголовная и гражданская юстиция действует по законам армии⁵.

По закону 1850 г. граничары были обязаны служить императору в мирное и военное время на Границе и вне ее и поддерживать в порядке

² См. F. Moačanin. Periodizacija historije Vojne Krajine. — «Historijski zbornik», Zagreb, 1960, str. 116.

³ Население Хорватии и Славонии составляло в 1861 г. 876 тыс. человек, Хорватско-Славонской Границы (с Петроварадинским полком) — 767 тыс. человек; в 1869 г. соответственно 1 млн. 160 тыс. (после демилитаризации двух полков) и 700 тыс.

⁴ См. O. Utiešenović. Указ. соч., стр. 153—169, приложение V, «Grundgesetz vom 7. Mai 1850. für die kroatisch-slavonische und die banatisch-serbische Milizergrenze».

⁵ «Hof-und Staats-Handbuch des Kaiserthums Österreich für das Jahr 1859», Fünfter Theil, Wien, S. 237.

сооружения на Границе. Военской повинности подлежали все мужчины старше 20 лет — владельцы недвижимого имущества, способные носить оружие (§ 51 и 54) ⁶. В отставку выходили лишь в 50 лет ⁷. Граничары были обязаны нести пограничную службу, поддерживать спокойствие в области и участвовать в походах вне Границы (§ 52). Как и линейные части, граничары получали амуницию и оружие (§ 59). Находящимся на действительной службе солдатам полагалась денежная оплата и натуральное довольствие. Внутренняя служба в районе расположения роты была бесплатной (§ 57). Офицеры кроме жалованья получали казенную квартиру с огородом, топливо и фураж ⁸. В полках имелись подразделения сержантов и пандуров (пехота и конница). Пандуры и сержанты несли кордонную и полицейскую службу. Пограничной службой были заняты более 4 тыс. солдат и офицеров, а в особых случаях (во время карантин) — до 10 тыс. На расстоянии, достаточном для приема сигналов, находились блокгаузы и наблюдательные пункты. Между ними передвигались патрули.

После ликвидации Трансильванской Границы (1851 г.) Военная Граница (более 1 млн. населения в середине XIX в.) состояла из двух частей: Хорватско-Славонской и Сербско-Банатской. В первую входили десять полков, во вторую — четыре полка и отдельный батальон (речная флотилия) ⁹. Полки — в мирное время двухбатальонного состава — состояли из 12 рот (по шесть в батальоне), в военное время формировался третий батальон (четыре роты). В мирное время один батальон каждого полка постоянно находился «под ружьем», а солдаты другого жили со своими семьями, будучи готовы по сигналу явиться на сборный пункт. Мужское население Границы делилось на находящихся на действительной службе, резервистов (старшие возрасты) и не годных к службе (старики, больные, дети).

В военное время полк вместе с дополнительными подразделениями насчитывал более 3600 человек ¹⁰. В мирное время на Границе под ружьем находилось 60 тыс. человек ¹¹, примерно $\frac{3}{4}$ этого количества — на Хорватско-Славонской Границе. Численность граничарских войск в военное время достигала приблизительно 90 тыс. человек, но при всеобщей мобилизации Граница могла дать значительно больше ¹².

⁶ В действительности к службе в армии привлекалось почти все мужское население: например, если в семействе семеро сыновей, то шесть берутся в солдаты. — Архив внешней политики России (АВПР), Главный архив (далее ГА), V A₂, 1867 г., д. 1019, л. 12.

Служьские граничары в 1861 г. сообщали: «На Границе есть много семей, не имеющих ни одного мужчины, способного к труду», забирают даже единственного кормильца («Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od god. 1861», sv. III, Zagreb, 1862, str. 96).

⁷ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 428, 1857 г., д. 79, л. 38. Внутреннюю службу заставляли нести до 60 лет.

⁸ Там же, ф. 428, 1854 г., д. 68, л. 11.

⁹ J. S c h w i c k e r. Geschichte der Österreichischen Militärgrenze. Wien und Teschen, 1883, S. 368—369. В 60-х годах один из сербско-банатских полков был передан Хорватско-Славонской Границе.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 428, д. 68, л. 16.

¹¹ J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 371; O. U t i e š e n o v i ć. Указ. соч., стр. 66.

¹² Б. Каталинич в своей записке «О военно-политическом значении Военной Границы» (ЦГВИА, ф. 428, 1868 г., д. 108, л. 40) определял численность граничарской армии в военное время в 70 тыс. человек, а в случае всеобщей мобилизации — в 150 тыс. человек. По другим данным, людские ресурсы Границы в случае их крайнего напряжения оценивались в 214 тыс. человек (там же, д. 90, л. 10). О Б. Каталиниче см.: Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. Записка Боголоба Каталинича о военно-политическом положении в южнославянских землях в 1869—1870 гг. — «Славянский архив», М., 1961, стр. 215—218.

однако такая мобилизация наносила серьезный ущерб хозяйству области¹³.

В 50-х годах пехота австрийской армии состояла из 62 линейных полков и ряда других частей, а также 14 полков Военной Границы¹⁴. Перед войной 1866 г. австрийская армия (без граничар) насчитывала более полу-миллиона человек. Таким образом, если принять во внимание, что численность населения империи составляла 36 млн. человек, а Границы, как отмечалось, несколько более 1 млн., доля граничар в австрийской армии была непропорционально велика. В мирное время на Границе один солдат приходился на девять жителей мужского пола (включая стариков и детей), в военное на шесть-семь. В других землях Австрии один солдат приходился соответственно на 72 и 32 жителя¹⁵.

В середине XIX в. граничары продолжали жить задругами — большими патриархальными семьями. Задруги (вероятно, большинство их) насчитывали от 30 до 60 человек¹⁶. Задруге закон 1850 г. уделял особое внимание¹⁷, так как на ней базировалась вся военная система Границы. Только большая семья могла продержаться в период длительного отсутствия мужчин-солдат. Задруга же содержала стариков, калек, инвалидов. «Патриархальная жизнь населения Границы, как национальная черта (Sitte), охраняется законом» (§ 31). Главой задруги являлся избираемый ее членами, обычно пожилой (отслуживший военную службу), мужчина. В его обязанности входило управление имуществом задруги и поддержание в ней столь важных для австрийских генералов «тишины, порядка, единомыслия, религиозности и нравственности» (§ 33). Он был обязан отчитываться перед задругой (§ 35). Все совместно заработанное считалось собственностью задруги (§ 34). Все мужчины имели равные права на пользование недвижимым имуществом. Покинувший задругу терял эти права (§ 22). Для отчуждения имущества задруги требовалось согласие большинства совершеннолетних членов (старше 18 лет). Отправиться на заработки граничар мог только с согласия главы задруги, часть заработка он был обязан отдавать в общую кассу. Уход без согласия главы задруги карался передачей всего заработка в пользу задруги¹⁸. Имущественного равенства, однако, уже давно не было в задругах: как и в гражданской Хорватии, все имущество, приобретенное граничаром на свои средства, считалось его личной собственностью (§ 38). Не было равенства и между задругами: некоторые задруги имели работников, живших здесь же, но не являвшихся членами задруги. Вместе с тем среди граничар не было «благородного» феодального сословия: «Дворянства в Militär-Grenze нет; здесь все равны, сосед может превзойти соседа лишь на службе и только в период действительной службы либо под ружьем, либо в полковой администрации... Офицер, не находящийся на действительной службе, возвращается в дом своей семьи, как ее член, и вполне естественно вновь попадает под власть ее избранного главы»¹⁹.

Недвижимое имущество граничарских задруг законом 1850 г. объявлялось их «полной собственностью», в связи с чем верховная

¹³ Так произошло в 1848 г., когда Елачич, используя обман и демагогию, мобилизовал только на Хорватско-Славонской Границе более 120 тыс. человек. Правда, они были вооружены пиками, косами и необмундированы (ЦГВИА, ф. 428, д. 68, л. 16).

¹⁴ Подполковник А н и ч к о в. Обзор современного состояния военного управления и хозяйства Австрии. — ЦГВИА, ф. 428, д. 79, л. 39.

¹⁵ О. U t i e š e n o v i ć. Указ. соч., стр. 66—67.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 428, 1851 г., д. 61, л. 2.

¹⁷ См. О. U t i e š e n o v i ć. Указ. соч., стр. 160—164, приложение V.

¹⁸ Это и ряд других положений закона 1850 г. об имущественных взаимоотношениях в задруге имелись уже в законе 1807 г.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 428, д. 61, л. 2.

собственность императора на землю и ленные отношения, как они были сформулированы «Основным законом» 1807 г., на Границе отменялись (§ 11). Этот параграф был уступкой духу времени чисто формалистического характера: в Австрийской империи были ликвидированы юридические нормы феодализма и надо было как-то отразить этот факт в параграфах, посвященных устройству Границы. В действительности средневековый институт Границы невозможно было втиснуть в рамки буржуазного права, поэтому в законе имелись взаимоисключающие положения: граничары — полные собственники земли — имели право на собственность лишь постольку, поскольку несли воинскую повинность. Это подтверждал параграф 12: с владением недвижимостью на Границе связана воинская повинность²⁰. Этот пережиток прошлого обусловил прочие многообразные пережитки, которые будут отмечены в дальнейшем, в частности разные проявления бесправия граничар.

Земельное владение задруги состояло из основной (Stammgut) и дополнительной (Überland) земли. Первая, как правило, не могла отчуждаться, но в особых случаях (§ 16) закон 1850 г., как и закон 1807 г., разрешал отягощать ее задолженностью (не более, чем на $\frac{1}{3}$ цены); должник был обязан в этом случае ежегодно выплачивать не только проценты, но и часть долга. Дополнительной землей можно было распоряжаться свободно (как и по закону 1807 г.). Это также способствовало развитию имущественного неравенства среди граничар.

Масса задруг владела участками примерно в 15 десятин²¹. Законом 1850 г. раздел задруг был обусловлен следующими положениями: каждая выделившаяся семья имеет не менее шести югров²² «основной» земли, большинство членов задруги согласно на раздел, достигнуто согласие об уплате общих долгов, обеспечено строительство нового дома, военнообязанные остаются в состоянии готовности к службе (§ 39). Условия раздела утверждались ротным начальством (§ 42). Перейти из одной задруги в другую граничар мог лишь с согласия обеих задруг и властей (§ 45). Покинуть Границу мог лишь граничар, отслуживший в армии (§ 46).

В середине XIX в. задруга, закабаленная военным режимом (и, как увидим, ростовщиками) и разлагавшаяся под воздействием товарно-денежных отношений, не предохраняла население от пауперизации, но вместе с тем тормозила развитие производительных сил и буржуазных отношений. Говоря об общей бедности массы граничар, Л. Березин, лично наблюдавший быт населения Границы, в числе других причин крайне низкого уровня сельского хозяйства области (военный режим, недостаток работников, налоги, плохие пути сообщения и др.) называет задругу, которая не способствовала «умению хозяйствовать», стремлению «экономить» и «накапливать»²³. Как и в гражданской части страны, на Границе несмотря на запреты происходил фактический распад задруг. Не только уменьшалось значение общего имущества по сравнению с личным, но во многих случаях общее имущество негласно делилось. Это еще больше затрудняло положение семей наиболее бедных членов задруги²⁴.

Граничары были расселены большими селами. Одно или несколько сел составляли общину. Местная община являлась низшей администра-

²⁰ См. O. Utišeno vić. Указ. соч., стр. 153—155, приложение V.

²¹ ЦГВИА, ф. 428, д. 61, л. 1.

²² 1 ютро равно 0,57 га.

²³ Л. В. Березин. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница, т. II. СПб., 1879, стр. 348—349.

²⁴ К сожалению, в специальной работе: М. Семјан. Историја краишника и кућне задруге у ратној држави («Споменик Српске Академије наука», т. CVIII, Београд, 1960) не рассматривается этот вопрос. Статья интересна реконструкцией задруги в ее древнем виде, менее затронутым товарно-денежными отношениями.

тивной единицей Границы. Ротный дистрикт (округ) включал одну или несколько общин. Избираемый главами задруг комитет из невоеннослужащих контролировал состояние общинного имущества, раскладывал налог и т. п.

В случае любого спора между членами задруг (в связи с денежными расчетами, разделами и т. п.) решающее слово оставалось за командиром роты. Командир роты был подлинным хозяином всех общин роты, при нем собирался совет из офицеров роты, фельдфебеля-администратора и представителей общин. В полках имелись административно-экономические отделы во главе с офицерами. При командующем Хорватско-Славонской Границей в Загребе (К.-К. General-Komando) существовал административный отдел ²⁵.

Б. Каталинич дал такую общую характеристику Границы: «Обязанная подобно прочим народам Австрии к уплате податей, Военная Граница подлежит во всех случаях силе военно-уголовных законов и зависит непосредственно от императорского венского военного министерства. Не обладая никакими преимуществами, граничары пользуются лишь самой ограниченной свободой, какую в Европе едва ли даже могут себе представить, и служат только достойным жалости орудием злополучной политики» ²⁶.

Все население Военной Границы, таким образом, подчинялось офицерам и жило в условиях военной дисциплины. Это был заповедник австрийской военщины, где царил произвол начальства, ограниченный лишь соображениями военной «целесообразности». Офицеры сосредоточивали в своих руках военную, административную, полицейскую и судебную власть ²⁷. Командир полка «располагал чуть ли не правом жизни и смерти» ²⁸. Граничары называли офицеров палачами, мучителями. Дело в том, что офицеры не только заставляли население Границы выполнять повинности и жестоко наказывали за малейшую вину, а то и без вины, но и, пользуясь бесправием населения, эксплуатировали его. «Граничарский офицер, которому правительством даны широкие права и необычайная власть над простолюдинами-граничарами, не имел между тем необходимых материальных средств, с которыми мог бы поддерживать должным образом блеск своего звания, отсюда нескончаемый источник тех злоупотреблений, которые ставили бедняков-граничар в еще большую зависимость от офицера». Граничары, будучи просто не в состоянии выполнять все от них требуемое, «на каждом шагу делали жертвою командующего ими офицера, от которого зависела и вся мера часто жестоких телесных наказаний» (офицер — словно «паша в Боснии», «без его дозволения граничар не смеет ничего сделать и предпринять», в том числе жениться). «Аресты были самым обыкновенным наказанием, и часто тюрьмы были так полны, что для остальных приговоренных не оставалось в них места» ²⁹. «За мелочь — патруль или форшпан (т. е. извозная повинность. — В. Ф.), — сообщала газета „Хрватска“, — могут загнать в кутузку на 14 дней, хотя бы было самое горячее время полевых работ и не имеешь ничего, кроме своих рук, и тебе грозит потом голод вместе со всей твоей слабосильной командой» ³⁰. «Высшие власти в Военной Границе суть немецкие, и полная их самоуправность и безответственность их действий поселяют невольный страх в населении» ³¹.

²⁵ «Hof-und Staats-Handbuch...», S. 229.

²⁶ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 38.

²⁷ Там же, д. 61, л. 1.

²⁸ Там же, д. 108, л. 45.

²⁹ Там же, л. 52.

³⁰ «Hervatska», 4.VI 1871.

³¹ АВНР, ГА, V A₂, д. 1020, л. 26.

По закону 1850 г. (§ 7), «языком военной службы» на Границе был немецкий. Но, как отмечалось, под понятием «военная служба» здесь подразумевались все области государственной жизни³², в том числе администрация и суд.

Не только в высшем командовании Границы, но и во всех звеньях ее управления было много офицеров-немцев (австрийцев)³³. Осуществлялась систематическая германизация Границы. Преподавание в начальных (общинных) школах велось на сербско-хорватском и немецком языках, а в двух имевшихся на Границе гимназиях (в Сене и Випковцах), реальных и военных училищах немецкий язык господствовал. Та же картина наблюдалась в суде: «Аудиторы, большей частью из немцев, производят судебные действия по делам подсудимых и полагаются при каждом полковом штабе»³⁴.

Хорватская оппозиционная печать, которая после 1867 г. стала меньше стесняться в выражениях, так описывала положение народного языка на Границе: «Во всех государственных делах Границы, — писала газета „Хрватска“ (орган «партии права»), — варварский немецкий язык является официальным. Граничар не знает этого языка, его начальник судья не знает по-хорватски»³⁵.

Военный режим, сковывавший экономическое развитие Границы, и вся политика Австрии приводили к тому, что военная служба была основным «ремеслом» граничара. «В Военной Границе каждый старается получить военное образование, — писал Б. Каталинич, — порядок вещей там таков, что при всеобщей беспомощности другое образование немыслимо». Молодежи «отказано в самом понятии о всяком истинно полезном или выгодном житейском призвании...»³⁶. Унтер-офицеров готовили полковые школы. Более способные дети офицеров и унтер-офицеров принимались в военно-технические училища, прочие — в пехотные. «Из военных академий выходят офицеры такие, коих кругозор житейских познаний оказывается крайне бедным, а чувства ограничиваются одним узким австрийским династическим интересом»³⁷.

Невозможность найти заработок на родине толкала многих граничар к переходу на службу в линейные войска. В Австрии существовало право откупа от рекрутчины. За откупную сумму властями нанимался сверхсрочник. Военные власти были заинтересованы в сохранении обученных кадров, поэтому ежегодно в полках Границы распространялись призывы вступать в армию. И вот «нуждающиеся люди, взрослые под бременем крайних нужд и лишений в своем отечестве, спешат определяться в армию и скоро достигают своей цели; с помощью чрезвычайного трудолюбия им действительно удастся вскоре обеспечить себе средства существования»³⁸. Так обстояло дело с рядовым составом.

Значение граничарского по происхождению офицерства для австрийской армии было еще большим. «Приращение числа офицеров в Военной Границе составляет предмет весьма тщательной заботливости (Австрии. — В. Ф.), — писал Каталинич, — и вследствие этого людей, получивших надлежащее военное образование, такой избыток в Военной Границе,

³² См. О. Utišeno vić. Указ. соч., стр. 55.

³³ «Самые лучшие и самые легкие должности на Границе занимают ишоземцы, не знающие по-хорватски» («Hrvatska», 18.VI 1871 г.); «В Хорватии выше капитана — все австрийское, ниже — хорватское», — писал Э. Кватерник в своем дневнике («Drugo progonoštvo Eugena Kvaternika», Zagreb, 1907, str. 72).

³⁴ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 45; АВПР, ГА, V A₂, д. 1017, л. 16.

³⁵ Цит. по: М. Ne h a j e v. Djela, VII. Zagreb, 1944, str. 334.

³⁶ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 47.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 46.

что значительное их число ради получения средств существования переходит в линейную австрийскую армию»³⁹. «Хорватия, гражданская и военная, поставляет офицеров не только для нужд местных войск, — пятая часть всех офицеров любого австрийского пехотного полка — хорваты по происхождению (речь идет о хорватах и сербах из Хорватии. — В. Ф.), они составляют один из основных элементов офицерского состава армии и лишь в исключительных случаях достигают высших чинов»⁴⁰.

* * *

Потрясения, пережитые Границей в 1848—1849 гг., вызвавшие гибель десятков тысяч солдат, разорение множества семей, появление массы вдов и сирот, ввергли Границу в кризис, последствия которого продолжали чувствоваться вплоть до ликвидации Границы. Это был удар, от которого Граница в социально-экономической обстановке третьей четверти XIX в. до конца не могла оправиться. Верность императору дорого обошлась Границе: «Всеобщее обеднение было результатом этой стоившей стольких жертв верности, и народ мог с того времени лишь с большим трудом успевать возделывать свои запущенные поля»⁴¹.

Кроме военной службы, граничарское население подвергалось тяжелому налогообложению, которое значительно возросло после 1848 г.⁴² В 1859 г. была введена еще военная надбавка⁴³.

Поземельный налог взимался с площади участка задруги. При определении налога господствовал тот же произвол начальства, что и во всех прочих делах. Собирали налоги офицеры⁴⁴, и расправа с недоимщиками была короткой: наказание палками, арест, кандалы. Бесплатная трудовая повинность, предусмотренная законом 1807 г., была отменена в 1850 г. (§ 62), но граничары были обязаны работать за небольшую плату, а также нести общинные повинности. Местное начальство под видом общинных работ заставляло население бесплатно возводить, например, постройки (манежи) для экзерциций⁴⁵ и т. п., т. е. фактически тяжелая трудовая повинность сохранилась. Разорительной для хозяйства являлась подводная повинность⁴⁶.

Военная организация Границы накладывала печать на все ее социально-экономическое развитие. Хозяйственная деятельность задруг находилась под контролем военных властей: они следили за уплатой долгов, уходом за виноградишками и т. п. Военная опека вытравливала у граничар предприимчивость, способствовала усилению «бедности и деморализации»⁴⁷.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, д. 61, л. 3.

⁴¹ Там же, д. 108, л. 49. Утешенович считал, что в результате войн 1848—1849 гг. и 1859 г. из-за нищеты и эпидемий потери населения Границы с 1847 по 1859 гг. составили 144 тыс. человек (указ. соч., стр. 88).

⁴² После 1848 г. увеличилось бремя податей, «сделавшихся крайне невыносимыми» (ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 50). В конце 60-х годов Граница выплачивала 2 млн. флоринов прямого налога и 400 тыс. флоринов косвенных налогов (АВПР, Канцелярия, 1871 г., д. 121, л. 78). В 1886 г. прямой налог на жителя бывшей Границы был в 1,7 раза больше, чем в 1807 г. Вместе с тем появились другие многочисленные подати, в том числе общинные, о которых народ в начале XIX в. не знал (F. V r b a n i ć. Prilozi gospodarskomu razvoju hrv.-slav. krajine u 19. vijeku. — «Rad Jugoslawenske Akademije», knj. 144, Zagreb, 1900, str. 130—131).

⁴³ J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 394.

⁴⁴ «Hof-und Staats-Handbuch...», S. 237.

⁴⁵ O. U t i e š e n o v i ć. Указ. соч., стр. 59.

⁴⁶ См. J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 394.

⁴⁷ АВПР, ГА, V A₂, д. 1020, л. 29.

Газета «Хрватска» описала общественное положение граничара в 60-х годах наиболее выразительно: «Чтобы сохранить граничара в качестве своего раба, Австрия привязала его к определенному куску земли. Он не является собственником этой земли, он ее не может продать, кроме как с целью купить участок земли где-либо в другом месте Границы, к которому опять-таки остается привязанным. Он работает от пеленок до могилы, он не имеет права идти ни в ремесло, ни на промыслы, ни в торговлю, ни на море, ни куда бы захотел, он не смеет без паспорта отправиться из одного села в другое»⁴⁸.

Сельское хозяйство в середине XIX в. оставалось главным занятием производительного населения. «Основное богатство страны составляет скот, — писал автор одной из записок о Границе в 1851 г., — культура фруктовых деревьев весьма значительна, имеются обширные огороды; напротив, полеводство ограничено и едва удовлетворяет нужды населения; не видно никакого развития промышленности!»⁴⁹. Для отбывания военной повинности и разных работ отвлекалась от сельского хозяйства и ремесла наиболее трудоспособная часть населения. Традиция почти пожизненной солдатчины отучала от ведения хозяйства: «Почти вся масса работы на Gränze падает на плечи женщин, мужчины лишь помогают им и предпочитают заниматься мелкой торговлей»⁵⁰.

Земля обрабатывалась плохо, а на западе, в горной области, обрабатываемая площадь была невелика. В связи с введением после 1848 г. казенной монополии на табак его посевы сократились. Площадь виноградников на Границе была в 6,5 раз меньше, чем в гражданской Хорватии, а производство вина почти в 15 раз меньше⁵¹. По официальным данным, количество скота на Границе за 1851—1869 гг. почти не изменилось⁵², граничары же указывали, что в сравнении с периодом до 1848 г. поголовье скота понесло огромный урон. В петиции 1861 г. говорилось, что многочисленные стада овец и рогатого скота, которыми в прошлом славилась Граница, ныне исчезли⁵³.

Запад Границы, как и гражданской Хорватии, нуждался в привозном хлебе, который ввозился сюда из соседних земель, и из России. Но привозной хлеб был слишком дорог. «Не принимая во внимание, что вся масса населения Военной Границы, способная владеть оружием, несет полевую службу, и что только старики и женщины с детьми, остающиеся одни дома, едва в силах возделывать свои скудные поля, — габсбургская династия всегда выказывала граничарам свое жесткое равнодушие и не подавала им никогда руки помощи, кроме случаев крайнего голода; последнее бедствие постигает всего чаще первые четыре карловацкие полка». Военные власти, ведавшие распределением продовольствия, обкрадывали население⁵⁴.

Хозяйство граничара не могло обходиться без использования леса (строительного материала, топлива и т. п.). По закону 1850 г., лес и пастбище находились в пользовании местной общины. Лесной закон 1860 г. «подтверждал» права граничар на лес, но ограничил количество

⁴⁸ Цит. по: М. N e h a j e v. Указ. соч., стр. 334. На отсутствие свободы выбора занятий указывала петиция граничар 1861 г.: одна из причин бедности населения в том, что граничары могут быть либо солдатами, либо крестьянами — и только (см. J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 393).

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 428, д. 61, л. 1.

⁵⁰ Там же, д. 108, л. 46. О том же сообщал русский консул в Риэке Л. Березин: «Сами граничары работают редко» (АВПР, ГА, V A₂, д. 1020, л. 29).

⁵¹ АВПР, ГА, V A₂, д. 1020, л. 29.

⁵² J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 363.

⁵³ Цит. по: J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 393.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 48.

дров и строительного материала, которое могла получить граничарская семья ⁵⁵. Откормливать рогатый скот в лесу граничары могли бесплатно лишь для своих нужд. За выпас большего поголовья полагалась плата. Вместе с тем общины были обязаны поставлять лес для казенных нужд. Права граничар выглядели более или менее солидно лишь на бумаге. «Говоряг, граничар имеет в достатке [леса] для строительства и топлива...», — писала «Хрватска», — в действительности ничего не выполняется из того, что говорят и обещают... Когда какому-нибудь граничару требуется материал для хаты или топливо, он обращается: „Господин, прошу, мне бы леса, хату, хлев надо б строить или дров надо“. Что слышит он в ответ? Ему препятствуют, стремятся не дать, говорят: „Да у тебя и места нет и нечем [строить], здесь вот нельзя, закон не позволяет и... — марш вон, проходимец и гайдучина!“ Вот что получает в ответ наш граничар...». Если ж господин «добрый», то «пришедшего граничара он приветствует: „Ну ты, скотина, пес, приходи послезавтра, пойдешь на аусвайзунг“ (т. е. за разрешением, пометкой. — В. Ф.). И отводят ему [деревья] там, откуда вывезти невозможно, разве по воздуху на крыльях, едва за 2—3 дня вытащит... А аусвайзуют ему обычно такое дерево, что ни для постройки, ни на топливо, ни для чего другого оно не годится... Вот тебе и аусвайзунг. Ради него граничару приходится терять по 10—15 дней, пока не выпросит...». Тогда граничар рубит дерево поближе и получше, т. е. «крадет». «Можно ли это назвать воровством, когда граничары берут то, что им безусловно необходимо и в действительности им принадлежит?.. Это означает не кражу, а борьбу с чужаком-грабителем, это значит вырывать свое имущество из пасти насильника». За «кражу» леса были положены строгие наказания (Waldstraftaxe) ⁵⁶. «Несчастный граничар...», — сообщалось в другой корреспонденции, — дрожит от зимнего холода, ему за шиворот течет, а инструкции охранять лес от граничарского топора с каждым днем все строже» ⁵⁷.

В середине XIX в. наряду с земледелием и скотоводством члены задруг занимались домашним производством нужных им предметов. Промышленные изделия в деревню поступали в небольшом количестве ⁵⁸. Женщины пряли, ткали грубые ткани, окрашивали их, занимались вышиванием, мужчины изготавливали обувь, выделывали кожу ⁵⁹.

Продуктами своего хозяйства граничары торговали, отправляясь в близлежащие торговые поселки и города. Но торговля, как и все хозяйство, была скована военным режимом. Для продажи скота, например, граничар был обязан получить разрешение ротного начальства, что отнимало два-три дня ⁶⁰. Чтобы отправиться на рынок, граничар должен был получить специальный паспорт, даже если, как указывалось в одном из обращений граничар в 1861 г., до города (в данном случае — Карловац) можно дойти за полчаса; в базарные дни граничар был обязан вернуться домой до 4 часов дня, за опоздание его подвергали аресту или наказанию палками (30—50 ударов) ⁶¹.

⁵⁵ См. B. Stojasavljević. Šuma i paša u borbi sela u Hrvatskoj i Slavoniji poslije 1848. Zagreb, 1961, стр. 284—285; J. Bösendorfer. Agrarni odnosi u Slavonije. Zagreb, 1950, стр. 189—190.

⁵⁶ «Hrvatska», 25.VI 1871.

⁵⁷ «Hrvatska», 4.VI 1871.

⁵⁸ «...небольшие потребности населения покрываются собственным домашним производством» (P. Matković. Hrvatska i Slavonija. Zagreb, 1873, стр. 89).

⁵⁹ J. Schwickler. Указ. соч., стр. 364.

⁶⁰ Л. Б. Бёрезин. Указ. соч., т. II, стр. 357.

⁶¹ «Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije god. 1861», sv. III, Zagreb, 1862, стр. 96.

Существенной для пограничного населения была оптовая и мелкая торговля с жителями Боснии, приезжавшими на Границу. Центрами этой торговли были крупные свинные ярмарки в Глине и Костайнице, откуда скот направлялся в Триест и Вену⁶². В письме из Банской Границы в газету «Хрватска» (1871 г.) дана яркая картина торговли граничар с босняками. Автор письма выражал негодование в связи с тем, что австрийские власти установили высокий таможенный тариф, «самый несправедливый по своему размеру и принципу...». «Чтобы избежать неописуемого шкуродерства, народ прибегает к контрабанде, за это последствие всяческой несправедливости многие, многие поплатились головой, очень многие — тюрьмой, если не избегали ее уходом в гайдуки, а бесчисленные арестанты подверглись телесным наказаниям...». В Турции же торговцы, «перегоняющие с той стороны скот или везущие что-либо другое» на рынки Австрии, платят мало, а ввозящие из Австрии в Боснию — почти ничего. Австрийские власти требовали уплаты пошлины серебряной монетой. «Если учесть, что финансисты и банкиры австрийского правительства позаботились о том, чтобы звонкая монета исчезла из обращения или же стала большой редкостью, что существует все время изменяющаяся придача на серебро, которую неимущий народ вынужден оплачивать, т. е. покупать серебро на бумажные деньги с доплатой, если учесть, что турецкие подданные у нас скота покупают мало, или совсем не покупают, а хлеба — никогда, в то время как нам приходится покупать у них то и другое в большом количестве, то спрашивается, почему у нас вымогают столько денег за необходимое питание?»⁶³.

В этом отрывке приводятся не только ценные сведения о торговых связях граничар и о таможенной политике Австрии, но и о распространенной в 60-х годах форме протеста граничар — уходе в гайдуки.

Торговцы, ремесленники и промышленники Границы встречали большие трудности в своей предпринимательской деятельности. Приобретение ими земли было крайне затруднено.

Закон 1850 г. (§ 13) лишь в порядке исключения и с позволения военных властей разрешал невоеннообязанным жителям Границы, владеющим правом торговли или занятий производственной деятельностью, приобретать постройки и землю для сооружения складов или предприятий. Офицеры, чиновники и представители духовенства, не являвшиеся членами задруг, могли владеть лишь жилым домом и не более чем тремя ютрами земли, торговцы и предприниматели — не более чем шестью ютрами⁶⁴.

Не подлежащее всеобщей воинской повинности население Границы в основном проживало в городах и торговых поселках, которые назывались здесь военно-пограничными коммунитетами (общинами)⁶⁵. На Хорватско-Славонской Границе их было семь, на Сербско-Банатской — пять. Города и торговые поселки Границы несколько выросли к 70-м годам XIX в. Так, количество жилых домов за 1815—1869 гг. увеличилось в Сене с 2590 до 3496, в Петрине — с 3048 до 3766, в Костайнице — с 1074 до 2067; более значителен рост городов Сербско-Банатской Границы: Панчево — с 7682 до 13408 домов, Бела Церква — с 4360 до 7490⁶⁶. В 1869 г. в Петрине насчитывалось 3,8 тыс. человек, в Броде — 3,4 тыс.,

⁶² Л. В. Березин. Указ. соч., т. II, стр. 360.

⁶³ «Hervatska», 14.V 1871.

⁶⁴ О. Utišeno vić. Указ. соч., стр. 155, приложение V.

⁶⁵ Призыв горожан на военную службу происходил, как и всюду в империи до 1868 г., путем рекрутских наборов.

⁶⁶ J. S c h w i c k e r. Указ. соч., стр. 361.

в Костайнице — 2 тыс. Крупнее были города на востоке: Земун — 10 тыс., Петроварадин — 5,5 тыс., Карловцы — 4,9 тыс. человек и т. д.⁶⁷

По закону о городском устройстве (1862 г.), во главе городской общины находился совет и магистрат. Совет избирался горожанами, а также оставшими офицерами и чиновниками. Он контролировал состояние городских финансов. Магистрат состоял из чиновников, назначенных советом, и возглавлялся бургомистром⁶⁸. Во всей своей деятельности городское управление подчинялось военному командованию.

Выделению буржуазии из среды военнообязанного населения были поставлены серьезные препятствия, и буржуазия Границы, главным образом торговая, формировалась в основном из горожан. По словам Каталанича, торговцы, наряду с офицерами, «составляют общество» и «единственную интеллигенцию граничар»⁶⁹.

До 70-х годов XIX в. через Границу и вблизи от нее проходили пути транзитной торговли: товары провозились с востока и юга к Адриатическому морю и в глубь империи, а также из Австрии в Турцию. Дороги, проложенные властями на западе Хорватии (от Карловаца к морю), способствовали росту транзитных перевозок. Тысячи людей были заняты на речных и гужевых перевозках⁷⁰. Важную роль играла оптовая торговля с соседними землями. На рубеже Границы был расположен один из наиболее крупных хорватских торговых и перевалочных центров — Карловац⁷¹. В середине XIX в. значительные размеры приобрел вывоз леса, который австрийские военные власти продавали крупными партиями⁷². Все это способствовало укреплению национальной буржуазии на Границе. В 60-х годах здесь имелись 27 местных крупных торговцев лесом⁷³. Другими наиболее важными статьями экспортно-импортной торговли были скот и хлеб.

Заниматься ремеслом граничарам разрешалось, поскольку это не противоречило «целям института Военной Границы». Ремесленником поэтому мог быть лишь отслуживший или негодный к службе граничар и только с согласия задруги. Что же касается иноземцев, то они для организации производства были обязаны получить разрешение⁷⁴. Цеховой строй формально был отменен на Границе, как и всюду в империи, после 1848 г., но цехи фактически сохранились вплоть до ликвидации Границы.

По развитию ремесленного (и промышленного) производства Военная Граница стояла на более низком уровне, чем гражданская часть страны. На Хорватско-Славонской Границе в ремесле и промышленности (с учетом членов семей и тех, кто одновременно вел сельское хозяйство) было занято до 3% населения, в гражданской Хорватии — около 7%⁷⁵.

⁶⁷ Р. Matković. Указ. соч., стр. 39.

⁶⁸ См. J. Schwicker. Указ. соч., стр. 376—377.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 45.

⁷⁰ В конце 60-х годов к портам области было приписано 136 паровых судов и 2,5 тыс. парусников (АВПР, Канцелярия, д. 121, л. 78).

⁷¹ См. R. Lopašić. Karlovac. Zagreb, 1879; V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49. Zagreb, 1949, str. 15.

⁷² Граничар «не имеет права срубить и ветки для плетия, — писала „Хрватска“, — а Австрия распределяет миллионы воезов граничарского леса» (цит. по: M. Nešajev. Указ. соч., т. VII, стр. 334). «Составилось общество иноземцев при участии наших отечественных „патриотов“, поставило машины и пилы и — вырубай, кроши, пили без боязни, вывози за границу и продавай иноземцам на пользу, не спрашивая народа, который, как подлинный хозяин леса, должен был бы только один тут решать и распоряжаться» («Hrvatska», 25.VI 1874).

⁷³ R. Bičanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1951, str. 118.

⁷⁴ R. Bičanić. Указ. соч., стр. 79.

⁷⁵ См. Р. Matković. Указ. соч., стр. 89. Если в гражданской Хорватии в середине XIX в. один ремесленник приходился на 79 человек, то на Границе — на 173 человек. В 1857 г. в гражданской Хорватии на 10 ремесленников приходилось

Ремесло сосредоточивалось в городах (Иванич, Петриня, Земун, Петроварадин, Карловцы). Мануфактуры имелись в портах — Сене, Корлобаге (судостроение). Первая лесопильная машина с водяным двигателем была установлена в 1837 г. в Бродском округе⁷⁶. Имелись мелкие мельницы, пивоварни (Петриня, Земун, Винковцы); в Новой Градишке производился кирпич⁷⁷. Общее число людей, занятых в разных видах несельскохозяйственного производства на всей Границе, составило в 1869 г. лишь 15,5 тыс. человек (в торговле — около 4 тыс. человек)⁷⁸. Капиталы, сколоченные местными людьми, направлялись главным образом в торговлю и ростовничество. Нужды армии и немногочисленного городского населения в основном удовлетворялись поставками из развитых районов Австрии.

Найонец, налоговая политика австрийского правительства была крайне неблагоприятной для развития национальной буржуазии. Налоги после 1848 г. были резко повышены повсюду, «но особенно в военных коммуниитетах (городах и торговых пунктах)»⁷⁹.

Глазам иностранца-путешественника Граница представлялась бедной малонаселенной страной. Русский консул в Риеке Л. Березин, известный географ, после своей поездки по Границе в 1863 г. писал, прямо связывая бедность Границы с ее военным устройством: «Устройство Военной Границы на военных началах весьма губительно для тамошнего населения и вполне парализует материальные средства оною, — так, например, ... общая подлежимость всего населения военной службе неминуемо ведет за собою отсутствие торговли и всякого рода промышленности, а следовательно, и полное обеднение и самого населения; во всей Военной Границе на протяжении 338 кв. миль не более 14 городов, — остальная же часть пустырь, кое-где только попадаются села»⁸⁰.

Имеется много сведений об общем обеднении населения Границы в третьей четверти XIX в. Военное устройство не могло воспрепятствовать развитию товарно-денежных отношений, хотя и тормозило его, и лишь до крайней степени отягощало воздействие этих отношений на положение массы народа. Пауперизация и обнищание граничар принимали все более широкие размеры. Сама военная система очень дорого обходилась населению Границы. По данным, приведенным Утешеновичем, содержание од-

8 работников, на Границе — в два раза меньше (R. Vićanić. Указ. соч., стр. 61). Отсталость Границы видна также из таблицы (1865 г.), приведенной Л. В. Березиным (следует учесть, что разница в численности населения обеих земель невелика):

	Хорватия и Славония	Хорватско-Славонская Военная Граница
Фабриканты и заводчики (т. е. в основном ремесленники. — В. Ф.)	10 900	3547
Торговцы	1741	426
Землепашцы	146 014	110 537
Подмастерья	8686	1381
Прочие лица, находящиеся в услужении... .	21 193	1920

АВПР, ГА, V A₂, д. 1020, л. 18. Некоторые цифры таблицы сомнительны. На несовершенство статистики того времени указывал П. Маткович (указ. соч., стр. 37.)⁷⁶ R. Vićanić. Указ. соч., стр. 116.

⁷⁷ Там же, стр. 159, 162. Более крупными были единичные предприятия, организованные властями или инонациональными капиталистами, например рудник и плавильная печь в Бешлинаце, на которых в 50-х годах было занято более 300 человек (там же, стр. 162). В 1857 г. на Границе проявилась стационарная паровая машина. (J. Schwicker. Указ. соч., стр. 252, 354). Промышленный переворот в Австрии и Чехии, происходивший в 60-х годах, пагубно отразился на местном ремесле и мелкой торговле.

⁷⁸ J. Schwicker. Указ. соч., стр. 362.

⁷⁹ O. Utješenić. Указ. соч., стр. 59.

⁸⁰ АВПР, ГА, V A₂, д. 1017, лл. 15—16.

ного солдата линейных войск стоило казне в 161 $\frac{1}{2}$ флорина (форишта) в год, а граничара — 40 $\frac{1}{2}$ флорина. Даже если считать расходы на граничара более высокими, экономия казны от сохранения 40-тысячного граничарского войска — экономия, ложившаяся на плечи населения Границы, составляла около 4 млн. флоринов. Далее, по Утешеновичу, если принять, что средняя ежедневная цена рабочей силы граничара составляла лишь 20 крейцеров, то при 300 рабочих днях в году потери населения Границы по сравнению с населением остальной империи были равны 2,4 млн. флоринов ежегодно. «Общая бедность граничарского населения, — заключает автор, — в связи с этим легко объяснима, и при данных условиях она неизбежно будет возрастать»⁸¹. Проще и сильнее говорили граничары: «многочисленные нищие, голодающие, раздетые сироты бродят по стране» (из петиции 1861 г.)⁸².

Нельзя описывать социально-экономическое состояние массы граничарского населения в 50—60-х годах, не приводя материалы хорватского сабора 1861 г. Мы считаем нужным привести ряд выдержек из речей депутатов — незначительную часть материалов сабора, посвященных Границе⁸³.

Депутат И. Ключец: в результате выступления на стороне правительства в 1848 г. «Граница, которая извечно имела абсолютистское правительство, сохранила его и к тому же получила бумажные деньги, гербовый сбор, табачную монополию, косвенный налог на продовольствие, четверократный налог, жандармов, тайных полицейских комиссаров и разные другие отягощения...»⁸⁴.

Священник Акшамович: «Нет, Граница ныне существует не из-за турок, но потому, что весьма удобно иметь 100 тыс. солдат, которых содержит не государство, а нищий земледелец». Сомнительно, по-прежнему ли верен государю граничар: «опасаюсь, что наш граничар более уже не тот, кем был...? Он воевал всюду, где приказывали, а вернулся домой на родину и что нашел? Поля, виноградники — в запустении, скот продан, чтобы купить хлеб, общий уровень производства понизился, а налоги повышены. Он воюет, а хозяйство его гибнет! Он воюет, а хозяйство его выплачивает военный налог!». «В России одним росчерком пера пало рабство, а у нас ему вечно сохраняться?». «Граница в нынешнем своем устройстве экономически существовать не способна... К тому же с 1857 г. поземельный налог почти удвоился, а таможенные сборы возросли почти в пятьдесят раз, гербовый сбор, подоходный налог, сборы за пользование лесом, за табак, военный налог и т. д.; к тому же нехватка продуктов — результат запущенности хозяйства — полей, лугов, скотоводства и т. п., а кто не знает ущерба, который наша Граница вынуждена нести в результате уничтожения гигантских лесов, распродаваемых чужеземцам...». «Говорят, что участок земли, который он (граничар. — В. Ф.) обрабатывает, принадлежит ему, но в действительности это не собственность, так как без разрешения никому продать или заложить ее он не смеет. Не имея собственности, он не может добыть средств для поднятия своего хозяйства. Так удивительно ли, что наша Граница в финансовом и производственном отношении находится ниже, чем соседняя Босния, стонущая под турецким ярмом?». Кто не верит, «пусть посмотрит, что наши, а что турки выносят на базар, что мы у них, а что они у нас покупают. Так дороже

⁸¹ О. Utiešenović. Указ. соч., стр. 68—70.

⁸² Цит. по: J. Schwicker. Указ. соч., стр. 393.

⁸³ Эти материалы опубликованы в «Spisi saborski...» и «Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu god. 1861» (Zagreb, 1862), а недавно их подборка напечатана в кн.: V. Bogdanov. Uloga Vojne Krajine i njenih zastupnika u hrvatskom saboru 1861.— «Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske Akademije», vol. III, Zagreb, 1960.

⁸⁴ Цит. по: V. Bogdanov. Uloga..., str. 119.

быть не может, если мы не хотим видеть нашу Границу голой и босой»⁸⁵.

Сравнение положения Границы и Боснии давало ораторам весьма убедительный аргумент, поэтому им воспользовался и депутат В. Маравич: «Вся Европа беспокоится об улучшении условий наших единоверцев, живущих под турецким жестоким гнетом, но они сами считают наше граничарское положение еще более худшим, и, господа, уверяю вас, я убежден, что сейчас ни один из них со мной бы не поменялся, я слышал сам, как они говорили, что их беги не столь круто поступают, как наши господа, и что такой режим, как на Границе, им бы не помог..., что если у них забирают их имущество, то на Границе, кроме этого, забирают и самого граничара». Тот же Маравич дал характерное сравнение граничар с хорватскими крестьянами; последние, по крайней мере, свободные люди: «Мы видим, как горюют и ежедневно жалуются из-за сбора налогов: в провинциале (т. е. в гражданской Хорватии.— В. Ф.), где житель свободен и присланный к нему на постой солдат (австрийские власти называли так недоимщиков.— В. Ф.) не мешает ему работать, тогда как в подобном случае граничар не остался бы на свободе, но был бы арестован и долго содержался под арестом, а потом и заплатил. Но граничаром никто не интересуется, так как от ареста не больно, он не кричит и никто его слышать не может»⁸⁶.

Рядовой граничар М. Бадовинец сказал: «Несмотря на все наши беды, мы живем честно и идем туда, куда прикажут. Ходят наши в солдатах по 5—6 человек из семьи и почти дня нет, чтобы не пришел посыльный с приказом... Одному — в караул, другому — в патруль, третьему — на муштру, четвертому — на форшпан, и так никто не остается дома, кроме какого-нибудь старика или бабы. Говорят, чтобы мы давали солдатам на расходы. Я имею только одну корову, хлеба не имею, что я могу дать? Солдат обратно возвращается, дома ничего не находит, кроме опустошенной земли, хлеба нет, а он еще есть помогает. Смилуйтесь..., дайте нам освободиться, наконец, от этой тюрьмы, чтобы нас не наказывали строже самых опасных преступников»⁸⁷.

Чиновник П. Люгер на вопрос, «в чем причина того, что благосостояние Границы изо дня в день падает, что по Границе проехать невозможно, что за каждым кустом — нищий?», отвечал, что виновата система, при которой на Границе «есть много домов, в которых больше штыков, чем мотыг, но ведь штык не кормит мотыгу, а мотыга — штык»⁸⁸.

В саборе выступил П. Врдоляк, в будущем участник восстания 1871 г.: Границу «все более затягивают в железное ярмо и довели до такой бедности, что теперь ее уже можно назвать не Границей храбрецов, а страной нищих. Здесь, господа, нет прежней гордости храбрецов, нет больше прежнего родного очага граничарского, нет стада, нет хлеба, нет одежды, но есть много подлости, обмана, вероломства, хищничества, убийств и поджогов... Первоначально в солдаты шел один из трех мужчин, а теперь где один — служит один, где семеро — служат все семеро... Дороги прокладываем, склады для царской амуниции строим, манежи для солдатских учений и все за божий счет... (Следующая жалоба Врдоляка ярко характеризует положение мелкой буржуазии на Границе.— В. Ф.)... с наших жалких крохотных мельниц и лавчонок больше платим [налога], чем сами они стоят и товар в них, так как там можно найти торбу плохого хлеба, да связку ниток для галунов...»⁸⁹.

⁸⁵ Цит. по: V. B o g d a n o v. Uloga..., str. 115—116.

⁸⁶ Там же, стр. 121.

⁸⁷ Там же, стр. 126—127.

⁸⁸ Там же, стр. 128.

⁸⁹ Там же, стр. 124—125.

Докладчик по вопросу о Границе Анте Старчевич говорил о причинах безудержного развития ростовщичества на Границе и привел ряд иных данных. Австрия, сказал Старчевич, «из этой прекрасной страны сделала бесплодную пустыню, из благородного ее населения — толпу рабов, разбойников и нищих. Требуя отмены этого рабства, мы выполняем лишь священный долг по отношению к нашему народу». «Много написано о спартацких илотах, римских рабах, американских неграх, но я нигде не читал чтобы илот, или римский раб, или негр американский, ни в чем не повинный, умер от голода, а наши братья на Границе умирают, господа, от лютого голода...». Многие удивляются речам граничар, продолжал Старчевич, не верят, что все сказанное — правда, но он сам родом из Границы и знает, что здесь и десятой доли истины о Границе не сказано; если бы положение расследовала беспристрастная международная комиссия, то и ее отчетам никто бы не поверил. «Хотя слово „ад“ на всех языках могло бы служить синонимом австрийского управления, но разум человеческий боится понять... что какое-либо правительство может довести до такого ужасного состояния именно тот народ, которому оно обязано своим существованием». Это положение граничар — следствие запрета селиться где-либо вне Границы, пользоваться «благами страны» без позволения Австрии. Поэтому граничары не имеют кредита, семья граничара может погибнуть с голода, но никто не дает ей в долг: «никто не станет одалживать тому, о ком известно, что он ничего не имеет, что ничего из его имущества нельзя продать в счет уплаты долга. В результате кредит на Границе — не что иное, как самое ужасное ростовщичество, уплата займа — ручательство за новый заем, одно и другое — естественные последствия беззакония, царящего там»⁹⁰. «К тому же взяточничество на Границе получило такое распространение, что граничар... не решается никуда обратиться с пустыми руками, чтобы не иметь неприятностей, так как нет честного человека, которого бы последний десятник (унтер-офицер. — В. Ф.) не мог сделать несчастным, если этот человек не отдаст десятнику того, что имеет»⁹¹.

Наконец, выразительную характеристику социально-экономического положения Границы дали граничары в своей петиции 1861 г., в которой требовали ликвидации военного устройства: «И под прежним грундгезетцем (т. е. «Основным законом». — В. Ф.) 1807 г. Границе было тяжело и претяжко, но новым законом она в прямом смысле задушена, т. е. исключительно военной системой управления ввергнута в состояние духовной агонии, чрезмерной и несправедливой поставкой солдат и тягостям, связанным с военной службой на Границе, материально разорена, вследствие этого, а также вследствие много лет длящегося военного положения Австрийской империи, участия граничарских отрядов в войнах вне страны и империи, в кровавых сражениях физически убита»⁹².

⁹⁰ По закону, получить заем можно было лишь с разрешения штаба роты, что было связано с немалыми трудностями. Каждый такой случай заносился в ротный протокол (см. Л. В. Березин. Указ. соч., т. II, стр. 357).

⁹¹ V. V o g d a n o v. Uloga..., str. 187—188. Разного рода поборы патурой, «законные» и незаконные (взятки), сопровождали каждый шаг граничара. Как сообщала «Хрватска», фельдшер за посещение брал 2—3 форинта, а так как денег часто не было, то отдавали косу, топор, стул и т. п. Чтобы покрыть хату, леснику надо было отдать всю причитающуюся waldtaxe. «Грундбухфюреры», т. е. чиновники, оформлявшие права на земельный участок, «стоят приблизительно половину того, что стоит тот участок земли, который хочешь на себя записать, всегда ты ему должен, чуть ли не всем своим имуществом вынужден с ним делиться». За составление документа чиновники «почти ничего» не требуют: «всего лишь десяток кувшинов вина и какой-нибудь сыр» или «всего лишь ягненок и кувшинчик масла», с иронией писал автор корреспонденции («Hervatska», 13.VIII 1871).

⁹² V. V o g d a n o v. Uloga..., str. 130.

Как же граничары протестовали против этого режима? Примеры стихийного, политически неосознанного протеста приводились выше (бегство в гайдуки, поджоги, грабежи, нападения и т. п.). Сведений о таких выступлениях относительно немного, так как власти старались держать в тайне все, происходящее на Границе. Вероятно, уход в гайдуки иногда принимал характер политического протеста. Березин сообщал в 1863 г. о действиях гайдуков в районе Огулинского полка, о казни шести из них и назначении в связи с этим в полк нескольких офицеров-немцев (австрийцев)⁹³. К сообщению властей о том, что граничары казнили за поджоги, Березин отнесся с недоверием: власти всегда так объясняли причины репрессий.

В июне 1871 г. австрийское правительство наградило группу полицейских чинов и солдат крестами и медалями за ликвидацию гайдуков в горных районах юго-запада. В связи с этим газета «Хрватска» в корреспонденции «С Велебита» хорошо определила причины гайдучества на Границе: «Сейчас громко рассуждают, сколь полезно и для всех нас хорошо, что страна очищена от разбойников, и народ может свободно ездить куда хочет. И я говорю: это полезно и хорошо, но спрашиваю, почему надо искоренять, преследовать и убивать наших людей без суда и следствия, без выяснения, в чем причина бегства граничар в горы? Об этом не спрашивают, просто бей, мучай, запугивай, уничтожай все палево и направо. Кто виновник всего этого? Кто хоть с одним нашим крестьянином об этом говорил, не раз слышал, что никто и не виноват, кроме наших шварцгельберов (черно-желтых, т. е. австрийских властей.— В. Ф.) и очень хорошо известных несправедливостей во всех отношениях. Действительно, невозможно уже выносить того, что творится на Границе, поэтому многие предпочитают бежать в горы, чем покоряться несправедливой сабле и терпеть зло. А что произойдет, если весь народ предпочтет пролить кровь, чтобы высвободить свою родину, чем терпеть позор и такие несправедливости со стороны ипоземцев. Итак, не будь этих швабских сабель, не было бы и разбоев. Как это искоренить? Если мы хотим какое-нибудь зло устранить, надо доискаться до его корней и их выкорчевать. Точно так же, если хотим уничтожить разбой, надо устранить причину гайдучества, а именно: швабских наемников. Или иначе: ликвидировать Границу»⁹⁴. «Источник стольких жалоб, дезертирства в разбойничьи банды, всех остальных зол — несправедливые действия начальства и бессилие перед ним закона», — писала та же газета в письме «С Динар»⁹⁵.

Народ сопротивлялся военщине, как мог. Обстановку на Границе перед ее ликвидацией «Хрватска» описала так: «На Границе мы видим повальный грабеж, мучительную борьбу, вечную ненависть и месть в отношениях между всем народом, с одной стороны, и швабскими господами — с другой»⁹⁶.

Усиление, несмотря на все препятствия, национальной буржуазии и хозяйственных связей, особые тяготы, которые терпела мелкая буржуазия, близкая к народным массам и вместе с ними страдавшая от военной сис-

⁹³ АВПР, ГА, V A₂, д. 1017, л. 77.

⁹⁴ «Hervatska», 11.VI 1871.

⁹⁵ «Hervatska», 4.V 1871. Обстановка на Границе не могла способствовать развитию буржуазной экономики. Торговцы не чувствовали себя в безопасности. В газете «Хрватска» была высказана такая претензия: народ Границы отдает много средств для содержания войск и «с полным правом мог бы за это иметь гарантию безопасности своей личности и имущества»; «нам крайне необходимо позаботиться об общей безопасности личности и собственности, которой, к сожалению, военный режим нам не мог и не хотел предоставить» («Hervatska», 20.V 1871).

⁹⁶ «Hervatska», 25.VI 1871.

стемы, и, наконец (первое по значению), настроения протеста, охватывавшие после 1848 г. все более широкие слои граничарского населения — все это под влиянием подъема национальных движений в единоплеменных землях Австрии (Хорватии, Воеводины и др.) и Турции, а также в других странах Европы (прежде всего в Италии), — подготовило развитие национального самосознания населения Границы, а также способствовало распространению прогрессивных буржуазно-демократических идей и требований, что было отмечено современниками.

Все германизаторские устремления Австрии на Границе не дали ожидаемых результатов: «Несмотря на самое тщательное преподавание и распространение немецкого языка, с помощью которого с самого возникновения этого учреждения Военная Граница управляется, — писал Каталиннич, — коренной кроато-сербский язык, равно как и самый народный дух в ней сохранился во всей своей чистоте»⁹⁷. «Граничары — народ честный, верный, трудолюбивый и преисполненный самого живого характера, привязаны притом более всего к своей родине»⁹⁸. Русский генеральный консул в Белграде А. Влангали свидетельствовал в 1860 г., что «со времени событий 1848 г. идеи национальности, развившиеся в Хорватии, нашли отклик также среди населения, составляющего пограничные полки». Немецкие офицеры стали ненавистны солдатам, которые очень хотят избавиться от них⁹⁹. Горькое разочарование в результатах славянофильских походов послужило полезную службу: «Все это осталось сильно запечатленным в памяти народной..., — отмечал Каталиннич. — Но со времени этих знаменательных событий, конечно, многое изменилось, В этот промежуток времени выработался национальный дух и родилась надежда на водворение когда-либо лучшего порядка вещей. Но только очень медленно и с большим трудом народ мог преодолевать препятствия, созданные грубой силою...»¹⁰⁰.

Вопреки всем стараниям австрийских властей затормозить развитие сознания этнического единства и общности интересов югославянских народов¹⁰¹, «события последних двух десятилетий, — как отмечал Каталиннич в 1868 г., — настолько сплотили народ в единое нераздельное целое, что, отрешившись от всякого религиозного предубеждения (речь идет о католиках и православных. — В. Ф.), народ этот выразил вполне всю силу своего национального духа, которому не могло повредить различие вер»¹⁰². Еще более жестокий, чем в гражданских землях, гнет и относительная слабость буржуазии и клерикалов способствовали тому, что среди народных масс Границы влияние великохорватского и великосербского национализма было слабее, настроения сербско-хорватского единения — более прочными, а национальное движение в целом имело более демократический характер, чем в гражданских областях.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 39.

⁹⁸ Там же, л. 52.

⁹⁹ АВПР, ГА, V A₂, 1860 г., д. 244, л. 126.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 49. Березин также отмечал, что «в последнее время начал развиваться народный дух и на Военной Границе» (АВПР, ГА, V A₂, 1867 г., д. 1025, л. 81). Большое значение для построения граничар имело возрастание роли Сербии в 60-х годах, создание в ней народного войска и активизация ее внешней политики. Прусский консул в Белграде сообщал в 1865 г., что южные славяне Австрии «с немалой гордостью» следят за развитием Сербии и что подобные чувства характерны также для «презвычайно строго императорски настроенной австрийской Границы, в большей части населенной сербами» (H. W e n d e l. Bismarck und Serbien im Jahre 1866. Berlin, 1927, S. 66).

¹⁰¹ Хорватские радикалы («правашки») считали, что австрийская политика высоких таможенных тарифов на границе с Турцией преследовала цель национально-политическую: «Всеми возможными способами заклятые враги стремились воспрепятствовать всякому общению с нашими соседями-братьями» («Hervatska», 14.V 1871).

¹⁰² ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 48.

Каталинич отмечал также развитие чувства патриотизма среди части офицерства, в особенности среди служивших прежде вне Границы (получившие образование офицеры, писал он, «были вполне проникнуты духом своего времени и, вступая на родную почву, при виде чуть не до рабства доведенных своих земляков», испытали силу народного чувства...)¹⁰³.

Национальные настроения граничар с большой силой проявились на саборе 1861 г. На сабор граничары были допущены только для рассмотрения отношений Хорватии с Австрией и Венгрией. При этом правительство надеялось, что они будут голосовать так, как захотят австрийские власти. Представителями Границы были избраны отслужившие простые граничары, а также священники, мелкие торговцы и всего три офицера и два чиновника (из 55 человек)¹⁰⁴. Почти все они были настроены резко оппозиционно к военному режиму, единодушно требовали его ликвидации и присоединения области к Хорватии¹⁰⁵. Их минимальными требованиями были: немедленное отделение военной власти от администрации и суда и резкое сокращение числа солдат, набираемых из граничар. Как и большинство других депутатов, они выступили за сближение (союз) с Венгрией для спасения страны от австрийского господства, чтобы защитить конституционный строй. К удивлению властей, «всегда верные» граничары составили крайнее левое крыло сабора, отказавшееся даже говорить о каких-либо «общих делах» с Австрией. В выступлениях граничар проявилось политическое сознание, недовольство контрреволюционной ролью, отведенной им Австрией в 1848 г., и решимость предотвратить подобное в будущем¹⁰⁶.

Многие граничары более не верили обещаниям австрийского правительства. «Граница, — сказал один из их ораторов, — не может ни от кого ожидать спасения, но лишь от себя самой и от единения со своими остальными братьями в провинциале (т. е. Хорватии. — В. Ф.), так как интересы тех и других тождественны, то есть интересы нашей общей родины одни и те же, поэтому надо их вместе и защищать»¹⁰⁷. «Мы, граничары, — говорил другой, — пробудились от долгого сна, мы стали сознательными, и мы хотим читать и писать нашу книгу вместе с нашими братьями, защищать нашу милую народность, укреплять нашу самостоятельность с помощью Триединого королевства»¹⁰⁸. Вопрос о порядках на Границе оказался одним из наиболее острых, хотя власти стремились не допускать его обсуждения.

В начале августа 1861 г. генерал Шокчевич — командующий Грани-

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 50. «Хрватска» писала, что на Границе есть «много благородных низших офицеров, тогда как высшие — не наши» (19.II 1871). В одном документе, представленном итальянскому правительству в 1864 г. (подробнее о нем ниже), говорилось об отношении властей к офицерам-сербам: «...Австрия зорко следит за Военной Границей, она чувствует опасность с этой стороны...». «Хотя Австрия в общем не питает подозрений в отношении офицеров-сербов Границы, она стремится их по возможности перемещать в другие места, чтобы прежде всего очищать офицерский корпус, т. е. устранять естественных лидеров национального движения на Границе» (H. W e n d e l. Указ. соч.).

¹⁰⁴ V. B o g d a n o v. Uloga..., str. 87. Избирательным правом пользовались главы задрог.

¹⁰⁵ Депутат В. Маравич рассказал, что граничары угрожали смертью своим представителям, если они изменят полученному наказу и не будут отстаивать ликвидацию вечного осадного полсжения в области (там же, стр. 110).

¹⁰⁶ В Европе «говорят, что мы полудикари, вандалы, душители свободы и человеческого прогресса...». «Кто может этот позор снести, кто может остаться вандалом?» (из выступления депутата граничар Акшамовича. Цит. по: V. B o g d a n o v. Uloga..., str. 117).

¹⁰⁷ Там же, стр. 143.

¹⁰⁸ Там же, стр. 117. Триединое королевство — принятое в то время название хорватских земель (Хорватии — Славонии и Далмации).

пей, он же — председатель сабора, по указанию Вены удалил граничар из Загреба. Газета «Хрватска» писала о саборе 1861 г.: «Настоящие хорваты, особенно граничары, когда они открыто проявили себя достойными сынами отечества, сразу были прогнаны домой и подверглись всевозможным преследованиям; в результате этого хорватская партия (в саборе. — В. Ф.) была ослаблена, австрийская усилена...»¹⁰⁹.

В связи с выступлениями граничар Каталинич сделал такой вывод: «Если большая часть Военной Границы и не вполне способна к политической самостоятельности, как это под подобным военным гнетом иначе и немислимо, — тем не менее верно то, что Военная Граница со времени своего существования в 1861 г. в первый раз на Кرواتском ландтаге заявила свой голос с истинным благородством и в оппозиционном духе и с того времени стала серьезно грозить самому венскому правительству...»¹¹⁰.

Конфликт между Границей, интересами ее социально-экономического и политического развития, и австрийской властью, консервировавшей ее реакционный общественный и государственный строй, все более обострялся и вызвал национально-освободительные стремления граничар. Этот национальный протест был вызван глубокими социальными причинами, прежде всего он порождался эксплуатацией бесправной в политическом отношении массы трудящихся австрийским буржуазно-помещичьим государством.

Национальные чувства граничар были одним из факторов, обусловивших подъем национально-освободительной борьбы югославян в 60-х годах XIX в. Настроениями граничар поэтому интересовались и с ними считались все политические силы, действовавшие на Балканах.

* * *

После Парижского мира быстро назревала война Австрии против Франции и Пьемонта, одновременно в Боснии и Герцеговине вспыхнули восстания (1857—1858 гг.), поддержанные успешным выступлением черпогорцев. В Хорватии царило недовольство широких слоев населения. Выступления А. М. Горчакова по восточному вопросу свидетельствовали о новой активизации внешней политики России.

В напряженной обстановке конца 50-х годов правящие круги Австрии с целью укрепить свои позиции на Балканах, по сообщению секретаря русского посольства Кнорринга, решили осуществить план административной реформы на юге империи — создать единую военно-административную власть для гражданской Хорватии и Военной Границы не только по существу (хорватский бан одновременно являлся командующим Хорватско-Славонской Границы), но и формально, не оставив, таким образом, и последнего следа былой хорватской автономии.

«В одном из предшествовавших донесений, — писал Кнорринг Горчакову 23 марта (4 апреля) 1958 г., — я имел честь сообщить об отставке бана Елачитича и его временной замене генералом Шокчевичем. Будучи, как говорят, человеком посредственным, последний не имеет иных оснований претендовать на симпатии славянского населения, кроме окончания своей фамилии, так как он полностью предан современной системе правления. Он будет послушным орудием в руках г. Баха и его администрации в порученном ему краю и предназначается для реализации реформ, давно уже намечаемых этим министром. Титул бана будет ликвидирован.

¹⁰⁹ «Hervatska», 27.VIII 1871.

¹¹⁰ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 49. Консул Л. Березин высказал убеждение, что присутствие граничар на саборе 1865 — 1867 гг., «в особенности не принадлежащих к военному классу» (т. е. к офицерству. — В. Ф.), резко усилило бы позиции сторонников воссоединения Границы с Хорватией (АВПР, ГА, V A₂, д. 1025, л. 81).

Хорватия и Славония, объединенные с Военной Границей и Далмацией, составят единое генерал-губернаторство. Военная Граница будет иметь управление особое, но подчиненное генерал-губернатору... На аудиенции, давшей генералу Шокчевичу в связи с его назначением, император Франц-Иосиф сказал, что перед ним часто ходатайствовали о ликвидации Военной Границы, выдвигая аргументы политического и финансового характера, «но, — подчеркнул он, — я решил сохранить ее в течение всего моего царствования». Его величество, правда, не отрицал, что это учреждение не лишено недостатков, которые необходимо устранить, и приказал генералу немедленно по прибытии на место службы посвятить этой задаче все свое внимание и заботы.

Эта реорганизация, одиозная в глазах населения, в один прекрасный день неизбежно обернется против непосредственного ее исполнителя; генерала Шокчевича придется отозвать, а генерал-губернатором с резиденцией в Загребе, как утверждают, будет назначен эрцгерцог Альбрехт. Тем самым австрийское правительство, если можно так выразиться, делает решающий шаг в области административной централизации и денационализации, проводимых им со всей настойчивостью. Нетерпеливо стремясь осуществить это, оно не хотело ждать добровольной отставки бана, который попросил лишь кратковременный отпуск для поездки на воды. Склонились к тому, чтобы воспользовавшись этим поводом, устранить его совсем. Император поручил брату бана генерал-лейтенанту Елачичу объяснить ему мотивы этого столь неожиданного для него решения, и сообщить ему, что его жалование будет сохранено за ним полностью, так же как особняк, занимаемый им сейчас в Загребе»¹¹¹.

Документ этот представляет интерес для истории не только Границы, но и гражданской Хорватии. Долгое время банами Хорватии назначались генералы, Хорватия рассматривалась как важный плацдарм для агрессивных походов и подавления внутренних волнений в империи. Теперь ее предполагалось попросту слить с Границей в единое генерал-губернаторство. Однако после сражений в Северной Италии в июне 1859 г. об осуществлении прежних германизаторских планов Баха не могло быть и речи.

О том, что «всегда верные» в прошлом граничары в битвах при Мадженте и Сольферино (июнь 1859 г.) неохотно сражались за Австрию, говорилось давно. Так, лидер хорватской «Партии права» А. Старчевич утверждал, что «поведение хорватов решило исход войны» 1859 г. Во время этой войны, говорил он, бросилось в глаза, «что хорваты воюют не так, как некогда воевали»¹¹².

Уже непосредственно перед войной Кнорринг считал Границу, эту прежнюю опору династии, «без сомнения, наиболее уязвимым местом Австрии», где «вследствие осуществления закона 1850 г. в большей степени, чем в других областях империи, господствует дух нерасположения и недоверия к правительству»¹¹³.

Сложившаяся на Границе обстановка заставила австрийские военные круги, цеплявшиеся за Границу как за важное орудие своего господства, ограничить боевую силу граничарского войска. Так, до 1859 г. в каждом

¹¹¹ АВПР, Канцелярия, 1858 г., д. 181, лл. 210—212.

¹¹² «Saborski dnevnik kraljevinah Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. God. 1878—1881», dio I, Zagreb, 1903, str. 255.

¹¹³ АВПР, Канцелярия, 1859 г., д. 194, л. 99. Уже в 1854 г. в связи с позицией Австрии во время Крымской войны русский военный атташе сообщал, что ввиду недовольства населения австрийским властям не удалось бы собрать на Границе такую армию, как в 1848 г. (ЦГВИА, ф. 428, д. 68, лл. 16—17).

полку имелась восьмипорудийная батарея, но накануне войны эта артиллерия была передана линейной армии «из высших политических соображений»¹¹⁴.

Накануне войны 1859 г. власти перебросили линейные пехотные полки из Дубровника и Котора в Венецию, поближе к будущему театру военных действий, прислав вместо них хорватские граничарские части. Кстати, такая же передислокация была осуществлена весной 1866 г., когда полным ходом шли приготовления к войне с Пруссией и Италией. По сообщению русского консула в Дубровнике, эту замену объясняли не только тем, что местному ополчению (ввиду общности языка) было бы легче действовать совместно с граничарами, но и «недоверием к сим последним правительства»¹¹⁵.

Вскоре после сражений 1859 г. русский военный атташе доносил, что «кroatские пограничные батальоны... дрались весьма плохо и просто бегали. Очевидцы мне говорили, что кроаты беспрестанно выбегали из дела на перевязочные пункты, не будучи ранены, бросались на землю, стонали и потом, осыпаясь упреками и бранью, вдруг вскакивали и убегали, как будто ни в чем не бывало. Опыт этой войны, говорят, внушил императору мысль изменить организацию пограничных войск»¹¹⁶. Был сделан справедливый вывод, что причиной поражения Австрии было не только то, что «у австрийских генералов и в войсках недостаток военного смысла, которым французы одарены с избытком и который существует у русских». Дело заключалось и в другом: «Австрийское правительство, положив в основание своей системы подозрительное недоверие к народностям, находящимся под его рукою, тем самым поведено было к тому роковому убеждению, что нравственная независимость и достоинство личности — зло. Это убеждение имело следствием упадок моральной стороны даже в той силе, на которую оно смотрит, как на единственный залог своего существования, т. е. на войско». Покорность — основная добродетель, бюрократия — всегда права. Это ведет к апатии... «Солдат, взятый из подобной среды, уже наполовину, так сказать, поврежден...», энергия его убита, он воюет не во имя великих обязанностей, во главе всех его обязанностей — повиновение»¹¹⁷.

В других сообщениях военных представителей в Австрии также сообщалось о нежелании народов драться за Габсбургов в 1859 г. В ноябре 1866 г. после нового поражения Австрии русский атташе генерал-майор Торнау писал: «Известно, что славяне обладают бесстрашной стойкостью, что венгерцы отчаянно храбры, что немцы нетрусливы... Между тем в последнюю итальянскую войну 1859 г. венгерцы сдавались в плен целыми ротами, граничары убегали из дела, помня плохое спасибо за жертвы, принесенные ими правительству во время внутренней войны 1848—1849 гг.»¹¹⁸. И в этом донесении подчеркнута политическая причина низкого боевого духа граничар. Наконец, Каталанич также писал, что в бою под Сольферино граничарские батальоны отказались идти в атаку, а затем отступили. В связи с этим армейское офицерство возненавидело граничар, считая их виновниками поражения. «Венское правительство

¹¹⁴ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 44.

¹¹⁵ АВПР, ГА, V А₂, д. 729, л. 72.

¹¹⁶ ЦГВИА, ф. 428, д. 86, л. 34.

¹¹⁷ Там же, лл. 50—51. Эти строки, свидетельствовавшие о прогрессивных взглядах на проблему боеспособности армии, свойственных передовым офицерам русской армии, вызвали осуждение Александра II, который написал против слова «повиновение»: «Это и есть основа военной дисциплины».

¹¹⁸ Там же, д. 103, л. 91.

имело тогда первый основательный повод усмотреть, что невозможно более существование Военной Границы как военного института»¹¹⁹.

Развитие национального самосознания населения Границы было составной частью процесса, шедшего во всех югославянских землях. Именно поэтому оно представляло существенную опасность для австрийских правящих кругов.

Подавление угнетенных славянских национальностей все более становилось общей задачей для Австрии и Турции. Обе державы сотрудничали в борьбе против национально-освободительных движений. Эта позиция Вены вызывала острое недовольство югославян Австрии, в частности граничар, хранивших глубокое чувство национальной общности с соседним населением Турции, с которым у него были тесные связи. В связи с нараставшими вооруженными выступлениями в Боснии и потоком беженцев в Хорватию летом 1858 г. генерал Шокчевич, временно замещавший Елачича на посту бана и командующего Границей, докладывал не только о тревожной обстановке в Боснии, но его рапорты, по словам Кнорринга, «изображали как весьма беспокойное состояние духа славянского населения Австрии». «Оно открыто проявляет симпатии к своим несчастным единоверцам и свое неодобрение ненавистной политики солидарности с их угнетателями». «Я снова подтверждаю свое убеждение, — писал Кнорринг, — что в случае военного вмешательства Австрии в пользу Порты пограничные войска откажутся стрелять в христиан»¹²⁰. Кнорринг с глубоким убеждением писал об «открытом и всеобщем недовольстве, господствующем на Военной Границе австрийской, которое, имея глубокие причины, находит новую пищу в современном положении приграничного населения Турции». (Следует отметить четкую характеристику причин недовольства: наличие внутренних причин и влияние политических событий. — В. Ф.). Нет никакого сомнения, что настроения граничар «весьма неблагоприятны для правительства. Это бесспорный факт»¹²¹. Однако в отличие от того, как иногда изображалось современниками, Кнорринг считал, что каким бы сильным ни было недовольство населения, подчиненного военной дисциплине, чувство послушания в нем глубоко укоренилось и можно усомниться, что оно выступит «без мотивов, весьма сильных». Война 1859 г. подтвердила это, однако она же укрепила русскую дипломатию во мнении, что недовольство граничар является важным элементом внутреннего положения Австрии, который всегда следует учитывать¹²². Именно так и обстояло дело в течение всех 60-х годов.

Возможность помощи граничар делу свержения турецкого господства в Боснии находилась в центре внимания различных национальных и государственных деятелей того времени. Но сочувствие граничар боснякам и недовольство их австрийскими властями еще не означали, что масса населения Границы в 60-е годы была готова сознательно бороться за определенную программу освобождения от Турции и от Австрии. Австрийские власти не теряли надежды использовать национальные чувства граничар в своих целях. Они поддерживали среди граничар надежду на предстоящий «освободительный» поход в Боснию под знаменами Габсбургов.

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 50. Л. Березин подчеркивал, что правительство сохраняет Границу прежде всего против Италии, но именно итальянская война наглядно показала, что граничарское войско более не внушает властям доверия (АВПР, ГА, V А₂, д. 1020, л. 27). Русский консул в Белграде А. Влангали сообщал, что во время войны 1859 г. граничары открыто выражали возмущение тем, что их заставляют воевать за пределами Границы, тогда как последняя была создана только для защиты от турок (там же, д. 244, л. 126).

¹²⁰ АВПР, Капцелярия, 1858 г., д. 182, л. 213.

¹²¹ Там же, д. 183, л. 13.

¹²² Там же, д. 194, л. 99.

В связи с тем, что напряженное положение и волнения в Боснии и Герцеговине стали постоянными в середине XIX в., Австрия активизировала свое проникновение в эти югославянские области Турции. Будучи солидарным с Турцией в деле подавления освободительных движений на Балканах, австрийское правительство вместе с тем не упускало возможности укрепить свое влияние в Боснии и Герцеговине и десятилетиями готовило их оккупацию. Уже в 60-х годах оно располагало подробными планами вторжения в эти провинции из районов Военной Границы и Далмации.

Русская дипломатия в 60-е годы была настроена в боснийском вопросе решительно против Австрии. Ее беспокоило, не удастся ли Австрии воспользоваться национальными настроениями граничар в своих целях.

Еще летом 1858 г., когда русский консул в Белграде полковник Милошевич сообщил об организации, существующей на Границе и направленной будто бы на подготовку восстания славянского населения Турции и Австрии, Кнорринг поставил вопрос, действительно ли участники организации — офицеры Орешкович¹²³, Турчич, адвокат Брлич (из Брода)¹²⁴ и другие (упомянут был также сербский деятель Миловое Петрович)¹²⁵ ведут «национальную агитацию» добросовестно по своей инициативе или же по указанию австрийского правительства «с целью вызвать повод к давно желаемой им оккупации провинции». Сам Кнорринг полагал, что большая часть членов организации относится к делу искренно; он, однако, считал, что попытка в ближайшее время осуществить указанный план неминуемо потерпит провал¹²⁶.

Конечно, перспектива организации широкого восстания граничар против Австрии была весьма сомнительной. Более существенным был вопрос о позиции граничар в случае военных неудач Австрии, которые могли поставить ее на грань распада. Куда в такой ситуации повернет Граница? Выступит ли спасителем Габсбургов, как в 1848 г., или присоединится к югославянскому движению вместе с сербами княжества и босняками? Эти вопросы занимали как участников политической борьбы, так и иностранцев. Всем приходилось принимать в расчет, что «при настоящем брожении умов в югославянских землях, — как писал Л. Березин в 1863 г., — 80-тысячное хорошо вооруженное граничарское войско может весьма легко при первом удобном случае принять участие в движении югославянском»¹²⁷.

Те же мотивы звучат в донесении А. Влангали от 27.XII 1860 г.: «Тесные связи сербов-солдат австрийской Границы с несчастными христианами Боснии и Герцеговины способствуют поддержанию вражды их к

¹²³ Анте Орешкович — граничарский офицер, который, перейдя в 1862 г. в Сербию, стал военным советником князя Михаила и выполнял различные поручения сербского правительства, главным образом по связи с заграницей — Хорватией, Боснией, Италией, венгерской эмиграцией (см. А. Орешкович. Да смо једном начисто. Београд, 1898, стр. 119). По его словам, к 1859 г. в результате длительной подготовки он имел в своем распоряжении несколько тысяч граничар, готовых к вторжению в Боснию, где в это время шло восстание, однако русская дипломатия считала выступление преждевременным, да и сам он вскоре был арестован и выслан из Границы. (А. Орешкович. Мало више светлости поводом брошуре «Къзз Михаило и заједничка акција балканских народа». Београд, 1895, стр. 25). О деятельности Орешковича в 60-е годы в качестве «главного агента» Сербии в Хорватии и Боснии было известно в Вене (см. С. Јованович. Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1923, стр. 253).

¹²⁴ А. Т. Брлич (1826—1868 гг.) — известный деятель национального движения в 1848 г.

¹²⁵ М. Петрович Блазнавац — будущий (с 1865 г.) военный министр, а в 1868—1872 гг. регент Сербии.

¹²⁶ АВПР, Канцелярия, д. 183, л. 13.

¹²⁷ Там же, ГА, V А₂, д. 1017, л. 17.

туркам и нет никакого сомнения, что в подходящий момент полки не увидят ничего лучшего, как выступить на помощь своим братьям и освободить их от османского гнета». Но если австрийскому правительству удастся усмирить венгров, то оно постарается вызвать движение южных славян под австрийским знаменем и воспользоваться им, так как турецкие славяне могут обратиться к нему за помощью¹²⁸. Однако подавляющее большинство населения Боснии и Герцеговины не желало перехода под власть австрийцев и вероятность осуществления австрийских планов с помощью населения провинций была незначительной.

Наконец, пространное изложение австрийской политики в связи с Боснией и Герцеговиной и возможной роли Границы в судьбе их имеется в донесении А. Влангали А. М. Горчакову в начале 1863 г.: «Я имел возможность многократно обращать внимание вашего превосходительства на пропаганду, ведущуюся Австрией в Боснии, и на успех, приобретаемый ее влиянием изо дня в день»¹²⁹. Используются деньги, агенты, в частности католическое духовенство. Австрия стремится сыграть на надеждах национальной партии Хорватии. «Небольшие восстания, имеющие место в части Боснии, именуемой Краина или Турецкая Хорватия, почти все вызваны экзальтированными людьми из Военной Границы и способствуют видам Австрии, которая предоставляет убежище беженцам; апостолическое правительство закрывает глаза на происки своих граничар и благосклонно принимает всех боснийских беженцев, предоставляя им даже субсидии. Но стоит ему усомниться в верности какого-нибудь строевого граничарского офицера, как оно переводит его в какой-либо линейный полк или же строго запрещает ему пребывание вблизи Границы, если офицер находится в отставке». Влиянию Сербии на боснийских мусульман препятствует боязнь последних, что сербы лишат их собственности, как это произошло с турками в Сербии... Граничарские полки, расположенные в бедных горных районах между гражданской Хорватией и Боснией, были укомплектованы встарину из боснийских беженцев, и хотя с тех пор прошло два века, они сохранили представление, что их служба в эмиграции завершится возвращением им при первой же возможности плодородных районов их древней родины. Большинство граничар этих полков — сербы, но они подверглись влиянию местных хорватов... Хорватская же национальная партия, мечтающая объединить всех южных славян, по мнению Влангали, ввиду своей слабости ищет поддержки Австрии, которая пользуется этим. «Следовательно, нет никакого сомнения, что если дело дойдет до схватки между турками и сербами и если Порта, увязнув в борьбе с сербами и другими христианскими племенами, которые попытаются восстать, окажется не в состоянии подавить восстание в Боснии, Австрия позволит вмешаться своим граничарам...», т. е. разрешит им переходить границу под видом добровольцев, дезертиров и т. п. и с их помощью захватит Боснию. Эта оккупация будет объявлена временной, якобы для прекращения взаимного истребления (мусульман и христиан), и России очень трудно будет заставить австрийцев уйти из Боснии. Не раз можно было слышать утверждения о глубоких симпатиях граничар к Сербии, продолжал Влангали. Не отрицая их наличия, он, однако, полагал, что граничары останутся верными тому, кто поведет их в их древнюю родину. Правда, «преданность Военной Границы австрийскому правительству была поколеблена после войны с Венгрией, так как правительство не сдержало своих обещаний, данных сербам, восстановить их в прежних правах. Посылка граничарских полков в Италию в 1859 г. еще более усилила недовольство граничар, они не скрывали его, и, нес-

¹²⁸ АВПР, ГА, V А₂, д. 244, л. 127.

¹²⁹ Там же, д. 248, лл. 7—20.

смотря на это, если бы итальянская кампания началась успешно, эти части остались бы вполне верными воинскому духу». Но неудачные маневры австрийского командования «вновь возбудили в солдатах все претензии, которые они выдвигали против правительства, и они дали хорошо почувствовать свое настроение на полях сражений». Далее Влангали говорил о возможностях Сербского княжества: «Серб вообще храбр и имеет задатки, чтобы стать хорошим солдатом, но вооруженные силы (Сербии. — В. Ф.) представляют собой лишь ополчение, а численность регулярных войск весьма ограниченная». Ополчение же, как показал опыт США (имеется в виду гражданская война в Соединенных Штатах) малоэффективно при действиях не на своей территории. В связи с этим «сербы все еще возлагают большие надежды на Сербскую Военную Границу, которая должна предоставить им много хорошего военного элемента», однако, по мнению Влангали, то государство, которое первым поведет своих солдат против турок и снабдит их всем необходимым для войны, соберет и плоды». «На австрийской Военной Границе, без сомнения, имеется большая симпатия к сербам, и я не сомневаюсь, что немало солдат и офицеров будут готовы дезертировать в княжество, но мне кажется маловероятным, чтобы целые батальоны, как иногда думают, перешли с вооружением и снаряжением в Сербию».

Следует учитывать, что в 60-х годах лидеры хорватской «народной» (национальной) партии И. Штросмайер, М. Мразович и другие, пользовавшиеся влиянием среди граничарской буржуазии и части офицерства, имели в виду в конечном счете создание югославянского независимого государства, но в ходе повседневной политической борьбы в Австрии проявляли готовность к компромиссам и поддерживали австрославистские планы. В связи с этим привлекает внимание беседа Штросмайера с баном Шокчевичем в начале 1861 г., во время которой лидер народняков просил генерала помочь боснякам в случае их восстания путем посылки граничар из частей, расположенных в Славонии¹³⁰. Вместе с тем Штросмайер был готов поддержать действия Сербии в Боснии. Со временем наиболее дальновидные лидеры народняков вопреки позиции большей части хорватской буржуазии стали выступать против всякого вмешательства Австрии в боснийские дела, но двойственность, характерную для народняков (не только смелые югославистские планы, но и практический оппортунизм буржуазии), Австрия всегда стремилась использовать: она заигрывала с народняками-австрославистами и делала все возможное, чтобы парализовать их опасные югославистские тенденции¹³¹. Позиция народняков настораживала как Сербию, так и русских. Еще больше сомнения мог вызывать характер патриотических чувств большинства граничарских офицеров; как и чиновники гражданской Хорватии, это был элемент служилый, зависящий в материальном отношении от австрийского правительства. Если они и решались проявлять свои национальные чувства, то в большинстве случаев ограничивались идеями австрославизма, федерализма. Для граничар-офицеров первостепенную важность представлял,

¹³⁰ АВПР, Канцелярия, 1861 г., д. 159, л. 112.

¹³¹ Как только осложнилось положение на Балканах, австрийские власти проявляли озабоченность в связи с положением на Границе. Так, например, в момент обострения сербско-турецких отношений (спор из-за крепостей) в 1862 г. командиры полков получили указание воспрепятствовать участию граничар в совещаниях руководителей югославянской агитации в гражданской Хорватии. Начальство признавало возможность участия в этой агитации отдельных «злонамеренных лиц» и проявления «вредных настроений». Поэтому командирам рот было приказано следить за всеми приезжающими, «вызывающими подозрение в пачилин у них поручений революционного характера», пресекать их действия и доносить обо всем подозрительном (АВПР, ГА, V А2, д. 246, л. 44).

например, вопрос, сможет ли в случае распада Австрии новая государственная власть обеспечить им прежнее жалованье. Что же касается судьбы Военной Границы, то масса офицерства отстаивала сохранение ее военного устройства. Все это не позволяло быть уверенным в антиавстрийском выступлении на Границе даже после сабора 1861 г.

В упомянутом докладе Влапгали (1863 г.) подчеркивалось, что в случае сербо-турецкой войны, особенно если она будет сопровождаться волнениями на Границе, Австрия вторгнется в княжество или же (наиболее «благоприятное» для сербов обстоятельство) парализует действия Сербии путем концентрации войск на границе. Из доклада следовал вывод, что Граница ни в коем случае не способна сыграть решающую роль в деле помощи Сербии и что в случае сербо-турецкой войны господином положения станет Австрия. Этому взгляду придерживалось и русское правительство. Он подкреплялся новыми сообщениями консульства в Белграде о посылке австрийских агентов в Боснию для антитурецкой агитации и, вероятно, для подготовки повода к занятию области, а также о получении командирами граничарских частей указаний быть в готовности к походу.

Несколько позднее, в 1866—1868 гг., Сербия укрепляла связи с Черногорией, Грецией, Румынией и болгарской эмиграцией. При поддержке русской дипломатии создавался балканский союз. Вновь стала актуальной проблема участия граничар в национально-освободительной борьбе. Одной из причин этого была недостаточная военная подготовка Сербии, в особенности нехватка квалифицированных офицеров. В разговорах с русским генеральным консулом Н. Шишкиным глава правительства Илия Гарашанин выражал надежду на помощь в этом деле со стороны граничар¹³². Однако как Шишкин, так и посланник в Вене Стакельберг, относились к этим проектам скептически.

28 декабря 1866 г. (9 января 1867 г.) Шишкин, докладывая о своей беседе с Гарашаниным, сообщал посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву¹³³, что наряду с хорватами и сербами других районов Австрии Граница, в прошлом давшая Австрии самых стойких защитников, разочаровалась в возможности осуществить свои чаяния в Австрии и «питает надежду при содействии своих соседей в княжестве достичь материальных выгод». Под воздействием хорватской национальной партии граничары стали горячими сторонниками войны с Турцией, ибо надеются вернуться из каменистых районов Границы на плодородные земли предков. Эти надежды они связывают с Сербией. «Многие влиятельные офицеры, вынужденные вследствие преследований австрийцев искать убежища в Сербии (речь шла, вероятно, об А. Орешковиче и других. — В. Ф.), впервые установили регулярные связи между Границей и княжеством и способствовали достижению согласия между ними». «Это согласие, по словам г. Гарашанина, — полное», и сербским властям даже приходится сдерживать нетерпение этих людей. Министр считает, продолжал Шишкин, что по первому сигналу граничары перейдут в Сербию с оружием и снаряжением целыми батальонами и ротами, и имперские власти будут бессильны помешать этому. Гарашанин получает ежедневные доказательства своего мнения с другого берега Савы: от командиров батальонов до рядовых солдат — все беспокоится, как бы не пропустить поход против турок... Гарашанин укрепил в его убеждении также беседа с австрийским консулом, выразившим опасение, что вспышка в Сербии немедленно переки-

¹³² Специально о политике Сербии в отношении Военной Границы см.: V. Vučković. Nacionalno-revolucionarna akcija Srbije u Vojnoj granici. — «Zbornik Matice Srpske», IX, Novi Sad, 1954.

¹³³ АВПР, ГА, V А₂, д. 252, лл. 130—132.

нется на Границу. Шишкин считал, однако, что Гарашанин чересчур доверяет «авантюристически настроенному Орешковичу», служившему министру в качестве посредника в связях с югославянами Австрии, т. е. слишком полагается на его сообщения... Репутация Орешковича, по словам Шишкина, «далека от того, чтобы можно было твердо полагаться на достоинства, которые последний (Гарашанин. — В. Ф.) ему благосклонно приписывает»¹³⁴. Несколько ранее Шишкин писал: «Что касается влияния Орешковича на граничар, я не колеблюсь отнести это к категории басен, позволяющих ему льстить авантюристическим наклонностям председателя совета министров»¹³⁵. Неясной казалась Шишкину и позиция хорватских народняков, при участии которых Гарашанин разрабатывал свои планы. Поэтому Шишкин не рекомендовал Гарашанину ввязываться в дело, которое может повлечь сомнительные последствия для Сербии.

В ответ на замечание Шишкина, что возможности сотрудничества граничар, вероятно, преувеличены, и на его вопрос, насколько же солдат Сербия рассчитывает, Гарашанин не назвал никакой цифры, сказав, что граничары явятся лишь дополнительной силой. Они, возможно, будут переходить границу без оружия, составят партизанские четы и т. п., т. е. масштабы их помощи представлялись ему уже более скромными.

В дальнейших донесениях русских дипломатов проблема Границы затрагивалась неоднократно. В январе 1867 г. Шишкин не ставил под сомнение симпатии сербов Австрии к княжеству — по моральным и материальным причинам они стремятся соединиться со своими братьями, и ошибки Австрии усиливают эти стремления, но, повторял он, Гарашанин рассуждает чересчур оптимистически и его иллюзии рассеются в момент, когда будут вызваны опасные для Сербии события... Шишкин, как и прежний русский представитель в Сербии, считал, что Австрия сохранит контроль над Границей и сможет занять Боснию. 28 января (9 февраля) 1867 г. Стакельберг присоединился к мнению Шишкина и прямо назвал план широкого использования помощи австрийских сербов и хорватов иллюзорным. «Я верю..., что много граничар перешло бы Дунай, чтобы присоединиться к отрядам христиан, но лишь поодиночке, а не батальонами и ротами, и среди этих дезертиров оказалось бы не много офицеров, так как последние имеют обеспеченное положение и в массе принадлежат к правительственной партии»¹³⁶.

С выступлением граничар Гарашанин связывал свои планы и ранее. При описанном разговоре он рассказал Шишкину, как с 1861 г. он стремился использовать свои связи с сербами Хорватии и граничарами, чтобы побудить Италию, оказывающую влияние на венгерских эмигрантов, организовать совместное выступление против Австрии в момент, когда Сербия могла бы выступить против Турции. Летом же 1866 г., продолжал Гарашанин, я был вынужден отказаться от аналогичного предложения, сделанного на этот раз Италией и «генералом Тюрром, действовавшим от имени Бисмарка».

Действительно, возможность привлечения граничар к борьбе не только против Турции, но и против Австрии живо интересовала как любого

¹³⁴ Анте Орешкович играл заметную роль в югославянском движении 60-х годов. Его публичные выступления полны русофильства. Но эти прорусские и панславистские выступления беспокоили русскую дипломатию, так как усиливали позиции кругов, враждебных России, в Австро-Венгрии и других государствах. В связи с брошюрой Орешковича «Славенска задруга», изданной в Белграде, у сербского правительства и русских дипломатов возникло подозрение, не выступил ли Орешкович по поручению австро-венгерских властей. Ристич сказал секретарю русского консульства А. Церетелеву, что это вполне возможно, так как автор брошюры «был агентом в Италии, и Пруссии, и министра Андраши» (см. АВПР, ГА, V А₂, 1872 г., д. 259, лл. 111—113).

¹³⁵ АВПР, Посольство в Константинополе, 1866 г., д. 1382, лл. 114—118.

¹³⁶ Там же, Канцелярия, д. 163 (I), л. 169.

противника Австрии, так и иностранцев вообще. Да и сами югославянские деятели, стремившиеся к национальному освобождению, всегда имели в виду сотрудничество граничар. Так, сербский публицист и писатель М. Бан, пытаясь создать в 1860 г. сеть агентов в югославянских землях с целью подготовки национально-освободительной борьбы, имел доверенных лиц и на Границе. В своем дневнике за 1859—1860 гг. хорватский национальный революционер Э. Кватерник писал об интересе, который проявлял к хорватским войскам принц Жером Бонапарт. О граничарах расспрашивал Кватерника английский дипломат; во время переговоров с итальянскими властями, польской и венгерской эмиграцией в 1863—1864 гг. Кватерник основной упор делал на революционные настроения граничар, которые, по его мнению, поддержали бы вторжение итальянских сил (имелись в виду, в частности, отряды Гарибальди).

К сентябрю 1864 г. относится представленный итальянскому правительству меморандум о возможности содействия граничар итальянской армии и венгерским добровольцам в случае их высадки в Далмации и Приморье и вторжения в Венгрию. Его автор («высокопоставленный сербский офицер», по свидетельству прусского дипломата в Италии; по мнению Г. Венделя, им мог быть Анте Орешкович¹³⁷) считал, что «полки Военной Границы более или менее готовы к совместному с Венгрией выступлению против австрийского господства». Они могут сыграть свою роль в деле распыления и ослабления австрийских вооруженных сил и расчленения империи. Восстание на Границе вызвало бы панику в Австрии, что повлияло бы на дух ее армии. «Военная Граница, состоящая из регулярной пехоты, хорошо вооруженной и обученной, не нуждается ни в чем, кроме артиллерии; Италии следует поставить ей артиллерию, прежде всего горную», и Граница будет готова к большой войне. Важны два момента: географическое положение граничарских полков — доступность со стороны моря, что делает их как бы правым флангом итальянской армии, и близость к важнейшей коммуникации Австрии — железной дороге Венеция — Вена. Кроме того, восстание на Границе привлечет многих бойцов из соседних турецких провинций, враждебную Австрии позицию займет и Сербия¹³⁸.

Весной 1866 г., когда Пруссия и Италия готовились к выступлению, вспомнили и об этом меморандуме. Прусский посол в Италии переслал его Бисмарку и Мольтке, присовокупив, что «согласно всеобщим заверениям, разрыв между Венгрией и Хорватией, который сделал Елачича врагом Венгрии и спасителем Вены в 1848 г., не повторится; партии действия обеих стран едины против Австрии и тесно связаны между собой»¹³⁹. Пруссак привлекала возможность вовлечения Сербии в войну, а также развертывания партизанской борьбы в Австрии, причем базой для борьбы могла бы послужить Сербия. В мае 1866 г. А. Орешкович сообщил секретарю прусского консульства в Белграде Люберо, что переговоры об этом уже ведутся между Сербией и Италией; вторжение на Границу добровольцев и волнения на Военной Границе заставили бы Австрию не только отказаться от использования граничар, но и перебросить на Границу другие

¹³⁷ См. Н. W e n d e l. Указ. соч., стр. 36.

¹³⁸ «Memoire sur la rôle que la frontière militaire pourrait jouer dans une guerre contre l'Autriche» (см. Н. W e n d e l. Указ. соч., стр. 74—77). В 1866 г. Орешкович утверждал, что вследствие отказа итальянцев в денежной поддержке ему в 1864 г. пришлось резко сократить «связи, имевшиеся в югославянских областях Австрии, особенно на Военной Границе» (там же, стр. 97—98). Если приведенный меморандум принадлежит Орешковичу, то, очевидно, он был составлен с целью получить итальянскую помощь.

¹³⁹ Usedom an Bismarck 17.IV 1866 (Н. W e n d e l. Указ. соч., стр. 73).

войска¹⁴⁰. 8 июня в Белград прибыл прусский агент Пфуль, который повел переговоры о содействии Сербии союзникам. Князь Михаил и Гарашанин считали возможным помочь восстанию на Границе только в случае, если в Венгрии начнется революция, ибо иначе, как считали в Белграде, выступление было бы обречено на неудачу.

Россия и Франция относились тогда отрицательно к проектам выступления Сербии против Австрии, да и само сербское правительство до поражения австрийцев при Кениггреце не верило в успех союзников¹⁴¹. Кроме того, Гарашанин не хотел связывать Сербию обязательствами, так как не имел гарантий обеспечения сербских интересов¹⁴².

Уже после Кениггреца, 25 июля 1866 г., Лоберо телеграфировал Бисмарку, что Орешкович закончил подготовку выступления в славянских областях Венгрии¹⁴³, т. е. прежде всего на Границе. Тогда же в Белград приехал один из лидеров венгерской эмиграции Иштван Тюрр. Но едва он вступил в переговоры с Гарашаниным (сербский министр соглашался не препятствовать переброске отрядов в Австрию для организации волнений на Границе), как между воюющими сторонами было заключено перемирие (27 июля).

По сведениям австрийского консула, Тюрр, проживавший в итальянском консульстве, установил связь с жителями пограничных районов Австрии, а прибывший с ним венгерский полковник Киш в сопровождении Орешковича будто бы переходил австро-сербскую границу и распространял среди граничар антиправительственные воззвания. Все это опровергалось Гарашаниным и итальянским консулом. Шишкин, считавший, что австриец преувеличивает, убедился лишь в том, что Орешкович одним из первых вошел в контакт с Тюрром и Кишем...¹⁴⁴

Во время войны 1866 г. Граница осталась послушной Габсбургам, и 32 тыс. граничар пополнили австрийскую армию¹⁴⁵.

Когда соглашение австрийских и венгерских эксплуататорских классов о превращении Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию стало фактом, недовольство в югославянских землях особенно возросло, и имперские власти были вдвойне обеспокоены возможным выступлением югославян Турции и агитацией агентов Сербии в Боснии и Герцеговине. В начале марта 1867 г. австрийский министр Бейст заявил Стакельбергу, что восстание в турецких провинциях нарушило бы спокойствие Военной Границы, Хорватии и Баната, так как ввиду племенной «близости и родства» население этих земель «не останется безразличным к происходящему по соседству»¹⁴⁶. Вскоре Стакельберг уже сообщал о предполагаемом (если положение в Турции осложнится) усилении гарнизонов в Хорватии одним армейским корпусом. Бейст оправдывал подобную меру, в частности, «растущей агитацией» в Хорватии и на Границе¹⁴⁷.

¹⁴⁰ Laubereau an Bismarck 22.V 1866 (H. Wendel. Указ. соч., стр. 83).

¹⁴¹ См. С. Юванович. Друга влада Милоша и Михаила, стр. 234—235.

¹⁴² См. письма И. Гарашанина М. Лешяину от 28, 29 и 31.VII 1866 г. в кн.: H. Wendel. Указ. соч., стр. 113—126.

¹⁴³ Laubereau an Bismarck 25.VII 1866 (там же, стр. 92).

¹⁴⁴ Тогда же, летом 1866 г., Орешкович, по словам Шишкина, настаивал на скорейшей организации восстания в Боснии и «гарантировал» успех, в частности присоединение граничар со всем их вооружением (АВВР, Посольство в Константинополе, д. 1382, лл. 114—118).

¹⁴⁵ H. Wendel. Указ. соч., стр. 60.

¹⁴⁶ АВВР, Капцелярия, д. 163 (II), л. 229.

¹⁴⁷ Там же, л. 278. Согласно донесению Березина от 2 июня 1867 г., «в Аграме составился тайный комитет, который имеет своих агентов в Военной Границе и в Боснии. В случае восстания в Боснии Военная Граница примет в оном участие, а затем, по всей вероятности, и остальная часть Хорватии» (АВВР, ГА, V A₂, д. 1025, л. 91).

После поражения в войне с Пруссией австро-венгерские правящие круги, укрепив внешнеполитические позиции монархии сближением с Наполеоном III, предприняли энергичные и небезуспешные шаги с целью подрыва балканского союза, изменения внешнеполитической ориентации Сербии. В результате определенных уступок с их стороны (Вена перестала препятствовать очищению Сербии от турецких гарнизонов), а также обещаний и давления Михаил в 1867 г. пошел на сближение с Австро-Венгрией и уволил в отставку Гараганина. «С удалением из министерства г. Гараганина прерываются деятельные сношения с хорватами и граничарами, с начала нынешнего года бывший военный министр (Блазнавац. — В. Ф.) делает все, чтобы оттолкнуть молодых болгар, собравшихся в Белграде, и, наконец достигает совершенного разрыва с Болгарским комитетом в Бухаресте...»¹⁴⁸.

В этой обстановке новая попытка Бисмарка, в октябре 1868 г. посланного своего агента в Белград выяснить, можно ли рассчитывать на Сербию в случае новой войны с Австро-Венгрией, а также с Францией, дала неутешительные результаты. Тогда, по сведениям Шишкина, агент Бисмарка, «как и в 1866 г.», направился в Хорватию и Военную Границу, «где он полагает найти более искренний прием и больше готовности содействовать его правительству»¹⁴⁹.

И в последующее время, в 1869 г., австро-венгерское правительство продолжало энергичную пропаганду как внутри своего государства, в особенности на Границе, так и в Боснии и Герцеговине, стремясь парализовать здесь влияние Сербии.

Поворот европейских событий — поражение Франции в 1870 г. — серьезно изменил ситуацию на Балканах. Усиление Пруссии вызвало тревогу, а отказ России от ограничений, наложенных на нее договором 1856 г., был с надеждой встречен подавляющим большинством южнославянского населения как симптом активизации ее политики. Это сказалось и на положении Сербии. Не осталась в стороне и Военная Граница. Уже 8 (20) ноября 1870 г. посланник в Вене Е. Новиков телеграфировал канцлеру А. М. Горчакову: «Ристич просил меня доставить Вашему сиятельству уверения регентства, что в случае необходимости для России поддержать свое заявление силою оружия, все посильные средства Сербии стоят в полном распоряжении императорского правительства. Военной Границы полки: Глинский, Слуинский, Огулинский¹⁵⁰ и Варадинский поручили своему поверенному здесь передать мне, что в случае объявления Австрией войны России, они откажутся выступить в поход» (помета Горчакова: «это знаменательно!»)¹⁵¹.

Наконец, сербские национально-радикальные (омладинские) круги, планировавшие поднять широкое восстание в Турции (комитет Е. Марковича, Я. Томича и др.) и использовавшие для своих совещаний поездку

¹⁴⁸ АВПР, ГА, V A₂, 1868 г., д. 254а, л. 236.

¹⁴⁹ Там же, л. 263 (Шишкин — Игнатьеву 29.X 1868 г.).

¹⁵⁰ В тексте в названиях Глинского и Огулинского полков описка.

¹⁵¹ АВПР, ГА, V A₂, д. 257, л. 215. Ристич сообщает в своих воспоминаниях: «Когда до нас дошло известие о важном русском шаге, мы и тогда пытались договориться с русским агентом (т. е. с консулом Шишкиным. — В. Ф.) на случай, если б Россия встретила отпор со стороны Порты. Накануне дня Архангела (7 ноября) Шишкин телеграфировал в Петербург о нашем демарше, предпринятом в стремлении объединиться и вместе защищать наши интересы». Позже Ристич сам повторил это предложение в письме директору Азиатского департамента Стремоухову. Но в ответе Горчакова выражалась надежда, что черноморский вопрос будет решен путем переговоров (J. P. и т. и. Последняя година спољашње политике кнеза Михаила. Београд, 1895, стр. 44). Даты телеграмм Новикова и Шишкина почти совпадают.

в Цетинье на семейный праздник черногорского князя (в 1871 г.)¹⁵², кроме помощи Славянских комитетов России и представителей московской и одесской буржуазии, рассчитывали и на «содействие граничар, из коих значительное число обещало явиться в назначенные места по первому призыву», а также на черногорцев, греков, албанцев, болгарскую эмиграцию (группировку «молодых»). Эти планы встретили сопротивление регентов. М. Блазнавац заявил посетившему его в конце 1871 г. Е. Марковичу, что без непосредственной помощи России восстание не добьется успеха. «Без всякого сомнения, — прибавил он, — восстание между христианами Боснии найдет отголосок между граничарами и весьма возможно, что в первые дни несколько сот человек переберется через границу, но рассчитывать на массы, особенно при строгих мерах для охранения границы, которые неминуемо будут приняты австро-венгерским правительством, было бы безрассудно»¹⁵³.

Последние события происходили в период, когда в связи с превращением Австрии в дуалистическое государство ситуация на Военной Границе коренным образом изменилась. Демилитаризация Границы являлась безусловным требованием венгерских помещиков и буржуазии, встречавших в этом вопросе поддержку со стороны сторонников дуализма в Австрии. Пока сохранялась Граница, Венгрия опасалась реакционного переворота со стороны австрийских военных кругов¹⁵⁴. Кроме того, венгерские господствующие классы стремились взять в свои руки экономические ресурсы Военной Границы. Демилитаризация Границы, военное значение которой с введением в империи всеобщей воинской повинности (1868 г.) падало, диктовалась также австро-венгерскими политическими интересами ввиду расчетов на граничар югославянских национальных деятелей. После смягчения австро-венгерских противоречий югославянское национальное движение стало все более выдвигаться на передний план, как сила, опасная для монархии Габсбургов.

Но если после 1867 г. сторонники дуализма стали добиваться демилитаризации Границы, то наиболее реакционные придворные и дворянские круги Австрии и военщина, еще не примирившиеся с политическим равноправием Венгрии, вынашивали планы восстановления централизованной империи и по-прежнему замыслили с этой целью противопоставить югославян венграм. Военщина видела в сохранении Границы залог своего влияния.

Ввиду того, что демилитаризация, как она была задумана правящими кругами, вела к установлению господства венгерских магнатов, банкиров и чиновников над граничарами, последние были возбуждены и встревожены¹⁵⁵. Граничары издавна боролись против подчинения их территории

¹⁵² Об этой поездке см.: В. Н. К о н д р а т ь е в а. Новые архивные материалы по истории объединенной сербской омадины. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XX, 1960, стр. 315.

¹⁵³ АВРР, ГА, V A₂, д. 259, лл. 20—21. См. также: М. Е k m e ě i ć. Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960, str. 56.

¹⁵⁴ «Пребывавшая всегда верною традиционной политике ныне господствующей династии, — писал В. Каталинч в 1868 г., — Военная Граница... признается в пределах империи как бы особым военным государством в государстве и при теперешнем дуализме служит крайним резервным орудием императорского дома Габсбургов». Граница, подчеркивал он, «в искусных руках служила всегда грозным орудием, которое до сих пор могли с большим успехом направлять во все стороны». Правда, он тут же оговаривается, что наступили иные времена и «при господствующем ныне всеобщем недовольствии в Австрии» вопрос о Военной Границе «озабочивает более всего австрийскую политику» (ЦВГИА, ф. 428, д. 108, л. 38).

¹⁵⁵ Указом 18 августа 1869 г. предусматривалась ликвидация Джурджевацкого и Крижевацкого полков, вклинивавшихся в территорию гражданской Хорватии. Это было осуществлено в 1871 г. С 1869 г. ожидался указ о ликвидации остальных полков и судьба Границы (условия демилитаризации) волновала все слои ее населения.

хорватско-венгерским магнатам, предпочитая крепостному состоянию обязанность военной службы императору. После 1848 г. опасность превращения их в крепостных исчезла. Положение Границы оказалось худшим, чем гражданских земель, тем не менее судьба разоряющегося хорватского крестьянина, ограбление его помещиками после реформ 50-х годов, насилия над ним со стороны дворян и служащей им бюрократии отнюдь не могли привлекать граничар. Эти моменты стремились использовать военные круги для демагогической пропаганды, направленной против присоединения Границы к Хорватии. Уже в 1868 г. в кругах Военного министерства и граничарских офицеров (полковник Заставникович и др.) был выдвинут план «либеральных» реформ на Границе ¹⁵⁶ при сохранении некоторых основ ее военной организации и ее особого положения. Военное министерство предложило также продать казенные леса на Границе с целью учреждения фонда для строительства на ее территории железных дорог, канала и школ, т. е. для развития экономики и культуры области ¹⁵⁷.

Некоторые высшие представители австрийской армии пытались наладить контакты с хорватской народной партией, чтобы использовать ее федералистские планы в своих целях. Именно в 1870 г., например, они пытались привлечь народняков к осуществлению планов захвата Боснии (так называемая афера Вагнера — наместника Далмации) ¹⁵⁸. Еще до этого, в 1868 г., в Хорватию и на Границу направился эрцгерцог Альбрехт, который под предлогом инспектирования войск «имел в виду лично заявить свое сочувствие поборникам народного начала в Кroatии» ¹⁵⁹. На Границе он был встречен торжественно, по всей вероятности, офицерством и частью горожан. Одновременно на боснийской границе произошло несколько стычек с турками, очевидно, спровоцированных австрийцами для поддержки своей «освободительной» пропаганды. Однако выходка Альбрехта не могла понравиться австрийским и венгерским министрам, и он срочно был отозван в Вену.

В 1869—1871 гг. правительство Гогенварта отстаивало проект реформы государственного устройства путем соглашения с чешским сеймом. Надежды сторонников федерализма в Хорватии получили новую пищу. Деятели хорватской народной партии, подвергавшиеся преследованиям со стороны бана Рауха и защитников хорватско-венгерского соглашения 1868 г., нашли убежище на Границе. В Сисаке стал выходить «Заточник» — орган народняков, резко нападавший на Рауха и унионистов. Сотрудничество военных властей с народняками становилось все более явным (наиболее умеренное их крыло смыкалось с последовательными австрофилами, с интересами бюрократии и военных; некоторые представители хорватской буржуазии были также экономически связаны с австрийскими властями: торговля лесом и т. п.). Сисакский граничарский суд оправдал журналистов-народняков, обвинявших Рауха в участии в финансовой афере, и Раух был вынужден уйти в отставку (1871 г.). Хотя деятельность хорватской народной партии не ограничивалась сотрудничеством с австрийскими противниками дуализма, и нет никаких оснований считать, что все народняки в это время проводили лояльную по отношению к Габсбургам политику, стремление народняков и австрийцев — противников дуализма — извлечь пользу из сотрудничества друг с другом несомненно. Австрийцам было полезно выступление народняков против немедленной

¹⁵⁶ АВПР, ГА, V A₂, 1870 г., д. 1030, л. 4.

¹⁵⁷ Там же, л. 3.

¹⁵⁸ См. V. Vučković. Ristić, Strossmayer i Wagnerova afera (1870). — «Jugoslovenska revija za međunarodno pravo», Beograd, 1955, № 1.

¹⁵⁹ АВПР, ГА, V A₂, д. 1027, л. 13.

демилитаризации Границы. Сами же народняки, действуя таким образом, не только добивались ослабления Венгрии, но и имели в виду использование вооруженных сил Границы в своих планах создания югославянского государства (например, в случае вступления Австро-Венгрии в 1870 г. в войну против Пруссии, неудач австрийцев и в особенности в случае выступления России против них)¹⁶⁰.

Эта ситуация отражена в донесении русского посланника в Вене от 5 (17) декабря 1869 г. «Все сообщения, поступающие ко мне из Военной Границы, отмечают весьма и весьма оживленную агитацию против отмены военной системы, преобразования Gränze в гражданскую территорию и последующего включения этой области в Хорватию и Венгрию». Можно предвидеть, отмечалось здесь, что офицеры, теряющие свое влияние, будут защищать прежний режим. «И вот население Военной Границы, бывшее в тайне даже подстрекаемо местными военными властями, стало поспешно отправлять на высочайшее имя одно за другим прошения»¹⁶¹. Так, петиция граничар Огулинского полкового округа была составлена в верноподданническом духе: «гордого государя Границы» просили защитить «права» (!) граничар¹⁶². В этом проявилось стремление народняков к блоку с военными властями. Народняки хотели равноправных переговоров Хорватии с Венгрией о реформах на Границе и о пересмотре хорватско-венгерского соглашения 1868 г.¹⁶³ Поэтому в петиции вместе с выражением преданности Францу-Иосифу содержалась просьба решить судьбу Границы при участии представителей ее населения и хорватского сабора¹⁶⁴. И эти требования народняков могли быть использованы австрийскими военными кругами — противниками дуализма, но их содержание определялось не только этим. Настроения массы граничар не могли совпадать с видами военщины: «что поражает Загреб и Вену — это оппозиционный дух»¹⁶⁵, проявившийся в петициях. Усилилась национальная пропаганда, направленная не только против дуализма. Все большую активность на Границе в 1869—1871 гг. стала проявлять партия права, занимавшая резко очерченную антиавстрийскую позицию¹⁶⁶. Сыграли свою

¹⁶⁰ Н. П. Жуковская, А. Е. Шпейдер. Указ. соч., стр. 224—228. Склонность хорватской буржуазии к сохранению Границы при осуществлении там реформ проявилась и в 1848 г., и на саборе 1861 г. Причиной этого было не только стремление национальных буржуазных деятелей не рвать с габсбургским двором, но и австрославистские и югославистские замыслы. Однако то, что для буржуазии являлось вопросом политической стратегии (возможность использования граничар в борьбе), для граничарского населения было жизненной проблемой (необходимость избавления от бесправия и солдатчины). Поэтому на саборе 1861 г. граничары упрекали многих «господ депутатов» в равнодушии к нетерпимому положению на Границе.

¹⁶¹ АВПР, Канцелярия, д. 166, лл. 321—322.

¹⁶² «Hervatska», 9.VII 1871.

¹⁶³ «Настоящая администрация в Крoации далеко не отвечает политическим видам граничарского населения» (АВПР, ГА, V A₂, д. 1030, л. 4).

¹⁶⁴ «Hervatska», 30.VII 1871.

¹⁶⁵ АВПР, Канцелярия, д. 106, лл. 321—322. Сохранения Границы, писала «Хрватска», добиваются лишь «разные военные», «швабские слуги». «Едва где-нибудь соберутся граничары во время праздника или поговорить, швабский щенок тут как тут, вмешивается и начнет тивкать о цивиле», (т. е. гражданском устройстве), говорит, что «для нас, граничар, не может быть ничего лучше, чем нынешнее устройство», что граничару придется в три раза больше платить налогов, что он не сможет держать скот, выращивать овощи и т. п. ... Граница хороша лишь для тех, продолжала газета, «кто получает жирную плату», поэтому ее защитники встречаются в каждой роте («Hervatska», 13.VIII 1871).

¹⁶⁶ Праваша отстаивали право населения Границы самому решать свою судьбу. В выработанном ими проекте петиции было сформулировано требование уважения суверенитета Хорватии (см. «Hervatska», 30.VII 1871). «Граница считает законным лишь то, что создает добрая воля... В саборе или другом месте никто другой кроме нас, граничар, не смеет решать вопрос о наших правах» («Hervatska», 4.VI 1871). «Разрешили б власть имущие, чтобы по всей Границе народ свободно избрал сво-

роль и события в других районах империи. «Восстание в Далмации»¹⁶⁷ не только находит отклик среди южных славян, но встречает живые симпатии населения Военной Границы». Которское восстание «явно показало венгерскому правительству, что надлежало с полной осознанностью действовать по предмету о переустройстве Военной Границы»¹⁶⁸.

Правительство Андраши решило действовать быстро и осторожно. Францу-Иосифу оно заявило, что скорейшая передача Границы под его управление необходима для укрепления влияния партии Деака — опоры дуализма, подвергавшейся нападкам более радикальных национальных кругов Венгрии. Венгерская печать подчеркивала опасность положения, так как «брожение умов в Военной Границе достигло высшей точки» (и «коноводы движения проводят между сельским населением ту мысль, что венгры намерены самопроизвольно отнять у него все поземельное имущество»¹⁶⁹. Затеянная военными провокационная кампания в условиях крайнего недовольства граничар и развертывающейся национальной пропаганды, как заявляли венгерские правящие круги, может привести к тяжелым последствиям. «Повсеместное неудовольствие, ясно обозначившееся между югославянами, дозволило министерству графа Андраши заявить, что обезоружение Военной Границы есть наиверное ручательство безопасному существованию австрийско-венгерской монархии»¹⁷⁰.

Под влиянием Андраши командующий Границей генерал Моллилари в июне 1870 г. получил указание посетить первый демилитаризуемый округ (Беловар) и успокоить население. Генерал, однако, был встречен холодно. Это, по мнению русского консула в Риэке, свидетельствовало, что «относительная независимость духа и свобода мышления проникли уже между граничарами»¹⁷¹. Сам Моллилари позже рассказывал, что ему приходилось слышать такие «бунтовщические» высказывания: «Вы намерены отнять у нас оружие, коим некогда защищали мы Австрию, знайте, впрочем, что теперь послужит оно нам для защиты нас самих и нашего отечества от всякого рода несправедливостей, и в случае нужды придут нам на помощь и наши жены»¹⁷². Можно сделать вывод, что среди части граничар зрела мысль о вооруженном сопротивлении реформам (не потому, конечно, что их прельщал военный режим, но из-за грабительского характера политики австро-венгерских властей).

Вследствие борьбы защитников дуализма (на позиции которых находилась также и часть военных властей) с его противниками подстрекательство населения со стороны военных к подаче петиций сменилось преследованиями лиц, подписавших петиции. Это еще более осложняло и запутывало ситуацию на Границе.

Таким образом, в борьбе вокруг ликвидации Границы действовали различные силы. Здесь столкнулись реакционная придворная группа и австрийская военщина, венгерские буржуазно-помещичьи круги, граничар-

их депутатов, они б на саборе при участии своих братьев из гражданской Хорватии установили бы все, в том числе самые мелкие подробности проведения в жизнь этого закона (т. е. закона о демилитаризации. — В. Ф.)» (Hervatska, 14.V 1871).

¹⁶⁷ В 1869—1870 гг. в Которском округе Далмации вспыхнуло и успешно развивалось восстание горцев, у которых власти пытались отнять привилегии в области военной службы (см.: В. Н. Кондратьева. История восстания в Боке Которской в 1869 г. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XVI. М., 1958). Население округа было вооружено и его успехи в столкновениях с регулярными войсками свидетельствовали о возможности не менее удачного наступления на Военной Границе.

¹⁶⁸ АВПР, ГА, V A₂, д. 1030, л. 5.

¹⁶⁹ Там же, д. 259, лл. 20—21.

¹⁷⁰ Там же, д. 1030, л. 3.

¹⁷¹ Там же, л. 29.

¹⁷² Там же.

ское офицерство, хорватская национальная буржуазия и мелкая радикальная буржуазия и, наконец, массы населения, стремившиеся при извращении от «власти сабли» избежать нового гнета магнатов, буржуа и чиновников.

Июньский указ 1871 г. о демилитаризации всей Границы сопровождался указом о разделе граничарских лесов. Приблизительно $\frac{3}{4}$ лесов (по их реальной ценности) передавалось в полное распоряжение казны, все права населения на них отменялись¹⁷³. Это было грандиозной экспроприацией населения Границы. Сбывались худшие предчувствия граничар¹⁷⁴.

В сложившейся обстановке Э. Кватерник пытался поднять граничар на восстание за независимость Хорватии. Несмотря на неудачу восстания (8—11 октября 1871 г.), которое не получило сколько-нибудь значительной поддержки (между недовольством и готовностью пойти на восстание против мощной власти оказалась немалая дистанция) оно было важным событием в политической истории Хорватии, о котором, однако, следует говорить в связи с характеристикой партии права в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Приведенные здесь сведения помогают понять причины восстания.

По указу от 8.VI 1871 г. для Хорватско-Славонской Границы учреждалось отдельное от гражданской Хорватии временное управление в Загребце, которое, как и его органы на местах, по-прежнему состояло из военных. Сербско-Банатская Граница включалась в состав Венгрии (слияние было завершено в 1873 г.). Стали осуществляться реформы всего быта Границы. Был облегчен раздел задруг, граничарские семьи стали действительными собственниками участков, наконец, были введены новые косвенные налоги. Новый статут получили города и общины. Буржуазия Границы получила свободу занятий промыслами и торговлей и встретила указ с удовлетворением¹⁷⁵. Наконец, в 1873 г. полки были окончательно распущены и Хорватско-Славонская Граница получила гражданскую администрацию, суды и законы, аналогичные хорватским, но по внутриполитическим причинам территория Границы была подчинена власти бана и включена в состав Хорватии лишь в 1881 г.

Демилитаризация Границы открыла путь не только расширению эксплуатации страны крупным австро-венгерским и иностранным капиталом, но и свободному перемещению и классовой дифференциации населения, формированию национальной буржуазии и пролетариата.

¹⁷³ Подробнее об этом см.: I. K r b e k. Nacionalizacija zemljišnih zajednica i krajiških imovnih občina. — «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», № 270, Zagreb, 1949; B. S t o j s a v l j e v i ć. Указ. соч., стр 284—286, а также нашу статью: «Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в.» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. X, 1954).

¹⁷⁴ Не перешедшие в казну леса были переданы «имущественным общинам», образованным в полковых округах, но фактически крестьяне почти не могли использовать и эти участки (см. указанную нашу статью).

¹⁷⁵ «Нervatska», 9.VII 1871. Сопротивление народняков демилитаризации в 1869—1871 гг. имело конъюнктурный характер. Но иные настроения были свойственны военным кругам: генерал Г. Родич, наместник Далмации, по сообщению русского консула в Дубровнике, «с великой грустью» наблюдал ликвидацию Границы, откуда он родом, видя в этом «ослабление императорского принципа в Австрии», на котором держался весь государственный порядок (АВПР, ГА, V А₂, 1873 г., д. 741, л. 127).

В. Н. Кондратьева

К СОБЫТИЯМ В ГРАДИШКЕ в 1873 году

История волнений в Градишке осенью 1873 г. изучена и с большой полнотой отражена в книге В. Чубриловича «Босански устанак 1875—1878»¹. В последние годы этот вопрос освещается в книге М. Екмечича «Устанак у Босни 1875—1878»².

На русском языке события в Градишке подробно изложены в книге Н. Попова «Волнения в Боснии осенью 1873 г.»³.

Автор данной статьи ставит перед собой лишь скромную задачу показать те возможности, которые открывают по данному вопросу материалы Архива внешней политики России (АВПР).

* * *

Босния по природным данным — богатая страна с плодородной почвой, прекрасными лесами и пастбищами, ценными ископаемыми. Но положение турецкой колонии и хищническая экономическая политика Турции по отношению к подвластным народам сказывались на развитии производительных сил этой югославянской области. Во второй половине прошлого века Босния была отсталой, бедной провинцией Турецкой империи.

Яркую картину безудержного колониального грабежа раскрывает перечень «доходов» Порты от Боснийского вилайета (с Герцеговиной и Новопазарским санджаком). Этот перечень, включающий одиннадцать различных видов налогов, поборов и пошлин, приведен в донесении русского консула в Сараеве Кудрявцева от 12 ноября 1869 г. (см. табл. на стр. 117). Вся сумма «доходов» уходила целиком на содержание в Боснии турецких чиновников, полиции, жандармов, не говоря уже о регулярной и иррегулярной армии. Таможенный приход Боснийского вилайета, составлявший 7 875 327 пиастров, отправлялся в Главное таможенное управление в Константинополе⁴.

Одним из примеров грабительской политики Турции может служить хищническая распродажа лесов в Боснии в 1867 г. Турецкому правительству были нужны средства, и оно пустило в продажу лесные дачи — национальное богатство боснийского народа. «В 1867 г. 30 октября — по сведениям русского консула Шулепникова, было продано с публичных торгов французским лесопромышленникам, имеющим свою торговую фир-

¹ В. Чубрилович. Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930.

² М. Екмечич. Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960.

³ Н. Попов. Волнения в Боснии осенью 1873 года. — «Родное племя», кн. 2. М., 1877.

⁴ АВПР, Главный архив (далее — ГА), V А₂, 1866 г., д. 619, л. 107.

Виды доходов в (пиастрах) ⁵

Порез	13 596 132		
Войнина	11 031 046		
Третина *	2 990 131		
Десятинна	20 111 152	пиастра	20 пара
Жировина и траварина	1 834 041		
За пастища свиней	310 141		
За сливы	1 050 000		
За весы и порох	937 142		
Акциз с штейных домов	1 500 000	пиастров	15 пара
Гербовая бумага и пошлина за контракты и другие акты	6 194 154	»	23 »
Десятинна с руд	850 435		

Итого:

60 406 375 пиастров 58 пара

* С государственных имений.

му в Сиссеке [...] 9385 клейменных дубов в даче Шадойковиц Баньялукского санджака по цене 24 пиастров 10 пар, и 14 741 подобных же клейменных дубов в дачах Чивека и Ступа того же санджака по 21 пиастру и 10 пар» ⁶.

«Французские лесопромышленники полагали, — читаем мы далее в донесении, — что существующая неурядица в административном управлении Боснии вообще, а в лесном отделе в особенности, позволяет им извлечь непомерные выгоды. Войдя в вышепоименованные лесные дачи, они начали рубить деревья направо и налево, клейменные и неклеяемые, и произвели такое опустошение, что даже легкая к подкупам турецкая чиновничья шляхта не могла выдержать хладнокровного и бесцеремонного злоупотребления этих французов-промышленников» ⁷.

Негодование боснийцев было настолько сильным, что Порте пришлось назначить комиссию для расследования. Дело кончилось тем, что французские промышленники были оштрафованы в пользу турецкого правительства на 1 млн. 590 тыс. пиастров ⁸. Но боснийские лесные дачи уже были разграблены, лесному хозяйству страны был нанесен крупный ущерб.

Картину экономического застоя, характерного для подвластных Турции славянских стран, дополняют имевшиеся в распоряжении русской дипломатической службы таблицы, в которых сведены данные о торговле Боснийского вилайета в 1867—1868 гг. ⁹

Из этих данных видно, что ввоз товаров в страну резко превышал вывоз. Так, в 1868 г. общая стоимость ввоза составляла 105 157 300 пиастров против стоимости вывоза — 33 796 085 пиастров (превышение почти в три раза). Примерно таково же соотношение и в предыдущем, 1867 г.

Показательным для колониальной скванности экономики Боснии является состав экспортируемых и импортируемых товаров ¹⁰. В вывозе резко преобладали продукты сельского хозяйства. Зерно (пшеница, кукуруза, ячмень, овес и др.) составляло около 22% боснийского экспорта, скот — 20%, продукты садоводства — 10%, сельскохозяйственное сырье (шкуры, шерсть, воск и пр.) — 14%. Из вывозимых готовых изделий в

⁵ Там же.⁶ Там же, Посольство в Константинополе, 1869 г., л. 2331, л. 12.⁷ Там же.⁸ Там же.⁹ Там же, 1870 г., д. 2332, лл. 84—87.¹⁰ Данные за 1868 г.

перечне значатся бочарные доски, строевой лес, дрова, выделанные кожи и сафьян (3%), шерстяные изделия (3%). Из промышленного сырья упоминается железо (видимо, железная руда) — около 10% вывоза.

Что касается импорта, то он почти сплошь состоял из готовых изделий и притом преимущественно потребительских товаров. Текстиль (белые бумажные ткани, ситцы, сукна, платки) составлял около 35% ввоза; всякого рода галантерея, ковры и т. п. — до 15%. Из товаров, могущих служить сырьем для боснийской мелкой и кустарной промышленности, значатся олово, жезь, медь, свинец, листовое железо, проволока; однако все это вместе составляет не более 12—13% всего импорта. Зато в Боснию ввозились в относительно больших количествах такие товары, как табак, вино, пенька, веревки, деревянное масло, мелкие железные и медные изделия; в перечне этих товаров значится даже ввоз готовых повозок на сумму 2,5 млн. пиастров.

Почти весь внешнеторговый оборот Боснии был монополизирован Австро-Венгерской монархией, пользовавшейся таможенными привилегиями. «Одна Австрия в силу своих особых трактатов, пользуется преимуществом, выплачивая по 6% ad valorem за привозные товары и по 1% за вывозные вместо общего тарифа, определяющего 8% за привозимые товары»¹¹.

В условиях систематического ограбления страны и искусственного сдерживания ее промышленного развития экономика Боснии находилась в жалком состоянии. Во второй трети XIX в. в стране существовало только мелкое производство: водяные мельницы, кустарные кожевенные предприятия; ремесленники изготавливали изделия из серебра и других металлов. В Сараеве славились мастера медной посуды. На простых станках ткались полотна, сукна, ковры, попоны, одеяла. Заводов и фабрик не было вовсе. Горожане (исключая живущих в городах бегов и аг), занимались преимущественно ремеслом и торговлей. Центром торговли Боснии было Сараево. Здесь мелкие торговцы закупали товары у оптовиков и развозили на вьючных лошадях в лавки по всей стране.

Торговая буржуазия представляла в тогдашней Боснии довольно значительный социальный слой. О густоте торговой (оптовой и розничной) сети в городах дают представление следующие данные:

В Боснийском вилайете было:

казенных зданий	91
домов	143 041
ханов (т. е. постоянных дворов)	773
лавок	13 414
складских магазинов	1 165

Приведем такие же сведения по Баньялукскому санджаку:

Каймакамлык Баньялукского санджака	Баньялу-ка	Градиш-ка	Тешань	Дер-вент	Жепче	Всего
казенных зданий	2	2	2	2	1	9
домов	7 475	2 425	2 416	3 892	308	16 526
ханов	32	6	5	16	1	60
лавок	855	453	315	282	80	1 985
складских магазинов	24	104	—	35	—	163

Торговлей могли заниматься как мусульмане, так и христиане, причем торговцы-христиане вели главным образом оптовую торговлю. В их

¹¹ АВВР, Посольство в Константинополе, д. 2332, л. 80.

же руках была внешняя торговля с Австрией и другими странами. Привозные товары сосредоточивались в так называемых магази — складских магазинах. «Магази» являлись в то же время складами для скупаемого по стране сырья, предназначавшегося для экспорта.

Привозимые из-за границы товары перепродавались мелким торговцам — владельцам лавок. Мелкая торговля находилась преимущественно в руках мусульман.

Казалось бы, в руках оптовых торговцев-христиан, имевших значительные торговые обороты, были немалые преимущества. Однако их торговая деятельность сильно была стеснена различного рода факторами внеэкономического порядка, порожденными колониальной зависимостью страны. Торговцы-христиане были райей, бесправной райей, платившей верги и харадж или аскерию наряду с крестьянами.

Турецкий колониальный гнет, тяготивший над Боснией, сковывал производительные силы страны, мешал развитию национальной промышленности и торговли. Обнищание народных масс в подвластных Турции славянских странах Балканского полуострова было одной из причин (наряду со слабой дифференциацией крестьянства и другими факторами) невероятной узости их внутреннего рынка.

Для национальной торговой буржуазии Боснии жизненно необходимым было развитие внутреннего рынка, расширение производства, ремесел и торговли внутри страны, что, естественно, влекло бы за собой и увеличение транзитной и внешней торговли. Ярмарки в Ливне, Завале и в пограничных с Боснией местностях Хорватии не разрешали вопроса. Без устранения оков колониального гнета национальная торговая буржуазия была обречена на прозябание.

* * *

У христианской части боснийской торговой буржуазии не было недостатка в энергии и предприимчивости. Торговцы-православные брали подряды на разного рода поставки для турецкой армии, участвовали в откупах десятины. Однако они находились фактически в бесправном положении. С любым из них, как с райей, мог поступить по своему произволу любой турецкий чиновник, любой бег. Местные богатые потурченцы, ведшие бездеятельный образ жизни, полны были зависти к купцам-христианам, если они преуспевали в торговле. Поэтому периодически разжигался мусульманский фанатизм, распускались слухи о предстоящей якобы резне христиан, чтобы райя все время помнила, что ее жизнь и имущество зависят от воли мусульман.

Как известно, на протяжении XIX в. (особенно с 40-х и кончая 70-ми годами) Турецкая империя неоднократно провозглашала так называемые реформы в подвластных ей балканских областях. Целью этих мер, так никогда и не осуществленных на практике, было упрочение внешнеполитических позиций Османской империи, создание в глазах европейских держав видимости «либерального курса» и, наконец, торможение путем обещаний и посулов растущего недовольства славянского населения, чтобы любым способом отсрочить развал империи. Таковы были и «реформы», относящиеся непосредственно к изменению правового положения христианской райи. Все они оставались мертвой буквой.

В 1856 г., накануне заключения Парижского договора, по совету Англии, Франции и Австрии был издан хатт-и хумаюн, который должен был предоставить гражданские права христианским подданным Турции. Однако ни одно из положений этого хатт-и хумаюна, если бы даже они были рассчитаны на проведение в жизнь, не могло быть применено на практике.

Обнародованная «реформа» в корне противоречила турецкому религиозному законодательству, отрицавшему даже самую возможность для христианина стать в одинаковые с мусульманами отношения к закону.

В частности, равенство христиан с мусульманами перед судом, а также свидетельство христиан в суде против мусульман находились в абсолютном противоречии с шариадом, которому обязаны были следовать гражданские суды. Поэтому в судебных делах все ссылки христиан на равенство перед законом встречали только насмешки и издевательства. Любое признание этого равенства считалось «посягательством против официальной религии правительства»¹².

Несмотря на объявленное хатт-и хумаюном равенство христиан и мусульман перед судом право свидетельства в суде оставалось привилегией мусульман. Местные чиновники истолковывали новый закон так, что свидетельства христиан в суде могут быть допущены только при процессах между христианами. По-прежнему и после хатт-и хумаюна публичных судов не было. Это создавало полную возможность любого судебного произвола. «Христиан не признавали имеющими качество свидетелей, угрозами заставляли их отказываться от показаний во время предварительного следствия, которое обычно проводили заптии и их безграмотные начальники».

Судебные дела велись исключительно на турецком языке: судьи, обычно религиозные фанатики, не знали и не желали знать ни языка, ни обычаев местного населения.

Гражданские дела тянулись очень долго. Судов по торговым делам было мало. «Так, Баньялука, один из значительнейших городов Боснии, находящийся притом близ австрийской границы и где торговые связи довольно многочисленны, до сих пор еще не имеет торгового суда...»¹³.

Хатт-и хумаюн на словах обеспечивал «безопасность всех подданных султана и охрану их имущества». Статья 15, провозглашавшая равенство всех подданных в этом отношении, оказалась одним из «главнейших неисполненных обещаний хатт-и хумаюна»¹⁴. Любой из торговцев-христиан мог подвергнуться избиению и оскорблению у дверей своего дома. Избиение и ограбление купцов на дорогах Боснии и Герцеговины и даже в городах среди белого дня было нередким явлением. Полная безнаказанность мусульман, совершивших насилие по отношению к христианину, как бы поощряла к новым насилиям.

«В Белине некто Мичо Богичевич, серебряных дел мастер, претерпел сильные побои от одного военного чауша (жандармского унтер-офицера. — В. К.), причем сей последний выбил ему почти все зубы его же собственным молотком за то, что он отказался принять его работу, говоря, что и без того имеет уже слишком много заказов для байрама. Этот поступок чауша до сих пор остался безнаказан, и даже виновный, несмотря на все жалобы истца, не был уличен»¹⁵.

В Травникском санджаке яицкий мудир Ибрагим-бей приказал посадить в тюрьму священника Симу Княжевича из села Вырховина, заявляя, что Княжевич «бунтует народ против власти; главная же причина такового его поступка была та, что священник этот позволил себе однажды после литургии выразиться между своей паствой о безнравственном поведении мудира. Священник был предан суду». Ходил слух, что его

¹² АВПР, Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 1418.

¹³ Там же, д. 2332, л. 196.

¹⁴ Там же, ГА, V А₂, 1867 г., д. 620, л. 10.

¹⁵ Там же, Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2329, л. 5.

судил яицкий меджлис и присудил «на отсылку на четыре года в Видин в каторжные работы»¹⁶.

Тяжелые условия для развития торговли и ремесел, хищническая эксплуатация страны Турцией создавали благоприятные условия для лихоимства и всяческих злоупотреблений со стороны турецких чиновников, беззастенчиво грабивших подвластное славянское население.

По свидетельству русского консула в Сараеве Шуленникова (от 30 ноября 1867 г.), «дела идут в Боснии день ото дня хуже... администрация провинции никогда не была в таком дурном положении, как ныне. Взятничество принимает неимоверные размеры...». Сам боснийский вали Осман-паша «сумел купить недвижимое имение, за которое заплатил 400 000 пиастров»¹⁷, причем эта покупка сопровождалась рядом махинаций, помимо того, что купил он это имение на награбленные деньги. Шуленников писал русскому послу в Константинополе Игнатьеву: «Не смотря на постоянно обещаемые Портою реформы для улучшения участи находящихся под владычеством Турции христиан, я не предвижу, чтобы подобные обещания когда-либо могли быть серьезно приведены в исполнение как по причине фанатизма, не допускающего уравнивать христиан с мусульманами, так, может быть, еще более по причине решительного отсутствия в турецких чиновниках всякой административной и судебной способности»¹⁸. Назначенные Портой паши не умели и не хотели заниматься делами вверенного им вилайета и смотрели на него только как на источник личного своего обогащения. Фактически же управляли страной мусульманские члены меджлисов. Они правили по собственному усмотрению, толковали законы, как считали это нужным. Неудивительно, что на меджлисы и на их отдельных членов поступало огромное количество жалоб.

Местные меджлисы вместе с главным — вилайетским были тесно связаны между собой и совместно разоряли страну. По хатт-и хумаюну меджлисы должны были состоять из равного количества мусульман и христиан. Но на самом деле «число мусульман далеко превышает число христиан в меджлисе, ограничивающееся только ходжа-башиами, ибо не только не избираются другие члены из христиан, но и самые митрополиты и епископы не приглашаются или сами не являются в меджлисы, видя бесполезность своего там присутствия»¹⁹.

«Что же касается присутствия ходжа-башей в совете, то роль их там самая жалкая. Редко спрашиваемые насчет их мнения, подавляемые большинством мусульман, ходжа-баши заключаются по большей части в глубоком молчании и почти беспрекословно прикладывают свою печать на составляемых меджлисом мазбатах, содержание которых им не всегда даже и объясняют»²⁰. «...Подчиненные пашам меджлисы на самом деле держат в своей зависимости своего председателя по той простой причине, что при получении другого назначения каждый паша, губернатор или генерал-губернатор должен получить от меджлиса своего мазбату, свидетельствующую, что он во время своего управления заслужил всеобщую любовь и расположение и что им все классы населения были постоянно довольны»²¹.

«Кроме того, мусульманские члены меджлиса легко приобретают неограниченное влияние на пашу, потому уже, что они, как туземцы, знают

¹⁶ АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2329, л. 5.

¹⁷ Там же, л. 38.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, ГА, V А₂, 1861 г., д. 612, л. 89.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, д. 612, л. 89.

и язык, и страну, и ее средства, тогда как паше все это представляется затруднительным предметом для изучения»²².

«Другое средство для приобретения влияния меджлисов на пашей заключается в алчности и желании, почти общих всем турецким сановникам, обогатиться на счет управляемых ими провинций»²³.

Коррупция, процветавшая в Турецкой империи, не миновала, разумеется, и Боснии: «...всякое место, всякая должность обложены известной пошлиной, которую назначенный чиновник, конечно, старается возвратить всеми зависящими от него мерами»²⁴. «...эти злоупотребления разоряют государственную казну или косвенным путем чрез разорение населения, или прямым, чрез растрату государственных доходов»²⁵.

Христианская часть торговой буржуазии Боснийского вилайета не раз пыталась протестовать против жестокой дискриминации, которой она подвергалась в экономическом и правовом отношении. В подаваемых боснийскими христианами петициях на имя султана и Порты содержались жалобы торговцев на злоупотребления турецкой администрации, просьбы об уравнивании христиан с мусульманами в гражданских правах. Наиболее полно эти требования были выражены в адресе, поданном на годовом вилайетском собрании 1868 г., открывшемся 7 ноября.

Такие собрания должны были ежегодно происходить в столице каждого вилайета. В 1867 г. собрание в Боснии не состоялось. Спрошенный об этом Осман-паша заявил, что «народ еще не понимает пользы этого благодеяния...»²⁶.

Осман-паша, который грабил Боснию в течение восьми лет, сделался здесь самым богатым помещиком, разместил во всех санджаках своих родичей. На открытии вилайетского собрания 1868 г. он хвастался тем, что Босния под его управлением достигла благоденствия, что открыто много школ, развернуто большое строительство дорог, говорил об успехах в области торговли²⁷. По этому поводу новый русский консул в Сараеве Кудрявцев писал Игнатьеву: «Один или два купца, решившиеся съездить в Англию и во Францию по торговым делам, не составляют еще общего итога торгового прогресса. Прошлогодний голод и засуха умалили тощие обороты здешней торговли, а нынешний год внес в число банкротств три богатых боснийских купеческих дома»²⁸.

На вилайетском собрании 1868 г. в числе представителей было 13 мусульман, шесть православных и три католика. Собрание продолжалось 23 дня. Депутаты «назначались по приказанию власти, которая призывала к тому людей, заседающих в турецких меджлисах, получающих жалование от правительства...»²⁹.

Тем не менее к вилайетскому собранию был составлен для вручения генерал-губернатору меморандум, в котором были сформулированы следующие требования.

«1. Чтобы выборы в суды и собрания были бы открыто делаемы в народе и чтобы утверждались в должностях получившие большее число голосов.

²² АВПР, ГА, V А₂, д. 612, л. 89.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 90.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, Посольство в Константинополе, 1868 г., д. 2330, л. 106.

²⁷ О том, как управлял Боснийским вилайетом Осман-паша, свидетельствует, например, такой факт: в 1866 г. в Сараеве была организована типография. Она заработала 140 тыс. пиастров. Осман-паша собрался ехать в Герцеговину, а денег в кассе не было. Не имея на это никакого права, он отобрал деньги у типографии (там же).

²⁸ Там же, л. 105.

²⁹ Там же, л. 130.

2. Решение судов и вообще всякая официальная бумага, на которой христиане должны прилагать печати свои, должна быть сначала прочтена и переведена на народный, т. е. на сербский язык, потому, что в судах заседают также много мусульман (потурченцев.— В. К.), которые ни слова не знают по-турецки...

3. Канон (гражданское судопроизводство) должен быть напечатан на народном языке, потому что его бы каждый понимал, и он правильнее приводился бы в исполнение. Что народу неизвестно, того он не может ни уважать, ни исполнять.

4. Таможенный тариф также должно напечатать на народном языке на счет торгового сословия.

5. Чтобы свидетельство и показания христиан были бы принимаемы в судах.

6. В городах купцы держат для самих себя лошадей и экипажи; заптне (жандармы), когда им вздумается, т. е. произвольно, отбирают у них часто и то и другое под предлогом казенной повинности (мекарэ)...

7. Чтобы откупщики десятины при получении своей части брали бы то, что дает бог и земля, а не что им нравится и хочется. Когда им что-нибудь не нравится, или не хочется, то они обыкновенно говорят: „давай, влах, деньги“. А бедный народ не в состоянии даже и государственного палого выплатить в срок.

8. Чтобы чиновники, крупные или мелкие, не могли бы быть откупщиками десятины...

9. Есть аги (помещики), которые ничего не дают своему кмету — ни семян, ни волов, ни жилища, заставляя их работать в праздничные дни. Если кто из кметов не соглашается на последнее распоряжение помещика, то он изгоняет его без всякого вознаграждения. Это служит причиною умаления земледелия, увеличения числа нищих, подрывая вместе с тем доходы государства.

10. Чтобы христиане могли бы также служить заптнями (жандармами).

11. Наши школы весьма бедны книгами. Надобно печатать их на счет народа в здешней типографии, ибо запрещено выписывать их из других государств»³⁰.

Узнав о меморандуме, Осман-паша впал в неистовство и «приказал депутатам, чтобы никто не смел подавать в собрание писаного листа бумаги».

Меморандум не был зачитан на вилайетском собрании, но он свидетельствовал о том, что национальная буржуазия Боснии не только добивалась отмены ограничений правового характера, препятствующих экономическому развитию страны, но выдвигала и политические требования, по сути дела представляющие зачатки программы внутренней автономии (пункты 1, 10, 11), а также облегчения участи крестьянства (пункт 9).

* * *

Турция упорно противодействовала культурному прогрессу в подвластных ей славянских областях.

«Турецкое правительство, — читаем мы в донесении консула в Сараеве, — зорко следит, чтобы наука и просвещение не только не проникали в массы христианского населения, но даже чтобы не касались до слоя того класса, который по своему положению и средствам мог бы предоставить изрядное воспитание своим детям»³¹.

³⁰ Там же, лл. 132—133.

³¹ Там же, 1873 г., д. 2335, л. 37.

Не было фондов на содержание школ и учителей, не было специальных школьных зданий, не было книг и школьных пособий, по которым должны были учиться дети. Учителя добывались с трудом из обучавшихся в Сербии и Австрии. Не было управления, которое руководило бы школами.

«Только в Сараеве, Баньялуке и Тешне находятся посредственные училища...»³². «В Баньялуке богословское училище, процветавшее под управлением архимандрита Василия Пелагича, ...ныне приходит в упадок и едва ли ему можно будет поправиться. В Тешне же благодаря хорошему учителю дело воспитания идет недурно. Но это исключение...»³³. Впрочем, этому хорошему учителю грозила опасность. «До сведения правительства дошли слухи об авторитетном и независимом положении его и легко может статься, что... предложат ему удалиться от занимаемого им места»³⁴.

Кроме «больших школ» в городах, при сельских церквях и монастырях были маленькие школы, которые владели жалкое существование из-за отсутствия средств. В Сараеве было два мужских и одно женское училище, которые содержались на гроши. Дело народного образования находилось в руках православных общин, занимавшихся не только школами, но и церквями; сбором жалованья митрополиту, распределением повинностей и податей.

«...Членами этих общин бывают исключительно богатые купцы, не допускающие никакого решительно в них участия других классов населения, заботящиеся только о своих интересах, постоянно старающихся отклонить от себя все тяжести каких бы то ни было повинностей, неся их обыкновенно наравне с последними бедняками, с коими они считают себя равными только в подобных случаях»³⁵.

При всей объективно прогрессивной роли торговой буржуазии Боснии в общем антитурецком движении как носительницы экономического прогресса подлинное ядро освободительного движения складывалось среди других слоев, а буржуазия колебалась между своекорыстными и национальными интересами. Это, однако, не исключает того, что и среди боснийской торговой буржуазии были прогрессивные элементы — решительные и смелые люди, являвшиеся членами боснийской «Омладины», были среди них и люди, занимавшиеся большой просветительской работой, например Деспич — один из богатейших людей Сараева, ставивший у себя на дому шесы на сербском языке. Здесь нам только важно подчеркнуть, что политическая позиция боснийской торговой буржуазии, как таковой, в целом была ограниченной и нерешительной.

Между тем в 60-х годах в Боснии отмечалось большое стремление молодого поколения к образованию. «...В Боснии поселилось несколько патриотов-учителей, которые сумели возродить в наших единоверцах воодушевление к учению и к взаимной поддержке»³⁶. Это были выходцы из разных югославянских областей Балканского полуострова, работавшие в школах Сараева, Баньялуки, Тешни, Брчки. Патриоты-славяне, занявшие место учителей в городах, делали большое дело на поприще просвещения и подготовки молодежи к освободительной борьбе. Они развивали перед своими учениками идеи единства славян, разъясняли им причины катастрофы 1389 г., рассказывали о державе Неманичей, о просветителе-Савве и о будущем величии их родины³⁷. Один из этих молодых патриотов-

³² АВПР, Посольство в Константинополе, 1873 г., д. 2335, л. 38.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 39.

³⁵ Там же, ГА, V А₂, д. 620, л. 9.

³⁶ Там же, Посольство в Константинополе, 1869 г., д. 2331, л. 33.

³⁷ Там же, 1868 г., д. 811, л. 102.

учителей писал Кудрявцеву: «Ранами народа я страдаю, потому что они дошли до самых нестерпимых болей. Поверьте, что народ не может переносить более угнетений. И негры в Америке не терпят того, что наш несчастный народ в Боснии. Дай бог, чтобы нас земля поглотила живых, потому что мы не в состоянии долго так жить, как теперь живем, — вот общий глас нашего народа в нашей стране»³⁸. Автором письма был учитель Петранович из Тешни.

Революционные и национально-освободительные движения в Европе, борьба за объединение Италии способствовали росту национального самосознания южных славян, поработанных Турцией. Пробуждение боснийской молодежи и боснийской интеллигенции к политической жизни было знаменательным явлением.

Во второй половине 60-х годов развилась большая деятельность боснийская «Омладина», сплотившая вокруг себя многих передовых людей Боснии. 23 января (4 февраля) 1869 г. Кудрявцев писал директору Азиатского департамента Стремоухову:

«Политический кружок и Омладина сильно заняты подземною работою о перемене всей Сараевской общины, так как на нее устремлены глаза и уши прочих общин Боснийского вилайета, а Босния в последние годы приготовила уже довольно людей, коих такт и деятельность способны приносить пользу общему делу и начинанию»³⁹. «Началась пропаганда не австрийско-славянская, а сербо-славянская. Сербские и другие газеты стали наполняться корреспонденциями из всех углов Боснии с описанием неправд и страданий... Тайно газеты эти доходят до городов и тайно читаются христианами»⁴⁰.

«Борьба началась, и противопоставляемая правительством система развивает только убеждение в борцах, что они стали на действительную и истинную почву, на почву развития своей будущей свободы...»⁴¹.

«Дух времени и усиливающаяся пропаганда смежных с нею славянских земель проникают в умы и сердца наших единоверцев...»⁴².

Деятельность боснийской «Омладины», пробуждение национальных стремлений в Боснии и Герцеговине, их общение с Сербией и тяготение к ней, проявившиеся так явно в 60-х годах, встревожили турецкое правительство, в особенности — усиление пропаганды за присоединение Боснии к Сербскому княжеству. Начался шпионаж за учителями, усилился надзор за школами. В библиотеке Сараевской школы, например, были конфискованы книги по истории сербского народа. Несмотря на это, подпольная работа продолжалась, а движение патриотов ширилось. «Действия этой пропаганды не могли оставаться скрытыми. Они давно уже подали повод турецкому правительству принять энергические меры к их противодействию. Заручившись таким помощником, как митрополит Дионисий, ему нетрудно было уничтожить передовых и полезных людей, большая часть коих была сослана в Малую Азию»⁴³.

В феврале 1870 г. в Герцеговине были внезапно арестованы два брата Перовичи (архимандрит и учитель). Это событие произвело сильное впечатление в Сараеве. Осмотр бумаг Перовичей привел к аресту сараевского торговца Гавро Вучковича (представителя боснийских православных перед константинопольским патриархом); турецкие власти захватили и его бумаги. Сафвет-паша был заинтересован в изобличении «бунтовщи-

³⁸ Там же, д. 2329, лл. 113—114.

³⁹ Там же, ГА, V A₂, д. 812, л. 5.

⁴⁰ Там же, л. 4.

⁴¹ Там же, л. 5.

⁴² Там же, Посольство в Константинополе, 1871 г., д. 2333, л. 59.

⁴³ Там же.

ков»: это помогло бы ему укрепиться на посту генерал-губернатора Боснийского вилайета. Кудрявцев посетил Сафвет-пашу, чтобы узнать у него о причине арестов. В ответ Кудрявцеву было заявлено, что «произведенные аресты суть не более, как мера предосторожности, последовавшая не вследствие собственной инициативы, а предложенная высшим правительством»⁴⁴. В сообщении Кудрявцева делается предположение, что это указание последовало из Вены: австрийскому правительству всемерещились происки панславизма.

«Неудовольствие и пассивное сопротивление Богемии, нравственное поражение Военной Границы, восстание Боки Которской, независимая жизнь и деятельность двух маленьких княжеств Сербии и Черногории между двумя империями, проклятия и анафемы, расточаемые всеми славянскими журналами Австро-Венгрии и Турции, угрозы и предостережения о близком всеобщем восстании и воскресении Сербского государства... заставило, наконец, австрийское правительство искать сообщества блистательной Порты в открытии голов гидры»⁴⁵.

Для обвинений и арестов нужно было немного. Из Бихача были высланы два священника — Стефан Каран и его сын, обвинявшиеся в «возбуждении народа». Сафвет-паша не хотел огласки этого дела, так как население было взволновано арестом Перовичей и других лиц; поэтому священники были «сосланы негласно и без суда...»⁴⁶. После ареста Перовичей и других «наши единоверцы города Сараева, и старики и молодые, боясь домовых обысков, поспешили уничтожить все свои бумаги, даже, говорят, обыкновенные письма от родителей к детям...»⁴⁷.

Лучшие учителя были изгнаны из Боснийского вилайета. «Вся интеллигенция боснийского православного народа разогнана, повсюду терроризм и отчаяние...»⁴⁸.

Негодование охватило передовых людей Боснии. Опасаясь волнений, турецкое правительство приняло свои меры. «Ожидается прибытие в вилайет 10 000 человек редифа, из Константинополя отправлены сюда порох и боевые запасы, поставщиками заготовлены для войск в большом количестве сухари, масло и другие съестные припасы»⁴⁹.

К тяжелому моральному состоянию боснийцев, вызванному полицейским террором и насилиями турецких властей, присоединилось стихийное бедствие. Сильные осадки вызвали разлив рек, затоплено было несколько деревень и город Шамац. Многие шоссе и дороги были разрушены, мосты снесены. «Единственная прямая дорога, связывающая Сараево с Бродом и Европою, до того испорчена, что, по донесениям турецких начальств, едва ли это шоссе может быть исправлено в 1 год»⁵⁰. Это было большим бедствием для страны. «Не говоря уже о приостановке торговых движений и о дороговизне на ввозимые товары, в особенности колонияльные, народонаселение страны пострадало от разрушений в домах, оградах и других постройках, от прекращения действий водяных мельниц и от смуты шоссе и дорог»⁵¹.

Среди воцарившегося уныния пришло известие о том, что вместе с архимандритом Пелагичем бежали из ссылки в Малой Азии и священники Караны. Жители Сараева выражали уверенность, что и сосланным в Ма-

⁴⁴ АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2332, л. 41.

⁴⁵ Там же, л. 42.

⁴⁶ Там же, л. 162.

⁴⁷ Там же, л. 43.

⁴⁸ Там же, л. 177.

⁴⁹ Там же, л. 226.

⁵⁰ Там же, л. 2.

⁵¹ Там же.

люю Азию братьям Перовичам, Радуловичу, Вучковичу и другим удастся бежать⁵².

В Боснию был назначен новый вали Мустафа Асим-паша. 11 октября 1871 г. был оглашен султанский фирман, который обещал «обеспечение прав подданных империи без различия вероисповедания...»⁵³. В связи с этим Кудрявцев писал Игнатьеву, что «на деле не видать особых успехов...»⁵⁴.

Разумеется, мало кто из передовых людей Боснии верил в то, что султанский фирман положит начало действительным переменам, что появится равенство всех подданных перед законом, и будет обеспечен общественный прогресс вилайета. Боснийские землевладельцы упорно отстаивали свои привилегии, старые обычаи, мечтали о полном возвращении к средневековью. Чиновники держались за свои должности, все они были против реформ: «каждый надеется, что все это временно и что в недалеком будущем последует возвращение в прежнюю рутину и колею», — писал Кудрявцев Игнатьеву⁵⁵.

В этот период султанское правительство испытывало большие финансовые затруднения. Офицеры и солдаты много месяцев не получали жалованья. Порта предписала боснийскому генерал-губернатору сократить число чиновников в вилайете, уничтожить несколько служебных должностей.

В целях все той же экономии были уволены со службы все инженеры. «Если будет весной разлитие рек,... то дороги будут окончательно разрушены и предупредить их разрушение будет некому. Не думаю, чтобы экономия в 6000 пиастров, — писал Кудрявцев Игнатьеву, — обогатила государственную казну; во всяком же случае, она нанесет удар торговому движению и умалит средства — и без того весьма умеренные — небогатых граждан городов и бедных поселян»⁵⁶.

Все эти попытки Порты сократить расходы по управлению подвластными областями, в частности Боснией, не давали желаемых результатов и, в конечном счете, ухудшали экономическое и правовое положение населения. «Одно распоряжение бывшего великого визиря отменялось другим или противоречило ему, и все обыкновенно кончалось полумерами или полным бездействием»⁵⁷. «Например, после желания поднять финансовую часть было обращено внимание на состояние судопроизводства. Судьям уменьшено было жалование, на которое, кроме того, наложен 5% вычет. Правосудие поэтому не могло улучшиться, а разве усилился произвол и взяточничество»⁵⁸.

Немалой причиной нарастания недовольства послужили меры, принятые турецким правительством в отношении боснийского школьного дела.

В 1872 г. Порта издала постановление об изъятии школ из ведения общин. Ограничение прав христиан в деле народного образования вызвало возмущение боснийцев: даже крайне ограниченная церковно-школьная автономия была все же символом их национальной пезависимости. Протесты боснийцев были истолкованы местными турецкими властями как признак «политического заговора».

В ноябре того же года члены православной общины Сараева решили учредить при сараевской митрополии епархиальную скупщину с ежегод-

⁵² Там же, л. 41.

⁵³ Там же, л. 98.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, л. 125.

⁵⁶ Там же, 1872 г., д. 2334, л. 14.

⁵⁷ Там же, л. 66.

⁵⁸ Там же.

ным собранием⁵⁹. Скупщина должна была осуществлять контроль за хозяйством церквей, монастырей и школ. Первое собрание скупщины состоялось 18 февраля 1873 г. под председательством митрополита Паисия.

На собрании присутствовало 14 депутатов от 26 общин. Секретарем скупщины был избран учитель из Тешни Стефан Петранович, «играющий в Боснии роль известного федералиста Милетича, человек умный, хитрый, но чрезвычайно пылкий и отъявленный враг турок и греческого духовенства»⁶⁰. Митрополит Паисий, не знающий сербского языка, под влиянием угроз депутатов подчинился епархиальной скупщине и подписал все протоколы.

Скупщина постановила, что отныне митрополит избирается епархиальной скупщиной и это избрание утверждается вселенским патриархом. Избранный митрополит несет ответственность перед скупщиной. «...В заседании говорились такие вещи, — писал Кудрявцев Игнатьеву 14 марта 1873 г., — о которых лучше было бы не упоминать, ибо 4 года тому назад архимандрит Василий Пелагич поплатился ссылкой именно за то, что опирался на льготы, произнесенные хатт-и хумаюном, но не вошедшие в силу»⁶¹.

Товарищ председателя скупщины Евтанович говорил на собрании: «...само правительство обязано уважать те законы, которые оно издает, если хочет, чтобы подданные государства их уважали. Между тем, наша церковно-школьная автономия признана султаном, определена в хатт-и хумаюне и подтверждена на Европейском конгрессе. Поэтому я надеюсь, что правительство никогда не станет вмешиваться в наши законные действия и народные училища»⁶². Другой депутат сказал в своей речи: «Если правительство на это покусится (на решения епархиальной скупщины. — В. К.), надлежит законным путем тому воспрепятствовать».

Кудрявцев писал, что делегаты скупщины «имеют в виду умалить авторитет и силу двух вековых и тяжелых элементов: правительственного и греко-фанариотского»⁶³.

Кудрявцев писал далее: «Наши единоверцы постановили сосредоточить дело народного образования в одних руках, наложить особый налог на всю Боснию и учредить в Сараеве кассу»⁶⁴.

Гнев турецких властей по поводу епархиальной скупщины был неопишем. Генерал-губернатор явился сам в последнее заседание и объявил, что он не признает за скупщиной права вводить реформы в деле народного образования и определять налоги на содержание школ и сооружение их»⁶⁵. По заявлению генерал-губернатора, это было бы учреждением государства в государстве. «Мустафа Асим-паша сказал также, что до сих пор контроль правительства над школами и надзор за учителями были ничтожны, но что отныне поступающие в школы учителя должны быть представляемы на утверждение местных властей»⁶⁶.

По сообщению Кудрявцева, учителя Петранович и Црнчевич в присутствии учащихся «произносили тосты», имевшие революционный характер. Первый из них пил за здоровье того, кто первый сломит турецкую силу и выживет ее из Боснии, а второй полагал надежды боснийских христиан на своего тешаньского сотоварища — главы и предводителя будущего дви-

⁵⁹ АВПР, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 2334, л. 66.

⁶⁰ Там же, 1873 г., д. 2335, л. 27.

⁶¹ Там же, 1873 г., д. 2335, л. 28.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

жения». Назавтра же содержание тостов стало известно генерал-губернатору. Снова последовала серия арестов христиан по подозрению в участии в заговоре против турецкой власти.

В 1873 г. в Сараеве состоялось вилайетское собрание. Присутствовало 26 депутатов (16 мусульман, четыре православных, четыре католика и один еврей). Общины должны были избрать депутатами людей, которые не находились под подозрением. На собрании обсуждались такие вопросы, как строительство новых шоссе и мостов, открытие сукошной фабрики, сооружение и ремонт казарм, казенных зданий (мечетей, церквей, школ и др.). Турецкие власти использовали собрание, чтобы заявить, что училища в городах будут изъяты из-под опеки христианских общин и что надзор над ними будут теперь осуществлять правительственные органы ⁶⁷. Эта мера вызвала негодование всего христианского населения.

* * *

Потеряв надежду на улучшение своего положения, измученные угрозами и преследованием местных чиновников торговцы города Градишки подали в 1873 г. жалобу правительству султана. До этого они много раз пытались найти защиту у местных властей вилайета ⁶⁸. В жалобе на имя султана они просили назначить комиссию для расследования случаев произвола и насилий в отношении христиан и облегчить их положение.

Порта не нашла ничего лучшего, как поручить расследование боснийскому генерал-губернатору Мустафе Асим-паше. Он послал в Градишку и Баньялку Осман-бея, который нашел, что в большинстве случаев жалобы «ложны», а некоторые — «преувеличены». Местные власти в Градишке стали угрожать челобитчикам, и те разделились на два лагеря: одни настаивали на своей жалобе, другие, боясь расправы, отказались от нее. Генерал-губернатор приказал выявить зачинщиков. Тогда инициаторы жалобы султану ушли на другой берег Савы и оттуда потребовали гарантии безопасности своего возвращения на родину. Генерал-губернатор заявил, что это проделки австрийцев — «возбуждение пограничных славян» ⁶⁹. По поводу этого заявления Мустафы Асим-паши Кудрявцев писал Игнатьеву: «Очень может быть, что австрийские пограничные власти замешаны в этом деле, но в чем нет сомнения, это — влияние славян левого берега Савы на своих братьев правого берега» ⁷⁰.

Беглецы составили записку о положении христиан в Боснии и передали ее представителям великих держав в Вене. В своем меморандуме градишкинские беглецы писали, что равенства перед законом, столько раз провозглашенного и подтвержденного Портой, не существует; так, градишкинский кадий «однажды, при торжественном случае, публично сказал, что свидетельство сорока одного христианина не стоит свидетельства одного турка» ⁷¹.

В меморандуме державам упоминается также о том, что генерал-губернатору Мустафе Асим-паше во время расследования нужны были прежде всего доказательства того, что жалобы христиан ложны. Когда кто-нибудь приходил к Асим-паше с жалобой на незаконные, то от этого чело-

⁶⁷ Там же, д. 2335, лл. 17—19.

⁶⁸ См. Н. П о п о в. Указ. соч.

⁶⁹ АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2335, л. 56

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, ГА, VA₂, Политический отдел, д. 2, л. 16.

века вали «требовал доказательств *законных*, и так как тот тут же не мог дать их, то его бросали в темницу» ⁷².

Далее беглецы разоблачали методы, которые Асим-паша применял для вымогательства подписей под адресом, где было сказано, что «райя совершенно довольна своим положением и что христиане, бежавшие в Австрию, — бунтовщики!» ⁷³.

Градишкинские беглецы требовали, чтобы дело было расследовано беспристрастной комиссией. Они предлагали, чтобы в комиссии участвовали и христиане — турецкие подданные и чтобы на заседаниях комиссии присутствовали представители держав, подписавших Парижский договор.

В меморандуме содержалось также требование наказать всех виновных в злоупотреблениях и преступлениях разного рода.

Далее излагался ряд пунктов, представляющих довольно широкую программу политических требований. Авторы меморандума настаивали на гарантии свободного избрания христианских депутатов в гражданские и судебные учреждения; требовали равенства перед судом христиан и мусульман; исполнения хатт-и шерифа 1839 г. и хатт-и хумаюна 1856 г.; гарантии безопасности возвращения градишкинских беглецов домой.

Градишкинские беглецы, по словам Кудрявцева, в заключение заявляли, что «сама жизнь, свобода, имущество их — все в опасности», и что они не вернутся в Боснию, пока не будет произведено следствие, и Порты не признает справедливость их жалоб. В Градишку приехал Мустафа Асим-паша. «Он производит следствие, результаты коего, как слышно, совершенно противоположны ожиданиям наших единоверцев». Местные власти и местные беги, пользующиеся доверием вали, старались всячески очернить беглецов. Они говорили также, что все это дело — следствие «политической пропаганды Австрии и в особенности Сербии» ⁷⁴. Кудрявцев писал далее: «Слышно, что Мустафа Асим-паша в беседах своих с христианами, которых он призывал к допросу, употреблял выражение: „Здесь не царствует еще Сербия“».

Мустафа Асим-паша требовал от допрашиваемых торговцев подписать мазбату (адрес) на турецком языке, неизвестного торговцам содержания. Торговцы отказались подписать документ, сославшись на то, что им не известно его содержание и что они хотели бы прочесть его на сербском языке, на что Мустафа Асим-паша сказал, что «он не сербский князь, а визирь султанов» ⁷⁵. После этих переговоров еще 13 торговцев бежали за австрийскую границу.

Всего бежало 37 человек видных градишкинских торговцев. По распоряжению из Вены, на место происшествия отправился австро-венгерский консул в Сараеве Теодорович. Министр иностранных дел Турции Рашид-паша дал согласие на эту поездку. Австро-венгерский консул вынес из поездки тяжелое впечатление о положении населения в Градишке и в городах Боснии вообще. «Забитые больше нравственно, чем физически, ... христиане не осмеливаются высказывать правду. Им угрожает месть властей и мусульман» ⁷⁶. «С другой же стороны, отсутствие твердости в христианах, отсутствие единодушия и единогласия, легкомыслие и обожание денежных интересов ложатся тяжелым камнем на их положение» ⁷⁷. Так, в Градишке некий Степан Екмич, участвовавший в подаче прошения в Порту, отказался от того, что сам он подписал «и теперь обвиняет всех

⁷² АВВР, ГА, VA₂, Политический отдел, д. 2, л. 17.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, Посольство в Константинополе, д. 2335, л. 60.

⁷⁵ Там же,

⁷⁶ Там же, л. 61.

⁷⁷ Там же.

бежавших в политической пропаганде и намерении этих господ произвести вмешательство Австрии и других держав»⁷⁸. Австро-венгерский консул получил предписание снова отправиться в Градишку. Он сказал Кудрявцеву, что Рашид-паша «во что бы то ни стало желает покончить в смысле снисхождения и миролюбия возникшее эмиграционное дело»⁷⁹. При этом, однако, консул добавил, что сам он «не видит благоприятного исхода»⁸⁰.

Некоторые оставшиеся в Градишке торговцы капитулировали, лишь бы избежать репрессий. Другие были посажены в тюрьму. Беглецы же оставались непреклонными в своих требованиях. От имени генерал-губернатора было официально объявлено, что «на лавки и магазины эмигрировавших христиан наложен секвестр, что по истечении месяца со дня публикации этой меры помянутые лавки и магазины будут продаваться с аукционного торга для удовлетворения кредиторов...»⁸¹.

13 июля 1873 г. градишкинские беглецы послали телеграмму в Загреб командующему австрийскими войсками генералу Моллинару. В ней они писали: «Сегодня вали запечатал наши дома и лавки. Наши жены и дети брошены на улицу, умирают с голоду»⁸². Моллинару пожелал увидеться с Теодоровичем. После свидания с Моллинару, состоявшегося после первой поездки Теодоровича в Градишку, Теодорович виделся с беглецами и «уговаривал их возвратиться к своим домам и семействам и положиться на уверение Мустафы Асим-паши не преследовать их за эмиграцию»⁸³. Кудрявцев писал, что жена Божы Любоевича, одного из руководителей выступления градишкинских торговцев, привела своих детей к вали, который был в это время в Градишке, и оставила их ему, говоря, чтобы он делал с ними что хочет, и отдала ему ключи от своего дома, а сама переправилась на австрийский берег и присоединилась к беглецам, требуя «правды и защиты от турецкого насилия»⁸⁴.

Многие жены эмигрантов приходили к вали со своими маленькими детьми; он им отвечал, что все, что происходит в Градишке, делается по его приказанию. Тогда женщины от своего имени и от имени своих детей отправили телеграмму в Константинополь великому визирю и султану. Они писали: «Могут ли гибнуть наши имущества, плакать и страдать от жестокостей наши семейства в XIX веке?» и просили помощи и защиты.

В среде боснийской торговой буржуазии жила надежда, что «градишкинское дело вызовет внимание христианских держав в пользу законного и насущного их стремления получить равенство и правосудие в практическом их смысле»⁸⁵.

Турецкое правительство не желало признавать ничего из фактов, изложенных в жалобе градишкинских торговцев, однако не желая огласки и компрометации перед державами, хотело окончить дело миром. Мустафа Асим-паша по-прежнему находился в Градишке и всячески старался найти доказательства политической пропаганды, «представить христиан заговорщикам всеобщего в Боснии восстания»⁸⁶. «Он приказал сделать обыск в Баньялукском богословском училище и, как слышно, запер его, найдя будто бы бумаги секретного содержания»⁸⁷. «Обыски были сделаны

⁷⁸ Там же, л. 60.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, л. 64.

⁸² Там же, л. 70.

⁸³ Там же, л. 71.

⁸⁴ Там же, л. 70.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, л. 77.

⁸⁷ Там же, л. 74.

в школах и некоторых домах в Баньялуке и Градишке, но они ничего не открыли»⁸⁸.

Турецкие власти заявляли, что градишкинские беглецы — изменники и клеветники, что все их обвинения «вымышлены теми, кто их столкнул на путь, которым они пошли»⁸⁹ и что «благоденствие царит на всем пространстве Империи; все подданные счастливы и благодарны султану, и в особенности христиане, получившие столько преимуществ и облегчений в последнее двадцатилетие»⁹⁰.

Боснийский генерал-губернатор запретил распространение в Боснийском вилайете славянских газет, издававшихся в Австро-Венгрии, Сербии и Черногории, под тем предлогом, что эти газеты «помещают на своих столбцах ложные и небывалые известия и возбуждают боснийский народ к восстанию»⁹¹.

Кудрявцев писал Стремоухову 24 августа 1873 г. «Мои сотоварищи и я получили циркуляр Тагир-паши, который по приказанию начальника края, находящегося в Баньялуке, доводит до нашего сведения, что так как австро-венгерские славянские газеты „Застава“, „Народ“, „Обзор“, „Панчевац“, „Жижа“, „Домачи лекарь“, сербские — „Млада Србадия“, „Видов дан“ и „Глас народа“, черногорские — „Глас черногорца“ помещают на своих столбцах ложные и небывалые известия и возбуждают боснийский народ к восстанию, то помянутые органы не могут быть терпимы в Боснии. Мы приглашаемся вследствие этого воспретить состоящим при консульствах кавасам и прочим служителям получать эти газеты почтою или другим путем»⁹².

Вернувшийся в Сараево из второй поездки в Баньялуку и Градишку Теодорович рассказывал Кудрявцеву о впечатлениях и мыслях, которые он вынес из своей поездки. «Без терроризма, — говорил он, — заключающегося в пристрастии к магометанам и в несправедливостях, делаемых христианам, Босния турецкою областью быть не может. Правосудие, одинаковое для христиан и магометан, вещь немыслимая. В день введения его в жизнь окончится владычество последних»⁹³. Далее Теодорович сказал: «В прошлом году, например, почтенный сараевский торговец Чук среди гостинного ряда был сильно избит мусульманами; в Варцаре два месяца тому назад большая часть торговцев пошла в тюрьму по требованию магометан из-за убийства, совершенного турком над туркиней; наконец, в Градишке 37 христиан должны были бежать, чтобы спасти себя от смерти, ибо им никогда не простилась бы смелость публично жаловаться султану и валиям на безобразия властей... Они так или иначе были бы уничтожены»⁹⁴.

Мустафа Асим-паша из Градишки отправился в Баньялуку, где по его распоряжению «двенадцать тамошних купцов из христиан были посажены в тюрьму»⁹⁵. «По слухам..., заключенные были подвергаемы пыткам в так называемых долофах (шкафах)»⁹⁶. Репрессии были мотивированы тем, что Мустафа Асим-паша будто бы нашел «в закрытой им учительской семинарии документ, из которого мог заключить, что в Боснии

⁸⁸ АВПР, Посольство в Константинополе, 1873 г., д. 2335, л. 77.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, л. 77.

⁹¹ Там же, лл. 76—77.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, ГА, V A₂, 1873 г., д. 818, л. 13.

⁹⁴ Там же, Посольство в Константинополе, д. 2335, л. 77.

⁹⁵ Там же, л. 78.

⁹⁶ Там же.

готовилось восстание и что задержанные им христиане были во главе движения»⁹⁷. Во всем Баньялукском санджаке начался террор. Трудно судить, насколько достоверны заявления Асим-паши о «документе»; однако не подлежит сомнению, что пребывание Пелагича в Баньялуке оставило глубокий след. Возможно, что и сохранились какие-то бумаги от того времени, и теперь Мустафа Асим-паша решил сыграть на этом.

Чиновники австро-венгерского консульства в Сараеве сообщили Кудрявцеву, что «в Баньялукском санджаке христиан подвергают мучениям и пытке и что следствием последней, по всему вероятно, будет выполнение намерения начальника края открыть желаемый им политический заговор»⁹⁸.

Кудрявцев, ездивший в Вену на выставку, посетил тамошнее турецкое посольство и говорил с турецким послом Кабули-пашой. Кабули-паша сказал Кудрявцеву, что он озабочен градишкинским делом. «Он просил меня сообщить ему о положении сего вилайета и в особенности о том, справедливы ли жалобы боснийских христиан»⁹⁹. Кудрявцев ответил послу, что он не был ни в Баньялуке, ни в Градишке, но что известно общее положение христианского населения Боснийского вилайета, что там нет ни равноправия, ни правосудия, что «положение» дел в Боснии не улучшилось со времени введения в ней вилайетской системы: «...вилайетская система передала управление страной боснийским бегам, закоренелым феодалам, не признающим необходимости покинуть старые начала и воззрения, с которыми они жили и считались в течение стольких веков»¹⁰⁰.

Кабули-паша благодарил Кудрявцева за откровенную беседу и сказал, что «положение дел в Боснии достойно изменения»¹⁰¹.

Вернувшись в Сараево, Кудрявцев виделся с Мустафой Асим-пашой, и тот изложил Кудрявцеву свой взгляд на градишкинское дело. Заявив, что градишкинские торговцы, «возбуждаемые пограничными славянами, в течение двух последних лет непрестанно жаловались на фанатизм турок и на незаконные действия властей»¹⁰², он дал следующую версию причин разыгравшихся событий: «В окрестностях Градишки была шайка разбойников, содержащая будто бы протоиерея города в сообществе с некоторыми христианами. Однажды разбойники пришли в город и почевали у торговца Божки Любоевича»¹⁰³. По словам вали, местное начальство узнало об этом и приказало произвести обыск, несмотря на протесты торговцев. Началось следствие, торговца обвиняли в политических замыслах. «Любоевич, видя, что дело принимает серьезный оборот и боясь ответственности за подачу ночлега разбойникам, уговорил своих друзей и бежал с ними в Австрию».

Кудрявцев по поводу своей беседы с Асим-пашой иронически комментирует итоги проведенного им расследования: «следствие, между прочим, показало, что действия властей были всегда вполне законны, что фанатизм магометан — явная клевета, не существует; что поджог церкви и некоторых других зданий были производимы самими христианами, искавшими под напутствием иноземной пропаганды политического взрыва и событий»¹⁰⁴. «В выводе, сообщенном мне генерал-губернатором, значит, что действия его и всех властей были всегда безукоризненны, что христиане клеветали

⁹⁷ Там же л. 79.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, л. 81.

¹⁰⁰ Там же, л. 83.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, л. 84.

¹⁰³ Там же л. 81.

¹⁰⁴ Там же, л. 86.

на магометан и администрацию, что христиане поддались иноземной пропаганде; что пожары домов и церкви были их делом...» и т. д.¹⁰⁵

В Баньялуке некоторых торговцев «угрозой заставили отказаться от своих жалоб и подписаться на документе, который обвиняет австрийских агентов г. г. Драганчича и отчасти Теодоровича в наущениях и возбуждении»¹⁰⁶. Вали сказал этим торговцам, что «если они не подпишут составленной им бумаги, то будут посланы в ссылку за пропаганду и какой-то заговор»¹⁰⁷. Асим-паша не брезговал провокацией и подлогом. Он поручил сфабриковать фальшивое письмо от имени христиан Баньялукского санджака на имя черногорского князя с просьбой о спасении их от турецкого ига и... «о принятии их в Черногорию»¹⁰⁸.

Видя, что Асим-паша не сумел вовремя замять градишкинское дело, что он запутался и оскандалился, о чем стало широко известно, Порта отозвала Асим-пашу и назначила в Боснийский вилайет новым генерал-губернатором Акиф-пашу. Акиф-паша сказал Кудрявцеву, что ему поручено «собрать точные сведения о действиях своего предместника, о делах Баньялуки и Градишки и вообще о состоянии сего вилайета»¹⁰⁹.

Казалось бы, что с появлением нового генерал-губернатора, снабженного такими полномочиями, следовало ожидать освобождения арестованных. Но все оставалось по-прежнему. «На днях — писал Кудрявцев, — из Баньялуки была приведена в Сараево партия арестованных из 11 человек, в числе коих один протоиерей и один священник, осужденных на заключение в Видинскую крепость, как утверждают, за принятие участия в разбойничьих шайках. Кроме того, под стражею находится здесь девять человек христиан из Баньялуки и Градишки... Все эти лица виновны лишь в том, что не хотели подписывать протоколов бывшего вали»¹¹⁰.

На непрекращающиеся насилия турецких властей народ отвечал созданием гайдуцких отрядов — отрядов народных мстителей.

В марте 1873 г. Кудрявцев извещал Игнатьева о появлении «разбойничьих шаяк» в Баньялукском и Бихачском санджаках. Отряды гайдуков появились также, как слышал Кудрявцев от местных властей, в Зворникском и Травникском санджаках и даже в Сараевском в лесах Рогатицкого и Вышеградского уездов.

«Разбойники сделали несколько нападений, жертвою коих преимущественно были мусульманские беги...»¹¹¹. Против гайдуков была брошена пограничная стража. Местные жандармы и беги многих захватили, многих убили и ранили. Оказалось, что отряды гайдуков появились в Боснии из Сербии. Рассказывали, пишет Кудрявцев, что христиане-боснийцы, бежавшие в Сербию из Краины и поселившиеся в Шабце, составили общество и каждую весну отрядами в десять-двадцать человек тайно переправлялись в Боснию, «одни — ниже Градишки берегом реки Врбаса, другие же — около Ясеновца»¹¹².

31 мая 1873 г. Кудрявцев снова пишет Игнатьеву о появлении гайдуков, «переправившихся из Сербии в этот вилайет»¹¹³. «Все эти люди — православные христиане, бежавшие в Сербию, кто из Боснии, кто из Би-толии, кто из Призрена и допущенные Княжеством к переходу в этот ви-

¹⁰⁵ АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2335, л. 86.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, лл. 86—87.

¹⁰⁹ Там же, л. 92.

¹¹⁰ Там же, л. 93.

¹¹¹ Там же, л. 40.

¹¹² Там же, л. 20.

¹¹³ Там же, л. 40.

лайет»¹¹⁴. Эти отряды нападали на поместья бегов. Члены гайдуцких чет находили приют и продовольствие у богатых градишкихских торговцев. Связь с эмиграцией в Сербии и связь с гайдуками — очень интересный момент в истории градишкихских торговцев. Этот вопрос ждет своего исследователя.

В нашем распоряжении имеется три письма участников выступления градишкихских торговцев к архимандриту Савве Касановичу, который во время событий в Градишке находился в России «для производства разрешенного ему сбора в пользу сараевской православной общины»¹¹⁵.

9(21) сентября 1873 г. к Савве Касановичу обратился с письмом Христо Ристич. Он писал, что народ в Боснии «неслыханным образом грабят и притесняют». Для поработителей нет «ничего святого — ни веры, ни имущества, ни чести, ни брака, ни невинности сербских девушек, даже ни жизнь серба»¹¹⁶.

Христо Ристич сообщал далее, что жалобы султану не помогли, «...а притеснения увеличились в отношении к поселянам. Когда насилия над последними достигли высших степеней, тогда очередь дошла до городских жителей». Ристич рассказывает в письме и о причинах эмиграции градишкихских торговцев. Он пишет, что «перебежали бы сотнями и тысячами, если б Турция не поставила кордон на границе». Он считает, что беглецы имели полное основание бежать, так как боснийский генерал-губернатор приказал арестовать в Градишке оставшихся там богатых торговцев и священника Иова Ристича. В Баньялуке также были заключены в тюрьму наиболее видные торговцы, «между ними Иово и Тодор Пиштема, двое братьев Бинбие, два Вукича, Делич, Кнежич, Узупович — всего 16...»¹¹⁷. «Этих баньялучан, — читаем мы далее в письме Ристича, — пред заключением в тюрьму паша спросил: намерены ли открыть Богословию, которую он закрыл, и захотят ли они еще жаловаться султану, и хотят ли они подписать ту мазбату (адрес), в коей сказано, что они прежде неосновательно жаловались, что перебежавшие в Австрию всему виною и суть бунтовщики». Ристич далее писал, что теперь такое положение, что они «не смеют открывать Богословию, не смеют составить ни церковная, ни школьная общины, не смеют иметь свою кассу, так как губернатор взял к себе церковные и училищные архивы и кассы в Баньялуке и Градишке, такой порядок, вероятно, установится во всей Боснии, может быть, и мой добрый приятель Касанович, когда приедет сюда, получит бесплатную квартиру»^{118*}.

Ристич указывает, что митрополит Дионисий «отказался от всякого заступничества за народ» и в заключение пишет: «...напрасно издыхающая Босния богата и плодородна, но когда нас более не будет, то даже если б горы жемчуг рождали, никакой уж от того не будет пользы»¹¹⁹.

Имеется также письмо из Вены к Савве Касановичу Васы Видовича от 4(22) сентября 1873 г. Он писал: «Для нашего народа нужнее всего была бы отставка и удаление из Боснии вали Мустафы-паши, баньялукского мутессарифа Кямиль-бея; градишского каймакама Эмин Эфендия и проч. Также удаление из меджлисов нескольких злодеев: Фейм-Эфендия и Фейзи Шериф-эфенди, Хаджи Халид Усаджиневича и Стаил-Кадича, а из

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, ГА, Политический отдел, д. 2, л. 39.

¹¹⁶ Там же, л. 36.

¹¹⁷ Там же, л. 37. Транскрипция имен сохранена.

^{118*} В тюрьме (замечание переводчика. — В. К.). Там же, л. 37.

¹¹⁹ Там же.

градишского: Хаджи-Дедо Уседжиновича, Мехмед Муинговича и Хаджи Афиза из Пеки-Махале»¹²⁰.

Васо Видович описывает тяжелое положение эмигрировавших торговцев в Австрии и говорит, что они там голодают, что прошло уже четыре месяца, а помощи со стороны Австрии они не видят, не видят и надежды на успех своего дела. Видович указывает, в частности, что в Баньялуке многие потурченцы заявили австрийскому консулу о притеснениях, которым подвергаются православные, но эти люди сами пострадали за свою смелость. «И те турки (потурченцы.— В. К.), которые жаловались консулам, ныне в городе заключены вследствие того, что их само австрийское правительство выдало, указавши на них»¹²¹. Видович просит в своем письме архимандрита хлопотать о заступничестве России.

Имеется, наконец, письмо к Савве Касановичу без даты и без подписи. В нем подробно рассказывается о том, как эмигранты подали после бегства записку австрийскому правительству. «В ней мы изложили вообще о страданиях нашей братии в Боснии и прежде всего требовали защиты для нас и нашего имущества», требовали, «чтобы в Боснии прекратились насилия, чтобы... была утверждена равноправность вероисповеданий...»¹²². «Другую такую же записку подали мы в Пожеге тамошнему высшему судье. Наконец, как прошел целый месяц, мы увидели, что от этого никаких последствий не произошло, тогда мы составили меморандум у одного доктора прав, сербина, который очень хорошо известен своими приятельскими чувствами к России и сербскому народу. В письме говорилось: „Притеснения и несчастья нашего народа не ограничиваются Баньялукою и Градишкой, но ту же судьбу разделяет и остальной наш народ в несчастной Боснии...—...нынешние поступки турецких чиновников под предводительством Мустафы-паши, нынешнее страдание нашей братии настолько разом усилились, что для человека не только невероятно, но даже невообразимо“»¹²³.

«В субботу 1 сентября вали приставил 1 полк войска к суду, позвал 12 человек первых купцов в Баньялуке и как только их собрал в комнате, тотчас спросил их: „Правда, что вы хотите открыть здесь богословие (училище) и увеличить число учителей?“ Они отвечали: „Господин, если вы одобрите“». «Затем вали приказал бимбаши (полковнику) командировать отряды по 22 солдата со штыками для каждого и отвести их, каждого отдельно, как наизлейших преступников, в тюрьму, где их заключить тоже отдельно, чтоб друг с другом не сходились и чтоб к ним их родственники не смели приходить». «При этом случае в Градишке заключили в тюрьму попа Иована Ристича и еще 7-х из нашей братии, христиан...». «Вали тотчас переселился в Баньялуку (крепость), чтобы легче было ему днем и ночью мучить нашу братию и принуждать ее к подписанию». 18 сентября 1873 г. «в Градишку прибыл один полк кавалерийский, в сопровождении коего были отосланы в Баньялуку поп Ристич с теми семью товарищами».

Далее в письме говорилось: «Вся Баньялука окружена войсками, так что сербин не смеет ни выехать, ни прибыть сюда, точно так же и Градишка окружена, так что поселяне из окружающих сел не могут войти в город, турки же могут идти куда хотят»¹²⁴.

¹²⁰ АВПР, ГА, Политический отдел, д. 2, л. 24.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, л. 22.

¹²³ Там же, л. 23.

¹²⁴ Там же.

* * *

26 сентября 1873 г. Игнатъев извещал Кудрявцева о решении Порты по градишкинскому делу: «Порта приказала прекратить преследования, направленные против жителей Боснии вследствие событий на австрийской границе; боснийский генерал-губернатор Мустафа Асим-паша и местный мутессариф и каймакам сменены за слишком крутой свой образ действий и за невнимание к жалобам христианского населения»¹²⁵.

Удаление из Боснии Мустафы Асим-паши и смещение с занимаемых должностей мутессарифа в Баньялуке и каймакама в Градишке были победой градишкинских беглецов. Они вернулись в свои дома. Новому губернатору Акиф-паше пришлось также выпустить из тюрьмы арестованных баньялукских христиан.

Однако Мустафа Асим-паша воспользовался градишкинским делом, чтобы внушить правительству необходимость уничтожения христианских общин в городах и селах и лишить таким образом босняков единственного поприща национальной деятельности, каким являлось школьное дело. Церковно-школьные общины были объявлены турецким правительством «тайными комитетами».

Порта в 1874 г. решила провести реформу школьного дела в Боснийском вилайете. Теперь вместо церковно-школьных общин были учреждены ихтиар меджлисы — советы старейшин. Сборы пожертвований на содержание школ были объявлены противозаконными. «Содержание Баньялукской семинарии, единственной в Боснии, основанной с разрешения правительства, которое допустило ежегодный денежный сбор в этом сандаке в ее пользу, относится ныне к незаконным действиям христиан, будто бы произвольно собирающих деньги на тайные цели»¹²⁶. Кроме того, Порта решила заменить всех старых учителей по причине их «возможной неблагонадежности».

Все вопросы обучения и воспитания молодого поколения теперь оказывались в руках мусульманских бегов и нескольких торговцев-христиан, подобранных не по образованию и культуре, а по принципу благонадежности.

Мы уже приводили выдержки из писем, полученных одним черногорцем от члена тайного боснийского комитета¹²⁷, в которых говорилось о событиях в Градишке.

В письме от 6 октября 1873 г. за подписями Ивана Библио, Федора Пиштелича и Евто Авдаловича (сохранена транскрипция документа. — В. К.), членов комитета Баньялуки, было сказано: «Напрасны были все хитрости и насилия, Асим-паша не мог принудить никого подписать ложные свидетельства и обвинения против наших перебежавших братий и боснийские торговцы выказали в этом случае характер и постоянство. Боснийские торговцы сохраняют полную надежду на исполнение цели, к которой мы стремимся»¹²⁸.

¹²⁵ АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2335, л. 113.

¹²⁶ Там же, 1874 г., д. 2336, л. 8.

¹²⁷ В. Н. Кодратьева. Новые материалы по истории объединенной сербской «Омладины». — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXII.

¹²⁸ АВПР, ГА, V A₂, 1873 г., д. 741, л. 136.

Н. И. Хитрова

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЧЕРНОГОРИИ в конце XIX и начале XX века

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые стороны экономического развития Черногории в конце XIX — начале XX в. и показать новые явления в ее экономике, возникшие в результате развития в стране капиталистических отношений. Главное внимание уделено развитию торговли и промышленности, созданию акционерных обществ и выяснению роли иностранного капитала в экономике Черногории. В задачу автора не входит детальный анализ аграрных отношений в стране.

Вопросы экономического развития Черногории в конце XIX — начале XX в. еще не освещались в советской историографии. Среди работ югославских историков по рассматриваемым проблемам значительный интерес представляют труды Мирчеты Джуровича¹, написанные на основании архивного материала. Многие вопросы М. Джуровичем исследуются впервые в исторической литературе. В книге «Торговый капитал в Черногории во второй половине XIX в. и в начале XX в.» он показал развитие внутренней и внешней торговли Черногории, а также выяснил роль торгового капитала в создании промышленных предприятий и кредитных учреждений. Автор перечисляет концессии, предоставленные черногорским правительством иностранным капиталистам. В других работах Джурович остановился на вопросах зарождения и развития черногорских кредитных учреждений и акционерных обществ, отметил их влияние на экономику Черногории.

Наша статья написана на основе документов Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центрального военно-исторического архива (ЦГВИА) и материалов черногорской прессы — «Глас црногорца» (издавалась в Цетинье), «Оногошт» (Никшич), «Народна мисао» и «Уставност» (Цетинье) с учетом вышедших в Югославии работ.

* * *

В конце XIX в. Черногория была одним из самых отсталых государств на Балканском полуострове. В результате турецких завоеваний на Балка-

¹ М. Ђ у р о в и ч. Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX вијека. Цетинье, 1958; е г о ж е. Новчани заводи у Црној Гори. Цетинье, 1959; е г о ж е. Формирање акционарских друштва у Црној Гори почетком XX вијека (у појединим привредним гранама). — «Историјски записи», књ. XVI, 1959, св. 3—4.

нах она оказалась зажатой в горах, почти изолированной от внешнего мира и лишенной выхода к морю. На протяжении ряда столетий черногорский народ вел героическую борьбу с турецкими поработителями, которая поглощала почти все его материальные ресурсы.

Значительным препятствием на пути экономического развития Черногории являлся недостаток пахотных земель, вследствие чего земледелие не получило сколько-нибудь заметного развития. Основным занятием населения было скотоводство. Разводили преимущественно мелкий рогатый скот — овец и коз.

Господствующий класс составляли так называемые племенные старейшины. Некоторые из них владели стадами в тысячу и более голов скота и земельной собственностью в 50-рал² (9 га) пахотной земли и 120 кос³ (43 га) луга. Кроме того, они обогащались за счет торговли и ростовщичества. Крестьянское землевладение исчислялось в 1—5 рал (0,18—0,9 га) земли⁴. Большинство крестьян с трудом могло прокормиться за счет доходов своего хозяйства, поэтому они арендовали землю или брали скот на выпас. Во время неурожая, которые случались нередко, население голодало.

На протяжении XIX в. в Черногории сохранялись такие патриархальные пережитки, как большие семьи (задруги), остатки кровнородственных связей в братствах и племенах. Так называемые племена и братства, так же как и села, представляли собой различной величины территориальные общины. Наряду с частным землевладением продолжали существовать общинные земли. Они были представлены в трех формах: племенные, братственные и сельские, соответствующие землепользованию племен, братств и сел.

Экономика Черногории сохраняла в середине XIX в. преимущественно натуральный характер. Крестьянское хозяйство само удовлетворяло свои хозяйственные нужды и было слабо связано с рынком. Крестьяне сами перерабатывали сельскохозяйственные продукты, делали несложную домашнюю утварь, а женщины ткали холст и грубое сукно.

В Черногории вплоть до 1878 г. не было городов. Ее столица Цетинье, служившая административно-церковным центром, была небольшим населенным пунктом. Ремесла в Черногории в условиях крайне примитивного образа жизни и при отсутствии городов не получили достаточного развития. В некоторых селах имелись немногочисленные ремесленники: ружейные мастера, кузнецы, мастера по изготовлению посуды и сельскохозяйственных орудий. Сами черногорцы с пренебрежением относились к занятию ремеслом. Ремесленники были преимущественно албанцы и жители австрийского Приморья.

Вследствие общей экономической отсталости и отсутствия выхода к морю Черногория все более попадала в экономическую зависимость от австрийского рынка. В городах Боки Которской — Будве, Которе и Рисане, куда черногорцы привозили продукты своего труда и где делали необходимые закупки, австрийские торговцы, не встречая конкуренции, назначали произвольные цены — высокие на свои и низкие на черногорские товары. Таким путем они скупали за бесценок скот и различные сельскохозяйственные продукты⁵.

Проникновение капиталистических отношений в Черногорию усилилось после победоносного окончания русско-турецкой войны 1877—

² Рало — мера пахотной земли, равняется 1817 кв. м или 0,18 га.

³ Коса (= 2 ралам) — мера луга.

⁴ Б. Павичевич. Стваране црногорске државе. Београд, 1955, стр. 324—325, 340—341.

⁵ К. Петкович. Черногория и черногорцы. СПб., 1877, стр. 51—52

1878 г., в которой на стороне России принимала участие Черногория. На Берлинском конгрессе (1878 г.) Черногория была провозглашена независимым государством, а ее территория увеличилась почти в два раза (с 4405 кв. км до 8655 кв. км). К Черногории были присоединены плодородные земли с городами Подгорица, Никшич, Колашин и Жабляк. Одновременно с этим она получила выход к Адриатическому морю (70 км побережья с портами Бар и Ульцин).

Однако по Берлинскому трактату, Адриатическое побережье и черногорские порты оставались под контролем Австро-Венгрии (ст. 29). Черногория была лишена возможности предпринимать что-либо для укрепления своего побережья и не имела права строить новые крепости между Скадарским озером и Адриатическим морем, а также обязывалась уничтожить все старые. Полицейский и санитарный надзор за побережьем был передан Австро-Венгрии. Кроме того, черногорское правительство обязывалось войти в соглашение с австрийским правительством относительно постройки на вновь присоединенной к Черногории территории гужевых дорог и железнодорожных линий ⁶.

В результате успешного завершения в 1878 г. освободительной войны с Турцией и присоединения плодородных областей в Черногории возникли более благоприятные условия для ее экономического развития. Обрабатываемая площадь земли возросла почти в два раза. С 1880 по 1896 г. количество обрабатываемой земли увеличилось еще больше за счет распахивки пастбищ и достигло 150 тыс. рал (27273,2 га) вместо 109 тыс. рал (19 620 га) ⁷. Расширение фонда пахотной земли увеличило удельный вес земледелия в хозяйстве Черногории, которое наряду со скотоводством стало важнейшей отраслью сельского хозяйства.

В освобожденных областях черногорское правительство провело некоторые аграрные преобразования, частично упразднившие турецкую феодальную систему хозяйства. В Никшичском и Колашинском поле, Васоевичах и других районах за счет земель бежавших из Черногории мусульманских землевладельцев были наделены земли участники освободительной войны 1876—1878 гг., семьи погибших и местные крестьяне, обрабатывавшие земли турецких феодалов. Кроме того, князь Николай выделил специальный фонд для личного вознаграждения земель.

Наиболее плодородные земли захватил князь Николай, его родственники и правящая верхушка. Во владении князя находилось свыше 1 тыс. рал (182 га). В то время как малоземельные и безземельные крестьяне Черногории получили наделы размером от 1 до 3 рал (0,18—0,54 га), в собственность некоторых племенных старейшин перешло от 20 до 200 рал (3,6—36,4 га) плодородных земель ⁸. Один воевода получал больше земли, чем десяток и сотня беднейших крестьян. В результате аграрных преобразований в руках князя Николая, монастырей и племенных старейшин сосредоточилось значительное количество земли. В начале XX в. общая поверхность обрабатываемой площади всех монастырей составляла около 4 тыс. рал (728 га) пахотной земли, 2,5 тыс. кос (910 га) луга и 200 мотиков виноградника ⁹.

Во время аграрной реформы феодальные отношения не были ликвидированы окончательно. Согласно статье 30 Берлинского трактата 1878 г.

⁶ «Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774—1906)», Варшава, 1906, стр. 33—36.

⁷ П. Р о в и н с к и й. Черногория в ее прошлом и настоящем. т. III. Спб., 1915, стр. 474.

⁸ Ж. Б у л а ј и ћ. Аграрни односи у Црној Гори (1878—1912). Титоград, 1952, стр. 43, 67—69; М. Ђ а ц к о в и ћ. Црна Гора при крају 19 в. Београд, 1895, стр. 7.

⁹ Ж. Б у л а ј и ћ. Указ. соч., стр. 231. Мотика = 455 кв. м = 0,4 рала.

за турецкими подданными сохранялось право собственности на землю, впоследствии подтвержденное рядом черногоро-турецких конвенций. В силу этого бывшие чифтчи и черногорцы, наделенные землей, обязывались уплачивать подати прежним собственникам земли. Исключение составляли лишь лица, получившие землю в качестве личного дара князя Николая, за которых плату вносило государство. Вместо установленной четверти урожая турецкие собственники с трудом собирали лишь четверть-надцатую часть, так как крестьяне упорно сопротивлялись уплате ренты. К 90-м годам XIX в. часть земли, принадлежавшая турецким подданным, была выкуплена или обрабатывавшими ее крестьянами, или государством¹⁰.

Однако часть земли в присоединенных областях продолжала оставаться невыкупленной. Чифтчийские отношения сохранялись прежде всего в Зетской равнине и в Черногорском Приморье. Крестьяне, в пользовании которых находились небольшие наделы земли, продолжали уплачивать ее собственникам ренту натурой в размере четверти, а иногда трети или половины урожая хлеба, половины скошенного сена и трети собранного винограда¹¹. Некоторые черногорские крупные земельные собственники, получившие земли в присоединенных областях, также использовали труд чифтчиев.

Феодалные формы эксплуатации крестьян продолжали применяться и в коренных областях Черногории. Князь Николай, племенные старейшины и крупные государственные чиновники по-прежнему сдавали свои земли в аренду, среди которой большое место занимала наполица (испольщина)¹². Наряду с натуральной формой аренды практиковалась денежная форма. Большей частью за денежную оплату сдавались в аренду монастырские земли. Средний годовой урожай, получаемый крестьянами, едва превышал арендную плату, которая исчислялась от 1,18 до 11 флориннов с 1 рала¹³.

В интересах крупных земельных собственников правительство провело ряд мер по улучшению сельскохозяйственного производства. Оно приобрело за границей новые сорта семян, племенной скот и открыло оранжереи. В 1882 г. было основано общество по разведению слив. В Дашиловграде и Подгорице открылись сельскохозяйственные школы. Однако сельское хозяйство продолжало оставаться отсталым и не могло удовлетворить спрос населения на продукты. Хлеб по-прежнему ввозился из-за границы.

Такие остатки феодализма, как самодержавный режим, крупная земельная собственность и наличие родовых пережитков тормозили развитие капитализма. Переход к капиталистическим формам хозяйства происходил крайне медленно и почти не затронул значительную часть хозяйств. Все же надо отметить такие явления, как нараставший процесс раздела племенных земель, распада больших семей, усиления дифференциации населения, возникновения новых классовых групп и, наконец, общего ухудшения положения крестьянства.

Скотоводство ранее других отраслей сельского хозяйства стало приобретать товарный характер. Продажа скота и продуктов скотоводства получила развитие как во внутренней, так и во внешней торговле. Владельцы скота все в больших размерах применяли наем батраков для ухода

¹⁰ Там же стр. 35—36, 50—55.

¹¹ «Стенографическое билье о раду Црногорске пародне скупштине 1906 г.», Цетиње, 1908, стр. 952—953, 956.

¹² «Општи имовински законик за књажевину Црну Гору», Цетиње, 1888, стр. 309—312.

¹³ Ж. Булајић. Указ. соч., стр. 221.

за стадами, арендовали за денежную плату пастбища у землевладельцев¹⁴. Богатые торговцы скотом самовольно пасли скот на общинных пастбищах, вытесняя с них крестьян¹⁵. Путем покупки крестьянских наделов в разных общинах они приобретали право пользования общими пастбищами сразу в нескольких селах.

В конце XIX в. значительная часть племенных земель была разделена между селами, общинами и братствами. Одновременно с этим происходил переход общинных земель в частные руки. В первую очередь делились земли, пригодные для возделывания, затем пастбища и луга. Во время разделов большая и лучшая часть земель захватывалась в частную собственность племенными старейшинами и сельской буржуазией¹⁶. Тем не менее и в начале XX в. еще около 50 % земли в Черногории продолжало оставаться территорией, где господствовали различные формы общинного землепользования¹⁷. Общинное землепользование сохранялось в большей степени в горных районах. В тех местах, где были разделены все общинные земли, существовал совместный выпас скота после уборки урожая¹⁸.

Проникновение товарно-денежных отношений в село вело к дроблению крестьянских наделов. В 1889 г. 18 321 малоземельное крестьянское хозяйство владело участками земли в 1—5 рал (не превышавшими 1 га). Их владельцы составляли 55,03 % земельных собственников. В дальнейшем число мелких землевладений возросло, и уже в 1900 г. их доля составила 76,06 %¹⁹, т. е. в конце XIX в. разорение крестьян приняло катастрофические размеры. К этому времени непомерно возросло число случаев продажи земли и имущества крестьян в уплату долговых исков и налоговых платежей. В Черногории увеличилось число крестьян, имущество которых было настолько ничтожно, что они совершенно не облагались налогами.

Вследствие большой экономической отсталости Черногории процесс отделения производителей от средств производства протекал медленно и особенно мучительно. Разорившиеся крестьяне, не находя применения своей рабочей силе в слабо развитой промышленности, обрекались на полуголодное существование или были вынуждены искать заработков за границей. Одни уезжали на сезонные работы, другие эмигрировали с семьями навсегда. В конце XIX в. ежегодно покидало родину две-три тысячи черногорцев. В 1904 г. было выдано 11 тыс. разрешений на выезд за границу. В одной Америке в феврале этого года находилось на заработках 8 тыс. черногорцев²⁰.

Как следствие дифференциации крестьянства в Черногории возникала и крепла сельская буржуазия. Сельская буржуазия богатела за счет скупки земель и имущества разорившихся крестьян, она вела торговлю, главным образом скотом, и занималась ростовщичеством. В начале XX в. в Черногории практиковалась в широких размерах натуральная форма кредита (ваджевина), что было проявлением ее экономической отсталости. Имущественный законник определял средний годовой процент, выплачиваемый при получении кредита, в 8 %²¹. Ростовщики с помощью под-

¹⁴ А. Јовићевић. Црногорско Приморје и Крајина.— «Српски етнографски зборник», Београд, 1922, књ. 23, стр. 125—126.

¹⁵ «Стенографске бильенке о раду Црногорске народне скупштине 1906 г.», стр. 863.

¹⁶ Там же, стр. 140.

¹⁷ Ж. Булајић. Указ. соч., стр. 258—259.

¹⁸ А. Јовићевић. Ријечка пахија у Црној Гори.— «Српски етнографски зборник», 1911, књ. 15, стр. 466—467, 479.

¹⁹ Ж. Булајић. Указ. соч., стр. 153.

²⁰ П. Ровинскиј. Указ. соч., т. III, стр. 459, 79.

²¹ «Општи имовински законик за књажевину Црну Гору». ст. 262, 534.

логов и обмана скрывали действительные надбавки на кредит и брали с должников в несколько раз больше установленной законом нормы.

* * *

Присоединение к Черногории Подгорицы, Никшича, Колашина и Бара положило начало развитию городской жизни. В дальнейшем под действием развивавшихся капиталистических отношений происходило увеличение численности населения в городах. Пополнение городского населения совершалось в основном за счет прилива сельского населения. В 1909 г. число жителей городов достигло 34 569 человек, что составляло 15,6% общего количества населения (222 015 человек)²².

Одновременно с увеличением численности городского населения менялся облик города. Происходило выселение турецкого населения из освобожденных от турок городов, а вместо него селились черногорцы. В Никшиче и Подгорице рынки были перенесены из мусульманских районов в центральную часть города. Новые центральные кварталы возникли также в Колашине, Баре и Ульцине. К началу XX в. Цетинье превратилось в город, а на месте поселений Риеки Црноевича, Даниловграда и Вирпазара также возникли небольшие города. Роль городов в экономике Черногории постепенно возрастала, но они в связи со слабым развитием промышленности по-прежнему продолжали оставаться главным образом торговыми центрами.

Присоединение к Черногории городов с относительно развитым ремеслом и торговлей способствовало экономическому подъему в стране. Согласно переписи 1881—1882 гг., в стране насчитывалось 286 различных ремесленных мастерских, из которых на долю Подгорицы приходилось 133, однако в 1900 г. число последних сократилось наполовину²³. Таким образом, ремесленное производство, не достигнув значительного развития, быстро начало клониться к упадку. Экономическая отсталость страны, узость внутреннего рынка, а также неспособность выдержать конкуренцию иностранных промышленных товаров приводили к тому, что многие ремесленники разорялись.

Слабое развитие ремесел среди черногорцев отмечалось в печати. Газета «Оногошт» в 1900 г. писала, что ремесленников в Черногории чрезвычайно мало, и ремесла находятся главным образом в руках албанцев и других иностранных подданных²⁴.

В 70—80-х годах XIX в. в Черногории были созданы первые промышленные предприятия. Насколько Черногория отстала в своем промышленном развитии, можно судить из сопоставления ее уровня с более развитыми капиталистическими странами. Возьмем в качестве примера Австро-Венгрию. В это время в основных отраслях промышленности Австро-Венгрии завершился промышленный переворот, а последовавшее вслед за ним быстрое развитие концентрации и централизации капиталов привело вскоре к появлению монополистических объединений. В Черногории развитие капитализма в промышленности переживало начальную стадию.

Прежде всего начали создаваться деревообрабатывающие предприятия. С 1873 г. в Риеке Црноевича работала лесопильня, принадлежавшая князю Николаю. В дальнейшем были построены лесопильни в районе Тары и других местах, богатых лесом. Однако лесные богатства страны разрабатывались слабо.

²² «Глас црногорца», 15.I 1911.

²³ М. Ђ у р о в и ћ. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 136—138; 141, 148.

²⁴ «Оногошт», 13.I 1900.

Потребность в боеприпасах привела к созданию оружейных мастерских в Цетинье и на Ободе, вблизи Риеки Црноевича. Оружейная мастерская в Риеке была переоборудована во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. с помощью русского артиллериста полковника И. Филипенко. Это было потемневшее от дыма низкое одноэтажное здание, где помещались плавильня и слесарня. Филипенко сам соорудил печь, меха и другие механизмы. Мастерская изготавливала снаряды и производила ремонт оружия, с которым черногорцы сражались против турок. Сначала в пей было занято два русских мастера, несколько итальянских рабочих и около десяти черногорских юношей в качестве подсобных рабочих. Впоследствии Филипенко обучил черногорцев, и они стали работать самостоятельно ²⁵.

В 80—90-х годах появились и предприятия пищевой промышленности. В 1881 г. в Никшиче была открыта фабрика по изготовлению сыра и масла, которые экспортировались за границу. В Ульчине производилось оливковое масло ²⁶. В 1896 г. стала работать небольшая пивоварня «Оногошт», однако изготавливаемое ею пиво было низкого качества и с трудом выдерживало конкуренцию с импортным ²⁷.

Все созданные предприятия были производствами мелкого, ремесленного типа, имели примитивное оборудование и на них работало лишь по нескольку рабочих (примерно по 10 человек).

На рубеже XIX и XX вв., когда капиталистический мир вступил в стадию империализма, в Черногории тоже произошли известные сдвиги, проявившиеся в создании сравнительно крупных для черногорских условий промышленных предприятий и кредитных заведений. Развитие торговли привело к относительной концентрации денежного капитала и возникновению банков. Рост банковского капитала в Черногории приходился главным образом на 1901—1910 гг., когда было основано пять банков, четыре из которых выросли на базе сберегательных касс.

Первым сравнительно крупным черногорским промышленным предприятием явилась мыловаренная фабрика, основанная в 1902 г. в Баре ²⁸. В этом же году в Подгорице завершилось строительство фабрики по производству шнура для народной одежды ²⁹. В 1903 г. в Цетинье была построена первая в стране мукомольная мельница с паровым двигателем, а в 1905 г. — вторая паровая мельница ³⁰.

Создание в Черногории промышленных предприятий и применение в производстве парового двигателя знаменовало собой новый этап в промышленном развитии страны.

Эти промышленные предприятия были созданы за счет накопления торгового и ростовщического капитала торговой буржуазией. Однако черногорским предпринимателям, каждому в отдельности, не хватало денежных средств, чтобы наладить производство на должном техническом уровне, поэтому они начали организовывать акционерные общества.

Акционерные общества объединяли небольшие капиталы.

В 1907 г. было решено превратить принадлежавшую Кривокапичу пивоварню «Оногошт» в акционерное общество с капиталом в 250 тыс. перперов, составленному из 2,5 тыс. акций. Спустя два года это мероприятие претворилось в жизнь. В 1909 г. завод был реконструирован и снабжен

²⁵ «Черногория и ее война с турками. Из воспоминаний д-ра А. В. Щербака», СПб., 1879, ч. I, стр. 32—33.

²⁶ М. Ђуровић. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 116—117.

²⁷ М. Ђуровић. Формирање акционарских друштава..., стр. 83—84, 97.

²⁸ М. Ђуровић. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 218.

²⁹ «Србин», 1902 г., № 103.

³⁰ «Глас црногорца», 1.XII 1903 и 23.IV 1905

современными машинами, после чего он стал производить ежегодно 85 тыс. л пива. На заводе было занято 11 рабочих. Значительно увеличился доход. В 1909 г. он составлял 5 792,46 перперов, а в 1910 г. — 8 120,63 перпера³¹.

В 1908 г. торговая буржуазия создала в Никшиче Промышленное акционерное общество, которое ставило своей целью строительство в Черногории промышленных предприятий. Однако этому акционерному обществу только в 1911 г. удалось открыть пивоваренный завод «Требеса». Он был оснащен новейшим для того времени оборудованием и вследствие этого стал успешно конкурировать с пивоварней «Оногошт»³².

Некоторые успехи были достигнуты и в лесопильной промышленности. Между Колашным и Подгорицей с 1910 г. стала функционировать лесопильня с паровым двигателем. Для обеспечения потребностей армии в обмундировании в том же году была построена в Даниловграде фабрика по изготовлению сукна.

Промышленные предприятия, создававшиеся в Черногории, были небольшие и, как правило, технически слабо оснащенные. Они ограничивались преимущественно переработкой сельскохозяйственных продуктов. Слабое развитие промышленности, помимо экономической отсталости и недостаточности капиталов, объяснялось отсутствием возможности у Черногории проводить протекционистскую политику. Начиная с 80-х годов XIX в., черногорское правительство, способствуя развитию торговли, заключило ряд договоров с капиталистическими странами, которым предоставило право беспошлинного ввоза в страну почти всех товаров и только с некоторых могло взимать пошлины не более 8% их стоимости. При наличии небольших денежных средств черногорские предприниматели не могли конкурировать с наводнявшими страну иностранными промышленными товарами.

Помимо промышленности, некоторый прогресс в Черногории наблюдался также в средствах связи. Однако вплоть до 1909 г. Черногория оставалась без железнодорожного сообщения. Начиная с 70-х годов XIX в. в Черногории происходило ускоренными темпами строительство гужевых дорог. До этого времени в стране имелась всего лишь одна дорога, соединявшая Цетинье с Котором³³. За 30 лет (с 1880 по 1910 г.) было построено 500 км дорог.

Проложенные дороги соединили наиболее важные экономические районы Черногории. Было установлено сообщение между Цетинье, Риекой Црноевича и Подгорицей. Дорога Подгорица — Никшич, соединив два самых значительных торговых центра страны, стала важнейшим торговым путем Черногории. Кроме того, Подгорица была соединена с Колашиным и Андриевицей. Дорога Вирпазар — Бар связала Адриатическое море и Скадарское озеро. Была установлена связь между Баром и Ульцинем³⁴.

Во время прокладки дорог работало около 1000—3000 человек. Условия труда были очень тяжелые. Дорожные работы в большинстве случаев производились в порядке государственной повинности, только в некоторых случаях труд оплачивался хлебом или деньгами. Часть дорог была построена на средства, отпущенные Россией³⁵. Австро-Венгрия

³¹ М. Ђуровић. Формирање акционарских друштава у Црној Гори..., стр. 85—88.

³² Там же, стр. 91, 93.

³³ П. Ровинский. Указ. соч., т. III, стр. 480.

³⁴ «Spasoje Medenica. Privredni razvitak Crne Gore. 1918—1941», Titograd, 1959, стр. 10.

³⁵ Н. С. Мартиновић. Почети радничког покрета у Црној Гори. — «Историјски записи», књ. XV, 1959, св. 1, стр. 15.

не чинила препятствий дорожному строительству в Черногории, что она могла бы делать в силу права, предоставленного ей статьей 29 Берлинского трактата.

Улучшение путей сообщения способствовало развитию товарооборота. Несмотря на общую экономическую отсталость, в Черногории, хотя и медленными темпами, происходило разложение натурального хозяйства и развивались товарно-денежные отношения. Однако процесс создания внутреннего рынка протекал очень медленно. Помимо слабой дифференциации крестьянства, рост торговли сдерживался в значительной степени состоянием путей сообщения. Проложенных дорог еще было недостаточно для налаживания нормального товарного обращения.

* * *

Самым крупным торговым центром Черногории была Подгорица. В 80-х годах XIX в. в ней насчитывалось около 230 лавок³⁶. На подгорицкий базар приезжали торговцы не только из всех районов Черногории, но и из Албании. Торговали главным образом скотом и солью. Во второй половине лета значительное место среди товаров занимали фрукты, в особенности виноград³⁷. Важную роль во внутренней торговле играл Никшич, где находился самый крупный в стране рынок по продаже скота³⁸. Даниловград славился своим хлебным базаром. Риека служила промежуточным пунктом в торговле Черногории со Скадаром³⁹. В Вирпазаре, кроме сельскохозяйственных продуктов, торговали вином, привозившимся из Црмницы⁴⁰. Были открыты базары в Шавинике, Грахове, Андриевице и Негушах.

Одновременно с оживлением городской торговли происходило также развитие сельской торговли и товарно-денежных отношений на селе. В 1881—1882 гг. в Черногории насчитывалось 88 сельских лавок, а в дальнейшем число их возросло, так что почти в каждом селе имелась одна, а в некоторых — несколько лавок. Много сельских лавок было в районе Никшича и Вирпазара.

Владельцы лавок приобретали иностранные промышленные товары через четвертые, а иногда и пятые руки. Затем эти товары продавались обычно крестьянам в кредит по цене, в пять раз превышавшей их действительную стоимость.

С развитием сельской торговли часть крестьян перестала покупать товары в городе, что уменьшило доходы от городской торговли. Поэтому городская торговая буржуазия выступила с требованием ликвидации лавок в сельских местностях. В «Гласе црногорца» писалось по этому поводу: «Большие убытки причиняет нашему народу торговля в селах: корчмы и сельские лавки... Много пользы принесет народу запрещение сельских корчм и лавок, а если допустить свободу торговли, то кто хочет торговать, пусть торгует в городе»⁴¹.

Идя навстречу интересам торговой буржуазии города, правительство издало в 1901 г. постановление о ликвидации сельских лавок. Однако административные меры не смогли ограничить сельскую торговлю. Многие торговцы, обходя этот закон, продолжали торговать в корчмах⁴².

³⁶ М. Ђуровић. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 134.

³⁷ Н. Кауларс. Заметки о Черногории. СПб., 1881, стр. 95.

³⁸ «Глас црногорца», 31.I 1888.

³⁹ А. И. Александров. По Адриатическому морю в Черногорию на торжество 14 июля 1898 года. Казань, 1894, стр. 37.

⁴⁰ Н. Кауларс. Указ. соч., стр. 106.

⁴¹ «Глас црногорца», 2.III 1891.

⁴² М. Ђуровић. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 156—157, 159—162.

Во внешнеторговой сфере Черногория продолжала оставаться в экономической зависимости от Австро-Венгрии. После Берлинского конгресса последние, оккупировав Боснию и Герцеговину, стремились к дальнейшим территориальным захватам на Балканах. Используя установившиеся торговые связи между Черногорией и австро-венгерской провинцией Далмацией с Бокой Которской, австрийский капитал попытался овладеть внутренним рынком княжества.

Первоначально немногочисленная черногорская торговая буржуазия не располагала необходимыми капиталами, чтобы скупать сельскохозяйственные продукты в стране и продавать их на иностранных рынках, так как в Черногории вплоть до начала XX в. не существовало ни одного кредитного учреждения. Торговая буржуазия пользовалась кредитом в банках Боки Которской или была вынуждена создавать смешанные торговые общества, где играла подчиненную роль.

В связи с отсутствием консульств черногорской торговой буржуазии при совершении коммерческих сделок за границей приходилось обращаться в австрийские консульства⁴³. Австро-Венгрия пользовалась этим обстоятельством, чтобы оказать давление на направление черногорского экспорта.

В сфере денежного обращения Черногории из-за отсутствия своей национальной валюты находились австрийские бумажные деньги (гульден и кроны)⁴⁴. Только в 1906 г. Черногория начала выпускать свои денежные знаки — перпер, приравненный к кроне.

Австро-Венгрия наводняла черногорский рынок своими промышленными товарами. Большая часть товаров поступала в Черногорию из Боки и Далмации в долгосрочный кредит. В уплату за купленный товар посылались черногорские сельскохозяйственные продукты. Австрийские фирмы брали их на комиссию и после продажи производили расчеты с черногорскими торговцами⁴⁵. Такая форма торговых отношений приводила к усилению экономической зависимости Черногории от Австро-Венгрии. В результате этого австрийский капитал занял господствующие позиции как во внутренней, так и во внешней торговле.

Правда, в конце XIX в. среди черногорской торговой буржуазии выделилась небольшая группа, которая располагала необходимыми денежными средствами и при закупке скота в стране стала обходиться без посредничества австрийских торговцев. В руках двух торговых домов Вулетича из Никшича и братьев Маричей из Колашина находилась значительная часть экспорта скота из Черногории⁴⁶. Вуко Вулетич вывез за границу в 1902 г. скота на сумму в 400 тыс. франков⁴⁷. Вулетич и Маричи скупали скот осенью, когда цены на него и другие сельскохозяйственные продукты падали. Благодаря коммерческим связям, имевшимся у этих торговых домов непосредственно с князем Николаем и правительством, они пользовались привилегиями при вывозе скота за границу. За счет торговли скотом происходило накопление капиталов и у других представителей торговой буржуазии.

Черногорская буржуазия пыталась создать и торговые акционерные общества. Однако это встретило противодействие со стороны правительства. Первые попытки создания торговых акционерных обществ не имели успеха. В Цетинье торговая буржуазия дважды безуспешно пыталась организовать такие общества: первый раз в 1894 г. — общество по торговле

⁴³ АВВР, ф. Политический архив (далее — ПА), 1892 г., д. 1545, лл. 51—51 об.

⁴⁴ Там же, лл. 6, 52 об.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 560, оп. 22, 1899—1903 гг., д. 230, л. 63.

⁴⁶ «Глас црногорца», 24.X 1898 и 16.X 1904.

⁴⁷ «Глас црногорца», 24.I 1904.

мясом — и второй — в 1904 г. Первое потребительское общество. Неудачной была также попытка организовать в Подгорице общество по торговле вином ⁴⁸.

В 1903 г. в Цетинье было создано Общество помощи ремеслу и торговле, на средства которого было обучено в Сербии, Хорватии и Чехии 200 черногорцев ⁴⁹. В 1907 г. оно открыло торговую школу в Черногории.

Значительную помощь в развитии торговли оказало Торговое объединение, созданное в 1904 г. по инициативе цетинских торговцев, ставивших своей целью облегчение условий для проведения торговых операций.

Наибольших результатов и влияния достигло торговое акционерное общество, основанное в 1907 г. в Никшиче. В то время Никшич, где находилось два пивоваренных завода, сберегательная касса и типография, играл значительную роль в экономике Черногории. Никшичское торговое акционерное общество оказывало помощь торговцам при экспорте и импорте товаров и совершении разных посреднических торговых сделок. Первоначально номинальный капитал общества равнялся 200 000 перперов (2 тыс. акций). Уже в 1909 г. годовой оборот капитала общества увеличился в три раза, а доходы за то же время возросли с 1 152,99 перперов до 37 444,78 перперов. После открытия филиала в Подгорице и представительства в Баре Общество стало оказывать содействие в торговых сделках не только своим членам, но и другим черногорским торговцам. В 1910 г. оно увеличило свой капитал до 500 тыс. перперов ⁵⁰.

Значительно больших успехов, чем в торговле, акционерные общества достигли в сфере кредита. В связи со слабым развитием промышленности и отсутствием промышленной буржуазии инициатором в создании кредитных учреждений выступила также торговая буржуазия. Основание банков было крайне необходимым для дальнейшего развития торговли и промышленности ⁵¹. Еще в 80-х годах XIX в. поднимался в печати вопрос о кредите. «Черногория, может быть, единственная страна в мире, — писалось в „Гласе црногорца“, — которая не имеет своего кредитного учреждения. Сколько терпит она убытка из-за отсутствия подобного заведения, может судить всякий, кто с этим имел дело, а между нами найдется мало тех, кто не ощутил бы это несколько раз» ⁵².

Первая ссудо-сберегательная касса была открыта в 1901 г. в Никшиче. В течение трех последующих лет она оставалась единственным кредитным учреждением в стране. В 1904 г. создается в Подгорице вторая ссудо-сберегательная касса, а вслед за ней открываются банки в Цетинье и Баре.

Основой деятельности первых ссудо-сберегательных касс Черногории служил краткосрочный кредит, преимущественно сроком от четырех до шести месяцев. По мере превращения ссудо-сберегательных касс в банки наряду с краткосрочным кредитом значительное место стали занимать текущие счета. Основные ресурсы банковского капитала состояли из вкладов и текущих счетов, которые, как обычно, представляли собой форму мобилизации внутренних денежных накоплений.

При создании Первой никшичской сберегательной кассы предполагалось, что ее основной капитал составит 200 тыс. крон за счет выпуска 2 тыс. акций, причем каждая акция стоила 100 крон. Владельцы акций

⁴⁸ М. Буровић. Формирање акционарских друштава у Црној Гори..., стр. 98—99.

⁴⁹ Н. С. Мартиновић. Указ. соч., стр. 8—9.

⁵⁰ М. Буровић. Формирање акционарских друштава..., стр. 102—103.

⁵¹ Не принимается во внимание «Црногорска заложница» (1864 г.), которая функционировала только шесть лет.

⁵² «Глас црногорца», 14 и 28.X 1884.

должны были выкупить их в течение четырех лет, по 25 крон ежегодно ⁵³. Однако многие подписчики медлили с уплатой взносов. Правление сберкасс вынуждено было обратиться за содействием к государственными властям, и в 1902 г. князь Николай издал распоряжение, что в случае неуплаты пайщиками по акциям погашение будет производиться судебным путем. Одновременно с этим Никшицкая сберегательная касса взяла в кредит в Сербском банке в Загребе 24 358 крон. Вслед за этим были установлены финансовые связи с Живнотенским банком в Праге и его филиалом в Триесте, с Белградским торговым банком и с Адриатическим банком в Триесте ⁵⁴.

Вложенный в эту кассу капитал за 1901—1904 гг. и полученная с него прибыль исчислялись в следующих цифрах ⁵⁵:

Годы	Основной капитал, в кронах	Прибыли, в кронах
1901	55 851	616
1902	133 672	7 827
1903	272 780	16 086
1904	376 268	22 418

За четыре года (1901—1904) капитал ссудо-сберегательной кассы в Никшиче вырос больше, чем в шесть раз, а ее доход за то же время увеличился в 36 раз. В 1905 г. она имела 35 412 крон дохода. Ее оборот исчислялся в 13 266 498 крон, в то время как в 1904 г. он составлял 3 389 963 кроны ⁵⁶. С 1901 по 1905 гг. ссудо-сберегательная касса имела 82 359 крон чистого дохода ⁵⁷.

Первая зетская сберегательная касса, открытая в 1904 г. в Подгорице, организовалась на тех же принципах, как и сберегательная касса в Никшиче. Основу ее деятельности также составлял краткосрочный кредит ⁵⁸.

Сберегательные кассы располагали небольшими капиталами. С развитием торговли и с установлением связей с иностранными рынками возникла потребность в основании банка. Он должен был обеспечить оборот между сберегательными кассами и иностранными кредитными учреждениями и создать возможность для черногорской буржуазии вступать в непосредственные сношения с иностранным рынком и, пользуясь кредитом в своем банке, освободиться от иностранных посредников.

Первый банк в Черногории, который получил название Черногорский банк, был открыт в 1905 г. в Цетинье. Номинальный капитал банка — 600 тыс. крон — был составлен из 3 тыс. акций (одна акция — 200 крон) ⁵⁹. Акции выпускались в три срока. Покупатели акций вносили наличными деньгами 30 % их стоимости. Остальная стоимость акций погашалась в рассрочку путем ежемесячных взносов по 20 крон за акцию. Кроме того, за каждую приобретенную акцию уплачивалось дополнительно по 3 кроны, предназначенные для покрытия расходов по учреждению банка ⁶⁰.

Большинство акций приобрели князь Николай и высшие чиновники, в том числе министерство финансов, племенные старейшины и крупные

⁵³ «Правила Прве никшичке штедионице», Никшић, 1901, стр. 3, 17.

⁵⁴ М. Ђуровић. Новчани заводи у Црној Гори, стр. 20, 27.

⁵⁵ «Глас пригорца», 12.III 1905 г.

⁵⁶ «Уставност», 16. II 1906 г.

⁵⁷ «Глас пригорца», 12.III 1905 г.

⁵⁸ До конца 1904 г. было выдано 433 займа общей стоимостью в 100 785 крон. В этом же году чистый доход кассы исчислялся в 863,10 крон, а в 1905 г. в 16 595,19 крон («Глас пригорца», 15.I 1905 и 11.II 1906).

⁵⁹ М. Ђуровић. Новчани заводи у Црној Гори, стр. 38.

⁶⁰ АВПР, ф. ПА, д. 1576, л. 126.

торговцы⁶¹. Поддержка банка правительством способствовала тому, что в сравнительно короткий срок он достиг значительных успехов. Черногорский банк сразу же стал центральным кредитным учреждением страны, в то время как сберегательные кассы в большинстве случаев ограничивали свою финансовую деятельность тем районом, где они находились.

В 1906 г. сберегательные кассы в Никшиче и Подгорице увеличили основные капиталы и наряду с Черногорским банком стали выполнять банковые операции, а касса в Подгорице получила название Подгорицкого банка. Деятельность черногорских банков особенно быстро стала развиваться после 1907 г. В этом году Черногорский банк в Цетинье открыл филиалы в Подгорице и Баре, а Подгорицкий банк — в Колашине и Вирпазаре. На следующий год Первая никшичская сберегательная касса также основала свои филиалы в Шавнике и Велимле.

За 1901—1909 гг. основной капитал черногорских банков увеличился почти в 44 раза: с 28 446,50 до 1 251 164,91 кроны⁶². В 1909 г. самыми крупными денежными средствами располагал Подгорицкий банк, на втором месте находилась Никшичская сберегательная касса, а затем Черногорский банк⁶³. Несмотря на увеличение основного капитала банки продолжали испытывать недостаток в денежных средствах, и их задолженность по текущим счетам превышала основной капитал. Сумма вкладов на хранение в 1901 г. составляла 1 705,28 крон; в 1909 г. — 1 532 617,12 крон⁶⁴.

По мере развития в Черногории товарно-денежных отношений банки все более брали на себя роль посредников в торговых сделках как внутри страны, так и за границей. Поскольку Черногорский банк являлся центральным кредитным учреждением, через него совершалась большая часть платежей. Вслед за ним шел Подгорицкий банк, где текущие счета в большинстве случаев имели торговцы из Подгорицы. Хотя Черногорский банк располагал в 2,5 раза меньшими денежными средствами, чем банк в Подгорице, в 1909 г. годовой оборот этих двух кредитных учреждений достиг почти одинаковых размеров: 55 218 103,22 и 60 611 783, 94 кроны⁶⁵.

Большую часть доходов банков составляли поступления в счет погашения процентов по краткосрочным займам и текущим счетам. Первоначально банки брали 10% в счет процентной ставки и 3% комиссионных вознаграждений. С ростом числа банков и увеличением конкуренции процентная ставка была снижена до 10—8%.

Торговая буржуазия и предприниматели пользовались значительным кредитом в банках. Однако в связи со слабым развитием промышленности большая часть займов носила потребительский характер. Крестьяне, пользовавшиеся кредитом в банках, обычно брали деньги не для улучшения хозяйства, а на покупку хлеба и другие домашние расходы. Они зачастую не могли расплатиться с долгами, в результате чего увеличилась продажа крестьянского имущества в погашение задолженности банкам.

⁶¹ М. Ђуровић. Новчани заводи у Црној Гори, стр. 39—40.

⁶² Там же, стр. 64.

⁶³

	Основной капитал, в кронах	Доходы, в кронах
Подгорицкий банк	542 344,47	77 416,70
Никшичская сберкасса	375 941,94	77 977,80
Черногорский банк	220 280,00	47 242,28

(Таблица составлена по данным из кн.: М. Ђуровић. Указ. соч., стр. 26, 34, 42).

⁶⁴ М. Ђуровић. Указ. соч., стр. 64.

⁶⁵ Там же, стр. 33, 41.

Чтобы уплатить проценты банку, крестьянин выпущен был обращаться к ростовщику, поэтому на селе по-прежнему процветало ростовщичество.

В противовес банкам была создана в Цетиње Народная сберегательная касса (1906 г.). Предполагалось, что эта сберкасса обеспечит кредитом непосредственно население, в первую очередь задолжавшее крестьянство. Правление сберкассы предоставляло краткосрочные кредиты (от 6 месяцев). Однако Народная сберегательная касса располагала небольшими средствами. Ее основной капитал никогда не превышал 100 000 перперов. Поэтому она не могла предоставить займы значительному числу лиц.

* * *

Основными предметами черногорского экспорта были скот, сушеное мясо, шерсть, кожи, сыр, а также оливковое масло, табак, сушеная рыба и в небольшом количестве древесина. Ввозились соль, оружие, некоторые ткани, растительное масло, напитки и в неурожайные годы хлеб.

Подавляющая часть черногорского экспорта направлялась в Австро-Венгрию. Черногория продолжала снабжать продуктами скотоводства население Боки Которской. Австро-Венгрия облагала черногорский экспорт высокими ввозными пошлинами. За каждого вола, который продавался на рынках Австро-Венгрии по 30 флоринов, Черногория уплачивала в счет пошлин 18 флоринов золотом, т. е. свыше 50 % стоимости ⁶⁶. Все попытки черногорского правительства добиться понижения тарифных пошлин оканчивались неудачей. В связи с этим широкое распространение получила контрабандная торговля. Так, в течение первых четырех месяцев 1890 г. из Черногории в Боку Которскую было доставлено 7 тыс. голов скота, из которых только за 140 голов была уплачена пошлина. Австрийские власти оказались бессильными в борьбе с контрабандой ⁶⁷.

Чтобы прекратить контрабандный провоз скота, австрийское правительство пыталось заключить в 1892 г. с Черногорией торговую конвенцию, при этом выдвигалось требование, чтобы все суда, плававшие под черногорским флагом, предъявляли патенты и судовые документы австрийским консульствам во всех портах, куда бы они ни заходили. Черногорское правительство отказалось подписать конвенцию, так как удовлетворение подобного требования повлекло бы за собой еще большее подчинение Черногории Австро-Венгрии ⁶⁸.

Черногория оказалась зависимой от Австро-Венгрии и в перевозке товаров по морю. Она не имела своего морского торгового флота, за исключением нескольких парусных судов. В 80-х годах XIX в. транспортировка грузов по Адриатическому морю находилась целиком в руках австро-венгерского общества «Ллойд», которое имело монопольное право на перевозку товаров. Общество «Ллойд» перевозило товары по очень высоким ценам ⁶⁹, что наносило ущерб черногорской торговле.

В 80—90-х годах Черногория установила торговые связи с целым рядом стран. В 1882 г. она заключила первый торговый договор с Великобританией ⁷⁰. Вслед за этим были подписаны договоры с Францией, Сербией, Италией, Германией, Турцией, Болгарией, Россией и другими странами. Хотя они были заключены на неравноправных условиях, подписа-

⁶⁶ «Глас пригорца», 22.II 1903.

⁶⁷ АВПР, ф. ПА, 1890 г., д. 1543, лл. 46—47.

⁶⁸ Там же, д. 1545, лл. 8—9.

⁶⁹ Там же, 1897 г., д. 1552, л. 12.

⁷⁰ «Глас пригорца», 9.V 1882.

ние этих договоров способствовало расширению внешних торговых связей Черногории.

В связи с развитием внешней торговли черногорское правительство назначило в 1892 г. своим консулом на острове Мальте, служившем перегрузочным пунктом в торговле с Англией, Гольтера — местного торговца, собственника нескольких пароходов.

В 1893 г. было открыто другое черногорское консульство — в Скадре ⁷¹.

Во Францию стал вывозиться мелкий рогатый скот. После заключения франко-черногорского торгового договора в 1892 г. вывоз скота во Францию увеличился в 10 раз ⁷². Через Марсель было ввезено из Черногории в 1891 г. — 3522 овцы, а 1902 г. — 25 000 овец ⁷³.

Расширению торговли с Италией способствовало установление в 1894 г. итальянским пароходным обществом «Пулья» регулярного морского сообщения с Черногорией. После этого значительно возрос вывоз скота в Италию. Так, в 1903 г. было вывезено 8 тыс. овец и 600 коров. Черногория стала также экспортировать в Италию шерсть, которая ранее возилась в Триест, где ее скупали итальянские фабриканты ⁷⁴.

В 1894 г. было основано в Подгорице английское торговое общество «Англо-Монтенегрин». Правление фирмы, возглавлявшееся Хамером, находилось на острове Мальте. Через Мальту фирма направляла в Англию крупный рогатый скот ⁷⁵. Помимо этого, фирма экспортировала из Черногории шерсть и оливковое масло ⁷⁶. Общество «Англо-Монтенегрин» открыло свои магазины в Подгорице, Риеке Црноевича, Плавнице и Негушах. В магазинах продавались товары, закупленные в Англии и Австро-Венгрии. В 1895 г. общество «Англо-Монтенегрин», действовавшее до 1904 г., наладило регулярное пассажирское сообщение по Скадарскому озеру и реке Бояне между следующими пунктами: Скадар — Плавница — Вирпазар — Риека и доставку почты до Подгорицы. На Скадарском озере курсировали три парохода ⁷⁷.

Расширение внешних торговых связей Черногории хотя и привело к сокращению объема экспорта в Австро-Венгрию, однако последняя по-прежнему оставалась основным потребителем черногорского скота. Несмотря на то, что в начале XX в. таможенные пошлины на все вывозимые в Австро-Венгрию сельскохозяйственные продукты были повышены в два раза, в 1903 г. в Боку Которскую и южную Герцеговину было вывезено 12 тыс. волов и 20 тыс. голов мелкого скота. Вместе с тем в этом же году экспорт в Турцию составил 20 тыс. голов мелкого скота ⁷⁸.

	Ввоз, в тыс. марок	Вывоз, в тыс. марок
Австро-Венгрия	3 000	1 000
Турция	1 200	140
Италия	95	275
Великобритания	55	28
Другие страны	30	18
Всего:	4 380	1 461

⁷¹ АВПР, ф. ПА, д. 1545, л. 51; д. 1546, л. 24.

⁷² «Важнији догађаји у држави године 1892». — «Грлица», Цетинье, 1893 г.

⁷³ «Глас црногорца», 30.XI 1891 и 24.I 1904 г.

⁷⁴ «Глас црногорца», 2. VII 1894 и 24. I 1904.

⁷⁵ В 1895 г. она вывезла из Черногории три партии волов. В дальнейшем экспорт крупного рогатого скота еще более возрос и в 1903 г. составил 1050 волов.

⁷⁶ АВПР, ф. ПА, д. 1545, лл. 52 об.

⁷⁷ М. Буrowић. Торговачки капитал у Црној Гори..., стр. 227—230; АВПР, ф. ПА, 1906 г., д. 1579, л. 1.

⁷⁸ «Глас црногорца», 24.I 1904.

Австро-Венгрия продолжала занимать господствующее положение как в экспорте, так и в импорте Черногории. Из приведенного ниже годового оборота внешней торговли Черногории за 1906 г. видно, что Австро-Венгрия ввозила и вывозила из Черногории в два раза больше, чем все остальные страны, взятые вместе ⁷⁹.

Несмотря на рост оборота внешней торговли Черногории, баланс ее все время оставался пассивным. Если в 1904 г. импорт Черногории был почти в два раза больше экспорта, то в 1907 г. он стал превышать его в пять раз ⁸⁰.

Годы	Ввоз, в кронах	Вывоз, в кронах
1904	4 000 000	около 1 700 000
1905	4 648 711	1 704 839
1906	5 079 094	1 810 893
1907	6 259 890	1 338 264

Вместе с тем с каждым годом все возрастали расходы Черногории по государственному бюджету. За 10 лет (с 1890 по 1900 гг.) эти расходы увеличились почти в два раза — с 759 380 гульденов до 1 302 155 гульденов ⁸¹. Основная часть расходов падала на содержание семьи князя Николая, армии и высшего чиновничества. На содержание княжеского двора ежегодно выделялось 143 919 гульденов. Наряду с этим Николай тратил на личные нужды значительную часть государственных средств. Постройка дворца наследного князя Данилы и его пышное свадебное празднество дорого обошлись государству, вызвав заключение новых займов ⁸². Несмотря на неурожай, постигший страну в 1901 г., князь Николай для поездки в Париж взял из государственной казны крупную сумму денег. В то же время с 1 января 1902 г. было объявлено, что в течение четырех месяцев не будет выплачиваться жалованье чиновникам ⁸³. За расходованием государственных денег не производилось никакого контроля. Главный государственный контроль был создан лишь в 1901 г. Бюджет до 1907 г. не обнародовался, но и после этого продолжалось беззаконие.

Недостаток своих доходов черногорское правительство пополняло за счет русских субсидий ⁸⁴ и иностранных займов. Уже в 70-х годах XIX в. внешний долг Черногории весьма возрос. Большая его часть приходилась на австрийские банки. Посредством займов Австро-Венгрия захватывала часть национальных доходов Черногории. Займы заключались на крайне

⁷⁹ «Levante. Handbuch», Berlin, 1910, S. 78.

⁸⁰ Т. Б о ж о в и ћ, Ј. Ђ о п о в и ћ. Црна Гора и напредни покрет. Београд, 1911, стр. 142.

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 230, лл. 59 об., 78.

⁸² АВПР, ф. ПА, 1902 г., д. 1567, лл. 217 об.—218, 244—245.

⁸³ Там же, лл. 2 об., 42.

⁸⁴ С 1878 по 1902 гг. Россия выплатила Черногории в качестве безвозмездных субсидий 37 млн. рублей («Биржевые ведомости», СПб., 27.VI 1912). В 1902 г. размер субсидий достиг 560 тыс. рублей в год. Из них на содержание черногорской армии пересылалось русским Военным министерством 331 тыс. рублей, в счет постоянной субсидии — 100 тыс. рублей и 20 тыс. рублей — князю Даниле по смете Министерства иностранных дел, на нужды народного просвещения — 29 263 рубля по смете Министерства народного просвещения и Синода и на погашение задолженности — 88 062 рубля по смете департамента государственного казначейства (ЦГВИА, ф. 2000, 1908—1909 гг., д. 363, лл. 10—12). В 1910 г. субсидия на военные расходы была увеличена русским правительством до 600 тыс. рублей (Н. Ш е р о в и ћ. Из односа Црне Горе и Русије.—«Историски записи», књ. XVI, 1959, св. 3—4, стр. 114).

невыгодных для Черногории условиях. Зачастую она была не в состоянии погасить свои долговые обязательства.

В 1889 г. для выплаты задолженности Австро-Венгрии русское правительство отпустило Черногории ссуду в размере 1 млн. рублей. В дальнейшем в течение 20 лет этот долг погашался путем удержания части субсидии (по 80 тыс. рублей ежегодно)⁸⁵.

В 1890 г. черногорское правительство снова заключило заем в австрийском Лендербанке (Вена) на сумму в 250 тыс. гульденов из 6% годовых и в обеспечение погашения долговых обязательств предоставило этому банку право контроля и взимания пошлин с ввозимых в страну соли и керосина⁸⁶. По займу, заключенному в 1893 г. в «Бодин кредит анштальт» в Вене на сумму 1 млн. гульденов, банку предоставлялось право эксплуатации всех черногорских лесов⁸⁷. Заключение этого соглашения сохранялось в тайне от народа, так как большинство лесных массивов Черногории находилось в собственности отдельных общин⁸⁸.

В 1895 г. внешний долг Черногории достиг 3040 тыс. франков⁸⁹. Для Черногории это была огромная сумма. Ее бюджет в 1895 г., согласно донесению русского дипломатического представителя в Цетинье, составлял 600 тыс. гульденов или 1,5 млн. франков (1 гульден=2,5 франка). Следовательно, внешний долг Черногории почти в два раза превышал ее годовой доход.

Большая часть долговых обязательств приходилась на «Бодин кредит анштальт», которому уплачивалось ежегодно 6% на основной капитал и 6% в счет погашения основного капитала, т. е. 240 тыс. франков. Банку «Оттоман» уплачивалось 6%, а остальным 7%⁹⁰.

В конце 90-х годов XIX в. общая сумма долга Черногории иностранным банкам настолько возросла, что правительство потеряло кредитоспособность. Значительная часть государственных доходов Черногории шла на погашение долговых обязательств. По мере увеличения общей задолженности в Черногории росли расходы по платежам процентов. Министерство финансов не составляло плана погашения долговых обязательств в целом и с наступлением срока платежа процентов лишь стремилось заключить новый заем, чтобы за счет его произвести уплату процентов по старым долговым обязательствам, а оставшуюся сумму употребить на текущие государственные расходы⁹¹.

Черногорское правительство, чтобы ликвидировать зависимость от австрийского финансового капитала, пыталось в 1895 г. сосредоточить все долговые обязательства в французских банках. Однако французские

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 2000, д. 363, л. 10 об.

⁸⁶ АВПР, ф. ПА, д. 1543, л. 56; 1901 г., д. 1563, л. 83 об.; д. 1566, л. 71. Соль поставлялась из Италии. Продажа керосина, который вывозился из России, до 1900 г. составляла государственную монополию.

⁸⁷ Леса в Черногории были сгруппированы в районе Никшича (5 млн. куб. м), Морачи (2 млн. куб. м), Колашина и Васовичей (6 млн. куб. м) (АВПР, ф. ПА, 1903 г., д. 1570, л. 369).

⁸⁸ Там же, д. 1563, л. 83 об.

⁸⁹ Можно назвать следующие займы (в тыс. франков):

«Бодин кредит анштальт» в Вене	2 000
«Оттоман» в Константинополе	200
Общество страхования жизни «Нью-Йорк» в Вене	140
«Маас и К°» в Одессе	700

⁹⁰ АВПР, ф. ПА, 1895 г., д. 1548, л. 22.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 230, лл. 79—79 об.

банкиры отказались предоставить заем⁹². За 1896—1897 гг. государственный долг Черногории вновь возрос. За это время правительство не уплатило ни годовых процентов по прежним займам, ни сумм, причитавшихся в погашение долга⁹³.

В 1897 г. для переговоров о заключении займа в Италию отправился министр финансов Матанович. Банк «Италия» соглашался предоставить заем в 4 млн. 700 тыс. франков из 5% годовых с условием погашения в течение 25 лет. Однако в обеспечение займа итальянские банкиры требовали от черногорского правительства предоставления им доходов от табачной монополии и от монополий соли и керосина и установления в Черногории постоянного итальянского контроля над своевременной уплатой черногорским финансовым ведомством процентов по займу. Черногорское правительство отказалось от заключения займа⁹⁴.

В 1898 г. князь Николай посетил Англию, где вел переговоры об открытии кредита в 4—5 млн. франков. Однако английские банкиры отказались предоставить заем. В том же году Черногории удалось добиться заключения займов в Константинополе, после чего ее долговые обязательства Турции составили 1260 тыс. франков⁹⁵.

В 1899 г. черногорское почтовое ведомство должно было возвратить австрийской почте полученные от нее авансы за переводы денег из Черногории в Австро-Венгрию в размере 600 тыс. гульденов, в то время как доход Черногории за этот год равнялся 700—730 тыс. гульденов⁹⁶. Австрийское правительство требовало от Черногории немедленного возмещения долга. Черногорское правительство было не в состоянии погасить этот долг. Все его попытки получить новый кредит в Европе остались без успеха⁹⁷.

Тогда австрийское почтовое ведомство прекратило прием переводов, поступающих из княжества. По требованию Австро-Венгрии Черногория должна была в обеспечение уплаты почтового долга передать австрийскому правительству право на доходы с навигации в Черногорском Приморье (порты Бар и Ульцин), достигавшие ежегодно 70 тыс. гульденов. Австрийскому правительству в случае неуплаты этих доходов давалось право назначить своего чиновника в Баре для контроля за поступлением доходов от судоходства⁹⁸.

В 1900 г. по просьбе князя Николая русское правительство предоставило Черногории ссуду в размере 750 тыс. рублей (2 млн. франков). Денежная помощь России избавила Черногорию от передачи Приморской области под контроль Австро-Венгрии. За счет этой ссуды Черногория погасила значительную часть своих долгов⁹⁹.

В 1900 г. доходы Черногории исчислялись в 881 662 гульдена¹⁰⁰, тогда как общая сумма государственного долга превышала их в четыре раза, достигая 3 290 778 гульденов¹⁰¹.

* * *

⁹² АВПР, ф. ПА, д. 1548, лл. 20—20 об.

⁹³ Там же, 1898 г., д. 1555, лл. 76—76 об.

⁹⁴ Там же, д. 1552, лл. 8, 9; д. 1555, лл. 9—9 об.

⁹⁵ Там же, д. 1555, л. 67; 1899 г., д. 1560, л. 14 об.

⁹⁶ Там же, д. 1558, лл. 12 об., 117; д. 1560, лл. 14—14 об.

⁹⁷ Там же, лл. 62 об., 111, 112 об., 116—117.

⁹⁸ Там же, 1900 г., д. 1561, л. 116.

⁹⁹ Там же, д. 1567, лл. 100—100 об.

¹⁰⁰ Там же, д. 1563, л. 279.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 230, л. 70.

На 1 января 1900 г. задолженность Черногории вместе с процентами выражалась в следующих цифрах:

В период империализма усилилась борьба между великими державами за господство на Балканах, в связи с чем Черногория все более стала привлекать к себе внимание Австро-Венгрии и Италии. Благодаря исторически сложившимся связям Черногория находилась под покровительством России, которая оказывала ей дипломатическую и денежную помощь. Однако русский капитал не был заинтересован в овладении экономическими позициями в Черногории.

Получив на Берлинском конгрессе (1878 г.) право оккупировать Боснию и Герцеговину, Австро-Венгрия стремилась расширить сферу своего влияния на Балканском полуострове. В планы австрийских империалистов входил захват Албании и укрепление позиций на Балканах, чтобы расчистить путь к Салоникам, крупнейшему порту Эгейского моря. Наряду с этим австрийский финансовый капитал добивался подчинения своему влиянию экономики балканских стран. В начале XX в. австрийские банки «Кредит анштальт» и «Лендербанк» контролировали значительную часть промышленности Болгарии, Румынии и Сербии.

В конце XIX в. произошло усиление экономической зависимости Черногории от Австро-Венгрии, которая подчинила своему влиянию ее внутреннюю и внешнюю торговлю. Одновременно с этим происходило проникновение австрийского капитала в Черногорию в форме предоставления ей займов.

В начале XX в. в борьбе за подчинение экономики Черногории активным конкурентом Австро-Венгрии выступила Италия, которая со времени Берлинского конгресса 1878 г. стала проявлять особый интерес к Черногории.

Италия рассчитывала использовать Черногорию в качестве союзника в борьбе с Австро-Венгрией за господствующее положение в бассейне Адриатического моря. Особый ее интерес к Черногории объяснялся тем обстоятельством, что княжество имело в территориальных водах Адриатического моря удобные стоянки для флота, в частности порт Бар, который итальянское правительство предполагало превратить в военно-морскую базу. Кроме того, Италия намеревалась воспользоваться черногорской территорией в качестве плацдарма в борьбе за Албанию и за укрепление своего влияния на Балканском полуострове. В расчеты итальянского правительства входило использование пограничной албано-черногорской полосы от Адриатического моря до границы Ново-Пазарского санджака как возможного театра военных действий на случай войны с Австро-Венгрией ¹⁰².

Отоманский банк	619 249 гульденов
Заем 3 (15) января 1898 г.	531 219 франков
Заем 10 (22) августа 1898 г.	294 743 »
Заем 12 (24) июля 1899 г.	20 866 турецких лир
«Боден кредит анштальт в Вене»	
Займы 1893 и 1895 гг.	967 057 гульденов
«Лендербанк»	194 022 гульденов
Заем 15 (27) апреля 1896 г.	132 371 »
Заем 26 июля (7 августа) 1896 г.	61 651 »
«Маас и К°»	23 416 »
	(18 386 рублей)
Почта в Цетинье	502 656 гульденов
Николич в Аграме	11 000 »
Внутренние долги княжества	242 623 »
Российский государственный банк	730 755 »
	(573 796 рублей)

Итого: 3 290 778 гульденов

¹⁰² АВНР, ф. ПА, 1901 г., д. 1564, л. 26 об.; 1905 г., д. 1576, лл. 12—13 об.

Во время пребывания князя Николая в Риме в ноябре 1904 г. были обсуждены с итальянским правительством основные вопросы итало-черногорских экономических и политических отношений и достигнуто устное соглашение, что в случае войны между Австрией и Италией Черногория выступит на стороне последней¹⁰³. В 1905 г. Италия оказала содействие в вооружении черногорской армии, передав ей безвозмездно 52 артиллерийских орудия и 4 полностью оснащенных переносных станции беспроволочного телеграфа. В дальнейшем между Черногорией и Италией велись переговоры по поводу заключения военно-политического соглашения. Хотя соглашение не было подписано, были обсуждены в деталях все вопросы предполагаемого военного союза и достигнута устраивающая обе стороны договоренность¹⁰⁴.

Установлению более тесных отношений с Италией способствовали также династические связи, возникшие в результате женитьбы итальянского короля на дочери князя Николая.

Вместе с тем начало XX в. ознаменовалось активным проникновением итальянского капитала в экономику Черногории. Итальянские предприниматели, желая извлечь прибыль из эксплуатации природных богатств Черногории, стали проявлять интерес к возможности размещения там своих капиталов. В реализации этих планов они пользовались поддержкой итальянского правительства. Русский поверенный в делах в Цетинье 23 января 1904 г. сообщил в Петербург, что министр иностранных дел Италии Титтони обещал поддержать домогательства итальянских капиталистов¹⁰⁵.

Итальянские геологи произвели в Черногории несколько геолого-разведочных экспедиций для определения возможности капиталовложений в ее экономику. В 1886 и 1891 гг. изыскания велись в Катунской и Риекской нахиях, а в 1901 г. — в нахиях Кучи и Васоевичи¹⁰⁶.

В 1900 г. в Сознии у подножья горы Суторман (Приморская область) австрийским инженером А. Дешковичем были обнаружены залежи «лимонита и манганеза», а также одновременно с этим в 20 км от Никшича — залежи пирита и бокситов¹⁰⁷.

После того как в Черногории были открыты полезные ископаемые, местная буржуазия попыталась наладить их разработку¹⁰⁸. Однако собственными усилиями ей ничего не удалось достигнуть, так как страна не располагала необходимыми денежными средствами и квалифицированными кадрами. Тогда же был подготовлен план введения в Черногории табачной монополии. При составлении его черногорское правительство обратилось за советом в Австро-Венгрию. Разработанный при содействии австро-венгерского Министерства финансов проект введения табачной монополии первоначально также не был осуществлен¹⁰⁹.

Вместе с тем правящие круги Черногории еще в конце XIX в. пытались привлечь иностранных капиталистов к разработке природных ресурсов страны. В связи с этим возник целый ряд проектов концессий по строительству в Черногории предприятий легкой промышленности, по переработке сельскохозяйственного сырья и разработке полезных

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 2000, 1906—1907 гг., д. 844, л. 33 об.

¹⁰⁴ АВПР, ф. ПА, д. 1576, л. 244; 1906 г., д. 1579, лл. 249—249 об.

¹⁰⁵ Там же, 1904 г., д. 1573, л. 18.

¹⁰⁶ М. Бу ров и ћ. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 232—234.

¹⁰⁷ АВПР, ф. ПА, д. 1561, л. 169 об.

¹⁰⁸ Там же, д. 1579, л. 38.

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, 1901—1907 гг., д. 254, л. 61 об. Единовременные затраты на введение монополии исчислялись проектом в 940 тыс. крон, причем предполагалось, что доход будет равняться 1 млн. 300 тыс. крон, расходы на содержание и обслуживание — 600 тыс. крон, а чистый доход составит 700 тыс. крон (там же, л. 53 об.).

ископаемых. Чтобы заинтересовать иностранных предпринимателей в заключении подобных концессий, черногорское правительство соглашалось на удлинение рабочего дня, уступало за бесценок сырье и освобождало от пошлин ¹¹⁰.

Путем предоставления концессий князь Николай и черногорское правительство рассчитывали найти новые источники дохода для ликвидации финансового кризиса в стране. За счет строительства предприятий они надеялись добиться уменьшения эмиграции, принявшей в начале XX в. катастрофические размеры.

В 1900 г. австрийский инженер А. Дешкович, обнаруживший полезные ископаемые в Приморской области и в районе Никшича, разработал проект концессионного договора, который включал разработку минеральных богатств Черногории, постройку узкоколейной железнодорожной линии между Никшичем и Баром и оборудование порта в Баре ¹¹¹. Черногорское правительство предоставило Дешковичу концессию. Однако он не располагал денежными средствами для налаживания производства. В дальнейшем Дешкович от имени Черногории выступил посредником в переговорах с иностранными капиталистами по привлечению их к разработке естественных богатств княжества.

По этому поводу Черногория первоначально повела переговоры с Россией, Бельгией, Голландией и Францией. После безуспешной попытки найти там средства для строительства предприятий, черногорское правительство обратилось к Италии. Черногория опасалась предоставить концессию австрийским капиталистам, понимая, что усиление экономической зависимости повлечет за собой ее политическое подчинение Австро-Венгрии ¹¹².

В 1901 г. черногорское правительство предоставило итальянским предпринимателям А. Балдачи, Бартаньи и Майинета концессию на сооружение фабрики по производству мыла, свечей и спичек, освободив концессионеров от уплаты пошлин. На следующий год Балдачи получил разрешение на постройку кожевенной фабрики ¹¹³.

Вместе с тем было решено приступить к реализации табачной монополии. С этой целью черногорское правительство обратилось к управлению итальянской табачной монополии «Режи» с предложением приобрести право на закупку табака в Черногории. Для ознакомления с посевами табака и его качеством «Режи» направило в Черногорию своих чиновников ¹¹⁴. Результатом этой поездки явилась закупка в 1901 г. в Подгорице инспектором Министерства финансов Италии 12 тыс. кг табака ¹¹⁵.

В 1902 г. для переговоров о заключении концессий в Черногорию прибыл итальянский предприниматель Р. Реведини. Он представлял группу итальянских капиталистов: Паганини, Вольпи и Феррари. Итальянцами был выработан новый проект концессий, который объединял разработанные ранее концессии, в том числе и концессии Дешковича. Согласно проекту, в первую очередь нужно было осуществить табачную монополию. Вместе с тем планировалось создание концессий по эксплуатации лесов и добыче полезных ископаемых. Для облегчения экспорта леса и налаживания производства итальянцы предлагали провести железнодорожную линию от Никшича, возле которого находились залежи полез-

¹¹⁰ АВПР, ф. ПА, д. 1564, л. 9 об.

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. 560, 1901—1907 гг., д. 254, лл. 61 об.—62.

¹¹² Г. В у к о в и Ъ. Одломак из дипломатских односа с Русијом. Три наша сукоба с руском дипломацијом. Цетиње, 1928, стр. 24—25.

¹¹³ М. Б у р о в и Ъ. Трговачки капитал у Црној Гори..., стр. 232—233.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 254, л. 53 об.

¹¹⁵ «Глас црногорца», 6.X 1901.

ных ископаемых и лесные массивы, к порту Бар и произвести оборудование этого порта ¹¹⁶.

18(31) января 1903 г. председатель Государственного совета Черногории дал предварительное согласие Р. Реведини, Д. Вольпи и Р. Паганини на введение в княжестве табачной монополии и предоставил прелиминарную концессию по эксплуатации лесов в районе Никшича. Одновременно с этим князь Николай согласился на проведение в дальнейшем переговоров относительно железнодорожного строительства, после чего итальянцы получили право произвести изыскания для исследования возможности проведения железнодорожной линии от Никшича к Бару и оборудования порта в Баре ¹¹⁷. После возвращения Реведини из Черногории в марте 1903 г. в Италии был создан Итало-черногорский синдикат под председательством Фоскари.

Закон о передаче итальянским предпринимателям табачной монополии был подписан 18 мая 1903 г. ¹¹⁸ До издания этого закона каждый черногорец мог возделывать табак в любом количестве и свободно продавать его на рынке. Вывоз табака за границу являлся важной статьей черногорского экспорта. Годовой оборот торговли табаком исчислялся суммой от 1 млн. 200 тыс. до 1 млн. 600 тыс. динаров ¹¹⁹.

Для проведения в жизнь табачной монополии было создано анонимное общество («Задружна режия црногорског дувана»), основным капитал которого составлял 1,5 млн. франков золотом. Правление общества помещалось в Венеции и целиком находилось в ведении итальянских капиталистов ¹²⁰.

Черногорское правительство не имело права контролировать финансовую деятельность общества. Весь руководящий состав управления и квалифицированные чиновники назначались из итальянцев. Черногория поставляла обществу сырье, рабочую силу и низших чиновников.

Эта итальянская компания построила в Подгорице табачную фабрику. Администрация на фабрике состояла целиком из итальянцев, в то время как ее работницы (около 150 человек) были черногорками ¹²¹.

Правление табачной монополии имело право определять районы, где допускалось возделывать табак, давать разрешения на посадку табака, назначать скупочные цены и указывать время скупки табака, а также определять его сорта ¹²².

По соглашению, заключенному между черногорским правительством и итальянской компанией, последняя приобретала неограниченные возможности ограбления Черногории. Доход общества распределялся следующим образом: от продажи табака на внутреннем рынке черногорское правительство получало 80 % дохода, а итальянская компания остальные 20 %; от дохода за вывезенный из страны табак черногорскому правительству выделялось 20 %, а компания получала 80 %. Пользуясь этим, компания вывозила из Черногории первосортный табак и продавала его на иностранных рынках, а в Черногорию ввозила низкосортные табачи ¹²³.

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 254, л. 62.

¹¹⁷ АВПР, ф. ПА, 1903 г., д. 1570, л. 27 об.

¹¹⁸ Закон о введении в Черногории табачной монополии был обнародован 19 июля 1903 г. См. «Глас црногорца», 19.VII 1903.

¹¹⁹ Т. Б о ж о в и ћ, Ј. Б о н о в и ћ. Указ. соч., стр. 154; «Глас црногорца», 27. XI 1893.

¹²⁰ Г. В у к о в и ћ. Указ. соч., стр. 27.

¹²¹ АВПР, ф. ПА, д. 1576, лл. 171—172.

¹²² «Глас црногорца», 19.VII 1903; «Закон о монополии дувана у књажевини Црној Гори», Цетинье, 1903, стр. 8, 9, 14, 16, 20, 40.

¹²³ «Народна мисао», 8.X 1906.

Торговля табаком до введения монополии производилась обычно в сентябре. Правление табачной монополии стало скупать табак только в январе, когда крестьяне особенно нуждались в деньгах и обычно были вынуждены продавать его за бесценок. Кроме того, от долгого хранения табака у производителей он портился и терял ценность¹²⁴.

От табачной монополии, находившейся в руках итальянской компании, терпели убытки как производители, так и потребители табака. Табак скупался у производителей по пониженным ценам, а после переработки на итальянской фабрике продавался по высоким ценам¹²⁵.

Табачная монополия вызывала недовольство среди черногорского народа. Произвол чиновников итальянской компании привел к тому, что черногорцы стали отказываться разводить табак. После введения монополии общая площадь посевов табака в Черногории резко сократилась. В 1903 г. под посевами табака было занято 4030 рал (725,4 га) земли, а в 1907 г. — лишь 900 рал (162 га). Таким образом, за четыре года посевы табака в Черногории сократились почти в 4,5 раза¹²⁶.

Чтобы не продавать табак итальянской компании, черногорцы уничтожали посевы или скрывали их для контрабандной торговли¹²⁷. Контрабандная торговля табаком после введения в Черногории табачной монополии получила большое распространение. Министр финансов, защищая интересы итальянских капиталистов, издал циркуляр, строго запрещающий контрабандный провоз табака. Циркуляр давал право жандармам и чиновникам останавливать любого человека на улице, обыскивать на месте и, если окажется у него контрабандный табак, сажать в тюрьму¹²⁸.

20 июля 1905 г. черногорским правительством был издан новый закон о табачной монополии, предоставлявший еще большие привилегии итальянской компании по сравнению с теми, которыми она пользовалась по закону 1903 г.¹²⁹ Согласно закону 1905 г., в княжестве учреждалась специальная жандармерия, предназначенная для наблюдения за исполнением постановлений управления табачной монополии¹³⁰. Часть жандармерии находилась исключительно в ведении итальянской компании, а другая часть — в распоряжении областных управлений Черногории.

Все органы власти должны были оказать содействие проведению в жизнь закона о табачной монополии. Государственные чиновники в случае нарушения этого закона подлежали суду Государственного совета¹³¹.

Закон о табачной монополии, изданный в 1905 г., усиливал меры наказания, применяемые в борьбе с контрабандной торговлей табаком. Статья 55 этого закона предоставляла широкий простор произволу чиновников итальянской компании. В ней указывалось, что за контрабандную торговлю табаком подлежит наказанию не только тот, кто будет пойман на месте преступления, но и тот, чья виновность будет установлена позже свидетельскими показаниями или другими какими-либо способами¹³². Местные власти обязывались производить обыски в жилищах подозреваемых в контрабандной торговле табаком и во всех общественных ме-

¹²⁴ «Народна мисао», 8.X 1906.

¹²⁵ АВПР, ф. ПА, д. 1579, лл. 11—12.

¹²⁶ Ја. Јовановић. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црне Горе од почетка VIII в. до 1918 г. Цетиње, 1947, стр. 348.

¹²⁷ АВПР, ф. ПА, д. 1579, л. 9.

¹²⁸ Там же, л. 10.

¹²⁹ «Закон о монопољу дувана у књажевини Црној Гори», Цетиње, 1905; АВПР, ф. ПА, 1906 г., д. 1579, л. 17.

¹³⁰ «Закон о монопољу дувана» (1905), стр. 24, ст. 46.

¹³¹ Там же, стр. 30, ст. 64.

¹³² Там же, стр. 29, ст. 55.

стах. Все те, кто нарушали закон, подлежали наказанию — штрафу в размере от 30 до 500 крон или тюремному заключению от восьми дней до шести месяцев¹³³.

Правление монополии и местные власти, согласно закону 1905 г., имели право чинить расправу над нарушителями этого закона без участия судебных органов¹³⁴. Правление монополии обычно посылало областным правителям списки лиц, нарушивших, по его мнению, закон о табачной монополии. Областные управления подвергали наказаниям нарушителей закона, занесенных в списки, и возвращали эти списки чиновникам монополии с приложением денег, собранных в виде штрафов, которые распределялись следующим образом: одна треть шла в пользу Министерства финансов, она треть — управлению монополии и одна треть — тем, кто обнаружил нарушения закона¹³⁵.

Чрезвычайные меры, принятые черногорским правительством в интересах итальянской компании, не сократили контрабандную торговлю табаком. За три месяца, с января по март 1906 г., в Черногории было совершено 58 нарушений закона о табачной монополии (контрабанда). Денежный штраф, взысканный с виновных, достиг 10 680 крон¹³⁶. Крестьяне продолжали выступать против табачной монополии, которая ложилась на их плечи тяжелым бременем. Между ними и чиновниками монополии часто происходили споры, которые нередко кончались драками. Тюрьмы были переполнены недовольными табачной монополией¹³⁷. Чтобы как-нибудь поднять престиж монополии, черногорское правительство договорилось с итальянской компанией о досрочной передаче Черногории главного здания монополии, которое находилось в Подгорице. Оно было построено итальянской компанией и, в соответствии с соглашением, должно было быть передано через 15 лет¹³⁸.

Правящая верхушка Черногории получала подачки от итальянской компании. Компания тайно выплачивала черногорскому министру финансов особое жалованье и выделила ему определенный пай за счет доходов от табачной монополии. Черногорское правительство неоднократно получало займы от итальянской компании и к 1906 г. задолжало ей 3 млн. крон¹³⁹.

Итальянская компания, получив значительные прибыли от табачной монополии, попыталась извлечь еще большие доходы от эксплуатации природных ресурсов Черногории, а именно от концессии на железнодорожное строительство, оборудования порта в Баре и разработки полезных ископаемых. В 1904 г. компания представила новый проект концессий. Итальянские предприниматели предлагали провести железнодорожную линию от Бара к Вирпазару и далее до Ниша через Беране и Митровицу. Вместе с этим они добивались концессии по урегулированию течения реки Бояны, а также права на эксплуатацию лесов в Колашине и всех минеральных богатств страны.

Железнодорожная линия Бар — Ниш должна была пройти по территории Черногории до турецкой границы и далее в пределах Турции и имела для Италии важное стратегическое значение. Владея этой дорогой и течением реки Бояны, Италия тем самым укрепляла свое влияние не только в Черногории, но и в Старой Сербии и Албании, которые находи-

¹³³ Там же, стр. 26, ст. 49.

¹³⁴ «Закон о монополии дувана...» (1905), стр. 26, ст. 50.

¹³⁵ Там же, стр. 27, ст. 51, 52.

¹³⁶ «Уставность», 23.III 1906.

¹³⁷ АВПР, ф. ПА, д. 1579, лл. 9—10 об.

¹³⁸ Там же, л. 10 об.

¹³⁹ Там же, лл. 9 об., 11—13.

лись под турецким гнетом. Проникновение в эти районы являлось постоянным стремлением Италии.

Условия концессии итальянской компании не были приняты черногорским правительством. Последнее заявило, что оно не может решать вопроса о проведении железной дороги, которая в большей своей части пройдет не по территории Черногории. Правительство не считало возможным также входить в переговоры по поводу урегулирования течения реки Бояны, поскольку она частично протекала по турецкой территории. Итальянской компании было предложено пересмотреть план концессии и представить на рассмотрение черногорского правительства лишь проекты, касающиеся исключительно одной Черногории ¹⁴⁰.

Проникновение в Черногорию итальянского капитала встретило сопротивление Австро-Венгрии. Итальянские и австрийские капиталисты выступили конкурентами в вопросе о заключении соглашения на постройку железной дороги и оборудование порта в Баре. Австрийские предприниматели, начавшие по этому поводу переговоры с Черногорией, пользовались поддержкой своего правительства. 15 февраля 1905 г. они передали через австрийского посланника в Цетинье лично князю Николаю предложение на заключение концессии. В предложенном ими проекте предлагалось построить железнодорожную линию от Подгорицы до Адриатического моря без всякой гарантии о возмещении расходов со стороны Черногории. Взамен этого они потребовали предоставления им свободного выбора направления железнодорожной линии и порта, к которому она будет подведена.

Несмотря на выгоды австрийского проекта с финансовой стороны, черногорское правительство не намеревалось его принять, так как проведение железнодорожной линии к какому-либо порту Австро-Венгрии направило бы черногорский экспорт через австро-венгерскую территорию и грозило еще большим экономическим порабощением Черногории со стороны Австро-Венгрии. Черногорское правительство повело переговоры с австрийскими капиталистами лишь для того, чтобы вынудить итальянскую компанию пойти на уступки ¹⁴¹.

В марте 1905 г. между председателем Государственного совета Черногории воеводой Божо Петровичем и председателем итальянского синдиката графом Фоскари состоялось соглашение о предоставлении концессии на оборудование порта в Баре и постройку узкоколейной железнодорожной линии из Бара к Скадарскому озеру. Черногорское правительство вынуждено было принять на себя гарантию части дохода от предприятия ¹⁴².

Соглашение не было оформлено договором. Государственный совет сформулировал основные условия концессии, о которых Божо Петрович известил Фоскари в письме от 3 февраля 1905 г. Концессия по оборудованию и эксплуатации порта в Баре предоставлялась сроком на 50 лет, а для железной дороги — на 75 лет, с правом выкупа сооружений Черногорией на условиях, которые должны быть разработаны впоследствии. Для реализации строительства предполагалось создать Черногорское анонимное общество с первоначальным капиталом в 2 млн. лир (франков). Фактически руководство обществом передавалось итальянским капиталистам. В Совете, возглавлявшем общество, черногорское правительство имело только одного представителя, который мог осуществлять контроль за ходом работ и эксплуатацией сооружений.

¹⁴⁰ АВПР, ф. ПА, д. 1573, лл. 19—19 об., 53—53 об.

¹⁴¹ Там же, д. 1576, лл. 12 об.—13.

¹⁴² Там же, лл. 36 об.—37 об.

Черногорское правительство, в соответствии с соглашением, предоставляло в распоряжение синдиката строительные материалы и рабочую силу. На все время концессии государственные и общинные земли, оказавшиеся на территории концессии, бесплатно переходили в пользование синдиката. Частные земли отчуждались за счет синдиката ¹⁴³.

Доходы от Барского порта с момента окончания строительства и начала его эксплуатации должны были полностью поступать в распоряжение синдиката. Чистая прибыль от эксплуатации порта и железной дороги должна была делиться пополам между черногорским правительством и синдикатом за исключением 5% от прибыли, которые отчислялись на погашение капитала, затраченного на строительство обоих предприятий. Если бы доходы от эксплуатации порта и железной дороги не достигли 5% первоначального капитала, то черногорское правительство должно было доплатить половину недостающей суммы ¹⁴⁴.

Одновременно с заключением соглашения к итальянской компании перешло пассажирское и почтовое пароходное сообщение по Скадарскому озеру. Правление компании выкупило у общества «Англо-Монтенегрин» принадлежавшие ему перевозочные средства. Кроме того, черногорское правительство продало итальянской компании за 45 тыс. франков паровод, несколько барж и склады для товаров. Вместе с тем итальянское правительство предложило компании доставку через Бар почты, направляемой из Скадара в Италию, с ежегодной субсидией в 30 тыс. франков за перевозку ее по Скадарскому озеру и 20 тыс. франков за доставку в Бар ¹⁴⁵.

Итальянская компания приступила к устройству радиотелеграфной связи в Подгорице. На итальянском языке стали поступать в Цетинье из черногорского консульства в Триесте телеграммы венского корреспондентс-бюро, передававшиеся ранее на французском языке. Нововведение было вызвано желанием сэкономить 4—5 тыс. крон ¹⁴⁶.

Концессия, предоставленная черногорским правительством итальянской компании, фактически отдавала в ее распоряжение все природные богатства страны. Итальянские предприниматели получали бесплатно почти все необходимое для строительства порта и железной дороги. Такие ценные породы деревьев, как буквый лес, продавались концессионерам за бесценок. За них компания уплатила Черногории 125 тыс. гульденов, тогда как ежегодная прибыль от эксплуатации этих лесов достигала 1,5 млн. франков (600 тыс. гульденов) ¹⁴⁷.

При заключении соглашения с итальянской компанией черногорское правительство получило ссуду в размере 1 млн. крон на осуществление табачной монополии. По этой ссуде оно должно было уплачивать компании ежегодно 6%, что составляло 60 тыс. крон. Кроме того, по условиям соглашения черногорское правительство гарантировало доход в размере 5% на капитал в 12,5 млн. крон, затраченный компанией на постройку железной дороги и оборудование порта. Следовательно, в случае полной бездоходности концессионных предприятий черногорское правительство должно было уплачивать ежегодно итальянской компании около 650 тыс. крон, а с процентами по ссуде — свыше 700 тыс. крон. Между тем весь доход Черногорского княжества от налоговых поступлений равнялся 1 млн. 200 тыс. крон в год. Таким образом, могло создаться положение,

¹⁴³ Там же, д. 1576, лл. 40 об.—41.

¹⁴⁴ Там же, д. 1579, л. 173.

¹⁴⁵ Там же, д. 1576, лл. 97—97 об.

¹⁴⁶ Там же, д. 1579, лл. 2 об.—3.

¹⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 254, лл. 54 об.—55 об.

когда черногорское правительство должно было бы ежегодно выплачивать итальянской компании сумму, равную $\frac{3}{5}$ всего дохода княжества ¹⁴⁸.

Более того, черногорское правительство передало итальянской компании на длительный срок право не только на эксплуатацию минеральных богатств страны, но и на геологическую разведку по всей Черногории и на использование тех полезных ископаемых, которые могут быть открыты в будущем. Тем самым правительство способствовало разграблению национальных богатств страны.

В марте 1905 г. после торжественного открытия начала строительных работ в Баре итальянская компания приступила к оборудованию порта. Производимые ею работы не контролировались черногорским правительством. Предполагалось урегулировать течение реки Бунар-Рикавца и произвести осушение Барской равнины, чтобы избежать заболевания лихорадкой. Затем планировалось приступить к оборудованию порта и изучению вопроса о постройке железной дороги ¹⁴⁹.

Первоначально строительство производилось медленными темпами. В Баре во время изыскательных работ не был исследован грунт морского дна. Вследствие этой оплошности после сооружения 30 м мола обнаружили, что он построен на топком грунте, и конец мола погрузился в воду. К середине 1906 г. было проложено всего лишь 60 м железнодорожного туннеля ¹⁵⁰.

Министр финансов Радович в разговоре с русским военным агентом в Черногории Потаповым сообщил ему, что в Баре в первую половину 1906 г. на строительстве было занято 800 черногорцев, а в июне 1906 г. их численность предполагалось увеличить до 3 тыс. человек. Потапов, посетив Бар, подверг сомнению эти данные. Он утверждает, что на строительстве работало не более 350 человек. По возвращении в Цетинье экипаж Потапова неоднократно останавливали изголодавшиеся люди. Из их слов выяснилось, что ежедневно приходило в поисках работы около 200 человек, которые, получив отказ, возвращались домой ¹⁵¹.

Рабочие подвергались жестокой эксплуатации со стороны итальянских предпринимателей. Они размещались в бараках, многие из-за недостатка жилья ночевали под открытым небом. Плохие санитарные условия и недоедание часто вызывали массовые заболевания. Больные и получившие на работах увечья немедленно увольнялись ¹⁵².

14(27) июня 1906 г. Черногорское анонимное общество было преобразовано в Барское общество, капитал которого достиг 4 млн. крон. После этого работы по оборудованию Бара стали производиться более энергично. Несмотря на крайне тяжелый грунт, на Суторманском перевале к сентябрю 1906 г. было пробито 100 м железнодорожного туннеля. В 1906 г. порт Бар дал 50 тыс. крон дохода ¹⁵³. В 1909 г. было завершено сооружение узкоколейной железнодорожной линии Бар — Вирпазар, а на следующий год окончены работы по оборудованию порта.

* * *

Таким образом, в Черногории после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в которой участвовали черногорцы на стороне России, наблюдался некоторый экономический прогресс в промышленности и торговле.

¹⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 254, лл. 64—64 об.

¹⁴⁹ АВНР, ф. ПА, д. 1576, л. 39 об.

¹⁵⁰ Там же, д. 1580, лл. 52—53.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. 2000, д. 844, лл. 71—71 об.

¹⁵² АВНР, ф. ПА, 1906 г., д. 1580, л. 94.

¹⁵³ ЦГВИА, ф. 2000, д. 844, лл. 72, 92 об.—93.

В начале XX в. в княжестве были созданы первые сравнительно крупные для черногорских условий промышленные предприятия и образованы акционерные общества. Эти общества, объединяя небольшие капиталы, способствовали мобилизации денежных средств, необходимых для развития промышленности и торговли. Особенно плодотворной была деятельность акционерных обществ при создании кредитных учреждений. Вместе с тем увеличился объем внутренней и внешней торговли. Кроме Австро-Венгрии и Турции, Черногория установила торговые связи с Англией, Францией, Италией и другими странами. Проникновение капиталистических отношений вызвало появление в Черногории новых социальных групп: сельской буржуазии и городской торговой буржуазии, зарождались промышленная буржуазия и рабочий класс.

Однако переход к капиталистическим формам хозяйства происходил крайне медленно. В начале XX в. Черногория продолжала оставаться отсталой аграрной страной. Сельское хозяйство — основная отрасль ее экономики — находилось в состоянии застоя. Возникшие в Черногории промышленные предприятия вследствие слабой технической оснащённости ограничивались производством продуктов для внутреннего потребления, да и на внутреннем рынке они не выдерживали конкуренции наводнявших страну иностранных промышленных товаров. Черногорские кредитные заведения не удовлетворяли спроса в кредите.

Князь Николай и черногорское правительство не проводили протекционистской политики для облегчения развития сельского хозяйства и промышленности страны. Предоставляя привилегии отдельным торговцам и запрещая открытие сельских лавок, они тем самым искусственными мерами сужали размах торговли. Вместе с тем, желая извлечь денежные средства, правящая верхушка Черногории стала на путь заключения займов и предоставления концессий иностранным капиталистам.

Отсталая Черногория после Берлинского конгресса попала в еще большую экономическую зависимость от Австро-Венгрии, которая заняла господствующие позиции в ее внутренней и внешней торговле. Австрийский капитал проникал в Черногорию также в виде займов, погашение которых ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся. Несмотря на значительную денежную помощь, оказываемую Черногории со стороны России, задолженность Черногории Австро-Венгрии достигла больших размеров.

В начале XX в. в Черногорию начал проникать итальянский капитал, встретивший на своем пути конкуренцию со стороны австрийского капитала, что было проявлением борьбы Австро-Венгрии и Италии за распространение своего политического влияния на Балканы. Итальянский капитал хищнически эксплуатировал материальные и природные ресурсы страны, а его проникновение в экономику княжества приводило к усилению политической зависимости Черногории от Италии.

Й. Плавец (Прага)

«ПРАЖСКИЙ ГЛАГОЛ» (1861—1961 гг.) И РУССКАЯ МУЗЫКА

Хоровое пение с давних времен является в Чехии одним из наиболее широко распространенных и любимых видов искусства. Об этом свидетельствуют уже средневековые хоралы, а позже — революционные гуситские песни. С XVI в. в Чехии развивается полифоническое, многоголосное пение, культивируемое в демократических организациях так называемых литературских братств, что означало распространение хорового пения не только в городах, но и в сельских местностях. Большая заслуга в этом принадлежит чешским канторам, просвещенным сельским учителям, воспитывавшим у молодежи любовь к хоровому пению. Они превратили храмы в постоянные концертные залы, где народ мог бесплатно слушать произведения чешских и зарубежных классиков.

В Праге, несмотря на то, что она была в то время не столицей самостоятельного государства, а лишь центром одной из земель Австрийской монархии, уже с XVIII в. звучали оратории и кантаты великих композиторов, исполняемые хорами пражских храмов, объединявшихся при этом с хором оперы Сословного — тогда еще немецкого — театра. В начале XIX в. с развитием буржуазии и в процессе постепенной демократизации общественной жизни начинают возникать и постоянные объединения, занимающиеся исключительно хоровым пением и организацией концертов. В Праге это была так называемая Социета (нем. Tonkünstlersocietät), имевшая благотворительный характер (концерты в пользу престарелых музыкантов или семей умерших музыкантов) и Цецильское общество (Säcilienverein). Оба общества имели еще двуязычный, немецко-чешский характер, хотя большинство участников, певцов и музыкантов, были чехами. В 1840 г. была основана так называемая Жофинская академия, названная в честь австрийской эрцгерцогини Софии (по-чешски Жофия). Академия объединяла певцов и музыкантов — любителей и имела даже свою музыкальную школу, которая просуществовала до 60-х годов прошлого века. Положительной стороной академии был ее демократический характер. Однако деятелям ее не хватало патриотического самосознания. В Жофинской академии вплоть до 1860 г. преподавание велось на двух языках — немецком и чешском, несмотря на то, что в состав ее входили преимущественно чехи. Национальная индифферентность явилась главной причиной, по которой эта организация не смогла удержаться в 60-е годы XIX в., когда чешский народ построил свой чешский театр в Праге (так называемый Временный театр, открытый в 1862 г.) и заложил краеугольный камень Национального театра (в 1868 г.). В

1863 г. было основано общество «Умелецка беседа», объединившее представителей самых различных областей чешской культуры.

Тогда же начинается и прогрессивная деятельность Сметаны, возвратившегося на родину после пятилетнего пребывания в Швеции. Большие успехи делает литература, изобразительное искусство. Закладываются основы физического воспитания (в 1862 г. Мирослав Тырш основывает общество «Сокол»). В связи с этим следует рассматривать и возникновение наиболее значительного чешского певческого союза «Пражский глагол», ставшего организационным ядром многочисленных певческих организаций в чешских и моравских селах (в Словакии наблюдается это лишь в конце XIX в.). К созданию «Пражского глагола» привело стремление чешского народа петь на родном языке песни патристического содержания. Направленность союза лучше всего выражает его лозунг: «Песней к сердцу, сердцем к родине!», ставший позднее лозунгом всего чешского певческого движения. На знамени «Пражского глагола» его начертал великий чешский живописец Йозеф Манес (1820—1871 гг.).

Уже в первом уставе «Пражского глагола», официально утвержденном в 1861 г. (эта дата считается началом деятельности «Глагола»), подчеркнуто, что «Глагол» наряду с чешскими будет систематически исполнять и славянские песни. Под этим подразумевалось не только исполнение народных песен славянских народов, но и ознакомление чешского общества с их классическим вокальным искусством. Немногочисленный чешский народ, находившийся в политическом подчинении стремившейся германизировать его Австрии, чувствовал себя более сильным, опираясь на своих славянских братьев. Внутри Австрийской империи это были южные славяне и поляки, с которыми чехи поддерживали многочисленные связи в области культуры, а вне империи наибольшей притягательностью обладала Россия. Достаточно вспомнить, что отзвуки русской поэзии или русские сюжеты мы находим у чешских поэтов Яна Коллара, Франтишка Ладислава Челаковского, Карла Гавличка Боровского, Карла Яромира Эрбена и у многих других. Именно в этот период, в 1867 г., чешские политические деятели, писатели и художники посетили Москву. Эта поездка явилась политической демонстрацией против режима Габсбургов. Во Временном театре с самого его открытия регулярно исполнялись оперы Глинки, для постановки которых в столицу Чехии был приглашен М. А. Балакирев; произведения русских композиторов Б. Сметана включал в программы своих первых симфонических концертов в Праге.

Естественно, что и «Пражский глагол» с момента своего основания воспринял эти традиции и стал одним из наиболее последовательных пропагандистов русской музыки, главным образом песни, в Чехии. Это становится характерной чертой хора.

Деятельность хора в первые 50 лет, с 1861 по 1911 г., описана академиком З. Неудлым в «Летописи глагола», изданной в Праге в 1911 г. Из этого исследования видно, что «Пражский глагол» исполнял, кроме чешских, и русские песни в обработке чешских композиторов Йозефа Леопольда Звонаржа, Арношта Ферхтготта Товачовского, Карла Бендла, Людвика Кубы — известного собирателя народных песен. Неоднократно исполнялись произведения чешско-русского дирижера Эдуарда Францевича Направника и Ваши Лауба — сына известного чешского скрипача, профессора Московской консерватории Фердинанда Лауба. Вполне естественная, на первый взгляд, деятельность хора тем не менее встречала на своем пути препятствия. Например, в 1877 г. австрийская полиция запретила исполнение русских песен в обработке А. Ф. Товачовского. Это, разумеется, не поколебало «Пражский глагол» в его убеждениях и не отклонило его от избранного пути.

При анализе репертуара «Глагола» следует иметь в виду, что в 1861 г. он был основан как мужской хор. Для исполнения кантат время от времени приглашался любительский женский хор «Умелецкой беседы», руководимый Людевитом Прохазкой, а также отдельные певицы. В 1879 г. была образована женская группа «Глагола», ставшего таким образом смешанным хором. Женский хор выступал часто самостоятельно, что значительно обогатило репертуар «Глагола». За первые 50 лет хором были исполнены следующие произведения русских композиторов:

Д. С. Бортнянский. «Господи» (смешанный хор) и «Слава отцу и сыну» (смешанный двойной хор). Впервые исполнялись 17 апреля 1888 г.;

М. И. Глинка. «Херувимская» (смешанный хор) и «Ура» (мужской хор);

А. Е. Варламов. «Красный сарафан» (мужской хор);

М. А. Балакирев. «Кантата на открытие памятника М. И. Глинки» (смешанный хор с оркестром). Впервые исполнялась 18 октября 1908 г.;

М. П. Мусоргский. Кантата «Поражение Сеннахериба» (хор с оркестром);

Н. А. Римский-Корсаков. «Тучки небесные» и «Ночевала тучка» (женские хоры);

Ц. А. Кюи. «Две розы» (смешанный хор);

А. Г. Рубинштейн. «Утро», «Спокойное море», «Лесные звуки» (мужские хоры); «На берегу морском» (женский хор); «Птичка» (женский двухор); «Счастливое путешествие» (мужской хор); «Потерянный рай» (смешанный хор с оркестром и органом);

П. И. Чайковский. «Отче наш» (посвящено «Пражскому глаголу») и торжественная кантата «Москва». Первое произведение исполнялось 17 апреля 1888 г. и 10 декабря 1893 г., второе — 25 марта 1896 г.;

А. К. Глазунов. «Коронационная кантата» (смешанный хор с оркестром). Исполнялась 25 марта 1899 г.;

А. К. Лядов. «Хороводная», «Свадебная» и «Вологодская» (женские хоры);

А. Д. Кастальский. «Милосердие» (смешанный хор);

А. Т. Гречанинов. «Ночь» и «Весна» (женские хоры).

Уже из этого обзора видно, что в программы «Глагола» были включены хоровые произведения русских композиторов как классические, так и современные, церковные и светские, популярные и камерные. Здесь представлены почти все ведущие русские композиторы. Для того чтобы объяснить наличие в репертуаре хора сочинений, написанных для православных храмов, следует вспомнить, что в Праге вплоть до первой мировой войны была русская православная церковь Николая угодника. Она была расположена на Староместской площади (здание в стиле барокко Дипценгофера; в настоящее время передано чехословацкой церкви). Этот храм имел отличный хор, исполнявший исключительно русский репертуар. В течение нескольких лет хормейстерами в нем были выдающиеся композиторы Карел Бендль и Зденек Фибих. Пражане с удовольствием ходили туда слушать православные службы, сопровождаемые хоровым пением. А благодаря Бендлю, любимцу чешских певцов, в течение многих лет являвшемуся хормейстером «Глагола», и Фибиху, представлявшему прогрессивное новоромантическое течение в чешской музыке XIX в., этот русский репертуар легко перепосылся и в репертуар «Глагола», который часто принимал участие в различных церковных службах. При этом чешские певцы знакомились с традициями русских православных хоров, производивших глубокое впечатление своей строгой красотой и проникновенностью.

Из упомянутых уже русских композиторов коллектив «Глагола» имел возможность лично познакомиться с П. И. Чайковским во время пребывания его в Праге в 1888 г. Прага, как известно, устроила тогда Чайковскому триумфальную встречу, явившуюся яркой демонстрацией против австрийского правительства. В этой манифестации активное участие принял и «Пражский глагол» как наиболее значительное культурное общество. Известно, что 17 февраля 1888 г. «Глагол» в полном составе прибыл к гостинице, в которой остановился великий русский композитор, и при свете факелов спел в его честь серенаду. Чайковский выслушал ее, стоя на балконе своей комнаты. Затем «Глагол» исполнил в зале гостиницы несколько чешских хоровых произведений, и Чайковский, высоко оценивший исполнение, обещал посвятить «Глаголу» свой новый хор. Он выполнил свое обещание и послал через К. Бендля смешанный хор «Отче наш». Это произведение было исполнено уже на весеннем концерте «Глагола» 17 апреля 1888 г. и повторено на следующий день. Чайковский тогда не был в Праге и не мог слышать исполнения.

Во время второго посещения Праги Чайковским, осенью этого же года, квартет «Глагола» исполнил популярную песню «Гитара» (28 сентября 1888 г.). Кроме того, Чайковский присутствовал на исполнении в пражском православном храме своей «Литургии Иоанна Златоуста» под управлением хормейстера Карла Бендля (19 февраля 1888 г.). На премьере оперы «Евгений Онегин» 6 декабря 1888 г., которой дирижировал композитор в Национальном театре, «Пражский глагол» преподнес Петру Ильичу венок. Это была первая постановка оперы за пределами России.

Чайковский чувствовал себя в Праге исключительно хорошо. Это видно из его дневника и переписки. В немалой степени способствовал этому «Пражский глагол», который не забывал о произведениях композитора и позже.

Как известно, творчество Чайковского оказало значительное влияние на чешских композиторов. Из них теснее всего сблизился с П. И. Чайковским Антонин Дворжак, а из более молодых — Йозеф Богуслав Ферстер, сообщавший в чешской прессе о пражских успехах Чайковского. Влияние Чайковского можно проследить и в творчестве других чешских композиторов, например, Леоша Яначка, который также обработал «Отче наш» в виде смешанного хора с сопровождением, в творчестве Витезслава Новака и Йозефа Сука, которые были тогда молодыми учениками Дворжака. Во время своего пребывания в Чехии П. И. Чайковский почтил память Моцарта, побывав в вилле Бертрамке, где часто останавливался великий композитор. Из уважения к Б. Сметане, которого Чайковский уже не застал в живых, все полученные им венки он возложил на могилу Сметаны в Вышеграде.

Наряду с сочинениями Чайковского в программах «Глагола» часто встречаются произведения другого русского композитора — Антона Рубинштейна. Это было вполне естественно, если вспомнить об огромной популярности, которой пользовалось его творчество на Западе в то время. Заметное влияние оказал Рубинштейн на Л. Яначка — большого почитателя его таланта.

В тяжелые годы первой мировой войны проникновение произведений русских композиторов в программы хора было, разумеется, приостановлено. После объявления войны Австро-Венгерской монархией России в каждом проявлении симпатии к русским австрийская полиция усматривала опасные политические идеи. Исполнение русских хоровых произведений было строго запрещено, а такие испытанные друзья России и русской культуры, как профессор Зденек Неedly и другие, находились под постоянным полицейским контролем. Но, несмотря на все это, «Прах-

ский глагол» исполнял русские хоры и песни вплоть до первой мировой войны (т. е. в 1911—1914 гг.) и после Великой Октябрьской социалистической революции. Из народных песен до мировой войны в репертуаре «Глагола» были гармонизации Людвика Кубы, украинские песни в обработке М. Лысенко («Едет казак за Дунай», «Казак мой» для мужского и смешанного хора), в обработке С. Людкевича «Ой ты мороз», «Орех», «Солнце заходит» (мужские хоры) и «Бувай здоровенька» (смешанный хор). Мощным толчком к изучению украинских песен были гастроли смешанного хора Украинской государственной капеллы в Чехословакии в 1919 г. Превосходное вокальное мастерство и оригинальность подачи произвели на слушателей огромное впечатление. Профессор Зденек Неедлы дал оценку значения гастролей капеллы в специальной брошюре («Украинская республиканская капелла», Прага, 1919).

Тесную связь между русской и чешской музыкальной культурой осуществлял хормейстер «Пражского глагола» в 1911—1920 гг. профессор Ярослав Кржичка, ныне заслуженный деятель искусств. Перед первой мировой войной Кржичка — выпускник Пражской консерватории — работал преподавателем музыки в России, в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск). Он установил связь со многими деятелями русской музыкальной культуры, работал вместе с Н. Ф. Финдейзенем, редактором «Русской музыкальной газеты», в которой писал статьи о чешской музыке, а в пражское «Музыкальное ревю» посылал обзоры русской музыкальной жизни (особенно в 1909 и 1910 гг.). В 1908 г. Кржичка написал «Элегию» для оркестра на смерть Н. А. Римского-Корсакова. Особенно тесно сблизился он с композитором и пианистом С. И. Танеевым, которого сопровождал при посещении им Праги. Ярослав Кржичка считался в Чехии одним из лучших знатоков русской музыки. В 1922 г. издательство «Гудебни матице» выпустило его брошюру «Русская музыка», в которой он знакомил чешское общество с представителями русского музыкального творчества XIX в. В качестве хормейстера «Пражского глагола» Я. Кржичка подготовил премьеру пятиголосного смешанного хора «Прометей» Танеева.

В последующие десятилетия произведения русских композиторов появляются гораздо реже в программах «Пражского глагола». Причиной этого была политическая ориентация тогдашней буржуазной Чехословацкой республики. В 1921 и 1932 гг. «Пражский глагол» совершает поездки в Югославию. В его репертуаре были представлены произведения югославских авторов и народные песни. Хор завязывает тесное сотрудничество с поляками (поездка в Варшаву в 1920 г.) и лужицкими сербами.

В 1923 г. коллектив «Пражского глагола» победил в международном соревновании в Амстердаме, где получил первую премию, после чего он стал готовиться к гастролям во Франции и Румынии, которые, однако, не состоялись. В это время «Глагол» часто поет под управлением иностранных дирижеров: итальянцев, немцев, французов, австрийцев. Среди этих гостей мы найдем лишь одного русского — Николая Малько, который часто дирижировал оркестром Пражской филармонии и Симфоническим оркестром пражского радио. Под его управлением «Пражский глагол» принял участие в исполнении Девятой симфонии Бетховена (20 января 1930 г.).

Наступили трагические для всего чешского народа годы. В 1938 г. Чехословацкая республика была расчленена и разорена нацистской Германией, а в 1939 г. территория ее была оккупирована гитлеровскими ордонами. И в это время «Глагол» разучивает национальные хоровые произведения патристического содержания, которые поддерживали и вдохновляли многострадаальный чешский народ. Пока было возможно, хор

совершал с этой программой гастрольные поездки по всей стране и даже в пограничные области, которые были затем отторгнуты от Чехословакии. Но с начала второй мировой войны, и особенно после нападения нацистской Германии на СССР, стало невозможным исполнение русских песен и произведений русских композиторов. Лишь отдельные чешские композиторы, например Эмиль Аксман, тайно гармонизовали русские песни, чтобы исполнять их, когда наступит время. Культурная жизнь страны во время оккупации была серьезно нарушена нацистским запрещением собраний, дважды объявляемым осадным положением. Нацисты заняли помещение, где происходили репетиции хора, под столовую вспомогательной организации «Totdt», они запретили организацию концертов, многие члены хора по тотальной мобилизации были отправлены на работу в Германию.

Но вот настал счастливый день освобождения, купленный огромными жертвами и долгими страданиями народа. В мае 1945 г. Советская Армия совместно с чехословацкими воинскими частями за границей и при поддержке восставшего чешского и словацкого народов сокрушила нацистов. Была возрождена Чехословацкая республика на новой, действительно демократической основе, вливавшаяся в великий лагерь стран социализма.

Эти исторические перемены переживал и «Пражский глагол». На первой после освобождения репетиции хора 11 мая 1945 г., дирижер Вацлав Сметачек произнес сердечную речь о значении русской культуры и музыки. Присутствующие выслушали запись торжественной увертюры Римского-Корсакова «Светлый праздник» (пластинок с записями русской музыки в Чехословакии тогда было очень мало, а советских не было практически вообще). Под руководством В. Сметачка уже в мае 1945 г. хор исполнил для записи на пластинку марш «Партизан» (обработка для мужского хора Йозефа Станислава, перевод на чешский язык Витезслава Незвала) и «Марш Приамурской армии» в сопровождении оркестра. Эти песни исполнялись «Глаголом» и при различных манифестациях. В исполнении смешанного хора «Глагола» 11 декабря 1945 г. была записана на пластинку кантата Йозефа Станислава «Благодарность Советскому Союзу», явившаяся выражением чувств чешского и словацкого народов. Подобное же значение имело и исполнение «Глаголом» чешского хора времен Возрождения «Славяне» Й. К. Кнагла. Это произведение также исполнялось неоднократно (например, на Славянском острове в Праге 21 декабря 1946 г., 5 декабря того же года перед лекцией доцента Брненского университета Богумира Штедроя «О славянской музыке»).

6 апреля 1946 г. почетными членами «Глагола» были избраны заслуженный деятель искусств, художник и собиратель народных славянских песен Людвик Куба и лужицко-сербский композитор Б. Кравец, ораторию которого «Война и мир» «Пражский глагол» исполнил впервые 24 января 1957 г.

В эти годы «Глагол» часто выступал на политических манифестациях и торжественных собраниях, например на открытии выставки «Тридцать победоносных лет СССР» 8 ноября 1947 г., во время Ленинских памятных дней и т. д.

С 1948 г. дирижером «Глагола» становится Эденек Томаш, бывший одновременно руководителем хора любительского оперного театра в Раковнике. С этими двумя коллективами он осуществил постановку «Евгения Онегина» и 12 июня 1950 г. показал ее в Праге, причем в некоторых ролях выступили и солисты «Пражского глагола». 1 ноября 1950 г. на концерте «Глагола» впервые была исполнена кантата украинского композитора Андрея Штогаренко «Украина моя!» при участии солистов Национального

театра и Пражского симфонического оркестра. Это произведение вызвало восторженный отклик населения и вторично исполнялось 20 февраля 1951 г. на Ленинском вечере в самом большом пражском зале во дворце «Люцерна».

Во время месяца чехословацко-советской дружбы, отмечаемого в Чехословакии ежегодно в ноябре и декабре, в 1951 г. «Глагол» исполнил, кроме гимнов обоих государств, «Песнь мира» Шостаковича, а через несколько дней повторил заключительную часть кантаты Штогаренко. В 1952 г., когда отмечалась 120-я годовщина со дня рождения профессора Московской консерватории чеха Фердинанда Лауба, личного друга П. И. Чайковского, был исполнен «Торжественный хор» Сметаны, а при открытии памятника Лаубу на Вышеградском кладбище — «Отче наш» Чайковского.

В дни празднования 90-летия со дня рождения заслуженного деятеля искусств Людвика Кубы «Глаголом» были исполнены некоторые его хоровые обработки песен славянских народов (русских и украинских).

Почти ежегодно «Глагол» принимал участие в праздновании годовщины Великой Октябрьской революции, а также в вечерах памяти В. И. Ленина, организуемых Союзом чехословацко-советской дружбы.

В Чехословакии в 1951 г. было ликвидировано Чехословацкое певческое общество — центр певцов-любителей. Большой реорганизации подвергся и «Пражский глагол», переданный в распоряжение городского Дома просвещения. Однако это неблагоприятно сказалось на его деятельности, и в 1958 г. статус хора был восстановлен.

В репертуаре хора продолжала звучать русская музыка. Так, при посещении могилы Франтишка Палацкого в Лобковицах 25 мая 1956 г. опять исполнялся «Отче наш» Чайковского, а на концерте в 1959 г. звучала кантата грузинского композитора Арчила Ивановича Чимакадзе «Сердце Картли», воспевающая красоту Грузии. Это прекрасное произведение было встречено с таким подъемом, что кантата вторично была исполнена на вечере Союза чехословацко-советской дружбы 20 ноября 1959 г. Эти концерты шли уже в сопровождении собственного оркестра «Пражского глагола», организованного в это время. В популярной программе оркестра, исполненной 8 июня 1960 г., под названием «Вечер самых красивых вальсов» прозвучал и «Концертный вальс» А. Глазунова под управлением дирижера Зденка Томаша.

Симфонический оркестр «Пражского глагола» сопровождал 22 ноября 1960 г. концерт пианистки Анны Крчмаржовой, исполнившей Второй фортепьянный концерт Рахманинова. Вслед за этим смешанный хор исполнил кантату А. И. Чимакадзе «Сердце Картли», так что вся программа была посвящена русской и советской музыке.

В своем юбилейном (сотом) 1961 году «Пражский глагол» в концертном исполнении показал оперу С. Рахманинова «Алеко» на чешском языке (6 ноября 1961 г.). При этом отмечалось блестящее исполнение хоровых партий оперы, неизвестной до того времени в Чехословакии. Слушатели и критика с большим признанием встретили премьеру.

На концерте, посвященном 40-летию Коммунистической партии Чехословакии, 24 апреля 1961 г. пианист Станислав Кнорр в сопровождении симфонического оркестра «Пражского глагола» исполнил фортепьянный концерт си-бемоль минор П. И. Чайковского под управлением З. Томаша. Детский хор «Глагола», руководимый Честмиром Сташком, в честь 40-летия комсомола дал концерт комсомольских песен (16 марта 1961 г.). Эта программа, вместе с новым исполнением кантаты Д. Кабалевского «Песнь утра мира», дает ясную картину деятельности «Глагола».

«Пражский глагол» на протяжении своей столетней творческой деятельности, безусловно, обогащал культурную жизнь Праги, особенно до возникновения фестивалей «Пражская весна». Он открывал окно в мир и с неизменной любовью последовательно пропагандировал творчество славянских народов, как было обещано в его первой программе. Бесспорно, что в этом репертуаре на первом месте стояла русская музыка, а позже — музыка советских народов. «Глагол» регулярно знакомил с ней чешское общество и всей своей деятельностью укреплял братскую дружбу обеих стран.

(Перевела с чешского Л. Н. Титова)

М. Томашевский

СВЯЗИ ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ШОПЕНА С ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ, БЫТОВОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕСНЕЙ

*(Доклад на I Международном конгрессе музыковедов,
посвященном творчеству Фредерика Шопена,
который состоялся в Варшаве 16—21 февраля 1960 г.)*

Тема, указанная в заглавии, представляет интерес по ряду причин. Несомненно, песни Шопена занимают в его творчестве второстепенное место, не лишнее, однако, известного значения, особенно сейчас, когда рассматривается проблема особенностей и сущности национального стиля Шопена. Нам кажется, что основательный анализ песенного творчества Шопена, выполненный, что в данном случае очень важно, на возможно более широком сравнительном материале, пополнит данную проблему рядом существенных моментов, имеющих значение для исследования основной области творчества композитора — фортепианной музыки. Наша статья дает лишь общий обзор возникающей здесь проблематики.

Анализ вокальных произведений Шопена был, как известно, сделан С. Барбагом, но этот исследователь сознательно почти целиком оставил в стороне интересующий нас вопрос¹.

Генезис песен Шопена, их связи с польской музыкой, а также роль, которую они играют во всем творчестве композитора, были неоднократно предметом отдельных высказываний. Несколько шире, исходя из анализа первоисточника, высказывались В. Пасхалов и Я. Проснак²; наиболее веские обобщающие выводы делают Сикорский, Опеньский, Хибиньский, Яхимецкий, Лобачевская, Лисса³. С большинством их мнений можно,

¹ S. Barbag. Studium o pieśniach Chopina. Lwów, 1927. На стр. 51 автор пишет: «Ставлю себе задачей дополнить свою работу исследованием польской песни до Шопена».

² В. Пасхалов. Шопен и польская народная музыка. М.—Л., 1941; J. Prósna k. Środowisko warszawskie w życiu Fryderyka Chopina.— «Kwartalnik Muzyczny», 1949, № 28, str. 106—112.

³ J. Sikorski. Fryderyka Chopina Zbiór śpiewów polskich.— «Ruch Muzyczny», 23.IX 1859, № 40, str. 345—347; № 41, 30.IX 1859, str. 353—356; H. Opieński. Pieśni Chopina.— «Świat», Warszawa, 1910, № 8, str. 7—8; «Chopin jako twórca», Warszawa, 1911, str. 127—132; «Zróżdła twórczości Chopina».— Сб. «Szopen», Warszawa, 1932, str. 47; A. Chybiński. Najmłodsza polska pieśń solowa.— «Sfinks», Warszawa, 1909, str. 141—157; Z. Jachimiecki. Chopin, Rys życia i twórczości. Warszawa, 1949, str. 313—320; «Muzyka polska w rozwoju historycznym», t. I, cz. II, Kra-

однако, спорить. Нет, например, подтверждения на конкретном материале ни довольно распространенного до сих пор убеждения, что песни Шопена вырастают из «Исторических песен» Немцевича (по нашему мнению, они являются скорее их антитезой), ни сложившегося в последнее время взгляда, согласно которому им отказывают в признании какого бы то ни было существенного значения с точки зрения критерия национального стиля⁴. Нам кажется, что большинство недоразумений возникает по двум причинам: во-первых, из-за все еще недостаточного знания польских песен первой половины XIX в.; во-вторых, в связи с трактовкой песен Шопена как одного целого, находящегося на одном уровне творческой зрелости, и к тому же монолитного стилистически.

В действительности песни Шопена весьма разнородны. Наряду с общими чертами, возникающими потому, что песни писала одна рука на протяжении нескольких лет, они имеют много индивидуальных черт. Оставим в стороне степень завершенности работы: от чернового наброска (например, «Dumka») до варианта, как бы готового к печати (например, «Woja»). В зависимости от своей генеалогии и назначения песни эти представляют собой несколько определенных жанровых групп: бытовые, «сельские» (танцевальные), думки типа баллады или романса, романсы и баллады, вокальные рапсодии и лирические песни. Это, как видно, не только бытовые жанры, но и концертные, причем некоторые из них стилистически относятся к периоду, называемому сентиментализмом⁵, некоторые — к ранней или зрелой фазе романтизма. Часть из них Шопен воспринял, другие (в польской песне) вызвал к жизни. Нам интересно, каким путем шел этот процесс, какие связи и различия имели отдельные виды песен Шопена с песнями его эпохи, а также, хоть и в меньшей мере, как в послешопеновский период развивались черты шопеновского творчества. Речь идет при этом не о проблемах реминисценций, а о существенном стилистическом родстве.

I

Не везде одинаково понимаемый термин «бытовые песни» мы принимаем здесь для обозначения той группы бытовых песен, к которой относятся патриотические, солдатские, студенческие и застольные песни. Речь идет о так называемых мужских песнях, исполняемых группой людей или в одиночку, чаще в унисон или с односторонне исполняемым рефреном. Молодой Шопен застал в этом отношении очень богатую традицию, разного вида и происхождения. Здесь можно говорить о четырех главных течениях: 1) старопольские песни (думы и застольные), восходящие к XVI и XVII вв., выросшие из так называемой сарматской традиции или воспринятые ею; 2) песни в полонезном стиле, выросшие из саксонской и станиславовской традиции (например «Stawam na placu», «Z wysokich Parnasów», «Polonez 3 maja»); 3) песни в стиле мазурки или краковяка, как вид, утвердившийся главным образом (хотя не исключительно) в водевиле и станиславовской «комедии-опере», широко распространенной в период Варшавского княжества (типа «Ostatni mazur», «Polak nie sługa», «Wanda leży w naszej ziemi»); 4) песни наиболее позднего

ków, 1951., str. 303—304; J. Reiss: Najpiękniejszą ze wszystkich jest muzyka polska. Kraków, 1946, str. 128—129; S. Łobaczewska. Wkład Chopina do romantyzmu europejskiego. — «Rocznik Chopinowski», т. I, Kraków, 1956, str. 30, 92; Z. Liśsa. Problemy stylu narodowego w twórczości Chopina. — «Rocznik Chopinowski», т. I, str. 145—146.

⁴ S. Łobaczewska. Указ. соч.; Z. Liśsa. Указ. соч.

⁵ T. Strumiłło. Źródła i początki romantyzmu w muzyce polskiej, cz. II. W kręgu sentymentalizmu. Kraków, 1956.

происхождения, пришедшие в польскую культуру преимущественно извне, на рубеже XIX в., в годы расцвета так называемого псевдоклассицизма. Речь идет о песнях в стиле марша-думы (например, «Święta miłości»), в котором было создано также большинство «Исторических песен», и песнях, чаще всего аналогичного типа, созданных путем переработки популярных фрагментов иностранных опер или песен (например, «Hej, użyjmy żywota, Towarzysze»). Этот вид песен распространился прежде всего среди членов студенческих (филоматы, филареты) и масонских обществ⁶.

Соединение в общую группу песен со столь разной тематикой (например патриотической и вакхической) целиком оправдано практикой эпохи, так как основу их составляет куплетная форма: мелодия меняет текст в зависимости от обстоятельств. В мирное время он бывает, например, любовным или застольным, в годы восстаний — героическим, в послевоенные годы — элегическо-патетическим⁷.

Мы имеем основания утверждать, что Шопен написал несколько (возможно, даже более десяти) песен этого типа. Целиком мы знаем из них только одну — «Hulanka» (1830 г.). Текст со всех точек зрения: тематически, лексически и метрически — стилизует шляхетскую сарматскую традицию, усиленную народными элементами. Шопен развивает эти традиции: пишет песню, органически сочетающую народные элементы (оберковые) с элементами шляхетского мазура. Это сочинение опережает произведения данного жанра. Например, в соответствии с его правилами, исполнение было одnogолосное⁸, а уже несколько месяцев спустя песня начала приобретать многочисленные новые тексты, военные и повстанческие⁹.

По мнению современников, Шопен принадлежал к числу композиторов, которые в случае необходимости не сторонились от творчества подобного типа: речь идет, в частности, о 1835—1837 гг., периоде наивысшего развития связей с кругом повстанческой эмиграции. Из ряда источников следует¹⁰, что кроме известной песни «Leci liście» Шопен написал около 10 песен из цикла «Pieśni Janusza Wincentego Pola». Одну из них мы знаем по названию («Pożegnanie»)¹¹; судя по метрической структуре, она была композиционно близка к песне «Hulanka». Несколько текстов из упомянутого цикла имеют мелодии анонимного происхождения¹². Возможно, что исследования источников и стилистические анализы помогут со временем обнаружить среди них шопеновские первоисточники. Также открытым остается вопрос о приписываемых Шопену патриотических песнях на

⁶ См., например, «Muzyka do pieśni wolnomularskich», Warszawa, 1811; «Śpiewy burszów polskich z muzyką...» (1835 г.).

⁷ Например, на одну из мелодий песни «Tam na błoni» сначала пели любовную «Dziewczę, wróć mi serce moje», позднее — известный текст о «Ułanie na widecie» и, наконец, после восстания 1831 г. — элегию «Pomoc dajcie mi rodacy».

⁸ По сообщению Ю. Райншмидта.

⁹ Авторство новых текстов к песне «Hulanka» принадлежит, среди других, между прочим (что характерно), В. Полю, поручику «Jazdy Litewskiej» (в том числе «Litwinczko, kochaneczko», и поэту С. Хернишу, поручику полка уланов, ранее ученику школы раввинов (в том числе «Hej Polaku, hej rodaku»), и автору первоначальной версии С. Витвицкому, участнику Национальной гвардии.

¹⁰ Ср. предисловие Ю. Фонтаны к полному собранию песен Шопена, изд. М. Шлезингера (1859 г.); переписку Фонтаны с семьей Шопена по вопросу этого же издания; A. Sowiński. Słownik muzyków polskich. Paryż, 1874; «Rocznik emigracji polskiej», Paryż, 1836, str. 113—114.

¹¹ «Panna młoda jako jagoda». См. A. Sowiński. Указ. соч., стр. 59.

¹² В том числе «Stary ułan», «Bracia, rocznicą», «Iedzie szlachcic», «Nie masz pana pod ułana», «Hałas-tartas po Poznaniu», «Mnóstwo ludzi przed gospodą».

слова З. Красиньского, К. Гапиньского и М. Гославского¹³, в то время как вопрос об авторстве приписываемых Шопену в течение нескольких десятков лет песен «Tam na błoni» и «Trzeci maj» можно считать решенным. Поисков ждут две песни, известные только по названиям: «Ze jest Bóg» и «System filozoficzny podstarościęgo». Текст последней («Życ, najgłupsze to rzemiosło»), стилизованный под шутливые дидактические шляхетские стишки саксонских времен, прекрасно укладывается в ритм полонеза. Характер текста и в этом случае определяет жанр песни: это могла быть песня только из группы бытовых. Впрочем, это касается также и песни, в которой написана только вокальная партия, — мазурка в честь В. Ганки (1829 г.). Это произведение связано сильнее, даже несмотря на наличие «лидийской настройки», с водевильной песней-мазуркой, чем с крестьянским мазуром.

II

Время, когда Шопен начинает писать песни, характеризуется отсутствием какой-либо определенной границы между бытовой и так называемой сольной песней. Существует целая группа песен, которые в своей основе стремятся к нивелировке этой границы. Эти песни мы, вслед за Витвицким и другими¹⁴, называем «сельскими» в двух значениях этого определения: как деревенских (im Volkston), так и буколических. В отношении тематики здесь идет речь о эпико-лирическом направлении поэзии, восходящем к Шимоновичу и расцветшем в станиславовскую эпоху (в творчестве Князьнина, Ясипьского и Красиньского), но сложившемся окончательно, соприкоснувшись с народными элементами, лишь в годы раннего романтизма (Бродзиньский, Витвицкий)¹⁵. Таким образом, это стилизация, программно направленная против гегемонии романа, хотя и отягощенная идеализмом старой пастушеской поэзии, которую она старается вытеснить. Версификационно она связана с польским силлаботонизмом¹⁶.

Уже в предшопеновской традиции жанр идиллической песни начал развиваться в двух параллельных видах: танцевальном и нетанцевальном. Последний, обнаруживающий много общего с популярным романсом, принял народное название думки, ранее употреблявшееся уже Курпиньским для определения оперного романа. Идиллические песни танцевального типа возникли из так называемых водевильных песенок и из бытовых песен, при значительном влиянии техники «галантного» стиля, унаследованной, вероятно, от берлинской школы. Разницу между мазуркой и краковяком в бытовой песне и в идиллической определило коренное различие их характера. Если в первой тексту и музыке была свойственна размахистость и даже залихватскость (risoluto), грубоватая веселость, исключительная острота мелодических и ритмических контуров, примитивность

¹³ Речь идет о текстах З. Красиньского «O wiem, że Polska bój zwycięski stoczy» и «Pytasz się, czemu ucieliły me pieśni», текстах К. Гапиньского из сборника «Pieśni pielgrzyma polskiego» (Париж, 1833), а также о «Dumkę na wygnaniu» («Gdyby orłem być») из «Poezji ułana polskiego» М. Гославского (Париж, 1833).

¹⁴ S. Witwicki. Piosnki sielskie. Warszawa, 1830; I. F. Dobrzyński. Pieśni sielskie, op. 25. Warszawa, 1833; S. Moniuszko. Piosnki sielskie, t. I. Вильно, после 1846; t. II, Вильно, 1858.

¹⁵ Романтизм в зрелой фазе будет программно бороться с этим поэтическим направлением. Ср. М. Моchnacki. O krytyce i sielstwie. — «Kurier polski», 1832, № 159.

¹⁶ Обстоятельство, которое очень отрицательно сказывалось в течение всего развития польской песни, тормозя появление собственно лирической песни и ограничивая ее действие.

фактуры, то для второй типичны идилличность и лиризм; легкость развития, простота фактуры становится как бы отражением этой простоты.

Песни в жанре идиллий писали до Шопена главным образом Эльснер и его школа¹⁷, а также Курпиньский¹⁸. Эльснеровская «Pasterka» (1818 г.) может считаться наивысшим достижением в польской музыке перед шопеновским «Życzeniem» (1829 г.), которое было эпохальным в данном жанре, хоть и не принадлежало, как нам кажется, к лучшим песням композитора. Не зачеркивая главных выразительных особенностей песен im Volkston: простоты, наивной идилличности и легкости¹⁹, Шопен облагораживает при помощи нескольких мелких штрихов полубытовой жанр, превращая его в художественный (речь идет о некоторых деталях гармонии и формы), при этом традиционный жанр преобразует в подлинно национальный. Это произошло благодаря инфильтрации мелодических и структурных элементов шляхетских любовных песен типа кувяка и народных типа оберка.

Еще две песни можно причислить к группе идиллических песен танцевального типа: «Śliczny chłopiec» и «Pierścień». «Śliczny chłopiec» (1841 г.) не открыл новых горизонтов польской песни. Тяготея к направлению стиля бытовых песен, но не отказываясь от некоторых черт фактуры сольной песни, Шопен создал это произведение, оказавшееся неровным, поверхностно виртуозным. Позднее в Польше появится много вокальной литературы подобного стиля, от мазурок Кратцера до песен Невядомского и Нововойской²⁰.

Иначе дело обстоит с песней «Pierścień» (1836 г.). Как стилизация кувяка, она примыкает к линии развития раннеромантического стиля идиллической песни, но вместе с тем выходит за рамки этого стиля, указывая один из путей, ведущих к чисто лирической песне²¹. Это происходит в данном произведении в результате выдвигания лирических элементов на первый план, путем, характерным для многих фортепьянных мазурок, т. е. через тонкое использование особенностей фольклора. В некоторых песнях по этому пути пойдет Моцарто²².

Нетанцевальный тип идиллической песни, так называемую думку, мы находим у Шопена в нескольких вариантах. Здесь соединяются народные влияния (польские и украинские) с романскими. В связи с этим можно было бы говорить о романских думках (где народность почерпнута не из первоисточника) и о думках балладных (где элемент фольклора выступает на первый план).

В числе первых — песня «Dumka» (1840 г.) находящаяся под сильным влиянием оперных романсов Курпиньского²³; «Czary» (1830 г.) — песня типа коломыйки — краковяка, связанная по стилю с водевиль-

¹⁷ Преимущественно мазурки или родственные произведения, например «Wianek» («Со за radość...»), «Pasterka» («Kto doniesie sercu memu...»), «Mazurek» («Dobranoc»).

¹⁸ Преимущественно думки, например «Gdy słowik zanuci».

¹⁹ Ср. точки зрения тогдашних теоретиков песни: К. Курпиньский. O pieśniach w ogólności. — «Tygodnik muzyczny», Warszawa, 1820, № 6, 7; J. F. Królikowski. Rozprawa o śpiewach polskich z muzyką. — «Pamiętnik Warszawski», 1817—1818.

²⁰ Типа: К. Kratzer. «Skrzypki swaty»; S. Niewiadomski. «Otwórz Janku»; F. Nowowiejski. «Odejdź Jasiu od okienka».

²¹ О песне чисто лирического типа здесь не может быть речи из-за метроритмической структуры текста.

²² Например, в песне «Dumka» («Przychodź miły, dzień już biały...»). Ср. J. I. Paderewski. «Tyłem wytrwał...»; M. Karłowicz. «Na śniegu».

²³ Ср. «Думку» Бойомира «Od Wandy wnie rozdzielają» из оперы «Замок на Чорштыне» (1819 г.).

ными куплетами²⁴, и «Wiosna» (1838 г.). Вопреки мнениям, высказывавшимся в шопеноведческих работах, это — одна из наиболее интересных песен композитора; отличающаяся простотой, но не примитивизмом аккомпанемента. Она органично сочетает элементы популярного романса с фольклорными.

К балладным думкам относятся «Poseł» (1831 г.) и «Dwojaki koniec» (1845 г.)²⁵; как по своим тональным и мелодическим особенностям, так и по метроритмическим, они восходят к народным и популярным образцам. «Poseł» происходит от краковяка, но счастливо утрачивает танцевальность в пользу лиризма. «Dwojaki koniec» соединяет народно-украинские элементы с элементами, характерными для старой церковной песни²⁶. Этот тип думки почти одновременно развивал Монюшко (например, «Kozak», 1848 г.), обращаясь, очевидно, к подобным же источникам.

Шопен ни разу не употребил названий «романс», «баллада», хотя некоторые из его песен явно носят черты этих жанров. Композитор застал в польской песне наличие нескольких вариантов романса: 1) пастушеский романс галантного стиля, отразивший французские влияния и распространившийся в Польше в XVIII в.; лирически-созерцательные романсы этого типа изобиловали диалогами; 2) водевильный романс, перешедший со сцены в обиход домашнего музицирования; лирико-дидактическая каватина получила в Польше название думки²⁷; 3) собственно романс (типа арии), изысканный по форме; лирико-драматическая разновидность, сильно связанная с итальянским оперным стилем²⁸; 4) популярный романс, мещанско-шляхетский, представляющий или адаптацию (например, «Laura i Filon»), или подражание (например, «Choćbym ja jeździł») двум первым видам романса.

Создавая «Piosnkę litewską» (1831 г.), Шопен своеобразным способом исходил из пастушеского романса-диалога. Песню «Gdzie lubi» (1829 г.) можно вывести из жанра медитативного водевильного романса. «Precz z moich oczu» (1830 г.) — собственно романс, композиционно находящийся под влиянием образцов псевдоклассицизма²⁹. Но во всех трех мы находим чуждую романсу сильную инфильтрацию народного элемента и ряд других черт, позволяющих здесь говорить о раннеромантической лирической песне³⁰.

Шопен застал в польской музыке также образцы баллад: у Радзивилла (баллады в берлинском стиле), у Кратцера (дума в стиле романса)

²⁴ Типа «Nie wiem co się w tym święci», «Nie uważaj Zosiu miła», «Strzeżcie wianków swych dziewczęta», «Nie pogardzaj ubogimi — z Krakowiaków i goral» J. Stefaniego, а также «Pędzą trzodę swą pasterze» из «Новых краковяков» Курпиньского.

²⁵ Можно предположить, что характер балладной думки имела также одна из пропагандных песен Шопена — «Piotno» («Nad wodą, piękna kalina...»).

²⁶ Типа «Kto się w opiekę», «Ludu mój ludu», «Wisi na krzyżu».

²⁷ Например, каватина Студента из «Краковяков и горцев», каватина Бардоса из «Новых краковяков» и «Думка» Ванды из «Замка на Чорштыне».

²⁸ Наиболее полно развивался в творчестве М. Кл. Огиньского и М. Шимановской. См. W. P o Ź n i a k. Romans wokalny w twórczości M. Kl. Ogińskiego. Kraków, 1937; M. I w a n e j k o. M. Szymanowska. Kraków, 1959, str. 190—197.

²⁹ Наиболее выдающиеся образцы песни подобного типа перед Шопеном дали (около 1827—1829 гг.) М. Шимановская в «Pieśń z wieży» и К. Липиньский в «Do Niemna» (обе на слова Мицкевича). «Precz z moich oczu» Шопена, несмотря на свои недостатки, опережает эти песни.

³⁰ Названные здесь песни Шопена романсного типа представляют собой одновременно образцы так называемого Durchkomponirtes Lied («Piosnka litewska») — декламационной песни («Precz z moich oczu»), а также бытовой лирики («Gdzie lubi»). Этот последний вид песен нашел продолжение среди других у Падеревского («Połały sięży») и Карловича («J zamiast słońc i gwiazd»).

и у Шимановской (романсная баллада и баллада в ритме полонеза)³¹. Но он пошел в ином направлении. Его «Woja» указывает на знакомство с творчеством Шуберта и на сильное влияние польской популярной песни. «Woja» представляет собой первую польскую романтическую балладу (1830 г.). Как произведение, получившее очень широкую популярность³², «Woja» мог повлиять на баллады Монюшко. «Smutna rzeka» (1831 г.) — другой тип баллады: ее можно назвать балладой в народном стиле. Об этом говорит специфическое использование ритмоинтонационных элементов, восходящих в своей совокупности к думе-песне «старинного стиля» (как бы намеренно «праславянская» архаизация). Так же, как это было в песне «Smutna rzeka», текст, отмеченный чертами народности, склонил Шопена и в «Narzeczonym» (1831 г.) к подобной концепции. Усиление драматического элемента приблизило эту песню к романтической балладе. *В балладе чисто народного стиля Шопен не имеет предшественников.*

За пределы стиля баллады выходит песня «Leci liście» (1836 г.), создающая родственный данному жанру вид вокальной рапсодии³³. Тема песни касается не личных событий, а судьбы народа; композиция произведения основана на чередовании эпизодических партий, восходящих к народным образцам (мазур, краковяк) и к популярным («Śpiewy historyczne», патриотическая лирика); эмоциональный характер песни может быть определен как лирико-трагедийный пафос, стилистический — как «рапсодичность»; этот тип получает развитие лишь у раннего Шимановского³⁴.

III

Лишь три песни Шопена можно причислить к жанру чистой романтической лирики; каждая из них представляет собой несколько иную разновидность.

Хотя многие нити связывают песню «Moja pieśń» (1837 г.) еще с раннеромантическим типом («Tanzlied» из пасторальных песен) и с популярной песней (любовная шляхетская), однако характер текста и музыки, а также принципы мелодического развития позволяют видеть в ней танцевальную разновидность любовной лирики³⁵.

Песня «Niema czego trzeba» (1845 г.) связана с чертами общеславянской песни-думы (польской и украинской), продолжая линию «Smutnej rzeki». Не чужда она и некоторым оперным влияниям³⁶. Она представляет собою пример лирического раздумья. Лучшим его образцом является «Melodia» (1847 г.), последняя и наиболее зрелая из песен Шопена. Это

³¹ Например, А. Радзивилл. «Баллада о Фульском короле» и «Баллада о блохе» из музыки к «Фаусту»; В. Кратцер. «Возвращение трубадура»; М. Шимановская. «Свитезянка». См. И. Бэлза. Мария Шимановская. М., 1956; Т. Strumiłło. Śpiewy historyczne J. U. Niemcewicza. — «Studia Muzykologiczne», t. IV, Kraków, 1956; Z. Jachimowski, W. Pozniak. Antoni Radziwiłł i jego muzyka do «Fausta». Kraków, 1957; J. Gabryś, J. Cybulska. Z dziejów polskiej pieśni solowej. Kraków, 1960.

³² Вместе с песней «Życzenie» под названием «Dwa śpiewy» впервые издано Коциньским в Киеве, очевидно, около 1836 г.

³³ Из музыки инструментальной на вокальную этот термин перенес Брамс в «Рапсодии», оп. 53 («Narzeczony»).

³⁴ Три фрагмента из поэм Я. Каспровича, оп. 5.

³⁵ Выдающиеся образцы этого вида дал Чайковский, который не избегал усиления танцевального элемента («Средь шумного бала»). В польской музыке отражение шопеновской концепции неожиданно проявилось у Л. Ружицкого в «Piosnce Caton» (из оперы «Казанова»).

³⁶ Отсюда, возможно, известное сходство с некоторыми из «Śpiewów historycznych» и с балладно-романсовым творчеством Шимановской («Pieśń z wieży»).

произведение большой силы и экспрессии (лирико-трагедийная разнообразность), в котором как бы суммирован весь опыт песенного творчества композитора, особенно нетанцевальной песни, думы-баллады. Польская песня почти в течение всего XIX в. не имела произведений подобного стиля. Он был подхвачен лишь в раннем творчестве Карловича и Шимановского³⁷.

* * *

Переходя к выводам, следует прежде всего сказать, что песни Шопена в истории польской музыки имеют основополагающее значение. Шопен создал польскую романтическую песню. Он, а не Монюшко, установил окончательно тип пасторальной песни и думки, стал основоположником народной и романтической песни, а также баллады и вокальной рапсодии, а в своих лучших произведениях дал образцы любовной и психологической лирики.

То обстоятельство, что большинство песен Шопена не было опубликовано раньше 1859 г.³⁸, обусловило, что ряд достижений Шопена повторил позднее Станислав Монюшко независимо от него. Однако многое из заложенного в произведениях Шопена было развито лишь композиторами «Молодой Польши»³⁹.

Процесс преодоления раннеромантического стиля и остатков старой традиции протекал у Шопена постепенно, но сразу же в определенном направлении: к большому синтезу, ведущему к романтической песне в национальном стиле. Исходным пунктом были те элементы, которые он застал, но строго отобранные. Не на романсах Огиньского, Радзивилла и Шимановской, не на псевдоклассических «Исторических песнях» строит Шопен свои песни. Он исходит, с одной стороны, из коренящихся в народной традиции популярных жанров (патриотическая и застольная песня, пляшетская любовная песня танцевального характера, городской и водеvilный романс и эльснеровская песня im Volkston), с другой — из народной традиции. Важно, что он исходит не только из исключительно до этого использовавшейся народной песни с припевом (танцевальной), но также и из думо-балладовой и обрядовой («старого стиля»).

По названным выше причинам возникли стилистические различия между большинством песен Шопена и творчеством его предшественников. Определим точнее эти различия.

1. Шопен, в противоположность своим предшественникам, обращается исключительно к польским текстам, исключительно современным, более или менее романтическим по характеру, обычно в той или иной степени романтическим — к таким, к которым у него появляется свой подход. Большинство составляют при этом народные обработки или стилизации.

2. Путем пропуска строф или так называемой инструментовки текста⁴⁰ Шопен приспособливает тексты к собственной концепции. Выбор формальной структуры, метра, фактуры определяется в большой мере стилистическими, синтаксическими и версификационными особенностями стихотворения. Отсюда та органическая связь между словами и

³⁷ У Карловича особенно в песнях «Skąd pierwsze gwiazdy» (Словацкий) и «Przed porą wiosną» (Красинский), у Шимановского в цикле на слова Каспровича («Jestem i płaczę»).

³⁸ «Zyczenie», «Wojak», «Przecz z moich oczu» и «Hulanka» изданы раньше, чем сборник Фонтаны.

³⁹ На это обращал внимание уже А. Хибинский в 1909 г. (указ. соч.).

⁴⁰ Усиление текста благодаря системе инструментальных удвоений (ср. «Piosnka litewska», «Moja pieszczotka», «Melodia»).

музыкой, которой Шопен во многих песнях сумел достичь лучше, чем кто-либо из польских композиторов.

3. Шопен во многих своих песнях порывает с традиционностью, господствовавшей в польском романсе и раннеромантической песне в области тональности, гармонии, мелодики и фактуры, с влияниями оперности, с вычурностью фактуры.

4. Значительный запас новых или впервые примененных средств, взятых из народного и популярного творчества, служит для создания новой художественной концепции (лидийские, эолийские, фригийские обороты, тональная неустойчивость, выдержанные ноты, «пустые» аккорды, специфические кадансовые построения и т. д.).

5. Концепция Шопена чаще всего максимально лаконична, в соответствии с провозглашенным романтиками стремлением к максимальной простоте фактуры. О степени проникновения в народно-популярный стиль свидетельствуют затакты, господствующие во *всех* песнях Шопена; ни до него, ни после не следовали этому принципу.

Песни Шопена имеют бесспорное значение как один из источников понимания процесса образования национального стиля композитора, так как показывают способ, которым происходил у него синтез народных, бытовых и профессиональных элементов. Кроме того, песни Шопена привлекают наше внимание к совершенно не изученным до сих пор, но заслуживающим исследования элементам бытовой песни; это те элементы, которые в фортепьянном творчестве Шопена проявляются главным образом в произведениях, неправильно характеризовавшихся до сих пор как «менее явно» ⁴¹ выдержанные в национальном стиле.

⁴¹ Z. Lissa. Указ. соч.

И. Ф. Бэла

РОЛЬ ДВОРЖАКА И ЕГО ШКОЛЫ В РАЗВИТИИ РУССКО-ЧЕШСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

I

Связи между музыкальными культурами славянских народов основываются не только на исконной общности народных истоков этих культур, но и на сознательном стремлении славянских музыкантов постигать, показывать и развивать черты этой общности. В письме к Э. Ф. Направнику, датированном 23 января 1871 г., Бедржих Сметана, говоря о своей «Проданной невесте», указывал, что он стремился придать этому сочинению «определенный чешско-славянский характер» (*určistý raz českoslovanský*)¹.

Уже в середине прошлого столетия в Чехии начали завоевывать всенародное признание произведения не только Пушкина, имя которого, по выражению одного из переводчиков поэта Вацлава Бендля (1832—1870 гг.), «стало девизом всех непокорных», но и Глинки. Значение его как великого композитора, вместе с Шопеном утвердившего мировое значение славянской музыки в первой половине XIX в., стало особенно ясным чешской общественности после исполнения в Праге обеих опер Глинки, которыми дирижировали как Балакирев, так и Сметана, впоследствии с гордостью прозванный своими соотечественниками «чешским Глинкой».

Крайне показательно, что В. В. Стасов, опубликовавший в связи с этими пражскими постановками статью «Чехи и русская опера» («С.-Петербургские ведомости», 10 марта 1867 г.), цитируя отзывы чешской прессы, обратил особое внимание на те из них, в которых подчеркивалась основополагающая роль Глинки в истории *славянской* оперной школы. Приведем отрывки из некоторых отзывов, собранных Стасовым.

«...Если когда-нибудь будет стоять во всей полноте совершенства здание, называемое „славянская оперная школа“, то о Глинке будут с благодарностью вспоминать, как о самом первом между теми людьми, которые, взяв за основание бесконечно богатые музыкальные элементы своей нации, ступили первые шаги для того, чтобы воплотить идею, воодушевляющую теперь уже весь славянский мир и обещающую такие последствия, которых и высчитать нельзя». «...Неудивительно, что эти произ-

¹ И. Ф. Бэла. Письма Б. Сметаны и Ст. Мажарко к Э. Ф. Направнику. — «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 14, 1955, стр. 73—74.

ведения встречают в каждом славянском сердце такое горячее сочувствие... „Руслан и Людмила“ — великолепное создание, которое, в отношении национальном, может служить нашим композиторам за образец...».

«То был важный, торжественный вечер, и нам выпало тогда на долю почтить на собственной сцене память одного из величайших славянских гениев», — писал один из рецензентов о «Руслане и Людмиле», тогда как другой останавливался на «Иване Сусанине», заявляя: «При первом же взгляде находим, что Глинка первый попытался живо и полно выразить дух славянский, который до того времени еще не находил себе в музыке полного выражения; он первый сделал удачный шаг к тому, чтобы дух славянский, хранящий в себе нечаемую мощь непробужденных еще, непознанных сил, сделался, наконец, самобытным деятелем на поприще музыкального искусства»².

Мы привели эти выдержки для того, чтобы напомнить, какую огромную роль в истории русско-чешских музыкальных связей сыграли пражские постановки глинкаевских опер, вызвавшие в Чехии глубокие раздумья и смелые высказывания об исторической общности славянских народов, их культур, а также, как явствует из заключительных слов последней цитаты, — освободительных стремлений. Слова эти о «нечаемой мощи непробужденных еще, непознанных сил» прямо перекликаются с «Песней темного леса», написанной Бородиным на собственный текст через какой-нибудь год после появления этой рецензии. В музыке и словах Бородина зазвучал гимн «воле, волюшке вольной» и возникли вещи и титанические образы того, о чем пел «темный лес»:

Как та волюшка разгулялася,
Как та силушка расходилася,
На расправу шла волюшка,
Города брала силушка
И над недругом потешалася,
Кровью недруга ушивалася...

И эти слова находили отклик в сердцах потомков гуситских воинов и потомков тех героев-мучеников антигабсбургского восстания 1620 г., которых воспел классик чешской музыки Антонин Дворжак в 1872 г., когда был создан (на текст стихотворения Витезслава Галека «Наследники Белой Горы») его «Гимн» для хора и симфонического оркестра.

Вклад Дворжака и его школы в развитие личных и творческих межславянских музыкальных связей огромен. У нас есть все основания предполагать, что именно точку зрения автора «Славянских танцев» высказал близкий к дворжаковской школе чешский музыкально-общественный деятель Болеслав Шнабль-Каленский (1868—1913 гг.), ученик Новака, друг Сука и Недбала, неутомимый пропагандист русской музыки в Чехии. Каленский писал Балакиреву в начале 900-х годов о «совершенном единстве художественных идей русской и чешской музыки»³, а в другом письме, сопоставляя русскую и чешскую песню, отмечал, что это «служит вновь доказательством моему убеждению, что *дух всех славянских народных песен* имел в сущности один общий корень»⁴. Такой взгляд на общность народных истоков русской и чешской музыки и творческих стремлений славянских мастеров в высшей степени характерен как для самого Дворжака, так и для многих его учеников и их воспитанников.

² В. В. Стасов. Избранные статьи о М. И. Глинке. М., 1955, стр. 82, 87—89.

³ Рукописный отдел Ин-та русской литературы АН СССР в Ленинграде, ф. 162, оп. 4, д. 477, л. 21 об.

⁴ Там же, д. 479, л. 9.

К школе Дворжака принадлежал, в частности, его ученик Рудольф Рейсиг, который, будучи директором музыкального училища филармонического общества «Брюненский клуб», как мы знаем из писем Каленского, часто включал в программы концертов, устраивавшихся обществом в столице Моравии, произведения русских композиторов ⁵.

II

Мы не располагаем точными сведениями о том, что Антонин Дворжак с детских и отроческих лет был знаком с русской литературой и музыкой. Но из многих источников (вспомним хотя бы «Путевые письма из славянских земель» И. Срезневского) мы знаем, однако, что, когда Дворжак учился в Нелагозевсе, Злоничах и Каменицах, т. е. в 40—50-х годах прошлого столетия, в Чехии получили распространение не только произведения великих русских писателей, но и многие русские песни и романсы.

После жестокой расправы над участниками пражского восстания 1848 г. (Дворжаку тогда не было еще семи лет) габсбургская реакция в Чехии еще более усилилась. Австрийская полиция яростно преследовала чешских патриотов, боровшихся за развитие национальной культуры и стремившихся к укреплению связей с братским русским народом и с его передовой культурой. Но даже в период жесточайшей реакции передовая чешская общественность не переставала изучать русский язык, произведения русской литературы и искусства, хотя распространение этих произведений в Чехии было сопряжено тогда с огромными трудностями.

Дворжак приехал в 1857 г. в Прагу и поступил там в Органную школу. Через два года в результате поражения Австрии в войне с Францией и Пьемонтом пало реакционное правительство австрийского премьер-министра Баха. Новое венское правительство, опасаясь растущего напряжения в стране, вынуждено было пойти на некоторые уступки во внутренней национальной политике. Уступки эти коснулись преимущественно культуры. И этим воспользовались чешские патриоты, к которым Дворжак примкнул еще в студенческие годы.

Эти годы ознаменовались не только творческими достижениями чешских писателей, композиторов, мастеров изобразительного искусства и театра, но и расширением культурных связей русской и чешской обществ. Описывая свое пребывание в Праге в конце 50-х годов, академик А. Пыпин отмечал: «На двух или трех концертах, которые давали любители в чешской „Беседе“ прошлую зиму, мне приятно было услышать русскую музыку Глинки, Варламова, Алябьева, хотя и с переводным чешским текстом. Я должен прибавить, что я имел также удовольствие несколько раз слышать одну из молодых и талантливых пражских певиц, которая прекрасно пела русские и малорусские песни и романсы на подлинном языке... Между пражскими литераторами, особенно молодыми, знание славянских наречий довольно распространено; число переводчиков, например с русского, значительно велико, и некоторые из них прекрасно выполняют свое дело: назовем мастерские переводы Бендля из Пушкина, покойного Гавличка из Гоголя, Томичка из Тургенева, не упоминая о других... Между пражской молодежью, никогда не бывавшей в России и мало видавшей русских, я встретил несколько человек, очень порядочно говоривших по-русски» ⁶.

Последнюю фразу можно сопоставить с известным свидетельством Балакирева, приехавшего в Прагу в начале января 1867 г. и писавшего

⁵ Там же, л. 22.

⁶ А. Пыпин. Мои заметки. М., 1910. «Два месяца в Праге», стр. 215.

оттуда Мусоргскому: «Сегодня был в классах школ, где сами студенты добровольно собираются и учатся по-русски (официально не разрешено иметь в университете кафедру русского языка). Их много...».

Приехав в Прагу, Дворжак получил возможность слушать произведения Глинки, Даргомыжского, Алябьева, Варламова, Гурилева и других русских композиторов, читать книги русских писателей (в самом начале 60-х годов Вацлав Бендль опубликовал, например, двухтомник своих переводов произведений Пушкина) и слушать русскую речь на «декламационках» — так назывались вечера, где любители литературы и музыки декламировали стихи и пели песни...

Начиная с середины 60-х годов, Дворжак стал особенно глубоко изучать творения Глинки. Вскоре после окончания Органной школы он поступил альтистом в пражский концертный ансамбль Комзака, а в 1862 г. вместе с другими членами этого коллектива перешел на работу в оркестр открывшегося в октябре того же года Временного театра, сооруженного чешскими патриотами по всенародной подписке. В оркестре театра Дворжак прослужил одиннадцать лет и, следовательно, участвовал в исполнении обеих опер Глинки. Еще в 1866 г. на сцене Временного театра под управлением Яна Непомука Майра впервые в Праге был поставлен «Иван Сусанин», а 16 февраля 1867 г. чешский оперный коллектив показал премьеру «Руслана и Людмилы», которой дирижировал приехавший в Прагу Балакирев. Под его управлением (22 февраля) шел и «Иван Сусанин».

В письмах к друзьям Балакирев сообщал, что оркестр и слушатели чествовали его «как представителя Глинки и русской музыки». В этих чествованиях русского композитора принимал, следовательно, участие и Дворжак, игравший тогда в оркестре Временного театра.

В дальнейшем обеими операми Глинки дирижировал в Праге Сметана. Под его управлением прозвучали также «Камаринская» (еще в марте 1865 г.), «Арагонская хата» и увертюра к «Князю Холмскому». В исполнении всех этих произведений Глинки, так же как и «Казачка» Даргомыжского (в мае 1869 г.), Дворжак участвовал в качестве альтиста.

К концу своей одиннадцатилетней службы в оркестре Временного театра Дворжак выдвинулся как композитор. Дарование его высоко оценил Сметана, возглавивший в те годы борьбу за национальную самобытность чешской музыкальной культуры. Усвоение опыта русской классической музыки в значительной мере способствовало успеху этой борьбы, завершившейся созданием чешской музыкальной классики.

Так же как в оперном первенце Глинки, положившем начало классической традиции русской оперы, во многих музыкально-сценических произведениях Сметаны и Дворжака на первый план выдвигается образ народа, борющегося за свою свободу и национальную независимость. В первой чешской классической опере «Бранденбургцы в Чехии» Сметана смело поставил в центре событий пражскую бедноту (образ ее раскрыт в мощных хорах) и ее вожака Йиру.

Подобная же тема легла в основу и первой оперы Дворжака «Альфред», написанной в 1870 г. Это произведение не удовлетворило композитора, и он решил его не публиковать. Заметим, однако, что наиболее значительны по художественной ценности в этой опере именно хоровые сцены (хоры английских воинов, защищающих родину от вторгшихся в нее иноземцев).

Сметана, Дворжак, Монюшко и другие творцы чешских и польских опер неизменно продолжали в своем творчестве идущую от Глинки традицию народности. Они стремились к правдивому воплощению образа народа, придавая большую драматическую силу и действенность хору как носителю этого собирательного образа.

Именно с такой трактовкой хора мы встречаемся в опере Дворжака «Димитрий», написанной в 1881 г. на сюжет из русской истории. Как известно, либреттистка оперы Мария Червинкова, дочь лидера реакционной «старочешской» партии Ригера, отклонилась от исторической правды. Но, вопреки либретто, главным действующим лицом которого является Самозванец, Дворжак широко развил массовые хоровые сцены первого и четвертого актов и, по существу, центральное место в драматургии оперы занял образ русского народа⁷.

Великолепные хоры «Димитрия» неоспоримо свидетельствуют о том, что композитор глубоко изучил самобытные традиции русского народного пения. Вместе с тем нельзя не заметить, что музыкальный образ Ксении Годуновой по лирической задушевности, напевной выразительности близок к образам русских женщин, созданным великими мастерами нашей оперной классики, особенно к образам опер Чайковского, которого автор «Димитрия» горячо любил не только как композитора, но и как человека.

III

Дворжак познакомился с Чайковским, как свидетельствует запись в дневнике Петра Ильича, в день его первого приезда в Прагу, 31 января (12 февраля) 1888 г.⁸ На следующий день Дворжак посетил Чайковского и, несмотря на свою «нелюдимость», о которой столько писали зарубежные газеты, просидел у него два часа, как сообщал об этом Петр Ильич брату Модесту. Судя по дальнейшим записям в дневнике Чайковского, он виделся с Дворжаком ежедневно, обедал у него, фотографировался вместе с ним⁹ и слушал его произведения (в частности, законченный тогда фортепьянный квинтет).

Между композиторами завязалась искренняя дружба. Музыка Дворжака произвела на Чайковского глубокое впечатление, и он решил добиться приглашения чешского композитора в Россию. Перед отъездом Чайковского из Праги Дворжак подарил ему экземпляр партитуры своей Второй симфонии (хранится в Государственном доме-музее Чайковского в Клину). Прощаясь, композиторы обменялись фотографическими карточками. «Моему дорогому и глубокоуважаемому другу Антонину Дворжаку от искреннего почитателя», — написал Петр Ильич на своем портрете, подаренном Дворжаку 20 (8) февраля 1888 г.¹⁰ «Незабываемому другу Петру Ильичу Чайковскому», — гласит надпись, сделанная Дворжаком 21 февраля того же года на его портрете¹¹.

Из Праги Чайковский направился во Францию, затем в Англию, а на обратном пути остановился в Вене, откуда написал Дворжаку письмо. Дворжак не владел русским языком, а Чайковский слабо знал чешский, поэтому он написал по-немецки, над чем сам пошутил в начале письма, приводимого ниже в русском переводе.

⁷ Подробный анализ либретто «Димитрия» содержится в обширной вступительной статье Ярмила Бургхаузера к критическому изданию текста оперы (Прага, 1961).

⁸ Приездом Чайковского в Прагу посвящена книга: V. Š t ě r á n e k. Pražské navštěvy P. I. Čajkovského. Praha, 1952.

⁹ «Дневники П. И. Чайковского». М., 1923, стр. 197. К сожалению, чешским исследователям до сих пор не удалось найти негатив или отпечатки этого снимка.

¹⁰ Опубликовано В. Штепанком в журнале «Hudební rozhledy», 1953, № 16, str. 749.

¹¹ В настоящее время портрет этот находится в Государственном доме-музее Чайковского в Клину.

27 марта 1888

Вена

Мой милый, хороший, высокочтимый друг!

Хотя мне ужасно трудно писать по-немецки, я должен все-таки воспользоваться этим общеславянским языком, чтобы сообщить Вам, что я думаю о Вас очень часто, что я никогда не забуду, как хорошо и по-дружески Вы приняли меня в Праге. Я пробыл 3 $\frac{1}{2}$ недели в Париже (где мои концерты имели очень большой успех), затем в Лондоне, где все было также совсем хорошо, а сейчас я возвращаюсь обратно в Россию и нахожусь в Вене только проездом. Милый друг, передайте сердечный привет Вашей милой жене и позвольте мне еще раз сказать, что я очень рад и счастлив, что приобрел Вашу драгоценную дружбу. Надеюсь, что увижу Вас опять в ноябре! Крепко жму Вам руку и остаюсь

Ваш верный друг

П. Чайковский¹²

Оркестр в Лондоне очень хорош, и, в частности, с листа читают эти люди совсем поразительно. Говорили часто о Вас, симфонию Вашу ждут с нетерпением. Ондражичек играл прекрасно в том же концерте¹³. Шлю сердечный привет Бендлю, Фибиху, Коваржовицу, Ондражичку младшему, Неруде, Чеху, Ангелу и всем добрым друзьям. До свиданья¹⁴!!!

В ноябре того же 1888 г. Чайковский, как он и предполагал, вновь приехал в Прагу, где дирижировал концертом из своих произведений, а 6 декабря (24 ноября) — триумфально прошедшей премьерой «Евгения Онегина», поставленного на большой сцене Национального театра. На банкете, устроенном дирекцией театра вечером после спектакля, Петр Ильич сидел рядом с Дворжаком и в ответ на его приветствие обнял и поцеловал своего друга. Банкет был очень многолюдным, тосты, чтение приветственных телеграмм, присланных из многих чешских городов, и всеобщее оживление не дали возможности двум композиторам подробно поговорить о спектакле. На следующий день Чайковский уехал из Праги, поэтому он обратился к Дворжаку с просьбой написать ему о своих впечатлениях об «Онегине».

В архиве Чайковского сохранился написанный рукой неизвестного лица русский перевод этого письма Дворжака (оригинал по-чешски), датированного 14 (2) января 1889 г. Приводим этот перевод.

Дорогой мой друг!

Когда Вы были последний раз у нас в Праге, я обещал Вам написать о Вашей опере «Онегин».

Меня к тому побуждает не только Ваша просьба, но и собственное мое чувство, которое меня заставляет высказать Вам все, что я почувствовал, слушая Ваше произведение. С радостью признаюсь, что Ваша опера произвела на меня большое и глубокое впечатление, именно такое, какое я всегда ожидаю от настоящего артистического творения, и не задумываюсь сказать, что ни одно из Ваших сочинений мне так не понравилось, как Ваш «Онегин».

¹² Чайковский подписался дважды: по-немецки и по-чешски.

¹³ Т. е. во втором концерте Лондонского филармонического общества 22 (10) марта 1888 г.

¹⁴ Чешский перевод письма, найденного О. Шоурком весной 1951 г., опубликован в кн.: О Sourek. Dvořák ve vzpomínkách a dopisech. Praha, 1951, str. 102.

Это чудное сочинение, полное теплого чувства и поэзии, разработанное до деталей, коротко сказать: это музыка, манящая нас к себе и проникающая так глубоко в душу, что ее нельзя забыть.

Когда я бываю в театре, я чувствую себя унесенным в другой мир. Поздравляю Вас и нас с таким произведением, и дай бог, чтобы Вы оставили свету еще много подобных сочинений.

*Целует Вас искренно преданный Вам
А н т о н и н Д в о р ж а к*

30 января того же года Чайковский послал Дворжаку из Фроловского письмо, в котором поблагодарил его за отзыв об «Онегине» и сообщил, что незадолго до того написал в Прагу Адольфу Патере¹⁵, прося переговорить с Дворжаком о его приезде в Россию. 1 марта 1889 г. Чайковский послал Дворжаку еще одно письмо¹⁶, показывающее, с какой заботой и вниманием относился Петр Ильич к своему чешскому собрату и как внимал он во все детали устройства концертов Дворжака в России, организованных Русским музыкальным обществом по инициативе Чайковского. В переписке с Дворжаком по этому вопросу принимали также участие В. Сафонов¹⁷ и П. Юргенсон.

Дворжак приехал в Москву 3 марта 1890 г. Остановился он у своего земляка Фрайтиска Йежишка, имевшего собственный дом на Спиридоновке. 11 марта (27 февраля) под управлением Дворжака состоялся в Москве его авторский концерт в восьмом симфоническом собрании Русского музыкального общества. В программу концерта композитор включил Третью, фа-мажорную симфонию (соч. 76), исполнившуюся в новой редакции 1887 г., Adagio из «Серенады» (для двух гобоев, двух кларнетов, двух фаготов, контрафагота, трех валторн, виолончели и контрабаса, соч. 44), «Скерцо каприччиозо» (соч. 66), Первую славянскую рапсодию (соч. 45) и «Симфонические вариации на собственную тему» (соч. 78).

Концерт вызвал многочисленные отклики московской прессы, в частности Н. Кашкина и Г. Конюса, отметивших национальное своеобразие музыки Дворжака, его мастерство как композитора и дирижера¹⁸.

В Петербурге Дворжак выступил 22 марта, продирижировав во втором отделении девятого симфонического собрания Русского музыкального общества своей Первой, ре-мажорной симфонией (соч. 60) и «Скерцо каприччиозо».

На следующий день Дворжак писал своему другу Густаву Эйму в Вену: «Вчерашний мой концерт в дворянском собрании прошел для меня блестяще. Общественность и оркестр приняли меня очень сердечно, и после каждой части симфонии — исполнялась Первая, D-dur — были продолжительные аплодисменты, а после Саргиссиозо я должен был несколько раз раскланиваться. В отеле «Европа» Рубинштейн (председатель Русского музыкального общества) устроил в мою честь банкет. Был он непродолжительным, но тем более сердечным. Рубинштейн пил за меня, скрипач Ауэр — за нового доктора музыки (все газеты получили телеграммы из Праги, и я тем более приятно был удивлен), я же выпил

¹⁵ Чешский перевод этого неопубликованного письма Чайковского см. в кн.: V. Štěpánek. Указ. соч., стр. 145—148.

¹⁶ O. Souček. Указ. соч., стр. 104, 105. Русский текст опубликован В. А. Киселевым в статье «Антонин Дворжак в России» («Советская музыка», 1951, № 11).

¹⁷ См. публикацию В. А. Киселева «Переписка А. Дворжака с В. И. Сафоновым» («Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 17, 1955).

¹⁸ В упоминавшейся статье В. А. Киселева «Антонин Дворжак в России» собраны появившиеся в русской печати рецензии на концерты Дворжака.

за Рубинштейна...»¹⁹. В том же письме Дворжак выражает глубокое удовлетворение по поводу того, что и в Москве «оркестр был увлечен моими сочинениями и играл с большим подъемом».

Из Петербурга Дворжак выехал 23 марта и вернулся на родину после «большой моральной победы», как он сам назвал свои успехи в братской славянской стране.

К большому огорчению Дворжака, ему не удалось повидаться в России с Чайковским, который находился тогда во Флоренции и заканчивал «Пиковую даму». Не виделись композиторы и в Праге, куда Чайковский приехал в октябре 1892 г. на премьеру «Пиковой дамы»: в это время Дворжак уже находился за океаном. Но оба они постоянно вспоминали друг друга; так, в известном интервью Чайковского, данном им в ноябре 1892 г., упоминается Дворжак «в полном расцвете своего таланта...».

Дружба Чайковского и Дворжака, которую по справедливости можно назвать одной из самых ярких страниц истории русско-чешских музыкальных связей, была основана не только на личной симпатии, но и на общности творческих стремлений этих великих мастеров. Чрезвычайно поучительно, например, сопоставить «Евгения Онегина» с «Якобинцем» и сравнить в них образы усадебного быта, насыщенные выразительными темами народно-песенного характера, получающими подлинно симфоническое развитие.

Слушая «Русалку» Дворжака, сюжетно столь близкую «Ундины» Чайковского, нельзя не отметить интонационную близость возвышенной лирики Дворжака и волнующей, «от сердца к сердцу» идущей лирики Чайковского. Эта близость, основанная на общности славянских песенных истоков творчества обоих композиторов, ощущается и в их камерных произведениях, в которые как Чайковский, так и Дворжак смело вводили народно-бытовые темы; вспомним хотя бы бессмертное *Andante cantabile* из Первого квартета Чайковского и «Думку» ми-бемоль-мажорного квартета Дворжака. В симфониях Дворжака, в особенности во Второй и Пятой, отчетливо ощущается близость к «богатырской» традиции русского симфонизма, столь плодотворно развивавшейся не только в нашей, но и в западнославянской музыке.

IV

Близость к классическим образцам русской музыки проявилась уже в сравнительно ранних произведениях Дворжака. Так, 17 апреля 1875 г. пражский журнал «Даллбор» опубликовал критическую статью, посвященную разбору сочиненного в 1874 г. ля-минорного струнного квартета Дворжака. В этой статье выдающийся чешский композитор Зденек Фибиш писал: «Уже начальная тема первой части имеет отчетливо выраженный славянский характер: да, мы сказали бы даже, что она несколько напоминает свежие мелодии Глинки». Не лишено интереса также то обстоятельство, что в опере «Черт и Кача» Дворжак построил характеристику гротескно изображенного царства чертей на целотонной гамме, применив таким образом глинкавский прием характеристики Черномора.

Нет надобности говорить о «влияниях» в том смысле, который вкладывается в это слово буржуазным искусствознанием. Речь идет об усвоении творческого опыта русской классической музыки, которое помогло твор-

¹⁹ О. Š o u t e k. Указ. соч. В марте 1890 г. Карлов университет в Праге присудил Дворжаку степень доктора музыки. Однако габсбургское правительство не утвердило этого решения под тем предлогом, что такой степени не существовало в австрийских университетах. Годом позже Карлов университет присвоил Дворжаку степень доктора философии.

дам чешской музыкальной классики, в том числе и Дворжаку, в их борьбе за национальную самобытность отечественной культуры, за воплощение в ней передовых освободительных идей, за правдивость, благородство и высокую человечность искусства.

Дворжак не только сам глубоко изучал русскую музыку (о чем свидетельствуют, в частности, его «Русские песни в форме дуэтов»), но и знакомил с ее достижениями своих многочисленных учеников. Можно напомнить, например, что в первый состав знаменитого Чешского квартета вошли три ученика Дворжака — Йозеф Сук (1874—1935 гг.), Оскар Недбал (1874—1930 гг.) и Отто Бергер (1873—1897 гг.) и что именно этот ансамбль, созданный в 1891 г. другом Дворжака профессором Ганушем Виганом (1855—1920 гг.), явился неутомимым пропагандистом русской музыки. В репертуаре Чешского квартета, совместно с которым в России, Чехии и других странах не раз выступали Танеев и Рахманинов, были камерно-инструментальные произведения Бородина, Чайковского, Танеева, Глазунова, Рубинштейна, Афанасьева, Аренинского, Глиэра, Ипполитова-Иванова и других русских композиторов. Многие из этих сочинений репетировались и исполнялись в присутствии самого Дворжака.

К числу бесспорных заслуг Чешского квартета принадлежит творческое постижение музыки «русского Баха» — так начали называть зарубежные критики С. И. Танеева, поразившего музыкальный мир своим великолепным полифоническим мастерством, благородством и глубиной мысли.

10 октября 1902 г. Каленский с гордостью писал Балакиреву: «И что случилось с квартетами *Танеева* в исполнении „Чешским квартетом“? Сам автор был поражен их удивительно художественной, верной передачей, со стороны „Чешского квартета“ — или, как пишут русские, „богемского“ — и он, пожимая руки его членов, сказал им, что они „нашли в его произведениях такие мелочи, значения которых он сам раньше не видел и не предполагал“. Это еще не все. „Чешский квартет“ во всем мире распространил квартеты *Танеева* и всегда заставлял по крайней мере уважать их автора, если и не увлекал ими. Мои друзья из „Чешского квартета“ мне неоднократно рассказывали, что квартеты *Танеева* имели неожиданный успех даже в *Италии*. Странная судьба! Представьте себе публику, накормленную музыкой Верди и Масканы, перед глубоким, недоступным ей как темный лес русским Бахом, контрапунктистом *Танеевым*!»²⁰

«Король альтистов» Недбал, принимавший долгое время участие в концертных поездках Чешского квартета, приобрел также европейскую известность в качестве симфонического дирижера. Под его управлением особенно часто исполнялись в Чехословакии и в других странах, в том числе и в России, симфонии, поэмы и многие другие произведения его учителя Дворжака.

Исключительно большое место в репертуаре Недбала, как подчеркивает его биограф Мирослав Шульц²¹, занимали произведения русских композиторов, исполнявшиеся им во многих городах России, Чехословакии, Польши, Югославии в 1901—1930 гг. На протяжении этих лет под его управлением прозвучали сочинения Глинки («Камаринская», увертюра к «Руслану и Людмиле»), Бородина (Первая симфония, увертюра к «Князю Игорю»), Римского-Корсакова (музыкальная картина «Садко», «Фантазия для скрипки с оркестром на русские темы», увертюра «Светлый праздник», «Шехеразада», «Испанское каприччио»), Чайковского (Вторая, Четвертая, Пятая и Шестая симфонии, «Итальянское каприччио»

²⁰ Рукописный отдел Ин-та русской литературы АН СССР, ф. 162 (архив М. А. Балакирева), оп. 4, д. 478, л. 31.

²¹ M. Šulc. Oskar Nedbal. Praha, 1959.

«Буря», «Манфред», «Ромео и Джульетта», Третья сюита, увертюра «1812 год», «Славянский марш», Первый и Второй концерты для фортепьяно с оркестром, концерт для скрипки с оркестром, сюита из балета «Щелкунчик»), А. Рубинштейна (фортепьянные концерты), Танеева (Концертная сюита для скрипки с оркестром), Аренского (фортепьянный концерт), Рахмаинова (Второй и Третий фортепьянные концерты), Глазунова (Пятая симфония, балетная сюита «Торжественная кантата», концерты для скрипки и для двух виолончелей). Незадолго до своей трагической смерти Недбал дирижировал в Праге «Борисом Годуновым» Мусоргского.

Следует отметить также, что Недбал часто исполнял произведения Шопена, Венявского, Носковского, Карловича, Шимановского, Ружицкого, Падеревского, М. Солтыса и других польских композиторов и что в творчестве его отчетливо ощущаются своеобразные национальные черты, присущие ему как чешскому композитору, а вместе с тем и черты общности с музыкальными культурами других славянских народов. Этим чертам, как известно, придавал большое значение сам Дворжак (вспомним хотя бы его оперы «Димитрий» и «Вацла», а также «Славянские танцы»), привлекавший к ним внимание своих друзей и учеников. Дружба с Дворжаком сыграла, в частности, большую роль в углублении интереса и симпатии Леопольда Яначка к русскому народу и его культуре.

V

Нет сомнения, что разносторонняя деятельность Яначка заслуживает быть особо отмеченной в истории русско-чешских музыкальных связей. Под его управлением и благодаря его инициативе прозвучали в Моравии многие произведения русских композиторов, были поставлены русские оперы. На страницах чешской периодической прессы систематически появлялись статьи Яначка о русской музыке, о его впечатлениях от поездок в Россию, которую он так горячо любил.

«Для чешского композитора изучение русского музыкального опыта имеет громадное значение», — подчеркивал Яначек в своей статье, опубликованной после первого приезда Чайковского в Прагу. Яначек изучал, однако, не только музыкальную культуру русского народа, но и его язык и литературу. Многие произведения Яначка, начиная с юношеской мелодрамы «Смерть», написанной в 1876 г. на слова Лермонтова, созданы на тексты и сюжеты русских писателей.

Вскоре после возвращения из первой поездки в Россию Яначек вместе со своими моравскими друзьями основал в Брно «Русский кружок», просуществовавший с 1897 до 1915 г., когда габсбургские жандармы закрыли его. Здесь, в этом кружке, чешские патриоты читали книги русских писателей, пели русские песни, обсуждали произведения русских композиторов, исполнявшиеся под управлением Яначка и его учеников на сцене брнонского Национального театра, в симфонических и камерных концертах.

Деятельное участие принимал Леопольд Яначек и в жизни Клуба друзей искусства в Брно, где часто звучала русская музыка. Так, Яначек участвовал, например, в литературно-музыкальном вечере, организованном клубом в связи с восьмидесятилетием Льва Толстого.

Творчество Л. Толстого Яначек особенно любил. В 1907 г. он начал писать оперу «Анна Каренина», а в 1916 г. — оперу «Живой труп». Правда, в обоих случаях композитор прервал работу, сделав только первые наброски. В 1908 г. под впечатлением «Крейцеровой сонаты» было написано фортепьянное трио Л. Яначка, впервые исполненное на упоминавшемся

вечере Клуба друзей искусства (в 1909 г.). В 1923 г. композитор вновь вернулся к образам «Крейцеровой сонаты» в струнном квартете.

В 1915—1918 гг. он работал над симфонической рапсодией «Тарас Бульба» (в трех частях). Несколько лет спустя он писал своему другу Рихарду Веселому по поводу этого сочинения: «Не из-за убийства собственного сына (первая часть: „Резня под Дубно“), не из-за мученической смерти второго сына (вторая часть: „Варшавская тризна“), но из-за слов: „*Не найдутся на свете такие огни, такие муки*, которые сломили бы силу русского народа“, из-за этих слов, падающих в горячие искры, в пламень костра, на котором окончил жизнь свою прославленный атаман козацкий Тарас Бульба (третья часть и заключение), сочинил я эту рапсодию по повести, написанной Н. В. Гоголем»²².

Опера «Катя Кабанова» Яначка (1919—1921 гг.) написана на сюжет «Грозы» Островского. Закончился творческий путь моравского мастера оперой «Из мертвого дома» (1927—1928 гг.), сюжетом которой также послужило одно из великих творений русской литературы.

Владимир Гельферт, Людвиг Кундера, Ян Радек, Ярослав Прохазка, Богумир Штедронь и другие чехословацкие музыковеды собрали обширный материал о творческой, исполнительской, музыкально-критической, общественной и педагогической деятельности Яначка. Основанная им в Брно Органная школа была подлинным очагом русско-чешской дружбы²³.

Роль Яначка в развитии и укреплении русско-чешских связей заслуживает специального исследования. Ожидает изучения и плодотворнейшая деятельность в этой области Сергея Ивановича Танеева, творческое содружество которого с Чешским квартетом, длившееся около двадцати лет, было одним из ярчайших проявлений дружбы русских и чешских музыкантов²⁴. Каленский в своих письмах не раз упоминает Танеева, произведения которого исполнялись не только Чешским квартетом, но и «Пражским глаголом», и оркестром Чешской филармонии.

Автор упоминавшейся нами книги «Приезды Чайковского в Прагу» Владимир Штепанек напоминает о том, что Чешскому квартету посвящен Четвертый струнный квартет Танеева, который часто выступал вместе с этим ансамблем, проникновенно исполнявшим его произведения²⁵. Штепанек впервые опубликовал (в чешском переводе с немецкого) два письма Танеева к первому скрипачу Чешского квартета Карлу Гофману²⁶.

С Чешским квартетом выступал и другой великий русский музыкант — С. В. Рахманинов²⁷, который исполнял, в частности с Карлом Гофманом и Ганушем Виганом, свое «Элегическое трио». Известно также, что виолончельный концерт си-минор Дворжака исполнялся в Москве прославленным испанским виолончелистом Пабло Казальсом: в 1906 г. под управлением польского дирижера Эмиля Млынарского, а в 1912 г. — Рахманинова²⁸.

²² См. вступительную статью Отакара Шоурка к изданию партитуры «Тараса Бульбы» (Прага, 1947, стр. 1).

²³ Ценные сведения об изучении русской музыки в брношской Органной школе можно найти в кн.: L. K u n d e r a. Janáčkova varhanická škola. Olomouc, 1948.

²⁴ См. И. Ф. Б э л з а. Очерки развития чешской музыкальной классики. М., 1951, стр. 382; Л. Г и н з б у р г. Гануш Виган и Чешский квартет. М., 1955, стр. 27—31.

²⁵ V. Š t ě p á n e k. Jubileum Sergeje Ivanoviče Tanějeva. — «Hudební rozhledy», t. VIII, Praha, 1955, str. 537.

²⁶ Там же, стр. 537—538. Русский перевод этих писем см. в упоминавшейся работе Л. Гинзбурга о Гануше Вигане, стр. 48—50.

²⁷ См., например, письмо Рахманинова к Н. С. Морозову от 19 ноября (2 декабря) 1908 г. (С. В. Р а х м а н и н о в. Письма. М., 1955, стр. 354—355).

²⁸ Л. Г и н з б у р г. Пабло Казальс. М., 1958, стр. 127, 145.

Подобно Балакиреву, Чайковскому, Танееву и другим крупнейшим мастерам русской музыкальной культуры, Рахманинов высоко ценил национальное своеобразие чешской музыки, почерпнутое из ее народных истоков. В интервью, данном корреспонденту американского журнала «The Etude» в 1919 г., Рахманинов наряду с именами Римского-Корсакова и Грига назвал и имя Дворжака — одного из великих композиторов, которые «обращались к народному мелосу, как к естественному источнику вдохновения»²⁹.

VI

В истории русско-чешских музыкальных связей не должно быть забыто и имя одного из наиболее выдающихся учеников Дворжака — композитора Витезслава Новака (1870—1949 гг.). Подобно своему учителю, он стремился обобщить своеобразные черты различных славянских интонационных пластов — чешского, моравского, словацкого.

Еще в юные годы Новак изучал русскую литературу, начав с чтения «Дворянского гнезда» и «Обломова», за которыми последовали произведения Пушкина (в переводах Бендля) и Гоголя (в переводах Гавличка-Боровского). Много интересного о жизни Новака мы узнаем из воспоминаний о нем, оставленных Каленским и использованных биографами композитора. Сам Новак в автобиографии подчеркивает, что он знакомился с большой библиотекой Каленского, в которой были собраны многие произведения русских композиторов и писателей, и даже начал под его руководством читать гоголевского «Ревизора» в подлиннике. Тогда же прочитал Новак и «Горе от ума» в чешском переводе Каленского³⁰.

Посещая постановки Национального театра, пражские симфонические и камерные концерты, принимая участие в домашнем музицировании, одним из организаторов которого был тот же Каленский, Новак имел возможность постепенно изучить оперы Глинки, «Князя Игоря», симфонии, симфоническую картину «В Средней Азии», квартеты и романсы Бородина, «Тамару» Балакирева, шедшие в Праге оперы Римского-Корсакова, а также его «Шехеразаду», «Антар», и «Светлый праздник», «Бориса Годунова», «Ночь на Лысой горе» и вокальные циклы Мусоргского, оперные, балетные и симфонические произведения Чайковского, некоторые симфонии Глазунова, «Божественную поэму» Скрябина, квартеты Танеева и другие сочинения великих русских мастеров. Не все эти сочинения одинаково нравились Новаку (Скрябина он, по-видимому, просто не понимал), но в целом русская музыка производила на него глубокое впечатление.

В своих автобиографических записках Новак отмечает, что симпатии его друзей и его самого более всех привлекал Бородин, а наряду с ним — «волшебник оркестровой палитры» Римский-Корсаков и Мусоргский, песни которого Новак называет гениальными. Замысел упоминавшихся нами баллад на слова Неруды возник у Новака, по его собственным словам, после того, как он прослушал «Песни и пляски смерти» Мусоргского³¹. О русской музыке и ее мастерах Новак беседовал со своим учителем Дворжаком и артистами Чешского квартета, не раз бывавшими в России.

Вдумчивый исследователь творчества Новака и Сука, первый исполнитель многих фортепьянных произведений мастеров дворжаковской школы Вацлав Штепан (1889—1944 гг.) отмечает, что в ранних пьесах его учителя Новака ощущается близость к лирике Чайковского³².

²⁹ С. В. Рахманинов. Письма, стр. 556.

³⁰ V. Novák. O sobě a o jiných. Praha, 1946, str. 57—58.

³¹ Там же, стр. 71—72.

³² V. Štěpán. Novák a Suk. Praha, 1945, str. 16.

Рихард Веселы, друг и биограф Новака, пишет в статье о его пантомимах, что обращение композитора к этому жанру было отчасти обусловлено творческими достижениями русского балетного искусства, выдающиеся представители которого не раз приезжали в Чехию, причем Новак имел возможность знакомиться не только с их чисто хореографическим мастерством, но и с богатством применявшихся ими пантомимических средств выразительности. Сюжеты обеих своих пантомим, созданных в 1927—1929 гг., Новак почерпнул из рассказов Сватоплука Чеха.

«Signorina Gioventù» («Синьорина Молодость») примыкает к той традиции чешской литературы, которая восходит к Немцовой и Неруде, непосредственно перекликаясь с русской традицией драматического повествования о «бедных людях». Герой рассказа Чеха и пантомимы Новака сродни гоголевскому Акакию Акакиевичу. Так же монотонно и уныло проходит его жизнь в переписывании бумаг. Только служит он не в департаменте, а в канцелярии адвоката, и роковое происшествие, прервавшее течение этой «горемычной жизни», происходит не в день именин помощника столоначальника, а в карнавальную ночь.

Вечером у безыменного героя «Синьорины Молодости» начинается приступ лихорадки, и он с трудом получает разрешение адвоката прекратить работу и пойти домой, но по дороге останавливается перед залитой светом витриной с маскарадными костюмами, и владелец магазина уговаривает его приобрести костюм Гелиоса, бога солнца. В этом костюме отправляется наш герой на карнавальный бал и видит, что впервые в жизни привлекает к себе всеобщее внимание. Но вот триумфальная колесница, на которой его привезли в этот зал, озаряется яркой вспышкой — это загорается световая реклама фирмы «Sonnenstrahl» («Солнечный луч»). Слыша хохот всего зала, бедный писец понимает, с какой целью нарядил его представитель фирмы в костюм бога солнца, и спасается бегством.

В горячечном бреде мчится он, ничего не видя перед собой, и, наконец, попадает в какой-то салон, где стоят пальмы, бросается на диван и срывает с себя корону Гелиоса, принесшую позор вместо славы. Перед ним появляется спускающаяся с пальмы девушка дивной красоты. «Кто ты?» — спрашивает он. «Я — синьорина Джовенту, я — твоя молодость, с которой ты так рано расстался. Что ты делал все это время?» — «Быстро прошло время беспечного детства, затем — школа, долгие годы ученья, затем — немного любви, а теперь я сижу в канцелярии адвоката и пишу». — «А теперь я покину тебя навсегда». — И с этими словами девушка ушла, танцуя. Он последовал за ней в соседний зал, наполненный людьми, и искал среди них синьорину Джовенту, свою молодость. Вот он настиг девушку и закружился с ней в бешеном танце... Утром прохожие, возвращавшиеся с карнавального бала, нашли его труп.

Бедный писец облачился не в шинель, появившуюся «в день самый торжественный в жизни Акакия Акакиевича», а в костюм самого бога солнца, пылающие стрелы которого растопили крылья Икара. Но эта попытка вырваться за пределы трагической повседневности принесла смерть «существу, никем не защищенному, никому не дорожному...». Вспомнив эти слова Гоголя о бедном петербургском чиновнике, приведем и слова Новака. охарактеризовавшего своего героя как «одного из тех многих, которые появляются на свет, и покидают его, никем не замеченные».

И нет сомнения, что обращение композитора к рассказу Сватоплука Чеха обусловлено теми гуманистическими побуждениями, которые были особенно близки и Дворжаку, и его ученикам в произведениях русской литературы и искусства. Нельзя не напомнить и о том, что Дворжак знакомил своих учеников с русскими народными песнями, которые, как подчеркивал в своих письмах Каленский, справедливо считались в дворжаков-

ском кругу источником национального своеобразия русской музыкальной классики.

В некоторых произведениях Новака наряду с чешскими и словацкими отчетливо различимы также русские народно-песенные интонации. Это относится не только к ранним произведениям Новака (например, к юношеской увертюре «Корсар», где звучит тема, близкая к мелодии глинкаевского «Жаворонка»), но и к позднему периоду его творчества, в частности к «Майской симфонии», писавшейся в страшные годы гитлеровской оккупации родины композитора.

«То, что не удалось Габсбургам, не удастся и гитлеровским убийцам». — заявил в те годы чешский народ устами Юлиуса Фучика, написавшего это в одной из своих последних статей в газете «Руде право», которая выходила тогда в подполье. И в музыке Витезслава Новака воплощались в те годы образы мужества, ненависти к врагу, воли к победе и чувства национального достоинства народов Чехословакии. Именно эти образы получили развитие и в «Майской симфонии» Новака.

Замысел этого произведения возник еще в 1939 г., когда Новак с женой побывал в Судетах. Он видел тогда, что Чехословакия потеряла не только часть своей территории, но и многие промышленные предприятия и опиравшуюся на горные массивы систему оборонительных укреплений, возведенных на границе с фашистской Германией, сопротивляться которой уже не в состоянии была его родина. Он понимал это, но тем не менее верил в неисчерпаемые жизненные силы родного народа и его верного друга — советского народа, предлагавшего Чехословакии свою помощь, отвергнутую в 1938 г. буржуазным правительством страны.

Вслед за «Осенней симфонией» Новак решил тогда создать «Весеннюю симфонию», желая выразить свою веру в весеннее пробуждение к жизни, которое настанет после всех испытаний, постигших его многострадальную родину. Он хотел вернуться для этой цели к работе над музыкальным воплощением образов поэмы «Май» его любимого поэта Махи, к вдохновенным стихам которого он обращался еще в дни юности.

Под впечатлением дикой расправы гитлеровцев с чехословацким студенчеством Новак изменил первоначально сложившийся у него план сочинения и начал делать эскизы «Трагической рапсодии» для фортепьяно. Он присоединил к набросанным уже темам начало мелодии «Deutschland, Deutschland über alles», которую орали фашисты в Праге, и «тему судьбы» из Пятой симфонии Бетховена. Но затем композитор оставил мысль о создании «Трагической рапсодии» и в мае 1943 г. принялся за работу над «Майской симфонией», написав ее для солистов, смешанного хора и симфонического оркестра. В сентябре того же года партитура нового сочинения была закончена.

Клавирные эскизы и партитуру «Майской симфонии» Новак показывал лишь в тесном дружеском кругу, собиравшемся у него еженедельно. Здесь обсуждались политические события, известия с фронта, здесь звучала музыка, создававшаяся чешскими композиторами и предназначавшаяся для исполнения тогда, когда придет час освобождения родины. К числу друзей Новака, бывавших у него дома, принадлежал поэт Франтишек Бранислав. Его стихи о Праге Новак положил на музыку в 1942 г., создав на этот текст песню для смешанных хоров. Теперь же Бранислав написал часть стихотворного текста «Майской симфонии», включающего также строфы Махи и Галека.

Как подчеркивает чехословацкий музыковед Владимир Лебль в своей статье, посвященной разбору симфонии Новака, в ее первых двух частях воспеваются «май в сердце, май в чешской природе», тогда как в третьей части возникают образы «возрождения всего народа». В этой жизнеутвер-

ждающей концепции запечатлелась вера композитора в светлое будущее родины, в победу над темными силами фашизма. Многие страницы первых двух частей симфонии Новака перекликаются с его произведениями довоенных лет. Здесь и тонкая пейзажная звукопись, и задушевность человеческого чувства, которой согреты уже начальные такты первой части, где звучат слова Махи. Великолепное полифоническое мастерство композитора в полном блеске проявилось в тройной фуге второй части — оживленном скерцо, написанном на текст стихотворения, взятого из того поэтического цикла Галека «Среди природы», к которому, как известно, обращался еще Дворжак в своем хоровом творчестве.

Финал симфонии включает различные тематические пласты: тема народной скорби переплетается с выполняющей функции «темы рока» цитатой из Пятой симфонии Бетховена и измененной мелодией гимна «Deutschland, Deutschland über alles», которая проходит в миноре, приобретая благодаря этому заунывно-зловещий характер. Но вот в музыку врывается маршевая поступь, и появляется мелодия волжской песни «Эй, ухнем». Здесь это музыкальный образ мощи русского народа, весть о подвигах которого на берегу великой реки дошла до чехословацких патриотов и наполнила их радостью.

Неуклонно развиваясь, мелодия эта «опрокидывает» тему фашистского гимна, отрывки которой постепенно исчезают, и гремит как победный марш, подготовляющий торжественный вокально-оркестровый апофеоз симфонии, где прославляется грядущее освобождение страны от фашистского гнета. Здесь невольно вспоминается пророческая надпись, сделанная Миколошем Алешем под рисунком, изображающим русского витязя, который поит своего коня водой из Влтавы подле Градчан — пражского Кремля: «До тех пор не будет хорошо в Чехии, пока русский конь не напьется из Влтавы».

Не менее пророческими оказались и образы «Майской симфонии» Новака и даже ее название, потому что именно май месяц, незабываемый май 1945 г., принес долгожданную свободу народам Чехословакии.

VII

Творчество Дворжака и его учеников постепенно завоевывало широкую популярность в нашей стране. Можно привести, например, слова А. Комиссаржевского, который отметил 2 марта 1890 г. в «Московском листке», что «г. Дворжак давно известен в Москве как автор колоритно и красиво инструментованных славянских народных танцев; сочинение это пользуется огромной популярностью».

Письмо В. И. Сафонова к Б. Каленскому, датированное 10 апреля 1902 г., содержит данные (по-видимому, далеко не полные) о прижизненных исполнениях произведений Дворжака в Москве.

Милостивый государь,

Спешу уведомить Вас на почтенное письмо Ваше от 2 апреля с. г., что в симфонических собраниях Московского Отделения Императорского Музыкального Общества были исполнены до настоящего времени следующие сочинения уважаемого маэстро Дворжака: Симфония № 3, F-dur, Слав. рапсодия №1, D-dur, Scherzo a capriccio, Adagio из Серенады для духовых инструментов и Вариации для оркестра — все эти сочинения под управлением самого композитора, в 386 собрании Муз. Общества 27 февраля 1890 года. Кроме того, в разное время были исполнены: Славянская рапсодия № 1, D-dur, увертюра «Husitska», Славянские танцы, «Водяной» и симфония «Из Нового Света», эта последняя в настоящем сезоне.

Из камерных вещей исполнены были: Квартеты d-moll, As-dur, G-dur соч. 34, 104 и 106 (Чешским квартетом), «Думки» соч. 90 (трио Макса Пауэра) и Квинтет A-dur соч. 81 (Эрнесто Консоло) — последний в настоящем сезоне.

Прилагаю желаемый Вами мой портрет и остаюсь с совершенным уважением

готовый к услугам В. Сафонов³³

Антонин Дворжак скончался 1 мая 1904 г. Сообщение о его смерти, опубликованное во многих русских газетах, искренне опечалило русскую общественность. Выражая эти чувства, М. Балакирев направил своему чешскому другу Йозефу Коларжу (переводчику текстов многих русских музыкально-сценических и вокальных произведений) следующее письмо, помещенное затем в чешской периодической печати:

*Петроград. Коломенская улица, 7
20 апреля
3 мая 1904*

Дорогой друг Иосиф Иванович!

Сегодня телеграф принес нам печальное известие о внезапной кончине Вашего знаменитого композитора Антонина Дворжака. Неожиданная утрата этого высокоодаренного славянского композитора несомненно вызовет как в Вашем отечестве и в славянских странах, так и во всем музыкальном мире глубокую скорбь, к которой и я присоединяюсь всей душой. Мир его праху!

*Глубоко уважающий Вас
М и л и й Б а л а к и р е в³⁴*

VIII

В советскую эпоху, когда классическое наследие прошлого стало всеобщим достоянием, симфонии, увертюры, концерты, камерно-инструментальные ансамбли, фортепьянные сочинения, песни и романсы Дворжака прочно вошли в музыкальный быт нашей Родины. Начали завоевывать признание и оперы Дворжака, которые часто исполняются по радио. В Харькове поставлена его опера «Русалка», которая, вне всякого сомнения, заслуживает включения в репертуры и других наших театров.

Вслед за текстом «Проданной невесты» поэт Сергей Михалков перевел либретто оперы Дворжака «Черт и Кача», в сюжете и музыке которой отчетливо ощущается близость к гоголевско-корсаковской традиции русской сказочной оперы. Пермский государственный театр оперы и балета поставил эту дворжаковскую оперу, показав свой спектакль и во время гастролей в Омске. Государственное музыкальное издательство в Москве опубликовало полный клавиры оперы с этим переводом.

На протяжении последних лет Музгизом выпущены также партитура симфонии «Из Нового Света», оба тома «Славянских танцев» (партитура и различные переложения), клавиры скрипичного и виолончельного концертов, «Моравские дуэты», вокальные циклы «Песни любви» и «Шесть

³³ Публикуется с разрешения дирекции музея Берджиха Сметаны в Праге. Автор статьи приносит благодарность директору музея А. Вайсару за любезное предоставление фотокопии письма.

³⁴ Печатается с подлинника (архив Национального театра в Праге).

песен на тексты Краледворской рукописи», сборник фортепьянных пьес и другие произведения Дворжака, сборник фортепьянных сочинений Сука, инструментальные пьесы и обработки народных песен Новака.

Советские исследователи посвятили ряд книг и статей жизни и творчеству Дворжака. Так, в 1959 г. была издана работа П. Лазыко «Виолончельный концерт Дворжака», а в 1960 г. — книга М. Смирнова «Фортепьянное творчество А. Дворжака». Оба автора говорят о славянском своеобразии дворжаковской музыки, роднящем ее с творчеством русских мастеров. Об отношении к этим мастерам соратников и учеников Дворжака пишет Л. Гинзбург в упоминавшейся уже нами работе «Гануш Виган и Чешский квартет».

В своих работах о чешской музыкальной культуре автор этих строк стремился показать, как много сделали для сближения наших народов Дворжак, его ближайший друг Леопольд Яначек, их воспитанники и последователи.

В лице Антонина Дворжака советский народ чтит гениального композитора, одного из основоположников чешской музыкальной классики. На протяжении всей своей деятельности он развивал, углублял и передавал последующим поколениям отечественных мастеров те благородные традиции межславянских культурных связей, которым всегда придавали громадное значение и русские музыканты.

И. С. Яжборовская

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ
И ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО РАБОЧЕГО
ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ
(февраль — октябрь 1917 г.)**

Польское рабочее и социалистическое движение в конце первой мировой войны, развивавшееся в обстановке тяжелого кризиса, который охватил воюющие страны и привел в феврале 1917 г. к свержению царизма, к дальнейшему разворачиванию революционных событий в России и подготовке Великой Октябрьской социалистической революции, представляет безусловный интерес для исследователя. В задачу настоящей статьи входит проследить те изменения, которые произошли в польском рабочем движении в период от февраля до октября 1917 г. Нужно сказать, что размах и характер этого движения стали предметом внимательного научного изучения сравнительно недавно. Польская буржуазная историография игнорировала вопросы рабочего движения, а неоднократно обращавшиеся к ним идеологи правой ППС освещали их чрезвычайно тенденциозно. Деятели этой партии искажали характер рабочего движения, старались опорочить революционное течение в нем; революционные пролетарские партии — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, а также ППС-левица изображались как партии, защищавшие интересы, чуждые польскому народу. Стараясь затушевать соглашательство и оппортунизм, которые руководство правой ППС насаждало в рабочем классе, правопепеэсовская литература одновременно стремилась приписать значение лучших традиций дружбы и союза польского и общероссийского революционного движения¹.

В советской и современной польской исторической литературе проблема влияния Февральской революции в России на подъем польского рабочего движения кратко рассматривалась либо в комплексе других проблем международного и внутреннего положения польских земель в указанный период², либо в работах, посвященных проблематике Великой

¹ «Księga pamiątkowa PPS», Warszawa, 1923; «Księga jubileuszowa PPS», Warszawa, 1933; «Niepodległość», Warszawa, 1929—1939.

² «История Польши», т. II, М., 1955; L. Grosfeld. Sprawa polska w pierwszej wojnie światowej. — «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923», Warszawa, 1960, str. 63—105; W. B u ł a t. Strajk studencki w Warszawie w 1917 roku. Warszawa, 1960.

Октябрьской социалистической революции³. Более подробное освещение эти вопросы нашли в монографиях Ф. Тыха и Г. Яблоньского по истории Польской социалистической партии-левицы и Польской социалистической партии-фракции, а также в статье Я. Канцевича, посвященной деятельности СДКПиЛ в 1914—1918 гг.⁴ Кроме того, существует ряд работ, касающихся рабочего движения в отдельных районах Польши в период первой мировой войны⁵.

Следя за развитием польского рабочего движения с февраля по октябрь 1917 г., автор попытается выяснить значение Февральской революции в России для подъема революционного рабочего движения в Польше, для активизации деятельности СДКПиЛ и ППС-левицы, для роста стачечной борьбы и профсоюзного движения⁶, с тем чтобы показать, что именно революционное рабочее движение в польских землях (собственно, в Королевстве Польском, поддерживаемое пролетариатом других частей Польши) наиболее последовательно выступало за освобождение польского народа и имело решающее значение в борьбе с империалистической реакцией, с австро-германским милитаризмом.

* * *

Первая мировая война привела к резкому обострению империалистических противоречий в России. Бурное нарастание революционного кризиса, предугаданное В. И. Лениным, завершилось революционным восстанием.

Февральская революция ликвидировала царское самодержавие — оплот векового угнетения народов, входивших в состав Российской империи, в том числе и польского народа.

В условиях борьбы за победу социалистической революции в России и нарастания революционного движения в Германии и Австро-Венгрии особую значимость приобретала борьба партии большевиков за реализацию ленинской программы мира, опубликованной еще в 1915 г. В. И. Ленин писал тогда: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»⁷. Возвращаясь к этому в четвертом «Письме из далека» 12 (25) марта 1917 г., В. И. Ленин подчеркивал, что большевистская «программа мира» включает в себя требования прекращения войны, мира без аннексий и контрибуций, опубликования всех тайных договоров царизма, освобождения всех

³ А. М а н у с е в и ч. Из истории революционного движения в Польше в 1917—1918 гг.— «Новая и новейшая история», 1957, № 4; М. М и с к о. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957.

⁴ F. T y c h. PPS-Lewica. w latach wojny 1914—1918. Warszawa, 1960; H. J a b ł o ŋ s k i. Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w czasie wojny 1914—1918. Warszawa, 1958; J. K a n c e w i c z. SDKPiL wobec zagadnień wojny, rewolucji i niepodległości Polski w latach 1914—1918.— «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923», Warszawa, 1960, str. 107—193.

⁵ N. G ą s i o r o w s k a. Położenie i walka ekonomiczna i polityczna górników z okupantem niemieckim w Królestwie Polskim w czasie wojny 1914—1918.— «Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych», 1953, t. XIV, str. 1—42; W. N a j d u s. Klasowe związki zawodowe w Galicji.— «Przegląd Historyczny», t. LI, 1960, № 1, str. 123—154; H. Z i e ł i ŋ s k i. Położenie i walka górnośląskiej klasy robotniczej podczas pierwszej wojny światowej.— «Sobótka», 1955, r. X, № 1—2.

⁶ В задачку статьи не входит детальное рассмотрение расстановки классовых сил в польских землях, классовой борьбы в деревне, а также деятельности польских революционных партий на территории России и участия польских трудящихся в борьбе за подготовку Октябрьской революции.

⁷ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 21, стр. 368.

зависимых, угнетенных и неполноправных народов, признания права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Он разоблачал Временное правительство, которое продолжало империалистическую политику царизма в отношении угнетенных народов, в частности в отношении польского народа. С возмущением писал Ленин о намерении Временного правительства «отвоевать назад у немцев Польшу, которую всегда так бесчеловечно и бесстыдно угнетал царизм»⁸.

Вопреки политике господствующих классов народ России, получивший после свержения царизма возможность свободно выразить свою волю, проявил свои братские чувства к польскому народу. 14 (27) марта 1917 г. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, игравший в то время ведущую роль среди всех Советов, единогласно принял обращение «К польскому народу». Он известил польский народ о падении царского режима и о том, что революционные силы России, отстаивающие право наций на самоопределение, признают право Польши быть свободной и независимой «в государственно-международном отношении». Посылая польскому народу свой братский привет, Петроградский совет желал ему успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя»⁹.

Под давлением революционных масс Временное правительство было вынуждено обратиться к народу Польши с воззванием и обещать создать — после решения Учредительного собрания — «независимое» польское государство. Однако оно одновременно призывало поляков сражаться «до победного конца» за интересы российского империализма и планировало соединить будущее польское государство с Россией «свободным военным союзом», т. е. отнюдь не имело намерения предоставить польскому народу независимость. «Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши»¹⁰, — отметил В. И. Ленин, выступая на Седьмой (Апрельской) конференции партии большевиков.

На этой конференции, взяв курс на подготовку социалистической революции, большевистская партия в резолюции по национальному вопросу (написанной Лениным) отметила как одно из основных положений национальной политики признание за народами права на отделение. Партия решительно высказалась за вывод из Польши войск оккупирующих держав и свободное самоопределение населения всех польских земель.

Весть о ликвидации царизма, поддержка революционной Россией национально-освободительной борьбы польского народа были с радостью встречены польскими трудящимися, находившимися тогда в России. Уже 1 (14) марта в Петрограде, на собрании рабочих-поляков в клубе «Промень», который был центром польского рабочего движения в России в то время¹¹, была принята приветственная резолюция в адрес Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов¹². 4 (17) марта петроградские рабочие-поляки приняли обращение «К польским рабочим и солдатам России», в котором призывали к активной поддержке борьбы русского пролетариата. С таким же обращением выступил и Исполком московской группы СДКПиЛ. Авангард польских трудящихся рассматривал

⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 328.

⁹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 15 (28). III 1917.

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 231.

¹¹ Летом 1915 г. из Королевства Польского в разные города России был эвакуирован ряд промышленных предприятий вместе с рабочими.

¹² «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, М., 1963, док. 1.

революцию в России, хотя она еще находилась на первом, буржуазно-демократическом этапе, как начало революционного выхода из войны, ликвидации одного из оплотов империалистической реакции, гнет которой тяготел над Польшей. С Февральской революцией польские социал-демократы связывали перспективу социального и национального освобождения польского народа, объединения в будущем всех польских земель¹³. В обращении московской группы СДКПиЛ «Ко всем русским рабочим» с благодарностью подчеркивалось, что рабочий класс России первым обратился к польскому народу с предложением восстановить национальные права последнего, что это требование прозвучало на весь мир как одно из первых требований революционной России¹⁴.

Ленинское положение «свобода Польши невозможна без свободы России»¹⁵, подсказанное глубоким анализом революционной борьбы, полностью отвечало установкам польских пролетарских партий — СДКПиЛ и ППС-левицы. Обе партии энергично поддерживали борьбу большевиков за массы, за подготовку социалистической революции, против происков контрреволюции¹⁶. В революционное движение включились, связывая с победой революции в России надежду на свое возвращение на родину и на освобождение ее от иноземных захватчиков, многие тысячи поляков — эвакуированных, беженцев, пленных, солдат. Революционный союз передовых сил России и Польши приобретал в это время новый, более глубокий характер, охватывая все более широкие народные массы.

Первая мировая война принесла польскому народу большие бедствия. Значительная часть польских земель оказалась ареной военных действий, а с лета 1915 г. основная часть — Королевство Польское — была оккупирована австро-германскими войсками, установившими жестокий оккупационный режим в завоеванных областях. В 1917 г. во всех польских землях, находившихся в это время в руках Германии и Австро-Венгрии, в связи с усиленной эксплуатацией германским и австро-венгерским милитаризмом этих земель наблюдались значительная дезорганизация экономики, снижение производства, безработица, дороговизна, ухудшение положения трудящихся масс, политическая реакция.

Особенно тяжелым было положение населения оккупированных земель, т. е. бывшего Королевства Польского, основной и определяющей в экономическом отношении части Польши. В политическом отношении поляки были почти полностью бесправными. В обеих зонах оккупации царил полицейский террор и полный произвол оккупационных властей. Только 5 ноября 1916 г. оккупационные власти пошли на объявление бывшего Королевства Польского «самостоятельным» государством, дабы укрепить свои позиции в Польше. Декларация не определяла ни территории, ни административного устройства этого «государства» и имела целью лишь получение поддержки польской общественности в деле создания польских воинских частей для пополнения армий центральных держав. «Самостоятельность» была призрачной, так как оккупанты продолжали бесконтрольно распоряжаться всеми ресурсами страны, подчинив их удовлетворению своих военных нужд, а созданные оккупационными властями польские административные органы — Временный государственный совет, а затем Регентский совет и Государственный совет носили лишь совещательный характер. Правда, ряд польских буржуазных партий с удовлетворением

¹³ Там же, док. 3.

¹⁴ «Социал-демократ», 2 (15).IV 1917.

¹⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 241.

¹⁶ С. А. Манусевич. Деятельность польских социал-демократических организаций в период подготовки Октябрьской революции. — Сб. «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы», М., 1957, стр. 67—146.

воспринял эту декларацию, и лагерь так называемых активистов, сотрудничавших с оккупантами, усилился за счет некоторого ослабления лагеря «пассивистов», настроенных проантантовски и стремившихся к автономии Польши, вернее, ее части, под скипетром царя. До Февральской революции с оккупантами фактически сотрудничали и мелкобуржуазные партии — ППС-фракция, ПСЛ, Национальный рабочий союз и другие. Все эти партии надеялись использовать для реализации своих политических планов путь сотрудничества и переговоров с правящими кругами тех или иных крупных империалистических держав. Такой путь не сулил ни улучшения положения польского народа, ставшего жертвой империалистической реакции, ни тем более независимости Польши, ибо это отнюдь не входило в планы ни одной из воюющих держав.

Вывоза сырья и оборудование, австро-германские власти дезорганизовали промышленное производство в обеих зонах оккупации до такой степени, что фактически прекратили свое существование текстильная, металлообрабатывающая, металлургическая и деревообделочная отрасли промышленности (две первые из них ранее были ведущими, с наибольшей концентрацией производства). Безработица носила массовый характер. В 1916—1917 гг. работу имела лишь одна одиннадцатая часть довоенного количества рабочих¹⁷, но и значительный процент занятых в промышленности был поражен частичной безработицей. Например, в Варшаве в 1917 г. неполную загрузку имели 46,3% работавших¹⁸. Продовольственные нормы в Королевстве Польском были значительно ниже норм, установленных для других областей Германии. Вместе с дефицитом товаров росли цены на предметы первой необходимости. В начале 1917 г. в польских землях начался настоящий голод. Газетная хроника ежедневно помещала сообщения о многочисленных случаях смерти от истощения прямо на улицах. Смертность от туберкулеза выросла по сравнению с 1914 г. в пять раз, детская смертность — в три раза¹⁹.

Оккупационный режим способствовал тому, что к 1917 г. значительно выросла степень эксплуатации. За годы войны рабочий класс потерял все свои довоенные завоевания. Рабочий день был увеличен до 10—12 часов, перерывы во время работы были сокращены или отменены, штрафы увеличены и т. д. На многих предприятиях были отменены выходные дни. На предприятиях, подведомственных непосредственно оккупационным властям (т. е. почти на всех действующих промышленных предприятиях и шахтах, а также в коммунальных учреждениях: водопровод, канализация и т. п.; исключение составляли лишь мелкие предприятия полуремесленного характера), были введены прусские казарменные порядки и палочная дисциплина. Реальная заработная плата составляла в 1917 г. в среднем около 12% довоенной²⁰. В германской зоне оккупации специальная «комиссия заработной платы» следила за тем, чтобы уровень заработной платы не увеличивался, и оказывала в этом направлении давление на предпринимателей.

В условиях полицейского режима и массовой безработицы, особенно сильно ударившей по кадровому пролетариату, занятому в крупной промышленности, рабочий класс оказался не в состоянии оказать действительное сопротивление наступлению на его права. За все второе полугодие 1916 г. в Варшаве, например, было всего две стачки²¹.

¹⁷ «*Ekonomista*», Warszawa, 1919, t. III—IV, str. 220—221.

¹⁸ Там же, 1917, t. III, стр. 268.

¹⁹ С. Крушевский, М. Здырский. Быт рабочих в Польше. 1913—1921. М., 1923, стр. 9.

²⁰ T. Szturm de Sztrem. Walka o płace zarobkowe. Warszawa, 1922, str. 13.

²¹ Там же, стр. 15.

Любое выступление рабочих с экономическими требованиями рассматривалось на основании законов военного времени как бунт против властей и каралось арестами и высылкой на принудительные работы. Стачки подавлялись войсками. Особенно жестоко карались попытки организации стачечной борьбы, агитация в пользу стачки, распространение воззваний или листовок с призывами к стачке. Распоряжение варшавского генерал-губернатора Безелера от 2 февраля 1917 г. предписывало приговаривать виновных к смертной казни, а при смягчающих обстоятельствах — к тюремному заключению сроком не менее чем на два года²²; в марте 1917 г. подобный приказ был подписан и военным губернатором Лодзи Шмидтом²³.

По законам военного времени карались выступления рабочих в защиту своих интересов и в других частях Польши²⁴.

Однако война все более обостряла классовые противоречия и создавала предпосылки для усиления борьбы против австро-германского милитаризма, для развертывания борьбы польского народа за свое освобождение, для нового подъема рабочего движения.

Февральская революция в России явилась сигналом для активизации борьбы широких народных масс как в Германии и Австро-Венгрии, так и на оккупированных ими территориях. В Германии началось брожение в армии, усилились антивоенные настроения и стачечное движение; в землях Австро-Венгерской монархии прошли демонстрации, имели место стачки. В этих выступлениях принимали участие и польские рабочие Верхней Силезии, Познани, Поморья и т. д. Однако из всех польских земель наиболее активным в политическом отношении было бывшее Королевство Польское. Оно стало одним из важнейших очагов борьбы против австро-германского милитаризма.

Весть о ликвидации царизма и развитии революционных событий в России вызвала глубокий отклик в оккупированных австро-германскими войсками польских землях. «Как я уже неоднократно сообщал в своих телеграммах, — доносил 28 марта представитель Австро-Венгрии в Варшаве барон Угрон министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Чернину, — события в России произвели здесь глубокое впечатление. Он высказывал опасение, что дело может дойти до «таких выступлений, как в 1905 году» (подчеркнуто мною. — И. Я.)²⁵.

Аналогичное письмо было одновременно отправлено и из Люблина. Австро-венгерский дипломат барон Хеннинг сообщал о проявлениях недовольства оккупационным режимом в австрийской зоне оккупации и, в частности, об антиоккупационной демонстрации в Люблине²⁶. В очередном рапорте, датированном 29 марта, барон Хеннинг указывал, что ситуация в стране «органически связана с известиями об успешном освободительном движении в России»²⁷.

Напуганные нарастанием народного движения оккупационные власти обеих зон в конце марта приняли решение подвергать строжайшей цензуре все сообщения из России. Однако материалы австрийской цензуры убедительно свидетельствуют, насколько малорезультативной была уже эта

²² «*Ekonomista*», 1917, t. IV, str. 253.

²³ «*Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. 1914—1918*», М., 1936, str. 388.

²⁴ См. «*Sobótka*», 1955, г. X, № 1—2, str. 116.

²⁵ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 10.

²⁶ Там же, док. 9.

²⁷ «*Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich*», т. I, Warszawa, 1957, str. 13.

мера. В обзоре перлюстрированных писем, составленном чиновниками австрийской цензуры на материалах весенних месяцев 1917 г., отмечалось: «Революция, как таковая, с восторгом встречена всем польским народом...»²⁸.

В очередном рапорте австрийской цензуры, составленном 4 июня, вновь подчеркивался рост антиоккупационных настроений, сообщалось «о собраниях, которые проводились несмотря на запрещение властей, о резолюциях, направленных против оккупантов».

«Симпатии... обращаются в сторону русской революции, и, как следует из имеющихся писем, они становятся все сильнее. Каждый голодающий, даже из мелкой буржуазии и крестьянства, видит в революции призыв к социальному и экономическому освобождению... Во многих письмах условия России сравниваются с теперешним положением в Польше, и делается вывод, что следует симпатизировать русской революции»²⁹, — такова общая характеристика настроений польского населения, данная австрийской цензурой. Она убедительно свидетельствует о росте освободительного движения в Польше, о глубоком влиянии на этот процесс Февральской революции³⁰.

Недовольство оккупационным режимом охватило к этому времени широкие слои польского народа. Крестьянство было разорено и измучено военно-полицейской системой реквизиций, средние слои города были ожесточены оккупацией и голодом, усилилось брожение в легионах³¹. В борьбе с оккупационным режимом принимало участие студенчество, активно поддерживавшее растущее стачечное движение пролетариата³². Под давлением революционно настроенных низов в оппозицию к оккупантам перешли ППС-фракция, крестьянская ПСЛ «Вызволена» и другие, хотя их соглашательское руководство намеревалось лишь переменить ориентацию и искало контактов с Антантой, фактически сотрудничая с буржуазными партиями внутри страны. Последние, опасаясь роста революционного движения в польских землях, начинают все более определенно ориентироваться на Антанту, стараясь всеми силами нейтрализовать влияние революционной России на массы.

Отмечая растущую политическую активность польского народа, непосредственно связанную с развитием революционных событий в России, даже австрийские дипломаты подчеркивали ведущую роль в этом процессе «социалистических кругов», а именно СДКПиЛ и ППС-левицы. Эти партии, сообщал в марте барон Угрон, «ведут активную агитацию, выдвигая требование отмены иностранного управления и передачи власти местному населению. В большом количестве распространяются листовки и воззвания, написанные в подстрекательском тоне, с призывами к уличным демонстрациям»³³. То же обстоятельство отмечалось в отчете варшавского представителя австрофильского объединения галицийских политических партий — Главного национального комитета в Кракове, — датированном 2 апреля 1917 г. Сообщая о росте революционных настроений в Варшаве, о проявлениях солидарности с революционной Россией, этот представи-

²⁸ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 38.

²⁹ Там же, док. 44.

³⁰ См. L. Grosfeld. Wpływ rewolucji lutowej na Królestwo w świetle świadectw austriackich. — «Kwartalnik Historyczny», 1956, № 4—5, str. 381—394.

³¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 8, 9, 11 и др.

³² W. Bułat. Strajk studencki w Warszawie w 1917 roku. Warszawa, 1960.

³³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 4, 10.

тель писал: «Дальше всех в этом направлении идет СД, которая наводнила Варшаву листовками революционного характера...»³⁴.

Назревание активного протеста против антинародной политики оккупантов, развитие национально-освободительного движения в польских землях находилось в прямой зависимости от уровня рабочего движения, от степени организованности и политической зрелости польского рабочего класса, от осознания им задач борьбы.

Между тем уровень рабочего движения был различным в разных частях Польши. В Галиции и прусской Польше рабочий класс был малочислен (исключение составляла лишь Верхняя Силезия) и находился под влиянием соглашательских партий и клерикально-националистических профсоюзов. Как германская, так и галицийская социал-демократия сотрудничала с буржуазией, выдвинув во время войны лозунг «внутреннего мира» и запретив стачки³⁵. В бывшем Королевстве Польском рабочее движение было сильнее, хотя и не было единым, ибо в нем продолжалась борьба между последовательно пролетарской, интернационалистической тенденцией, представленной СДКПиЛ и ППС-левицей, и оппортунистической, мелкобуржуазно-националистической тенденцией, представленной ППС-фракцией и частично примыкающими к ней правым Национальным рабочим союзом и клерикальной партией Христианской демократии.

Последовательно пролетарское течение занимало позицию революционного выхода из войны. С первых дней войны СДКПиЛ разъясняла массам ее причины и захватнический характер, разоблачала антинародную политику польской буржуазии. Лозунги этой партии о мире и революции были очень близки к большевистским, в чем немалую роль сыграла большевистская «Правда», распространявшаяся в 1914 г. в Королевстве Польском³⁶. К революционному выходу из войны призывали первые антивоенные обращения партии в 1914 г. Требование «буржуазную войну превратить в войну общественно-революционную» содержалось в первом майском воззвании Краевого правления СДКПиЛ в 1915 г. и т. д.³⁷ Польская социал-демократия стояла на последовательно интернационалистических позициях и участвовала вместе с большевиками в Циммервальдской левой. Такую же позицию она занимала и в Кинтале³⁸.

Другая партия польского пролетариата — ППС-левица — также занимала в начале войны интернационалистическую позицию, хотя по-прежнему подчиняла свою деятельность борьбе за удовлетворение частичных требований, направленных на временное улучшение положения рабочего класса. Отмежевываясь от националистической, оппортунистической ППС-фракции, ППС-левица за период реакции не успела выработать единую, последовательно революционную позицию в программных вопросах, особенно национальном, полностью очиститься от соглашательской тактики и недооценки революционных методов борьбы. Годы оккупации показали безрезультатность такой тактики и способствовали рассеиванию мелкобуржуазных иллюзий, имевших место в партии. В том же направлении на ППС-левицу оказывала влияние и СДКПиЛ, с которой ППС-левица

³⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 15.

³⁵ H. Zieliński. Указ. соч., стр. 91, 92; W. Najdus. Указ. соч., стр. 149—150.

³⁶ Центральный партийный архив Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 3, 381, л. 6.

³⁷ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 4, 22, 42; «Rok wojny», приложение к «Gazecie Robotniczej», август 1915 г.

³⁸ СДКПиЛ — революционная интернационалистическая партия, которая допускала, однако, люксембургские ошибки по ряду теоретических и тактических вопросов — крестьянскому, национальному и др.

подписала в Варшаве и Кракове в первые дни войны совместные манифесты, разоблачавшие империалистический характер войны и призывавшие к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Обе партии сотрудничали в Варшаве, в Домбровском бассейне, в Лодзи и других местах, ведя борьбу за улучшение экономического положения рабочего класса, разъясняя пролетариату в совместных воззваниях политическое и экономическое положение в стране. ППС-левица, испытывая на себе благотворное влияние СДКПиЛ, все более приближалась к ней в понимании задач пролетариата.

Победа Февральской революции вызвала у авангарда польского пролетариата подлинный энтузиазм. Он увидел в ней начало большого периода революционных боев, революционную перспективу для самой Польши.

Социал-демократическая «Наша трибуна» (Варшава) 24 марта 1917 г. поместила статью «Революция в России», в которой приветствовала русский пролетариат и, разъясняя смысл событий польскому пролетариату, подчеркивала, что Февральская революция имеет огромное значение не только для истории России, но что она будет и серьезным толчком в великом деле освобождения народов, «мощным эхом отзовется во всем мире» Вот один из самых ярких фрагментов статьи: «Революция в России бросает огромную красную тень на весь мир. Сильнее забьются сердца рабочих, когда они услышат о том, что сделали их братья на севере. С этой мыслью они уже не расстанутся. На заводе и в мастерской, в окопах или дома они будут возвращаться в душе к лучшему призраку революции, который создали сильные и крепкие руки товарищей с Невы...». «Наша трибуна» разъясняла, каковы движущие силы революции в России, какова роль РСДРП(б) в ней, специально останавливая внимание на вопросе о перспективах революции. «Победа над царизмом — это первый акт революции, — писала она. — Теперь друг против друга становятся две силы: буржуазия и пролетариат, и именно между ними начнется неумолимая борьба...». Газета подчеркивала интернационализм пролетариата России, его борьбу за выход из империалистической войны. «Революция в России, — писала она, — бросает свою огромную тень на мировую войну... Мы вступаем в ее последний, революционный период. Только бы весна, которая приближается, была бы весной возрождения, весной международного пролетариата!»³⁹

Приветствуя Февральскую революцию, открывшую «дорогу к борьбе за социализм», дорогу «неумолимой борьбы с буржуазией, с милитаристским капитализмом», зовущую «повернуть оружие против единственного врага пролетариата любой страны — против собственной буржуазии», польская социал-демократия предсказывала, что пролетариат Польши тоже скоро поднимется на борьбу за освобождение трудящихся⁴⁰.

У ППС-левицы Февральская революция вызвала такой же горячий отклик, как и у СДКПиЛ. Варшавский рабочий комитет (ВРК) партии выпустил воззвание, в котором он приветствовал революционные события в России. В этом воззвании разоблачалась политика оккупационных властей, превращающих страну «в безлюдную пустыню» и обманывающих польский народ лживыми обещаниями даровать ему независимость. Воззвание разоблачало также польскую буржуазию, наживавшуюся на народных бедствиях. Оно призывало пролетариат готовиться к революционной борьбе, начало которой положил рабочий класс России⁴¹.

В ответ на предложение Временного правительства заключить военный

³⁹ «Nasza Trybuna», 24.III 1917.

⁴⁰ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 228—229.

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 17.

союз с Польшей ППС-левица, как и СДКПиЛ ⁴², заявила: «Задачей польского рабочего класса менее всего является поддержка империалистической политики воюющих государств „военным союзом“». Приветствуя «первые, прекрасные победы» пролетариата России, она обращалась к нему: «Рабочие России! Ваши старые товарищи по оружию, бойцы 1905 года, призывают вас: не война до победы, но революция до победы! Долой замаскированный империализм! Да здравствует российская, да здравствует европейская революция!...» ⁴³

Орган ППС-левицы «Глос роботничы» регулярно публиковал материалы о событиях в России. С апреля 1917 г. он являлся единственным постоянным источником информации для польских рабочих, так как социал-демократическая «Наша трибуна» в апреле была закрыта оккупационными властями, а нелегальный социал-демократический «Червоны штандар» в 1917 г. вышел только один раз.

В этот период ППС-левица полностью отказывается от соглашательства в тактике. Все воззвания партии полны предчувствием надвигающихся революционных событий. Предмайское воззвание Центрального рабочего комитета (ЦРК) гласило: «Жизнь народов Европы начала входить в новую фазу... Сомневающиеся увидели и убедились, что действительным источником свободы может быть только революционная борьба пролетариата, что только в борьбе с войной можно свергнуть режим насилия и разбоя» ⁴⁴. В люблинской предмайской листовке ППС-левицы говорилось: «Быстрыми шагами мы приближаемся к периоду борьбы за социализм. Рабочий класс сам должен прекратить войну, раз правительства и буржуазия ее не прекратили. А прекращение войны рабочими будет первым актом периода боев, в который мы входим, боев пролетариата всего мира за завоевание власти в обществе» ⁴⁵.

В условиях общего подъема освободительного движения, связанного с победой Февральской революции, СДКПиЛ и ППС-левица настойчиво разъясняли массам задачи политической борьбы — борьбы против оккупационного режима и сотрудничавшей с оккупантами польской буржуазии. Обе партии протестовали против попыток оккупантов создать для своих целей польскую армию и заставить ее играть позорную роль палача революционного движения в Европе ⁴⁶, разоблачали новые сделки польской буржуазии с оккупационными властями — создание Регентского и Государственного советов. В апрельской листовке «Долой преступную торговлю кровью пролетариата!» ЦРК ППС-левицы писал: «Рабочие! Мы достаточно убедились, что все рожденные обещаниями монархов, дипломатическими переговорами, военными триумфами дары свободы являются только мерзкой карикатурой, заигрыванием с угнетенными, ширмой самого худшего отступничества и соглашательства. В то время, как в России революционная борьба пролетариата крушит тюремные решетки и открывает новое поле деятельности борцам за свободу, у нас фальшивые дары независимости — исходный пункт для жесточайших репрессий и преследований» ⁴⁷. «Буржуазия уже договаривается с ненавистными немцами, — писала СДКПиЛ. — Да будет благословен немецкий кнут, только бы с его помощью в Польше было образовано сильное буржуазное правительство, чтобы сделать из нее оплот реакции...» ⁴⁸

⁴² «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 17, 40.

⁴³ «Biuletyn Socjalistyczny», 1917, № 1.

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 1.

⁴⁵ Там же, л. 19.

⁴⁶ Там же, л. 2; «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 234—235.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 2.

⁴⁸ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 232, 233.

Таким образом, СДКПиЛ и ППС-левица были теми политическими партиями, которые правильно оценивали обстановку и стали авангардом в борьбе польского рабочего класса против империалистической реакции, за ликвидацию оккупации, за социальное и национальное освобождение польского народа. Их деятельность была направлена на активизацию революционной борьбы в Польше и объективно подготавливала объединение всех польских земель.

Мелкобуржуазно-националистическое, соглашательское течение, имевшее значительные позиции во всех польских землях, в Королевстве Польском было очень ослаблено революцией 1905—1907 гг., когда в совместной борьбе польского и российского пролетариата была продемонстрирована сила пролетарской солидарности. Выявились несоответствие националистических лозунгов и соглашательства интересам польского пролетариата, и значительная часть рабочих, примыкавших в этому течению, отмежевывалась от него, образовав ППС-левицу. Однако первая мировая война и связанное с нею оживление иллюзий и надежд на восстановление независимости Польши при помощи австро-германского империализма вызвали новое усиление этого течения.

Снова перенеся свою деятельность из Галиции на территорию Королевства Польского и используя свое легальное положение, ППС-фракция активно боролась за расширение своего влияния на массы. И если в первые месяцы войны связь партии с массами была минимальной (значительную часть ее низовых членов поглотили легионы), а в ряде мест — в Домбровском бассейне, во Влоцлавке, Плоцке и др. — партийных организаций ППС-фракции вообще не существовало и, как впоследствии признавали сами лидеры партии, приходилось начинать работу почти на пустом месте⁴⁹, то к началу 1917 г. ППС-фракция завоевала уже значительные позиции.

Руководство партии вело двойную игру. Ряд демократических требований, выдвигавшихся им (демократическая республика, созыв сейма, восьмичасовой рабочий день, проведение аграрной реформы и т. п.), особенно призывы к созданию «независимой народной Польши», хотя бы и руками оккупантов, обеспечивали распространение его влияния на мелкую буржуазию и менее сознательные слои рабочего класса, в то время как на политической арене оно сотрудничало с оккупантами и буржуазией.

Февральскую революцию руководство ППС-фракции встретило совсем не так, как СДКПиЛ и ППС-левица. Оно не хотело замечать последовательно интернационалистской позиции большевиков, требовавших предоставления польскому народу права на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства. Пресса ППС-фракции писала: «для нас, для Польши, переворот в России и все его последствия — дело внешнее, заграничное»⁵⁰. Выступая на стороне Временного правительства, подвергая нападкам Ленина и большевистскую партию (особенно с лета 1917 г.), а заодно и поддерживавших ленинскую политику СДКПиЛ и ППС-левицу, руководство ППС-фракции доказывало, что революционное движение в России не имеет перспективы, что для польского народа самой страшной опасностью является «русское нашествие» и т. п.⁵¹ Продолжая пропаганду ярого национализма и соглашательства, орган ППС-фракции «Едність Robotnicza» писал после Февральской революции, что в связи со свержением царизма политика партии должна

⁴⁹ «Księga jubileuszowa PPS», str. 106—112; «Księga pamiątkowa PPS», str. 223, 224, 229.

⁵⁰ «Jedność Robotnicza», 8. IV 1917.

⁵¹ «Księga jubileuszowa PPS», str. 121.

якобы измениться коренным образом. Теперь задачей партий будет не революционная борьба, а строительство независимого польского государства⁵². Таким образом, эта «новая» политика ППС-фракции оставалась политикой соглашения с буржуазией, отрицания революционных методов борьбы, поддержки лозунга «национального единства», призыва к «консолидации, объединению всех сил нации». В июне 1917 г. на XIII съезде партии, где обсуждался вопрос о независимости Польши, была снова выражена надежда на присоединение к ней Литвы и Белоруссии. Вопросов революционных перспектив Польши, ликвидации оккупации, союза с революционной Россией съезд, разумеется, не касался⁵³.

Перейдя весной 1917 г. в оппозицию, критикуя оккупационный режим и Временный государственный совет, ППС-фракция на деле продолжала поддерживать марионеточные органы, созданные оккупантами. Выступая 16 апреля с заявлением по поводу декларации Временного государственного совета в связи с воззванием Временного правительства «К польскому народу», ЦРК требовал предоставления полноты власти этому совещательному органу. Заявив о поддержке лозунга польской республики, ППС-фракция одновременно соглашалась признать и монархию «как временную форму»⁵⁴. Даже в сентябре 1917 г., когда стоял вопрос о созыве Государственного совета и создании Совета министров, «Единство рабочих» по-прежнему приветствовала эти мероприятия оккупационных властей и возлагала на них большие надежды⁵⁵. Не случайно впоследствии, превознося свою «революционность», лидеры партии всеми силами старались обелить эту страницу ее истории, доказать, что партия вела самостоятельную политику и была непричастна к политическим махинациям оккупантов и буржуазии⁵⁶.

Нужно отметить, что низы партии, ее местные организации в обстановке усиления революционного движения революционизировались и, вопреки политике руководства, выступали против соглашательства, за союз с революционной Россией. Например, собрание рабочих — членов ППС-фракции в Люблине 22 апреля приняло резолюцию, в которой приветствовало революцию в России и выражало надежду на грядущую победу «демократических и пролетарских идей» во всем мире, хотя и оговаривало, что в случае посягательства России на польские и литовские (l) земли польские рабочие должны «выступить на борьбу за свою свободу»⁵⁷. В решении содержался протест против политики оккупантов и сотрудничавшей с ними польской буржуазии.

СДКПиЛ и ППС-левица последовательно боролись против идеологии соглашательства и национализма в рабочем движении, разъясняя, что национальное и социальное освобождение может быть достигнуто лишь путем революционной борьбы, а не политическими комбинациями и фактической поддержкой сотрудничавшей с оккупантами буржуазии. В конце марта 1917 г. «Наша трибуна» в статье «Социал-демократия и война», сравнивая позицию большевиков по вопросам войны и революции с позицией партий II Интернационала, писала: «Точка зрения российской социал-демократии, которая последовательно привела ее к позиции, занятой во время революционных мартовских событий, является

⁵² «Jedność Robotnicza», 25. II 1917.

⁵³ H. J a b ł o Ń s k i. Указ. соч., стр. 330—331.

⁵⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 23.

⁵⁵ H. J a b ł o Ń s k i. Указ. соч., стр. 366.

⁵⁶ «Księga jubileuszowa PPS», str. 108, 112, 115, 130.

⁵⁷ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 24.

отрицанием и опровержением основных положений социал-патриотов»⁵⁸. В мае на межрайонной конференции варшавской организации СДКПиЛ была принята резолюция, подтверждавшая правильность анализа международной обстановки, сделанного левым крылом революционной социал-демократии во главе с партией большевиков. «Начало русской революции является победой революционной тактики С.-Д., поражением принципа „классового соглашательства“, провозглашенного социал-патриотами»⁵⁹, — подчеркивалось в резолюции, которая своим острием была направлена против соглашательства ИПС-фракции и подтверждала справедливость оценки, данной этой партии раньше. Считая вопрос классового самоопределения польского пролетариата одним из важнейших вопросов момента, СДКПиЛ видела основную задачу в преодолении раскола рабочего движения. Такую же позицию в 1917 г. занимала и ИПС-левица. Она активно вела борьбу против национализма, решительно и принципиально отмежевываясь от ИПС-фракции и других националистических организаций, распространявших свое влияние на рабочий класс, — Национального рабочего союза и партии Христианской демократии. В решении национального вопроса партия переходила на революционные позиции, требуя подчинения национальной борьбы борьбе классовой⁶⁰ и связывая ликвидацию национального гнета только с революционной борьбой пролетариата⁶¹.

СДКПиЛ и ИПС-левица практически возглавили движение польского народа против оккупантов, мобилизуя на борьбу с ними все более широкие слои рабочего класса. Воодушевленные примером пролетариата России, перед лицом перспективы развертывания революционных событий во всей Европе и активизации борьбы за прекращение империалистической войны, обе партии усилили организаторскую и агитационную работу в массах — в профсоюзах, кооперативах, просветительных организациях и т. д., что очень быстро сказалось на подъеме уровня всего рабочего движения. При этом нарастание рабочего движения вызывало все более ожесточенную борьбу между пролетарско-интернационалистическим и мелкобуржуазно-националистическим течениями за влияние на массы, за руководство стачечной борьбой, за руководящие позиции в профсоюзах.

Стаечное движение в 1917 г. после временного застоя 1915—1916 гг. возобновилось и резко усилилось, несмотря на массовые аресты и введение войск на предприятия. Единичные, разрозненные экономические стачки в начале 1917 г. стали превращаться в стачки протеста против антинародного режима оккупантов. Ожесточенные репрессии способствовали тому, что рабочие все более осознавали, что именно оккупационный режим стимулирует усиление эксплуатации, что именно он ставит их на грань голодной смерти. Семена агитации против оккупантов падали на благоприятную почву. В рабочем движении происходил неуклонный процесс организации, собирания сил, осознания задач борьбы против империалистической реакции.

После Февральской революции четко наметилась тенденция роста стачечного движения как в количественном, так и в качественном отношении. По данным польского экономиста Т. Штурм де Штрема, в Варшаве в первом полугодии 1917 г. было 10 стачек, во втором — уже 17, при этом они охватывали почти все отрасли варшавской промышленности⁶².

⁵⁸ «Nasza Trybuna», 31.III 1917.

⁵⁹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 40.

⁶⁰ «Głos Robotniczy», 14. IV 1917.

⁶¹ «Głos Robotniczy», 7. IV и 23. V 1917 и др.

⁶² T. Szturm de Sztrém. Указ. соч., стр. 49.

Первые стачки пачала 1917 г. оставались еще стихийными разрозненными экономическими выступлениями в основном оборонительного характера⁶³, так как значительная часть рабочих оставалась пассивной. Это объяснялось давлением безработицы, репрессиями оккупационных властей, а также изменением состава рабочих в сторону увеличения процента женщин и подростков, притока рабочей силы из деревни и другими явлениями, связанными с мобилизацией в армию, эвакуацией части квалифицированных рабочих в Россию и вывозом их на принудительные работы в Германию.

Качественный перелом в стачечном движении наступил в марте 1917 г. в связи со стачкой варшавских металлистов — основного отряда пролетариата Варшавы.

Варшавские металлообрабатывающие заводы «Паровоз», «Герлях и Пульст» и «Альбатрос», а также мастерские по ремонту самолетов, с общим числом рабочих около 3 тыс., были военизированными предприятиями с казарменными порядками и полнейшим произволом военных властей. Еще в апреле 1916 г. «Наша трибуна» сообщала, что условия труда на заводе «Паровоз» стали невыносимыми, по попытка группы передовых рабочих предъявить администрации экономические требования кончилась их увольнением. Большинство рабочих тогда не поддержало эту группу.

Через профсоюз металлистов, находившийся под влиянием СДКПиЛ, через свой рабочий актив партия подготовила в марте 1917 г. массовую организованную стачку, которая приобрела политический характер и стала этапом в развитии стачечного движения в стране. Под руководством социал-демократов был создан стачечный комитет и выработан план действий. Председателем этого комитета и руководителем делегации бастующих стал рабочий — социал-демократ, секретарь Повонзковского райкома партии и Союза деревообделочников Б. Вольский⁶⁴.

Стачка началась 28 марта на заводах «Паровоз» и «Герлях и Пульст». Обстановка была настолько накалена, что к ним немедленно присоединились завод «Альбатрос», Венские, Ковельские, Калишские и Петербургские железнодорожные мастерские в Варшаве. За весь период оккупации Варшава не знала такой массовой стачки. На этот раз, кроме улучшения материального положения (повышения заработной платы на 100%), рабочие потребовали признания их права иметь свою организацию, которая защищала бы их интересы, — заводской комитет и профсоюз металлистов. Оккупационные власти арестовали делегацию рабочих, дав понять, что никакие переговоры невозможны, и рабочие не будут признаны стороной, имеющей право предъявлять какие-либо требования.

Стачка продолжалась.

Варшавский комитет СДКПиЛ, придавая большое значение этой стачке, призвал рабочих не прекращать борьбы. Такую же позицию занял Варшавский рабочий комитет ППС-левицы. Изданные в решающий момент воззвания обеих партий активно способствовали усилению политического характера этой стачки. Ссылаясь на пример пролетариата России, эти партии призывали организованно противостоять натиску оккупационных властей и неуклонно добиваться удовлетворения своих требований. В обоих воззваниях подчеркивалось, что стачечная борьба рабочих должна быть направлена на защиту тех основных прав, без которых невозможна результативная классовая борьба пролетариата, — на защиту права на стачку, неприкосновенности бастующих, свободы профсоюзов.

⁶³ «Głos Robotniczy», 30. I, 28. VII, 8. VIII 1917 и др.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 673, л. 27; там же, ф. 124, оп. 1, д. 399, лл. 36, 38.

Варшавский комитет СДКПиЛ в своем воззвании «Новое покушение на права рабочих» напоминал о традициях польского пролетариата, призывая бороться до победы: «... Рабочие! Вы все знаете, сколькими жертвами рабочий класс Польши заплатил за свое право на стачку. Вы знаете, сколько боев проведено с кровавым царизмом, какие большие усилия приложены, чтобы защитить *самое святое право пролетариата — право на стачку, на свободу профессиональных союзов.*

Вы все знаете, что без этого права рабочий — раб капитала, раб предпринимателя... Товарищи! Рабочие! Неуклонно отстаивайте свои требования»⁶⁵. Аналогичное воззвание Варшавского рабочего комитета ППС-левицы, опубликованное 5 апреля, также подчеркивало политический характер стачки. «Сегодня речь идет уже не только о повышении заработной платы, о сохранении вырванного в кровавой борьбе девятичасового рабочего дня, о добавочных продовольственных пайках. *Сегодня речь уже идет также о правах рабочих, о свободе забастовок, о признании профессиональных организаций, о неприкосновенности личности бастующих,* о тех элементарных правах, без которых невозможна классовая борьба, за которые революционный пролетариат проливал свою кровь при царизме!»⁶⁶. Отвергнув путь борьбы за реформы и переговоров с буржуазными благотворительными организациями, ППС-левица стала активнее поддерживать СДКПиЛ в организации движения масс, выступая за единство рабочего класса, за участие в стачечной борьбе всех рабочих, без различия партийной принадлежности. Воззвание ППС-левицы по случаю стачки металлистов, например, было направлено против раскольнической деятельности ППС-фракции, которая при помощи конкурирующего профсоюза металлистов, находившегося под влиянием этой партии, старалась отвлечь от активного участия в стачке часть рабочих. ППС-фракция действительно пыталась сорвать стачку, подменив ее апелляцией к марионеточному Государственному совету. Рабочие отвергли это предательское предложение. Однако роль ППС-фракции в борьбе со стачкой этим не ограничилась. Когда оккупационные власти решили быстро расправиться со стачечниками и развесили объявление, грозящее стачечникам — бывшим служащим царской армии отправкой в Германию, в лагеря для военнопленных, а 12 апреля опубликовали приказ того же содержания со сроком исполнения 13 апреля, ППС-фракции удалось, воспользовавшись обострением положения, расколоть ряды стачечников.

Стачка закончилась компромиссом. Заработная плата рабочих была повышена, но организаторы стачки были отправлены в лагеря для военнопленных. Для устрашения рабочих был опубликован декрет, согласно которому участие в забастовке каралось смертной казнью. Таким образом, победа оказалась половинчатой и была куплена дорогой ценой.

Тем не менее эта массовая, всеобщая, организационно оформленная стачка варшавских металлистов была качественно новой по своему характеру. Ее участники выставили ряд политических требований. Стачкой руководила СДКПиЛ, а ППС-левица оказала ей поддержку. Стачка варшавских металлистов, вызвав отклики по всей Польше, оказала большое влияние на борьбу пролетариата других профессий, способствуя поднятию этой борьбы на более высокий уровень.

Вместе с тем эта стачка наглядно показала, каковы позиции каждой партии, каково их отношение к различным формам классовой борьбы.

⁶⁵ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 226.

⁶⁶ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 18.

Она еще раз обнажила существовавший в польском рабочем движении раскол.

Кроме варшавских металлистов, в марте бастовали трамвайщики Лодзи, сапожники Варшавы и т. д. Забастовка лодзинских трамвайщиков была подавлена. 3 апреля военный губернатор Лодзи Шмидт заявил в связи со стачками трамвайщиков и железнодорожников, что прекращать работу без разрешения властей запрещается и невыход на работу будет караться заключением на один год или крупным денежным штрафом ⁶⁷.

Более результативными были стачки на небольших предприятиях Варшавы. В период войны и оккупации ввиду значительного сокращения промышленного производства и ликвидации целого ряда крупных предприятий значительно вырос удельный вес мелкого производства. Мелкие, полуремесленные предприятия меньше зависели от оккупационных властей. Вместе с тем на этих предприятиях ухудшение положения рабочих было особенно болезненным, так как там заработки всегда были ниже, чем на крупных предприятиях. Стаечная борьба на подобных предприятиях приобрела особый размах. Можно сказать, что в рассматриваемый период стачечное движение рабочих мелких предприятий преобладало ⁶⁸ (что было обусловлено почти полным бездействием крупной промышленности). При этом подобные стачки, благодаря руководству СДКПиЛ, ППС-левицы и так называемых классовых, находившихся под влиянием этих партий профсоюзов, охватывали не только все предприятия одной отрасли промышленности в данной местности, но и рабочих смежных профессий.

Именно такой характер носила стачка варшавских сапожников, выставивших в марте 1917 г. требование повышения заработной платы. В стачке, которой руководил социал-демократический профсоюз, приняло участие около тысячи рабочих—число, для сапожников невиданное. Одновременно забастовали и 45 мастерских кожевников. Само возникновение такой массовой стачки очень напугало предпринимателей, и большинство из них немедленно пошло на уступки. В результате совместного выступления кожевники, сначала требовавшие повышения заработной платы на 30—40%, добились в дальнейшем еще 50% надбавки, что убедительно доказывало результативность солидарных выступлений. В дальнейшем совместные стачки, кроме сапожников и кожевников, проводили столяры, типографщики, шляпники, пекари и рабочие других профессий.

Май 1917 г. принес с собой новое обострение положения и новый подъем стачечной борьбы.

Празднование 1 Мая, вылившееся в стачки и демонстрации в Варшаве, Лодзи, Домброве, Люблине и других городах, социал-демократия и ППС-левица провели под лозунгами солидарности с революцией в России и революционным движением в Европе, под лозунгами организации на борьбу с оккупацией и империалистической реакцией.

«Товарищи! Рабочие! — гласила первомайская листовка Главного правления СДКПиЛ. — Уже произошла первая битва революции с враждебной силой милитаризма. Братский пролетариат России под руководством революционной социал-демократии сверг мерзкий царизм, повел за собой пролетарские отряды в мундирах и раздавил врага.

Социал-демократия в России, которая во время войны не прерывала ни на минуту своей борьбы с царизмом и буржуазией, разрушила стены, разделяющие международный пролетариат.

⁶⁷ «Ekonomista», 1917, t. IV, str. 253.

⁶⁸ Там же, стр. 251.

Социал-демократия России открыла путь к борьбе за социализм. ...Перед вами один путь, проложенный революционной деятельностью социал-демократии России — *путь неумолимой борьбы с буржуазией, с милитаристским капиталом*»⁶⁹.

Листовки ВРК ППС-левицы по случаю 1 Мая призывали к всеобщей стачке, которая показала бы оккупантам и польской буржуазии, что рабочий класс готовится к решающим боям, что «каждое новое покушение на права рабочих встретит солидарный отпор»⁷⁰.

Особенно успешно празднование прошло в Домбровском бассейне, где удалось провести многотысячную демонстрацию.

Поскольку оккупанты постепенно пустили в ход все шахты, горняки оказались самым крупным отрядом польского пролетариата. Однако их состав ввиду мобилизаций, эмиграции в Верхнюю Силезию и т. п. значительно обновился за счет массового найма на работу женщин и притока рабочей силы из деревни. Требовалось некоторое время, чтобы преодолеть их неорганизованность. Первые разрозненные выступления горняков были малоуспешны. Они заканчивались лишь частичными уступками предпринимателей и то не всегда.

Чтобы закрепить успех празднования 1 Мая, горняки уже 2 мая объявили стачку, выдвинув ряд выработанных «классовым» профсоюзом экономических требований (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д.). В числе требований было и требование признания права профсоюзов на посредничество во время конфликтов с администрацией. Стачка охватила ряд шахт немецкой зоны и все шахты австрийской зоны оккупации. Социал-демократический «Червонь штандар» сообщал о том, что во время этой стачки ряд массовых выступлений был организован СДКПиЛ и ППС-левицей⁷¹. Опасаясь влияния стачки на пролетариат Верхней Силезии, оккупационные власти пошли на некоторые уступки. Опасения не были напрасными. Несмотря на старания руководства соглашательских профсоюзов, горняки Верхней Силезии последовали примеру горняков Домбровского бассейна, и ряд больших шахт забастовал. Таким образом, борьба пролетариата Королевства Польского вызвала активизацию верхнесилезского пролетариата⁷². Любопытно, что представители верхнесилезского финансового капитала понимали связь этих выступлений с революционными событиями в России⁷³.

Недовольство оккупационным режимом, усугубленное голодом, вылилось в мае 1917 г. в голодные волнения. Отчаявшиеся массы начали громять магазины. Пролетарские партии старались разъяснить населению, что такие выступления не могут помочь при создавшемся положении. ВРК ППС-левицы, например, распространял в Варшаве 16 мая листовку «Под угрозой голодной смерти», в которой говорилось: «Стихийные взрывы отчаяния, неорганизованные волнения, часто провоцируемые темными элементами, не дадут нам ничего! Кто хочет победить гнетущее, должен понять, где его корень, где кроется действительный враг; он должен сознательно поднять свое оружие против этого врага!». Указывая на истинных виновников голода — австро-германский империализм, установивший в Польше антинародный оккупационный режим, и польскую буржуазию, листовка призывала: «Пусть волнение народного моря перельется в формы сознательного, планового революционного действия...»⁷⁴ — в демонстра-

⁶⁹ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 228—229.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 19.

⁷¹ «Czerwony Sztandar», № 191, июнь 1917 г.

⁷² H. Zieliński. Указ. соч., стр. 115—117.

⁷³ Там же, стр. 116.

⁷⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 20.

ции под революционными лозунгами борьбы с войной, с милитаризмом, с буржуазией — виновницей войны.

В этих условиях в мае началась крупная стачка рабочих газового завода в Варшаве. Магистрат выделил специальную комиссию для ведения переговоров с бастующими (коммунальные предприятия подчинялись непосредственно магистрату), однако оккупационные власти запретили всякие переговоры и предприняли массовые аресты, проводя днем и ночью облавы. Стаечный комитет газового завода выпустил листовку, призывающую газовиков не прекращать борьбы, сохранять единство и требовать освобождения арестованных товарищей. «Мы боремся за право на жизнь, мы боремся за свободу, которую у нас хотят отнять и запрячь нас в ярмо рабства, — говорилось в листовке. — ... Стачка продолжается и будет продолжаться, пока мы не добьемся победы»⁷⁵.

Эта стачка, как и стачка металлистов, приобрела под руководством СДКПиЛ и ППС-левицы ярко выраженный политический характер, как бы продолжив борьбу металлистов. Преемственность была подчеркнута в воззвании ВРК ППС-левицы от 28 мая 1917 г. «Стачка на газовом заводе продолжается, в стойкости — победа!». Оккупационным властям удалось, правда, предотвратить стачку на заводе «Перкун», бросив в тюрьму сотни рабочих. Однако газовики продолжали борьбу. Листовка ППС-левицы отмечала в связи с этим, что стачечное движение уже не могут прекратить никакие репрессии, и призывала всю рабочую Варшаву поддержать эту стачку, собирать средства для помощи бастующим, прятать от властей тех из них, кому угрожал арест (арестованных власти направляли на принудительные работы на газовую станцию вместе с арестантами-каторжанами). Призывая к солидарности, листовка напоминала: «Борьба газовиков является сегодня борьбой всей рабочей Варшавы»⁷⁶.

Второе воззвание ППС-левицы («В защиту жизни», июнь 1917 г.) говорило о необходимости продолжать борьбу против полицейского режима, за свободу стачек⁷⁷.

Однако силы были слишком не равны. К тому же власти пошли на уступки и обещали освободить арестованных. Стачка прекратилась. Рабочие вышли на работу. Вскоре власти объявили, что в случае нового невыхода на работу приговор в отношении подвергшихся аресту будет приведен в исполнение⁷⁸.

После стачки газовиков оккупационные власти повели жестокую борьбу со стачечным движением, надеясь покончить с ним и заставить рабочих покориться. Новое распоряжение варшавского генерал-губернатора грозило десятью годами тюрьмы или 10 тыс. марок штрафа за оставление работы без уважительных причин⁷⁹.

Основной удар был направлен против авангарда польского рабочего класса — варшавских металлистов. У них было отнято все завоеванное во время стачки, а затем половина рабочих была подвергнута локауту. Однако рассчитывать на то, что рабочие сдадутся без борьбы в силу глубоких изменений, происходивших в рабочем движении, было уже невозможно. Рабочий класс за первое полугодие 1917 г. значительно революционизировался, его боевая готовность еще более повысилась. Металлисты ответили на локаут забастовкой и уличной демонстрацией. Забастовка охватила заводы «Паровоз», «Герлях и Пульст» и военные мастерские. Руководящую роль в ней играл социал-демократ рабочий Мечислав

⁷⁵ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 231.

⁷⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 21.

⁷⁷ Там же, ф. 70, оп. 2, д. 867, л. 49.

⁷⁸ «Ekonomista», 1917, t. IV, str. 253.

⁷⁹ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy», str. 388.

Красинский. Он был работником Повонзковского райкома СДКПиЛ и членом правления профсоюза деревообделочников ⁸⁰.

Когда немецкой полицией было арестовано 1500 рабочих, у Вольской заставы в Варшаве возникли баррикады, и рабочим удалось отбить около тысячи арестованных. Бой продолжался три часа, но вооруженные камнями и палками рабочие не могли оказать длительного сопротивления воинским частям, стянутым для борьбы с рабочими. Известен факт активного участия в этом столкновении партийного работника СДКПиЛ Чеслава Звежиньского, погибшего от пули немецкого полицейского.

Повторная стачка металлистов, переросшая в вооруженное столкновение с полицией и воинскими частями, вызвала широкий резонанс по всей Польше. Стаечное движение не только не прекратилось, но продолжало нарастать. Если немцам властям при помощи солдат удалось в июне задушить стачку на шахте Ренард, то уже в июле 1917 г. в Домбровском бассейне и в Верхней Силезии состоялась двухнедельная стачка горняков, особенно массовая в австрийской зоне оккупации. В Домбровском бассейне стачка продолжалась до победы, хотя горняки Верхней Силезии вскоре прекратили борьбу. Полиция отмечала активную роль в организации этой стачки агитаторов «извне», из Варшавы ⁸¹, а в Верхней Силезии — влияние агитации из Домбровского бассейна ⁸². Стачки горняков все более приобретали политический характер благодаря активной роли ППС-левицы и особенно СДКПиЛ, которая издала несколько листовок антивоенного характера, ориентирующих на «социальную революцию» как продолжение «революции на Востоке» ⁸³.

В августе состоялась массовая стачка железнодорожников, охватившая несколько железнодорожных узлов.

В 1917 г. произошло еще несколько крупных отраслевых стачек: в Лодзи были всеобщие стачки портных, парикмахеров и сапожников, во Влоцлавке и Сосновце — стачки кожевников, печатников и портных, в Люблине — металлистов и т. д. ⁸⁴

Мощный подъем стачечного движения был тесно связан с ростом общего освободительного движения в стране и составлял его важнейшую часть. В значительной мере ему способствовала активизация революционных партий польского пролетариата — СДКПиЛ и ППС-левицы. Усиление работы этих партий, начавшееся в марте 1917 г. под непосредственным влиянием Февральской революции в России, благотворно сказывалось на организации сил рабочего класса. Обе партии направляли его борьбу в политическое русло — против империалистической реакции и оккупационного режима — и вносили организующее начало в эту борьбу.

Что касается ППС-фракции, то, несмотря на некоторые изменения в тактике и критику оккупационного режима, ее руководство, как и руководство германской и галицийской социал-демократии, по-прежнему играло роль тормоза в стачечном движении, что наглядно проявилось во время стачки металлистов в марте месяце. Летом 1917 г. газета «Едність робітничча» писала: «Настоящий момент является в наивысшей степени не подходящим для всякой стачечной борьбы» ⁸⁵. В то время как низы партии в атмосфере общего подъема рабочего движения выступали заодно с членами пролетарских партий, руководство рассчитывало лишь на политические комбинации, которые позволили бы ему в дальнейшем получить

⁸⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 976, лл. 4, 6, 8.

⁸¹ N. Gąsiorowska. Указ. соч., стр. 17.

⁸² H. Zieliński. Указ. соч., стр. 117.

⁸³ N. Gąsiorowska. Указ. соч., стр. 19.

⁸⁴ «Głos Robotniczy», 6. X 1917; «Ekonomista», 1917, t. IV, str. 252.

⁸⁵ «Jedność Robotnicza», 24.VI 1917.

какие-либо позиции в польском буржуазном аппарате управления. Оно проводило политику компромиссов и соглашательства. Как отмечалось в рапорте люблинского генерал-губернаторства в министерство иностранных дел Австро-Венгрии от 17 июля 1917 г., «рабочие все большее давление оказывали на своих вождей», чтобы последние прекратили свою деятельность в этом направлении, «которая к тому же и не принесла до сих пор каких-либо успехов, и позаботились бы о социальных проблемах... Появилась опасность того, что массы отвернутся от своих вождей и под чисто социалистическими лозунгами... вступят на новый путь, путь революции»⁸⁶. «Против этих стремлений, — говорится в том же рапорте, — выступили прежде всего вожди правых элементов ППС, так как начало революции в настоящее время они сочли вредным для развития идей политической независимости, как и вообще для деятельности по созданию государства...»⁸⁷

Тормозя развитие революционной борьбы, ППС-фракция старалась направить инициативу масс в русло «общенациональных» празднований, используя для этого знаменательные даты в истории польского народа, стараясь подчинить национально-освободительную борьбу лишь задаче установления «координации у себя дома» (так руководители ППС-фракции называли сотрудничество с буржуазией). В связи с этим ППС-фракция перешла в оппозицию к оккупационному режиму, так как «революционному течению в массах, питательной средой и стимулом которого в значительной мере явилась русская революция, политические вожди левых (речь идет о лидерах ППС-фракции. — И. Я.) не смогли противопоставить каких-либо политических успехов» и, как далее говорится в рапорте Люблинского генерал-губернаторства, они «опасались потерять влияние и власть над массами»⁸⁸. Руководство партии стало применять активные формы политических выступлений. Например, в июле 1917 г. им была проведена однодневная всеобщая забастовка протеста в Люблине, Радоме, Кельцах и других городах австро-венгерской зоны оккупации в знак протеста против интернирования Пилсудского.

Борьба между двумя направлениями рабочего движения за влияние на массы велась, в частности, в таких массовых пролетарских организациях, какими являлись профессиональные союзы. В профсоюзном движении Королевства Польского она была особенно упорной. Профсоюзное движение в Галиции было тесно связано с СДПГ и австрийскими профсоюзами так же, как силезское — с руководством германской социал-демократии и оппортунистическими профсоюзами. По этой причине оно носило сугубо соглашательский характер⁸⁹.

Война и оккупация вызвали значительные изменения в профсоюзном движении Королевства Польского. Из-за безработицы и распыления рабочего класса подавляющее большинство профсоюзов в первые годы оккупации существовало лишь формально. Некоторые профсоюзы вообще прекратили свое существование (например, профсоюз рабочих сахароваренной промышленности, закрывшийся ввиду полного застоя в этой отрасли). В условиях огромных трудностей профсоюзы, как единственная полулегальная форма организации рабочего класса, практически безуспешно пытались бороться с безработицей, наладить трудоустройство своих членов и снабжение их продовольствием.

⁸⁶ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I, док. 53.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ H. Zieliński. Указ. соч., стр. 121—122; W. Najdus. Указ. соч., стр. 149—150.

В профсоюзном движении, как и в польском рабочем движении в целом, существовали два направления: часть профсоюзов находилась под влиянием СДКПиЛ и частично ППС-левицы и носила боевой пролетарский характер (так называемые классовые профсоюзы), другая часть примыкала к ППС-фракции. В таких профсоюзах были сильны элементы соглашательства и национализма. Существовала также группа так называемых польских—желтых штрейкбрехерских профсоюзов, организованных крайне правым Национальным рабочим союзом.

Наиболее активные «классовые» профсоюзы уже в 1916 г. стали предпринимать попытки объединить свои силы, централизовать профсоюзное движение. Возникли первые объединения профсоюзов по территориальному признаку, местные межсоюзные профессиональные органы в отдельных промышленных центрах. Например, в Варшаве по инициативе металлистов, кожевников и маляров возник Совет профессиональных союзов, который объединил, кроме указанных профессий, также деревообделочников, каменщиков, портных и сапожников. Затем к нему присоединились текстильщики, пекари и парикмахеры, и он стал представителем всех профессий варшавского пролетариата⁹⁰.

И если деятельность профсоюзов металлистов, деревообделочников, маляров, кровельщиков и рабочих других профессий, не имеющих (или почти не имеющих) работы, была чрезвычайно нерезультативной в силу объективных трудностей, то профсоюзы рабочих мукомольной промышленности, кожевников, сапожников и портных, т. е. специальностей, захваченных безработицей в меньшей степени, действовали в 1916 г. более активно и добились ряда уступок у предпринимателей.

ППС-фракция также предприняла попытки объединить профсоюзы, находившиеся под ее влиянием, и усилить свои позиции в профсоюзном движении. В Варшаве эта партия создала Центральную комиссию профессиональных союзов, которая занялась организацией параллельных соглашательских профсоюзов.

С общим оживлением рабочего движения весной 1917 г. наступила активизация работы профессиональных союзов, особенно и в первую очередь так называемых классовых. Профсоюзы один за другим вовлекались в стачечную борьбу, постепенно от роли посредников стали переходить к роли ее руководителей. В марте—апреле 1917 г. после периода застоя активизировался и принял активное участие в стачке металлистов варшавский профсоюз металлистов. В марте же, во время успешной совместной стачки сапожников и кожевников, активную роль сыграли находившиеся под влиянием СДКПиЛ профсоюзы рабочих этих профессий. В результате уже в ходе стачки число членов этих профсоюзов значительно выросло, в частности, в профсоюз сапожников вступило несколько десятков человек. В сентябре лодзинский профсоюз сапожников по инициативе ППС-левицы создал свой филиал в Пабяницах, который повел энергичную борьбу за улучшение положения рабочих⁹¹.

Ряд удачных стачек при руководящем участии «классовых» профсоюзов провели литографы, печатники, деревообделочники и другие. Особенно успешно действовал профсоюз деревообделочников в Лодзи, который организовал в первом полугодии 1917 г. ряд удачных стачек, при этом некоторые из них были повторными. Число членов этого профсоюза с февраля по август 1917 г. удвоилось (с 80 до 160 человек⁹²).

Профсоюз горняков в Домброве, который долго не мог развернуть работу из-за противодействия оккупационных властей, летом 1917 г.

⁹⁰ «Związek zawodowy», Warszawa, 26.VIII 1916.

⁹¹ «Głos Robotniczy», 28.III и 12.IX 1917.

⁹² «Głos Robotniczy», 10.X 1917.

участвовал во время стачки в переговорах с администрацией, старался улучшить снабжение рабочих продовольствием, протестовал против увольнений, устраивал на работу безработных. К осени 1917 г. этот профсоюз пользовался влиянием уже более чем на десяти шахтах, а число его членов возросло с 400 в мае 1917 г.⁹³ до 2800 в октябре того же года⁹⁴.

В августе 1917 г. был поставлен вопрос и о необходимости восстановления прежнего массового профсоюза сахароваренной промышленности, ликвидированного в начале войны и имевшего отделение только в Люблине, хотя сахароваренные заводы были вновь пущены в разных концах страны⁹⁵.

Интересно, что в этот период оживление работы профсоюзов проходило при сильном давлении снизу, под нажимом масс. Под напором снизу летом—осенью 1917 г. в профсоюзах металлистов, горняков, деревообделочников и т. д. были проведены общие собрания членов с отчетами правлений, где резко критиковалась их пассивность. 30 сентября принял решение активизировать свою работу варшавский профсоюз металлистов⁹⁶, 7 октября 1917 г. подобное решение было принято на профсоюзном собрании горняков в Домброве; при этом присутствующие единодушно подчеркивали, что «союз должен быть организацией классовой борьбы, а не кассой взаимопомощи»⁹⁷.

Под нажимом масс повелели и начали принимать участие в стачечном движении даже некоторые «польские» профсоюзы, примыкавшие к Национальному рабочему союзу. Так, например, в марте 1917 г. «польский» профсоюз печатников поддержал экономическую стачку, что способствовало ее успеху⁹⁸. Показательна также история люблинского профсоюза металлистов, который раньше был «польским», т. е. желтым, и носил соглашательский характер, но под влиянием рядовых беспартийных рабочих в условиях общего подъема рабочего движения переродился в союз последовательно пролетарский, боевой и стал инициатором создания в Люблине Совета профсоюзов. В этом Совете он вел решительную борьбу против попыток ППС-фракции подчинить своему влиянию люблинские профсоюзные организации⁹⁹.

Профсоюз металлистов был самым сильным профсоюзом в Польше и первым начал борьбу за создание общепольских профессиональных союзов, завершившуюся III съездом в ноябре 1917 г. За лето и осень отделения союза значительно укрепились, и профсоюз стал одним из самых крупных. Если в Домброве Гурничей, например, его отдел возобновлял свою работу в марте 1917 г., насчитывая всего 24 члена, то в августе это число возросло до 337 человек, представлявших шахты «Коселев», «Реден», «Париж», «Флора», «Мортимер», «Казимеж», металлургические предприятия «Константы», «Паулина», «Гута Банкова», машиностроительный завод «Нива» и т. д.¹⁰⁰ К 1 ноября 1917 г. домбровский отдел насчитывал уже 660 членов¹⁰¹.

Всего на съезде было представлено семь отделов профсоюза, действовавших до этого самостоятельно, с общим числом 2364 члена¹⁰². Съезд

⁹³ «Głos Robotniczy», 12.V 1917.

⁹⁴ «Głos Robotniczy», 20.X 1917.

⁹⁵ «Głos Robotniczy», 25.VII 1917.

⁹⁶ «Głos Robotniczy», 3.X 1917.

⁹⁷ «Głos Robotniczy», 24.X 1917.

⁹⁸ «Głos Robotniczy», 21.III 1917.

⁹⁹ «Głos Robotniczy», 5.IX 1917.

¹⁰⁰ «Głos Robotniczy», 22.IX 1917.

¹⁰¹ «Głos Robotniczy», 7.X 1917.

¹⁰² Там же. Из этого числа варшавский отдел насчитывал около 600 членов, лодзинский — около 500, сосновецкий — около 260, домбровский — 660, отдел в Заверче — 220, во Влоцлавке — 42 и т. д.

оформил создание единого общепольского «классового» союза металлистов, хотя нужно отметить, что не все его отделы до объединения носили такой характер и объединение происходило в ходе борьбы за последовательно-пролетарский характер союза, которая, впрочем, не прекратилась и после съезда.

Под влиянием напряженной борьбы рабочего класса, которая начала приносить первые плоды, постепенно подключились к движению и мелкие служащие.

Так, например, серьезную эволюцию проделал Совет польских рабочих обществ, объединявший 13 профсоюзов мелких служащих — торговых работников, бухгалтеров, банковских служащих, коммивояжеров, младшего технического персонала и т. д. Это объединение носило привилегированный характер и имело целью не защиту интересов своих членов, а просветительство и взаимопомощь. Оно находилось под безраздельным влиянием националистической и антисемитской демагогии.

Собрание представителей этих союзов, состоявшееся в апреле 1917 г., показало, что в организациях служащих произошли значительные изменения в сторону осознания классовых противоречий и необходимости борьбы за улучшение своего положения.

Собрание признало, что «экономические интересы» членов объединения «противоположны интересам имущих классов», что все члены союзов «сами должны завоевать себе соответствующие условия быта»¹⁰³. Оно выработало ряд требований: признания профсоюзных организаций, признания юридической правомерности коллективных договоров, охраны труда, восьмичасового рабочего дня для работников учреждений и контор и т. д.¹⁰⁴ Эти требования непосредственно перекликались с требованиями, выставлявшимися в это время рабочими.

В целом в профсоюзное движение вовлекались в этот период все новые и новые слои рабочего класса. Перспективы борьбы за освобождение польского народа, связанные с развитием революции в России, активизация деятельности польских революционных партий — СДКПНЛ и ППС-левицы и общее усиление рабочего движения способствовали усилению революционного течения в профсоюзном движении. «Классовые» профсоюзы, находившиеся под влиянием этих партий, росли и крепили, играя все более важную роль в организации сил рабочего класса, в направлении этих сил в русло активной борьбы.

Кроме укрепления «классовых» профсоюзов, усиление профсоюзного движения выразилось в стихийном возникновении в это время целой группы так называемых беспартийных профсоюзов. Подобные профсоюзы возникали помимо различных организаций и партий, под влиянием растущей активности рабочего класса. Однако уже с момента их возникновения рабочим надо было выбирать, какова будет платформа этих профсоюзов. Примыкая к революционному течению, последние становились последовательно классовыми, попадая же под влияние ППС-фракции, усилившей раскольническую деятельность в профсоюзном движении и стремившейся создавать конкурентов для «классовых» профсоюзов, они приобретали соглашательский характер. ППС-фракция, стараясь противопоставить их боевым «классовым» профсоюзам, создавала и сама параллельные союзы. Например, для противодействия чрезвычайно популярному профсоюзу металлистов она создала соглашательский националистический «Рабочий союз металлообрабатывающей промышленности» в Варшаве. Значительно усилив свою работу в профсоюзах, ППС-фракция создала

¹⁰³ «Ekonomista», 1917, t. IV, str. 256.

¹⁰⁴ Там же, стр. 257.

целый ряд конкурирующих профсоюзов. В этот период профсоюзы, находившиеся под ее влиянием, и желтые «польские» профсоюзы действовали вместе, мешая организации стачечной борьбы, раскалывая бастующих¹⁰⁵.

Создавая иногда даже объединения рабочих всех профессий по примеру Христианской демократии для борьбы за влияние на рабочий класс (именно такой характер носил организованный ППС-фракцией в Лодзи союз «Вперед»)¹⁰⁶, «фракции» применяли в демагогических целях лозунг «единства рабочего движения». Тем самым они старались замаскировать раскольный характер таких организаций. Неоднократно созданные ими объединения именовались «беспартийными». ППС-фракция старалась вовлечь в них под этой маркой рабочих, чтобы затем, проведя энергичную кампанию в пользу своей Центральной комиссии профессиональных союзов, присоединить их к ней.

В большинстве воссоздаваемых профсоюзов шла борьба за влияние, за определение характера и задач организаций. Во всех союзах, включая и металлистов, ППС-фракция пыталась завоевать какие-либо позиции, отвлечь рабочих от активной борьбы.

«Классовые» профсоюзы старались очиститься от соглашательских элементов, вели постоянную борьбу против организаций конкурирующих союзов, разоблачали их соглашательство. В Варшаве, например, раскольная деятельность последних неоднократно вызывала негодование и решительное осуждение у наиболее сильных «классовых» профсоюзов, входивших в Совет профсоюзов. 28 октября на общем собрании профсоюза металлистов Варшавы специально рассматривался вопрос об отношении к другим профессиональным организациям. Собрание разоблечило соглашательскую сущность Центральной комиссии профсоюзов и в специальной резолюции осудило предательскую тактику примыкающих к ней союзов, «не имеющих ничего общего с задачами и целями экономической борьбы рабочих», но углубляющих раскол в рабочем движении. «Такая раскольническая деятельность, — гласила резолюция, — является самым тяжелым преступлением против самых насущных интересов рабочего класса»¹⁰⁷. Энергично противодействовали раскольнической деятельности ППС-фракции и Национального рабочего союза и хорошо организованные пекари, боевой профсоюз которых издал даже специальное воззвание, в котором разъяснял, что вновь создаваемый «польский» союз пекарей, «разбивая рабочую солидарность пекарей, имеет целью ослабить их силу и подорвать классовую организацию». В этом же воззвании разоблачались маневры ППС-фракции, которая, создав «пекарское коло ППС», объявила его затем «беспартийным», дабы, прикрываясь фразами о беспартийности, «создать новую, отдельную организацию для своих собственных, партийных целей»¹⁰⁸.

Далеко не во всех отраслях промышленности, особенно в австрийской зоне оккупации, где влияние ППС-фракции было сильнее, рабочие могли противодействовать созданию параллельных профсоюзных организаций, тем более что эта партия очень усилила работу в профсоюзах летом — осенью 1917 г., чтобы закрепить свое влияние на массы. Летом 1917 г. из Люблина, например, сообщали, что в городе в последнее время был образован ряд профсоюзов, находящихся под влиянием ППС-фракции. Газета этой партии «Едність робітнича», публикуя сообщение об их

¹⁰⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 28.

¹⁰⁶ «Głos Robotniczy», 26.V 1917.

¹⁰⁷ «Głos Robotniczy», 31.X 1917.

¹⁰⁸ «Głos Robotniczy», 4.VII 1917.

организации, вынуждена была указать, что их не много¹⁰⁹. В прессе появились также сведения о создании в Сосновце раскольнических союзов швей, пекарей, электромонтеров¹¹⁰ и т. д. В октябре 1917 г. ППС-фракции удалось провести съезд 28 профсоюзов и секций австрийской зоны, на котором были представлены горняки Домбровского бассейна, металлисты, сапожники, пекари, каменщики и рабочие других специальностей из Радома, Островца и Каменной, рабочие сахароваренной промышленности, металлисты, печатники, портные и т. д. из Люблина, члены объединения разных специальностей из Кельц, рабочие разных специальностей и профсоюзов из Петркова¹¹¹. Партия провела на съезде свои резолюции и начала осуществлять присоединение этих профсоюзов к своей Центральной комиссии профсоюзов, для чего в Радоме был создан специальный секретариат последней.

Таким образом, одновременно с активизацией и значительным усилением «классовых» профсоюзов и общим усилением революционной тенденции в польском рабочем движении, в обстановке роста политической активности польского народа энергично развернуло свою деятельность и соглашательское, националистическое руководство ППС-фракции, стремясь усилить свои позиции в рабочем классе. Профсоюзы стали ареной напряженной борьбы за влияние на массы, правда, не единственной. В 1917 г. существовало также несколько рабочих кооперативов. Первый потребительский кооператив возник в начале 1917 г. в Лодзи и объединил более 1500 человек. Инициатором его создания была СДКПиЛ¹¹². Вскоре у этого кооператива появился конкурент: ППС-фракция создала свой кооператив. В Варшаве «классовый» профсоюз металлистов организовал свой кооператив «Металлист», так же как и профсоюз каменщиков — кооператив каменщиков. ППС-фракция создала свой кооператив «Огниско»¹¹³ и т. д. Таким образом, раскол рабочего движения сразу сказался и на кооперативном движении, хотя кооперативов было не много и роль их была невелика.

В целом рабочее движение в Польше с весны 1917 г. значительно усилилось. Рабочий класс переходил к активной борьбе с империалистической реакцией, с оккупационным режимом. Возросло стачечное движение, при этом стачки приобрели политический характер. Активную роль в организации борьбы рабочего класса стали играть «классовые» профсоюзы. СДКПиЛ и ППС-левица, возглавлявшие революционное направление в польском рабочем движении, ориентировали рабочий класс на развертывание революционной борьбы, связывая ее перспективы с успехом Февральской революции и дальнейшим развертыванием революционных событий в России и во всей Европе.

Обе партии энергично пропагандировали опыт революционного рабочего класса России, последовательно вели борьбу против углубления раскола польского рабочего движения, которым занималось руководство ППС-фракции, против соглашательства и национализма, против сковывания энергии рабочего класса.

СДКПиЛ и ППС-левица выступали против теории, ориентирующей на достижение социальной и национальной независимости не путем революционной борьбы народных масс, а путем дипломатических и военных комбинаций, путем переговоров с империалистическими державами и

¹⁰⁹ «Jedność Robotnicza», 4.XI 1917.

¹¹⁰ «Głos Robotniczy», 20.VI 1917.

¹¹¹ «Głos Robotniczy», 5.IX 1917.

¹¹² «Nasza Trybuna», 17.II 1917.

¹¹³ «Nasza Trybuna», 17.III 1917.

фактической поддержки (во имя «национального единства» и «классового мира») сотрудничавшей с оккупантами польской буржуазии.

Обе партии, руководя начавшимся революционным подъемом польского рабочего движения, способствовали превращению его в могучий политический фактор общественной жизни Польши, в реальную силу, направленную на уничтожение оккупационного режима, в наиболее последовательную, наиболее революционную часть общего потока борьбы польского народа за свое освобождение, за самоопределение, за объединение всех польских земель.

Под влиянием Февральской революции соотношение сил в польском рабочем движении изменилось: усилилось и активизировалось революционное течение, все более революционизировались рабочие, находившиеся под влиянием ППС-фракции.

В то время как польские буржуазные партии частично продолжали сотрудничать с оккупантами, частично с Антантой, надеясь получить те или иные уступки с их стороны и отгораживаясь от революционной России, смертельно боясь освободительного движения польских народных масс, польский рабочий класс, его революционное течение, возглавлявшееся СДКПиЛ и ППС-левицей, объективно содействуя созданию благоприятных условий для успешного развертывания дальнейших революционных событий в России, вели под лозунгом дружбы с революционной Россией борьбу против австро-германского милитаризма, за ликвидацию оккупации и подлинное самоопределение польского народа, реальные предпосылки которого были созданы победой Великой Октябрьской социалистической революции.

А. Х. Клеванский

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ в РОССИИ

(февраль — октябрь 1917 г.)¹

Февральская буржуазно-демократическая революция превратила Россию в самую свободную из всех воюющих стран². Это не могло не создать условий для политической активизации военнопленных, оказавшихся в России в годы войны, для более тесного сближения их с народом, творящим революцию, и постепенного превращения миллионов иностранных трудящихся из пассивного объекта эксплуатации в активных участников революционных событий.

Широкие массы военнопленных в обстановке первых послереволюционных месяцев, естественно, далеко не сразу преодолели идейное влияние буржуазно-либеральных и правосоциалистических элементов из своей среды, использовавших благоприятную обстановку двоевластия для политической консолидации. Это обстоятельство способствовало тому, что пробудившиеся к активной общественной жизни военнопленные сначала с бессознательной доверчивостью относились к буржуазным и мелкобуржуазным партиям и Временному правительству.

В многочисленных письмах, телеграммах, резолюциях, адресованных в правительственные учреждения и советы, военнопленные, приветствуя революцию, требовали улучшения своего материального положения, предоставления им гражданских и политических прав.

В буржуазной историографии широко распространено утверждение, что Февральская революция в корне изменила правовое положение военнопленных и чуть ли не превратила их с санкции правительства в «свободных граждан свободной России». Действительно, весной и летом 1917 г. было сказано и напечатано немало красивых и гневных слов по поводу страданий военнопленных при царизме. Наряду с другими комиссиями Временного правительства «для расследования преступлений старого режима» было создано даже Особое частное присутствие по расследованию вопроса о содержании военнопленных в лагерях и на работах и выяснению причин эпидемий и высокой смертности среди них. Важно, однако (ибо политическая практика русской буржуазии характеризовалась имен-

¹ Предшествующий период истории этих организаций и формирований освещен в нашей статье, опубликованной в «Ученых записках Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXV, 1962.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 4.

по этим), что Временное правительство после растерянности первых недель использовало все средства, чтобы воспрепятствовать каким-либо изменениям в положении военнопленных. Оно категорически настаивало на неукоснительном выполнении всех изданных царским правительством распоряжений, регулирующих как содержание военнопленных в лагерях, так и на работах в промышленности и сельском хозяйстве. Еще 30 марта, а вслед за этим повторно 18 апреля министром внутренних дел А. Никитиным был отдан приказ об усилении охраны военнопленных и учреждении особой стражи за счет средств, удерживаемых с самих военнопленных³. Впоследствии распоряжением Керенского в охранные команды рекомендовалось зачислять прежде всего офицеров и унтер-офицеров, бежавших из плена, с тем, чтобы не давать военнопленным никаких поблажек⁴. Было введено «клеяние» одежды военнопленных (в левый рукав предписывалось шить буквы «ВП», номер или лоскут цветной материи). Лагерному начальству было указано на необходимость установления для военнопленных не менее десятичасового рабочего дня и привлечения их к работам по воскресеньям⁵. Побег, неповиновение, отказ от работ вели к жестоким репрессиям⁶.

В ответ на массовые требования о предоставлении военнопленным политических прав и свобод Главное управление Генерального штаба 4 апреля в специальном письме в ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов категорически предупреждало, что «предоставленная военнопленным свобода собраний безусловно не распространяется на военнопленных чинов неприятельских армий, так как они не являются полноправными гражданами России, а ее пленниками, и как таковые не могут быть причастны к благам свободы, завоеванной гражданами России»⁷. Вслед за этим (9 апреля) последовал приказ военного министра А. Гучкова, в котором констатировалось, что военнопленные в целом ряде обращений к правительству и общественным организациям предъявляют требования о переустройстве их внутреннего быта и о предоставлении им права свободного передвижения, собраний, организаций (профессиональных, религиозных, просветительных и т. п.). В приказе подчеркивалось, что все это «такие требования, которые противоречат самому понятию состояния плена», и категорически предлагалось «лицам и учреждениям, ведающим военнопленными, объяснить последним всю невыполнимость их стремления и потребовать от них беспрекословного повиновения всем распоряжениям поставленных над ними властей»⁸.

19 апреля, «ввиду непрерывно поступающих жалоб на недопустимое своеволие и даже отказ от работ со стороны военнопленных», Гучков

³ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (далее — ГАОРСС МО), ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 519.

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО), ф. 72, оп. 1, д. 5584, л. 140.

⁵ Там же, д. 5641, л. 53.

⁶ Там же, лл. 40, 53; А. А. М ю л л е р. В пламени революции. Иркутск, 1957, стр. 18; И. Ш н е й д е р. Революционное движение среди военнопленных в России 1915 г. — «Борьба классов», М., 1935, № 3, стр. 57; «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 17.V 1917.

⁷ Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее — ЦГАОР), ф. 1235, оп. 78, д. 84, л. 4.

⁸ ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 141. Разъясняя этот приказ Гучкова, Екатеринбургский уездный комиссариат Временного правительства 21 апреля указывал: «Из полученных в настоящее время указаний Временного правительства видно, что объявленные распоряжения, касающиеся свободы граждан Российского государства, отнюдь не могут распространяться на военнопленных, по отношению к которым все вообще распоряжения старого правительства остаются в силе». — ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 5641, л. 68.

отдает распоряжение: «Всех бунтующих пленных немедленно направлять в ближайшие лагеря, где применять к ним суровый режим и строгие наказания»⁹. Однако, как вынужден был признать Никитин, эти меры не дали результатов. С помощью местных советов и профсоюзов военнопленные осуществляли и право собраний, и право организаций, активно боролись за равные с русскими трудящимися экономические и политические права. При поддержке трудящихся России они революционным путем, вопреки правительственным распоряжениям, ломали старые порядки в лагерях и на принудительных работах и осуществляли демократические преобразования. При этом нередко дело доходило до открытых столкновений с охраной и местными властями. Когда на станции Военное Поле Московской окружной железной дороги утром 1 июня 1917 г. стражники выстроили команду военнопленных, среди которых находилась большая группа чехов и словаков, и прочли им приказ, в котором указывалось, что военнопленные не могут уходить за полосу отчуждения железной дороги без конвоя, «пленные, — по донесению стражников, — ответили взрывом негодования», а прораб Иван Юревич, поляк по происхождению, заявил: «...На что нам эти телеграммы и приказания! Это все выдумки старого режима, не слушайте, товарищи, никого, теперь свобода и вы тоже называетесь вольными гражданами, на охрану нечего смотреть, она не имеет права вас задерживать, можете себе гулять свободно и где угодно во всякое время»¹⁰.

Почти повсеместно в концентрационных лагерях, сборных пунктах, рабочих ротах и батальонах, на фабриках и шахтах были созданы комитеты военнопленных. Эти комитеты налаживали связи с местными рабочими организациями и советами, распространяли среди военнопленных газеты, листовки, политическую литературу. Одновременно возникали национальные, профессиональные и социал-демократические организации военнопленных. Военнопленные активно включались в политическую жизнь страны, участвовали в демонстрациях и митингах, в забастовочной борьбе российского пролетариата, в разделе помещичьих земель и т. п.

Правительственные органы и предприниматели приложили немало усилий для того, чтобы предотвратить совместные выступления военнопленных и русских трудящихся, расколоть солидарные действия военнопленных различных национальностей, противопоставляя славян немцам, австрийцам, венграм¹¹. Широко применяя дешевый принудительный труд военнопленных, предприниматели упорно сопротивлялись требованиям повысить им заработную плату, сократить рабочий день, улучшить условия труда.

Правительственные учреждения непрочь были попытаться направить гнев сотен тысяч русских пролетариев, лишившихся работы из-за саботажа предпринимателей и массового закрытия промышленных предприятий, против военнопленных. Однако эта политика все чаще вызвала общий протест и возмущение русских и иностранных трудящихся всех национальностей. Широкий отклик среди военнопленных находили требования пролетариата России о введении равной оплаты за равный труд для местных рабочих и военнопленных, восьмичасового рабочего дня, повышения расценок, ликвидации всякой национальной дискриминации.

⁹ ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 157.

¹⁰ Там же, д. 73, лл. 311—316; ф. 66, оп. 3, д. 1185; л. 15.

¹¹ 30 июня 1917 г. военным министром были утверждены «Правила», предусматривающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков, дававшие право на предоставление работы по специальности, разрешавшие взаимное общение, переписку и получение литературы на родном языке, создание касс взаимопомощи, библиотек. Офицерам и вольноопределяющимся, кроме того, позволялось вступать в брак и жить на частных квартирах (там же, д. 68, л. 272).

Они с пониманием отнеслись и к требованию фабзавкомов, профессиональных союзов и советов, настаивавших на принятии срочных мер для облегчения положения безработных, лишенных всяких средств к существованию, и, в частности, указывавших на необходимость замены детей и военнопленных на предприятиях безработными¹².

Особенно энергично и последовательно в поддержку требования об улучшении материального и правового положения военнопленных выступали рабочие организации Урала и Западной Сибири, руководимые большевиками. Уже в конце апреля внимание передовой общечественности России привлекла борьба, развернувшаяся между владельцем Судженских угольных копей Л. А. Михельсоном и шахтерами, 20% которых составляли военнопленные, китайские и корейские рабочие¹³. Оборудование Судженских шахт в результате хищнического ведения добычи в течение войны совершенно износилось. Администрация не заботилась о подготовительных работах, своевременном подвозе крепкого леса, ремонте штреков и механизмов, что, как вынуждена была констатировать специальная правительственная техническая комиссия, представляло «прямое нарушение фабричного и горного законодательства»¹⁴. По инициативе созданных после революции Совета рабочих и солдатских депутатов (в состав которого входили и военнопленные) и Союза служащих Судженских копей в конце марта шахтеры потребовали от владельца принятия немедленных мер по улучшению условий труда и жилищных условий, введения восьмичасового рабочего дня, ликвидации штрафов и вычетов, повышения заработной платы, уравнивания оплаты труда военнопленных и русских рабочих, «исходя из точки зрения общности интересов русских и германо-австрийских рабочих в борьбе с капиталом»¹⁵. Михельсон отказался удовлетворить эти требования. Тогда 29 апреля Совет рабочих и солдатских депутатов и Союз служащих изгнали администрацию и передали управление шахтами в руки избранного рабочими и служащими Совета по управлению копиями¹⁶, одновременно потребовав у Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и правительства конфискации копей у владельца. 4 мая Михельсон, живший в Москве, распорядился объявить от его имени рабочим, что он готов увеличить заработную плату русским и китайским шахтерам, но категорически отказывается увеличить оплату труда военнопленных, ибо это якобы было бы равносильно уплате контрибуции врагам России. Обращаясь к рабочим, он лицемерно заявлял, что «скорее согласен всю разницу до вашего заработка отчислять в пользу пострадавших воинов..., но только не платить военнопленным»¹⁷.

В конфликт вмешались общественные организации Томска, создавшие специальную согласительную комиссию¹⁸, решения которой 9 мая обязались выполнить и рабочие копей, и представители администрации¹⁹. Однако уже 11 мая, не дожидаясь начала работы комиссии, Михельсон

¹² «Известия Киевского Совета рабочих депутатов», 29.VIII 1917.

¹³ «Знамя революции. Орган Томского Совета солдатских и рабочих депутатов», 21.VII 1917.

¹⁴ «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919). Сборник документов», Кемерово, 1957, док. № 12, стр. 60.

¹⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 3. VI 1917.

¹⁶ Совет состоял из 18 человек: трех инженеров и представителей рабочих и служащих. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО), ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 18; «Установление Советской власти в Кузбассе», док. № 15, стр. 70.

¹⁷ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 58.

¹⁸ Комиссия состояла из представителей инженеров, штейгеров, томских социалистических организаций, Совета солдатских депутатов, рабочих копей и отдела труда губисполкома («Установление Советской власти в Кузбассе», док. № 22, стр. 76).

¹⁹ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 27.

потребовал восстановления изгнанного с копей управляющего и отказал рабочим в выдаче заработанных ими денег. 19 мая В. И. Ленин выступил в «Правде» со статьей «Еще одно преступление капиталистов», в которой привел телеграмму судженских рабочих Петроградскому Совету и правительству, характеризующую ведение дел администрацией на шахте Михельсона как преступное и провокационное. В. И. Ленин предупреждал, что вся вина за дезорганизацию производства, безработицу и голод ляжет на Временное правительство, не принимающее решительных мер для борьбы с саботажем углепромышленников²⁰.

Попытка Михельсона, прикрывшись личиной патриота, расколоть интернациональный фронт шахтеров, противопоставить военнопленных русским и китайским рабочим, вызвала гневный протест Совета рабочих и солдатских депутатов Судженки. Совет заявил в резолюции, переданной по телеграфу в Москву, что «...патриотизму он не намерен учиться у капиталистов, которые под ширмой патриотизма вызвали братоубийственную войну...». Подчеркнув, что считает военнопленных свободными, Совет вновь категорически потребовал для них равной оплаты за равный с русскими рабочими труд²¹.

Согласительная комиссия вынуждена была поддержать требование шахтеров о введении восьмичасового рабочего дня и повышении заработной платы. Указав на то, что «по заявлению местной администрации производительность военнопленных не ниже русских рабочих»²², она признала необходимым уравнивать заработную плату военнопленных и русских шахтеров. Однако Михельсон, поддержанный буржуазной прессой, организациями предпринимателей и Временным правительством, продолжал упорствовать, обвиняя рабочих и согласительную комиссию в «гермаофильстве» и «предательстве»²³. Одна из наиболее реакционных тогдашних газет «Новое время» в середине мая опубликовала телеграмму Михельсона правительству, в которой он утверждал, что военнопленные даже при прежней оплате (2 рубля за смену) делали сбережения и что «позорное предложение» согласительной комиссии увеличить им плату до 7—8 рублей — результат нажима гермаофилов, от притязаний которых он просит правительство его оградить²⁴. Управление делами Особого совещания по топливу при Временном правительстве настаивало перед местным комиссаром труда на принятии решительных мер, направленных «к воздействию на рабочих в смысле органичения их непомерных требований»²⁵. Но в поддержку судженских рабочих выступили шахтеры Анжерского, Кемеровского, Щербаковского и других казенных рудников, рабочие химических заводов Кемерова и ряда промышленных предприятий Томска²⁶. Собравшаяся в середине июля в Анжерке конференция горнорабочих Кузбасса постановила установить на рудниках одинаковую заработную плату для всех категорий рабочих²⁷. Такое же решение в конце июня принял окружной съезд Советов Урала, состоявшийся в Перми. «Съезд принципиально признал, — говорилось в его резолюции, — что за равный труд при одинаковой продуктивности заработная плата должна быть равной независимо от пола, возраста и нацио-

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 405—406.

²¹ «Установление Советской власти в Кузбассе», док. № 18, стр. 73.

²² ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 62; «Знамя революции», 23. VI 1917.

²³ ГАТО, ф. 428, оп. 5, д. 4, л. 21.

²⁴ «Новое время», 14. VI 1917.

²⁵ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 570, л. 5.

²⁶ «Знамя революции», 23. VI и 21. VII 1917.

²⁷ «Установление Советской власти в Кузбассе», док. № 27, стр. 81; док. № 29, стр. 83; «Знамя революции», 23. VI 1917.

нальности рабочего, к числу последних относятся также и военнопленные»²⁸.

20 июня исполком Судженского Совета предупредил администрацию копей, что если военнопленные не получат причитающейся им за апрель повышенной заработной платы, то они начнут забастовку, и остальные рабочие, согласно решению конференции в Анжерке, поддержат их, а вся ответственность за забастовку, как явно спровоцированную, падет на владельца и администрацию²⁹.

Временное правительство, чрезвычайно обеспокоенное все более широко распространяющимся движением за уравнивание заработной платы военнопленных и русских рабочих³⁰, попыталось лицемерно сослаться на то, что удовлетворение этого требования было бы величайшей несправедливостью по отношению к русским пленным, каторжный труд которых в Австро-Венгрии и Германии вознаграждается ничтожной платой от 7 до 10 копеек в день. В то же время военное министерство прибегло к пехитрому маневру, заявив, что им «спешно проводится вопрос» о том, чтобы военнопленным из их заработной платы на руки выдавалось не более 50 копеек в день, а остальная часть, за вычетом расходов на их содержание, сдавалась предпринимателями в доход казны. Этот «новый» порядок вводился якобы для того, чтобы «не создавать для промышленников выгоды использования труда военнопленных в ущерб русским рабочим»³¹. Таким образом, выставя в неприглядном свете рабочие организации России, корыстно стремившиеся будто бы лишь к ликвидации конкуренции дешевого труда военнопленных, министерство пыталось обострить отношения между ними и военнопленными. Однако этот маневр буржуазии не обманул передовых пролетариев России. Об этом свидетельствует, в частности, специальная резолюция «О военнопленных», принятая во второй половине июля съездом горнорабочих Западной Сибири по докладу одного из руководителей судженских шахтеров, большевика М. М. Рабиновича³². В резолюции указывалось, что съезд не усматривает никакой разницы между трудом военнопленных и русских рабочих и считает «необходимым в настоящее историческое время, в канун мировой пролетарской революции, ярко и резко подчеркнуть освобождение русских рабочих от шовинистических и милитаристских предрассудков и безусловную солидарность и единение их с рабочими всех стран без различия шинелей». Резолюция решительно протестовала против мер военного министерства и требовала их отмены, ибо они обрекают на голод и могут вызвать справедливое возмущение десятков тысяч военнопленных, «делящих труд, опасность и несчастья на копиях и других предприятиях наравне с русскими рабочими». Съезд решил не считаться с запрещением принимать военнопленных в профсоюзы, ибо оно «противоречит международной солидарности рабочего класса».

²⁸ «Знамя революции», 20.VIII 1917.

²⁹ «Установление Советской власти в Кузбассе», док. № 27, стр. 81.

³⁰ «На горнозаводских предприятиях Сибири, а равно и на многих других заводах, фабриках и коях, — телеграфировал 5 июля 1917 г. начальник Генерального штаба московскому губернскому комиссару, — местными рабочими организациями предъявляются категорические требования об установлении для работающих на предприятиях вражеских военнопленных одинаковой оплаты с русскими рабочими...» (ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 197).

³¹ Там же. Предприниматели мало теряли от этого «нового» порядка, так как он фактически существовал и ранее. Несмотря на это, труд военнопленных был значительно дешевле труда русских рабочих, и поэтому, а не только из-за недостатка местной рабочей силы, находил широкое применение в промышленности и сельском хозяйстве в предшествующие годы.

³² «Знамя революции», 15. VIII 1917. Отчет о съезде опубликован также в сб. «Установление Советской власти в Кузбассе» (док. № 36, стр. 99—115).

Все вычеты из заработной платы военнопленных, сделанные ранее, съезд предложил изъять у администрации и 50% направить русским военнопленным в Германию, Австрию и Турцию, 25% передать на нужды местных советов и 25% — на нужды самих военнопленных под контролем советов³³.

Вопреки усилиям русской буржуазии и ее правительства, ширящееся сопротивление военнопленных режиму беззастенчивой эксплуатации сливалось со стачечной борьбой российского пролетариата. Пример солидарной борьбы рабочих Судженских копей — лишь один из наиболее ярких, но далеко не единственный. Совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов Надеждинского завода выступила с требованием заключения коллективного договора, предусматривавшего одинаковую оплату и рабочее время для русских рабочих и военнопленных, местная организация военнопленных. В ответ на отказ администрации удовлетворить эти требования началась стачка³⁴. Бастовали русские железнодорожники и военнопленные, работавшие на станции Верхняя Часовня (близ Симбирска) в июле 1917 г., требуя улучшения жилищных условий, питания, повышения заработной платы. Борьба длилась два дня и закончилась победой бастующих³⁵. По соглашению с заводским комитетом фабрики Товарищества Покровской мануфактуры (близ Яхромы) в конце июня начали забастовку 200 военнопленных, требуя улучшения питания. Только после вмешательства войск и ареста 12 руководителей забастовки, военнопленных принудили вновь приступить к работе³⁶. Совместно с русскими землекопами и дренажниками бастовали 700 военнопленных на Орской железной дороге³⁷. Вместе с руководителями забастовки на машиностроительном заводе в Балахове были брошены в тюрьму за поддержку бастующих все военнопленные, работавшие на этом заводе³⁸. По утверждению И. Шнейдера, летом 1917 г. в забастовках совместно с рабочими России участвовало не менее полумиллиона военнопленных³⁹.

Все приведенные выше материалы позволяют, таким образом, утверждать, что Временное правительство ничего не сделало для облегчения правового и материального положения военнопленных. «Судьба пленных

³³ Характерно, что это была инициатива самих военнопленных. Местный комитет военнопленных Судженских копей еще 2 июля писал в своем обращении в Совет рабочих и солдатских депутатов: «Так как русские товарищи переживают теперь острый хозяйственный кризис, мы, получая равную с русскими заработную плату, отчисляем с заработка:

до 100 рублей	7%
до 175 »	10%
свыше »	15%

Общая сумма отчислений распределяется следующим образом:

- 30% на семьи местных солдат
- 30% в стачечный фонд местных рабочих
- 20% для русских военнопленных в Германии, Австрии и Венгрии
- 10% Совету [рабочих] и [солдатских] [депутатов] Судженских копей
- 10% на местную библиотеку» («Установление Советской власти в Кузбассе», док. № 20, стр. 74—75).

³⁴ «Česko-slováci ve válce a v revoluci», Moskva, 1919, str. 117—118.

³⁵ Ф. В а л х а р, Л. Ф о р с т. Организация военнопленных в Симбирске. — Сб. «1918 г. на родине Ленина», Куйбышев, 1936, стр. 136—137.

³⁶ ГАОРСС МО, ф. 176, оп. 1, д. 72, л. 111.

³⁷ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 28361, оп. 3, д. 404, лл. 5—6.

³⁸ «Былые походы. Воспоминания словацких красноармейцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР», перевод со словацкого. М., 1961, стр. 100.

³⁹ И. Ш н е й д е р. Указ. соч., стр. 57.

в России, — констатировали „Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов“, — в общем тяжелая и при новом правительстве еще не изменилась. До сих пор еще масса злоупотреблений и насилий. Отовсюду приходят вести о тяжелых случаях издевательств над беззащитными, до убийства включительно...»⁴⁰

Революция положила начало неизбежному процессу политической дифференциации среди военнопленных. И если революционные силы России имели серьезного потенциального союзника в лице военнопленных — рабочих и крестьян, то русская буржуазия вербовала энергичных и искусственных в политической борьбе сотрудников в буржуазных слоях военнопленных и в кругах националистически настроенной интеллигенции.

Наглядной иллюстрацией этих процессов может служить история более чем двухста тысяч чешских и словацких солдат и офицеров, оказавшихся в плену. Февральская революция выбила почву из-под ног самой правой русофильско-монархической фракции чехословацких буржуазных политиков — Дюриха, Краля, Коничка, Дедины и др. В то же время она расчистила почву для острой схватки других буржуазных групп, борющихся за руководство чехословацким движением — так называемых киевлян (русофильской буржуазно-либеральной группировки, в руках которой с 1916 г. находилось правление Союза чехословацких обществ), и петроградцев — масариковцев, ориентировавшихся на западных союзников России. Необходимо при этом подчеркнуть, что правые группы не ушли окончательно с политической арены, они продолжали свою деятельность, искали и находили себе союзников в кругах русской контрреволюции. Следует также иметь в виду, что в период острых политических кризисов все фракции чехословацких буржуазных политиков находили общий язык и объединялись для совместной борьбы с революцией.

Правление Союза чехословацких обществ, вынужденное накануне революции дать согласие подчиниться руководству так называемого Народного совета во главе с Дюрихом, уже 3 марта 1917 г. в телеграмме на имя нового председателя Совета министров заявило: «Прежнее положение о чешско-словацком Народном совете считаем несоответствующим. Единственным вождем признаем Масарика. Представителем и организатором народа в России просим считать Союз чешско-словацких обществ»⁴¹. Подобного же содержания телеграммы В. Вондрак посылает военному министру Гучкову и министру иностранных дел Милюкову. 12 марта в обширной докладной записке Временному правительству Вондрак как председатель «единственной объединяющей чехов и словаков демократической организации»⁴² не преминул подчеркнуть, что даже царское правительство признавало Союз чехословацких обществ «представителем зарождающейся чешско-словацкой государственности»⁴³. Вондрак просил Совет министров:

«1. Признать за чешско-словацким народом права союзного и дружественного России народа и право на государственную самостоятельность и впредь до установления таковой право на самоорганизацию своих сил в России.

2. Освободить от плена всех тех славян, за которых поручится Союз чехско-словацких обществ или другие объединенные славянские организации и

3. Подтвердить за нами право образовать чешско-словацкое войско.

⁴⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 17. V 1917.

⁴¹ Н. Каржальский. Чехословаки в России. М., 1918, стр. 43—44.

⁴² Там же, стр. 51.

⁴³ Там же, стр. 50.

Представителем народа в вопросах международных, — писал в заключение Вондрак, — просим считать проф. Масарика, в вопросах же, касающихся чехов и словаков, находящихся в России, — Союз чешско-словацких обществ в России»⁴⁴.

Одновременно, сразу же после революции, против дюриховского Народного совета, а также и против претензий правления Союза чехословацких обществ, выступила и петроградская оппозиция. М. Штефаник, вернувшийся накануне революции из Румынии и еще 22 февраля пытавшийся добиться компромисса между Дюрихом и Чехословацким национальным советом в Париже⁴⁵, теперь переходит в открытое наступление. Используя попавшие к нему в руки документы, уличающие Дюриха в том, что он находился на содержании царского правительства, Штефаник со своими единомышленниками организовал широкую кампанию в печати, заставившую даже руководителя Особого политического отдела Министерства иностранных дел Приклонского, этого «крестного отца» Народного совета, отказаться от поддержки Дюриха. 4 марта Штефаник обратился в Министерство иностранных дел с просьбой признать Чехословацкий национальный совет в качестве «главного и единственного политического представителя нации» и утвердить проект устава «отделения для России Чехско-словацкого национального совета»⁴⁶.

Вскоре Штефаник покинул Россию, оставив вместо себя Б. Чермака (бывшего до Вондрака председателем правления Союза чехословацких обществ) в качестве руководителя временной канцелярии филиала (отделения) Чехословацкого национального совета в Петрограде.

Масарик, находившийся в это время в Париже и внимательно присматривавшийся к борьбе различных группировок за руководство чехословацкими организациями в России, категорически отвергал претензии Вондрака на предоставление Союзу исключительных прав на руководство движением в России в обмен за признание его, Масарика, «верховным вождем». 4 марта в телеграмме Масарику Вондрак сообщил: «Мы требуем от нового правительства признания нас союзной нацией и права организоваться... Мы провозгласили вас как единственного чехословацкого представителя, а Союз — как организатора в России»⁴⁷. В ответной телеграмме Масарик грубо одернул Вондрака, заявив, что не признает права Союза на самостоятельные политические демарши перед Временным правительством, что Вондрак превысил свои полномочия, и категорически потребовал согласия со Штефаником и разделения руководящих функций между правлением Союза и петроградской оппозицией⁴⁸. Масарик, который тщетно добивался официального признания Чехословацкого национального совета западными державами Антанты, не мог, очевидно, не бояться, что шаги Союза чехословацких обществ в России

⁴⁴ Н. Каржанский. Указ. соч., стр. 52. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 224, л. 200.

⁴⁵ Штефаник, энергично поддерживавший главой французской военной миссии генералом Жаеном, представил генералу Алексееву проект, предусматривавший создание паряду с Народным советом во главе с Дюрихом «комиссии контроля и пропаганды» из лиц, подобранных с согласия Чехословацкого национального совета. Комиссия должна была подчиняться начальнику штаба верховного главнокомандующего и контролировать деятельность Дюриха («Красный архив», т. 34, стр. 34—35; J. P a r o u š e k. C a r s k é R u s k o a n a š e o s v o b o z e n í. Praha, 1927, dok. 57, str. 180—181; M. J a n í n. M o j e ú č a s t n a č e s k o s l o v e n s k é m b o j i z a s v o b o d u. Praha, без даты, стр. 49, 59).

⁴⁶ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 224, л. 187.

⁴⁷ J. K u d e l a. P r o f e s o r M a s a r ý k a č e s k o s l o v e n s k é v o j s k o n a R u s i. Praha, 1923, стр. 43.

⁴⁸ Там же.

приведут к результатам, которых он сам пока не мог добиться на Западе.

Временное правительство не возражало против ликвидации скомпрометировавшего себя Народного совета, хотя Дюрих и упрямился, не желая отказаться добровольно от своих функций. Переписка между правительственными учреждениями по этому вопросу длилась целый месяц и лишь 4 апреля решением Министерства внутренних дел совет этот был наконец официально закрыт⁴⁹. Что же касается других вопросов, и в частности о том, кого признать единственным руководящим органом чехословацкого движения, то Милюков, имеющий в этих делах решающий голос, занял позицию хотя и несколько выжидательную, но в целом благоприятную масариковцам. Небезынтересно, что по подсказке нового министра иностранных дел петроградские сторонники Масарика организовали широкую агитационную кампанию против Дюриха и одновременно против правления Союза чехословацких обществ в воинских частях, лагерях, на предприятиях, в чехословацких землячествах и организациях⁵⁰. 8 марта Военное министерство информировало Милюкова о телеграмме Вондрака и запросило его мнение о поставленных в ней вопросах. В частности, оно спрашивало о том, «насколько вообще Союз чешско-словацких обществ в России во главе с г. Вондраком может считаться истинным выразителем стремлений чешско-словацкого народа»⁵¹. 14 марта в письме Гучкову Милюков сообщил, что он не против того, чтобы Союз производил вербовку военнопленных для пополнения чехословацких воинских частей, но лишь под наблюдением военного ведомства и главным образом из числа «приверженцев партий: реалистов, младочехов и народных социалистов, руководимых Масариком, Крамаржем и Клофачем». Освобождение военнопленных на поруки, по мнению Милюкова, должно было производиться лишь по соглашению с генеральным штабом, а освобождение для работ на заводах лишь на основании специально разрабатываемых «Правил». «Что касается вопроса о центральном органе, объединяющем представительство чехов и словаков в России,— писал в заключение Милюков,— то вопрос этот желательно пока оставить открытым, впредь до приезда в Россию проф. Масарика»⁵².

Еще более холодно, чем в Министерстве иностранных дел, было встречено стремление Союза чехословацких обществ расширить чехословацкие воинские формирования в Военном и других министерствах Временного правительства. Создание крупных автономных национальных формирований даже из иностранных подданных представлялось русской буржуазии и ее правительству, так же как царизму, «дурным примером», грозило усилением центробежных стремлений, вынашиваемых буржуазией угнетенных национальностей России. Русским промышленникам и землевладельцам широкий набор добровольцев из числа военнопленных в армию также угрожал серьезными осложнениями. Неудивительно поэтому, что на докладной записке Вондрака 23 марта появилась резолюция товарища военного министра Миниковского, гласившая: «В[оенный] м[инистр] решил: никаких „войск“ из чешско-словацких военнопленных не образовывать, а дать специалистов из них на наши заводы для работ на оборону»⁵³. Очевидно, лишь при содействии Милюкова и,

⁴⁹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 224, л. 235.

⁵⁰ «Za svobodu», Praha, 1926, díl I, str. 688.

⁵¹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 224, л. 193.

⁵² Там же, л. 202 об.

⁵³ Н. К а р ж а п с к и й. Указ. соч., стр. 53.

возможно, Алексеева⁵⁴, поддерживавшего идею расширения чехословацких воинских частей, Военный совет и Совет министров в конце марта все же утвердили проект положения о формировании чехословацких войск⁵⁵. Однако принятие этого решения первоначально не имело никаких реальных последствий. Ему противодействовали местные военные власти, промышленники и землевладельцы, против него протестовало Министерство промышленности и торговли. Это подтверждает новая докладная записка, поданная 12 апреля чехословацкими организациями в Главное управление Генерального штаба. Записка констатировала, что формирование крупных воинских частей из военнопленных чехов и словаков «...в настоящее время, по разным причинам, встречает новые затруднения»⁵⁶. В разговоре с Вондраком, а потом с генералом Я. Червишкой, назначенным председателем комиссии по формированию, Гучков ссылаясь на недостаток материального обеспечения и подчеркивал, что «чехи будут более полезны на работах»⁵⁷. 18 апреля и генерал Алексеев сообщил, что формирование новых чехословацких частей будет зависеть от накопления материальной части⁵⁸. В конце апреля генерал Червишка вынужден был просить «разрешить формирование хотя бы небольших боевых единиц (полков, батарей и т. д.) для распределения их в русские части»⁵⁹. Таким образом, несмотря на формальное разрешение дальнейшего формирования чехословацких частей, фактически оно стояло на месте. К маю 1917 г. чехословацкая стрелковая бригада состояла из разбросанных по всему Юго-Западному фронту мелких подразделений и вместе с запасными ротами насчитывала 6—7 тыс. человек⁶⁰.

В официальной историографии буржуазной Чехословакии всегда было заметно стремление представить Милюкова не только единомышленником, но даже последователем Масарика, самым решительным защитником национальных чаяний чехов и словаков⁶¹. Бесспорно, Милюков во многом солидаризировался с Масариком, но, конечно, всегда исходил прежде всего из великодержавных интересов русской империалистической буржуазии, лидером «главной партии» которой он являлся. Не проводил Милюков и какой-то своей, в корне отличной от других буржуазных лидеров во Временном правительстве, внешнеполитической линии. Для Милюкова было лишь характерно стремление занять в ряде спорных вопросов хотя бы в какой-то степени самостоятельную позицию по отношению к Антанте. Кроме того, его отличала болышая, чем его оппонентов в правительстве и партии, прямолинейность и пренебрежение к маскировке истинных целей войны «левой фразой».

⁵⁴ Я. Папоушек утверждает, что только благодаря пажиму Милюкова Совет министров принял это постановление. По словам Деникина, «генерал Алексеев... поощрял польские и чехословацкие формирования» (А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. I, вып. II. Париж, 1921, стр. 130).

⁵⁵ Предусматривалось, что добровольцев вербуют чехословацкие организации, а формирование сосредоточивается в руках Особой военной комиссии при штабе Киевского военного округа. Добровольцы вербуются лишь из среды военнопленных-черно рабочих. Все старшие командные и хозяйственные должности в чехословацких частях замещаются русскими офицерами (Н. Каржапский. Указ. соч., стр. 56, 61).

⁵⁶ Там же, стр. 59.

⁵⁷ «Za svobodu», díl I, str. 766.

⁵⁸ Н. Каржапский. Указ. соч., стр. 63.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ J. Červinka. Až kam? Praha, 1923, str. 20—22.

⁶¹ Я. Папоушек, например, утверждал, что лишь инициативе Милюкова обязаны чехи и словаки включением во внешнеполитическую программу Временного правительства категорического требования расчленения Австро-Венгрии и создания независимого чехословацкого государства. Милюков, указывал Папоушек, еще в 1915 г. принял эту программу Масарика (J. Papoušek. Revoluční Rusko a československé legie.— «Naše revoluce», Praha, roč. VIII, 1932, sv. 2. str. 132).

Нам уже приходилось отмечать, что дипломатия царского правительства в зависимости от обстановки колебалась между максимальной и минимальной программой решения вопроса об Австро-Венгрии. Милюков исходил из желательности расчленения монархии Габсбургов, присоединения к России Галиции и создания под «покровительством» России самостоятельных славянских государств, в частности чехословацкого. О государственной форме этого нового государства Милюков предпочитал не высказываться.

18 марта в поздравительной телеграмме Милюкову Масарик писал: «Объединенная Польша, соединенная со свободной Россией, объединение русских — галицийских и венгерских, с русскими в России, объединение сербохорватов и словенцев и освобождение Чехии со Словакией — будет осуществлено обновленной Россией... Свободная Россия означает смерть Австро-Венгрии... свободная Россия означает упрочение Антанты...»⁶²

В ответной телеграмме Милюков высказывал свое полное согласие с планом «окончательного преобразования центральной и юго-восточной Европы», изложенным Масариком⁶³. В дальнейшем Милюков не раз высказывался по вопросу о том, как он себе представляет «исправление» карты Европы. В интервью корреспонденту парижской газеты «Тан» и в беседе с представителями русской печати он заявил, что «эта карта предполагает раздел Австро-Венгерской монархии», «объединение итальянских и румынских земель, образование чехословацкого и сербо-хорватского государств, слияние украинских земель Австро-Венгрии с Россией»⁶⁴.

Если учесть, что западные союзники России вовсе не помышляли о разделе Австро-Венгрии, а усиленно стремились в это время к заключению сепаратного мира с Габсбургами, то станет понятным восторг, с которым чехословацкая буржуазная эмиграция воспринимала подобные заявления Милюкова. «Ни один министр государств Антанты, — писала парижская „Чехословацкая самостоятельность“, — еще никогда так определенно не заявлял о необходимости раздела Австрии и создания самостоятельного чехословацкого государства»^{64a}.

Таким образом, первые послереволюционные месяцы характеризовались активизацией буржуазно-либерального крыла чехословацкого национального движения в России, острой схваткой двух основных его фракций, претендовавших на безраздельную гегемонию. В позиции Временного правительства хотя и наметилась линия, идущая в ряде вопросов внешней и внутренней политики навстречу чехословацким буржуазно-националистическим кругам, однако это пока еще не имело каких-либо реальных последствий. Исход происходившей схватки различных политических группировок, претендовавших на руководство, в конечном счете зависел от того, за кем пойдут массы. Поэтому только исследование процессов, порожденных революцией в пизах, в гуще чехословацких военнопленных, сосредоточенных в лагерях, на работах, в армии, может дать ключ к правильному пониманию дальнейшего развития событий.

Исследователи располагают свидетельствами современников о том, что еще до революции в солдатских и офицерских лагерях для военнопленных существовали подпольные социал-демократические кружки и ячейки. Эти подпольные организации нередко носили интернациональный характер, объединяя социал-демократов чехов, словаков, австрий-

⁶² Е. В е н е š. Světová válka a naše revoluce. Praha, 1928, díl III, str. 605.

⁶³ «Речь», 23.III 1917.

⁶⁴ «Голос социал-демократа», 28. III 1917; «Za svobodu», díl I, str. 684.

^{64a} «Za svobodu», díl I, str. 684—685.

цев, немцев, венгров⁶⁵. После Февральской революции социал-демократические кружки и ячейки возникают повсеместно в местах сосредоточения военнопленных. Особый интерес для нашей темы представляет киевская социал-демократическая организация, консолидировавшаяся в рамках Общества чешско-славянского единения. Нам уже приходилось говорить об обстоятельствах возникновения этого Общества, его первоначальном характере и причинах того, почему несмотря на реакционные взгляды его основателей оно довольно быстро выросло, главным образом за счет военнопленных. К середине мая 1917 г. Общество чешско-славянского единения насчитывало около 1 тыс. членов, а к середине июня уже 3786⁶⁶. Еще до революции в числе членов Общества оказалось 25 социал-демократов⁶⁷. При Обществе была создана специальная организация военнопленных, во главе которой стоял Комитет уполномоченных из 40 человек. «В результате вступления военнопленных в Общество чешско-славянского единения, — отмечалось в отчете о его деятельности 16 июля 1917 г. — столкнулись два направления различных политических взглядов. На одной стороне были первоначальные основатели Общества, в большинстве своем склоняющиеся направо, а на другой стороне рабоче-военнопленные, среди которых преобладали в громадном большинстве сторонники Чехославянской социал-демократической партии...»⁶⁸ После революции организатор Общества — Дедина⁶⁹ и его единомышленники были изгнаны и их места в руководстве заняли военнопленные, в большинстве социал-демократы.

Продолжая брать военнопленных «на поруки», выдавать разрешения на право жительства в Киеве и свободное передвижение по городу и его округе, подыскивая им работу, Общество в контакте с Киевским Советом рабочих депутатов и профессиональными союзами активно участвовало в борьбе за улучшение условий труда военнопленных⁷⁰. Однако новое политическое лицо Общества определилось лишь после создания в его недрах социал-демократической организации, полностью сосредоточившей в своих руках руководство всеми сторонами его деятельности. Овладев Обществом, социал-демократы не сумели, однако, взять в свои руки

⁶⁵ Так, например, под руководством Штейнгарта — электрика с будапештского судостроительного завода — еще в 1916 г. в Песчанке (близ Читы) был создан интернациональный социал-демократический кружок (ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 44, л. 123).

⁶⁶ Archiv Vojenského historického Ustavu (далее — AVU) J(8) 1, č. 25.

⁶⁷ «Komunistická revue», Praha, 1927, № 11, str. 861.

⁶⁸ AVU J(8) 1, č. 25.

⁶⁹ Дедина и его сторонники, изгнанные из Общества чешско-славянского единения, создали реакционную организацию «Кружок славян и славянское содружество».

⁷⁰ С конца марта до середины июля на поруки было взято 1084 человека, 3735 человекам выдано разрешение на свободное передвижение в городе, на работу было определено 1182 человека. Киевское центральное бюро профессиональных рабочих союзов активно выступало за улучшение условий труда военнопленных. 17 августа оно сообщало руководству местной чехословацкой социал-демократической организации, что «... принимает меры, чтобы военнопленные не являлись объектом эксплуатации предпринимателей, и поэтому считает необходимым уравнивать оплату и условия труда с таковыми у русских рабочих». Общество добилось введения восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы военнопленным до уровня заработной платы русских рабочих на целом ряде предприятий Киева. Благодаря совместным усилиям профсоюзных организаций Киева и местной чехословацкой социал-демократической организации было достигнуто повышение заработной платы военнопленным и русским рабочим на целом ряде предприятий города. В частности, в городской хлебопекарне, где в тяжелых условиях (двенадцатичасовой рабочий день, низкая плата и плохое питание) работало 239 военнопленных чехов и словаков, был введен восьмичасовой рабочий день, трехменная работа, повышена заработная плата, на работу было принято 120 местных безработных. 15 июня при Обществе чешско-славянского единения была создана больничная касса. — AVU J(8) 1, č. 25; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 251, л. 11.

его печатный орган — еженедельную газету «Славянский вестник»⁷¹, хотя и несколько перекрасившуюся вскоре после революции и переставшую открыто сожалеть о свержении монархии⁷², но сохранившую свое националистическое и антисоциалистическое направление.

Знаменательно, что первый известный нам митинг чехословацких военнопленных, приветствовавший революцию в России, был созван 12 марта в Киеве в здании Педагогического музея Обществом чешско-славянского единения⁷³. К сожалению, никаких документов этого собрания пока не обнаружено. Однако есть сведения, что уже на нем был брошен призыв создавать рабочие социалистические организации⁷⁴.

Отсутствие резолюций митинга, а также «Заявления Исполнительного комитета чешских социал-демократов в Киеве» от 3 апреля 1917 г., опубликованного, по некоторым сведениям, в одном из номеров «Славянского вестника»⁷⁵, не позволяет с полной определенностью характеризовать взгляды членов этой организации. Правда, нам известен документ, опубликованный позднее, 19 октября 1917 г., но прямо ссылающийся на заявление от 3 апреля⁷⁶ и поэтому, возможно, в какой-то степени сходный с ним по содержанию. В этом документе указывалось, что чешские социал-демократы, исходя из провозглашенных ими еще в апреле принципов, всемерно поддерживают стремление к созданию независимой Чехословацкой республики как необходимой ступени на пути к социализму. Они готовы поддержать любое действие, направленное к достижению национального и социального освобождения. Социал-демократы заявляли, что признают Чехословацкий национальный совет правомочным выступать от имени всей нации в вопросах дипломатических и политических, однако оставляли за собой право в рамках общенациональной организации утверждать свое влияние с тем, чтобы заграничная деятельность велась в интересах трудящихся. Они высказывались за «создание чешской революционной армии», но лишь на основе добровольного вступления в ее ряды, считали необходимым в полной мере использовать чешских рабочих на предприятиях, работающих «для обороны». И, наконец, в заявлении подчеркивалось, что чехословацкие социал-демократы обращают острие своего оружия против рабочих в форме солдат центральных держав «лишь постольку, поскольку они являются орудием реакционных и империалистических устремлений» в руках своих правительств.

Очевидно, инициатива чехословацких социал-демократов побудила представителей правления Союза чехословацких обществ собрать 26 марта новый митинг, некоторые резолюции которого были опубликованы в газете «Чехослован», а две телеграммы, адресованные Московскому Совету рабочих и солдатских депутатов и послам союзных держав в Петрограде, сохранились в архивах.

Все упомянутые документы, одним из авторов которых был будущий член филиала Чехословацкого национального совета правый социал-демократ В. Гоуска, хотя и обильно разбавлены хлесткими левыми фразами, достаточно ясно характеризуют действительные социал-шовинистические взгляды их составителей.

⁷¹ «Славянский вестник» выходил с 1 января по 25 августа 1917 г.

⁷² Уже после Февральской революции на страницах этой газеты появилась статья, в которой утверждалось, что Учредительное собрание выскажется за монархию.

⁷³ AVÚ J (8) 1, §. 25.

⁷⁴ «Čecho-slováci ve válce a v revoluci», str. 120.

⁷⁵ Апрельские номера «Славянского вестника» отсутствуют в книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и Праги.

⁷⁶ «Заявление ЦИК Чехославянской социал-демократической рабочей партии в России» («Svoboda», 19.X 1917).

Русская революция, говорилось в одном из них, «сделала возможной дружную работу пролетариата всех союзных стран», создала условия «для победы коалиции свободных народов». Только доведение войны до победного конца сделает возможным осуществление возвещенного революцией права наций на самоопределение и создаст условия, «при которых возможна планомерная классовая борьба пролетариата». Именно поэтому, утверждали авторы этих документов, чехи и словаки будут работать с удвоенной энергией «для победы России и ее союзников»⁷⁷.

Документы, таким образом, не дают основания утверждать, что весной 1917 г. среди чешских социал-демократов в Киеве уже существовало какое-то сформировавшееся, левое, последовательно интернационалистское направление. Налицо лишь первые симптомы прежде всего организационного, а лишь затем и постепенного идейного размежевания среди чехословацких военнопленных — социал-демократов. Poleмика, развернувшаяся в связи со статьей, появившейся в газете «Чехослован» 22 марта 1917 г., также подтверждает это. Подписанная «всеми рабочими чешского вагоностроительного завода»⁷⁸, статья эта содержала резкий выпад против призыва Совета рабочих и солдатских депутатов заключить демократический мир без аннексий и контрибуций. Ее авторы заявляли, что мир с Германией невозможен и русским рабочим следует объяснить необходимость ведения войны до победного конца. В статье также содержался призыв создать «внепартийную» организацию чешских рабочих. 20 апреля газета «Чехословак» (копкусирующая с «Чехослованом» и, очевидно, именно поэтому вмешавшаяся в полемику) опубликовала ответ на эту статью киевской социал-демократической организации («Заявление членов Чехославянской социал-демократической рабочей партии»). Ответ гласил, что чешские социал-демократы Киева категорически отвергают попытку вмешательства во внутренние дела русского рабочего движения, ибо это «может подорвать доверие к нам русских рабочих и лишить нас их дружбы». Авторы ответа решительно заявляли, что чешские рабочие достаточно зрелы для того, чтобы обойтись без советов «людей, которые не имеют о классовой пролетарской политике никакого представления»⁷⁹.

Вскоре вслед за этим чехословацкие социал-демократы Киева открыто высказались и о своем отношении к лозунгу о мире без аннексий и контрибуций. Произошло это в день Первомайского праздника. Чехословацкие военнопленные приняли участие в демонстрации трудящихся Киева, а затем организовали митинг, который принял резолюцию, опубликованную в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», но до сих пор не привлекающую внимания исследователей. Чешские социал-демократы, собравшиеся на первомайский митинг, говорились в ней, торжественно демонстрируют свою солидарность с пролетариатом всего мира и с глубокой надеждой стремятся «к новому пролетарскому интернационалу, рождающемуся под гром пушек и пулеметов». К русскому пролетариату, зажгшему факел революции и указавшему всем трудящимся путь к социализму, обращаются, заявляли участники митинга, их взоры в этот торжественный день. «Присоединяемся, — говорилось в заключении, — к резолюции съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласившему, что революционный русский народ стремится к миру без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения и развития всех народов... заявляем, что учреждение самостоятельной чеш-

⁷⁷ ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 3, л. 1185, лл. 1—2; ГАОРСС Ленинградской области, ф. 7384, оп. 7, д. 59, л. 1; «*Za svobodu*», díl I, str. 699.

⁷⁸ Статья была написана по инициативе директора чешского вагоностроительного завода «Ческа возовка» в Киеве («*Cecho-slováci ve válce a v revoluci*», str. 120).

⁷⁹ «*Czechoslovák*», 20. IV (3. V) 1917. Заявление датировано 2 апреля.

ской республики — жизненный вопрос чешского пролетариата и что за этим требованием стоим мы все до последнего»⁸⁰.

Для того чтобы правильно понять идейно-политическую позицию киевских социал-демократов, следует остановиться еще на одном документе, который Я. Кржижек ошибочно считает «первым обобщенным изложением политических взглядов чешских и словацких социал-демократов в Киеве»⁸¹. Мы имеем в виду опубликованное в конце мая в «Известиях Петроградского Совета»⁸² письмо военнопленного, чешского социал-демократа А. Муны. Я. Кржижек без должных оснований утверждает, что это письмо было написано Муной как председателем Исполнительного комитета от имени социал-демократов Киева⁸³. Между тем ипогородный отдел Петроградского Совета опубликовал это письмо, указав, что оно получено еще «в первые дни революции». Известно также, что Муна приехал в Киев лишь летом 1917 г., а до этого находился в концентрационном лагере в Ардатове⁸⁴. Таким образом, письмо это не является ни первым выступлением киевских социал-демократов перед русской общественностью, ни полным выражением их тогдашних политических взглядов. Позиция киевских социал-демократов отличалась от изложенной в письме Муны, в частности, открытой поддержкой лозунга мира без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение, категорическим требованием создания самостоятельной Чехословацкой республики. Общими же были ложные иллюзии о том, что под руководством Чехословацкого национального совета антиавстрийское движение за границей приведет к социальному и национальному освобождению, и убеждение, что социал-демократия призвана лишь придать этому движению, уже припавшему «революционную форму», «правильное социалистическое течение». Вера в силу рабочего движения на родине, в силу русской революции и надежда на ее помощь также объединяли всех чехословацких социал-демократов.

Анализируя первые шаги киевской чехословацкой социал-демократической организации, нужно помнить, что основная масса ее членов вышла из рядов оппортунистической Чехославянской социал-демократической рабочей партии (так называемых автономистов), типичной партии II Интернационала. Они долгое время были оторваны от рабочего движения на родине, приобретавшего теперь новые черты, и удалены от центральных районов пролетарского движения в России. Особенно важно учесть сложность политической обстановки на Украине, где после Февральской революции, наряду с общероссийскими, действовали многочисленные украинские и другие национальные буржуазные и мелкобуржуазные партии. В истинном лице этих партий военнопленным зачастую было еще труднее разобраться, чем местным трудящимся. В большевистских организациях Украины по ряду важнейших вопросов войны и революции шла серьезная идейная борьба. Так, например, Киевский комитет первоначально стоял на позиции условной поддержки Временного правительства, а Г. Пятаков открыто выступил против Апрельских тезисов, против курса на социалистическую революцию. Ряд партийных организаций на местах (некоторые вплоть до Октябрьской революции)

⁸⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 19. V 1917.

⁸¹ Jar. K ř í ž e k. Penza slavná bojová tradice čs. rudoarmějců. Praha, 1956, str. 30.

⁸² «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 28. V 1917.

⁸³ Jar. K ř í ž e k. Penza..., str. 29.

⁸⁴ J. S y n e k. Vzpomínky na léta 1917—1921 v Rusku («Časopis Matice Moravské», Brno, 1956, № 3—4, str. 301).

объединяли и большевиков, и меньшевиков. Все это в совокупности и предопределило медленность процесса перехода чехословацких социал-демократов от первоначального инстинктивного недоверия буржуазному руководству к последовательной классовой политике.

Чехословацкие воинские формирования на Юго-Западном фронте также не остались в стороне от общего процесса демократизации, охватившего после революции русскую армию. В них были созданы ротные, батальонные, полковые комитеты и выборные суды. Представитель чехословацкой бригады был и в составе Исполнительного комитета Юго-Западного фронта. Попытки противодействия созданию комитетов со стороны русского и чехословацкого реакционного офицерства не имели успеха. Комитеты приобретали все больший авторитет и силу, все чаще и чаще выступая как институты, противостоящие командованию, активно вмешивающиеся во все политические, военные, хозяйственные и другие вопросы.

Последствия русской революции чрезвычайно беспокоили чехословацкую буржуазную эмиграцию на Западе. «Я боялся ее с самого начала», — признавался позднее Т. Масарик⁸⁵. Беспокойство вызывали и перспективы дальнейшего участия России в войне, и отношение русского правительства и советов к чехословацкому движению, и дальнейшая судьба воинских формирований, и, конечно, борьба среди руководства чехословацких организаций. Но, может быть, более всего беспокоил рост революционных настроений среди чехословацких военнопленных. Наиболее дальновидные чехословацкие буржуазные лидеры в России, такие, как Б. Павлу и особенно П. Макса, быстро выдвинувшийся после революции, сразу же оценили опасность, грозящую со стороны активизировавшейся социал-демократии. Они понимали, что в условиях двоевластия Чехословацкий национальный совет не сумеет успешно действовать, если не привлечет к сотрудничеству правых социалистов из военнопленных. Среди бывших членов национально-социальной и социал-демократической партий они нашли немало людей, готовых полностью подчиниться буржуазному руководству ради достижения «национальных идеалов».

Ф. Рихтер⁸⁶ в ответ на предложение П. Максы выступить от имени социал-демократов — сторонников «национального единства» писал 30 марта из Таганрога, что готов предоставить ему «полную свободу рук» для обращения к сторонникам социал-демократической партии, а при случае и «для определенного обращения к русскому совету» от его имени. Сейчас, подчеркивал он, «наиболее благоприятное время для того, чтобы привлечь на сторону нашей национальной борьбы тех сторонников нашей партии, которые раньше не доверяли России и Союзу». В то же время Рихтер предупреждал, что не следует действовать против чехословацких социал-демократов и русских социалистов так грубо и прямолинейно, как это сделали на Чешском вагоностроительном заводе, и советовал «ввести в Национальный совет сотрудника из числа рабочих»⁸⁷. Были и другие социал-демократы — военнопленные, которые сознательно или заблуждаясь,

⁸⁵ Т. М а с а р и к. Мировая революция, т. I, стр. 146.

⁸⁶ До войны сотрудник центрального печатного органа Чехословацкой социал-демократической партии «Право лиду», уполномоченный социал-демократической организации одного из районов Праги.

⁸⁷ «Česko-slováci ve válce a v revoluci», str. 100—101. Подпись Ф. Рихтера и В. Гоуски с их согласия была использована Масариком, который составил «Заявление заграничных чешско-словацких социал-демократов», представленное интернациональному социал-демократическому бюро в Стокгольме в мае 1917 г. В этом заявлении, в частности, указывалось, что мнение чешских социал-демократов «в общем» совпадает с принципами политической программы Чехословацкого национального совета в ноябре 1915 г., и программой союзников («Czechoslovák», 10 (23). VI 1917).

активно агитировали за «организационное и идейное единство движения» под руководством Чехословацкого национального совета во главе с Масариком, поддерживали коалиционную политику правых лидеров социал-демократии стран Антанты⁸⁸.

Знакомство Масарика с видными русскими буржуазными и правосоциалистическими лидерами, тот факт, что с его влиянием в западных странах Антанты были вынуждены считаться русские правительственные и военные круги, по мнению его единомышленников, диктовали настоятельную необходимость приезда Масарика в Россию. Это было тем более желательным потому, что его авторитет теперь признавался всеми фракциями чехословацкой буржуазной политики в эмиграции и на родине, а также социал-демократией.

В конце марта в Москве и Киеве состоялись совещания представителей буржуазных групп, оппозиционных правлению Союза чехословацких обществ. Московское совещание, на котором присутствовали Б. Чермак, Б. Павлу, П. Макса и другие сторонники Масарика, выработало общую платформу с тем, чтобы на предстоящем III съезде Союза чехословацких обществ изолировать Вондрака и его окружение и добиться признания Чехословацкого национального совета верховным руководящим органом.

Принципы, на которых было достигнуто соглашение, участники совещания изложили в специальной декларации и телеграммах Миллюкову и Масарику. В телеграмме последнему, в частности, говорилось: «Union sacré достигнуто под эгидой Чехословацкого национального совета и под Вашим руководством. Согласие всего войска, пленных и комитетов за исключением небольшой группы вокруг Вондрака и Дюриха. Разделение обязанностей проведено таким образом, что Союзу будут отданы консульские дела, все остальное национальному совету...». В конце телеграммы содержалась весьма знаменательная фраза: «Ваше присутствие необходимо из-за левых интернациональных течений...»⁸⁹.

Руководителям оппозиции старому правлению Союза удалось сплотить вокруг себя большинство делегатов съезда, собравшегося 23 апреля в Киеве⁹⁰. Масариковцы сделали все, чтобы превратить съезд в парадную манифестацию «национального единства», продемонстрировать перед правительством и русской общественностью наличие сплоченного национального фронта. Дюриха просто не допустили на заседание. Вондрак и его сторонники, не имея оснований рассчитывать на успех, не решились дать открытый бой оппозиции и ограничились полуанонимными напад-

⁸⁸ В качестве примера достаточно сослаться на два документа. 20 апреля газета «Чехословак» опубликовала обращение некоего «Комитета чехословацких социал-демократов добровольцев», в котором утверждалось, что война, начатая немецкими капиталистами, превращена союзниками в войну за освобождение малых наций, что социал-демократы признают Чехословацкий национальный совет, ибо в него входят социал-демократы (В. Бенеш и К. Перглер), а «остальные являются известными друзьями рабочего класса» и именно это — «поручка успешности нашей борьбы». 30 апреля некто, именующий себя «доверенным социал-демократической организации военнопленных в лагере Кривого Рога», опубликовал обращение к русским социал-демократам, в котором говорилось: «Мы полностью одобряем вступление французских, английских и бельгийских социал-демократов в правительства обороны. Мы одобряем и ваше сотрудничество с новым правительством». — «Čechoslovák». 20. IV (3.V) и 30. IV (13.V) 1917.

⁸⁹ J. K u d e l a. Profesor Masaryk..., str. 47.

⁹⁰ 129 делегатов представляли 22 890 военнопленных, объединенных в 335 национальных организаций в лагерях, 95 делегатов — добровольцев чехословацкой бригады и чехов, служивших в сербском корпусе, а 113 делегатов — 5700 членов Союза чехословацких обществ — 2000 военнопленных и 3700 колонистов. — «Čechoslovák», 3 (16). VI 1917.

ками на нее через газету «Революце»⁹¹. Отчет правления Союза чехословацких обществ не стали обсуждать на пленарном заседании, а перенесли на узкое совещание делегатов Союза. Сложнее было предотвратить чрезвычайно беспокоившее руководителей съезда выступление социал-демократов из Общества чешско-славянского единения. Ссылаясь на предшествующую реакционную деятельность основателей Общества и то, что оно официально не входило в Союз чехословацких обществ, делегатов его попытались сначала просто не пустить на съезд. После долгих споров 20 представителей военнопленных, входивших в состав Общества, были допущены, однако, лишь в качестве наблюдателей⁹². Съезд вынужден был «принять к сведению» программное заявление киевских социал-демократов от 3 апреля⁹³. «Чешско-словацкий национальный съезд», как он в дальнейшем именовался в официальных документах, принял решение о том, что «Чехословацкий национальный совет, во главе с Масариком, является наивысшим органом чехословацкой национальной политической борьбы, и поэтому обязанность каждого чеха и словака подчиняться его руководству»⁹⁴. Была признана необходимость создания филиала этого совета для руководства политической деятельностью в России⁹⁵. Союзу чехословацких обществ предоставлялось лишь право представлять интересы чехов и словаков, постоянно живущих в России. Политическая резолюция съезда указывала на справедливый характер войны со стороны Антанты и подчеркивала, что территориальные претензии союзников должны быть в первую очередь удовлетворены за счет раздела Австро-Венгрии. В ней также заявлялось, что «чехословацкий народ никогда не примет автономию в рамках Австро-Венгрии», так же как не согласится на то, чтобы его «словацкая ветвь была принесена в жертву венграм». Ради этих «возвещенных Антантой и Америкой целей и идеалов» от имени всех делегатов «без различия классов и партий» выражалась воля воевать до победного конца⁹⁶. Съезд принял военную программу, в центре которой стоял не без ловкости сформулированный принцип «добровольной военной повинности» всех чехов и словаков в России. Создание сильной армии всех родов оружия и участие в военных действиях России и ее союзников будет «самым значительным и важным доводом в нашу пользу на мирных переговорах»⁹⁷, говорилось в резолюции, предложенной Военной комиссией. Киевский съезд организационно закрепил победу буржуазно-либерального, западнического крыла чехословацкого антиавстрийского движения в России.

Избранный съездом филиал Чехословацкого национального совета для России не представлял чего-либо единого как по идеологическим взглядам, так и по социальному происхождению и положению своих членов. Однако большинство его, в основном представители буржуазной интеллигенции и офицерства, безоговорочно шло за Масариком и его ближайшими единомышленниками. С ними политически смыкались и те немногие

⁹¹ Первый номер этой газеты вышел в день начала работы съезда — 23 апреля. Газета (ее финансировали Воцдрак, Индржишек и др.) выступила от имени чехов-колонистов, защищала старое правление Союза и резко нападала на лидеров «петроградцев» — Чермака, Павлу, Клецацу и др.

⁹² AVŮJ (8)1, č. 25; J. K u d e l a. Masaryk a OČSNR na Rusi. — «Naše revoluce», roč. VIII, 1932, sv. 3, str. 263; «Čecho-slováci ve válce a v revoluci», str. 121.

⁹³ «Svoboda», 19.X 1917.

⁹⁴ «Za svobodu», díl I, str. 724.

⁹⁵ Филиал состоял из 30 выборных лиц, образующих президиум и комиссии: организационно-финансовую, военную, по делам военнопленных и пропаганды («Революционные стремления чешско-словацкого народа. Чешско-словацкий национальный съезд»), Пр., 1917, стр. 15—17).

⁹⁶ «Za svobodu», díl I, str. 728.

⁹⁷ Там же, стр. 734.

социал-демократы типа Киселли, Рихтера, Яника, Гоуски, которые были допущены в новые руководящие органы в качестве «представителей рабочих». Вместе с тем отдельные колеблющиеся социал-демократы, привлеченные позднее к работе в филиале и его комиссиях, — В. Ванпчек, О. Коуделька, А. Скотак, не имели какого-либо серьезного влияния на его политическую линию, хотя и выступали по отдельным вопросам против буржуазного и правосоциалистического большинства.

Следует также иметь в виду, что в дальнейшем состав как комиссий, так и президиума филиала неоднократно изменялся. Комиссии, разбросанные по разным городам, нередко дублировали друг друга или действовали вопреки одна другой. Противоречия, проистекавшие из-за разношерстного состава руководящего органа, временами вообще парализовали его деятельность и давали возможность президиуму, с одной стороны, и командованию бригады, а потом корпуса, с другой, полную свободу рук.

* * *

Масарик приехал в Россию 3 мая, в момент первого кризиса Временного правительства, в результате которого, к его величайшему огорчению, вынужден был подать в отставку Миллюков. Новый министр иностранных дел Терещенко и военный министр Керенский (а эти министерства, по признанию Масарика, больше всего интересовали его) были ревностными сторонниками ведения войны до победного конца, и в этом отношении их позиция вполне удовлетворяла Масарика. Сложнее обстояло дело с их позицией по чехословацкому вопросу.

Чехословацкие буржуазные историки утверждали, что Терещенко в чехословацких делах полностью разделял точку зрения Миллюкова. Новый министр иностранных дел летом 1917 г., указывает Я. Папоушек, «в принципе обещал» даже, что «в подходящий момент» русское правительство официально объявит о признании Чехословацкого национального совета «представителем нации»⁹⁸. Однако целый ряд документов свидетельствует, что Терещенко был чрезвычайно осторожен и, в частности, в чехословацком вопросе воздерживался от всякого проявления инициативы. В июле 1917 г. русский военный агент во Франции Игнатьев сообщил генералу Романовскому, что Э. Бенеш конфиденциально обратился к нему с просьбой оказать содействие в организации самостоятельных чехословацких войск во Франции, ввиду того что французское правительство стремится «включить попросту чехов в свою армию и лишить формируемые ими части всякого национального характера». Эти опасения чехов Игнатьев считал весьма основательными, «особенно ввиду разницы во взглядах на Австро-Венгрию вообще между ними и французами»⁹⁹. Министерство иностранных дел, запрошенное военным ведомством по этому вопросу, ответило 2 августа, что «...в деле той или иной организации чешских войск во Франции решающее значение должны иметь взгляды и намерения самого французского правительства». Высказывать какие-либо пожелания в этом вопросе и посредничать между чешскими организациями и французскими властями Министерство иностранных дел считало нецелесообразным. «Что же касается национального самоопределения чехов, поскольку оно выражается в формировании ими своих войсковых частей, — писал в заключение представитель Министерства иностранных дел А. Нератов, — то оно, быть может, уже получило

⁹⁸ J. P a p o u š e k. Jiří Klecanda bojovník za věc národa. Praha, 1928, str. 81.

⁹⁹ Н. К а р ж а н с к и й. Указ. соч., стр. 78.

достаточное выражение в факте существования таковых частей у нас в России»¹⁰⁰. Еще более характерен ответ Терещенко на просьбу русского посла в Вашингтоне Бахметьева (3 июля) осветить точку зрения Временного правительства по вопросу «о стремлении к воссоединению с Россией» австро-венгерских славян. «Пока не определились хотя бы приблизительно, — писал Терещенко, — политические результаты войны, мы не считаем возможным предугадывать наше отношение к вопросу о будущем государственно-правовом положении славянских народностей Австро-Венгрии...»¹⁰¹

Новый военный министр Керенский в вопросе о дальнейшем расширении чехословацких воинских формирований в России также первоначально не проявлял никакой заинтересованности. Более того, этот любитель эффектной позы со свойственным ему ложным пафосом заявил В. Вондраку, что он не может симпатизировать «не рыцарскому поведению» чехов, которые, имея конституцию и возможность совершить революцию на родине, предпочли идти на фронт, сдать ся противнику и предать свое государство¹⁰². В конце мая формирование чехословацких военных частей по его распоряжению вообще было приостановлено¹⁰³. Поэтому, заручившись поддержкой дипломатических представителей Англии, Франции и Америки в России, Масарик сразу же по приезде обратился к Керенскому со специальным письмом. Наступление, к которому призывает Керенский, представляет, утверждал Масарик в этом письме, «единственно правильное решение с политической и стратегической точек зрения», и именно поэтому он просит отменить решение о прекращении формирования чехословацкой армии. В то же время необходимость дальнейшего формирования Масарик связывал и с заинтересованностью в этом Франции, которая через А. Тома вновь возбудила перед русским правительством вопрос о переброске на запад чехословацких военнопленных¹⁰⁴.

У нас нет достоверных сведений о первых переговорах Масарика с Терещенко. И. Куделя утверждает, что речь прежде всего шла об официальном признании филиала Чехословацкого национального совета¹⁰⁵. Возможно, что одним из результатов этих переговоров, а вероятнее всего результатом договоренности военного министра и Министерства иностранных дел, достигнутой еще до отставки Миллюкова, была инструкция Главного управления Генерального штаба от 5 мая 1917 г. Инструкция эта гласила, что «единственным представителем в России чешско-словацкого народа по всем делам, их касающимся, в частности по делам чехословацких воинских частей, равно как по делам военнопленных чехов и словаков, является вновь созданное отделение Чешско-словацкого национального совета, заменившее Союз чешско-словацких обществ в России...»¹⁰⁶.

Результаты переговоров Масарика в Военном министерстве и переписки с Керенским были более чем скромными. Ему удалось добиться лишь

¹⁰⁰ Н. Каржапский. Указ. соч., стр. 79—80.

¹⁰¹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 259, л. 2.

¹⁰² Центральный государственный исторический архив в Москве, ф. 579, оп. 1, д. 1595, л. 2; «Czechoslovak», 29. III 1917.

¹⁰³ Инициатором этого выступил начальник Киевского военного округа полковник Оберучев, указывая, что формирование обходится дорого, что оно запоздало, создание его вредно с политической точки зрения и противоречит международному праву. — Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2067, оп. II, д. 513, лл. 81, 735—786.

¹⁰⁴ Н. Каржапский. Указ. соч., стр. 75—77.

¹⁰⁵ J. Kudela. Profesor Masaryk..., str. 59.

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 176, оп. I, д. 68, л. 274.

того, что 13 июля генерал-квартирмейстер Ставки Духонин издал распоряжение: «Довести существующую чехословацкую бригаду до штата 4-х полковой стрелковой дивизии... и на этом ограничить в будущем развертывание чехословацких частей»¹⁰⁷. Таким образом, распоряжение о приостановке дальнейшего формирования чехословацких частей от 21 мая фактически оставалось в силе.

Если не открыто отрицательное, то, во всяком случае, сдержанное отношение правительства и военных кругов России к идее создания крупного автономного чехословацкого воинского соединения заставило Чехословацкий национальный совет вновь поднять вопрос о переброске чехословацких военнопленных во Францию. Как известно, французское правительство вело переговоры об этом с русским правительством еще до революции сначала через Й. Дюриха, потом через М. Штефаника и, наконец, через А. Тома. Совет министров 5 августа 1916 г. отклонил ходатайство французского правительства «ввиду наблюдаемого повсеместно в империи острого недостатка рабочих рук...»¹⁰⁸. Причины отказа заключались, конечно, не только в этом, но и в стремлении царского правительства, сосредоточив в своих руках как можно большее число военнопленных чехов и словаков, создать в России главный центр чехословацкого национального движения и использовать его в своих политических целях после войны¹⁰⁹.

У Временного правительства ходатайство А. Тома встретило первоначально довольно благосклонное отношение. Главное управление Генерального штаба 14 мая сообщило Чермаку, что просьба А. Тома «имеет крайне серьезные основания и диктуется военной необходимостью, почему Военное ведомство признает желательным ее выполнение»¹¹⁰. После того как Масарик несколько разобрался в обстановке, он сразу же начинает форсировать решение вопроса о переброске военнопленных во Францию. При этом знаменательно, что в ответ на запросы русских властей сначала Чермак, а потом и Масарик настоятельно подчеркивали, что инициатива переброски исходит не от них, а от французского и русского правительств. В то же время в своем кругу, на заседаниях филиала Чехословацкого национального совета в частности, Масарик не раз указывал на то, что это его инициатива, что это он просил А. Тома, Вапдервельде и американского посла ходатайствовать о переброске перед русским правительством¹¹¹. Таким образом, ведя сложную политическую игру, Масарик стремился «разыгрывать все карты» и не упускал возможности создать впечатление у русского правительства, что в чехословацких рабочих и солдатах особенно заинтересована Франция, а у французского — что в этом очень заинтересована Россия. Мечтой Масарика было иметь автономный армейский корпус в России, один или два во Франции и бригаду в рамках сербского корпуса. Однако, как нам приходилось указывать, французское правительство еще менее охотно шло на создание отдельного чехословацкого национального формирования, чем русское. Оно готово было лишь включить добровольцев чехов и словаков в состав

¹⁰⁷ Н. К а р ж а н с к и й. Указ. соч., стр. 67; ЦГВИА, ф. 2067, оп. II, д. 513, л. 786.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 215, л. 94.

¹⁰⁹ В одном из документов царского министерства иностранных дел указывалось, что необходимо добиться того, чтобы чехи и словаки, «ныне пребывающие в России, после войны, каковы бы ни были ее конкретные результаты, служили у себя на родине проводниками русского влияния» (АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 379, л. 141).

¹¹⁰ Н. К а р ж а н с к и й. Указ. соч., стр. 71; ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 342, л. 49.

¹¹¹ «Naše revoluce», роѣ. VII, 1931, sv. 1, str. 4.

инострального легиона, а главным образом было заинтересовано в переброске чехословацких военнопленных для работы на французских промышленных предприятиях. Для политических же целей чехословацкой буржуазной эмиграции прежде всего важно было создать свою армию. «...Солдаты имеют для нас большее политическое значение, чем рабочие на заводах», — говорил Масарик¹¹². Именно поэтому, как только после провала июньского наступления наметилось изменение в отношении Временного правительства к формированию чехословацких воинских частей, Масарик вновь на первое место ставит вопрос о расширении чехословацких частей в России, а переброска во Францию отходит на второй план¹¹³.

Ведя переговоры с правительственными кругами, Масарик одновременно разворачивает энергичную пропагандистскую деятельность в русской и чехословацкой печати. К этому его вынуждало, во-первых, чрезвычайно настороженное отношение русской демократической общественности и даже известной части правосоциалистических лидеров к чехословацкому буржуазно-националистическому движению¹¹⁴. Во-вторых, Масарика не без основания беспокоило горячее стремление широких народных масс России к миру. И, наконец, он видел непосредственную и грозную опасность в воздействии революционных событий на чехословацких военнопленных и добровольцев.

Масарик и его единомышленники в России стояли в едином политическом фронте с кадетами и во многом солидаризировались с примыкавшими к ним справа октябристами и слева — правыми эсерами и плехановцами. С буржуазно-либеральных позиций они критиковали и мелкобуржуазную демократию и борлись против большевиков. Непослестователность и путаница, царившие во взглядах эсеро-меньшевистских лидеров, лишь болтавших об отказе от аннексий, о праве наций на самоопределение и демократическом мире, давали Масарику весьма благоприятный повод для критики социалистов вообще, для противопоставления национальных интересов чехов и словаков интересам русской революционной демократии.

Характерно, что если с меньшевиками и эсерами Масарик полемизировал, то большевикам он или приписывал взгляды, им чуждые, или ограничивался клеветническими выпадами против них как «германских агентов».

Вся аргументация Масарика против лозунга мира без аннексий и контрибуций основывалась на утверждении (как и аргументация Миллюкова), что он означает *status quo ante*, а следовательно — поощрение захватов Германии, продолжение угнетения ею и Австро-Венгрией малых,

¹¹² «*Naše revoluce*», гоѡ. VIII, 1931, sv. 1, str. 13.

¹¹³ На заседании президиума филиала Чехословацкого национального совета в конце мая Масарик заявил, что лучше всего вопрос о чехословацком войске будет разрешен в связи с проектом о переброске его во Францию. На нескольких заседаниях в начале июня вновь обсуждался этот вопрос, причем подчеркивалось, что прежде всего нужно набирать добровольцев для армии, а потом лишь для работ в тылу. Однако здесь же констатировалось, что французы настаивают как раз на обратном. А. Тома, в частности, готов заключить договор о переброске рабочих, но о переброске воинских частей он договариваться не уполномочен. Французское же Военное министерство до сих пор не приняло решения о формировании чехословацких частей во Франции. После 9 июня, когда пришло известие о начале наступления на Юго-Западном фронте, вплоть до осени на заседаниях президиума филиала Чехословацкого национального совета вопрос о переброске во Францию не поднимается, наоборот, речь идет лишь о пополнении чехословацких частей в России («*Naše revoluce*», гоѡ. VII, 1931, sv. 1, str. 7).

¹¹⁴ Меншевицкая и эсеровская печать, в частности, отмечала в его правом крыле наличие заметных монархических симпатий, а в так называемом левом — явную склонность к шовинизму.

неполноправных народов Европы. Одновременно Масарик, выступая с позиций борца за национальную независимость, пытается противопоставить марксистскому пониманию лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств ограниченное либерально-националистическое его толкование, как права «культурных народов Европы» создавать свои государства. Причем, признавая это право за чехами, словаками, южными славянами, он не признавал его для финнов и украинцев¹¹⁵. Масарик приписывал всем социалистам право-оппортунистическую концепцию культурно-национальной автономии, взгляды о невозможности существования малых государств. Он утверждал, что все они переняли предрассудки «империалистической буржуазии, главным образом германской», и лишь Антанта действительно отстаивает равноправие малых народов¹¹⁶.

Если масариковский полемический пафос и имел какое-то основание, то лишь постольку, поскольку он был обращен против эсеро-меньшевистских лидеров.

Ленинское понимание мира без аннексий и контрибуций подразумевало требование освобождения всех колоний, всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов, отказ от всякого присоединения страны, отличающейся национальными особенностями, или нации против ее желания. «Главным условием демократического мира является отказ от аннексий (захватов), — писал Ленин, — не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том единственно правильном смысле, что *каждая* народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она *отдельное* государство или входит в состав любого иного государства»¹¹⁷. При этом В. И. Ленин связывал возможность заключения последовательно демократического мира с пролетарской революцией, без победы которой такой мир был невозможен. «Когда наша партия говорит: „мир без аннексий“, она всегда поясняет в предупреждение людям с кашей в голове, что этот лозунг надо ставить в *неразрывную* связь с пролетарской революцией. Только в связи с ней он нужен и верен, только *ее* линию он намечает, только *ее* развитию и росту он помогает»¹¹⁸.

Что мог этой аргументации противопоставить Масарик, тем более что дальнейшее развитие русской революции для него представлялось самой страшной опасностью? Именно из страха перед ней и проистекали его призывы к русской буржуазии, к ее лидерам «быстрее преодолеть кризис», отказаться от «пассивности», начать «позитивную», «творческую» работу, создать и упрочить «государственную администрацию»¹¹⁹.

Пропагандистские усилия Масарика и его единомышленников в чехословацкой печати прежде всего были направлены на то, чтобы втиснуть чехословацкое освободительное движение в узкие националистические рамки, использовать его против Австро-Венгрии и связать с осуществлением военной программы союзников. Отсюда шли призывы Масарика к «святому и неприкосновенному единству» под руководством Чехосло-

¹¹⁵ В этом смысле характерно заявление Масарика корреспонденту газеты «Утро России». Указав, что вообще все социалистические партии неверно понимают национальный вопрос, он противопоставляет позиции социалистов программу союзников, борющихся за «создание самостоятельных народных государств». Подчеркиваю, — заявил Масарик, — народов сознательных и развивающихся по пути культурности» («Утро России», 19.VIII 1917).

¹¹⁶ «Биржевые ведомости», 24.V 1917.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 41.

¹¹⁸ Там же, т. 24, стр. 397.

¹¹⁹ «Утро России», 19.VIII 1917.

вацкого национального совета, к созданию как можно большей чехословацкой армии, ибо национальный идеал, утверждал он, может быть достигнут лишь вооруженной борьбой на русском или французском фронтах.

Националистический эгоизм приводил Масарика к утверждению, что чем дольше продлится война, тем лучше для чехов и словаков, ибо у них будет больше времени для пропаганды и организации. «Для нас является счастьем, — говорил он, — что мировая война продолжается, так как иначе чешский вопрос вообще не попадет на мирную конференцию»¹²⁰.

Одновременно с энергичным вмешательством в идеологическую борьбу между российскими политическими партиями и противостоящими друг другу группировками в чехословацком движении, шла лихорадочная деятельность филиала Чехословацкого национального совета и в других направлениях. Его организационные мероприятия прежде всего определялись стремлением предотвратить дальнейшую партийно-политическую дифференциацию среди военнопленных и свести на нет влияние социал-демократии. С этой целью в местах сосредоточения военнопленных создаются национальные организации, стремящиеся объединить всех чехов и словаков, колонистов и военнопленных, без различия их политических взглядов и социального положения. В течение весны и лета 1917 г. было создано до полутора тысяч таких национальных групп, ячеек и организаций, насчитывающих более 40 тыс. членов¹²¹. Одновременно делается все, чтобы ликвидировать социал-демократические организации или парализовать их деятельность. Вскоре после съезда чехословацких организаций в Киеве состоялось собрание социал-демократов как примыкавших к Обществу чешско-славянского единения, так и поддерживавших филиал Чехословацкого национального совета, на котором было решено создать общую социал-демократическую организацию.

К сожалению, ни точная дата совещания¹²², ни какие-либо документы, отражающие принятые на нем решения, не известны. Известно лишь, что Ф. Рихтер, председательствовавший на этом совещании, позднее утверждал, что объединение социал-демократов было предпринято исключительно для того, чтобы «дополнять деятельность Национального совета, единственной нашей революционной организации, признанной всей нацией»¹²³.

На собрании был избран Центральный комитет киевской социал-демократической организации, в состав которого вошли, очевидно, главным образом социал-демократы из Общества чешско-славянского единения¹²⁴. Однако объединение социал-демократов оказалось формальным¹²⁵. Столь же формальным было и происходившее в июле объединение Общества чешско-славянского единения с другими организациями военнопленных, подчинявшимися Чехословацкому национальному совету, и создание киевской «общенациональной» организации.

¹²⁰ J. K u d e l a. Profesor Masaryk..., str. 79.

¹²¹ «Čechoslovák», 2(15).IX 1917; «Za svobodu», díl II, str. 700; J. K u d e l a. Přehled vývoje čsl. revolučního hnutí na Rusi. — «Cyklus přednášek», Praha, 1924, str. 408.

¹²² Чехословацкие коммунисты писали в книге, изданной в 1919 г.: «К концу мая была основана в Киеве чехословацкая социал-демократическая рабочая партия...» («Čecho-slováci ve válce a v revoluci», str. 122).

¹²³ «Čechoslovák», 28. IX (11.X) 1917.

¹²⁴ Ф. Рихтер и его сторонники утверждали, что в руководстве оказались люди, «не понявшие цель, ради которой была основана организация», и начавшие раскалывать единое политическое движение, руководимое Масариком (там же).

¹²⁵ Соглашение об объединении было достигнуто 18 июня. К этому времени в Обществе чешско-славянского единения, по данным филиала Чехословацкого национального совета, насчитывалось 3976 членов. — «Čechoslovák», 2 (15).IX 1917.

Масарик считал нужным выступить 20 июня со специальной статьей, прямо направленной против создания социал-демократических организаций. Ссылаясь на то, что на родине существует единый союз всех политических партий, а здесь, в России, задачи чехословацких военнопленных в корне отличны от задач населения России, Масарик утверждал, что создание чехословацких политических партий в России нецелесообразно¹²⁶. Однако понимая, что одни призывы, даже такого авторитетного лидера, как Масарик, вряд ли помогут, филиал Чехословацкого национального совета начал поддерживать создание беспартийных рабочих организаций, признававших его руководство и противопоставлявших себя социал-демократическим. Первая такая «Чехословацкая рабочая организация» была создана еще в мае в Москве¹²⁷.

О политическом характере этой организации и тогдашних взглядах ее руководителей свидетельствует их письмо к киевским социал-демократам. Московская рабочая организация, указывалось в нем, объединяет всех чешских и словацких рабочих без различия политических взглядов и безоговорочно поддерживает филиал Чехословацкого национального совета. Авторы письма подчеркивали далее, что считают создание политических партий в данных условиях нецелесообразным, ибо это может повредить «единству действий» всех демократических сил чешского и словацкого народов. «Лишь объединение всех рабочих партий и их активное сотрудничество с членами других политических партий,— заявляли они,— приведет к успеху нашу революционно-освободительную деятельность»¹²⁸. В целом следует сказать, что Чехословацкий национальный совет пока исходил из того, что создание социал-демократических организаций следует расценивать «как неизбежное зло, вызванное нынешними обстоятельствами»¹²⁹, и если нельзя их ликвидировать, то следует ограничить их деятельность, расколоть, ослабить и таким образом обезвредить. Выступая в августе на пленарном заседании филиала Чехословацкого национального совета, Масарик заявил, что согласен со всеми, кто высказывается против создания социал-демократической организации, однако констатировал, что «...запретить ее, к сожалению, мы бы не смогли». Поэтому «мы должны стараться,— подчеркивал Масарик,— чтобы в этой организации был правильный курс, чтобы ее использовали в культурном и социальном, но не политическом направлении, чтобы не возникла классовая борьба...»¹³⁰.

Киевская социал-демократическая организация в основном, очевидно, по-прежнему в рамках Общества чешско-славянского единения, не только продолжала существовать, но численно и организационно укрепились. «Кассовый отчет политической организации чешской социал-демократической партии в России», единственный, к сожалению, пока обнару-

¹²⁶ Масарик не отрицал, что чехи, натурализованные в России, могут примкнуть к русским политическим партиям и, в частности, к каким-то направлениям социал-демократии. В то же время он заявил, что абсолютно исключено, чтобы так поступили чехи-военнопленные, ибо подобных русским группировок социал-демократии на родине нет и он не может себе представить, чтобы чех социал-демократ примкнул к Ленину и его «пораженчеству». «В любом случае,— категорически утверждал Масарик,— политические партии не должны мешать уже проделанной организационной работе, их задачи должны быть главным образом общественные, воспитательные, экономические». — «Czechoslovák», 20.VI (3.VII) 1917.

¹²⁷ Председателем этой организации, насчитывавшей в октябре 1917 г. 636, а позже около 800 членов, был социал-демократ Рудольф Дворжак. — «Czechoslovak», 6 (19).XI 1917; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 309, л. 18.

¹²⁸ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 37.

¹²⁹ «Za svobodu», díl II, str. 332.

¹³⁰ Там же, стр. 333.

женный документ подобного рода, констатирует, что за июнь в члены организации вступил 231 человек, за июль — 258¹³¹, а к началу августа в ее рядах насчитывалось 700—800 членов¹³². Однако идеологически организация по-прежнему в основном находилась в плену старых взглядов. Это наглядно демонстрируют распространенные в июне открытые письма ЦК Чехославянской социал-демократической рабочей партии к «демократиям всего мира» и к «русской демократии»¹³³. Обращает на себя внимание, в частности, весьма положительное отношение авторов письма к тому факту, что на родине «все чешские партии, социалистические и буржуазные, которые в мирное время, как везде, боролись между собой, забыли в это историческое время все распри и разногласия и соединились в один могучий и стойкий чешский союз».

Нельзя пройти также мимо того, что против шовинизма официальной австрийской социал-демократии авторы письма выступают с националистических позиций, обвиняя всех немцев, всех немецких социал-демократов в национальном эгоизме. «Наш опыт,— говорилось в нем,— не позволяет нам поверить в искренность немецких обещаний, хотя бы они исходили и со стороны немецких социал-демократов, целью которых является только стремление удержать богатые и развитые земли чешского народа в союзе с бедными и непродуктивными землями австрийских немцев». Эти письма мало чем отличались по характеру от многочисленных заявлений филиала Чехословацкого национального совета.

* * *

В предпринятом под усиленным нажимом союзников плохо подготовленном и обеспеченном летнем наступлении армий Юго-Западного фронта впервые как самостоятельная тактическая единица приняла участие чехословацкая бригада. Первоначально приказом тогдашнего командующего фронтом генерала Брусилова (3 июня 1917 г.) бригада была включена в ударную группу VII армии. Разбросанные по всему фронту чехословацкие подразделения начали сосредотачиваться в районе села Подгайцы. Вслед за этим, когда генерала Брусилова на посту командующего фронтом сменил генерал Гутор, чехословацкая бригада, ввиду ее малочисленности и недостаточного вооружения, была предназначена для действий на менее ответственном участке фронта в составе 49-го корпуса XI армии, проводившего военную демонстрацию с тем, чтобы облегчить удар в главном направлении на Львов. Второстепенная задача, определенная 49-му корпусу, в свою очередь решалась главным образом на северном фланге 4-й и на южном — 6-й финляндскими дивизиями. Чехословацкая бригада должна была обеспечивать участок между ними и только в случае успеха 4-й дивизии перейти в наступление. К 7 июня бригада в основном (за исключением трех рот) сосредоточилась в районе местечка Озерное (20 км западнее Тернополя). Положение на Юго-Западном фронте к началу наступления было чрезвычайно напряженным. Несмотря на решение, принятое 28 мая на съезде делегатов армий фронта в Каменец-Подольске, о подготовке наступления и создании ударных частей¹³⁴, многие соединения и части решительно отказались принять

¹³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 61.

¹³² Там же, лл. 50, 58.

¹³³ «Письмо Центрального комитета Чешско-славянской социал-демократической рабочей партии при Российской социал-демократической рабочей партии к русской демократии», Киев, 1917. Там же — «Демократиям всего мира. Требования чехов».

¹³⁴ Делегаты чехословацкой бригады одними из первых заявили, что чехословацкие подразделения объявляют себя ударными.

участие в новой аванюре Временного правительства и самовольно покидали фронт. Антивоенные настроения захватили и некоторые подразделения чехословацкой бригады. 2-й батальон 2-го чехословацкого полка отказался выступить на фронт, заявив, что участие в наступлении будет воспринято русскими солдатами как контрреволюционная демонстрация¹³⁵. Остальные части бригады в ночь с 8 на 9 июня сменили отказавшиеся наступать 13-й и 22-й финляндские полки в 6 км юго-западнее местечка Зборов. Однако всего лишь десятидневное пребывание в окопах накапуне наступления, констатируют буржуазные исследователи, резко ухудшило моральное состояние и этих частей, оказавшихся буквально во враждебном окружении. Солдаты русских полков, которых сменила бригада, неоднократно пытались отговорить чехов от участия в наступлении, отказались передавать добровольцам боеприпасы, а на митингах требовали их разоружения¹³⁶. Настроения, возобладаввшие в бригаде под воздействием общей обстановки на фронте, характеризует резолюция, принятая 15 июня представителями полковых комитетов, в которой содержалось требование, чтобы бригада была отозвана с фронта и перебросена во Францию, ввиду того что наступление не подготовлено и русские части не желают воевать¹³⁷. К началу наступления на линии фронта было сосредоточено три полка чехословацкой бригады¹³⁸, которые вместе с вспомогательными подразделениями насчитывали 3500 бойцов, т. е. около 50 % ее общей численности¹³⁹. Бригаде противостояли части австро-венгерской армии, состоявшие из двух третей 86-го пехотного полка (венгеро-румынского по национальному составу), 35-го Пльзенского пехотного полка (61 % чехов) и 75-го Индржиховоградского пехотного полка (81 % чехов)¹⁴⁰. Есть все основания утверждать, что пассивность этих двух последних, в основном чешских по составу, полков и предопределила успех бригады в наступательных боях 18 и 19 июня¹⁴¹. В ходе этих боев бригада, потеряв около 1 тыс. человек (190 убитыми), захватила три линии окопов, 150 орудий и взяла в плен 3232 солдата и офицера противника¹⁴². Зборовская операция была лишь удачным эпизодом катастрофически неудачного июньского наступления. Германские и австро-венгерские войска вскоре перешли в контрнаступление и прорвали фронт в районе Тернополя. Основные силы бригады¹⁴³ отходили в относительном порядке, а некоторые подразделения вместе с казаками и юнкерами были даже использованы в качестве заградитель-

¹³⁵ Батальон насчитывал около 400 солдат, главным образом чехов — русских подданных с Волини, вступивших в бригаду по мобилизации, а не добровольно. Однако, как признают буржуазные чехословацкие историки, примеру этого батальона «последовала и некоторая часть так называемых новодружинников», т. е. недавно вступивших в чехословацкие части добровольцев («Památce Zborova», Praha, 1927, str. 51).

¹³⁶ Jar. K ř í ž e k. První ozbrojené vystoupení čs. legií proti sovětské moci. — «Historie a vojenství», Praha, 1955, № 3, str. 300—301.

¹³⁷ Начавшееся наступление не позволило переслать эту резолюцию Масарику, которому она была адресована (F. Steidler. Zborov. Praha, 1922, str. 35).

¹³⁸ 1-й полк насчитывал около 1600 активных штыков, 2-й — 800 и 3-й — 870.

¹³⁹ F. Steidler. Указ. соч., стр. 33; V. Klecanda. Bitva u Zborova. Praha. 1927, str. 57.

¹⁴⁰ Если Чечек, а вслед за ним и Штайдлер утверждали, что чехословацкой бригаде противостояло 12 тыс. солдат противника (с запасными частями), то Сыркиште отмечал, что против бригады вместе с резервами находилось около 6 тыс. солдат австро-венгерской армии (F. Steidler. Указ. соч., стр. 37; «Památce Zborova», str. 56).

¹⁴¹ По данным официального сообщения Ставки от 20 июня 1917 г.

¹⁴² Сыркиште, очевидно, имел основание утверждать, что наступление бригады могло окончиться катастрофой, «если бы бывшие чешские полки на австрийской стороне дрались с таким упорством, как венгры» («Památce Zborova», str. 71).

¹⁴³ В бригаде было более 200 дезертиров («Za svobodu», díl II, str. 89).

ных отрядов против не желавших возвращаться в окопы частей русской армии¹⁴⁴. В бушующем море стихийно демобилизующейся русской армии чехословацкая бригада, спаянная националистическим клеем, оказалась одним из немногих воинских формирований, послушных офицерам и сохранивших боеспособность.

Успешная атака чехословацкой бригады под Зборовым была всемерно использована в пропагандистских целях русским правительством и его союзниками и, конечно, чехословацкими буржуазными политиками в России и за ее пределами. Ее боевую доблесть восхвалял Керенский, ее славили русские генералы, буржуазная и правосоциалистическая печать. Политическим результатом пропагандистского использования зборовского успеха было прежде всего разрешение русских властей на дальнейшее расширение чехословацких воинских формирований в России. Как отмечал в своем докладе 19 августа 1917 г. генерал Червинка, «...только после доблестного выступления чехословацкой бригады под Зборовым... последовала отмена вышеупомянутого распоряжения Главнокомандующего о ограничении чешско-словацких войск существующей бригадой»¹⁴⁵. Вслед за разрешением формировать 1-ю чехословацкую дивизию 4 июля верховный главнокомандующий разрешил начать формирование 2-й дивизии¹⁴⁶. Зборов содействовал и успеху более чем 300 эмиссаров-вербовщиков, разосланных по всем губерниям России Чехословацким национальным советом. До осени им удалось завербовать в чехословацкие воинские части 21 760 новых добровольцев¹⁴⁷. Как доносил в Ставку дежурный генерал штаба Юго-Западного фронта, уже к концу августа в 1-й чехословацкой дивизии насчитывалось 12 850 человек, а во 2-й — 11 100. К середине сентября обе формирующиеся дивизии насчитывали без артиллерии 25 100 человек¹⁴⁸. 26 сентября генерал Духонин разрешил сформировать Отдельный чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады.

Следует отметить, что довольно затруднительной оказалась вербовка в корпус добровольцев-словаков. Единомышленник и один из активных сотрудников Масарика И. Маркович склонен был видеть главную причину этого в их низком культурном уровне, недостаточном национальном самосознании и влиянии провенгерских элементов. Однако и среди националистически настроенной словацкой буржуазной интеллигенции в России было немало людей, опасавшихся, как бы будущее объединение Словакии с Чехией «не стало поглощением слабого сильным»¹⁴⁹, и поэтому протестовавших, в частности, и против полного растворения словаков в чешских частях. Они настаивали на необходимости создания самостоятельных словацких подразделений в составе чехословацкого корпуса. Масарик, поддержанный И. Марковичем, В. Гурбаном и другими словацкими буржуазными политическими деятелями, не соглашался на это. В конце концов было решено для того, чтобы облегчить «контроль над лояльностью» вновь поступающих добровольцев, их воспитание,

¹⁴⁴ 6 июля чехословацкие артиллерийские подразделения совместно с кавалерийскими частями были брошены против отказавшихся выступить на позиции солдат 20-й и 46-й пехотных дивизий. После артиллерийского и пулеметного обстрела восставшие, окруженные в лесу между деревнями Гряды и Бережда, вынуждены были сложить оружие (И. Г о л у б. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958, стр. 94; Jar. K ř í ž e k. První ozbrojené vystoupení..., str. 303).

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2067, оп. II, д. 513, л. 787.

¹⁴⁶ Н. К а р ж а п с к и й. Указ. соч., стр. 67.

¹⁴⁷ «Za svobodu», díl II, str. 138.

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 342, л. 7.

¹⁴⁹ J. K u d e l a. Указ. соч., стр. 667.

а также выявление «венгерских шпионов» и большевиков¹⁵⁰, сосредоточить всех словаков в 7-м полку 2-й дивизии. Однако концентрация не удалась, и в этом полку в дальнейшем было не более 300 словаков¹⁵¹. Остальные (если верить И. Марковичу, в корпусе было около 3000 словаков), были рассредоточены по другим частям¹⁵².

Новые чехословацкие воинские формирования создавались как часть русской армии и материально обеспечивались русским правительством. Однако необходимы были значительные средства для финансирования вербовочной деятельности¹⁵³, для содержания разросшегося аппарата филиала Чехословацкого национального совета (около 100 сотрудников), на издание пропагандистской литературы, газет и другие нужды. На съезде в Киеве расходы филиала Чехословацкого национального совета и Союза чехословацких обществ на предстоящий год были определены в 1 млн. 150 тыс. рублей. За счет так называемого национального налога с военнопленных в лагерях, солдат чехословацких воинских частей и колонистов нечего было и думать собрать необходимые средства, тем более что зажиточные чехи-колонисты платили налог неохотно, а некоторые местные организации отказывались передавать собранные суммы филиалу, предназначая их для собственных нужд. В течение трех месяцев после киевского съезда национальный налог дал лишь 170 тыс. рублей. Поэтому Масарик вынужден был дать для финансирования набора в армию 20 тыс. рублей из сумм, собранных среди чехов и словаков в Америке. Филиал прибегает к частным займам у богатых чешских предпринимателей в Москве, Петрограде, Киеве¹⁵⁴. Однако всего этого было явно недостаточно. Тогда с инициативой выпуска «революционного займа чехословацкой нации» выступает Чешско-словацкое общество взаимного кредита в Киеве (Чехословацкий кредитный банк)¹⁵⁵. Банк рассчитывал таким образом стать эмиссионным центром для всей России, своеобразным «министерством финансов» чехословацкого национального движения. Заем, выпускавшийся на сумму в 20 млн. рублей, предназначался «прежде всего для военных целей»¹⁵⁶ и гарантировался, согласно проекту,

¹⁵⁰ «*Za svobodu*», *díl II*, str. 773.

¹⁵¹ Там же, стр. 774.

¹⁵² J. K u d e l a. Указ. соч., стр. 659.

¹⁵³ Французское правительство соглашалось лишь предоставить заем в сумме 1 млн. 100 тыс. рублей для финансирования набора рабочих и солдат, предназначенных для переброски во Францию (V. V á v r a. *Klamná cesta*. Praha, 1958, str. 59).

¹⁵⁴ Восемь московских предпринимателей пообещали дать около 200 тыс. рублей, пять киевских — 70 тыс. рублей («*Naše revoluce*», гоф. VII, 1931, sv. 3, str. 383—384).

¹⁵⁵ Чехословацкий кредитный банк, во главе которого встал миллионер Индржишек, был создан в январе 1917 г. В феврале на средства Союза чехословацких обществ при нем было создано «Общество русско-чехословацкого экономического сближения». Кредитный банк имел филиалы в Житомире и Здолбупове. В Москве и Петрограде также были сделаны попытки создать чехословацкие кредитные учреждения. Велись переговоры о создании филиала Московского народного банка в Праге и о создании в России Русско-Чешского банка. В мае 1917 г. чешские предприниматели обратились в Министерство торговли и промышленности с ходатайством о разрешении учредить Русско-Чехословацкую торговую палату для «содействия экономическому сближению России и Чехословакии на почве торгово-промышленных интересов». В ходатайстве подчеркивалось, что в ее организации предполагают принять участие Т. Масарик и другие чешские деятели, «признающие желательным приступить к делу сближения ныне же, не дожидаясь окончания войны» (АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 255, лл. 2, 7). Министерство охотно дало согласие на создание такой палаты, исходя из желания предоставить чехословацким промышленникам благоприятные условия для участия «в развитии русских производительных сил» (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 23, оп. 27, д. 634, л. 7). Чешская буржуазия широко поставила дело сбора экономической информации о положении русского рынка, используя для этого военнопленных и чешские землячества в Москве, Киеве, Петрограде, Харькове, Одессе, Екатеринославе, Таганроге и других городах.

¹⁵⁶ «*Czechoslovak*», 14 (27).X 1917.

утверждал: «Когда возник конфликт с генералом Корниловым, я телеграфно обратил внимание и корпуса и Ставки на нашу договоренность, что мы не должны вмешиваться во внутренние распри, и мы действительно в корниловскую аферу не вмешались»¹⁶⁶. Однако даже И. Куделя вынужден был признать, что об этих телеграммах в материалах филиала Чехословацкого национального совета нет никаких упоминаний¹⁶⁷. Зато сохранились другие свидетельства и документы. Еще 10 августа Масарик отдает распоряжение командиру чехословацкой бригады отправить 400 добровольцев в Славянский ударный полк, в котором уже было 113 чехов, с тем чтобы они были распределены по 50 человек в каждую роту и «служили примером лучшим элементам среди русских солдат... своей храбростью и правильным пониманием дисциплины»¹⁶⁸. Накануне корниловского выступления 24—26 августа, когда Масарик, Макса и Клецанда вели переговоры в Ставке, Масарик пообещал Неженцеву, командиру корниловского Славянского ударного полка, новое пополнение. Было договорено, что половину полка составят чехи и среди русских солдат будет проведена чистка и изгнаны «все ненадежные, большевистские элементы»¹⁶⁹. Масарик дал согласие пополнить Славянский ударный полк 1,5—2 тыс. добровольцев¹⁷⁰. Однако, будучи искушенным политиком, Масарик стремился заручиться официальным документом, в котором был бы зафиксирован, с одной стороны, принцип невмешательства чехословацких воинских частей в политическую борьбу в России, а с другой— право филиала Чехословацкого национального совета контролировать командование корпуса. С этой целью было достигнуто соглашение о том, что к Ставке и командованию корпуса будут прикомандированы уполномоченные Чехословацкого национального совета и что «чехословацкие войска могут быть использованы только против внешних неприятелей России»¹⁷¹. О том, как Масарик понимал «нейтралитет» и как его придерживался, нам еще придется говорить ниже, однако характерно, что для «чехословацких корниловцев» он вовсе не считал его обязательным. И они успешно, как об этом говорит сам Масарик, «удерживали порядок» в Могилеве во время корниловского путча¹⁷². Для большей полноты картины следует упомянуть свидетельство генерала Деникина о том, что в дни мятежа Славянский полк в отличие от других вполне оправдал доверие Корнилова¹⁷³. Знаменателен и тот факт, что после разгрома мятежников в помещении филиала Чехословацкого национального совета в Киеве, опасаясь обыска, два дня жгли тираж специально отпечатанной брошюры с биографией Корнилова¹⁷⁴. После ареста начальника штаба Киевского военного округа генерала Оболенева и ряда чехословацких офицеров были обнаружены документы, свидетельствовавшие о их связях с Корниловым и о надеждах его на поддержку чехословацких частей. Ввиду этого Советы рабочих и солдатских депутатов Киева потребовали роспуска чехословацких формирований, «ибо они не только замешаны в корниловском путче, но вообще связаны с русскими реакционными

¹⁶⁶ «*Za svobodu*», díl II, str. 412.

¹⁶⁷ «*Naše revoluce*», roč. VIII (1932), sv. 3, str. 269.

¹⁶⁸ Jar. Křížek. První ozbrojené vystoupení..., str. 303.

¹⁶⁹ «*Za svobodu*», díl II, str. 378.

¹⁷⁰ «*Naše revoluce*», roč. VII (1931), sv. 1, str. 15.

¹⁷¹ «*Za svobodu*», díl II, str. 373, 374.

¹⁷² J. Kudela. Profesor Masaryk..., str. 111.

¹⁷³ А. И. Деникин. Указ. соч., т. II, стр. 39. Концентрируя накануне мятежа части, на поддержку которых можно было рассчитывать, командующий Юго-Западным фронтом отдал приказ перебросить 1-й чехословацкий полк в Бердичев (П. Голуб. Указ. соч., стр. 106).

¹⁷⁴ «*Čecho-slováci ve válce a v revoluci*», str. 109.

кругами и всегда будут материалом и центром контрреволюции»¹⁷⁵. Лишь благодаря поддержке буржуазных националистов из украинской Центральной Рады удалось предотвратить принятие такого решения.

После июльских событий в Петрограде контрреволюционные силы и в тылу и на фронте перешли в наступление. 12 июля Временное правительство ввело смертную казнь на фронте. Реакционное командование настаивало на введении смертной казни и в тылу, решительно требовало уничтожения комитетов, запрещения всякой политической деятельности в армии. Буржуазное руководство Чехословацкого национального совета и офицерство, в свою очередь, не преминули использовать обстановку для похода против демократических организаций в частях формирующегося корпуса.

Выборные комитеты в чехословацких частях не приобрели того значения и характера, который они имели в русской армии, хотя первоначально если не все, то некоторые из них, очевидно, выступали как организации, представляющие интересы демократической солдатской массы. Не только резолюции недоверия, но и аресты отдельных наиболее ненавистных солдатам офицеров проводились по распоряжению и с санкции комитетов. Комитеты считали себя вправе наряду с командованием выступать перед русской общественностью по политическим вопросам¹⁷⁶, энергично вмешивались в дисциплинарные, хозяйственные и военные дела. До тех пор, пока не было возможности ликвидировать комитеты, Национальный совет и командование стремились овладеть ими изнутри, ограничить по возможности их компетенцию, оградить от влияния комитетов соседних русских частей и советов в местах расквартирования. Такая тактика имела успех прежде всего из-за идейной и организационной слабости социал-демократии, фактического отказа самой крупной чехословацкой социал-демократической организации — киевской — от работы среди добровольцев, самоизоляции ее от армии.

Как только командованию показалось, что появилась возможность справиться с комитетами, оно сразу же воспользовалось ею. Еще в июне распоряжением по чехословацкой бригаде у комитетов были отобраны дисциплинарные права¹⁷⁷. Во второй половине июля совещание командования бригады, созванное полковником Мамонтовым, постановило ликвидировать комитеты¹⁷⁸. Вслед за этим Мамонтов официально объявил явившимся к нему представителям комитета 1-го полка, что «все комитеты отменены, введены телесные наказания и смертная казнь»¹⁷⁹. Однако легче оказалось издать приказ, чем провести его в жизнь. Запрещение деятельности комитетов встретило решительное сопротивление солдат, особенно новой, 2-й дивизии.

Лично Масарику во время посещения частей корпуса в конце июля — начале августа пришлось столкнуться с требованием не только сохранить комитеты, но и расширить их полномочия. По свидетельству очевидцев, во время беседы с представителями комитета 2-го полка Масарик вначале пытался отшутиться, представить комитеты «детской игрой в политику», к которой, дескать, солдаты привыкли еще дома, однако

¹⁷⁵ «Naše revoluce», roč. XII, sv. 1—2, str. 161.

¹⁷⁶ Так, комитет запасного батальона в Бобруйске записал 18 июня в резолюции, что «представлять батальон перед общественностью в делах политических и национальных имеет право прежде всего и только батальонный комитет по договоренности и во взаимодействии с офицерским составом» (V. N a j b r t. Указ. соч., стр. 15).

¹⁷⁷ В. Л а з а р е в с к и й. Россия и чехословацкое возрождение. Париж, 1927, стр. 128.

¹⁷⁸ «Deník plukovníka Švece», Praha, 1921, str. 183.

¹⁷⁹ «Za svobodu», díl II, str. 81.

выработанному его инициаторами, «будущим чехословацким государством или всем национальным имуществом, доходом от национального налога со всех чехов и словаков и т. д.»¹⁵⁷.

В России предполагалось распространить облигаций займа на сумму в 5 млн. рублей, а остальные — в Америке и Европе. Чехословацкий национальный совет брал на себя обязательство выплатить держателям займа всю сумму с процентами не позднее конца 1925 г. во французских франках или по курсу франка в других валютах. Последнее при быстром падении курса рубля представляло значительный интерес для чешских капиталистов в России, хотя установленный курс (1 рубль = 1 франку) и охладил несколько их первоначальный энтузиазм. Несмотря на широкую агитационную кампанию и даже угрозы Масарика¹⁵⁸, заем большого успеха не имел, особенно среди чешских капиталистов. Основную массу подписчиков составляли держатели мелких облигаций в 10, 25, 50 рублей. До конца 1917 г. не было распространено облигаций и на миллион франков¹⁵⁹. Однако известные средства заем все же дал, что и позволило продолжать, в частности, широкую вербовку в чехословацкий армейский корпус.

Кадровый состав чехословацких воинских формирований после революции значительно изменился. Основную массу солдат теперь составляли бывшие военнопленные. Значительная их часть шла туда из искренних патриотических побуждений, дезориентированная буржуазно-националистической и правосоциалистической пропагандой, веря в то, что корпус создается не только для достижения национальной независимости, но и для борьбы за социальную справедливость, для помощи революционной России. Почти половина добровольцев ранее были членами социал-демократической партии¹⁶⁰. Однако среди них немало было людей, особенно из мелкобуржуазной среды, напуганных разбушевавшимся морем революции и видевших в корпусе своеобразную защиту от «русских неурядиц». Так называемые новодружинники значительно разбавили кадры 1-й дивизии и составляли главную массу тех, из кого формировалась 2-я дивизия.

Известное число демократически настроенных патриотов было и среди офицеров. Однако в основном они (не говоря уже о русских кадровых офицерах бывшей царской армии и офицерах — чехах и словаках, прошедших службу в царской армии и в чешской дружине), были полны классовых и сословных предрассудков. Число этих в массе своей реакционно настроенных офицеров еще более увеличилось, когда генералу Червинке удалось добиться разрешения Ставки зачислять кадровых офицеров австро-венгерской армии (чехов и словаков по национальности), а также офицеров запаса в чехословацкие части в старом звании¹⁶¹.

¹⁵⁷ «Čechoslovák», 28.IX (11.X) 1917.

¹⁵⁸ На митинге в Киеве Масарик, в частности, заявил: «...набор (в армию. — А. К.) и заем, это сегодня определенные конкретные чехословацкие задачи, и в зависимости от того, как каждый будет работать для выполнения этих задач, и будет определяться за нас он или против нас». — «Naše revoluce», roč. VII (1931), sv. 3, str. 291.

¹⁵⁹ «Za svobodu», díl II, str. 471—477; «Naše revoluce», roč. VII (1931), sv. 3, str. 286.

¹⁶⁰ По данным военной комиссии филиала Чехословацкого национального совета, в начале 1918 г. 47% солдат и офицеров корпуса являлись социал-демократами («Průkopník svobody», 16.VII 1918).

¹⁶¹ Многие младшие офицеры чехословацкой бригады, начавшие службу простыми солдатами, протестовали против зачисления офицеров австро-венгерской армии во вновь формируемые части в старом звании. Но те, поддерживаемые генералом Червинкой, требовали и сохранения старых званий, и предоставления соответствующих должностей. Как отмечал П. Макса, из 100 добровольцев 60 претендовали на офицер-

«Таким образом,— констатировал майор Я. Кратохвилл в своей документальной книге,— это старое офицерство, придя в ряды новой революционной армии, как старое сословие, со своими особыми интересами, со своим образом жизни, и в этом новом объединении противопоставило себе солдат... Поэтому и в чехословацких легионах не могли создаться иные отношения между офицером и солдатом, тем более в революционной обстановке, так болезненно чуткой к справедливости, чем те, что были и во всех других армиях вокруг: сверху вниз — непонимание, снизу вверх — ненависть»¹⁶².

Политические симпатии чехословацкой и буржуазно-националистической и монархической реакции наглядно проявились уже в период корниловщины.

Наиболее реакционные чехословацкие офицеры были горячими сторонниками Корнилова и приложили немало усилий, чтобы втянуть чехословацкие части в контрреволюционную авантюру. Об этом в один голос говорят мемуары и исследования буржуазных авторов различных политических оттенков¹⁶³. В подготовке мятежа активно участвовал поручик В. Клецанда — офицер штаба Юго-Западного фронта и майор П. Витачек — офицер разведывательного отдела штаба VII армии. Офицеры запасного батальона 1-го чехословацкого полка в Житомире приняли решение поддержать Корнилова, о чем открыто заявили заместителю комиссара Юго-Западного фронта. Лишь протест батальонного комитета предотвратил это выступление чехословацких корниловцев. Немало было открытых сторонников Корнилова и среди офицеров 2-й дивизии. Нечего и говорить, что на стороне Корнилова были все симпатии чехословацких монархистов: Дедины, Дюриха, Зумана и им подобных. Они поддерживали связи с Корниловым через Ф. Краля и через него же, по утверждению Дедины, Корнилов просил Масарика о поддержке¹⁶⁴.

Руководители Чехословацкого национального совета действовали, однако, чрезвычайно осторожно, ибо обстановка была неясной и открытое выступление на стороне реакционного генералитета могло поставить под удар все достигнутое ими в России и прежде всего успешное формирование армии. Но все их симпатии были на стороне Корнилова, этого символа «сильной России».

Назначение Корнилова верховным главнокомандующим Масарик немедленно приветствовал поздравительной телеграммой, в которой высказывал «глубокую радость» и пожелание, чтобы он «организовал все силы свободной России и привел ее к победе во имя демократии и славянства»¹⁶⁵.

Открыто проявляя свое восхищение мерами Корнилова «по усилению боеспособности русской армии», Масарик тайно оказывал ему и непосредственную поддержку, хотя и стремился, особенно после провала путча, всячески это скрыть. В конце 1917 г., выступая на пленарном заседании филиала Чехословацкого национального совета, Масарик

ские должности. После долгих споров, наконец, было принято компромиссное решение о том, что бывшие офицеры и вольноопределяющиеся австро-венгерской армии могут зачисляться и как офицеры, и как рядовые. В конце сентября Генеральный штаб издал распоряжение об уравнинии офицеров 1-й и 2-й дивизий (где в основном были офицеры австро-венгерской армии) в званиях («*Za svobodu*», *dil II*, str. 336, 343, 553).

¹⁶² J. K r a t o c h v i l l. *Cesta revoluce*. Praha, 1922, str. 23—24.

¹⁶³ См. F. Z u m a n. *Osvobozenecká legenda*. Praha, 1922, *dil II*, str. 125; P. V i t á č e k. *Neznámý vojin*. Praha, (без даты), str. 204; K. Z m r h a l. *O samospravu a demokracii v sibiřské armádě*. Praha, 1923, str. 34—35; V. N a j b r t. *Rozlet a rozlom sibiřského bratrství*. Brno, 1936, str. 23; «*Za svobodu*», *dil II*, str. 413.

¹⁶⁴ F. D e d i n a. *Na obranu sve cti*. Praha, 1920, str. 23.

¹⁶⁵ «T. G. Masaryk a revoluční armáda», Praha, 1922, str. 63—64.

в дальнейшем вынужден был заявить, что ничего не имеет против них¹⁸⁰. Приказом по чехословацкой бригаде 9 августа ротные и полковые комитеты вновь были разрешены, однако функции их были ограничены областью хозяйственной и просветительной деятельности¹⁸¹. Это и была основная тактическая линия, избранная руководством по отношению к комитетам. Позднее в своих мемуарах Масарик писал, что «просто запретить комитеты не было возможности и поэтому было решено ограничить их полномочия и не дать им превратиться в политические органы»¹⁸².

Вопрос о функциях комитетов неоднократно обсуждался на заседаниях филиала Чехословацкого национального совета. Масарик требовал, чтобы инициативу в определении этих функций взяла на себя военная комиссия. В конце концов было принято решение, гласившее: «Президиум в вопросе о воинских комитетах придерживается того взгляда, что их вес необходимо скорее уменьшать, чем увеличивать и, напротив, по силе возможности усиливать и поддерживать авторитет офицеров»¹⁸³. 27 сентября командир корпуса генерал Шокоров издал приказ об ограничении полномочий комитетов в связи с необходимостью «укрепить основные принципы дисциплины»¹⁸⁴.

Затормозив процесс демократизации, охвативший после революции чехословацкие воинские формирования, буржуазное руководство добилося того, что комитеты в целом оказались более или менее послушным инструментом в руках командования¹⁸⁵, не стали в массе своей выразителями воли простых солдат. Как констатировал правый социал-демократ К. Змргал, комитеты почти ничего не меняли в организации армии, «офицер оставался начальником, а солдат подчиненным. Комитеты были лишь посредниками между ними (и громоотводом для обеих сторон)...»¹⁸⁶. Однако недовольство строгой регламентацией деятельности комитетов, сведением на нет роли выборных судов¹⁸⁷, запрещением солдатам участвовать в политических собраниях¹⁸⁸ и другими мерами руководства,

¹⁸⁰ *Za svobodu*, díl II, str. 280.

¹⁸¹ Там же, стр. 274.

¹⁸² T. G. M a s a r í k. *Světová revoluce*. Praha, 1936, str. 200.

¹⁸³ *Za svobodu*, díl II, str. 555.

¹⁸⁴ «Все воинские комитеты, — гласил пункт „а“ этого приказа, — ротные, полковые и дивизионные, ни в коем случае не имеют права предлагать к сведению и выносить резолюции о доверии или недоверии командованию и начальникам». Право оценки действий командования, указывалось в приказе, принадлежит исключительно Чехословацкому национальному совету (там же, стр. 544).

¹⁸⁵ Так, например, В. Найбрт, характеризуя деятельность комитета запасного батальона 1-го чехословацкого полка, писал, что он стремился «прежде всего к тому, чтобы устранить недоразумения между офицерами и простыми добровольцами», и полагал «удерживать порядок и дисциплину» (V. N a j b r t. Указ. соч., стр. 15).

¹⁸⁶ K. Z m r g a l. Указ. соч., стр. 39.

¹⁸⁷ В октябре из компетенции выборных полковых судов было изъято рассмотрение дисциплинарных проступков солдат и передано командованию (В. Л а з а р е в с к и й. Указ. соч., стр. 128).

¹⁸⁸ В конце августа филиал Чехословацкого национального совета запретил солдатам участие в политических собраниях без предварительного разрешения командования (там же, стр. 129). Кроме того, комитетам было запрещено посылать своих представителей в местные советы и ревкомы. Однако уже в сентябре это распоряжение было отменено. В приказе по 5-му полку, например, говорилось: «Полковой комитет имеет право посылать своего представителя в местные советы солдатских депутатов» (*Za svobodu*, díl II, str. 754). Правда, филиал Чехословацкого национального совета, разрешая членам полковых комитетов участвовать в работе местных советов, стремился, как свидетельствует Найбрт, через верных людей «получить информацию о том, что в этих организациях делается», с тем чтобы не оказаться захваченным врасплох (V. N a j b r t. Указ. соч., стр. 21). Однако известно, что членами местных советов были не только такие люди, как В. Найбрт (он был членом Житомирского Совета), но и такие, как Э. Кужелло (член Бобруйского Совета), активно сотрудничавший с большевиками.

явно направленными на то, чтобы изолировать солдатскую массу от политической жизни страны, все время то здесь, то там прорывалось наружу. В конце концов оно стало основой массового движения за созыв съезда чехословацкой армии.

Разгром корниловского заговора разоблачил перед массами правые буржуазные партии, серьезно подорвал влияние меньшевиков и эсеров. Вместе с тем неизмеримо возрос авторитет большевистской партии и в городе, и в деревне, и в армии. Процесс общего полевления масс нашел свое отражение и в среде чехословацких военнопленных. Есть все основания считать, что именно стремление отмежеваться от прямых чехословацких пособников Корнилова и явно сочувствовавших ему буржуазных руководителей филиала Чехословацкого национального совета положило конец длительным спорам и дискуссиям о целесообразности немедленного организационного самоопределения социал-демократии. 4 августа на собрании в Киевском университете было провозглашено создание «Чешско-славянской социал-демократической рабочей партии при Российской социал-демократической рабочей партии». Временный Центральный комитет, избранный, очевидно, на этом собрании, 17 августа официально поставил в известность филиал Чехословацкого национального совета, что партия создана для «деятельности во всей России»¹⁸⁹. 20 августа датировано письмо Центрального комитета к чехословацким социал-демократам — хронологически первый официальный документ, сохранившийся в наших архивах¹⁹⁰. В этом письме сообщалось об основании партии и указывалось, что уже созданы местные организации в Киеве и готовится создание организаций в Таганроге, Екатеринославе, Борисполе и других местах. Киевская организация, значилось в гектографированном экземпляре письма¹⁹¹, насчитывает более 1000 членов¹⁹². Второе из сохранившихся писем Центрального комитета, относящееся к первым числам сентября¹⁹³, констатировало, что уже созданы социал-демократические организации в Киеве, Борисполе, Степанке, Олевске, Корнине¹⁹⁴. Здесь же указывалось, что в Киеве организация насчитывает 1,5 тыс. членов¹⁹⁵. Третье письмо Центрального комитета, от 25 сентября, уже отмечало, что на местах существует 11 организаций, из которых крупнейшая находится в Киеве¹⁹⁶. И, наконец, данные, относящиеся к октябрю, свидетельствуют, что кроме киевской, в которой числилось 1700 человек, существовало еще 13 местных организаций¹⁹⁷. Среди них, кроме упоминавшихся выше, более или менее достоверно существование организаций в Одессе, Таганроге, Екатеринославе, Фастове, Корсуні, Сквире, Тароповицах¹⁹⁸. Согласно «Кассовому отчету», в это время партия насчитывала 2074 члена¹⁹⁹.

¹⁸⁹ Jar. K ř í ž e k. Penza..., obrazová příloha.

¹⁹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, лл. 25—26.

¹⁹¹ В рукописном экземпляре письма стоит цифра 800, исправленная красным карандашом на 1900 (там же, л. 30).

¹⁹² Эта цифра подтверждается и упоминавшимся выше «Кассовым отчетом», согласно которому в августе в партию вступило 547 человек, и таким образом число членов организации достигло 1036 (там же, л. 61).

¹⁹³ Там же, л. 84.

¹⁹⁴ Число на документе неразборчиво (1 или 6).

¹⁹⁵ Если это число членов киевской организации соответствовало действительности, то или в других местах организации были чрезвычайно малочисленными; или «Кассовый отчет» почему-то не учитывал их, так как из него следует, что к концу сентября партия насчитывала 1554 человека.

¹⁹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 34.

¹⁹⁷ «Svoboda», 19.X 1917.

¹⁹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 84; «Komunistická revue», Praha, 1927, № 12, str. 935.

¹⁹⁹ Там же, л. 61.

Для того чтобы полнее представить себе влияние социал-демократов, следует иметь в виду, что руководимое ими Общество чехославянского единения насчитывало к середине июля около 4000, а больничная касса около 800 человек²⁰⁰. В октябре в Обществе было уже около 7000 членов, а членами больничной кассы состояло 1500—1800 человек²⁰¹.

Организационные основы и структуру партии определял устав, несколько вариантов которого сохранилось. Первый параграф его указывал, что членом организации «может быть каждый чех или словак, признающий программу Чехославянской социал-демократической рабочей партии, утвержденную съездом партии на родине». Величина вступительного взноса определялась Временным Центральным комитетом совместно с депутатами киевских заводов. Низовые организации создавались как по месту жительства, так и по месту работы (местные и заводские) там, где было не менее пяти членов партии. Местные и заводские организации объединялись в районные, во главе которых стоял комитет, состоявший из представителей низовых организаций и четырех выборных членов²⁰².

25 августа в «Известиях» ЦИК и Петроградского Совета, а 2 сентября в «Известиях Киевского Совета» было опубликовано заявление Центрального комитета Чехославянской социал-демократической партии, в котором говорилось, что без разрешения и согласия ЦИК партии или ее местных организаций никто «не имеет права говорить или действовать от имени Чехославянской социал-демократической рабочей партии, а также вступать в комитеты или правления обществ или союзов стоящих вне партии социал-демократов»²⁰³.

Таким образом, партия категорически отмежевывалась от самозванных выступлений социал-демократов типа Рихтера, Кисели и других, в обилии появлявшихся на страницах чешской буржуазной печати, а также выступала против участия социал-демократов в руководящих органах местных чехословацких организаций, создаваемых филиалом Национального совета.

Очевидно, сразу же после создания партии встал вопрос о необходимости издания собственной газеты. Однако единственная чешская типография в Киеве, в которой печатался «Чехослован», отказалась печатать социал-демократическую газету. Пришлось изыскивать средства для создания собственной типографии. Организация распространила среди своих членов пятирублевые «акции» и в течение короткого времени собрала около 7000 рублей на покупку шрифта, бумаги и другие нужды, связанные с изданием газеты²⁰⁴. 19 октября вышел первый номер социал-демократического еженедельника «Свобода». К этому времени три члена Центрального комитета Чехославянской социал-демократической партии вошли в состав Киевского Совета рабочих депутатов, партия тесно сотрудничала с Киев-

²⁰⁰ По данным отчета Общества, к 16 июля в нем числилось 3786 человек. На первом пленарном заседании филиала Чехословацкого национального совета указывалось, что к середине июля Общество имело 3976 членов из числа военнопленных. В то же время в Киеве организация военнопленных при филиале Чехословацкого национального совета насчитывала к середине июля лишь 2670 членов.— AVU J(8)1, ѓ. 25; «Czechoslovák», 2.IX 1917.

²⁰¹ «Svoboda», 26.X 1917; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 253, л. 58; там же, л. 21.

²⁰² Там же, д. 257, л. 50.

²⁰³ «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 25.VIII 1917; «Известия Киевского Совета рабочих депутатов», 2.IX 1917.

²⁰⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 257, л. 108.

ским Советом профессиональных союзов²⁰⁵ и местной организацией меньшевиков. Стремление вступить в тесный организационный контакт с русскими и украинскими меньшевиками наметилось еще до организации партии. Однако официальное признание меньшевиками чехословацкой социал-демократической организации своей секцией было вначале отложено до объединительного съезда; после съезда этот вопрос рассматривался на бюро ЦК объединенных меньшевиков, но так и не был решен²⁰⁶.

Чехословацкие социал-демократы, как свидетельствуют документы, ставили своей основной целью работу среди военнопленных в лагерях и на предприятиях с тем, чтобы «углублять их классовое и национальное сознание», а также стремились «ознакомить русских рабочих со стремлениями чешского пролетариата»²⁰⁷. Сотрудничество с русскими и украинскими меньшевиками не могло не оказать влияния на чехословацких социал-демократов. Их взгляды по важнейшим идеологическим, политическим и организационным вопросам оставались по-прежнему путанными, непоследовательными или прямо ошибочными. И в упоминавшихся выше открытых письмах Центрального комитета, и в статьях первых номеров «Свободы» указывалось, что наряду с национальной свободой рабочий класс должен добиться социального освобождения. Не за то сражаются чешские рабочие, чтобы на освобожденной родине иго немецкого капитала сменилось эксплуатацией чешских капиталистов. Русская революция — начало мировой, и задача социал-демократов — содействовать ее распространению на родине. Одновременно чехословацкие социал-демократы подчеркивали свое убеждение в том, что «свобода чешского народа будет лучше всего обеспечена лишь совместно со свободой народа русского»²⁰⁸. Однако во всех этих документах, хотя и с некоторыми оговорками, указывалось, что в делах «общенародных» социал-демократы обязаны всеми силами поддерживать действия Чехословацкого национального совета²⁰⁹. Они высказывались и за вступление социал-демократов в чехословацкий корпус (правда, на сугубо добровольных началах), и за работу «на оборону» в тылу. Непонимание империалистического характера войны, буржуазно-националистической сущности организуемого Чехословацким

²⁰⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 251, л. 4. Имеющийся в нашем распоряжении документальный материал не позволяет пока с необходимой полнотой осветить работу киевских большевиков среди чехословацких военнопленных в данный период. Бесспорно, что работая плечом к плечу с русскими и украинскими рабочими-большевиками на промышленных предприятиях Киева, военнопленные не могли не испытывать все растущего воздействия большевистской партии. Именно через профессиональные союзы (пекарей, типографских рабочих и др.) большевики первоначально оказывали влияние на чехословацких социал-демократов.

²⁰⁶ Объединительный съезд меньшевиков происходил в Петрограде с 19 по 24 августа. На нем объединились «повозкизненцы», группа Мартова, «московские объединенцы», бундовцы и некоторые другие меньшевистские группы и организации. 31 августа, рассмотрев просьбу чехословацких социал-демократов о включении их организации в партию, бюро ЦК ответило, что вначале «решило собрать через Киевский областной комитет РСДРП все сведения о характере деятельности Вашей организации и ее взаимоотношениях с киевскими социал-демократическими организациями» (там же, л. 11).

²⁰⁷ Там же, д. 253, л. 25.

²⁰⁸ «Svoboda», 19.X 1917.

²⁰⁹ Так, в уже упоминавшемся уставе партии говорилось: «Учреждение самостоятельной чешской республики есть жизненный вопрос чешского пролетариата — и на обязанности каждого члена партии есть все начинания или организаций собственных, или Чехословацкого национального совета и его отделения, здесь в России предпринимать, всей своей силой поддерживать и в пользу их работать» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 257, л. 50).

национальным советом антиавстрийского движения, необходимости борьбы за гегемонию пролетариата в демократической революции вело к полному одобрению действий социал-демократии на родине, меньшевистских лидеров в России, отрицанию стратегии и тактики большевистской партии. В одной из статей второго номера «Свободы», вышедшего 26 октября, большевики характеризовались как «фанатики» и указывалось, что их агитация может привести к «новому июльскому восстанию», которое будет подавлено, а Россия окажется «еще более слабой и разобщенной»²¹⁰.

Филиал Чехословацкого национального совета через своих людей внимательно следил за деятельностью киевской социал-демократической организации. Несмотря на признание ею авторитета Масарика и склонность ее руководителей к восприятию некоторых буржуазно-националистических и социал-патриотических лозунгов и взглядов, филиал настораживала организационная самостоятельность и все возрастающий вес социал-демократов в русских общественных кругах и организациях.

Буржуазные авторы констатируют, что с социал-демократической организацией нельзя было не считаться, ибо она «парализовала набор в армию в Киеве и его округе», а также якобы «неверно и недобросовестно информировала советы»²¹¹.

27 августа Маркович в письме в филиал Чехословацкого национального совета указывал, что социал-демократическое движение растет день ото дня²¹². Он же, а вслед за ним И. Давид сообщили, что социал-демократы усиленно готовятся к изданию собственной газеты. Это особенно насторожило буржуазных деятелей, ибо, как писал И. Куделя в письме в президиум филиала Чехословацкого национального совета 23 сентября, военнослужащие не доверяют киевскому «Чехословану» и поэтому газета социал-демократов «будет иметь сильное агитационное обоснование»²¹³. Маркович предлагал сделать все возможное для того, чтобы, если газета выйдет, обеспечить свое влияние на нее, в чем должен помочь своим авторитетом Масарик. Куделя в свою очередь предлагал с помощью социал-демократов А. Скотака и О. Коудельки, которые к этому времени стали сотрудничать с филиалом Чехословацкого национального совета, создать в Киеве по примеру Москвы «единую рабочую организацию», а газету, придав ей «известную социальную окраску», сделать органом этой рабочей организации. Причем, указывал Куделя, «слово „рабочая“ имело бы значение агитационное и пропагандистское»²¹⁴.

19 сентября президиум филиала Чехословацкого национального совета принял решение начать широкую кампанию в печати против создания политических партий, хотя, конечно, эта кампания была направлена прежде всего против социал-демократов, ибо никаких попыток организации каких-либо других партий никем не предпринималось. В соответствии с этим решением 28 сентября семь социал-демократов (Ф. Рихтер, В. Гоуска, И. Киселя и др.) выступили с призывом к социал-демократам не подчиняться решениям Центрального комитета киевских социал-демократов, не нарушать «единства политической деятельности в России», не создавать самостоятельных социал-демократических организаций, а объединиться под руководством Чехословацкого национального совета во главе с Масариком²¹⁵. 3 октября филиал одобрил состав-

²¹⁰ «Svoboda», 26.X 1917.

²¹¹ «Naše revoluce», roč. VIII (1932), sv. 3, str. 265.

²¹² J. K ř í ž e k. Penza..., str. 38.

²¹³ Там же, стр. 39.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ «Čechoslovák», 28.IX (11.X) 1917.

ленное Ф. Рихтером и «отредактированное и дополненное проф. Масариком»²¹⁶ обращение, в котором призывал «всех сознательных сынов чехословацкой нации без различия партийной принадлежности» объединиться под руководством ЧНС.²¹⁷ Одновременно с подобными призывами в печати выступил ряд социал-демократов, национальных социалистов и представителей некоторых комитетов частей чехословацкого корпуса (1-го чехословацкого полка и 1-й дивизии).

Большие надежды возлагали буржуазные деятели на личные переговоры Масарика с руководителями киевской социал-демократической организации. «Свобода» и чехословацкая буржуазная печать по-разному освещали содержание и результаты этих переговоров²¹⁸.

Представители социал-демократической организации, как свидетельствует «Свобода» (среди них были А. Муна, А. Гайс, Я. Сыпек, Л. Шварц и др.), заявили Масарику, что они не выступают против национально-освободительного движения и создания чехословацкой армии, однако указали, что, по их мнению, введение французского дисциплинарного устава отдаст армию в руки офицеров, настроенных явно контрреволюционно. В своем опровержении Масарик писал, что речь во время переговоров шла главным образом вовсе не о введении французского дисциплинарного устава. Он якобы просто предъявил социал-демократам ультиматум, заявив, что сотрудничество с ними станет возможным, если они будут активно участвовать в работе по увеличению армии и выступят в поддержку «займа освобождения»²¹⁹.

Социал-демократы — участники переговоров — утверждали, что их единственным положительным результатом было согласие Масарика на созыв социал-демократической конференции с участием социал-демократов из корпуса²²⁰. Во всяком случае, можно, очевидно, констатировать, что цель, поставленная буржуазными лидерами, достигнута в переговорах не была.

В. Вавра, автор одного из наиболее интересных исследований,шедших в Чехословакии в последние годы, склонен, однако, считать, что переговоры эти в целом оказались успешными для филиала Чехословацкого национального совета, что Масарику удалось склонить социал-демократов к поддержке и набора в армию, и подписки на заем. В. Вавра считает, что влияние этих переговоров сказалось даже на первом номере газеты «Свобода», так как в ней можно найти немало высказываний в поддержку политики филиала Чехословацкого национального совета²²¹. Между тем это недоразумение: переговоры происходили в тот же день (19 октября), когда вышел первый номер «Свободы». Что касается общей линии в поддержку действий филиала Чехословацкого национального совета, то, как мы это старались показать, она была характерна для социал-демократов задолго до переговоров с Масариком.

В целом, несмотря на то, что предметом переговоров, по свидетельству обеих сторон, был в основном вопрос о характере формирующейся армии, следует отметить, что киевские социал-демократы занимали пассивно-выжидательную позицию по отношению к политической работе

²¹⁶ Так значилось в протоколе заседания филиала Чехословацкого национального совета («*Za svobodu*», díl II, str. 526).

²¹⁷ «*Čechoslověk*», 6(19).X 1917.

²¹⁸ «Свобода» опубликовала отчет о переговорах 26 октября, а в ноябре Масарик выступил с опровержением в газете «*Čechoslovenskí voják*».

²¹⁹ «*Naše revoluce*», roč. VIII (1932), sv. 3, str. 256.

²²⁰ «*Casopis Matice Moravské*», Brno, 1956, № 3—4, str. 302; «*Komunistická revue*», 1927, № 12, str. 940.

²²¹ V. Vavra. Указ. соч. str. 55.

в ней. Они ограничивались агитацией извне, которая была малоэффективной, поскольку, в частности, распространение «Свободы» в корпусе было запрещено²²², и воздерживались от непосредственной организационной работы среди добровольцев. Именно поэтому многие рядовые социал-демократы, находившиеся в корпусе, не считали киевскую организацию своей и оказались под влиянием националистических и правосоциалистических элементов. Этой непоследовательностью и пассивностью, возможно, отчасти объясняется и раскол в руководстве социал-демократической организации Киева, выход А. Скотака, О. Коудельки, Я. Сынека и некоторых других, считавших, по-видимому, что социал-демократы должны активно работать в воинских частях, из Центрального комитета и создание ими отдельной «Чехословацкой революционно-демократической рабочей организации», оказавшейся первоначально полностью под влиянием филиала Чехословацкого национального совета²²³. Эта организация, деятельность которой, к сожалению, мало известна, существовала в дальнейшем при комиссии по делам военнопленных филиала Чехословацкого национального совета. Раскол не мог не оказать влияния на дальнейшее развитие событий и, бесспорно, усилил позиции филиала Чехословацкого национального совета в Киеве и в армии. Между тем работа в чехословацких воинских частях приобретала особое значение, ибо реакционное офицерство с согласия филиала Чехословацкого национального совета начинало использовать их против революционного народа и армии на Украине.

После провала летнего наступления на Юго-Западном фронте чехословацкие части были отведены в тыл для формирования и несения гарнизонной службы. 1-я дивизия формировалась в Волинской губернии (Полонное, Березна, Б. Новосилца), а 2-я — на левом берегу Днепра в Полтавской губернии (Борисполь, Пирятин, Березань). К сентябрю, по данным статистического отдела филиала Чехословацкого национального совета, в частях корпуса вместе с вспомогательными и запасными подразделениями числилось около 30 тыс. человек²²⁴. Как сообщал генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта в Ставку, к середине ноября «личный состав обеих дивизий был почти в комплекте», однако материальной частью полностью была обеспечена лишь 1-я дивизия²²⁵.

Сентябрь и октябрь ознаменовались мощным подъемом аграрного движения на Украине. Характерной чертой этого движения, особенно в Волинской, Подольской и Киевской губерниях, где крестьянство более всего страдало от малоземелья, были массовые крестьянские восстания, захват и дележ помещичьих земель, скота, хлеба, инвентаря. Инициаторами нападений на помещичьи имения часто выступали солдаты частей, передвигавшихся с фронта, запасных полков и тыловых гарнизонов. Командование Юго-Западного фронта приняло решение начать спешное формирование карательных отрядов из казаков, ударников, надежных национальных частей, в том числе и чехословацких. Легионерская литература полна указаниями на активное участие чехословацких подразделений в подавлении «аграрных беспорядков», принявших наиболее широкий размах как раз в районе формирования 1-й дивизии. В последних числах августа 2-й полк участвовал в карательной экспедиции против

²²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 251, л. 1.

²²³ «Товарищи, отколовшиеся от направления, которое отстаивала „Свобода“, основали в Киеве рабоче-революционную организацию, целью которой было проникнуть в армию и филиал, чтобы таким образом, как говорится, овладеть ситуацией» («Čechoslováci ve válce a v revoluci», str. 123).

²²⁴ «Za svobodu», díl II, str. 138.

²²⁵ ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 342, л. 127.

крестьян в районе Полонного²²⁶. В конце октября чехословацкий батальон совместно с казаками и другими карательными частями жестоко подавил массовое восстание солдат и крестьян, захвативших имение князя Сангушко в Славуте²²⁷. В дальнейшем почти все чехословацкие части принимали участие в карательных экспедициях, охраняли помещичьи имения, склады, предприятия от восставших крестьян и солдат.

Было бы наивно предполагать, что использование чехословацких частей для подавления народного движения проводилось исключительно по инициативе русского военного командования и чехословацкого офицерства, вопреки воле буржуазного руководства филиала Чехословацкого национального совета. Чехословацкая буржуазная печать и лидеры Чехословацкого национального совета приложили немало усилий, чтобы убедить простых legionеров в необходимости «выступить на стороне порядка», против «анархии», ибо они, как писал современник, хотя и продолжали еще выполнять приказы, но уже заявляли, что «полицейскими не будут»²²⁸. Если еще в мае, выступая в Петрограде, Масарик категорически утверждал, что нельзя допустить, «чтобы нашу армию при случае использовали для наведения какого-то порядка. Пусть это русские делают сами...»²²⁹, то в августе он уже говорит по-другому. В свойственной ему осторожной дипломатической форме Масарик заявил 30 августа на одном из собраний: «В нашей записке²³⁰ есть пожелание, чтобы нашу армию не использовали внутри России, а исключительно против внешнего неприятеля. Мы не должны вмешиваться в русские дела; однако частично мы все же вмешиваться вынуждены. На Волыни есть наши чехи, которые поставлены перед украинским вопросом. За этим исключением мы должны сдержанно и тактично высказываться о русских делах. Мы их не можем одобрять...»²³¹. Речь, конечно, шла не только о высказываниях, но и о действиях. 15 октября филиал Чехословацкого национального совета получил сообщение, что в связи с «беспорядками, вызванными русскими солдатами 25—26 сентября в местечке Полонное», командир 1-й чехословацкой дивизии был назначен начальником гарнизона и ему было вменено в обязанность «подавлять всякие могущие возникнуть в будущем беспорядки силой». В связи с этим руководящий буржуазный политический орган принимает решение послать в Ставку Ю. Клецанду, но вовсе не для того, чтобы решительно протестовать против нарушения соглашения об использовании чехословацких войск, а для того, чтобы договориться о более осторожном их использовании. Филиал Чехословацкого национального совета просил, чтобы «чехословацкие воинские части использовались только для подавления беспорядков, угрожающих безопасности имущества в случаях крайней необходимости и при условии, что под рукой нет русских воинских частей, но чтобы они не использовались для подавления беспорядков, возникающих на политической почве»²³². Такая формулировка понятия «нейтралитет», очевидно, вполне устраивала обе стороны и именно поэтому впоследствии стала фигурировать в официальных договорах. Все действительное лицемерие авторов этого двусмысленного документа видно из одной фразы в дневнике Й. Швеца, одного из непосредственных участников карательных экспедиций на Украине. Упомянув о имевшейся инструкции не вмешиваться во внутренние

²²⁶ Jar. K ř í ž e k. První ozbrojené vystoupení..., str. 305.

²²⁷ П. Г о л у б. Указ. соч., стр. 151—152.

²²⁸ Jar. K ř í ž e k. První ozbrojené vystoupení..., str. 305.

²²⁹ J. K u d e l a. Profesor Masaryk..., str. 61.

²³⁰ Имеется в виду меморандум, переданный в Ставку 24 августа.

²³¹ «Za svobodu», díl II, str. 416

²³² Там же, стр. 554.

русские дела, а лишь охранять имущество от «грабежей», он тут же откровенно признавал, что «зачастую трудно было определить, где кончается внутренний политический спор и начинается анархия, сопряженная с уничтожением государственного имущества»²³³.

Есть все основания предполагать, что столь явная лояльность чехословацких политических лидеров к буржуазной России и надежда в дальнейшем использовать против революционного народа и армии чехословацкие части как «весьма благонадежные» делали и Временное правительство, и военные круги кровно заинтересованными в дальнейшем усиленном наборе в чехословацкий корпус. На наш взгляд, именно в связи с этим следует рассматривать и изменение позиции высших русских военных кругов и Временного правительства по вопросу о целесообразности отправки чехословацких добровольцев во Францию. Как упоминалось выше, ранее они не возражали против переброски 30 000, а возможно, и большего числа военнопленных чехов и словаков на Запад, причем не ставили никаких предварительных условий. Однако уже 22 сентября генерал Калишевский сообщил генералу Нисселю, что штаб верховного главнокомандующего и Министерство иностранных дел хотя и «не встречают препятствий к отправке части чешско-словацких формирований во Францию, но при обязательном условии обязательного согласия всех имеющих быть отправленными, притом в таком количестве, чтобы эта отправка не отразилась неблагоприятно на чешских формированиях на нашем фронте»²³⁴.

Естественно, что филиал Чехословацкого национального совета стремится полностью использовать благоприятную конъюнктуру в России. 3 октября Масарик писал в Ставку, что «несколько тысяч добровольцев придется в общем отправить во Францию (быть может тысяч 6—8), если представится возможность перевозки», так как ранее филиал Чехословацкого национального совета «должен был» это обещать. Однако Масарик тут же указывает, что «отправка эта не должна быть в ущерб нашему войску в России, которое уже по своей численности находится для нас на первом плане...»²³⁵.

* * *

Февральская буржуазно-демократическая революция в России создала благоприятные условия для активизации чехословацкой буржуазной эмиграции. Чехословацкий национальный совет во главе с Масариком при поддержке Временного правительства и западных держав Антанты развернул энергичную деятельность, стремясь объединить под своим руководством, под националистическими лозунгами всех чехословацких военнопленных в России. Ему удалось оттеснить на задний план своих политических противников из числа чехословацких монархистов, преодолеть финансовые и организационные затруднения, использовать обстановку двоевластия, бессознательно-доверчивое отношение значительной части дезориентированных военнопленных к буржуазным и соглашательским партиям и лидерам для создания крупного национального воинского формирования. В виду того что образование независимого чехословацкого государства в представлении многих патриотически настроенных военнопленных связывалось исключительно с военным разгромом центральных

²³³ «Deník plukovníka Švece», str. 190.

²³⁴ Н. Каржанский. Указ. соч., стр. 81—82.

²³⁵ ЦГВИА, ф. 2003, оп. II, д. 342, л. 49. До Октябрьской революции во Францию было отправлено через Архангельск двумя партиями всего около 2000 человек. («Za svobodu», díl II, str. 434, 439).

держав, создавалась благоприятная почва для националистической агитации чехословацких буржуазных организаций.

Однако развитие революции воспрепятствовало установлению безраздельной гегемонии буржуазии в чехословацком освободительном движении в России. Борьба народов России за мир и социальную справедливость все более заметно сказывалась на массе военнопленных, усиливая сначала стихийное недоверие к буржуазным лидерам, а потом и сознательный протест против их политики. Филиалу Чехословацкого национального совета и командованию хотя и удалось затормозить процесс демократизации армии, однако попытка окончательно расправиться с комитетами окончилась неудачей. Не удалось и воспрепятствовать созданию социал-демократических организаций военнопленных, изолировать или противопоставить их российским рабочим и социалистическим организациям. Чтобы удержать за собой массы, буржуазное руководство вынуждено было маскировать свое вмешательство в борьбу политических партий и классов России демагогическими заявлениями о «нейтралитете», раздувать тлеющие угли национальной нетерпимости, упорно пестовать антисоциалистические настроения, не брезгуя ничем, вести антибольшевистскую пропаганду.

Традиции сотрудничества с национальной буржуазией, воспитанные еще в рядах довоенной оппортунистической партии, не позволили чехословацким социал-демократам полностью использовать революционную обстановку в России и сразу же противопоставить буржуазии свою четкую классовую программу действий и свою сплоченную политическую организацию.

Л. Б. Валев

БОЛГАРИЯ И ГИТЛЕРОВСКАЯ АГРЕССИЯ НА БАЛКАНАХ в 1941 году

Когда в полдень 1 марта 1941 г. по болгарскому радио было передано сообщение о том, что правительство официально присоединило страну к Тройственному пакту фашистских держав, гитлеровские войска уже двигались по дорогам Болгарии. Перейдя румыно-болгарскую границу в Добрудже, переправившись по понтонным мостам, заранее наведенным у Сомовита, Никополя, Свиштова, Русе и в других пунктах на берегу Дуная, огромная немецко-фашистская армия (около 680 тыс. человек) хлынула в глубь страны¹. В течение первых дней марта шли мотомеханизированные, бронетанковые и артиллерийские части, за ними последовали пехотные, саперные и другие соединения². Многочисленная авиация, перелетев через границу на большой высоте, словно тучи саранчи, заполонила болгарские аэродромы.

Подготовленная тайком от народа и осуществленная против его воли оккупация болгарской территории частями гитлеровского вермахта, открытое присоединение болгарского правительства к агрессивному фашистскому блоку привели к окончательному превращению страны в сателлита фашистской Германии и к ее фактическому вовлечению в империалистическую войну. Истинные болгарские патриоты именно так расценили этот вероломный акт, это предательство национальных интересов Болгарии. Центральный комитет Рабочей партии выступил 6 марта 1941 г. с декларацией, озаглавленной «Роковой шаг». В ней говорилось: «Мир и нейтралитет Болгарии могли быть сохранены, страна могла остаться вне войны, достаточно было для этого принять советское предложение относительно заключения пакта о взаимопомощи. Болгарский народ единодушно указывал на этот выход.

Правительство отвергло предложение нейтрального и невоюющего Советского Союза под предлогом, что этим путем Болгария якобы могла бы быть втянута в военные осложнения и лишиться своей национальной независимости. Вместо этого и вопреки недвусмысленной воле подавляю-

¹ Характерно, что когда 20 февраля, еще до официального присоединения болгарского правительства к пакту, германский посланник в Софии Рихтхофен, излагая премьер-министру Филову календарный план вступления в страну гитлеровской армии, упомянул, что наведение мостов (Brückenschlag) должно начаться 28 февраля, Филов заметил, что мосты уже готовы. Рихтхофен объяснил это тем, что соответствующие части якобы «перестарались» (см. дневник Филова за 20 февраля 1941 г. — Центральный Държавен Исторически Архив, далее — ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 109, л. 123).

² Окръжен държавен архив (далее — ОДА) — Плевен, ф. 62, оп. 1, д. 11, л. 1.

щего большинства болгарского народа, оно предпочло связать судьбу Болгарии с воюющей Германией и допустить фактическую оккупацию Болгарии немецкими войсками. Тем самым правительство вскрыло все лицемерие и фальшь своей политики. Оно показало, что руководствуется не интересами и волей болгарского народа, а интересами горстки спекулянтов и авантюристов, готовых жертвовать страной ради интересов иностранных империалистов... Вместе с подавляющим большинством болгарского народа,— заявлял далее Центральный комитет,— Рабочая партия решительно осуждает авантюристическую политику правительства царя Бориса и проф. Филова, которая приведет к неисчислимым бедствиям и страданиям народа и к новой национальной катастрофе»³.

В том же номере нелегальной газеты «Работническо дело», где была напечатана декларация ЦК БРП, был помещен и текст ноты Наркоминдела СССР от 3 марта, в которой разоблачалась позиция болгарского правительства в связи с вводом в страну немецких войск и фактическим втягиванием Болгарии в войну.

Вступление гитлеровских войск на территорию Болгарии было встречено трудящимися массами страны с нескрываемой враждебностью и возмущением. Это были вынуждены признать в своих донесениях с мест даже фашистские полицейские власти. Так, по свидетельству полицейских агентов, при прохождении германских частей через село Добролево (Оряховская околия) крестьяне встречали их поднятыми в знак антифашистского приветствия кулаками. Когда немецкие солдаты зашли в дом жительницы этого села Гены Моновой и попросили напиться, она отказалась дать им воды и демонстративно разбила стомну (глиняный кувшин для воды). Агроном села Гложене той же околии Трифон Николов отказался дать немцам сена, заявив при этом, что скорее бы дал им яда, а житель этого же села Неделчо Лазаров во время раздачи хлеба немецким солдатам сказал: «В Болгарии много бедняков и надо раздавать хлеб им, а не тем, кто пришел поработать и эксплуатировать нас»⁴. 18 марта группа учеников гимназии города Ловеча, проживавших в селе Брястово, двинулась по шоссе по направлению к городу и уничтожила все дорожные указатели на немецком языке. Вечером в Ловече они забросали камнями фашистских солдат, ранив одного из них, а также прокололи шины нескольких немецких мотоциклов и автомашин. Шестеро учеников были арестованы болгарской полицией⁵. О проявлениях недовольства гитлеровской оккупацией со стороны жителей села Мырчево Фердинандской околии свидетельствует составленный по распоряжению врачебного областного инспектора школ протокол расследования по поводу «неприличного и враждебного отношения к немецким солдатам» со стороны учителя этого села Василя Синегирского⁶. Комсомольцы города Варны исписали стены школы имени царя Симеона, где расположились немецкие военные, антифашистскими лозунгами на немецком языке, среди которых был и такой: «Hinaus, deutsche Schweine! (Вон, немецкие свиньи!)». Подобные лозунги появились и на стенах других зданий, в которых были расквартированы гитлеровские части⁷.

Разведывательная секция полицейского подразделения № 600 (полицейское управление Плевенской области) в своем донесении от 18 марта

³ См. «Работническо дело», № 5, март 1941 г., а также «Нелегални позиви на БКП», София, 1954, стр. 309—310.

⁴ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, д. 780, л. 123.

⁵ Там же, л. 124, а также ОДА — Плевен, ф. 62, оп. 1, д. 11, лл. 2—3; д. 29, л. 19.

⁶ ОДА — Враца, ф. 1, оп. 2, д. 1, д. 1.

⁷ «Ние бяхме партизани. Сборник от материали и спомени от съпротивата. Съставил и обща редакция А. Стойков», София, 1949, стр. 135.

1941 г., где описывалось продвижение германских войск по маршрутам Плевен — Луковит — Ботевград — перевал Арабаконак, Плевен — Ловеч — Севлиево — Габрово — перевал св. Николы, Тырново — Севлиево — Габрово — перевал св. Николы и другим, приходила к такому заключению: «Еще за несколько дней до того, как началось прохождение этой огромной армии, население в связи с распространявшимися слухами, частичной мобилизацией и пр., поддавалось известному упышню, которое проявлялось и выражалось при любом разговоре в кафе, пивных и пр.... Народ в своем большинстве считает, что Болгария не должна активно вмешиваться в конфликт... Ввиду этого части немецких войск, проходившие через область в первый день, были встречены с беспокойством и удивлением...». Далее в донесении сообщалось о недовольстве населения в связи с допускавшимся с самого начала немецкими оккупантами произволом — самовольным занятием домов жителей под ночлег, спекуляцией разными мелочами, разгульной жизнью («Те части, которые задерживаются на более длительный срок, располагают большим количеством денег⁸, переполняют рестораны и питейные заведения, заводят связи с женщинами легкого поведения, имеется опасность венерических заболеваний...»). В связи с проявлением недовольства (в полицейском донесении оно именуется «антигосударственной деятельностью») к тому времени уже подверглись административной высылке 46 местных жителей и был поднят вопрос о дополнительной высылке других⁹.

Монархо-фашистское правительство приняло чрезвычайные меры, чтобы пресечь враждебные проявления по отношению к гитлеровским оккупантам со стороны болгарского народа. С 14 марта специальным решением правительства Филова на всей территории страны были запрещены любого рода собрания, очередные и внеочередные съезды общественных организаций и союзов, за исключением акционерных обществ¹⁰. С особым ожесточением власти обрушились на болгаро-советские общества, стремясь полностью парализовать их деятельность. С каждым днем аресты и интернирование болгарских патриотов принимали все более широкие размеры. 28 марта были арестованы 14 функционеров Рабочей партии, в том числе Владо Тричков, Върбан Ангелов, Васил Мавриков и др. Они были заключены в концентрационный лагерь «Гонда вода» (район Асеновграда)¹¹. В один этот лагерь за несколько дней было согнано 250 человек. За два месяца число заключенных в лагере возросло до 500, а к концу мая их было там свыше 600 человек¹². В связи с массо-

⁸ Весьма характерна в этом отношении следующая запись в дневнике премьер-министра Филова о его беседе с фельдмаршалом Кейтелем 1 марта 1941 г.: «Он (Кейтель. — Л. В.) подтвердил, что они делают все возможное, чтобы сохранить хорошие отношения между своими войсками и болгарским населением. С этой целью они уменьшили зарплату немецких солдат с 1000 до 300 левов в месяц, хотя солдаты высказывали свое явное недовольство этим. Я заметил, что у нас все значительно дешевле (чем в Германии. — Л. В.), и что за 300 левов можно купить довольно много вещей. Он просил, чтобы мы, во всяком случае, не слишком строго придерживались этого распоряжения и, если какой-нибудь солдат и сделает кое-какие долги, чтобы мы допускали их погашение» (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 158).

⁹ ОДА — Плевен, ф. 62, оп. 1, д. 11, лл. 1—2.

¹⁰ ЦДИА, ф. 284, оп. 1, д. 7608, л. 15. (Постановление VII, протокол № 48 заседания Совета министров от 14 марта 1941 г.). В тот же день, согласно постановлению XIII, протокол № 49, было принято очередное решение о заключении в концлагерь четырех человек «неблагонадежных» (ЦДИА, ф. 284, оп. 1, д. 7612, л. 5; см. также ф. 370, оп. 1, д. 908, л. 37).

¹¹ В. Мавриков. Из моя живот. Спомени. София, 1955, стр. 66.

¹² М. По з о л о т и н. Борьба болгарского народа за свободу и независимость в период второй мировой войны. М., 1954, стр. 24.

выми арестами и незаконным заключением в концентрационные лагеря видных писателей, журналистов, адвокатов, врачей, рабочих и крестьян, 11 апреля депутаты Народного собрания Тодор Поляков, Петко Стайнов и Ангел Держанский обратились с запросом к министру внутренних дел, требуя положить конец этому беззаконию и отменить приказы об интернировании¹³. Их обращение осталось гласом вопиющего в пустыне.

Возмущение предательским актом монархо-фашистского правительства и гитлеровской оккупацией охватило значительную часть болгарской общественности, в том числе и часть депутатов Народного собрания. Уже 2 марта 18 оппозиционных депутатов¹⁴ внесли в парламент письменный запрос председателю Народного собрания и премьер-министру «по поводу присоединения Болгарии к Тройственному пакту, прохождения иностранных войск через нашу территорию, необходимости сохранения страны вне сферы войны, проведения политики мира и нейтралитета и обеспечения независимости страны». В интерпелляции отмечалось, что вопреки неоднократным предостережениям правительство сделало роковой шаг и поставило болгарский народ перед свершившимся фактом. «Мы, нижеподписавшиеся народные представители, — говорилось в этом документе, — считаем, что тем самым делается опасный исторический шаг. Прокламмированная правительством политика мира и нейтралитета нарушена, ибо Болгария формально привязывается к одной из воюющих сторон. Мы считаем, что вступление Болгарии в Тройственный пакт чревато многими неожиданностями, неизвестностями и грозит втягиванием болгарского народа в войну».

Указав далее на пагубность внушаемого болгарскому народу заблуждения, будто можно сохранить мир и нейтралитет Болгарии в этих условиях, авторы интерпелляции требовали ответа на следующие вопросы:

«1. Какие высшие интересы продиктовали присоединение Болгарии к Тройственному пакту и не видите ли Вы, какой опасности страна подвергается в связи с этим?

2. Каким путем Вы надеетесь сохранить мир и нейтралитет, которых столь горячо желает весь болгарский народ?

3. В связи с Вашей декларацией мы хотим знать, какие меры будут приняты для сохранения мира с соседними странами и наших добрых отношений с нейтральными великими державами»¹⁵.

На заседании Народного собрания, созванном во второй половине дня 2 марта, чтобы задним числом одобрить незаконный акт гитлеровской оккупации, не только не был зачитан этот запрос, но, вопреки энергичным протестам депутатов оппозиции, не был прочитан даже его полный заголовок и не были названы имена подписавших его депутатов (председатель ограничился лишь сообщением, что «поступил запрос депутата Мушанова и других относительно Тройственного пакта и нашего положения»). На заседании же 12 марта, по предложению премьер-министра Филова, фашистское большинство Народного собрания приняло решение отложить рассмотрение интерпелляции «на неопределенное время», т. е. вообще похоронить ее. Депутатам оппозиции не дали говорить¹⁶.

¹³ ЦДИА, ф. 173, оп. 6, д. 1650, л. 177.

¹⁴ Среди них были коммунисты Тодор Поляков, Любен Дюкмеджиев, Коста Божилов, Васил Георгиев, Аврам Гачев, Атанас Кыдрев, Белю Алексиев, Димитр Захариев, а также такие депутаты оппозиции, как Никола Сакаров, от народных союзов — Ангел Держанский и др.

¹⁵ ЦДИА, ф. 173, оп. 6, д. 1650, л. 23.

¹⁶ «Стенографски дневници на XXV Обикновено народно събрание, II редовна сесия», кн. IV, София, 1941, стр. 1603—1604, 1672. Фашистские правители делали все для того, чтобы скрыть от болгарского народа не только текст интерпелляции,

Заседание Народного собрания 2 марта, посвященное такому вопросу первостепенной важности, как присоединение Болгарии к фашистской оси и оккупация болгарской территории гитлеровскими войсками, продолжалось всего 20 минут. Без всяких прений на нем было заслушано лишь сообщение Филова, заявившего, что присутствие германских войск на болгарской территории «не вносит изменений в миролюбивую политику Болгарии, которая остается верной принятым договорным обязательствам о воздержании от какой бы то ни было агрессии и от всего, что могло бы угрожать интересам кого бы то ни было»¹⁷. Председатель Народного собрания Логофетов в своей вступительной речи был более откровенен. Он недвусмысленно заявил: «Все это мы делаем для того, чтобы, во-первых, сохранить, *насколько это возможно* (подчеркнуто нами. — Л. В.), мир на Балканах, и, во-вторых, чтобы принять активное и деятельное участие в политической реорганизации Европы, когда, мы в этом не сомневаемся, восторжествует правда и справедливость для народов, лишенных прав, к которым принадлежит и болгарский народ»¹⁸.

Лицемерный тезис о миролюбии болгарского правительства, а также об его стремлении сохранить «традиционную и искреннюю дружбу с великим русским народом», который оба оратора пытались изобразить «другом держав оси», был призван прикрыть истинные цели правящих монархо-фашистских кругов и их гитлеровских хозяев. Этот тезис всячески раздувался также правительственной печатью и радио. Однако наряду с этим с каждым днем все настойчивее стали пропагандироваться реваншистские лозунги болгарских шовинистов и восхваляться «братство по оружию» с немецкими империалистами. «Немцам от нас ничего не надо. Они наши бескорыстные друзья. С их помощью мы осуществим наши национальные идеалы и создадим великую Болгарию», — таков был лейт-мотив правительственной пропаганды.

По указанию сверху органы фашистской власти на местах и фашиствующие шовинистические организации развернули среди населения кампанию сбора подарков немецким солдатам и офицерам, оккупировавшим страну.

Под шум славословий в адрес «германских союзников» производилась мобилизация и сосредоточение болгарской армии, которая должна была играть роль заслона на болгаро-турецкой границе и прикрыть предстоявшие действия немецко-фашистских войск против Югославии и Греции.

Правительство Филова из всех сил стремилось демонстрировать свою преданность фашистской Германии. Угодничая перед Гитлером, оно 4 марта порвало дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Польши, Бельгии и Голландии, оккупированных немецкими войсками¹⁹. 5—6 марта правительства Англии, ее доминионов и Египта порвали отно-

но и сам факт ее внесения в Народное собрание. Однако болгарские коммунисты довели ее до сведения народных масс. Так, 18 марта 1941 г. интерpellация 18 оппозиционных депутатов, как и упоминавшаяся выше декларация ЦК Рабочей партии, была распространена в виде листовок в городе Варне (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, д. 780, л. 124).

¹⁷ «Стенографски дневници на XXV Обикновено народно събрание, II редовна сесия», кн. IV, стр. 1604.

¹⁸ Там же, стр. 1603.

¹⁹ Как отмечает Филов в своем политическом дневнике, 3 марта 1941 г. германский посланник Рихтхофен потребовал от него, чтобы польский, бельгийский, и голландский дипломатические представители (Тарновский, Мот и Брау) незамедлительно покинули Софию. Уже на следующий день, под предлогом «изменившегося положения», болгарское правительство предложило указанным представителям покинуть страну (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 176).

шения с Болгарией²⁰. 4 марта президент США Рузвельт подписал приказ о блокировании болгарских авуаров в США²¹. Однако о действительном отношении правящих кругов тогда еще не воевавших США к прогитлеровской политике болгарского правительства свидетельствуют другие факты. В докладной записке политического директора Министерства иностранных дел Болгарии Ивана Алтынова о его трехчасовой беседе с американским посланником в Софии Эрлом, состоявшейся по инициативе последнего 28 мая 1941 г., указывается, например, что Эрл считал главной опасностью для Болгарии «большевизм и устремления России», в то время как оккупация страны Германией или установление в Болгарии национал-социалистического режима были, по его мнению, «несравненно меньшей бедой». «Поэтому, добавил Эрл, для меня вполне понятно, почему Болгария избрала путь, по которому она пошла, и почему предоставила себя в распоряжении Германии. И, как бы отвечая на поставленный им же самым вопрос, американский посланник сказал в заключение, что для Болгарии не существовало выбора между двумя указанными опасностями и что она должна была поступить так, как поступила»²².

Безудержная националистическая пропаганда в сочетании с репрессивными мерами властей в отношении недовольных правительственным курсом и при наличии в стране огромной армии гитлеровцев привела к тому, что постепенно шовинистический угар охватил довольно значительные слои населения. Несомненно, наиболее активными проводниками авантюристической великоболгарской политики являлись буржуазно-монархистские круги, надеявшиеся с помощью Гитлера без особых затруднений заполучить Вардарскую и Эгейскую Македонию, а также некоторые другие области Балканского полуострова, приумножить свои богатства за счет эксплуатации этих «новых земель». Наряду с буржуазией, однако, в вихрь националистической и шовинистической свистопляски мало-помалу втягивалась и довольно значительная часть так называемых средних слоев — мелкой буржуазии, офицерства, буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Великоболгарский шовинизм, посетителями которого являлись правящие круги, не раз приводил страну к тяжелейшим бедствиям. «Одной из важнейших причин всех национальных несчастий и катастроф, постигших наш народ в последние десятилетия,— писал Георгий Димитров,— являются *великоболгарский шовинизм*, великоболгарская идеология и политика завоевания гегемонии на Балканах и господства над соседними народами. На этой почве у нас годами бесчинствовал фашизм. На этой почве германская агентура при царе Фердинанде и царе Борнсе предала Болгарию немцам и превратила ее в орудие германского империализма против наших освободителей и наших соседей, западных и южных. Во имя „Великой Болгарии“ великоболгарские шовинисты — предатели нации и немецкие агенты — в третий раз привели нашу родину на грань катастрофы и чуть не погубили ее»²³.

Играя на трудностях, созданных империалистической версальской системой для побежденной Болгарии, опираясь на шовинистские и черносотенные организации в самой стране, гитлеровцы все более разжигали

²⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 6, д. 426, лл. 1—2, 21; оп. 1п, д. 8, лл. 169—170. Одновременно английское Министерство экономической войны заявило, что Болгария рассматривается правительством Великобритании как территория, оккупированная противником. В связи с этим, начиная с 5 марта осуществлявшаяся Англией блокада была распространена и на Болгарию. Все товары, принадлежавшие Болгарии или происходящие из Болгарии, подлежали конфискации («Правда», 7.III 1941).

²¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 1п, д. 8, л. 166.

²² Там же, д. 233, лл. 19—20.

²³ Г. Димитров. Сочинения, т. 11. София, 1954, стр. 154—155.

реваншистские настроения болгарской буржуазии против ее соседей — Югославии и Греции, соблазняя ее планами воссоздания «Великой Болгарии» времен царя Симеона. Вскоре после разгрома Франции в 1940 г. в Нейи был приглашен бывший главнокомандующий болгарской армией во время первой мировой войны генерал Жеков для вручения ему оригинала Нейского мирного договора, заключенного между Антантой и побежденной Болгарией в 1919 г. Оригинал договора был демонстративно предан уничтожению. При этом всячески превозносились «старые узы товарищества по оружию», будто бы связывавшие Болгарию с Германией со времен первой мировой войны. 18 декабря 1940 г. Геринг заявил болгарскому посланнику в Берлине Драганову, что, «испытывая симпатии к болгарскому народу и дружеские чувства к царю Борису», он «беспокоится», как бы болгары не упустили момент, если будут слишком медлить: решение тем или иным путем греко-итальянского конфликта без их участия может лишить их возможности получить Дедеагач (Александруполис) и Каваллу, не говоря уже о Салониках (мысль о приобретении которых Геринг подавал и югославам)²⁴. Еще до этого, 12 декабря 1940 г., служащий германского Министерства иностранных дел Мейснер заявил Драганову, что переговоры с Югославией продвинулись довольно далеко и что он опасается, «как бы присоединение югославов к Тройственному пакту раньше болгар не оттеснило интересы Болгарии на второй план»²⁵. Два месяца спустя, 21 февраля 1941 г., германский посланник в Софии Рихтхофен заявил главному секретарю болгарского Министерства иностранных дел Шишманову: «Предстоящая акция (т. е. нападение Германии на Грецию. — Л. В.) создаст для Болгарии редкий шанс возратить себе Фракию. Ради этого шанса стоит пойти на риск пропуска немецких войск через вашу страну»²⁶. 1 марта 1941 г., при подписании протокола о присоединении Болгарии к фашистской «оси», Риббентрон и Чиано в качестве приманки вручили Филову строго секретные письма, в которых давалось обещание при «урегулировании балканских границ» предоставить Болгарии выход к Эгейскому морю «приблизительно от устья Струмы до устья Марицы». Вместе с тем правители фашистской Германии уже тогда манили болгарское правительство перспективой присоединения к Болгарии части югославской территории. Филлов отмечал в своем политическом дневнике, что когда во время его разговоров с Гитлером был затронут вопрос о «двойственном поведении Югославии», последний «встреппенулся, словно принимал решение... Он подозревал венгерского посланника Стоян и Риббентрона, которые находились недалеко, и заявил, что югославы, несмотря ни на какие действия, никогда не могут быть нашими друзьями. При урегулировании балканских вопросов ревизия должна затронуть и их. Они должны сделать уступки как Болгарии, так и Венгрии»²⁷.

Как мы увидим дальше, эта политика шантажа и разжигания реваншистских аппетитов болгарской буржуазии продолжалась и после присоединения правительства Филова к Тройственному пакту. Она играла роль цепи, крепко привязывавшей болгарскую правящую клику к гитлеровской колеснице и заставлявшей ее послушно выполнять приказания берлинских хозяев.

Гитлеровская Германия, намечавшая первоначально нападение на Советский Союз на 15 мая 1941 г., стремилась предварительно в спешном порядке завершить захват Балканского полуострова, который она рас-

²⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1п, д. 8, л. 113.

²⁵ Там же, л. 107.

²⁶ Там же, л. 149.

²⁷ Там же, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 160.

смаatrивала не только как важный источник материальных и людских ресурсов, но и как важный военно-стратегический плацдарм на своем правом фланге. Между тем события в этом районе осложнялись.

«Самостоятельная» война Муссолини на Балканах, начатая 28 октября 1940 г. вторжением итальянских войск в Грецию, явно не имела успеха. Три недели спустя после ее начала греки перешли в контрнаступление. По истечении пяти недель итальянцы были вынуждены отступить в Албанию, где греческие войска заняли ряд городов. К началу 1941 г. фашистская Италия глубоко увязла в греческой авантюре, предпринятой без ведома Гитлера, и вскоре ее дивизии в Албании оказались под угрозой полного разгрома. В крайне тяжелое положение попали и итальянские войска в Северной Африке: уже в январе 1941 г. под натиском союзников они оставили Киренаику. Сильные удары были нанесены по итальянскому военно-морскому флоту. В этих условиях незадачливый итальянский диктатор оказался вынужденным обратиться с просьбой о помощи к своему германскому союзнику. Вопрос об оказании Германией помощи Италии в Греции и Албании обсуждался во время встречи Гитлера и Муссолини 19—20 января 1941 г., причем ради спасения итальянской армии последний согласился на передачу командования германским офицерам.

Немецкий план вторжения в Грецию, зашифрованный как операция «Марита» (директива № 20), был утвержден командованием вермахта еще 13 декабря 1940 г. Однако незавершенность намеченных приготовлений, а также желание Гитлера наказать Италию за проявленную строптивость и дожидаться, пока она сама запросит помощи, чтобы навязать ей кабальные условия, явились причиной задержки его осуществления.

Подчинение Югославии путем подрывной деятельности гитлеровской агентуры изнутри и дипломатического давления извне тоже оказалось нелегким делом. После настойчивых и длительных усилий 25 марта 1941 г. югославский премьер-министр Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович подписали в Вене протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту фашистских держав. При этом немецкие фашисты лицемерно заверили своих югославских партнеров, что полны решимости «уважать» суверенитет и территориальную неприкосновенность Югославии. Югославский народ воспринял этот акт как национальную измену. В стране вспыхнуло мощное антифашистское движение, грозившее перерасти в народное восстание. В этой обстановке буржуазные круги, связанные с англо-французским капиталом, совершили государственный переворот. В ночь на 27 марта правительство Цветковича, подписавшее протокол, было свергнуто, а регентский совет распущен. Королем Югославии был провозглашен еще несовершеннолетний Петр II. Новое правительство во главе с главнокомандующим военно-воздушными силами генералом Душаном Симовичем, учитывая требования масс, не ратифицировало протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. 5 апреля под давлением народных масс оно подписало договор о дружбе и ненападении с Советским Союзом, стремившимся помешать расширению войны на Балканах.

В ряде заявлений правительство Симовича подчеркнуло стремление Югославии поддерживать и развивать мирные отношения со всеми странами и прежде всего с соседними государствами. В этих декларациях говорилось также о непреклонной воле югославского народа сохранить и защищать независимость и самостоятельность своей страны.

Позиция, занятая правительством Симовича во внешнеполитических вопросах, была расценена печатью стран — участниц Тройственного пакта как стремление Югославии отойти от линии этого пакта. В немецких газетах были опубликованы многочисленные сообщения о преследованиях,

которым будто бы подвергалось в Югославии немецкое меньшинство, и о демарше, предпринятом в связи с этим германским посланником в Белграде.

Вечером 27 марта, в тот самый день, когда произошел переворот в Белграде, Гитлер созвал совещание, на котором присутствовали Геринг, Риббентроп, Кейтель, Йодль. В протоколах этого совещания, между прочим, говорится: «... Фюрер описал положение Югославии после государственного переворота и заявил, что Югославия была неопределенным фактором в отношении предполагаемой операции „Марита“, а еще более в отношении плана „Барбаросса“. Сербь и славяне (так в тексте. — Л. В.) никогда не были прогермански настроены...

Настоящий момент по политическим и военным причинам является благоприятным для того, чтобы установить истинное положение вещей в этой стране и ее позицию в отношении нас, так как, если бы правительственный переворот произошел во время мероприятий „Барбаросса“, то последствия для нас, по-видимому, были бы значительно серьезнее»²⁸.

В связи с этим Гитлер распорядился отсрочить нападение на СССР с тем, чтобы закончить операции по «обеспечению правого фланга», который должен был образоваться с началом военных действий против Советского Союза²⁹.

На упомянутом совещании Гитлер объявил, что им принято решение, не ожидая возможных заверений правительства Симовича в лояльности, провести все приготовления к уничтожению Югославии как военной и политической силы. В тот же день фашистский диктатор подписал директиву № 25 о нападении на Югославию. В ней, в частности, говорилось:

«Мое намерение заключается в том, чтобы концентрированными ударами вторгнуться в Югославию из района Фиуме — Грац и Софии с общим направлением на Белград и южнее, как с целью нанесения решающего поражения югославским войскам, так и с тем, чтобы отрезать южную часть Югославии от всей страны и превратить ее в плацдарм для продолжения германо-италийских операций против Греции. Обещая возвратить Македонию и Банат, нужно привлечь к операциям Болгарию и Венгрию»³⁰. Далее Гитлер приказывал, как только будет закончено сосредоточение достаточных сил и позволят метеорологические условия, уничтожить все важные наземные сооружения Югославии и Белград путем непрерывных круглосуточных воздушных налетов. Директива предусматривала

²⁸ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах под общей редакцией Р. А. Руденко», т. II. Преступления против мира. М., 1958, стр. 377.

²⁹ В подписанном начальником штаба Верховного командования германских вооруженных сил Кейтелем совершенно секретном документе за № 44428/41 говорилось: «1. Время начала операции „Барбаросса“ вследствие проведения операций на Балканах переносится по меньшей мере на четыре недели. 2. Несмотря на перенос срока, приготовления и впредь должны маскироваться всеми возможными средствами и преподноситься войскам под видом мер для прикрытия тыла со стороны России» (см. «Военно-исторический журнал», 1959, № 4, стр. 92). «Наша подготовка к проведению операции „Барбаросса“ — писал впоследствии бывший начальник штаба 4-й армии гитлеровского вермахта генерал Гюнтер Блюментрит, — была частично прервана весной в связи с так называемым балканским инцидентом... Балканская кампания задержала начало войны с Россией на пять—пять с половиной недель». Э. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, К. Цейтцлер и др. Рокковые решения. М., 1958, стр. 69—70.

³⁰ «Нюрнбергский процесс...», т. I, М., 1957, стр. 470. Как сообщает Филлов, разъяренный поведением сербов Гитлер в тот же день пригласил к себе болгарского посланника Драганова и заявил ему в присутствии Риббентропа, что теперь македонский вопрос может быть разрешен в пользу болгар. Драганов немедленно телеграфировал об этом парю Борису (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 220).

также, что одновременно должна быть начата операция «Марита» против Греции³¹.

Сосредоточенная в Болгарии армейская группировка № 12 под командованием фельдмаршала Листа, которой предстояло вести наступление на Грецию, а также нанести удары на Скопле и Белград, к тому времени была уже почти готова к участию в осуществлении этих планов. Она насчитывала шесть корпусов, в состав которых входили три танковые дивизии, две моторизованные дивизии, восемь пехотных дивизий, три горные дивизии, полк «Великая Германия» и дивизия СС «Адольф Гитлер»³².

Сам фельдмаршал Лист прибыл в Софию еще 6 марта. Через двадцать дней (26 марта) туда же переехал со своим штабом командующий 4-й воздушной армией немецких военно-воздушных сил генерал Леер. Вновь назначенный командующий болгарскими войсками на участке «прикрывающего фронта» (между рекой Тунджей и Черным морем) и обороной южного отрезка черноморского побережья Болгарии (от мыса Эмине до турецкой границы) генерал Лукаш 30 марта отмечал в своем дневнике, что по движению немецких моторизованных частей в районе Ям-бола у него создается впечатление, что они уже перемещаются на запад, к югославской границе^{32а}. В конце марта гитлеровцы официально известили болгарское правительство о предстоявшем начале военных действий.

1 апреля Гитлер направил болгарскому Военному министерству телеграмму, в которой говорилось, что он «дает согласие» всеми средствами ускорить приведение болгарских дивизий в мобилизационную готовность³³. Софийская правящая клика уже собиралась непосредственно и открыто бросить в эти военные операции болгарскую армию, однако вскоре выяснилось, что в этот момент гитлеровцы были более заинтересованы в том, чтобы болгарская армия охраняла их тыл на границе с Турцией, со стороны которой не были исключены неожиданности. «Фон Папен теперь решительно сообщил в Берлин, что мы не должны дразнить в настоящий момент турок своим участием в войне против Югославии. Рихтхофен и Брукман (германский военный атташе в Софии.— Л. В.) придерживаются того же мнения», — отмечал 4 апреля Филлов³⁴.

Болгарское правительство и само было информировано своими дипломатическими агентами, а также разведкой, о военных приготовлениях со стороны турок на их границе с Болгарией. Так, в донесении болгарского консула в Адрианополе Т. Попова от 29 марта сообщалось о расширении сети турецких минных полей в Восточной Фракии, о перемещении войск, эвакуации части гражданского населения из Адрианополя, усилении противовоздушной обороны города и т. п. Несколько позже были получены новые сведения о военных приготовлениях Турции и о враждебном тоне турецкой печати. Все это на некоторое время вызвало у военного министра Даскалова и министра иностранных дел Попова колебания относительно целесообразности форсирования вмешательства Болгарии. 2 апреля болгарское правительство принимает решение сосредоточить всю болгарскую армию на турецкой границе. «Наше вмешатель-

³¹ «Нюрнбергский процесс...», т. II, стр. 378.

³² К. Т и п е л ь с к и р х. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 140. С севера готовилась к наступлению на Югославию 2-я армия фон Вейхса, имевшая в своем составе один танковый и три армейских корпуса (там же).

^{32а} Дневник на ген. Лукаш.—Военно-исторически архив (ВИА), ф. 787, оп. 1, д. 1, л. 20.

³³ В телеграмме говорилось: «Der Führer hat zugestimmt, dass die Mobilmachung der bulgarischen Divisionen mit allen Mitteln zu beschleunigen ist». Привыкшие уже получать приказы из Берлина чиновники Военного министерства, как сообщает Филлов, перевели «hat zugestimmt» вместо выражения «дает согласие» словами «настаивает» или «требует» (ЩДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, лл. 225—226).

³⁴ Там же, д. 5, л. 3.

ство в войну против Югославии, — записывает в этот день Филлов, — приходится отложить, ибо этим мы спровоцировали бы Турцию, у которой имеются союзнические обязательства перед Югославией и Грецией, направленные против нас»³⁵.

Немецкие фашисты начали свою балканскую кампанию ранним утром 6 апреля. 1-я танковая группа под командованием генерал-полковника фон Клейста из района северо-западнее Софии двинулась к долине реки Морава. 9 апреля она взяла город Ниш и развернула наступление на Белград. В Македонии дивизии 12-й армии за 6—8 апреля заняли города Скопье, Тетово и Прилеп. К 11 апреля они овладели уже всей Македонией и установили связь с итальянцами у Охридского озера, окончательно перерезав разбитым югославским войскам пути отхода в Грецию³⁶. Почти не встречая сопротивления, быстро продвигалась с севера армия фон Вейхса, к которой 11 апреля присоединились войска хорватской Венгрии³⁷.

Под ударами вражеского нашествия извне и «пятой колонны» в самой стране югославская государственная система начала распадаться. Еще за два дня до начала военных действий главарь хорватских усташей и агент немецко-итальянских фашистов Анте Павелич выступил по радио с призывом создать «независимое хорватское государство»³⁸. Как только фашистские войска заняли Загреб (10 апреля), Павелич провозгласил его столицей этого «государства».

Несмотря на героическое сопротивление солдат, плохо вооруженная, разорванная на части и бездарно руководимая югославская армия, среди командного состава которой ширилось предательство, была вынуждена капитулировать перед более сильным противником. 17 апреля в разрушенном варварскими бомбардировками немецкой авиации и оккупированном Белграде было подписано соглашение о перемирии, которое предусматривало с 18 апреля безоговорочную капитуляцию всех югославских вооруженных сил.

После упорных кровопролитных боев были разбиты и греческие войска, на которые наряду с двумя итальянскими армиями обрушились немецкие бронированные корпуса.

21 апреля капитулировала вся греческая армия в Эпире. Сражавшиеся на ее стороне английские экспедиционные силы под командованием генерала Вильсона были вынуждены отступить в Атику. Основная задача английского командования теперь заключалась в том, чтобы, сдерживая наступление германских и итальянских войск, обеспечить эвакуацию главным силам экспедиционного корпуса. Греческий народ был брошен на произвол судьбы.

Как уже отмечалось, правители фашистской Германии рассматривали операции на Балканах как часть своей оперативной программы нападения на СССР. Как только определился исход балканской кампании, гитлеровское командование стало заботиться о том, чтобы дивизии вермахта, использованные на Балканах, вернулись на исходные позиции для «восточного похода». Для поддержания оккупационного режима в Югославии и Греции планировалось использовать лишь небольшие немецкие гарнизоны. Основная же тяжесть оккупации должна была лечь на плечи сателлитов

³⁵ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 4, л. 228.

³⁶ «Ferdo Culinović Jugoslavija između dva rata», kn. II, Zagreb, 1961, str. 235—237.

³⁷ Перейдя в ночь на 11 апреля 1941 г. югославскую границу, венгерские войска захватили район Бачки, треугольник области Баранья и междуречье в районе реки Муры.

³⁸ «Заря», 5.IV 1941.

гитлеровской Германии. Важную роль в этом должна была играть монархо-фашистская Болгария.

Уже 8 апреля 1941 г., когда военные действия были еще в полном разгаре, болгарский посланник в Берлине Драганов отправил своему министерству срочную телефонограмму следующего содержания: «Вчера вечером Риббентроп по приказанию Гитлера просил меня вылететь сегодня специальным самолетом в Софию... Он поручил мне передать желание фюрера и германского правительства относительно того, чтобы мы вступили тремя дивизиями в сербскую Македонию в качестве оккупационных войск и взяли на себя управление, освободив от этой заботы германские войска, которые должны быть использованы для боевых действий. Речь идет об оккупации территорий, на которые мы претендуем. Подробности будут согласованы с германским главным командованием. Они просят быстрого решения и быстрого исполнения»³⁹.

На следующий день, не дожидаясь прибытия Драганова, премьер Филов пригласил германского посланника в Софии Рихтхофена и сообщил ему, что «правительство с готовностью принимает сделанное предложение, которое отвечает и нашим собственным желаниям»⁴⁰.

Великоболгарская клика в Софии уже заранее искала предлога для оправдания предстоявших территориальных захватов. 11 апреля Филов отмечает, что до него дошли слухи о том, что «какой-то комитет в Скопье хочет провозгласить присоединение Македонии к Болгарии». «Я говорил с Поповым, — продолжает Филов, — и мы решили использовать этот случай, а если указанные слухи не верны, то вызвать что-нибудь подобное». Посоветовавшись с министром внутренних дел Габровским и советником царя Севовым, Филов возложил осуществление этого замысла на директора черносотенной газеты «Зора» Данаила Крапчева. Было решено также усилить в печати кампанию за присоединение Македонии, а «македонскую манифестацию», которую первоначально предполагалось организовать у здания германского посольства 20-го, перенести на 13 апреля⁴¹.

Не решаясь открыто объявить войну Югославии из боязни турецкого вмешательства, болгарское правительство 15 апреля все же порвало с ней дипломатические отношения. В качестве основного предлога для разрыва была использована бомбардировка югославской авиацией объектов на болгарской территории⁴².

³⁹ Архив на Министерството на вътрешните работи на Народна Република България. Делото на 1 състав на Народния съд — 1944 г., т. XXV, л. 207. По прибытии в Софию (он приехал лишь 12 апреля, так как из-за непогоды задержался в пути) Драганов уточнил, что о взятии болгарями на себя управления Македонией Риббентроп не говорил, хотя эти слова и стояли в телефонограмме (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, л. 20).

⁴⁰ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, л. 10.

⁴¹ Там же, лл. 16—17. Интересно отметить, что несколько позже болгарское правительство пыталось использовать для своих целей в Македонии известного лидера фашизированной Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и контрреволюционного террориста Ивана Михайлова, нашедшего приют у усташей Павелича в Хорватии. Сам Михайлов в июле 1941 г. заявил болгарскому представителю в Загребе Мечкарову, что лозунги македонских автономистов о самостоятельности Македонии и пр. имели лишь временный конъюнктурный характер. «Главная наша конечная цель, — сказал он, — заключается в том, чтобы присоединить Македонию к Болгарии».

⁴² Отвечая на гитлеровскую агрессию, югославская авиация 6 апреля бомбардировала объекты в районе Софии, Радомира, Кюстендила и на направлении Кюстендил — Крива Паланка (см. «Други светски рат», кн. 1, Београд, 1957, стр. 449). Филов отмечал в своем дневнике (в тот же день), что царь Борис выразил свое удовлетворение тем, что «сербы начали первыми» (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, л. 5). В направленной 15 апреля официальной ноте югославскому посольству в Софии говорилось, что Болгария разрывает дипломатические отношения с Югославией, причем этот акт

Вместе с тем болгарские правители начали серьезно нервничать ввиду задержки санкции со стороны гитлеровцев на вступление болгарских войск в Македонию. «Боюсь, как бы немцы не передумали, — записывает Филов 11 апреля, — и я спрашиваю себя, не лучше ли было бы, если бы, несмотря на опасность со стороны Турции и позицию Попова и генерала (военного министра Даскалова. — Л. В.), мы приняли предложение Браухича о введении наших войск в Македонию еще с самого начала событий»⁴³. 15 апреля Попов телеграфирует только что возвратившемуся в Берлин Драганову: «Вам известен вопрос об оккупации Македонии. Требуемые немцами дивизии для оккупации готовы и имеется договоренность по всем деталям со здешним германским командованием. Ожидается только решение о дате. Добивайтесь ускорения оккупации, тем более что теперь, после предстоящей капитуляции югославской армии, о чем сообщают сегодня, югославское государство фактически перестает существовать, и у турок не будет основания ссылаться на договор о союзе с ним.

Сообщаю лишь для Вашего сведения, что фельдмаршал Лист, как он только что уведомил меня, также телеграфировал в целях ускорения оккупации»⁴⁴. В догонку этой шифрованной телеграмме на следующее утро было отослано добавление: «Постарайтесь одновременно узнать и донести об истинных причинах промедления со вступлением наших войск в Македонию»⁴⁵.

Болгарское правительство было сильно обеспокоено позицией германского посла в Турции фон Папена. Болгарский посланник в Анкаре Киров сообщал 14 апреля, что фон Папен советует болгарам набраться «сдержанности и терпения» и рекомендует Берлину не требовать активного вмешательства Болгарии, чтобы не провоцировать Турцию. 17 апреля, сообщая в Софию о предстоящем отъезде фон Папена для доклада в Берлин, Киров вновь доносил об его мнении относительно того, что Турцию необходимо привлечь мирными средствами и что было бы преждевременно уже в настоящее время ставить вопрос о разрешении македонской и фракийской проблем.

В ответ на эти донесения болгарский министр иностранных дел 17-го же апреля направляет своему представителю в Анкаре телеграмму следующего содержания: «Постарайтесь встретиться с фон Папеном перед его отъездом и внушить ему, чтобы он хотя бы не мешал оккупации Македонии нашими войсками, так как ясно, что после разгрома югославской армии и оккупации Югославии немецкими и итальянскими войсками Югославия фактически перестает существовать, и у Турции не будет никакого предлога считать, что ее обязательства союзника еще в силе. Обратите внимание на то, что задержка с оккупацией начинает вызывать у нас нервозность»⁴⁶.

Однако тем временем в болгарское Министерство иностранных дел уже посыпались «успокоительные» телеграммы: из Анкары о том, что в результате германских побед там начинает господствовать мнение, что Турция должна держаться в стороне от войны, если на нее не будет совершено прямое нападение; из Берлина — о разрешении на вступление

мотивировался нападением югославских частей на болгарские пограничные посты, бомбардировками болгарских городов югославскими самолетами и поддержкой членами югославского посольства подрывных элементов в Болгарии (ЦДИА, ф. 176. оп. 8, д. 1013, л. 2; «Международное право», год. 1, кн. 3—4, София, 1941, стр. 97).

⁴³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, лл. 17—18.

⁴⁴ «Архив на Министерството на вътрешните работи на Народна Република България. Делото на I състав на Народния съд—1944 г.» (далее—АМВР НРБ, I), т. XXV, л. 208.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л. 210.

болгарских войск в Югославию (на западе до линии Пирот — Враня — Скопье и на юге до реки Вардар) и греческую Фракию (на западе до реки Струма и на востоке до демаркационной линии Свиленград — Дедеагач; в полосу восточнее этой линии, вплоть до турецкой границы, болгарские войска не допускались, «чтобы не раздражать турок»)⁴⁷.

19 апреля правительственные газеты и радио передали сообщение о том, что болгарские войска уже перешли границу и приступили к оккупации указанных территорий⁴⁸. Неделю спустя Драганов сообщил, что отдано распоряжение об оккупации болгарскими войсками территории уже западнее реки Вардар (до линии Битола — Брод — Тетово — Качаник, за которой уже находились итальянские войска), но что это распоряжение не предпринимает вопроса о размерах присоединяемой к Болгарии территории, по которому предстоят особые переговоры.

Теперь центр тяжести переносился уже в плоскость конкретного дела оккупированной территории. По этому вопросу завязался новый клубок противоречий среди участников дележа.

Софийская правящая клика не успела еще прийти в себя после опровержения донесшихся до нее слухов о том, что фон Папен предложил туркам Дедеагач и даже часть старой болгарской территории в районе Адрианополя при условии заключения турецко-германского договора о ненападении⁴⁹, как развернулась упорная борьба за Македонию. Основным конкурентом болгарской буржуазии здесь выступил итальянский империализм, который выдвинул притязания на ряд македонских районов⁵⁰. Скоро между Болгарией и Италией разгорелся спор из-за районов Тетова, Гостивара, Кичева, Дебара и Струги, которые итальянцы вскоре поспешили присоединить к Албании⁵¹.

⁴⁷ 18 апреля Филон, получив из Берлина сообщение о том, что там дано разрешение на отправку болгарских войск, воскликнул: «Славу богу, а то в последнее время мы очень беспокоились в связи с постоянным откладыванием этого дела. Мы решили приступить к заятию (указанных территорий. — Л. В.) уже с завтрашнего дня и при этом направить в Скопье скорую часть вместе с архимандритом Стефаном, чтобы успеть на пашу отслужить молебен на болгарском языке» (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, л. 32).

⁴⁸ 21 апреля штаб болгарской группы армий передал следующее сообщение: 5-я армия оккупирует первой мобильной дивизией Пирот и долину Моравы, 6-й и 7-й пехотными дивизиями — Македонию. Первый этап — до Скопье, второй этап — до Охрида. 2-я армия 10-й и 11-й дивизиями оккупирует Фракию от Струмы до Дедеагача; 5-я дивизия — угол между Марицей и Ардой, до линии Кадж Кьой — село Стари Хадир.

Приводя это сообщение, генерал Лукаш так характеризует настроение господствующих кругов: «Аппетиты возросли... Всем хочется более широких границ для Болгарии. Как люди забываются! Снова начинаем становиться максималистами, выходить за рамки реальности» (ВИА, ф. 787, оп. 1, д. 1, л. 29).

⁴⁹ 23 мая болгарский посланник в Ашкаре Киров сообщал, что немцы «почти обещали» Турции территорию в районе Адрианополя с железнодорожной линией Свиленград — Узункьпрю. Позже выяснилось, что 25 апреля между Турцией и Германией было заключено предварительное соглашение (18 июня оно получило окончательную форму в виде технического протокола) об использовании этой железнодорожной линии, проходящей частично по оккупированной Болгарией территории. Болгарское правительство согласилось с этим после долгих споров, лишь примерно через год, когда был подписан соответствующий турецко-болгарский протокол.

⁵⁰ Встревоженный этим обстоятельством, министр иностранных дел Попов 19 апреля поставил болгарского посланника в Риме: «Попытайтесь негласно узнать, имеют ли итальянцы претензии в отношении западных пограничных македонских областей и насколько далеко идут эти претензии. Вы должны знать, что мы настаиваем на присоединении всей сербской Македонии и особенно Охрида» (АМВР — НРБ, II, т. XLII).

⁵¹ Первоначально итальянцы претендовали на еще больший район с включением в него Битоли и ряда других населенных пунктов (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, л. 46).

В надежде выторговать у Гитлера как можно больше, царь Борис 19 апреля срочно вылетел в его ставку в Винер Нейштадт, где в присутствии фон Папена и Риббентрона были обсуждены территориальные претензии Болгарии. Итоги этого визита Филев резюмировал следующим образом: по вопросу о предоставлении Болгарии Салоник и греческой Македонии Германия не может взять на себя никаких обязательств; Гитлер подтвердил, что предпринимаются усилия привлечь Турцию путем уступок территории в районе восточнее линии Свиленград — Дедеагач; Болгарии будет предоставлена югославская Македония до горы Шар, а также Качаник, Враня и Пирот ⁵².

Но Муссолини также поспешил направить к Гитлеру своего эмиссара. На следующий день после возвращения царя Бориса в Софию в Вену прибыл итальянский министр иностранных дел Чиано, который имел ряд бесед с Риббентропом. В ходе этих разговоров Чиано предъявил претензии Италии на включенные в передаваемую Болгарии зону районы Дебара, Гостивара, Тетова и другие, которые, как он заявил, населены албанцами и необходимы Албании для создания «сильной в стратегическом отношении территории» ⁵³. Гитлеровцы согласились с передачей Италии этих районов и зоны Косова, но настояли на передаче Болгарии района Люботен и Сербии — района Митровицы, так как там имелись рудники, являвшиеся «немецкой собственностью» ⁵⁴.

Вскоре заявили о своих претензиях и румынские правители, у которых тоже разгорелись аппетиты. 21 мая болгарский посланник в Бухаресте сообщал своему правительству: «Германский полномочный министр... подтвердил, что в связи с распадом Югославии румынское правительство представило германскому правительству различные предложения, включающие, наряду с требованиями присоединения югославского Баната, установление condominiuma в Македонии, урегулирование трансильванского вопроса и возвращение Южной Добруджи. Последнее требование мотивируется тем, что у Румынии нет достаточного морского берега, в то время как Болгария увеличивает свою территорию». При этом посланник доносил, что немцы не стали бы возражать, если бы Болгария добровольно уступила румынам часть черноморского побережья ⁵⁵.

Эти споры на протяжении почти всего периода войны использовались гитлеровцами для еще большего подчинения своих сателлитов, и в частности Болгарии. Более того, как только требовалось оказать очередной нажим на болгарское правительство по какому-нибудь вопросу, они пускали в ход угрозу новых территориальных переделов. Так, например, случилось осенью 1942 г., когда немецкими фашистами был поднят вопрос о посылке болгарских войск на советско-германский фронт и о дальнейшем усилении со стороны Болгарии экономической помощи Германии. Атташе по делам печати при болгарском посольстве в Берлине Стефан Попов в докладе от 11 сентября 1942 г. писал, что некоторые пе-

⁵² ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, лл. 39—40.

⁵³ «Les archives secrètes du comte Ciano 1936—1942», Paris, 1948, p. 446.

⁵⁴ Там же, стр. 448. Итало-болгарская грызня вокруг дележа добычи продолжалась и в дальнейшем. В связи с этим 4 июня 1941 г. царь Борис снова встречался с Гитлером в Вене, а также, как писала итальянская газета «Relazioni Internazionali» (26 июля 1941 г.), пытался «подтвердить» своим личным присутствием в Италии итало-болгарские питимые отношения: 12 июня он вел переговоры с Муссолини в Палаццо-Венеция, а также беседовал с итальянским королем в Сан-Росоре.

⁵⁵ Прибывший 27 мая в Софию румынский министр пропаганды Крайник также поднимал в беседе с министром иностранных дел Поповым вопрос о возвращении Румынии города Силистры или части побережья Южной Добруджи (ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, л. 87).

мецкие деятели говорили ему, будто итальянцы считают сложившееся положение на Балканах временным, и что даже вопрос о югославской части Македонии нельзя считать окончательно решенным. Неудивительно, писал он, что немцы говорят об этом для того, чтобы заставить нас еще крепче держаться за них и быть им «послушными». В октябре 1942 г. болгарский офицер связи в Сербии инженер-генерал-майор Стаичев прислал болгарскому генштабу изданную гитлеровцами политическую карту «Дунайского пространства» («Der Donaumaum»), где были отмечены границы государств этого «пространства» на 20 апреля 1942 г. На этой карте захваченные германским рейхом районы Югославии (область Марибор) были отмечены как окончательно присоединенные к Германии, районы Любляна — Сисак — окончательно присоединенные к Италии, границы Хорватского государства и Словении также были указаны как окончательные. В то же время области Македонии и Фракии, присоединенные к Болгарии, фигурировали на карте как временно находящиеся под управлением болгарской администрации («unter bulgarischer Verwaltung»). Границы между Болгарией и Сербией, а также между Болгарией и Грецией были отмечены не как государственные границы, а как демаркационные линии между оккупационными силами ⁵⁶.

При всем том к маю 1941 г. оккупация болгарскими войсками основной части Вардарской Македонии и Западной Фракии была закончена. 14—15 мая болгарские войска заменили немецкие гарнизоны на прибрежных Эгейских островах — Самофраки и Тасосе, которые также были присоединены к Болгарии ⁵⁷. Вновь присоединенные к Болгарии территории в административном отношении были разделены в июле 1941 г. на три области: Беломорскую (Эгейскую) с главным городом Ксанти, Скопленскую с центром в городе Скопле и Битольскую с центром в городе Битола. Районы Пирота, Цариброта, Бабушницы и Босилеграда были присоединены к Софийской области ⁵⁸. Площадь всех указанных территорий составляла 42 466 кв. км, население — 1,9 млн. человек ⁵⁹.

Но о каких территориальных или иных «приобретениях» Болгарии могла идти речь в обстановке господства фашистской Германии? Не случайно в день подписания болгарской правящей кликой договора о присоединении страны к фашистской «оси» вся Болгария была зачислена гитлеровцами в свое «пространство». Немецко-фашистская газета «National-Zeitung» даже точно подсчитала, что после присоединения Болгарии к Тройственному пакту европейская территория держав «оси», не считая непосредственно присоединенных к Германии областей, достигла 1 570 091 кв. км, а ее население — 179 110 тыс. человек ⁶⁰. А газета «Deutsche Nachrichten für Griechenland», которую несколько позже гитлеровские оккупанты стали издавать в Афинах, писала, что граница германского рейха будет начинаться на Эгейском и Средиземном морях

⁵⁶ Der Donaumaum. Масштаб 1:1 500 000, изд. Justus Perthers. Кстати, этот факт не был единичным. Карта северо-западной части Балканского полуострова (масштаб 1:750 000), изданная немцами 1 февраля 1942 г. и предназначавшаяся для служебного пользования, была составлена аналогичным образом. Болгарскому генштабу доносили, что в немецком книжном магазине в Стамбуле примерно тогда же продавалась изданная в Германии в 1942 г. карта мира (масштаб 1 : 40 000 000), на которой Болгария была отмечена в старых границах.

⁵⁷ «Заря», 22.V 1941.

⁵⁸ «Заря», 24.VII 1941 и «Месечни известия на главната дирекция на статистиката», София, 1942, № 7.

⁵⁹ «Статистически годишник на царство България», год XXXIV, София, 1942, стр. 3.

⁶⁰ «National-Zeitung», 4.III 1941.

и закапчиваться у Норвежского моря. «Надо забыть,— продолжал этот гитлеровский листок,— о существовании исторических, этнических, географических и других особенностей балканских народов... Юго-Восточная Европа будет сферой производства сельскохозяйственных продуктов и источником рабочей силы для Германии... В новой Европе именно крестьянин, будь он сербом, греком, болгарин или румыном, должен обрабатывать землю, и его труд должен давать как можно больше ценностей для процветания Центральной Европы»⁶¹.

Истинный смысл авантюристической политики болгарской монархо-фашистской клики вскрыл Георгий Димитров, который в 1943 г. писал: «И вот эту превращенную в гитлеровского вассала и жандарма на Балканах страну ее нынешние правители хотят выдать за Болгарию, „осуществляющую свои национальные идеалы“. Они утешают болгарский народ тем, что Болгария якобы приобрела Фракию и Македонию. Но Болгария, „приобретшая“ Македонию и Фракию, сама потеряла национальную независимость. Немецкие коменданты правят не только Македонией и Фракией, но и распоряжаются в самой Болгарии, как в своей вотчине»⁶².

Уже 23 апреля в Софию прибыл направленный Риббентропом со специальной «политической миссией» гитлеровский дипломат Карл Клодиус, который сразу же был принят царем Борисом. «Он предъявил,— отмечает Филов,— ряд требований экономического характера, главным образом относительно концессий на рудники в землях, которые мы получаем восточнее Шара; требуют от нас льгот в отношении железных дорог в Македонии и покрытия Kreditkassenscheine (германских кредитных билетов, т. е. оккупационных марок.— Л. В.), выпущенных на уступленной нам территории, а также чтобы мы приняли на себя соответствующую часть государственных долгов Югославии к Германии. Мы находим эти требования приемлемыми. По всему видно, что Клодиус лично заинтересован в горнорудных предприятиях»⁶³. На следующий же день по прибытии Клодиуса было подписано секретное соглашение, касавшееся «присоединенных» к Болгарии югославских областей, а 27 апреля действие этого соглашения было распространено и на территорию Западной Фракии. Текст этого строго секретного документа, получившего название «Соглашение Клодиус — Попов» настолько показателен, что заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«1. В оккупированной Болгарией части бывшего Югославского государства Германия может неограниченно продолжать начатую ею эксплуатацию промышленного сырья и прежде всего минералов. Это относится не только к уже предоставленным концессиям, но также и к предприятиям, которые будут развернуты впоследствии. Германия может неограниченно вывозить все полученные немецкими обществами на указанных территориях первичные материалы.

В областях, которые при окончательном урегулировании будут переданы Болгарии, болгарское правительство при предоставлении в дальнейшем новых концессий будет удовлетворять в первую очередь немецкие интересы. Болгарское правительство заявляет, что оно согласно передать в собственность Германии залежи хрома, находящиеся в перешедших к Болгарии областях западнее, севернее и северо-восточнее Скопле *.

⁶¹ Цит. по «История на България», т. II, София, 1955, стр. 764.

⁶² Г. Д и м и т р о в. Сочинения, т. 11, стр. 119.

⁶³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, д. 5, лл. 38—39.

* Важнейшими рудниками, усиленную эксплуатацию которых Германия начала после разгрома Югославии, были молибденовые рудники «Мачкатица» в районе между

2. Результаты реквизиций, произведенных немецкими войсками на территории бывшей Югославии, оккупация которой осуществляется ныне болгарскими войсками, будут удержаны Германией.

Болгария возьмет на себя затраты по строительству германских военных сооружений на оккупируемой теперь болгарскими войсками части бывшей Югославии.

3. Болгария берет на себя также расходы, связанные с пахождением немецких войск на ныне оккупированной болгарскими войсками территории бывшей Югославии, т. е. расходы, которые были оплачены путем эмиссии имперских кредитных билетов. То же самое относится и к расходам, которые могут быть ими произведены на этой территории в будущем. В соответствии с этим Болгарский национальный банк выкупит изданные германскими войсками на этой территории имперские кредитные билеты по клиринговому курсу и возвратит их Главному управлению германской имперской кредитной кассы безвозмездно.

4. Вражеская собственность на оккупированной болгарскими войсками территории остается под немецким управлением. Это не относится к имуществу подданных бывшего Югославского государства.

5. Болгарское правительство соглашается, чтобы используемые в настоящее время в Германии наемные рабочие из оккупированных Болгарией областей бывшей Югославии продолжали и впредь работать в Германии. Оно будет заботиться о том, чтобы и в будущем не чинились препятствия при вербовке таких рабочих для Германии.

6. Болгария гарантирует Германии и германским подданным долю долгов бывшего Югославского государства и Югославского национального банка, приходящуюся на ту часть территории бывшего Югославского государства, которая при окончательном урегулировании достанется Болгарии⁶⁴.

Эти кабальные условия, несовместимые с суверенитетом Болгарии и взваливавшие на ее экономику огромное бремя, были приняты правительством Филова без всяких возражений. У гитлеровцев имелся рычаг, который они пускали в ход при малейшем сопротивлении со стороны их болгарских партнеров. «Если вы не позволите нам эксплуатировать рудники и не будете оказывать содействие путем предоставления рабочей силы и т. п., — заявил Попову Клодиус, — мы отодвинем границу и оставим рудники за собой»⁶⁵. Таким образом, обязательства по соглашению

Сурдулицей и Владички-Хан, свинцовые рудники «Злетово» в окрестностях Скопле и разработка хромитов «Алатина», также в районе Скопле. Наиболее ценной для немцев была «Мачкатица», где находились самые большие в Европе разработки молибденовой руды (они давали ежедневно по 5 тыс. тонн руды). Молибден использовался немцами как составная часть при изготовлении головок бронесобойных снарядов.

В мае 1941 г. болгарское правительство передало в собственность гитлеровской Германии горнорудную концессию «Кирка» в Западной Фракии, а затем и залежи молибденовой руды в районе села Куинкьой (в окрестностях города Ксанты), эксплуатацией которых занялся концерн Крупна (см. «Известия на държавните архиви», София, 1959, № 3, стр. 87).

⁶⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 1п, д. 200, лл. 2—4. Документ подписан всеми министрами — Филовым, Поповым, Божиловым, Кушевым, Гораповым, Митакковым, Габровским и Загоровым, а также Клодиусом. Под дополнением относительно распространения соглашения и на территорию Западной Фракии стоят те же подписи. Текст соглашения Клодиус — Попов см. также: АМВР НРБ, I, т. XXV, л. 279.

⁶⁵ АМВР НРБ, I, т. V, л. 1811. В свете приведенного выше соглашения следует рассматривать и «защиту» гитлеровцами «болгарских интересов» при территориальных спорах с итальянцами. Летом 1941 и даже в 1942 г. Италия вновь выдвигала притязания на оккупацию зоны рудников в районе Скопле. На этой почве даже имели место столкновения между болгарскими и итальянскими воинскими частями. И только вмешательство немцев заставило Муссолини уступить в этом вопросе. Однако Италия не пошла на уступки в отношении районов Гостивара и Кичево, на которые пе

Клодиус — Попов являлись своего рода выкупом, который болгарское государство должно было заплатить гитлеровской Германии за оккупированные области.

Только на финансирование рудников и совершенно безвозмездную отpravку македонской руды в Германию Болгарский национальный банк израсходовал более 109,2 млн. марок, или 3550 млн. левов ⁶⁶. Кроме того, Болгарский национальный банк выкупил и безвозмездно передал германской имперской кредитной кассе оккупационных кредитных билетов на сумму свыше 14,7 млн. марок, или 478 млн. левов ⁶⁷. Если к этому добавить и остальные прямые затраты, связанные с выполнением различных пунктов упомянутого выше соглашения, то окажется, что только непосредственный ущерб для болгарских финансов составил не менее 5 млрд. левов ⁶⁸.

Этот «выкуп» шел за счет болгарских налогоплательщиков, т. е. практически за счет трудящихся масс. Что же касается болгарского крупного капитала, то он имел прямую выгоду от присоединения «новых земель». Болгарская плутократия, и до войны «сотрудничавшая» с немецкими банками и трестами, с самого начала использовала гитлеровскую оккупацию для того, чтобы устранить конкуренцию той части буржуазии, которая была связана с западноевропейским и американским капиталом. С присоединением «новых земель» она нашла новый источник для обогащения. Оккупация Фракии и Македонии открыла для болгарского хищнического и спекулятивного капитала новые возможности наживы как за счет болгарской государственной казны, отпускавшей огромные средства для «освоения» этих земель и выполнения заказов гитлеровцев, так и за счет прямого грабежа и эксплуатации местного населения и ресурсов.

Буржуазные публицисты захлебывались от восторга, расписывая перспективы, которые открывал перед болгарской буржуазией захват Македонии и Фракии. «Фракийские земли — одни из самых богатых и плодородных земель на Балканах, — писала газета „Дума“. — Только табачные плантации в этих богатых и благоденственных землях дают от 25 до 40 млн. кг самого лучшего и дорогого табака. При хорошем урожае можно смело ожидать от продажи табака ежегодно по 6—7 млрд. левов иностранной валюты. Какая экономическая мощь скрывается в этих освобожденных от греческого владычества землях!». В свою очередь газета «Зора» смаковала «блестящие перспективы», которые сулила болгарскому капиталу Македония с ее ценнейшими сельскохозяйственными культурами, богатыми недрами и широким доступом к Эгейскому морю.

переставало претендовать болгарское правительство (ЦДИА, ф. 176, оп. 8, д. 960, л. 119).

⁶⁶ В. Ангелов. Стопанската разруха на България. София, 1945, стр. 41. По поводу финансирования рудников в Македонии бывший управляющий Болгарским национальным банком Кирил Гупев заявил в своих показаниях перед Народным судом в 1944 г.: «Добившись первых успехов, немцы стали страшно агрессивными. Они вели переговоры, а приказывали, третировали нас так, словно мы являлись их слугами вроде тех, каких описывает Достоевский в „Идиоте“. Когда задерживался перевод сумм для шахт в Македонии, они позволяли себе посылать нам обидные телеграммы и требовали, чтобы мы назвали виновных лиц» (АМВР НРБ, X, т. II, л. 9).

⁶⁷ Из этой суммы свыше 14 млн. марок было отнесено за счет болгарской казны и лишь 627 тыс. записано в болгарский пассив по клирингу (см. «Известия на държавните архиви», София, 1959, № 3, стр. 149—150). Постановление болгарского правительства об обмене скопившихся у населения оккупационных марок на болгарские левы было принято 1 августа 1941 г. (см. «Слово», 6.VIII 1941).

⁶⁸ В. Ангелов. Указ. соч., стр. 41.

«Македония, — восклицала в упоении газета, — это драгоценный алмаз в болгарской короне». «Отныне, — вторил этим газетам орган болгарских банкиров „Слово“, — Болгария становится единственным и крупнейшим в мире поставщиком табака. Некто иной, а она будет господствовать на мировых рынках». Та же газета расписывала «плановую колонизацию» земель в долинах Вардара, Струмицы и Марицы, которую надлежит осуществить с привлечением «болгар всего мира», в том числе «из Бессарабии и России», и таким образом «разрешить большой вопрос болгарского жизненного пространства». Что же касается прежнего населения «освобожденных земель», то правительственный официоз «Днес» предлагал с ним не церемониться. «Наступило время не сентиментов, — писал в этой газете бывший социал-демократ Сотир Янев, — а решительного шага к утверждению, который не может быть сделан, если сила сопротивления вчерашних хозяев освобожденных земель не будет сломлена и они не будут обезврежены»⁶⁹.

Таковы были корни «патриотизма» болгарской крупной буржуазии, видевшей в создании «великой и объединенной Болгарии» возможность увеличения своих прибылей и дальнейшего обогащения.

Условия фашистской диктатуры и военная обстановка создавали благоприятную почву и для процветания многочисленных хищников более мелкого пошиба — всякого рода спекулянтов, взяточников, комиссионеров, чиновников, ведавших наделением земель переселенцев, комиссаров по снабжению, мануфактуристов и т. п. — ринувшихся во вновь присоединенные районы в поисках удачи. Для иллюстрации приведем несколько типичных примеров деятельности таких хищников из района Свети-Врача (ныне Сандански), орудовавших во вновь присоединенной Западной Фракии.

Братья Яне, Крум, Васил и Стефан Андреевы до войны были корчмарями. В 1941 г., используя свои связи с немецкими оккупантами и местными налоговыми властями, они развернули лихорадочную спекулятивную деятельность: на грузовиках, а иногда и целыми железнодорожными составами вывозили из Пиринской Македонии в Эгейскую Фракию и Софию спиртные напитки, мыло, сахар и другие бакалейные товары и продавали их по спекулятивным ценам. Благодаря этому им удалось приобрести движимого и недвижимого имущества на многие десятки миллионов левов.

Подобными же махинациями занимались и лавочники братья Георгий и Кирилл Ангеловы, которым была подчинена целая свора агентов-контрабандистов. Они, в частности, скупили у немецких оккупантов в Западной Фракии около 50 км 9-миллиметровой медной проволоки (очевидно, трофейной), которую нелегально перевезли на грузовиках и продали по спекулятивным ценам. Приобретенную таким же путем кожу они

⁶⁹ «Работническо дело», № 9, май 1941 г. Газета «La parole bulgare» от 16.VIII 1941 приводила следующие данные о производстве наиболее высококачественных ориентальских табаков в Греции, Турции и Болгарии, дававших вместе свыше половины европейского производства (в %):

	1937—1940 гг.	После присоединения к Болгарии Западной Фракии
Греция	40,00	12,00
Турция	33,33	33,33
Болгария	26,67	54,66

Газета «Зора» 2 августа 1941 г. приводила аналогичное сравнение в отношении производства хлопка и приходила к выводу, что после происшедших территориальных изменений Болгария стала крупнейшим в Европе производителем хлопка.

перевозили на военных машинах. К концу войны их капитал составлял уже 30—40 млн. левов.

Торговец зерном и кожевенным сырьем Кристо Янкулов, и ранее занимавшийся спекулятивными махинациями, в 1941 г. развернул «торговлю» на юге. В частности, он закупил в Сересе и Демир-Хасаре 400 тыс. кусков кожи и 200 тыс. мешков по цене 25 левов за штуку и продал их в Софии по 200 левов. После этого он занялся торговлей табаком. Начав с капиталом в несколько сот тысяч левов, он нажил к концу войны около 100 млн.

Лавочника из села Катунци Тодора Попова тоже потянуло на юг. В 1941 г. он открывает филиал своего магазина в Демир-Хисаре, куда перевозит бакалейные товары контрабандным путем. К концу войны его состояние оценивалось в 50 млн. левов ⁷⁰.

Совершенно очевидно, что эти и подобные им представители спекулятивного капитала извлекали прямую выгоду из прогитлеровского курса правящей клики и были кровно заинтересованы в проведении ее авантюристической политики на Балканах. Такую же выгоду от «присоединения» Западной Фракии и Македонии извлекали всякого рода продажные политики и журналисты, гражданские и военные служаки, получившие «теплые местечки» в «новых землях», пошедшие по пути предательства подлинные национальных интересов страны.

Вопреки поднятой правящими кругами Болгарии шумной демagogической кампании по поводу «освобождения» и присоединения Македонии и Фракии к «матери-родине», болгарские войска и администрация явились туда не как освободители, а как оккупанты. Правда, часть населения Вардарской Македонии на первых порах встретила их тепло и доброжелательно, видя в них представителей близкого народа, с которым это население было связано общностью культуры и традициями исторического прошлого, и питало какие-то иллюзии насчет освобождения не только от реакционного режима белградской великосербской клики, но и от еще более чуждых и жестоких гитлеровских оккупантов. У многих в Болгарии имелись родственники, с которыми они надеялись получить теперь возможность близкого общения. Однако очень скоро стало ясно, что болгарская монархо-фашистская администрация несколько не лучше прежней, а болгарские оккупанты лишь охраняют интересы фашистской Германии, выполняя роль подручных гитлеровцев по ограблению трудящихся масс.

В Западной Фракии, где к моменту болгарской оккупации большинство населения состояло из греков и турок ⁷¹, отношение к нему со стороны оккупационных властей было далеко не лучшим. Вот что писал сам директор болгарской полиции в докладе «об общественном и политическом положении в Беломорской (Эгейской) области в 1941 г.»: «И здесь, как и в Битольской и Скопленской областях, военное положение осуществляется различными чинами по-разному, почти всегда своевольно, в соответствии с личными взглядами и вопреки здравому смыслу. Действия военных, особенно более младших начальников, таковы, что компрометируют в глазах местного населения всю болгарскую власть. Конфискации производятся не в рамках закона, а произвольно, причем очень часто они принимают форму грабежа. И здесь военные во многих местах превратили

⁷⁰ ОДА — Благоевград, ф. 108, оп. 1, д. 4, лл. 49—51.

⁷¹ По данным дирекции болгарской полиции — 90%. По этим же данным, за время греческого господства среди городского населения области болгарский элемент был сведен почти к нулю — до 100—200—300 человек на город (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, д. 861, л. 35).

административные власти в простых исполнителей незаконных требований и распоряжений. Они отняли у этих властей все присущие им функции и исполняют их сами, без необходимого понимания, познаний и чувства ответственности. Забирают мебель, домашний скраб — все, что попадает им на глаза, без нужды и меры, переносят это на склады, в казарменные дворы, отчего все приходит в негодность. Забирают даже продукты, имеющиеся в небольших количествах — фасоль, сахар и т. п. по — 2, 3, 5 кг...». Далее в докладе говорится, что военные власти заставляют большое число людей из местного населения принудительно работать на постройке мостов и дорог, причем не только не платят им за работу, но даже не кормят. Положение этих несчастных должно было действительно быть плачевным, чтобы даже начальник полиции воскликнул: «Стыдно в сегодняшнем болгарском государстве применять методы, которые использовались лишь в колониях или во времена турецкого ига!». Но этого прислужника монархо-фашистской власти больше беспокоила другая сторона дела. В этой обстановке, писал он, «армия разлагается. Она теряет свою моральную стойкость и свои прежние здоровые традиции, и если в один прекрасный день ей снова придется взяться за оружие для защиты границ, то окажется, что она во многом уже утратила свою ценность». Описывая наступивший в указанных областях хозяйственный упадок, безработицу и нищету трудящихся масс, а также грабительские махинации немецких и болгарских оккупантов, автор доклада отмечает также следующее: произвол оккупационных властей приводит к такому росту недовольства, что после ухода германских войск неминуемо возникает опасность «эксцессов» со стороны населения⁷². Действительно, почти с самого начала во вновь оккупированных областях стало назревать, а затем все более открыто проявляться движение народного сопротивления против бесчинств немецких и болгарских оккупантов, против режима бесправия и террора.

В тяжелый период, когда страну захлестнула мутная волна буржуазного национализма и шовинизма, единственной политической силой, занявшей подлинно интернационалистскую позицию и выступившей против захватнической, великоболгарской политики буржуазии, была Болгарская рабочая партия. Еще накануне нападения гитлеровской Германии на Югославию и Грецию Центральные комитеты Коммунистической партии Югославии и Болгарской рабочей партии договорились выступить с совместным обращением к трудящимся массам Югославии и Болгарии с тем, чтобы продемонстрировать братскую солидарность трудящихся балканских народов и их сплоченность в общей борьбе против империалистической войны, за мир, свободу и независимость. Начало военных действий на Балканах помешало своевременному опубликованию

⁷² ЦДИА. ф. 370, оп. 1, д. 861, лл. 35—44. «Эксцессы», которых опасался начальник болгарской полиции, вскоре заставили правительство наряду с усилением военно-карательных мер принять специальное решение о расширении прав директоров трех новых областей. В связи с этим газета «Мир» 21 января 1942 г. писала, что эти директора «превращаются в своего рода губернаторов, напоминающих немецких гаулейтеров». А вот что писал своему брату 30 сентября 1941 г., т. е. всего несколько месяцев спустя после начала оккупации, один из солдат болгарских оккупационных войск в Кавалле: «...Здесь положение стало невыносимым... идешь по улицам и слышишь за спиной только ругательства и проклятия. А наши грабят без меры и угнетают. Гибнут невинные люди, а в прессе каждый день пишут, что здесь положение цветущее, розовое, похожее на рай. Однако никто из этих господ не осмеливается приехать, посмотреть, каково действительное положение... Здесь, брат, все навязано человеку и встречается с большой враждебностью. Пусть наши правители знают, что все, захваченное ими, дорого им обойдется... Пусть нас обманывают „великой“, по ограбленной Болгарией. Терпению приходит конец» (там же, оп. 2, д. 877).

этой декларации. Она была обнародована несколько позже, в июньском номере газеты «Работническо дело». В декларации указывалось, что империалисты обеих воюющих группировок всеми способами пытаются втянуть балканские народы в империалистическую войну. В ней подчеркивалось также, что как английские, так и германо-итальянские империалисты продолжают использовать для своих целей существующие территориальные и другие споры между балканскими государствами и особенно македонский вопрос, чтобы в своих интересах ослаблять и патравливать их одно против другого и вызывать междоусобицы между ними. «Трудовой народ Югославии и Болгарии, так же как и трудящиеся массы и прогрессивные силы других балканских стран, — говорилось в совместной декларации, — являются решительными противниками всякого национального подчинения македонского и других угнетенных народов и национальных меньшинств на Балканах. Они признают право, стремления и борьбу македонского и других угнетенных народов за равноправие и свободу. В своей борьбе эти народы всегда найдут безусловную помощь трудящихся Югославии и Болгарии. Однако мы предупреждаем балканские народы, в том числе и македонский народ, чтобы они были, особенно в нынешних условиях, крайне бдительны и не допускали, чтобы империалисты использовали их справедливую борьбу как орудие для своих целей в империалистической войне». В качестве единственного спасительного выхода при создавшейся на Балканах обстановке декларация выдвигала «немедленный и решительный отказ от политики военного союза Болгарии и Югославии с любым из двух воюющих империалистических блоков и переход этих балканских государств на позиции союза с СССР — единственной могучей нейтральной великой державы, наглядно показавшей, что только она действительно и последовательно борется за мир и за локализацию пожара империалистической войны»⁷³.

Эту подлинно интернационалистическую линию, проникнутую заботой об укреплении братства и дружбы между балканскими народами Болгарская рабочая партия продолжала неуклонно проводить и после оккупации болгарскими монархо-фашистскими войсками Вардарской Македонии и Западной Фракии. Указывая, что болгарская буржуазия, перед которой открылись новые возможности для наживы, усиливает террор против сознательного авангарда рабочего класса и борющихся против войны и ее последствий народных масс, орган БРП газета «Работническо дело» писала в мае 1941 г.: «В этом смысле для нас, для нашей борьбы при новом положении на Балканах возникают известные дополнительные трудности, которые мы должны преодолеть. ... Мы будем продолжать всеми средствами разъяснять массам империалистический характер и грабительские цели войны, разоблачать истинный смысл сказок о „новом порядке“ и „социализме“ немецких империалистов. Мы будем раскрывать перед массами картину подлинного социализма, социализма в СССР, который несовместим с империалистическими разорительными войнами, с порабощением и эксплуатацией трудящихся, малых и колониальных народов. Мы будем разъяснять массам тяжелое положение, в которое попали балканские народы; вместе с версальской системой как будто должны были исчезнуть национальные несправедливости, но вместо этого Балканы подверглись новому ограблению и разделу... Мы будем рассказывать массам о страданиях и кровавой цене, которую платят за свое „освобождение“ наши македонские братья, и о страшных бедствиях

⁷³ «Работническо дело», № 11, июнь 1941 г.

постигших угнетенные народы и национальные меньшинства во Фракии и Македонии, Поморавьи (Поморавье — районы Пирота, Сурдулицы, Вране и Лесковаца — без города, — расположенные восточнее реки Ю. Моравы, которые были присоединены к Болгарии. — Л. В.). Мы будем разоблачать политику наших болгарских империалистов, которые отдали страну в распоряжение иностранных империалистов, а сами стали их слугами и навязали Болгарии позорную роль жандарма на Балканах для защиты интересов германо-итальянских империалистов.

Таким образом, проводя широкую разъяснительную работу среди масс, защитим их от шовинистического яда, которым буржуазия заливает сегодня всю страну, и создадим условия для усиления борьбы за мир, против войны, в защиту масс от голода, нищеты, бесправия, которые будут расти по мере продолжения войны»⁷⁴.

Болгарская рабочая партия неустанно разъясняла народу, что в результате нового империалистического раздела Балкан Болгария не только не может что-либо выиграть, но и потеряет свою свободу и независимость; что пропагандируемая великоболгарскими шовинистами многонациональная «Великая Болгария», созданная в результате насилия и против воли включенных в нее народов, угнетающая их, является лишь игрушкой в руках германского империализма и находится в полной зависимости от него. Болгарские коммунисты разъясняли, что ослабленную внутренне и окруженную ненавистью Болгарию, оплот реакции и угнетения в Юго-Восточной Европе, ожидает не лучшая судьба, чем та, которая постигла созданные версальской системой многонациональные государства. Они разъясняли, что трудящиеся массы Болгарии видят свое национальное объединение и свое счастливое будущее не в порабощении и захвате чужих земель, а в братском сотрудничестве со всеми балканскими народами на основе равноправия и права народов на самоопределение. «По моему глубокому убеждению, — говорил в этот период один из выдающихся руководителей БРП Васил Коларов, — без полного примирения между болгарам, сербам, грекам и албанцами и без братского сотрудничества всех балканских народов, как свободных, независимых и равноправных наций, на Балканах не будет прочного мира и порядка»⁷⁵.

Когда после разгрома королевской Югославии немецкие фашисты стали перегонять через Болгарию и Румынию целые эшелоны югославских пленных и отправлять их на каторжные работы в Германию, болгарские коммунисты энергично подняли голос в их защиту. «Мы считаем долгом международной пролетарской солидарности перед братьями по классу — сербскими рабочими, крестьянами и трудящимися, попавшими теперь в когти безжалостных империалистов, — писал орган БРП, — поднять голос протеста против варварского обращения, которому они подвергаются. Мы призываем болгарский трудовой народ не верить всевозможным басням о насилиях сербов, распространяемым империалистами, чтобы оправдать свое бесчеловечное отношение к пленным и возбуждать шовинистическую ненависть к ним и озлобление. Мы призываем болгарских рабочих, крестьян, всех трудящихся не забывать своего братского долга перед сербскими пленными и использовать всякую возможность и всякий удобный случай, чтобы оказывать им материальную и моральную поддержку. В то же время мы призываем их выразить свое возмущение и протест болгарскому правительству, которое, являясь фактически соучастником безобразий и насилий над сербскими пленными, лишь

⁷⁴ «Работническо дело», № 9, май 1941 г.

⁷⁵ В. К о л а р о в. Избранные произведения, т. III, София, 1955, стр. 76.

углубляет пропасть, вырытую правящими буржуазными кликами между двумя братскими соседними народами в угоду империалистам, и наносит огромный вред болгарскому и сербскому народам»⁷⁶.

Подлинно интернационалистская позиция, занятая в этот тяжелый период болгарскими коммунистами, их смелая и решительная борьба против великоболгарского курса правящей софийской клики, поддержка движения соседних народов против их национального угнетения, самоотверженная работа по организации отпора гитлеровским оккупантам имели огромное принципиальное политическое и практическое значение. В борьбе балканских народов за освобождение от немецко-фашистского ига, за восстановление национальной независимости и обеспечение подлинно демократического развития, которая уже начала разворачиваться, достойное место заняли и болгарские патриоты, возглавленные Рабочей партией. Вскоре, после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, это движение вступило в новый этап — всенародной организованной, вооруженной национально-освободительной борьбы.

⁷⁶ «Работническо дело», № 9, май 1941 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Корольюк.</i> Академик М. Н. Тихомиров как историк-славист	3
<i>А. А. Зимин.</i> Древняя Русь в трудах академика М. Н. Тихомирова	10
<i>В. Д. Корольюк.</i> Русь и Польша в первые 15 лет XI века	24
<i>Е. П. Наумов.</i> Из истории русско-сербских средневековых связей. (Второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого)	37
<i>Г. Д. Бурдей.</i> Молодинская битва 1572 года	48
<i>В. И. Фрейдзон.</i> К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-х — начале 70-х годов XIX века (кризис и ликвидация военной системы)	80
<i>В. Н. Кондратьева.</i> К событиям в Градишке в 1873 году	116
<i>Н. И. Хитрова.</i> К вопросу об экономическом развитии Черногории в конце XIX—начале XX века	138
<i>Й. Плавец.</i> «Пражский глагол» (1861—1961) и русская музыка	166
<i>М. Томашевский.</i> Связи песенного творчества Шопена с польской народной бытовой и профессиональной песней	174
<i>И. Ф. Бэлза.</i> Роль Дворжака и его школы в развитии русско-чешских культурных связей	183
<i>И. С. Яжборовская.</i> Февральская революция и польское революционное движение	200
<i>А. Х. Клеванский.</i> К истории чехословацких политических организаций и формирований в России (февраль — октябрь 1917 г.)	226
<i>Л. Б. Валес.</i> Болгария и гитлеровская агрессия на Балканах в 1941 году	270

**Ученые записки Института славяноведения АН СССР,
том XXVI**

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
АН СССР*

Редактор издательства *В. Д. Королюк*
Технический редактор *И. Н. Дорохина*

РИСО АН СССР № 93—20 р. Сдано в набор 2/XII 1962 г.

Подписано к печати 15/II 1963 г.

Формат 70×108¹/₄. Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 25,3.

Уч.-издат. л. 26,0. Тираж 1300 экз. Т-00782. Изд. № 1264

Тип. зак. № 1439.

Цена 1 р. 71 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-90, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
1	5 св.	межславянских	межславянских историче- ских
90	7 св.	Петрине насчитывалось 3,8 тыс.	Баге насчитывалось 712
90	8 св.	домов	человек
90	11 св.	жилых домов	жителей
92	2 св.	Карлобаге	Карлобаге
92	7 св.	проявилась	появилась
93	23 св.	1857 г.	1807 г.
152	8 св.	в Скадре	в Скадаре
159	2 св.	стр. 8	ст. 8
172	9 св.	Фредерики	Фридерика
179	1 св.	sięzy	się łyzy
242	2 св.	совета в ноябре	совета, высказанными в ноябре
Статью М. Томашевского «Связи песенного творчества Шопена с польской песней» перевела с польского И. И. Свирида			

Из истории межславянских культурных связей. Ученые записки Институт

